ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА

ISSN 1680-1709 (print)
ISSN 2713-0630 (online)

ВЕСТНИК

ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И.Я. ЯКОВЛЕВА

ВЕСТНИК

ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА

ISSN 1680-1709 (print)

ISSN 2713-0630 (online)

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА

Научный журнал

№ 1(130)
январь – апрель 2026 г.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»

Издается с ноября 1997 г.

Периодичность выхода – 4 номера в год

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-58093 от 20.05.2014)

Включен в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 39898

Адрес издателя:
428000, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 38

Адрес редакции:
428000, г. Чебоксары, Президентский бульвар, 19А

Тел.: (8352) 22-28-71, доб. 1182

E-mail: redak_vestnik@chgpu.edu.ru
www: http://vestnik.chgpu.edu.ru

© Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2026

Главный редактор *В. Н. Иванов,* д-р пед. наук, профессор

Ответственный редактор *Л. Н. Улюкова*

Редакционная коллегия:

редакционный совет:

Адягаши К., д-р филол. наук, профессор (г. Дебрецен, Венгрия);
Автухович Т. Е., д-р филол. наук, профессор (г. Гродно, Беларусь);
Байрам Б., д-р филол. наук, доцент (г. Кыркларэли, Турция);
Болбас В. С., д-р пед. наук, профессор (г. Мозырь, Беларусь);
Дыбо А. В., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Катермина В. В., д-р филол. наук, профессор (г. Краснодар);
Кожанов И. В., д-р пед. наук, доцент (г. Чебоксары);
Кусаль К. Ч., д-р филол. наук, профессор (г. Лодзь, Польша);
Луутонен Й., PhD, адъюнкт-профессор (г. Турку, Финляндия);
Мотова Г. Н., д-р пед. наук, доцент (г. Йошкар-Ола);
Мухтарова Ш. М., д-р пед. наук, доцент (г. Караганда, Казахстан);
Сааринен С., PhD, профессор (г. Турку, Финляндия);
Тер-Минасова С. Г., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Хрисанова Е. Г., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Шаклеин В. М., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);

члены редакционной коллегии:

Гурьев А. С., PhD, постдокторант (г. Женева, Швейцария);
Драндров Г. Л., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Дурмуш О., д-р филол. наук, доцент (г. Эдирне, Турция);
Жамсаранова Р. Г., д-р филол. наук, доцент (г. Чита);
Закиев М. З., д-р филол. наук, профессор (г. Казань);
Зиновьева Е. И., д-р филол. наук, профессор (г. Санкт-Петербург);
Иванова А. М., д-р филол. наук, доцент (г. Чебоксары);
Кельмаков В. К., д-р филол. наук, профессор (г. Ижевск);
Ломакина О. В., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Масалимова А. Р., д-р пед. наук, доцент (г. Казань);
Мудрак О. А., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Мышкина А. Ф., д-р филол. наук, профессор (г. Чебоксары);
Пьянзин А. И., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Сарбаш Л. Н., д-р филол. наук, профессор (г. Чебоксары);
Старыгина Н. Н., д-р филол. наук, профессор (г. Йошкар-Ола);
Фахрутдинова Г. Ж., д-р пед. наук, профессор (г. Казань);
Янурик С., PhD, старший преподаватель (г. Будапешт, Венгрия).

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В 2026 году исполнилось 75 лет со дня рождения доктора филологических наук, профессора, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации *Людмилы Николаевны Оркиной* (22 февраля 1951 г. – 24 мая 2019 г.). Ученица профессора А. В. Бондарко, Людмила Николаевна продолжила традиции петербургской школы функциональной грамматики в Чувашском государственном педагогическом университете им. И. Я. Яковлева.

Номер журнала, предлагаемый вашему вниманию, посвящен этому значимому событию в истории вуза. Представляемое издание является итогом работы Международной научно-практической конференции «Язык. Личность. Культура», которая проводилась 26–27 февраля 2026 года на факультете истории, филологии, управления и права кафедрой русской и чувашской филологии и культурологии.

В конференции приняли участие исследователи из стран ближнего и дальнего зарубежья: Беларуси (Минск, Гомель, Гродно), Приднестровья (Тирасполь), Узбекистана (Андижан), Казахстана (Астана), Словакии (Братислава), Тайваня (Тайбэй), Туркменистана (Ашхабад), Азербайджана (Баку), Китая (Шэньчжэнь); ученые, преподаватели и студенты из разных городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Абакана, Архангельска, Барнаула, Воронежа, Горловки, Донецка, Йошкар-Олы, Казани, Краснодара, Перми, Петрозаводска, Стерлитамака, Тамбова, Хабаровска, Якутска и др.

В статьях раздела «Филологические науки» рассматриваются языковые явления с позиций функциональной грамматики, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации; приводятся исследования по истории языка, языковой игре, компаративистике, а также освещаются проблемы поэтики художественного текста.

Раздел «Педагогические науки» включает статьи о лингвометодических основах внедрения лексического подхода в преподавание русского языка как иностранного, а также об использовании контекстного подхода при формировании навыков публичного выступления студентов.

Главный редактор В. Н. Иванов

Людмила Николаевна Оркина родилась 22 февраля 1951 г. в с. Усть-Большерецк Камчатской области. Свою трудовую деятельность начала после окончания филологического факультета Полтавского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко (1975) в качестве учителя русского языка и литературы Чижинской средней школы Каменского района Уральской области. С 1976 г. преподавала русский язык и литературу в средней школе № 19 г. Чебоксары.

В 1982 г. поступила в аспирантуру при кафедре русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена (до 1985 г.), в 1996 г. – в докторантуру при кафедре русского языка Московского государственного открытого педагогического университета (до 1999 г.). В 2001 г. получила ученую степень доктора филологических наук, защитив диссертацию на тему «Аспектуально-темпоральная характеристика высказываний с семантикой обусловленности в современном русском языке» (г. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена).

С 1978 по 2016 гг. работала в ЧГПУ им. И. Я. Яковлева в качестве ассистента, старшего преподавателя, доцента, заведующего кафедрой теории языка и культуры речи, профессора кафедры русского языка. Преподавала учебные дисциплины «Общее языкознание», «История лингвистических учений», «Современный русский язык», «Культура речи».

Научные исследования Л. Н. Оркиной были связаны с проблемами функциональной грамматики и когнитологии. Ученица профессора А. В. Бондарко, Людмила Николаевна продолжила традиции петербургской школы функциональной грамматики. Под ее руководством в ЧГПУ им. И. Я. Яковлева была открыта аспирантура по специальности 10.02.01 − русский язык, создана школа научных разработок в области семантики обусловленности. Учениками Л. Н. Оркиной, защитившими кандидатские диссертации, являются Т. Н. Юркина («Аспектуально-темпоральная характеристика высказываний с отношениями мотивации в современном русском языке», 2007 г.), Е. А. Данилова («Характеристика высказываний с семантикой антицели в современном русском языке», 2010 г.), Е. В. Плотникова («Аспектуально-темпоральная характеристика высказываний обобщенно-уступительного типа в современном русском языке», 2012 г.), П. А. Шалимова («Категория временного порядка в русском тексте (в сопоставлении с английским)», 2015 г.), О. А. Димитриева («Глаголы характеризованных способов действия с семантикой “застолье” в русской языковой картине мира», 2016 г.).

На одном из юбилеев Людмилы Николаевны доцент кафедры З. Н. Якушкина поздравила ее следующими словами: «Этапы Вашего жизненного пути отражены в словаре названий жителей нашей страны: камчадалка, полтавчанка, казахстанка, чебоксарка, ленинградка, опять чебоксарка, москвичка и опять-таки чебоксарка. Все эти названия были Вами отмечены как школьница, студентка, комсомолка, учительница, преподавательница, аспирантка, доцент, докторантка, профессор, заведующая кафедрой и просто красавица! То есть Ваши ипостаси можно найти в других словарях, а также в названиях профессий в Кодексе законов о труде, благодаря которому (труду) Вы и добились таких результатов, что Вами гордятся и наш факультет, и наш университет, и члены Вашей семьи».

Деятельность Л. Н. Оркиной способствовала высокой оценке кафедры русского языка Университета Яковлева и внесла неоценимый вклад в развитие отечественной науки. Светлая память о Людмиле Николаевне навсегда останется в наших сердцах!

Кафедра русской и чувашской филологии и культурологии
ЧГПУ им. И. Я. Яковлева

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.111’371 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.001

К. А. Афян, Н. А. Сергиенко

КЛАССИФИКАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ИССЛЕДОВАНИИ ОБРАЗА *СЕВЕРА* В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда научно-технологического развития Югры в рамках научного проекта № 2025-621-08/2025.

Аннотация. В статье проводится классификация лексических единиц, объективирующих образ *Севера* в английском языке. Актуальность работы обусловлена междисциплинарным интересом к Арктическому региону и необходимостью системного описания данного фрагмента языковой картины мира. Научная новизна исследования заключается в том, что проведенный анализ структуры лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) “north” создает фундамент для последующего изучения образа *Севера*. Материалом для исследования послужили данные авторитетных английских толковых словарей: The Cambridge Dictionary, The Collins Dictionary, Oxford Learner’s Dictionaries, Merriam Webster Dictionary, The American Heritage Dictionary of the English Language, The Concise Oxford Dictionary of English Etymology, The Etymological Dictionary of the English Language, The New Shorter Oxford English Dictionary. Методами сплошной выборки и компонентного анализа сформирован и систематизирован корпус лексических единиц. В результате исследования выявлено ядро ЛСГ и произведена ее детальная семантическая классификация на десять групп. Анализ позволил выделить не только значения пространственной ориентации и климата, но и метафорические, социокультурные и политические аспекты семантики. Таким образом, исследование демонстрирует, как географическое понятие эволюционирует в сложный социокультурный образ.

Ключевые слова: *образ, север, лексема, компонентный анализ, сема, лексико-семантическая группа, языковая картина мира*

K. A. Afyan, N. A. Sergienko

CLASSIFICATIONS OF LEXICAL UNITS IN THE STUDY OF THE IMAGE OF THE NORTH IN ENGLISH

Surgut State University, Surgut, Russia

Acknowledgement

The reported study was funded by the Yugra Foundation for Scientific and Technological Development according to the research project № 2025-621-08/2025.

Abstract. This article presents a classification of lexical units verbalizing the image of the North in the English language. The relevance of the study is determined by the interdisciplinary focus on the Arctic region and the need for a systematic description of this fragment of the linguistic worldview. The scientific novelty of the research lies in the fact that the analysis of the structure of the lexico-semantic group "North" creates a foundation for the subsequent study of the image of the North. The research material includes data from six English explanatory dictionaries: the Cambridge Dictionary, the Collins Dictionary, Oxford Learner's Dictionaries, the Merriam Webster Dictionary, the American Heritage Dictionary of the English Language, the Concise Oxford Dictionary of English Etymology, the Etymological Dictionary of the English Language, the New Shorter Oxford English Dictionary. Using the methods of continuous sampling and componential analysis, a corpus of lexical units was formed and systematized. As a result of the study, the core of the lexico-semantic group was identified, and its detailed semantic classification into ten groups was carried out. The analysis made it possible to identify not only the basic meanings of spatial orientation and climate but also metaphorical, socio-cultural, and political aspects of semantics. Thus, the study demonstrates the evolution of a geographical term into a complex socio-cultural image.

Keywords: *image, North, lexeme, componential analysis, seme, lexico-semantic group, linguistic worldview*

Введение. В современной лингвистике важное место занимает системный подход к изучению лексики, направленный на описание парадигматических связей между словами. В частности, представляется весьма актуальным исследование лексико-семантических групп (далее – ЛСГ), поскольку именно они позволяют представить лексику не как простой набор единиц, а как упорядоченную систему. Следует отметить, что изучение ЛСГ является одним из наиболее исследуемых направлений, что обусловлено, прежде всего, их значимостью для выявления как универсального, так и специфичного в том или ином языке. Изучением ЛСГ в лингвистике занимались как отечественные, так и зарубежные ученые, среди которых Ф. П. Филин, Э. В. Кузнецова, А. А. Уфимцева, Л. М. Васильев, А. И. Кузнецова, Г. Ипсен, Л. Вайсгербер и др. Так, Ф. П. Филин определяет ЛСГ как «лексические объединения с однородными, сопоставимыми значениями», являющиеся результатом исторического развития языка и включающие синонимические ряды, антонимические пары, родовидовые и тематические объединения [4, с. 225]. Л. М. Васильев, в свою очередь, полагает, что ЛСГ – это «любой семантический класс лексем, объединенных архисемой и частеречной отнесенностью» [2, с. 105]. Важным для нашего исследования является также определение А. И. Кузнецовой, которое подчеркивает, что в основе ЛСГ лежат категориально-лексические семы: «Основная парадигматическая особенность слов одной ЛСГ заключается в том, что в их значениях имеется единая категориально-лексическая сема. Эта сема составляет семантическую основу группы и в каждом отдельном слове уточняется с помощью дифференциальных сем» [3, с. 43]. Таким образом, в лингвистике сложилось понимание ЛСГ как семантически целостного объединения слов, связанных общим значением.

Настоящая работа посвящена систематизации лексических единиц в рамках изучения образа *Севера* в английском языке. Цель исследования заключается в анализе словарных единиц лексико-семантической группы "north", что позволит системно представить фрагмент языковой картины мира, связанный с восприятием *Севера* в англоязычной лингвокультуре.

Актуальность исследуемой проблемы. Исследовательский интерес к *Северу* носит междисциплинарный характер, затрагивая сферы экономики, экологии, политики и науки, и, как следствие, «арктическая тематика становится востребованным объектом обсуждения во многих научных сферах» [1, с. 114]. Актуальность работы обусловлена спецификой арктической среды, хрупкостью ее экосистем и возрастающим геополитическим значением.

При этом особую важность приобретает лингвистическое исследование образа рассматриваемого региона. Системный лингвистический анализ лексических единиц, вербализующих образ *Севера*, позволяет не только описать языковую картину мира, но и выявить глубинные когнитивные и культурные установки, определяющие восприятие этого уникального региона.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили данные англоязычных лексикографических источников: The American Heritage Dictionary of the English Language [8], Merriam Webster Dictionary [6], Oxford Learner's Dictionaries [7], The Cambridge Dictionary [11], The Collins Dictionary [12], The Concise Oxford Dictionary of English Etymology [5], The Etymological Dictionary of the English Language [9], The New Shorter Oxford English Dictionary [10]. В основу исследования легли метод сплошной выборки для формирования корпуса и компонентный анализ. На первом этапе собран и классифицирован эмпирический материал. На втором этапе полученные данные подверглись компонентному анализу, который позволил системно описать структуру и семантику выделенных языковых единиц.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе работы первостепенным являлось проведение этимологического анализа ключевой лексемы "north". Согласно лексикографическим источникам, ее исходным значением является "lying to the north" [9]. Слово имеет общегерманское происхождение, что подтверждается его родством с нидерландским "noord", немецким "nord" и древнескандинавским "northr" [5]. Также отмечается связь древнеанглийского "norð" с индоевропейской основой "ner-" («левый»). На этом основании делается вывод, что лексема "north" получила название в связи с ее географической ориентацией: север находится слева от наблюдателя, смотрящего на восход солнца.

Не менее важным являлось изучение лексикографических источников и анализ значений лексемы "north". В качестве примера можно привести определение из британского толкового словаря "The Cambridge Dictionary": «1. The direction that goes towards the part of the earth above the equator, opposite to the south, or the part of an area or country that is in this direction; 2. The rich industrial countries of the world, most of which are above the equator; 3. The northern states of the middle and eastern part of the US; 4. In or forming the north part of something» [11]. В дополнение к этим значениям словарь "The Collins Dictionary" предлагает: «1. One of the four cardinal points of the compass; 2. The direction along a meridian towards the North Pole; 3. The direction in which a compass needle points; 4. Situated in, moving towards, or facing the north; 5. The northern area of England, generally regarded as reaching approximately the southern boundaries of Yorkshire and Lancashire» [12]. Согласно определению, которое предлагает британский словарь "Oxford Learner's Dictionaries", лексема "north" означает: «1. The northern part of a country, a region or the world; 2. The north-east states of the US which fought against the South in the American Civil War» [7]. Толковый словарь "The New Shorter Oxford English Dictionary" определяет семантику рассматриваемого слова следующим образом: «The north wind» [10].

В ходе исследования выделено ядро ЛСГ "north" в английском языке, к которому были отнесены лексемы "north", "northern" и "Arctic / arctic". Ключевую роль в структуре ЛСГ играет понятие "north", выступающее как первичное, прямое и базовое наименование. Дериват "northern", образованный от существительного "north", сохраняет прямое значение и выполняет атрибутивную функцию. Лексема "Arctic", в свою очередь, представляет собой наиболее конкретную и предельную реализацию изучаемого понятия. Семантическая связь между единицами проясняется через словарные определения: "north" толкуется как "the direction along a meridian towards the North Pole" [12] или "the northern part of a country, a region or the world" [7]. Это позволяет считать, что слово "Arctic" семантически включено в понятие "north" как его часть.

В результате компонентного анализа семной структуры ядерных единиц выделены семантические признаки, которые стали основой для упорядочения всей группы. В соответствии с этим ЛСГ “north” подразделяется на следующие группы: “the direction opposite to the south”, “one of the four points of the compass”, “located in, coming from and toward the north, or facing the north”, “the northern part of a country”, “climatic conditions”, “regions in the north or around the North Pole”, “related to or happening in the Arctic”, “the developed countries”, “cold in temper or mood”, “related to the north”. Далее подробно рассмотрим каждую из групп и составляющие их лексемы.

1. “The direction opposite to the south”

Первую группу образуют слова с прямым значением («сторона света»), которые, помимо основного наименования “north”, включают в себя лексические единицы, обозначающие базовую пространственную ориентацию: *northward* и *septentrion*. Субстантивированное существительное “northward”, образованное от наречия с указанием на направление, приобретает обозначение самого объекта – северного направления, например: “It is expected to develop stronger winds and track *northward* today” [6]. Лексема “septentrion”, восходящая к латинскому “septentriones” (букв. «семь звезд Большой или Малой Медведицы»), является архаичной и используется редко, преимущественно в поэтической и исторической речи для обозначения *Севера* или северных стран.

2. “Located in, coming from and toward the north, or facing the north”

Следующая группа объединяет лексемы, описывающие положение в северном направлении, движение к нему или ориентацию объектов относительно севера. К этой группе относятся следующие лексические единицы: *northbound, northerly, northernmost, north-facing, northward, northwardly, far-northern, septentrional, polar, up north.* Внутри группы слова условно можно распределить по нескольким категориям, описывающим направление движения, расположение и стилистически маркированную лексику. Так, для описания движения или распространения со значением «движущийся в направлении на север» применимы лексемы: *northbound, northward, northwardly.* В качестве примеров отметим следующие: “nine of the crashes have been *northbound*”; “the boreal forest biome is creeping *northward*” [6]. К словам со значением расположения и ориентации на севере относятся: *northernmost, north-facing, far-northern, northerly, polar*. Каждое из них передает специфический аспект расположения. Например, лексема “northernmost” указывает на предельную, крайнюю точку: “The river freezes over the winter in its *northernmost* parts” [6]. Слово “polar” конкретизирует принадлежность к приполярному региону: “The *polar* vortex is a low pressure system that swirls around the *polar* region” [12]. Наречие “northerly” описывает расположение объекта в северной части: “Some *northerly* parts of Britain, it is almost impossible to source hay for sale” [6]. Прилагательные “north-facing” и “far-northern” уточняют ориентацию объекта и его удаленность в северном направлении. К стилистически маркированной лексике относятся архаизмы и разговорная лексика. Примером архаичного прилагательного является “septentrional”, часто встречающееся в исторических и поэтических текстах: “These new records represent the northeastern known localities for this species and expand the *septentrional* limit of its geographic distribution” [6]. Напротив, идиоматическое выражение “up north” является разговорным и указывает на северный регион как на целую область: “bad weather *up north* might delay flights” [6].

3. “Climatic conditions”

Не менее важным компонентом структуры образа *Севера* является группа лексем, которая описывает его климатические условия. Данная группа слов распадается на две подгруппы, отражающие ключевые аспекты северного климата: “wind” и “characterized by extremely cold weather”.

Первая подгруппа (“wind”) представлена различными номинациями северных ветров, среди которых выделяют – *bora, brickfielder, norther, northerly, boreas, aquilon, mistral*. Наиболее общими наименованиями холодных ветров, дующих с севера, являются “norther” и “northerly”: “It would take just one more hot day with a strong *northerly* wind for the nightmare to begin again” [12]; “In Cherokee County there's a blue *norther* passing through” [12]. Данный список дополняет ряд лексем, подчеркивающих региональные обозначения. Например, “bora” (сильный холодный северный ветер, дующий с гор на восточное побережье Адриатического моря): “Strong *bora* winds that sometimes buffet Trieste with gusts of up to 160 kilometers per hour also help power the Barcolana”; “mistral” (сильный холодный сухой северный ветер с юга Франции): “The *mistral* might blow the teeth out of your mouth”. Особое значение несут мифологические названия ветров. В древнегреческой мифологии Борей – олицетворение северного бурного ветра, и его имя Boreas означает «северный ветер»: “Italian astronomer Galileo Galilei named this phenomenon aurora borealis after the Roman goddess of dawn, Aurora, and the Greek god of the north wind, *Boreas*” [6]. Любопытно, что в древнеримской мифологии древнегреческому Борею соответствовал Аквилон – божество, олицетворяющее эту силу природы. Древние римляне назвали северный ветер аквилоном, отсюда английская лексема “aquilon”.

Вторая подгруппа (“characterized by extremely cold weather”) образует синонимический ряд прилагательных, характеризующих очень холодную погоду: *biting, bitter, freezing, frozen, glacial, frigid, icy, frosty, perishing, gelid*. Приведенные лексемы передают различную интенсивность холода и его восприятие. Например, слова, обозначающие максимальную интенсивность, “freezing” (замерзающий) и “frozen” (замерзший) являются часто употребительными для описания сильного холода: “The room was *freezing*, and the tips of my fingers had wrinkled and gone numb” [6]. Также для описания объективной интенсивности холода употребляют лексемы “gelid” со значением «ледяной, крайне холодный», однако преимущественно в литературных или формальных контекстах: “Togo tirelessly led his pack most of the way, pushing the other dogs to ignore powerful headwinds, deep snow, uphill climbs and *gelid* temperatures” [6]. Прилагательные “bitter” (лютый), “biting” (кусающий), “perishing” (пронизывающий) и “piercing” (пронизывающий) акцентируют не столько температуру, сколько описывают телесное воздействие холода, как в следующих примерах: “…after spending a night in the *bitter cold*” [10], “There seems to be no escape from the *biting cold*” [12]. Любопытно, что лексические единицы “icy” (ледяной), “frosty” (морозный) и “glacial” (ледяной) связывают холод с его видимым проявлением – инеем, льдом и изморозью. Например, “a *frosty* autumn that was a sign of the brutal winter that followed” [6] или “The cold, *icy* weather of the last few days may have played a role in her death…” [6]. Обратим внимание и на лексему “frigid” (очень холодный), которая часто описывает сухой, сковывающий холод, характерный для арктических регионов: “A snowstorm hit the West today, bringing with it *frigid* temperatures” [12].

4. “Regions in the north or around the North Pole”

Существенный интерес представляет группа, которая объединяет лексические единицы, служащие для обозначения обширных географических пространств, расположенных в северных широтах или непосредственно на Северном полюсе. Состав этой группы неоднороден и включает как абстрактные географические и климатические обозначения, так и топонимы: *Far North, frigid zone, The North Pole, High Arctic, Arctic tundra, northern hemisphere, septentrion, Finland, Scandinavia, Lapland, Iceland, Norway, Sweden, Denmark, Russia, Siberia, Canada, Alaska*. Стоит отметить, что в структуре группы представлены абстрактные обозначения, такие как “the North Pole”, “northern hemisphere”, “frigid zone”, “Far North”, “High Arctic” и “Arctic tundra”. Например, лексема “the North Pole” представлена как конкретная географическая точка для определения Севера: “…Burt suggested that

the next archaeological dig she went on had better be at *the North Pole*" [5]. Лексема "frigid zone", напротив, является климатическим термином для обозначения зоны с самыми суровыми температурами вокруг полюсов: "Then there is a thin transition strip of cooler water before a perpetually *frigid zone* takes over and stretches all the way to the lake bottom" [6]. Отдельного внимания заслуживает архаичное обозначение Севера – "septentrion", восприятие которого осмысливалось через звездные ориентиры. Наконец, подчеркнем обширный ряд топонимов: *Finland, Scandinavia, Lapland, Iceland, Norway, Sweden, Denmark, Russia, Siberia, Canada, Alaska*. Отметим, что образ Севера материализуется как в масштабе целых стран, так и в пределах отдельных территорий, для которых характерны суровая природа и климат (*Siberia, Alaska, Lapland*).

5. "One of the four points of the compass"

Группа слов со значением «Одна из четырех сторон света» представляет собой ряд терминов, уточняющих направление севера в навигации и картографии: *cardinal point, true north, magnetic north, grid north, northing*. Эти термины образуют систему – от абстрактного понятия до конкретных технических определений. Наиболее обобщенным понятием является "cardinal point", обозначающее абстрактную идею одной из четырех основных координат на компасе или в системе географических координат. Например: "According to at least one researcher, the Minoans were using stellar navigation to trade with partners via all four *cardinal points* of the compass" [6]. Следующие лексические единицы детализируют образ *Севера*. Так, "true north" указывает на географический Северный полюс: "The geographic North Pole, also called *true north*, is the point at one end of the Earth's axis of rotation" [6]. Направлением на магнитный полюс Земли, куда указывает стрелка компаса, называют "magnetic north": "The magnetic needle on a compass points to *magnetic North*, rather than to the true north pole" [6]. Кроме того, существует картографическое понятие, обозначающее направление на север, параллельное вертикальным линиям координатной сетки на конкретной карте, которое называется "grid north". Наконец, абстрактное существительное "northing", производное от "north", обозначает смещение или координату по направлению на север в системе координат. Таким образом, рассмотренная группа лексем образует структуру, включающую как общее понятие стороны света (*cardinal point*), так и географические и картографические термины (*true, magnetic, grid, northing*).

6. "Related to or happening in the Arctic"

Особая роль принадлежит немногочисленной группе лексем со значением «относящийся или происходящий в Арктике», которая представлена прилагательными *polar* и *circumpolar*. Лексическая елиница "polar" является базовой для обозначения арктической принадлежности и описывает, что непосредственно связано с географическим полюсом, его природой, климатом или явлениями. Например: "The pale wolves of the area are sometimes called white wolves, sometimes *polar* or Arctic wolves" [6]. Лексема "circumpolar", в свою очередь, является более конкретным термином со значением «находящийся или происходящий вокруг полюса»: "Other *circumpolar* regions face infrastructure challenges from the warming earth" [6].

7. "The northern part of a country"

Ключевое место занимает группа слов, объединяющая номинации северных территорий в пределах отдельных стран. Данная группа обладает внутренней структурой и включает как общие понятия, так и конкретные топонимы.

Для обозначения обширных северных областей используют лексемы "northland" и "the north country". Например, "The snowflakes across the *northland* are arriving pretty much on schedule..." [6].

Необходимо отметить, что согласно англоязычным статьям из толковых словарей эта группа слов логично распадается на две подгруппы, описывающие северные штаты США

и северные территории Англии. В частности, подгруппа “The northern states of the US” включает следующие лексемы: *Alaska, Federal, Michigan, Midwest, Minnesota*. Конкретные штаты и географический регион служат маркерами северной территории. В случае с Англией эту функцию выполняют графства и географические объекты, которые объединены в подгруппу “The northern area of England” с лексемами: *Dale, Dalriada, Danelaw, Derbyshire, Dunnet Head, Lerwick, Lewis and Harris, Yorkshire, the Pennines, Highlands*.

8. “The developed countries”

В английской языковой картине мира семантика образа *Севера* выходит за рамки климата и географии, тем самым включая политические и социально-экономические характеристики. Одной из наиболее релевантных групп является “The developed countries”, описывающая развитые страны. Ключевыми лексическими единицами данной группы являются “The Global North” и “The First World”.

Понятие “The First World” («Первый мир») возникло во времена Холодной войны для описания блока НАТО и его союзников, противостоявшего социалистическому лагерю (СССР, Китай и др.), именовавшемуся «Вторым миром». Сегодня термин «Первый мир» обычно обозначает высокоразвитые индустриальные государства, отличающиеся высоким уровнем жизни, в том числе страны Северной Америки и Западной Европы, Японию, Южную Корею, Австралию и Новую Зеландию. Например: “Although South Africa has many of the attributes of *the First World*, it is still not part of that world” [12].

Не менее важной является лексическая единица “The Global North” («Глобальный Север»), которая обозначает экономически развитые страны, в основном расположенные в Северном полушарии. Для них характерен высокий уровень дохода, развитая технологическая инфраструктура и стабильная политическая система. К странам “The Global North” обычно относят, например, США, Канаду, страны Западной Европы, Японию, Южную Корею, Австралию и др. Примечательно включение в его состав таких несеверных географических стран, как Австралия, Новая Зеландия и Израиль, что наглядно доказывает, что «Глобальный Север» – условное название для развитых стран, не зависящее от географии. Отметим, что «Глобальный Север» противопоставляют «Глобальному Югу» (“The Global South”) – менее развитым странам: “Each chapter must have a lead author from both *the global north* and south, to help ensure the report reflects the perspectives of both developed and developing countries” [12].

Таким образом, анализируемая группа лексических единиц играет важную роль в исследовании образа Севера в англоязычной картине мира, поскольку она обладает потенциалом для переноса значения из пространственно-географического в социокультурный. Эти лексемы напрямую связывают Север с развитой экономикой, технологическим прогрессом, политической стабильностью и высоким уровнем жизни, что закрепляет в сознании идею, что «север» – это синоним развитого, прогрессивного и богатого региона.

9. “Cold in temper or mood”

Особого внимания заслуживает группа “Cold in temper or mood”, объединяющая прилагательные, которые показывают, как главная физическая черта *Севера* – холод – превращается в метафору для описания характера, эмоций и отношений между людьми. Эта группа представлена следующими лексемами: *aloof, austere, cold, cold-blooded, cold-eyed, cool, detached, dispassionate, distant, frosty, stoic, reserved, icy*, ключевой из нкоторых является “cold”, имеющая прямую семантику «холодный, обладающий низкой температурой». Эта лексическая единица включает производные значения, описывающие эмоциональную холодность и отсутствие эмпатии. Например, в высказывании “What a *cold*, unfeeling woman she was” характеристика *cold* напрямую относится не к физическому состоянию, а к черте характера личности, подразумевая замкнутость и недружелюбие [6]. Прилагательные “frosty”, “icy” и “cool” также являются примером переноса физических

характеристик *Севера* – холода, льда и низких температур – на качества человека. Выражение холодности и сдержанности представлено в следующем примере: "…his smile was distinctly *frosty*" [6]. Близкими по образности являются прилагательные "cold-blooded", "cold-eyed" и "dispassionate", выражающие беспристрастность и бесчувственность: "...a *cold-blooded* murderer" [12]. Лексемы *distant, detached, aloof* объединены значением удаленности, что также коррелирует с восприятием Севера: "He seemed *aloof* and *detached*" [12]. Стоит отдельно отметить прилагательные "reserved" и "stoic", выражающие сдержанность, стойкость и непоколебимость, метафорически связаны с устойчивостью к суровому северному климату: "They tried to be as *stoic* as their parents in this tragic situation" [12]. Не менее интересным является прилагательное "austere" со значением суровости и строгости, не имеющее прямой отсылки к холоду, но прочно ассоциируемое с северным характером: "I found her a rather *austere*, distant, somewhat cold person" [12]. Следовательно, признак холода формирует в языке систему метафор, репрезентирующую личностные характеристики, такие как эмоциональная сдержанность, рациональная беспристрастность и стойкость.

10. "Related to the north"

Наиболее обширной и структурно сложной группой является "Related to the north", которая отражает связь понятия «север» с его конкретными обитателями и уникальной природной средой. Эта группа делится на четыре взаимосвязанные подгруппы: народы, языки, растения и животные.

В первую очередь следует отметить подгруппу "people", включающую лексемы для обозначения народов Севера: *Hyperborean, Nordic, northerner, Northman, Inuit, Eskimo, Sami, Yupik, Aleut, Yakut, Evenki, Nenets, Khanty, Mansi, Chukchi, Evens, Nganasan, Yukaghir, Komi, Karelian, Veps, Finn, Scandinavian, Inupiat, Athabascan*. Интересно то, что она состоит из общих наименований для жителей севера (*northerner*, *Nordic, Northman, Hyperborean*). К примеру, "I like the openness and directness of *northerners*" [12]. Помимо этого, подгруппа включает обширный пласт конкретных этнонимов, относящихся к коренным народам Арктики и Субарктики (*Inuit, Sami, Yakut, Chukchi* и др.), как в примере: "…Alaska was home to about 100,000 people, including *Inuit*, *Athabascan*, *Yupik*…" [6].

Далее стоит выделить подгруппу "languages", которая преимущественно зеркально отражает список этнонимов: *Aleut, Yupik, Inuit, Eskimo, Yakut, Evenki, Sami, Nenets, Khanty, Mansi, Chukchi, Evens, Nganasan, Yukaghir, Komi, Karelian, Veps, Finnish, Scandinavian, Inupiat, Athabascan*. Например, "And just like the number of words describing snow in *Inuit* and *Yupik*" [6].

Многочисленная подгруппа "plants", указывающая на растительную жизнь северного региона, представлена следующими лексемами: *aconite, agrimony, aquilegia, arctic willow, arnica, ash, baneberry, birch, bladderwort, bog arum, bigbane, corydalis, cowberry, dogwood, false hellebore (helleborine), globeflower, grass of parnassus, hawthorn, hepatica, herb Robert, hogweed, hop, hornbeam, Iceland poppy, Labrador tea, larch, lady's slipper, lady's trasses, lime, marsh marigold, mock orange, moschatel, mudwort, mugwort*. Любопытно, что данный список растений составляют как номинации с прямым указанием на географическую принадлежность (*arctic willow, Iceland poppy*), так и общеупотребительные названия растений, ассоциирующиеся в языковом сознании с северными территориями (*birch, larch, cowberry*).

Равным образом стоит уделить внимание подгруппе "animals", которую составляют следующие лексемы: *arctic fox, arctic hare, arctic tern, auk, auklet, beaver, charr, cisco, cleveland, common gull, common seal, dowitcher, eider, fulmar, goldeneye, great northern diver, green plover, halibut, narwhal*. В структуре подгруппы можно также выделить именования с прямой географической привязкой к северному региону (*arctic fox, arctic hare,*

arctic tern). Также в подгруппу входят названия видов животных, чей ареал обитания находится в северных широтах (*narwhal, halibut, auk*), что делает их уникальными символами животного мира на этих территориях.

Рассмотренная группа лексем “Related to the north” существенно обогащает семантическое наполнение образа *Севера*. Она делится на четыре взаимосвязанные подгруппы: народы, языки, растения и животные, что формирует комплексный образ *Севера* не как абстрактной географической зоны, а как пространство жизни северных народов, а также территория с уникальной флорой, фауной и культурой.

Выводы. Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что ЛСГ “north” в английской языковой картине мира обладает сложной иерархической структурой, в ядро которой входят лексемы “north”, “northern” и “Arctic / arctic”. В результате компонентного анализа выделено 10 ключевых семантических групп, упорядочивающих лексику, связанную с образом *Севера* в английской языковой картине мира. На основе этимологического и лексикографического анализа выявлено, что исходное значение лексемы “north” связано с базовой пространственной ориентацией. Однако в современных словарях его семантика расширилась, включая указание географического направления, части страны или мира. Особое внимание стоит уделить обогащению исходного значения слова метафорическими и культурными смыслами. Так, группа “Cold in temper or mood” наглядно демонстрирует, как физический признак холода трансформировался в устойчивую метафору для описания эмоциональной сдержанности и характера. Группа “The developed countries” свидетельствует о политико-экономическом переосмыслении *Севера*, который становится синонимом развитого мира. Наконец, самая обширная группа “Related to the north” представляет *Север* как целостный мир, включая названия народов, языков, растений и животных. В английской языковой картине мира *Север* воспринимается не как абстрактное направление, а как особая территория с уникальной природой и культурой. Исследование данной ЛСГ позволило, с одной стороны, выстроить классификацию лексем, а с другой – значительно обогатить и детализировать представления о том, как концептуализируется *Север* в английской языковой картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афян К. А., Сергиенко Н. А.* Лексикографический анализ концепта СЕВЕР/the NORTH на материале русского и английского языков // Когнитивные исследования языка. – 2025. – № 1-1(62). – С. 114–117.

2. *Васильев Л. М.* Современная лингвистическая семантика. – М. : Высшая школа, 1990. – 176 с.

3. *Кузнецова А. И.* Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. – Изд-во МГУ, 1963. – 59 с.

4. *Филин Ф. П.* Очерки по теории языкознания. – М. : Бослен, 2008. – 416 с.

5. *Hoad T. F.* The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – 576 p.

6. Merriam Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – URL : https://www.merriam-webster.com/ (дата обращения: 05.01.2026).

7. Oxford Learner’s Dictionaries [Электронный ресурс]. – URL : https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (дата обращения: 05.01.2026).

8. The American Heritage Dictionary of the English Language [Электронный ресурс]. – URL : https://www.ahdictionary.com/ (дата обращения: 05.01.2026).

9. The Etymological Dictionary of the English Language [Электронный ресурс]. – URL : http://www.etymonline.com (дата обращения: 05.01.2026).

10. The New Shorter Oxford English Dictionary on historical. – Oxford : Clarendon Press, 1993. – V. 1-2. – 3752 p.

11. The Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL : https://dictionary.cambridge.org (дата обращения: 05.01.2026).

12. The Collins Dictionary [Электронный ресурс]. – URL : http://www.collinsdictionary.com (дата обращения: 05.01.2026).

Статья поступила в редакцию 13.01.2026

REFERENCES

1. Afyan K. A. Leksikograficheskij analiz koncepta SEVER/the NORTH na materiale russkogo i anglijskogo yazykov / K. A. Afyan, N. A. Sergienko // Kognitivnye issledovaniya yazyka. – 2025. – № 1-1(62). – S. 114-117.Ф
2. Vasil'ev L. M. Sovremennaya lingvisticheskaya semantika / L. M. Vasil'ev. — M.: Vysshaya shkola, 1990. — 176 s.
3. Kuznecova A. I. Ponyatie semanticheskoj sistemy yazyka i metody ee issledovaniya / A. I. Kuznecova. – Izd. MGU, 1963. – 59 s.
4. Filin F. P. Ocherki po teorii yazykoznaniya. – M. : Boslen, 2008. – 416 s.
5. Hoad T. F. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – 576 p.
6. Merriam Webster Dictionary [Elektronnyj resurs]. – URL : https://www.merriam-webster.com/ (data obrascheniya: 05.01.2026).
7. Oxford Learner's Dictionaries [Elektronniy resurs]. – URL : https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (data obrascheniya: 05.01.2026).
8. The American Heritage Dictionary of the English Language [Elektronniy resurs]. – URL : https://www.ahdictionary.com/ (data obrascheniya: 05.01.2026).
9. The Etymological Dictionary of the English Language [Elektronniy resurs]. – URL : http://www.etymonline.com (data obrascheniya: 05.01.2026).
10. The New Shorter Oxford English Dictionary on historical. – Oxford : Clarendon Press, 1993. – V. 1-2. – 3752 p.
11. The Cambridge Dictionary [Elektronniy resurs]. – URL : https://dictionary.cambridge.org (data obrascheniya: 05.01.2026).
12. The Collins Dictionary [Elektronniy resurs]. – URL : http://www.collinsdictionary.com (data obrascheniya: 05.01.2026).

The article was contributed on January 13, 2026

Сведения об авторах

Афян Карина Аркадьевна – аспирант, преподаватель кафедры иностранных языков Сургутского государственного университета, г. Сургут, Россия, https://orcid.org/0009-0007-6113-4378, afyan_ka@surgu.ru

Сергиенко Наталья Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Сургутского государственного университета, г. Сургут, Россия, https://orcid.org/0000-0001-6884-5315, sergienko_na@surgu.ru

Author Information

Afyan, Karina Arkadyevna – Post-graduate Student, Lecturer of the Department of Foreign Languages, Surgut State University, Surgut, Russia, https://orcid.org/0009-0007-6113-4378, afyan_ka@surgu.ru

Sergienko, Natalia Anatolyevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Surgut State University, Surgut, Russia, https://orcid.org/0000-0001-6884-5315, sergienko_na@surgu.ru

УДК 811.512.111'28"20" DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.002

А. Д. Ахвандерова, Т. В. Денисова

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДИАЛЕКТОВ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. Настоящая работа посвящена комплексному анализу современного состояния диалектов чувашского языка, критическому пересмотру существующих классификаций. Современные диалекты переживают значительную трансформацию, связанную с постепенным исчезновением из активного употребления традиционной лексики. Этот процесс сложно документировать, поскольку он протекает преимущественно в устной сфере, и многие подобные языковые явления остаются не зафиксированными, а также не отражены в словарях. Эффективное решение вопросов классификации чувашских диалектов возможно лишь при детальном анализе диалектных особенностей, а также при наблюдении над речью носителей разного возраста и социального статуса.

В статье проанализированы и интерпретированы особенности современных говоров чувашского языка, и на основе фонетических, лексико-семантических и грамматических признаков предложена новая группировка диалектов, учитывающая мнения ведущих специалистов и современные процессы в диалектной среде. Для анализа привлечены как фундаментальные, так и современные исследования по чувашской диалектологии, использовался метод внешнего наблюдения за живой разговорной речью носителей различных говоров, их применение позволило получить и зафиксировать языковой материал, отражающий синхронное состояние диалектной системы современного чувашского языка.

Ключевые слова: *диалектология, диалекты чувашского языка, классификация, говоры*

A. D. Akhvanderova, T. V. Denisova

CURRENT STATE OF THE CHUVASH LANGUAGE DIALECTS: CLASSIFICATION ISSUES AND PROSPECTS FOR RESEARCH

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Abstract. This work is devoted to a comprehensive analysis of the current state of the dialects of the Chuvash language, as well as a critical review of existing classifications. Modern dialects are undergoing significant transformation, with the gradual disappearance of traditional vocabulary from active use. This process is difficult to document, as it primarily occurs in the oral sphere, and many such linguistic phenomena remain unrecorded in dictionaries. The classification of the Chuvash dialects can only be effectively made through a detailed analysis of dialectal features and observation of the speech of speakers of different ages and social status.

The article analyzes and interprets the features of modern dialects of the Chuvash language, and based on phonetic, lexical-semantic, and grammatical features, proposes a new classification of dialects that takes into account the opinions of leading experts and current processes in the dialectal environment. The analysis involves both fundamental and contemporary studies on Chuvash dialectology, and the method of external observation of the spoken language of speakers of various dialects is used. This approach allows for the acquisition and recording of linguistic material that reflects the synchronous state of the dialectal system of the modern Chuvash language.

Keywords: *dialectology, dialects of the Chuvash language, classification, dialects*

Введение. Известно, что исследование диалектов и говоров того или иного языка имеет важное теоретическое и практическое значение в деле изучения истории языка, истории народа, а также решения ряда вопросов, касающихся проблем языкознания. Изучение современного состояния диалектов чувашского языка, динамики говоров на разных языковых уровнях, проблемы классификации и перспектив развития диалектных особенностей является одной из важнейших задач современной лингвистики. В настоящее время в диалектах чувашского языка наблюдается формирование устойчивых закономерностей фонетических, лексических и грамматических особенностей, для комплексного анализа которых необходимы дополнительные эмпирические данные, которые могут быть получены посредством прямой фиксации и изучения живой речи носителей языка в условиях естественной коммуникации.

Стоит отметить существование ряда значимых научных трудов, которые внесли существенный вклад в изучение чувашской диалектологии, в частности в решение проблем классификации языка. Фундамент для сбора и систематизации диалектного материала заложили ученые Н. И. Золотницкий и Н. И. Ашмарин. Формирование классической парадигмы, основанной на комплексе фонетических, морфологических и лексических признаков, мы видим в трудах Т. М. Матвеева, В. Г. Егорова. Вопросы классификации чувашского языка отражены в трудах А. С. Канюковой, Л. П. Сергеева, А. В. Дыбо, О. А. Мудрака и др. Проблемы исторической диалектологии освещаются в работах Н. И. Егорова и П. В. Желтова.

Цель настоящего исследования – проанализировать существующие диалектные классификации чувашского языка и на основе новых полевых и лингвогеографических данных предложить усовершенствованную модель диалектного членения, а также определить перспективные направления для их дальнейшего изучения.

Актуальность исследуемой проблемы. Чувашский язык, будучи единственным живым представителем булгарской ветви тюркской языковой семьи, обладает уникальной диалектной картиной, сформированной в результате сложных исторических процессов и длительных контактных взаимодействий. Известно, что в перестройке чувашской диалектной системы особое место занимают вопросы социальной дифференциации языка и классификация чувашских диалектов, изучение которых является срочной мерой по сохранению невосполнимой части культурного кода нации. В современной ситуации диалекты характеризуются стремительной трансформацией, поскольку говоры переживают глубокие изменения, выражающиеся в активном вытеснении из употребления старого пласта лексики под влиянием русского и литературного чувашского языков. Конечно же, зафиксировать этот процесс крайне сложно, поскольку говоры существуют в устной форме и далеко не всегда диалектные особенности оказываются фиксированными в материалах полевых исследований, архивных записях диалектологов, и они не находят отражение в диалектологических источниках. Эффективное решение вопросов классификации чувашских диалектов возможно лишь на основе комплексного подхода, который предполагает детальный анализ фонетических, лексико-семантических и грамматических особенностей современных говоров, а также наблюдения за их функционированием в речи носителей языка, представляющих различные возрастные и социальные группы. В связи с заметной нивелировкой диалектных черт чувашского языка определение границ диалектов и говоров становится все сложнее, поскольку происходящие в языке изменения касаются всей структуры современного чувашского языка. Более того, у лингвистов нет единого мнения ни по поводу количества диалектов и говоров, ни по поводу их названий.

В условиях глобализации, усиления влияния доминирующих языков и активных процессов языкового сдвига диалекты чувашского языка находятся под угрозой нивелирования и исчезновения, особенно среди молодого поколения. Пересмотр существующих классификаций с учетом новых полевых материалов и современных методов анализа

представляет собой актуальную научную проблему. Это важно не только для изучения чувашских диалектов, но и для развития тюркологии и общей лингвистики, т. к. дает возможность исследовать механизмы расхождения и сближения языков в условиях их взаимодействия.

Материал и методы исследования. Методологической основой послужили классические и современные труды в области чувашской диалектологии. В работе применялся комплекс лингвистических методов, таких как: описательный, сравнительно-исторический, а также внешнего (полевого) наблюдения за устной разговорной речью носителей разных говоров. Использование данного методологического аппарата позволило не только систематизировать и проанализировать языковой материал, но и представить его в виде синхронного среза диалектной структуры современного чувашского языка, что обеспечивает репрезентативность и достоверность полученных данных.

Результаты исследования и их обсуждение. Вопросы чувашской диалектологии в последнее время все чаще становятся объектом исследования, так как теоретические и практические задачи чувашского языкознания настойчиво требуют изучения классификации чувашских диалектов и их особенностей с современной точки зрения. Известно, что сведения о делении чувашского языка на группы впервые появились в XVIII в. Тогда чувашскими диалектами заинтересовались зарубежные исследователи [9, с. 5–6], которые высказали свои мнения относительно его членения. По материалам экспедиций 1732–1733 гг. Г. Ф. Миллером было установлено, что чувашский язык близок татарскому языку, распадается на два диалекта. Сходную мысль о двух больших группах чувашей в 1768 г. высказывал А. Л. Шлецер [12]. Ознакомившись с первой печатной грамматикой чувашского языка, ученый становится убежденным сторонником теории тюркского происхождения чувашского языка [12]. Аналогичную же мысль приводит П. С. Паллас [9]. В. И. Лебедев отмечал, что чуваши по своим этническим признакам схожи, имеются лишь языковые особенности [9].

Зарождение чувашской диалектологии как самостоятельной научной дисциплины неразрывно связано с фундаментальными трудами Н. И. Ашмарина. Он заложил методологические и теоретические основы для всех последующих исследований в этой области [13]. Основываясь на обширном фактическом материале, собранном в полевых условиях, ученый разработал теоретические положения, касающиеся системы чувашских диалектов. Одной из центральных проблем того времени, которую стремился решить исследователь, был вопрос о генезисе этих диалектов. Его труд «Материалы для исследования чувашского языка» до сих пор остается не только историческим памятником, но и действующим научным источником для современных исследователей. В своей работе он выделил две основные диалектные группы: вирьял ~ тури (верховой) и анатри (низовой диалект) [3]. Однако Н. И. Ашмарин признавал наличие переходных говоров, что демонстрировало понимание сложности и динамичности диалектной системы чувашского языка.

Попытка решить проблему диалектного членения чувашского языка предпринималась Н. И. Золотницким, который на основе эмпирического описания отмечал наличие в чувашском языке трех диалектов: верхового, среднего и низового [9]. В основе его классификации лежали антропологические и этнографические черты носителей языка. Его модель была ближе к реальной синхронной картине, но не получила глубокого теоретического обоснования в научном мире.

На основе общих очертаний диалектов и говоров чувашского языка, выделенных Г. И. Комиссаровым в его работе «Чуваши Казанского Заволжья» [8], чувашский язык был разделен на три ключевые группы: *вирьял, анатри, анат енчи* (соответственно, на верховую, низовую, среднюю). Несмотря на то что разделение во многом опиралось на этнографические признаки, оно стало значимым вкладом в лингвистическую науку того времени.

Впервые с учетом научных учений классифицировал диалекты Т. М. Матвеев. Лингвист на основе богатого фактического материала, собранного в ходе диалектологических

экспедиций, выделил в чувашском языке три диалекта. Данное обоснование впоследствии было отражено в его работе «Краткий обзор чувашских диалектов (опыт районирования)». Впервые в научной практике ученый, руководствуясь фонетическими, лексико-семантическими и грамматическими особенностями чувашских говоров, классифицировал диалекты на группы: *тури* (верховой), *вăта* (средний) и *анатри* (низовой) [10]. Однако в задачу Т. М. Матвеева не входило в то время давать всесторонний анализ чувашских диалектов; в его работе, как видно и по названию, содержался лишь общий обзор диалектов.

Попытка решения проблемы относительно классификации чувашских диалектов была предпринята В. Г. Егоровым, который лингвогеографическим методом демонстрировал существование в языке двух основных диалектов: *тури, анатри* и нескольких групп говоров. При этом ученый подчеркивал, что между диалектами нет существенных отличий, которые препятствовали бы общению и взаимопониманию носителей разных диалектов [4].

Вопросы классификации чувашских диалектов затрагивались в трудах А. С. Канюковой [7], которая традиционно делила чувашский язык на три группы: верховой, средний (или переходный) и низовой диалект. Однако следует отметить, что в трудах вышеуказанных ученых соблюдалась произвольность выделения диалектных зон, поскольку нередко охватывался лишь центр того или иного диалектного явления, а периферия ареала оставалась вне обозрения [13, с. 341].

Впервые в чувашском языкознании с использованием лингвогеографического подхода чувашские диалекты были систематизированы Л. П. Сергеевым. Ученый по результатам многолетних наблюдений над живой речью носителей языка, опираясь на научные данные, разработал классификацию диалектов и говоров, распределив их по группам с учетом фонетических, лексических и грамматических характеристик: Он предложил следующее: 1) верховой диалект с пятью говорами: моргаушско-ядринский, сундырский, калинино-аликовский, чебоксарский, красночетайский говоры; 2) низовой диалект (в силу отсутствия заметных противоречий указанный диалект не распределен на говоры); 3) смешанный диалект, или зона переходных говоров, который, в свою очередь, делится три группы: урмарский, малоцивильский, цивильско-мариинско-посадский [12].

Исследователь, проведя детальный анализ чувашских диалектов, выявил их общие и специфические черты. Методом лингвистической географии ученый анализировал и интерпретировал разноструктурные карты диалектных особенностей. Результатом длительных исследований Л. П. Сергеева стал его фундаментальный труд «Диалектологический атлас чувашского языка», который не теряет свою актуальность и в настоящее время.

Проблема классификации чувашских диалектов на современном этапе вызывает интерес у многих исследователей. Конечно же, в их развитии и функционировании важную роль играет историческая диалектология, которая, по словам Н. И. Егорова, все еще находится на начальной стадии своего развития и требует детального анализа [5]. Ученый подчеркивает важность углубленного изучения языкового ареала, ранее называемого смешанным или переходным. Он предлагает обозначить его как средний диалект, поскольку особенности, выявленные на этой территории, не относятся ни к низовому диалекту, ни к верховому, а представляют самостоятельную систему. Безусловно, территория, рассматриваемая как переходный диалект, заметно отличается от других диалектов своими ярко выраженными чертами, охватывающими все уровни языка. Впоследствии Н. И. Егоров предлагает называть этот диалект центральным или восточным [5, с. 58]. По нашему мнению, правильнее будет именовать его основным диалектом, т. к. при классификации чувашских диалектов до сих пор деление на группы не связывалось с аспектами мира, поэтому логическое обоснование здесь будет нарушено. Ср.: верховой и низовой диалекты, но не северный и южный диалекты [2, с. 43].

Традиционная диалектология до сих пор рассматривала пограничные зоны между верховым и низовым наречиями независимо от их расположения как смешанный или переходный диалект, однако данные диалектологических исследований 2015–2023 гг. обнаруживают специфические черты и особенности говоров северо-восточной части Чувашской Республики, отличные от говоров, расположенных на юго-западной части. Эти особенности проявляются на всех языковых уровнях. Приведем некоторые из них: 1) лексические особенности: в говорах некоторых населенных пунктов урмарского говора активно используется лексика, заимствованная из татарского языка, которая неизвестна остальным говорам: *марта* (лит. пыл хурчĕ), *марталăх* (лит. вĕлле), *тупа* (лит. çатма), *минтер* (лит. çытар), *эпи* (лит. асанне), *попой* (лит. асатте); 2) фонетические особенности: например, губная гармония особого вида, проявляющаяся в огублении широкого гласного *а* второго и последующих слогов слова под влиянием лабиализованного гласного *ă°* начального слога: *ăᵒрмон, кăᵒмоко, кăᵒмпо, тăᵒмоно, тăᵒрно, тăᵒмон* (лит. вăрман, кăмака, тăмана, тăрна, тăман). В урмарском говоре локализован островок древнего явления [1, с. 23], который заключается в употреблении звуковых сочетаний *ăв, ĕв* вместо *у, ӳ* инлауте и ауслауте: *пăрăв* (лит. пăру), *çăв* (лит. çу), *пăвра* (лит. пура) и т. д.; 3) грамматические особенности: использование формы возможности с помощью аффикса *-айр (-ейр),* которая не получила распространение в остальных диалектах: *вулайрап, утайрап, ĕçейреп* (лит. вулаятăп, утаятăп, ĕçеетĕп). Хотя некоторые ученые указывали на наличие данной формы в говорах верхового диалекта (например, в моргаушском подговоре или цивильском) [12, с. 236], что вызывает большое сомнение, поскольку по результатам исследований последних лет форма возможности глагола на *-айр (-ейр)* не была фиксирована.

В настоящее время изучению чувашских диалектов с исторической точки зрения уделяет внимание П. В. Желтов, который при решении вопросов относительно эволюции диалектов предлагает привлечь материалы контактирующих языков, таких как кыпчакские языки, горномарийский и удмуртский языки [6]. По этому поводу А. В. Кузнецов отмечает, что гипотезы П. В. Желтова пока не находят поддержку в диалектологической среде, т. к. они не всегда подтверждаются фактическими данными. Кроме того, в большинстве случаев отсутствие письменных источников делает полноценный анализ этих диалектов невозможным [9, с. 10].

Известно, что изучением малокарачкинского говора Ядринского муниципального округа занимались известные тюркологи А. В. Дыбо и О. А. Мудрак. Согласно результатам исследования, лингвисты предлагают классифицировать данный говор как самостоятельный диалект. Они обосновывают это тем, что в данном ареале обнаружено существенное число лексических единиц и грамматических черт, сохранившихся с эпохи древнечувашского языка [11, с. 10]. Ученые приводят аргументы, позволяющие выделить этот говор в отдельный диалект: 1) наличие уникальной системы консонантизма и вокализма; 2) наличие уникальных морфологических особенностей [11, с. 10]. Действительно, сохраняя специфические особенности древнечувашского языка, диалекты развивались по своим внутренним законам. Процесс развития затронул в основном фонетику. Например, в говоре малокарачкинских чувашей имеются звуки *ӧ, ӓ*, сохранившиеся из древнечувашского языка: *пӧрт / пӓрт* (лит. пӳрт), *хӧел / хӓл* (лит. хĕвел), *пӧэ / пӓ* (лит. пĕве). Позднее дифтонг *оа* переходит в монофтонг: *чааш, тар, каак, каакал.* Разумеется, эти особенности встречаются и в сундырском говоре верхового диалекта, поэтому мы считаем правильным называть указанный ареал малокарачкинским говором верхового диалекта.

С учетом диалектных данных, собранных в полевых условиях в 2015–2023 гг., и проведенного анализа мы пришли к выводу, что ареальные особенности языка свидетельствуют о недостаточном изучении так называемого смешанного (или переходного) диалекта. Исследование осложняется изменчивостью и взаимовлиянием разнородных черт, происходящих

в языке. В отдельных населенных пунктах приграничной зоны данных территорий – таких как с. Рунга Вурнарского и с. Ачакасы Канашского муниципального округов – зафиксирована губная гармония, характерная урмарскому говору: *тăᵒрно* (тăрна), *кăᵒмоко* (кăмака) и наличие метатезы, свойственной Красночетайскому говору верхнего диалекта: *тавăрннă* (таврăннă), *туппăрн* (тупрăн), *пĕттĕрç* (пĕтрĕç). Тем не менее говор жителей соседних деревень более близок к низовому диалекту [2].

Низовой диалект чувашского языка также остается малоизученным. Носители данного ареала часто проживают в компактных селах, разбросанных среди иноэтничного (преимущественно татарского) населения. Большинство классических описаний диалектов были сделаны в середине XX в. С тех пор ситуация сильно изменилась: влияние русского языка усилилось, поколение носителей сменилось. Хотя Л. П. Сергеев вследствие отсутствия выраженных диалектных черт не делит низовой диалект на говоры [13], но существенные фонетические и грамматические различия, на наш взгляд, дают основания для разделения низового диалекта на отдельные говоры, поскольку между ними наблюдаются устойчивые различительные признаки. Например, интонация батыревских чувашей сильно отличается от интонации яльчикских и комсомольских. Более того, особое значение имеют уникальные особенности произношения гласных *ă, ĕ, э,* а также согласного *ч*. В говоре яльчикских чувашей звук *ĕ* характеризуется более задней артикуляцией. Ср.: *хăрарăмран хăрарăм* вместо *хĕрарăмран хăрарăм* (испугался женщины) [2]. Кроме того, в повседневной речи наблюдается переход звука *ĕ* в звук *ă* заднего ряда, например, в словах *кайрă, утрă*. У носителей центрально-батыревских чувашей, в отличие от других, аффриката *ч* чаще всего заменяется на *т'с*: *ат'сасем, т'сăваш т'сĕлхи.*

Выводы. Изучение чувашских диалектов представляет собой значимый научный вклад. Современные исследования позволяют выявить более сложную и детальную картину диалектного ландшафта. Новая классификация чувашских диалектов, основанная на лингвистических данных, должна учитывать не только фонетику, традиционно являющуюся главным критерием, но и грамматику, лексику и просодию, что позволит выделить группы на основе комплекса изоглосс. Исследованием выявлено, что так называемые переходные (интердиалектные) зоны, которые демонстрируют смешанные черты, иногда обладают самобытным комплексом признаков, что позволяет претендовать на статус автономного диалекта. Нельзя исключать и периферийные зоны, находящихся под влиянием соседних языков (татарского, русского, марийского, мордовского), что формирует специфические субдиалекты. Новая классификация должна учитывать и этнолингвистические факторы, т. е. корреляцию с историческими, этнографическими и социальными данными (история расселения, традиционная культура, степень урбанизации, влияние СМИ и т. п.).

В настоящей работе нами проанализированы диалектные особенности современного чувашского языка. На основе фонетических, лексико-семантических и грамматических признаков сделана попытка новой классификации чувашских диалектов, учитывающей мнения ведущих специалистов и современные процессы в диалектной среде. Она может быть представлена следующим образом: *верховой диалект* (вирьял), включающий следующие говоры: моргаушско-ядринский, сундырский, малокарачкинский, красночетайский, чебоксарский, калинино-аликовский; *средний (основной) диалект* – объединяет урмаро-козловский и янтиковский говоры; *смешанный диалект* – охватывает цивильско-мариинско-посадский, малоцивильский и вурнарский говоры и *низовой диалект* (анатри), который представлен комсомольско-яльчикским, первомайским и батыревским говорами. Следует отметить, что современные данные позволяют выделить низовой диалект в его составе группы говоров на основе пучков изоглосс, включающих: особенности вокализа (реализация звуков *ă, ĕ, э*), специфику консонантизма (произношение согласного *ч*), характерную интонационную модель и уникальные грамматические маркеры.

Таким образом, изучение диалектов и говоров чувашского языка способствует правильной интерпретации ряда теоретических вопросов не только современного чувашского языка, его исторической грамматики. Современная классификация должна представлять собой динамичную, полицентричную модель, отражающую реальное языковое разнообразие. Жизнь не стоит на месте – об этом наглядно свидетельствуют и языковые явления. Сегодняшняя эпоха характеризуется многоязычием, а коммуникация приобрела сложную, многогранную форму. Судьба диалектов неодинакова: в одних говорах диалектные особенности сохраняются десятилетиями, а в других быстро исчезают. Поэтому важно как можно более быстро и объемно фиксировать особенности местных говоров, т. к. сохранение национального языка во многом зависит от состояния изученности его диалектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахвандерова А. Д.* «Островные говоры» восточных районов Чувашской Республики (на примере урмарского говора смешанного диалекта) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2015. – № 1(85). – С. 20–25.

2. *Ахвандерова А. Д.* Проблемы территориальной дифференциации современного чувашского языка // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2016. – № 4(92). – С. 40–45.

3. *Ашмарин Н. И.* Материалы для исследования чувашского языка. – Казань : Б. и., 1898. – 410 с.

4. *Егоров В. Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. – Ч. 1. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1954.– 240 с.

5. *Егоров Н. И.* Чувашская диалектология и этимология // Теория и практика этимологических исследований. – М. : Наука, 1985. – С. 55–66.

6. *Желтов П. В.* Происхождение чувашских диалектов [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 6-6. – С. 1535–1538. – EDN QBSLML. – URL : https://fundamentalresearch.ru/ru/article/view?id=31774 (дата обращения: 19.12.2016).

7. *Канюкова А. С.* Чувашская диалектология. – Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1965. – 148 с.

8. *Комиссаров Г. И.* Чуваши Казанского Заволжья // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань : Типолит. Императорск. ун-та, 1911. – Т. XXVII, Вып. 5. – С. 311–432.

9. *Кузнецов А. В.* Чувашская диалектология: итоги и задачи изучения / науч. ред. Г. А. Николаев. – Чебоксары, 2018. – 56 с.

10. *Матвеев Т. М.* Краткий обзор чувашских диалектов (опыт районирования) // Материалы по чувашской диалектологии. – Чебоксары. – 1960. – Вып. 1. – С. 8–64.

11. *Мудрак О. А.* Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных. Опыт реконструкции и интерпретации. – М. : Российская Академия наук. Институт востоковедения, 1993. – 185 с.

12. *Сергеев Л. П.* Диалектная система чувашского языка. – Чебоксары : Чуваш. Гос. пед. ун-т, 2007. – 428 с.

13. *Сергеев Л. П.* Чувашский язык : диалектологический аспект : избр. ст. : в 2-х т. Т. 2. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2008. – 278 с.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026

REFERENCES

1. Ahvanderova A. D. «Ostrovnye govory» vostochnyh rajonov Chuvashskoj Respubliki (na primere urmarskogo govora smeshannogo dialekta) // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2015. – № 1(85). – S. 20–25.

2. Ahvanderova A. D. Problemy territorial'noj differenciacii sovremennogo chuvashskogo yazyka // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2016. – № 4(92). – S. 40–45.

3. Ashmarin N. I. Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka. – Kazan' : B. i., 1898. – 410 s.

4. Egorov V. G. Sovremennyj chuvashskij literaturnyj yazyk v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii. – Ch. 1. – Cheboksary : Chuvash. gos. izd-vo, 1954.– 240 s.

5. Egorov N. I. Chuvashskaya dialektologiya i etimologiya // Teoriya i praktika etimologicheskih issledovanij. – M. : Nauka, 1985. – S. 55–66.

6. Zheltov P. V. Proiskhozhdenie chuvashskih dialektov [Elektronnyj resurs] // Fundamental'nye issledovaniya. – 2013. – № 6-6. – S. 1535–1538. – EDN QBSLML. – URL : https://fundamentalresearch.ru/ru/article/view?id=31774 (data obrashcheniya: 19.12.2016).

7. Kanyukova A. S. Chuvashskaya dialektologiya. – Cheboksary : Chuvashknigoizdat, 1965. – 148 s.
8. Komissarov G. I. Chuvashi Kazanskogo Zavolzh'ya // Izvestiya obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. – Kazan' : Tipolit. Imperatorsk. un-ta, 1911. – T. XXVII, Vyp. 5. – S. 311–432.
9. Kuznecov A. V. Chuvashskaya dialektologiya: itogi i zadachi izucheniya / nauch. red. G. A. Nikolaev. – Cheboksary, 2018. – 56 s.
10. Matveev T. M. Kratkij obzor chuvashskih dialektov (opyt rajonirovaniya) // Materialy po chuvashskoj dialektologii. – Cheboksary. – 1960. – Vyp. 1. – S. 8–64.
11. Mudrak O. A. Istoricheskie sootvetstviya chuvashskih i tyurkskih glasnyh. Opyt rekonstrukcii i interpretacii. – M. : Rossijskaya Akademiya nauk. Institut vostokovedeniya, 1993. – 185 s.
12. Sergeev L. P. Dialektnaya sistema chuvashskogo yazyka. – Cheboksary : Chuvash. Gos. ped. un-t, 2007. – 428 s.
13. Sergeev L. P. Chuvashskij yazyk : dialektologicheskij aspekt : izbr. st. : v 2-h t. T. 2. – Cheboksary : Chuvash. gos. ped. un-t, 2008. – 278 s.

The article was contributed on February 10, 2026

Сведения об авторах

Ахвандерова Алина Давыдовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, https://orcid.org/0000-0002-1278-7221, antus2003@mail.ru

Денисова Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, https://orcid.org/0000-0002-0626-5371, tatyana.docka@yandex.ru

Author Information

Akhvanderova, Alina Davydovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Culturology, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, https://orcid.org/0000-0002-1278-7221, antus2003@mail.ru

Denisova, Tatyana Vitalyevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian and Chuvash Philology and Culturology, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, https://orcid.org/0000-0002-0626-5371, tatyana.docka@yandex.ru

УДК 821.161.1-31.09 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.003

А. П. Белова

ВЕЩНОЕ ПОЛЕ ЕВГРАФА МИРОНОВА В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОЙ ИДЕИ СМИРЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРИЛОГИИ В. И. БЕЛОВА «ЧАС ШЕСТЫЙ»)

Институт содержания, методов и технологий образования Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье представлено описание вещного поля одного из главных героев трилогии В. И. Белова «Час шестый» – Евграфа Миронова. Отмечается, что в крестьянской эпопее изображаемые события, персонажи, вещи функционируют в двух временных измерениях (реальном историческом и мифологическом, библейском, вечном). Этим обусловлено превращение бытовых вещей в символы. Актуальность работы определяется значимостью изучения предметного среза произведения для уточнения некоторых положений антропоцентрической концепции автора. В работе используются сравнительно-типологический, историко-генетический, структурно-семиотический методы. Результаты исследования демонстрируют аксиологическую доминанту образа персонажа – христианское смирение. В вещном поле персонажа выделяются предметы, которые актуализируют семантику пути, испытания, мытарств (сапоги, котомка), связи с богом (сундук, шуба, икона). Предметы, образующие вещное поле героя, связаны с идеей жизни русского человека как странствия, в результате которого персонаж получает жизненный опыт, позволяющий ему ощутить смирение как благодать. Новизна работы заключается в том, что исследуется семиотика вещей, принадлежащих одному герою, образующих его вещное поле, устанавливаются типологические связи между этими предметами, на основании чего герой характеризуется как особый тип личности – благовонный праведник в смердящем мире. Методологическую базу исследования составили труды А. Чудакова, В. Топорова, Т. Цивьян.

Ключевые слова: *вещное поле, трилогия, вещь, смирение, путешествие, испытание*

A. P. Belova

EVGRAF MIRONOV'S MATERIAL FIELD IN THE CONTEXT OF THE CHRISTIAN IDEA OF HUMILITY (BASED ON V. I. BELOV'S TRILOGY "THE SIXTH HOUR")

Institute of Content, Methods and Technologies in Education, Moscow City University, Moscow, Russia

Abstract. The article describes the material field of one of the main characters of V. I. Belov's trilogy "The Sixth Hour" – Yevgraf Mironov. It is noted that in the peasant epic, the events, characters, and things depicted function in two temporal dimensions (real historical and mythological, biblical, and eternal). This is due to the transformation of everyday things into symbols. The relevance of the work is determined by the importance of studying the subject section of the work in order to clarify some provisions of the author's anthropocentric concept. Comparative-typological, historical-genetic, structural-semiotic methods are used in the work. The results of the study demonstrate the axiological dominant of the character's image – Christian humility. In the material field of the character, objects are highlighted that actualize the semantics of the path, trials, ordeals (boots, knapsack), connections with God (chest, fur coat, icon). The objects forming the material field of the hero are connected with the idea of the life of a Russian person as a journey, as a result of which the character receives a life experience that allows him to feel humility as grace. The novelty of the work lies in the fact that it explores the semiotics of things belonging to one hero, forming his material field, and establishes typological connections between these

objects, on the basis of which the hero is characterized as a special type of personality – a fragrant righteous man in a stinking world. The methodological basis of the research was the works of A. Chudakov, V. Toporov, T. Tsivyan.

Keywords: *material field, trilogy, thing, humility, journey, trial*

Введение. В трилогии В. И. Белова «Час шестый» изображается крестьянская Вселенная в особый, пороговый момент ее жизни. Подзаголовки романов («Кануны. Хроника конца 20-х годов», «Год великого перелома. Хроника начала 30-х годов») указывают на особенность изображения времени в произведениях – это и реальное историческое время, и время мифологическое, библейское. Название третьего романа («Час шестый») стало названием всей трилогии – тема шестого часа задает определенный ракурс изображения персонажей, событий (помня о распятии Христа, о его страданиях, читатель заведомо знает, к какой именно точке стремится жизнь героев).

Постоянным спутником человека, основным строительным элементом его мира, микрокосмоса, по мнению Т. В. Цивьян, является вещь [14, с. 121]. Следовательно, и жизнь вещей в трилогии В. И. Белова освещается в двойном ракурсе: будучи бытовыми предметами, функционируя в этой неоднородной действительности (20–30-х гг. XX в. и одновременно в вечности), они наполняются символическим смыслом, превращаются в мифологемы. Предметный мир становится одним из элементов поэтики, наиболее полно выявляющим драматические изменения национального космоса [1, с. 265].

В «крестьянской трилогии» изображаются судьбы крестьян [12, с. 496]. Мучительно переживая уничтожение родной Шибанихи, пытаясь сохранить человеческое достоинство, ограждая себя от «бесов», герои стремятся сберечь лад в своей душе. Сохранить его становится особенно сложно, т. к. многие вещи, без которых персонаж не представлял свою жизнь, отнимаются, уничтожаются: раскулаченный, он, как правило, остается без дома, без привычной утвари, одежды, обуви, без орудий труда, которые часто воспринимаются человеком как продолжение собственных рук. Таким образом, вещное поле героя трилогии меняется: из него могут исчезнуть одни предметы, добавиться другие; как правило, это поле сокращается, в нем остаются только самые важные для героя вещи. Эти предметы раскрывают специфику картины мира персонажа [11, с. 2939].

Цель исследования – раскрыть аксиологическую доминанту образа одного из главных героев трилогии В. И. Белова «Час шестый» (Евграфа Миронова) через постижение смыслов вещного поля.

Вещное поле героя конституируется предметами-репрезентантами. Эти единицы, по мнению А. Чудакова, несут в себе главные качества изображенного мира, в который эта вещь входит [16, с. 254]. Потому изучение этого предмета – существенная и необходимая ступень в установлении свойств всего этого мира [16, с. 254].

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена возможностью рассмотреть литературоведческую категорию вещи в новой перспективе – как элемент вещного поля персонажа. Подобный подход к анализу художественного мира произведения особенно важен, поскольку позволяет уточнить отдельные положения антропоцентрической концепции автора.

Материал и методы исследования. Основным материалом для исследования является трилогия В. И. Белова «Час шестый», книга очерков о народной эстетике «Лад» [4], святоотеческие труды о смирении ([6], [9]). Для анализа романного материала применяются: сравнительно-типологический метод, необходимый для выявления элементов вещного поля персонажа, типологизации и сопоставления выделенных предметов; историко-генетический метод, который дает возможность выявить истоки предметного образа, что,

в свою очередь, позволяет уточнить авторский взгляд на мир; с помощью структурно-семиотического метода реконструируется семантический ореол вещного мира, в итоге раскрывающий специфику миросозерцания персонажей.

Результаты исследования и их обсуждение. Евграф Миронов – один из главных героев трилогии В. И. Белова «Час шестый». Фамилия персонажа, которая происходит от одного из двух греческих слов («myron» – «благовонное масло» или «myrön» – «плачущий»), содержит в себе комплекс мотивов: пути, дарения, слез, запаха. Евграфу суждено пройти путь от кулака до раскулаченного, от заключенного до освободившегося, от золотаря до председателя колхоза. Он преодолевает границу между мирами (старой и новой Шибанихой, городом и деревней, домом и тюрьмой, адом и раем), используя разные предметы. Первым важным сигналом о предстоящих в судьбе Евграфа изменениях, ожидающих его мытарствах, является сундук.

Сундук как ковчег. Из множества сундуков, изображенных в трилогии «Час шестый», самая подробная биография у сундука Мироновых. В первом романе трилогии (в «Канунах») этот предмет хранится, подобно сказочному сокровищу, в горнице, в которую ведет дверь, на филенке этой двери изображен «красивый гривастый зверь» – лев [2, с. 350]. Содержимое сундука (кружево) становится опасным для его владельца: кружева отныне считаются роскошью, на семью Евграфа наложен (отчасти и из-за этого богатства) огромный налог. Опасаясь раскулачивания, домочадцы вынесли этот предмет из дома и спрятали его в яму на чужом дворе. Весной сундук вытаял. Его, как вещь, не имеющую хозяина, шибановцы привезли на главную дорогу в деревне и оставили посередине этой дороги (об особой связи, существующей между домом и персонажем, являющимся владельцем этого дома, пишет К. Партэ [17, с. 65]). Как вытаявший никому не нужный сундук, хозяин которого не нашелся, так и дом Евграфа в это же самое время превращается в подобие этого сундука: он лишается своего главы (в одно и то же время параллельно разворачиваются два эпизода: возвращение сундука и раскулачивание Мироновых). Возможно, появление сундука в этот момент можно интерпретировать как некое предвосхищение сюжета (то, что случилось с ним, сейчас произойдет и с домом, в котором ранее «жил» сундук). Если учесть привязанность вещи к дому, владельцу (о чем пишет В. Топоров [13]), то, вероятно, сундук таким образом обозначил себя, чтобы разделить участь хозяев, попрощаться с ними. Отметим, что, судя по всему, в этом переплетении двух историй (про вытаявший сундук и про скрывшееся в доме Евграфа начальство) есть особый смысл: дом Евграфа назван хоромами, эти хоромы уже без сундука, это нарушение их полноты / наполненности, вещи из них уже «разбредаются по свету», хотя в данный момент они каким-то чудом находят дорогу обратно к своему дому, но не могут в него вернуться, т. к. он описывается, семья раскулачивается.

В третьем романе трилогии судьбы хозяина и вещи почти полностью дублируются: вернувшийся из «домзака» Евграф ищет избу, в которой он сможет поселиться с семьей, его одежда издает зловонный запах (кроме того пиджака, в котором он работал золотарем, другой одежды у Миронова нет), возвращающийся сундук (до времени хранившийся у других людей) воссоединяется с хозяевами, обретает дом, его сломанный замочек печально звенит (в унисон печальным мыслям Евграфа), а вещи, сохранившиеся в нем, источают прогорклый запах. Однако именно после возвращения сундука все в семье и доме начинает ладиться: воссоздается печь, семья воссоединяется, в души героев приходит покой. Засыпая под крышей «нового» дома, каждый член семьи так или иначе вспоминает о Боге (Евграф молится Николаю Угоднику, до его слуха доносится молитвенный шепот жены Марьи, дочь Палашка перед сном перекрестила Марютку). Таким образом, в сундуке Евграфа Миронова актуализируется его прообраз – ковчег (символ завета между Богом и людьми). Отметим, что в контексте «сундучной» истории значение фамилии его владельца

наполняется новым смыслом – созданный по указанию Господа сундук был освящен миром (следовательно, Евграф Миронов – избранный владелец сундука, с которым он связан навсегда, которому предначертано претерпеть, как ковчегу, скитания, страдания: ковчег завета странствовал со своим народом, затем – из города в город).

Христианская Церковь толкует Ковчег завета метафорически, христологически, аллегорически, историософско-типологически. Христологическое толкование предполагает соотнесение судьбы ковчега со страданиями Христа (ковчег подвергался бесчестию в плену у иноплеменников подобно тому, как и Бог). В то время как сундук Мироновых кочует по земле, члены семьи страдают (Евграф в тюрьме, его жена и дочь – в родной деревне без собственного угла). Метафорическое толкование образа ковчега заключается в том, что внутреннее состояние человека характеризуется как «внутренний ковчег», «ковчег сердца». «Внутренний ковчег» Евграфа Миронова и его жены Марьи – это упование на помощь Бога, терпение, смирение, любовь.

Шуба агнца. Актуализация мотива одежды, по замечанию О. Г. Лазареску [8, с. 357], теснейшим образом связана со спецификой национального бытия и национального самосознания. В русской литературе особое место отводится некоторым предметам одежды – кафтану и его зимнему варианту (тулупу / шубе).

Арестованный Евграф Миронов находится в бане районного поселка (в ней держат людей до суда). Затем его приводят в кабинет следователя Скачкова. Вот как описывается появление Миронова в этой комнате: «В сопровождении милиционера в дверях стояла сама синеблузница, а позади нее – из-под земли что ли? – перетаптывался своими мокрыми валенками не кто иной, как Евграф Миронов. Его дубленая шуба еще в прихожей воняла овчиной. Под широко растоптанными валенками стояли целые лужи» [3, с. 236]. Евграф, рассказывающий о том, как прохвост Микуленок «девку в гумне уделал» (Евграф говорит о своей дочери Палашке), приходит в ярость, поэтому милиционер хватает его за рукав, «да так, что рукав треснул» [3, с. 237]. Когда Миронов делает шаг в сторону Микуленка, чтобы схватить его за ворот, Евграфа вновь останавливает милиционер: он удерживает арестованного за второй рукав. В этой шубе Евграф идет по улице (в пасхальный день) в сопровождении милиционера (назад в баню): «Шуба раскисла, зимняя шапка промокла...» [3, с. 239]. Таким образом, в описании шубы Евграфа отмечается ее материал (овчина), издаваемый ею запах (шуба «воняла»), ее важный элемент – рукава, которые трещат, когда представитель власти удерживает Миронова, готового схватить за ворот Микуленка.

Одежда – это своего рода «оболочка» человека (о чем пишет В. И. Белов в книге «Лад» [4, с. 166]). В упомянутом эпизоде важное значение имеет указание на животное, из шкуры которого и сшита шуба, т. е. свойства и качества животного переносятся на персонажа, который носит шубу. Дубленая шуба из овчины Евграфа Миронова может быть интерпретирована как знак особого положения героя в новом мире – он христианин в стане неверующих. Представление о верующих-овцах сформировалось под влиянием Библии. По народной этиологии овцу создал Бог, затем она «из рая выскочила» [5, с. 502]. Согласно одной из народных легенд, «овца прикрыла своей шерстью Христа, когда он прятался от преследователей евреев» [5, с. 502]. Образ овцы в Библии связан с представлением о ней как жертвенном животном, с представлением о стаде овец (малое стадо – ученики Христа, большое стадо – верующие), о пастыре овец (Христе), об Иисусе как агнце. Образ овец и их использование в жертвоприношениях становятся метафорой гонений и мученичества (например, в Псалтири или в Послании апостола Павла к Римлянам). Евграф в овчинной шубе – агнец, которого приносят в жертву, он со смирением пройдет через все испытания (тюрьму и нападение блатных, работу золотарем, станет бездомным, который, вернувшись в родную деревню, будет готов пойти в пастухи; в послесловии к трилогии упоминается, что Евграф получит новый срок – за падеж скота). Не случайно

и милиционер дважды хватает Евграфа за рукава шубы (хватает так, что они трещат): нарушить целостность одежды, оторвать рукава (которые соотносятся с руками) – причинить человеку боль, совершить насилие, подчинить своей воле. Однако об агнце всегда позаботится его главный Пастырь. В контексте рассматриваемого эпизода особо важной становится фраза Евграфа, которую он произносит в ответ на слова Скачкова (следователь говорит, что отправит Евграфа ломать спины моржам): «Не я первый, не я последний, – перекрестился Евграф. – Господь не оставит...» [3, с. 238]. Допрос у следователя и обратная дорога в баню происходят в значимый для всех христиан день – в Пасху. С этим праздником связано представление об овце (Иисус – не только Пастырь, но и закланный Агнец). Неожиданная встреча с Пашкой Роговым (имя которого в устах ненца Тришки превращается в Паску – что созвучно названию праздника) становится своеобразным подарком для Евграфа: Пашка отдает ему свои сапоги. В этих сапогах Миронов должен пройти новые испытания.

Железные сапоги – переход из одного мира в другой. В подаренных Павлом Евграфу сапогах Миронов выйдет из вологодского «домзака», когда его освободят. При взгляде на развалившуюся «обутку» герой испытает стыд: «Не сапоги, не валенки, не лапти, не шоптаники, а какое-то дикое содружество опорок и тряпок, похожее на обутку украинских выселенцев, – вот что осталось от прежних яловых сапог!» [3, с. 381]. Все виды обуви, перечисленные в цитате из третьего романа трилогии, обладают семантикой дороги, испытаний, перехода из одного мира в другой (чаще всего в мир мертвых). В приведенном фрагменте текста подчеркивается, что Евграф износил эту пару обуви – самые страшные испытания он выдержал. Вышедший из ворот «домзака», он осеняет себя «летучим крестом». Миронов в первые минуты на свободе думает о двух годах, которые провел в тюрьме, упоминает Господа: «И вот – выбрался! Вытерпел все, что послал Господь за грехи» [3, с. 382]. Преподобный авва Дорофей объясняет, что смирение постигается исключительно опытом, а не мыслительными усилиями [10], преподобный Иоанн Лествичник говорит, что смирение – безымянная благодать души, имя которой только тем известно, «кои познали ее собственным опытом» [9, с. 280]. Смирение Евграфа постигается именно его опытом.

Вернуться сразу в родную деревню Евграф не может: у него нет денег на билет на поезд. Миронов смиренно просит помочь ему разных людей: старушку, копающуюся в огороде, помощника машиниста поезда. Наконец, он обретает в лице вологодского золотаря волшебного помощника (золотарь предлагает Евграфу работать вместе, за работу Евграфу выплачивают деньги, затем новый друг дарит Евграфу старые сапоги).

Евграф дважды становится обладателем чужой обуви. Сам мотив дарения обуви указывает на долгий путь, ожидающий одариваемого. В народных представлениях обувь становится особо значимым предметом в контексте обрядов (проводы на тот свет). Несколько пар изношенных сапог, которые переходят Евграфу, моделируют его судьбу: персонажа ждут новые испытания, отправляясь в путь, он, скорее всего, окажется в другом мире (на том свете: в тюрьме). То, что одна и та же пара обуви меняет владельцев, указывает на то, что все эти герои разделяют одну судьбу (раскулаченные, обездоленные, разлученные с семьей, вынужденные скитаться по свету, терпеть унижение, стыд, боль).

Смердящая котомка – смердящий мир. Образ котомки играет важную роль в русских обрядах и традициях. С котомкой, славя Господа, ходили калики перехожие. Ее собирали человеку, если он отправлялся в дальний путь (и если он отправлялся в последний путь). Набор предметов, которыми наполняли котомку, был строго регламентирован; эти вещи должны были помочь человеку преодолеть границу между миром живых и миром мертвых. В третьем романе трилогии В. И. Белова котомка проделывает в некотором смысле инверсированный путь: с ней идет возвращающийся из тюрьмы в родную Шибаниху (не в царство мертвых, а из него, из ада в рай) Евграф Миронов. Поначалу котомка

пустая. Однако по мере преодоления новых препятствий она начинает заполняться новыми вещами (никто персонажу не дарит, не передает эти вещи; в земной жизни он должен заработать на эти вещи сам). Когда за труд золотаря Евграф получил деньги, он сразу купил внуку Витальке радужного, пахнущего лаком, веселого игрушечного петуха. Петух в народной традиции – райская птица. Игрушечный петух радужного цвета (радуга, по народным поверьям, до потопа была одноцветной, после потопа Бог сделал ее разноцветной в знак того, что потопа больше не будет) выступает заместителем живой птицы. Мысль Евграфа о том, что в котомке он несет гостинец внуку, наполняла Миронова радостью. Отметим, что его котомка, из которой он достает подарок, вонючая (это материальный след его мытарств: он насквозь пропитался специфическим запахом, т. к. трудился золотарем, и вся его одежда, и его котомка стали источать сильный неприятный запах). Человек и предмет (одежда, котомка) здесь как бы уравнялись в правах: они «разговаривают» на одном и том же языке – языке запаха. Смердящий мир не может не повлиять на человека, однако Евграф (вспомним его «благовонную» фамилию, с точки зрения святителя Игнатия Брянчанинова, смирение благоухает [6]) точно знает, что этому миру противопоставить: в своей вонючей котомке он несет радужного петуха для внука (спасение – в любви к Господу, родным, смирении).

Икона. Один из главных предметов вещного поля Евграфа Миронова – икона. Вернувшийся из тюрьмы в родную деревню, Евграф пытается найти избу или сруб, в которой он мог бы поселиться вместе с семьей. На краю деревни он увидел избу, некогда принадлежавшую какому-то бобылю, которая гнила со времен турецкой войны. Дверь в нее открыть невозможно. Евграф смотрит в дверную щель и видит в полумраке некрашеный деревянный посудник, божницу с почернелой иконой. Евграф не смог разглядеть, какая именно это икона («Вроде Никола...» [3, с. 411]). Миронов «подумал вдруг», что изба ничья, в сенцах можно перестелить пол, двери сами откроются. «Евграфу показалось на миг, что там, в избе, Николай – Угодник Божий – проявил тусклый свой лик и на секунду открыл уста...» [3, с. 411].

Основные элементы иконы предусматриваются иконописным каноном [15, с. 24]: изображение глаз, носа, рта диктуется традицией. Как показывает изучение источников ([7], [15]), уста Богоматери, святых принято изображать закрытыми. Если сюжет, который изображен на иконе, рассказывает о том, что персонаж все-таки открывает уста (например, как Богоматерь, чтобы предупредить людей об опасности), то на иконе этот герой будет представлен с сомкнутыми устами (т. е. на иконе не фиксируется момент, когда изображенный разомкнул уста). В приведенном из трилогии эпизоде Евграфу «показалось на миг», что Угодник Божий открыл уста. Уста, согласно библейской традиции, отверзаются тогда, когда требуется выразить то, что на сердце. Уста Бога отверзаются только для тех, кто со смирением, послушанием, верностью готов воспринимать слово Господа. Следовательно, Николай Угодник, открывший свои уста, показывает, что Евграф – один из тех, в ком живет смирение, послушание и верность.

Выводы. Многие предметы вещного поля Евграфа Миронова обладают семантикой дороги, испытания, мытарств (например, сапоги, котомка). Отдельные предметы (шуба) указывают на особое положение героя в мире: он жертва, агнец, который со смирением проходит свой путь.

Часть предметов, которые образуют вещное поле Евграфа Миронова, смердит. Запах, источаемый его шубой, одеждой, котомкой – запах внешнего мира, который не смог повлиять на героя, и потому он остается верным Господу – остается Мироновым (в смердящем мире «бесов» уповает на Бога, молится, сохраняя лад в душе).

Преодолев странствия, путешествие в загробный мир, побывав в плену у иноплеменников, Евграф сохранил «ковчег сердца» и, подобно сундуку, вернулся домой.

Вещесфера Евграфа Миронова актуализирует одну из главных христианских добродетелей человека в художественном мире трилогии – смирение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аркатова Т. Е.* Вещное поле Дмитрия Медведева в контексте христианской традиции нестяжательства (по роману В. И. Белова «Все впереди!») // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – Вып. 4(60). – С. 265–268.

2. *Белов В. И.* Собрание сочинений : В 7 т. Т. 3 : Повесть. Роман. – М. : Классика, 2011. – 512 с.

3. *Белов В. И.* Собрание сочинений : В 7 т. Т. 4 : Романы. – М. : Классика, 2011. – 616 с.

4. *Белов В. И.* Собрание сочинений : В 7 т. Т. 5 : Очерки. Произведения для детей. – М. : Классика, 2011. – 632 с.

5. *Белова О. В., Бушкевич С. П.* Овца // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 3. – М. : Международные отношения, 2009. – С. 501–505.

6. *Брянчанинов И.* Симфония по творениям святителя Игнатия (Брянчанинова). – М. : Даръ, 2008. – 775 с.

7. *Кондаков Н. П.* Иконография богоматери. В 2 т. Т. 1 : СПб. : изд. Отделения рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1914 [Электронный ресурс]. – URL : https://azbyka.ru/otechnik/Nikodim_Kondakov/ikonografija-bogomateri-tom1/#source (дата обращения: 06.04.2025).

8. *Лазареску О. Г.* Предметный мотив одежды в русской литературе и фольклоре // Преподаватель XXI век. – 2013. – № 3–2. – С. 356–368.

9. *Преподобный Иоанн Лествичник.* Лествица, возводящая на небо. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2022. – 592 с.

10. *Лизгунов П.* Истоки понятия «смирение» [Электронный ресурс] // Монастырский хронограф. – URL : https://monasteri.cerkov.ru/2025/04/01/istoki-ponyatiya-smirenie/#r7 (дата обращения: 21.01.2026).

11. *Пучкова А. Е.* Предметный мир в российской массовой прозе второй половины XVIII века (Михаил Чулков, Матвей Комаров) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18, Вып. 7. – С. 2929–2934.

12. *Разувалова А.* Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 616 с.

13. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное. – М. : Прогресс – Культура, 1995. – 624 с.

14. *Цивьян Т. В.* Семиотические путешествия. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. – 248 с.

15. *Шеко Е. Д., Сухарев М. И.* Основы иконописного рисунка: учебно-методическое пособие. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2018. – 95 с.

16. *Чудаков А. П.* Предметный мир литературы (К проблеме категорий исторической поэтики) // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М. : Наука, 1986. – 336 с.

17. *Parthe K. F.* Russian Villiage Prose: Radiant Past. – Princeton University Press, 1992. – P. 92–98.

Статья поступила в редакцию 22.01.2026

REFERENCES

1. Arkatova T. E. Veshchnoe pole Dmitriya Medvedeva v kontekste hristianskoj tradicii nestyazhatel'stva (po romanu V. I. Belova «Vsyo vperedi!») // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2008. – Vyp. 4(60). – S. 265–268.

2. Belov V. I. Sobranie sochinenij : V 7 t. T. 3 : Povest'. Roman. – M. : Klassika, 2011. – 512 s.

3. Belov V. I. Sobranie sochinenij : V 7 t. T. 4 : Romany. – M. : Klassika, 2011. – 616 s.

4. Belov V. I. Sobranie sochinenij : V 7 t. T. 5 : The essays. Works for children. – M. : Klassika, 2011. – 632 s.

5. Belova O. V., Bushkevich S. P. Ovca // Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar'. V 5 t. T. 3. – M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009. – S. 501–505.

6. Bryanchaninov I. Simfoniya po tvoreniyam svyatitelya Ignatiya (Bryanchaninova). – M. : Dar, 2008. – 775 s.

7. Kondakov N. P. Ikonografiya bogomateri. V 2 t. T. 1 : SPb. : izd. Otdeleniya rus. yaz. i slovesnosti Imp. Akad. nauk, 1914 [Elektronnyj resurs]. – URL : https://azbyka.ru/otechnik/Nikodim_Kondakov/ikonografija-bogomateri-tom1/#source (data obrashcheniya: 06.04.2025).

8. Lazaresku O. G. Predmetnyj motiv odezhdy v russkoj literature i fol'klore // Prepodavatel' XXI vek. – 2013. – № 3–2. – S. 356–368.

9. Prepodobny`j Ioann Lestvichnik. Lestvicza, vozvodyashhaya na nebo. – M. : Izd-vo Sretenskogo monasty`rya, 2022. – 592 s.

10. Lizgunov P. Istoki ponyatiya «smirenie» [Elektronnyj resurs] // Monastyrskij hronograf. – URL : https://monasteri.cerkov.ru/2025/04/01/istoki-ponyatiya-smirenie/#r7 (data obrashcheniya: 21.01.2026).
11. Puchkova A. E. Predmetnyj mir v rossijskoj massovoj proze vtoroj poloviny XVIII veka (Mihail Chulkov, Matvej Komarov) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2025. – T. 18, Vyp. 7. – S. 2929–2934.
12. Razuvalova A. Pisateli-«derevenshchiki»: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-h godov. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. – 616 s.
13. Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo. Izbrannoe. – M. : Progress – Kul'tura, 1995. – 624 s.
14. Civ'yan T. V. Semioticheskie puteshestviya. – SPb. : Izd-vo Ivana Limbaha, 2001. – 248 s.
15. Sheko E. D., Suxarev M. I. Osnovy` ikonopisnogo risunka : uchebno-metodicheskoe posobie. – M. : Izd-vo PSTGU, 2018. – 95 s.
16. Chudakov A. P. Predmetny`j mir literatury` (K probleme kategorij istoricheskoj poe`tiki) // Istoricheskaya poe`tika. Itogi i perspektivy` izucheniya. – M. : Nauka, 1986. – 336 s.
17. Parthe K. F. Russian Villiage Prose: Radiant Past. – Princeton University Press, 1992. – P. 92–98.

The article was contributed on January 22, 2026

Сведения об авторе

Белова Анна Павловна – методист отдела методологии и перспективной дидактики Института содержания, методов и технологий образования Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия, https://orcid.org/0009-0002-6138-7301, anna_p_b@mail.ru

Author Information

Belova, Anna Pavlovna – Methodologist of the Department of Methodology and Advanced Didactics, Institute of Content, Methods and Technologies in Education, Moscow City University, Moscow, Russia, https://orcid.org/0009-0002-6138-7301, anna_p_b@mail.ru

УДК 821.111(73)-31.09 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.004

К. А. Вихрова

ВНУТРИТЕКСТОВАЯ РОЛЬ ЭПИГРАФА В РОМАНЕ ХЬЮБЕРТА СЕЛБИ-МЛ. «БЕС»

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Настоящая работа посвящена анализу трехкомпонентного эпиграфа в романе Хьюберта Селби-мл. «Бес» и его значения для формирования смыслового и аксиологического пространства произведения. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью эпиграфов в прозе Селби-мл. при устойчивом читательском интересе к его творчеству, а также расширением литературоведческого обращения к романам писателя в последнее десятилетие. Эпиграф к «Бесу», объединяющий авторскую сентенцию и цитаты из Послания апостола Иакова и Псалтири, актуализирует религиозно-этический план прочтения романа. В результате проведенного анализа с использованием системно-целостного и интертекстуального методов выявлено, что эпиграф является важным концептуальным элементом романа Селби-мл., задавая интерпретационную матрицу повествования. Авторская формула «одержимости» в сочетании с библейскими цитатами формирует этическую модель, в которой источник зла локализуется в сфере желаний и личной ответственности главного героя и не соотносится с буквальной религиозно-мистической одержимостью. Кроме того, эпиграф универсализирует повествование, отделяя его от конкретных социальных координат, и тем самым легитимизирует морально-этическую интерпретацию внутреннего конфликта персонажа, не позволяя переносить ответственность за экзистенциальный кризис на окружающее общество и неудачное стечение обстоятельств. Таким образом, эпиграф определяет аксиологическую перспективу романа «Бес» и обеспечивает его концептуальную целостность в контексте творческого метода Хьюберта Селби-мл.

Ключевые слова: *Хьюберт Селби-мл., «Бес», роль эпиграфа, экзистенциальный кризис, «американская мечта», религиозные мотивы*

K. A. Vikhrova

INTERTEXTUAL ROLE OF THE EPIGRAPH IN HUBERT SELBY JR.'S NOVEL "THE DEMON"

Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article analyzes the intertextual role of the three-part epigraph in Hubert Selby Jr.'s novel "The Demon" and its function in shaping the semantic and axiological structure of the text. The study is relevant because epigraphs in Selby's prose have received little scholarly attention, despite ongoing reader interest in his work and the growing critical focus on his novels over the past decade. The epigraph in "The Demon", which combines Selby's own aphorism with two biblical quotations from the Epistle of James and the Book of Psalms, introduces a religious and ethical perspective. It also reflects the novel's theme of God's absence. By using a systemic and integrative approach together with intertextual analysis, the study shows that the epigraph functions as the novel's conceptual element and shapes how the text is supposed to be interpreted. When Selby's ideas of "obsession" and "possession" are perceived alongside the biblical quotations, they form an ethical model in which evil arises from desire and personal responsibility, rather than from literal religious or mystical possession. The epigraph also gives the story a universal meaning by distancing it from specific social contexts. This allows the protagonist's inner struggle to be interpreted in moral and ethical terms and prevents blame from being shifted onto society

or external factors. Thus, the epigraph plays a crucial intertextual role: it defines the novel's value system and helps maintain its conceptual unity within Selby's writing method.

Keywords: *Hubert Selby Jr., «The Demon», role of epigraph, existential crisis, American Dream, religious motifs*

Введение. В современной теории текста эпиграф рассматривается как особый элемент художественного произведения, выполняющий функцию смыслового ориентира. Так, вслед за Н. А. Кузьминой, его можно определить как знак, включенный в коммуникативное пространство произведения, необходимое для порождения и интерпретации высказывания [2]. При этом принципиально важно, что сущность эпиграфа обнаруживается исключительно в процессе его взаимодействия с текстом. Как элемент художественной структуры он обладает полифункциональным характером, однако его универсальной функцией является диалогизирующая: вводя в авторский текст «внешнее слово», он формирует пространство смыслового диалога, в рамках которого реализуются информативная и формоопределяющая функции. Информация, передаваемая эпиграфом, может как указывать на коммуникативное намерение автора, так и вступать в связь с содержательной или формальной организацией произведения; в прозаических текстах особую роль играет содержательно-концептуальная функция, позволяющая актуализировать смысловую доминанту и задать интерпретационную перспективу.

Эпиграфы – прежде всего религиозного характера – играют важную роль в художественном мире произведений американского писателя Хьюберта Селби-мл. (1928–2004). Среди всех его произведений внимание исследователей преимущественно сосредоточено на романе «Реквием по мечте» ("Requiem for a Dream"), получившем широкую известность благодаря одноименной экранизации 2000 г. режиссера Даррена Аронофски. Вместе с тем выводы, сделанные в результате изучения данного романа, оказываются применимыми и к другим произведениям Селби-мл., поскольку его творчество демонстрирует высокую степень внутренней преемственности [9].

Герои всех романов Селби-мл. сталкиваются с глубоким экзистенциальным кризисом, зачастую завершающимся смертью. Характерно, что исследователи предлагают несколько объяснительных моделей, раскрывающих природу данного кризиса: одни используют категорию аномии Э. Дюркгейма – разрыва между декларируемыми целями и доступностью законных средств их достижения [10]; другие предлагают прочтение в русле психоаналитической теории, связывая трагедию персонажей с принципиальной недостижимостью объекта желания [12], кризиса маскулинной идентичности и экономической уязвимости [14], нарушением формирования привязанностей и хронической внутренней боли [6]. Примечательно, что сам прозаик в интервью настаивал на личной ответственности персонажей за происходящее [13].

Роман Селби-мл. «Бес» ("The Demon") сравнительно редко становится объектом изучения. По словам автора, он был задуман как абстрактный текст, сознательно лишенный развернутой социальной и психологической конкретики [13]. Это намерение отражено уже в названии и эпиграфе, состоящем из авторского афоризма и двух библейских цитат.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и описании внутритекстовой роли трехкомпонентного эпиграфа в романе Хьюберта Селби-мл. «Бес». Представляется, что именно эпиграф играет ключевую роль в формировании коммуникативного пространства текста и организации его аксиологической структуры. Исследование продолжает ранее начатый анализ прозы Селби-мл., в частности романов «Камера» и «Глюк» [1].

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования определяется, с одной стороны, недостаточной изученностью роли эпиграфов в прозе

Селби-мл., а с другой – возросшим в последние годы исследовательским интересом к его творчеству ([1], [6], [10], [12], [14]). Несмотря на пристальное внимание ученых к проблематике зла, насилия и экзистенциального кризиса в текстах автора, эпиграфы до настоящего времени рассматривались преимущественно фрагментарно, не становясь объектом анализа. Дополнительный аспект актуальности связан с активным переизданием произведений Селби-мл. в русских переводах, что усиливает потребность в интерпретациях, учитывающих специфику религиозных и этических кодов, заложенных в структуре романов.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужил трехкомпонентный эпиграф к роману Хьюберта Селби-мл. «Бес», включающий авторскую сентенцию и библейские цитаты из Послания апостола Иакова и Псалтири, и непосредственно текст романа. Также привлекаются первый («Последний поворот на Бруклин») и последний («Глюк») романы Селби-мл., позволяющие проследить преемственность художественных и аксиологических моделей в его творчестве, и ода Фрэнсиса Томпсона «Гончая небес», отсылку к которой содержит роман.

В работе применяется метод системно-целостного анализа, предполагающий рассмотрение эпиграфа как функционально значимого элемента художественной структуры произведения, взаимодействующего с его сюжетной, нарративной и аксиологической организацией. Интертекстуальный метод используется для выявления и описания смысловых соотнесений между эпиграфом и другими текстами – как внутри корпуса произведений Селби-мл., так и в более широком контексте.

Результаты исследования и их обсуждение. Трехкомпонентный эпиграф к роману Хьюберта Селби-мл. «Бес» представляет собой важнейший концептуальный элемент произведения, определяющий принципы организации его смыслового и аксиологического пространства. Структура эпиграфа – сочетание авторской сентенции и развернутых цитат из Послания апостола Иакова (1:12–15) и Псалтири (33:5–15) – задает особый тип диалогических отношений, в рамках которых авторское высказывание соотносится с религиозным дискурсом и формируется интерпретационная матрица романа.

Авторская сентенция – «Человек одержимый есть человек, одержимый бесом» [3, с. 6] – формулирует ключевую для романа метафору одержимости. В интервью Селби-мл. последовательно отмечал, что указание на «демона» не предполагает присутствия сверхъестественных сил, а обозначает внутреннее состояние человека, утратившего способность к этической рефлексии и самоконтролю ([8], [13]). Тем самым эпиграф снимает возможность интерпретации происходящего как результата внешнего воздействия на героя и переводит внимание в плоскость его внутренней ответственности.

Вторая – библейская – часть эпиграфа более объемна: «Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его. В искушении никто не говори: Бог меня искушает; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственною похотью; похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть» [3, с. 7]. Этот фрагмент задает нормативно-этическую рамку, в которой метафора одержимости получает развернутое концептуальное обоснование. Цитата из Послания апостола Иакова описывает искушение как процесс, исходящий не от Бога и внешних обстоятельств, а из внутреннего мира человека. Логика движения от желания к греху и смерти представляет собой модель причинно-следственной связи, которая получает художественную реализацию в романе Селби-мл.

Третий компонент эпиграфа также имеет библейское происхождение и представляет собой фрагмент псалма царя Давида: «Я взыскал Господа, и Он услышал меня, и от всех опасностей моих избавил меня. Кто обращал взор к Нему, те просвещались, и лица их не постыдятся. Сей нищий воззвал, – и Господь услышал и спас его от всех бед его» [3, с. 8].

Цитата вводит мотив спасения, даруемого Богом в ответ на искреннюю молитву. Так задается возможность преодоления внутреннего кризиса через акт обращения к высшей инстанции. Однако в романе данная модель не реализуется.

Компоненты эпиграфа функционируют как элементы единой смысловой конструкции. Авторская формула одержимости получает уточнение в библейском тексте; в то же время цитата из Священного Писания дополняется метафорическим языком сентенции Селби-мл. В результате эпиграф формирует «горизонт ожиданий», в рамках которого роман прочитывается как текст, лишенный социальной и психологической конкретики не по недостатку художественных средств, неоднократно отмечавшемуся критиками [9, p. 72–74], а в силу концептуального замысла. Так эпиграф выполняет универсализирующую функцию, «отрывая» повествование от конкретных исторических и социальных координат и тем самым переводя его в плоскость творческого эксперимента.

Роман «Бес» демонстрирует ряд существенных отличий от ранней прозы Селби-мл. В отличие от фрагментарного, экспериментального и полифонического «Последнего поворота на Бруклин» (“Last Exit to Brooklyn”, 1964) [5], «Бес» более конвенционален. Повествование сосредоточено вокруг одного персонажа – Гарри Уайта, – но по-прежнему выстроено по линейной траектории погони за «американской мечтой», приводящей к «трагедии» ([1], [7]). Как и в «Последнем повороте», в «Бесе» действие разворачивается в Нью-Йорке, но переносится из социального андеграунда – маргинального Бруклина – в благополучный Манхэттен и утрачивает плотную социальную «фактуру». Устранение социально-исторической конкретики позволяет сосредоточить внимание на логике порочного желания и ответственности.

Таким образом, несмотря на отмеченные отличия, «Бес» сохраняет внутреннюю преемственность с «Последним поворотом», что подчеркивается и эпиграфом: формула одержимости ретроспективно актуализирует ключевые мотивы ранней прозы писателя. В частности, сопоставление Гарри Уайта с Гарри Блэком из «Последнего поворота» выявляет сходство персонажей при радикальном различии их социального статуса. Внешне Уайт воплощает социальную норму и успех, тогда как Блэк – профсоюзный агитатор из рабочего класса, мучимый подавляемыми сексуальными желаниями. Однако в обоих случаях социально приемлемая маска скрывает состояние внутреннего распада, а навязчивые влечения функционируют как автономная сила, подтачивающая способность субъекта к самоконтролю и этической рефлексии.

В начале романа навязчивые желания Гарри Уайта, получающие воплощение в связях с замужними женщинами, не маркируются как разрушительные ни самим героем, ни его окружением. Они осмысляются как индивидуальная особенность характера, но не как фактор, потенциально ведущий к нравственной и экзистенциальной катастрофе. Подобная форма одержимости могла бы быть интерпретирована как элемент демонстративной мужественности, присущий Гарри Блэку, с занудным постоянством хвастающемуся сексуальными победами над красивыми женщинами. Однако принципиальное отличие Уайта заключается в том, что объектом его влечения оказывается не столько сексуальный опыт как таковой, сколько сопряженный с ним элемент риска и скандала: героя притягивает возможность разоблачения, страх быть застигнутым врасплох супругами любовниц.

Характерно, что поначалу Гарри удается держать ситуацию под контролем: он осторожен, поскольку осознает, что «соблазн имеет свойство обрушиваться на тебя, когда ты менее всего к этому готов, когда ты неспособен перебороть его или отвергнуть» [3, с. 13]. Однако стремление к социальному успеху вынуждает героя изменить привычный образ жизни: его начальник прямо указывает, что препятствием для служебного роста становится отсутствие эмоциональной зрелости, предполагающей способность к устойчивым семейным отношениям, и Гарри принимает решение о женитьбе. Тем не менее достигнутая

в браке стабильность вскоре начинает восприниматься как форма удушающего ограничения: внутренний «бес» возвращается с удвоенной интенсивностью, разрушая способность Гарри к самоконтролю. Патологическая потребность в трансгрессии – один из центральных мотивов прозы Селби-мл. [7] – постепенно нарастает и в конечном итоге утверждается в качестве доминирующего принципа поведения персонажа.

Ключевым грехом Гарри Уайта выступает похоть, понимаемая в романе не исключительно в узком сексуальном смысле: она функционирует как универсализированная форма желания. Прелюбодеяние становится для героя начальной точкой деградации: внебрачные связи он интерпретирует как своего рода «дар» любовницам, тем самым осуществляя рационализацию зла и снимая с себя ответственность за происходящее. По мере пресыщения вектор одержимости смещается: Гарри начинает совершать кражи, но интересует его не обладание вещью, а преступление. Параллельно в поведении героя проявляются алчность и зависть, что выражается в болезненной реакции на профессиональные успехи коллег и стремлении к карьерному продвижению как форме символического превосходства. Кульминацией метафорического катабасиса героя становится убийство кардинала Летермана на Пасху; выбор жертвы оказывается продиктован внутренней иррациональной силой. Также характерно, что физиологическое возбуждение героя возникает не только в ситуациях соблазнения женщин, но и в процессе совершения краж и даже во время убийства, что указывает на трансформацию желания в автономную силу, не связанную с конкретным объектом.

Ряд критиков интерпретирует «Беса» как попытку Селби-мл. создать нравоучительный роман в духе Германа Мелвилла [11, p. 364], поскольку в центре повествования оказывается духовный упадок персонажа, соседствующий с материальным успехом. Действительно, роман демонстрирует, как ориентация на внешнюю сторону благополучия не только маскирует, но и усугубляет внутреннюю пустоту и страдание человека. Вместе с тем решающую роль в деградации Гарри Уайта играет не социальная среда и экономические обстоятельства, а внутренняя инстанция – «бес».

В контексте анализа роли второго компонента эпиграфа особое значение приобретает интертекстуальная параллель «Беса» с мистической одой викторианского поэта Фрэнсиса Томпсона «Гончая небес» (“The Hound of Heaven”, 1890) [15]. Текст Томпсона представляет собой развернутую метафору неустанного преследования человеческой души божественной благодатью: лирический герой бежит от Бога, пытаясь укрыться в земных привязанностях, однако в финале все-таки принимает божественную любовь. «Гончая небес» символизирует трансцендентную инстанцию, которая неизменно предлагает возможность спасения.

В романе Селби-мл. данная метафора подвергается принципиальной трансформации, что напрямую соотносится с этической моделью, заданной эпиграфом из Послания апостола Иакова. В ключевом эпизоде внутренних переживаний Гарри Уайта образ «небесной гончей» переосмысляется в виде сцены внутреннего распада, оформленной приемом потока сознания: «…он стал полем боя райских псов и псов адских и адские псы рвали и драли его плоть и все больше дичали и зверели от запаха и вкуса крови а райские псы стояли абсолютно безмолвно и неподвижно и ждали… псов райских нужно попросить вступить в битву…» [3, с. 365]. В этом фрагменте в сознании героя разворачивается противостояние «райских» и «адских» псов; вторые беспрепятственно терзают Гарри, а первые ожидают призыва, который позволил бы им защитить его. В отличие от оды Томпсона, в которой божественное преследование носит активный и неотвратимый характер, у Селби-мл. божественная инстанция радикально пассивна: «райские псы» даже способны восстановить разрушенное и истерзанное сознание, но не имеют права действовать без воли самого героя.

Данная сцена представляет собой художественное выражение заданной эпиграфом логики: Бог не искушает и не вторгается в человеческую свободу, а ответственность за исход внутренней борьбы возлагается на самого героя. Воззвания Гарри Уайта к Богу сопровождаются агрессией, что указывает на его внутреннее сопротивление высшей инстанции. При этом принципиальную важность приобретает посвящение романа, в котором Селби-мл. указывает, что «ради победы [он] должен сдаться» [3, с. 5]: Гарри оказывается неспособен реализовать подобную модель обращения к Богу. Несмотря на интенсивность боли и страданий, он так и не произносит того «слова», которое позволило бы «райским псам» вступиться за него. Внутренний конфликт завершается отказом от Бога – убийством кардинала в пасхальное время, – что, по словам Селби-мл., представляет собой ответ на вопросы героя [13]; концом пути Гарри Уайта становится самоубийство.

Тем самым параллель с одой Томпсона позволяет выявить принципиальную особенность романа «Бес»: Бог в художественном мире Селби-мл. не навязывает Себя человеку и не отказывает ему в милости; однако принятие этой милости возможно лишь при условии внутреннего отказа от борьбы и признания собственной ответственности. Гибель Гарри оказывается следствием его неспособности принять адресованную ему возможность спасения.

Наконец, третья часть эпиграфа отсылает к возможности воззвать к Богу с искренней молитвой и обрести Его заступничество и спасение. Действительно, на протяжении романа Гарри Уайт неоднократно обращается к Богу, настойчиво требуя ответа, и примечательно, что упоминания Творца в тексте чаще всего сопровождают приступы паники и состояния предельного внутреннего напряжения. Эти обращения выявляют фундаментальное противоречие между острой потребностью Гарри в трансцендентной опоре и его неспособностью преодолеть изоляцию и отчуждение: «Господи Иисусе, неужели я, черт возьми, многого прошу» [3, с. 276]. Повторяющееся сочетание обращений к Богу и обсценной лексики подчеркивает амбивалентность отношения Уайта к религиозному измерению: он одновременно стремится быть услышанным и бунтует против молчания высшей инстанции. Так формируется мотив богооставленности, возникающий как субъективно переживаемое состояние радикальной недоступности Бога, обусловленное одержимостью персонажа «бесом». Бог в художественном мире романа присутствует имплицитно, но оказывается недосягаемым для Гарри. Примечательно, что данная линия получает дальнейшее развитие в последнем романе Селби-мл. «Глюк» [4], в котором некая высшая инстанция (Бог или Сатана) непосредственно комментирует действия главного героя.

Выводы. Эпиграф в романе Хьюберта Селби-мл. «Бес» играет ключевую внутритекстовую роль, формируя концептуальное и аксиологическое ядро произведения. Трехкомпонентная структура эпиграфа – сочетание авторской сентенции об «одержимости» и библейских цитат из Послания апостола Иакова и Псалтири – задает интерпретационную матрицу романа, направляя восприятие повествования и акцентируя внимание на внутренней ответственности персонажа. Авторская формула одержимости обозначает внутреннее состояние субъекта, утратившего способность к самоконтролю и этической рефлексии; цитата из Послания апостола Иакова уточняет причинно-следственную логику падения человека: от желания к греху и смерти; цитата из Псалтири указывает на возможность спасения, остающуюся нереализованной. Эпиграф одновременно универсализирует повествование, «отрывая» его от конкретных социальных и исторических координат, и задает диалогическую структуру, в которой авторское высказывание соотносится с религиозным дискурсом.

Метафора «небесной гончей» из оды Фрэнсиса Томпсона в романе Селби-мл. подвергается трансформации: божественная инстанция присутствует, но пассивна, и спасение возможно только при добровольном обращении к ней. Одержимость «бесом» и неспособность

обратиться к Богу становятся ведущими движущими силами повествования, приводя героя к моральной и экзистенциальной катастрофе, кульминацией которой выступает убийство кардинала и самоубийство. Таким образом, эпиграф определяет религиозную и морально-этическую перспективу повествования и демонстрирует, что путь от одержимого желания к греху и смерти формируется не внешними обстоятельствами, а внутренним выбором и моральной несостоятельностью персонажа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вихрова К. А.* Американская исключительность и богооставленность в романах Хьюберта Селби-мл.-мл. // Филология и культура. – 2024. – № 3(77). – С. 181–186.

2. *Кузьмина Н. А.* Эпиграф в коммуникативном пространстве художественного текста // Вестник Омского университета. – 1997. – № 2. – С. 60–63.

3. *Селби Х.* Бес / пер. с англ. И. Карич. – Тверь : Kolonna Publications, 2017. – 388 с.

4. *Селби Х.* Глюк / пер. с англ. А. Ю. Кабалкина. – М. : Торнтон и Сагден, 2003. – 192 с.

5. *Селби Х.* Последний поворот на Бруклин / пер. с англ. В. Когана. – М. : АСТ, 2020. – 384 с.

6. *AlGhufauli M. A.* Object relations theory as a means to understand the formation and development of drug addiction in “Requiem for a dream” by Hubert Selby Jr. [Электронный ресурс] // Social Sciences & Humanities Open. – 2025. – Vol. 12. – URL : https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2025.101849 (дата обращения: 18.01.26).

7. *Brick C.* Hubert Selby Jr.’s War on God [Электронный ресурс] // Spiked. – May 30, 2018. – URL : https://www.spiked-online.com/2018/05/30/hubert-selby-jrs-war-on-god/ (дата обращения: 18.01.26).

8. *Couteau R.* Defining the Sacred: Hubert Selby, Jr. on Spirituality, the Creative Will, & Love [Электронный ресурс] // Rain Taxi. – 1999. – URL : https://raintaxi.com/defining-the-sacred/ (дата обращения: 18.01.26).

9. *Giles J. R.* Understanding Hubert Selby, Jr. – Columbia : University of South Carolina Press, 1998. – 163 p.

10. *Khodadadi N., Shabanirad E.* A Study of Emile Durkheim's Concept of Anomie in Hubert Selby's Novel “Requiem for a Dream” // International Letters of Social and Humanistic. – 2015. – Vol. 62. – P. 126–130.

11. *Metcalf P.* Herman and Hubert: The Odd Couple // Review of Contemporary Fiction. – 1981. – Vol. 1. – № 2. – P. 364–369.

12. *Muniowski L.* Urban Tensions. Hubert Selby Jr.'s “Last Exit to Brooklyn” // Localities. – 2016. – Vol. 5. – P. 193–196.

13. *O’Brien J.* A Conversation with Hubert Selby [Электронный ресурс] // The Review of Contemporary Fiction. – 1981. – Vol. 12. – URL : http://www.dalkeyarchive.com/a-conversation-with-hubert-selby-by-john-obrien/ (дата обращения: 18.01.26).

14. *Sabir A.* The Silent Suffering of Men: Exploring Mental Health and Exploitation in “Requiem for a Dream” by Hubert Selby Jr. through a Societal Lens [Электронный ресурс] // Migration Letters. – 2024. – Vol. 21. – № S10. – P. 1355–1369. – URL : https://migrationletters.com/index.php/ml/article/view/12054 (дата обращения: 18.01.26).

15. *Thompson F.* The Hound of Heaven [Электронный ресурс]. – URL : https://www.houndofheaven.com/poem (дата обращения: 18.01.26).

Статья поступила в редакцию 20.01.2026

REFERENCES

1. Vikhrova K. A. Amerikanskaya isklyuchitel'nost' i bogoostavlennost' v romanakh Kh'yu-berta Selbi-ml. // Filologiya i kul'tura. – 2024. – № 3(77). – S. 181–186.

2. Kuz′mina N. A. Epigraf v kommunikativnom prostranstve khudozhestvennogo teksta // Vestnik Omskogo universiteta. – 1997. – № 2. – S. 60–63.

3. Selbi Kh. Bes / per. s angl. I. Karich. – Tver′ : Kolonna Publications, 2017. – 388 s.

4. Selbi Kh. Glyuk / per. s angl. A. Yu. Kabalkina. – M. : Tornton i Sagden, 2003. – 192 s.

5. Selbi Kh. Poslednij povorot na Bruklin / per. s angl. V. Kogana. – M. : AST, 2020. – 384 s.

6. AlGhufauli M. A. Object relations theory as a means to understand the formation and development of drug addiction in “Requiem for a dream” by Hubert Selby Jr. [Elektronnyj resurs] // Social Sciences & Humanities Open. – 2025. – Vol. 12. – URL : https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2025.101849 (data obrashcheniya: 18.01.26).

7. Brick C. Hubert Selby Jr.’s War on God [Elektronnyj resurs] // Spiked. – May 30, 2018. – URL : https://www.spiked-online.com/2018/05/30/hubert-selby-jrs-war-on-god/ (data obrashcheniya: 18.01.26).

8. Couteau R. Defining the Sacred: Hubert Selby, Jr. on Spirituality, the Creative Will, & Love [Elektronnyj resurs] // Rain Taxi. – 1999. – URL : https://raintaxi.com/defining-the-sacred/ (data obrashcheniya: 18.01.26).

9. Giles J. R. Understanding Hubert Selby, Jr. – Columbia : University of South Carolina Press, 1998. – 163 p.

10. Khodadadi N., Shabanirad E. A Study of Emile Durkheim\'s Concept of Anomie in Hubert Selby\'s Novel “Requiem for a Dream” // International Letters of Social and Humanistic. – 2015. – Vol. 62. – P. 126–130.

11. Metcalf P. Herman and Hubert: The Odd Couple // Review of Contemporary Fiction. – 1981. – Vol. 1. – № 2. – P. 364–369.

12. Muniowski L. Urban Tensions. Hubert Selby Jr.\'s “Last Exit to Brooklyn” // Localities. – 2016. – Vol. 5. – P. 193–196.

13. O’Brien J. A Conversation with Hubert Selby [Elektronnyj resurs] // The Review of Contemporary Fiction. – 1981. – Vol. 12. – URL : http://www.dalkeyarchive.com/a-conversation-with-hubert-selby-by-john-obrien/ (data obrashcheniya: 18.01.26).

14. Sabir A. The Silent Suffering of Men: Exploring Mental Health and Exploitation in “Requiem for a Dream” by Hubert Selby Jr. through a Societal Lens [Elektronnyj resurs] // Migration Letters. – 2024. – Vol. 21. – № S10. – P. 1355–1369. – URL : https://migrationletters.com/index.php/ml/article/view/12054 (data obrashcheniya: 18.01.26).

15. Thompson F. The Hound of Heaven [Elektronnyj resurs]. – URL : https://www.houndofheaven.com/poem (data obrashcheniya: 18.01.26).

The article was contributed on January 20, 2026

Сведения об авторе

Вихрова Ксения Александровна – старший преподаватель кафедры гуманитарных и инженерных дисциплин Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица, г. Санкт-Петербург, Россия, https://orcid.org/0000-0003-4175-8005, r2654256@gmail.com

Author Information

Vikhrova, Ksenia Aleksandrovna – Senior Lecturer at the Department of Humanities and Engineering, Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design, Saint Petersburg, Russia, https://orcid.org/0000-0003-4175-8005, r2654256@gmail.com

УДК 811.161.1’373.611:001.4 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.005

А. А. Глибина

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ СЛОВ С ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ ВО ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТАХ РОССИЙСКОГО ПСЕВДОНАУЧНОГО ДИСКУРСА

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены структурные, функциональные и семантические особенности окказиональных слов, имеющих отрицательную коннотацию и функционирующих во вторичных текстах псевдонаучного дискурса. Актуальность их исследования связана с необходимостью изучения зафиксированных во вторичных текстах вербализованных реакций клиентов псевдонаучного дискурса как отражения силы прагматического воздействия исходных текстов. Источником материала являются вторичные тексты псевдонаучного дискурса, оставленные в виде комментариев к видеоматериалам астрологической тематики, из которых отобрано и проанализировано 114 окказиональных слов. Эти лексемы отражают негативную реакцию на информацию, представленную в исходном мультимодальном тексте (видео). Для образования данных языковых единиц используется как нейтральная лексика (38 %), так и слова, имеющие ярко выраженную отрицательную коннотацию (62 %). Выявлено, что в 86 % случаев окказиональные слова усиливают выражаемые их авторами негативные эмоции, а в 14 % случаев при помощи этих лексем происходит сглаживание эмоциональной реакции. Все отобранные единицы образованы суффиксальным способом. Добавляемые к основам таких лексем суффиксы часто усиливают их коннотативное значение, поскольку транслируют уничижительное, фамильярное, пренебрежительное отношение к предмету речи. В качестве основы для их образования также выступают слова, относящиеся к сниженной, иногда табуированной лексике.

Ключевые слова: *псевдонаучный дискурс, окказиональные слова, вторичный текст, астрологический текст, суффиксальный способ словообразования*

A. A. Glibina

PECULIARITIES OF NEGATIVE NONCE WORDS FUNCTIONING IN SECONDARY TEXTS OF RUSSIAN PSEUDOSCIENTIFIC DISCOURSE

Novosibirsk Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

Abstract. This article considers structural, functional, and semantic peculiarities of negative nonce words in secondary texts of pseudoscientific discourse (PSD). The relevance of the study stems from the importance of the research of PSD clients’ verbalized reactions expressed in the secondary texts as they demonstrate the pragmatic influence of the initial texts on the target audience. 114 secondary texts of the PSD have been taken for analysis. They were left as comments to astrological videos. The selected words reflect negative reaction to the information presented in the initial text (video). In 38% of cases stylistically neutral stems were used to produce nonce words. In 62% of cases lexical units with explicit negative connotation were taken as the source of nonce word formation. In 86% of cases nonce words make negative emotions expressed by the authors more emphatic, and in 14% of cases nonce words help to smooth the emotional reaction. All the selected words are formed by means of suffixes. Often suffixes added to the stems magnify their connotation as in many cases they express contemptuous or neglectful attitude to the subject matter. Also, the stems of slang and vulgar words can also be taken to form nonce words.

Keywords: *pseudoscientific discourse, nonce words, secondary text, astrological text, suffixation*

Введение. Быстрое развитие новых медиа дало импульс для экспоненциального увеличения количества вторичных текстов (далее – ВТ). Соцсети, видеоблоги, подкасты, интернет-СМИ, компьютерные игры и др., в отличие от традиционных медиа, создают диалоговое пространство, в котором целевая аудитория является не пассивным потребителем контента, а соавтором. Интерактивность позволяет пользователям не только делиться ссылками на исходные тексты, но и оставлять комментарии, а также создавать на основе оригинального материала собственный контент. Поэтому изучение ВТ, функционирующих в новых медиа, в настоящее время приобретает особую актуальность.

Значимым представляется исследование лингвокреативного потенциала ВТ, создаваемых в рамках псевдонаучного дискурса (далее – ПД), поскольку активное словотворчество является косвенным отражением значимости ПД. Новые медиа, транслирующие псевдонаучные идеи, побуждают клиентов дискурса переходить в роль агентов и создавать ВТ. При этом создание слов в подобного рода текстах является отражением того, что лицо, порождающее такие лексические единицы, принимает на себя роль человека играющего (homo ludens) [14], проявляя гибкость и креативность мышления и реализуя, таким образом, когнитивную функцию, изучение которой находится в русле современных лингвистических исследований.

Цель работы заключается в выявлении особенностей функционирования окказиональных слов во вторичных текстах псевдонаучного дискурса.

Новизна работы состоит в том, что впервые предпринята попытка проанализировать особенности функционирования окказиональных слов в псевдонаучном дискурсе.

В последние годы наблюдается рост исследовательского интереса к псевдонаукам с позиций лингвистической науки, что проявилось в глубоком и разностороннем изучении текстов, главным образом, астрологической тематики: от общего анализа дискурсивных особенностей ПД (труды Я. В. Зубковой, И. А. Калюжной, И. К. Кирилловой [9], А. М. Мубаракшиной [14]) до исследования таких частных вопросов, как структурно-семантические особенности астрологических текстов (В. А. Андреев [1]), их прагматический и манипулятивный потенциалы (работы М. В. Влавацкой [4], Н. В. Мельник и А. А. Глибиной [5]), осмысление концептуализации в астрологическом дискурсе [7], анализ особенностей заимствования образов [20] и т. д.

Многоаспектному анализу подверглись и ВТ, которые выступили объектом целого ряда исследований (труды С. П. Анохиной [2], С. Г. Будановой [3], А. В. Моисеевой [13], С. Ю. Усольцевой [18] и др.). Однако лингвокреативный потенциал ВТ российского ПД до настоящего времени все еще остается недостаточно изученным.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования связана с необходимостью изучения зафиксированных во ВТ вербализованных реакций клиентов ПД как отражения силы прагматического воздействия исходных текстов.

Материал и методы исследования. Материалом для анализа послужили окказиональные слова с отрицательной коннотацией, используемые во ВТ ПД, в количестве 114 единиц, оставленные в комментариях к мультимодальным текстам астрологической тематики. Эмпирический материал отобран методом целенаправленной выборки из ВТ трех видеоблогов, размещенных в свободном доступе на платформе Rutube и находящихся в разделе «Комментарии». Для достижения поставленной цели проведен анализ научной литературы по проблематике исследования, применены следующие методы: описание, синтез, критический анализ, сравнение и контекстуальный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение. Мультимодальные тексты, созданные в рамках ПД, вызывают у пользователей сети Интернет ответную реакцию, которая находит свое выражение в виде ВТ.

ВТ выступают предметом ряда исследований, однако до настоящего времени в лингвистической литературе нет общепринятого определения данного термина. В широком

смысле ВТ – это текст, образованный посредством использования определенных механизмов на базе исходного текста (далее – ИТ) и сохранивший его мотивирующую роль в своей деривационной структуре [6, с. 20], являющийся способом интерпретации информации, содержащейся в ИТ, и ее адаптации к новым условиям коммуникации [10, с. 69]. ВТ является носителем некого знания, которое сформировалось в сознании человека после прочтения ИТ, отразилось в порожденном им ВТ с использованием языковых средств, которые данная языковая личность использовала в момент порождения текста, будучи под влиянием прагматического воздействия, оказанного на нее ИТ.

В связи с этим особую значимость в рамках настоящей работы приобретают подходы к изучению ВТ с точки зрения когнитивной лингвистики и лингвоперсонологии. Так, с позиций когнитивной науки ВТ – это «вербальное образование, которое порождается в результате развертывания определенных ментальных структур …, являющихся результатом осмысления и понимания первичного текста и отражающих в свернутом виде основное его содержание» [15]. Ментальные структуры, будучи основой индивидуального ментального опыта человека, обусловливают процесс переработки информации, содержащейся в ИТ, и влияют на ее репрезентацию во ВТ вследствие избирательности отражения. Поэтому создаваемый человеком ВТ зависит от его индивидуального ментального опыта, а то, при помощи каких языковых средств он вербализует сообщение, непосредственно связано с его языковой личностью, качеством его языковой способности. Следовательно, ВТ также необходимо рассматривать с позиций лингвоперсонологии, с точки зрения которой персонотекст – это «текст в аспекте проявления в нем свойств персоны – языковой личности автора и / или адресата» [17, с. 126–127].

Языковая личность в ВТ может проявлять свою лингвокреативность, т. е., обладая достаточно обширным словарным запасом и зная закономерности образования лексических единиц (уровень правильности [11]), она может использовать в речи все многообразие выразительных средств языка (уровень насыщенности [11]) для оказания прагматического воздействия на других коммуникантов. Эта точка зрения согласуется с мнением Н. Н. Шпильной, которая рассматривает производный текст (ВТ) как диалогический текст, как производно-прагматическую единицу [22, с. 126]. При этом ВТ, в отличие от ИТ, имеет иные прагматические цели и реализуется в другой коммуникативной ситуации, сохраняя когнитивно-семантические элементы ИТ как условие развертывания ВТ [16, с. 117].

Оказание прагматического воздействия на целевую аудиторию является одной из первостепенных целей ПД. В настоящем исследовании этот термин понимается как личностно-ориентированный вид дискурса, предполагающий устный и письменный обмен информацией, имеющей околонаучный характер, верификация которой не представляется возможной.

ИТ способен выступать как основа для создания не просто своеобразного диалога / полилога, но и игровой ситуации, когда ключевая лексика и смыслы ИТ служат для создания окказиональных слов.

ВТ ПД по форме и содержанию не тождественны и не эквивалентны ИТ, что отражает детерминационный принцип текстопостроения [12, с. 150]. Когнитивная структура ВТ существенно отличается от структуры ИТ, но при этом оба текста связаны друг с другом коммуникативно [16, с. 119].

Если контент вызывает у целевой аудитории сильную эмоциональную реакцию, то часть комментаторов начинает включать в продуцируемые ВТ различные средства лексической выразительности, которые помогают не только выразить внутреннее состояние человека, но и оказать воздействие на других коммуникантов, побуждая их комментировать созданный ВТ. В некоторых случаях авторы комментариев переходят в позицию человека играющего (homo ludens) [19]. В своих ВТ они начинают использовать язык

не только как способ передачи информации, но и как инструмент создания игровой ситуации. Так во ВТ появляется языковая игра.

На лексическом уровне она может проявиться в создании окказиональных слов с помощью как продуктивных, так и непродуктивных способов словообразования. В настоящей работе, вслед за Е. Н. Ермаковой, окказиональные слова будут пониматься в широком смысле как слова, отсутствующие в языковой традиции, создаваемые в момент речи, обозначающие все речевые инновации (как системные, так и асистемные), созданные и по продуктивным словообразовательным моделям, и с отступлениями от современной словообразовательной системы языка [8, с. 96].

В результате анализа окказиональных слов, функционирующих в текстах-комментариях, выделено 2 группы: к первой относятся новообразования, в которых отрицательное значение мотивирующего слова усиливается при помощи суффиксов (86 %), ко второй – единицы, в которых отрицательное коннотативное значение, присущее мотиванту, при помощи суффиксов сглаживается (14 %).

В первую группу вошли окказиональные слова, образованные от стилистически нейтральных слов. Однако к ним, как правило, добавлялись форманты, имеющие яркое коннотативное значение (38 % слов, входящих в данную группу). Таким единицам свойственен пренебрежительный, уничижительный характер, что нашло отражение не только в семантике этих лексем, но и в их структуре. Например, в следующем фрагменте окказиональное слово *гороскоперы*, образованное по продуктивной для английского языка (но непродуктивной для русского) модели, отражает недоверие к автору ИТ: «***Гороскоперы*** *обещали золотые горы, развод с женой и хорошую работу. Ничего не сбылось*» [24].

В приведенном примере окказиональное слово образовано от изначально стилистически нейтральной лексемы *гороскоп*. Однако большая часть окказиональных слов, входящих в первую группу (62 %), получена суффиксальным способом от лексических единиц, уже имеющих отрицательное коннотативное значение, например, *кошмар, тяжелый, нервный, ад* и т. п.: «*Это был* ***адищенский*** *ад, никакому самому страшному уроду не пожелаю, через что проползла*» [21]; «*Прям этот год* ***тяжеляк***» [21]; «*У меня муж Дева. Постоянно дает мне* ***нервяк*** *резкими переменами планов*» [21].

Суффикс обычно в таких случаях делает отрицательное значение первоначального слова более ярким. Например, в следующем контексте суффикс *-ищ-*, используемый для создания окказионального слова *негативище,* усиливает исходный признак: «***Негативище****! Ужас*» [21].

Подобные окказиональные слова во ВТ могут использоваться для выражения крайне негативных эмоций и для значительного усиления какого-л. признака явления. Например, окказиональное слово *долбанина* выражает максимально негативное отношение автора ВТ к происходящим в прошлом событиям: «*Спасибо от весов, когда Катя сказала, что выдохнем- то ура! Через 5 лет* ***долбанины*** *повезет*» [21].

Такая игра с языковыми средствами позволяет выделить свой комментарий среди остальных, а также дать предмету обсуждения уникальное наименование для отражения исключительной природы номинируемого.

Как наглядно демонстрирует предыдущий пример, при образовании рассматриваемых лексических единиц основой может выступать сниженная лексика и жаргонизмы: «*Вот такой* ***попадосик(((***» [21].

Для увеличения прагматического воздействия комментаторы их помещают в сильные позиции, например, в конце предложения: «*Под конец 2025 разорвала очень серьезный 6-летний союз! И вышла из него, мужчина зависим от алко очень сильно был,* ***НРЛ-щик***» [24].

В рассматриваемом случае окказионализм *НРЛ-щик* образован от психологического термина *нарциссическое расстройство личности*. Однако если в специализированных

текстах люди, страдающие от этого психического заболевания, обозначаются при помощи термина *больной с нарциссическим расстройством личности (больной с НРЛ)*, то автор ВТ для компрессии использует окказиональное слово, образованное по продуктивной для русского языка модели – путем добавления суффикса *-щик*, обозначающего профессию, занятие, род деятельности какого-л. лица. Данная лексема помещена в конце предложения, что помогает сделать на ней логическое ударение и передать негативное отношение.

В проанализированных ВТ ПД суффиксальный способ образования новых лексем является самым распространенным, так как в русском языке при помощи суффиксов можно выразить особое отношение к номинируемому объекту. Например, в следующих фрагментах при помощи суффиксов *-ыч-* и *-юк-* выражено пренебрежительно-фамильярное отношение к предметам обсуждения: «*Через лет 20* ***Плутоныч*** *зайдет в рыбу*» [24]; «*Я тоже* ***близнюки****, знаю, что наконец-то начнется сбыча мечт!*» [24].

Окказиональные слова с отрицательным коннотативным значением могут также служить эвфемизмами для табуированной лексики: «*До этого Катя сказала, что водолеям тяжело... Ноябрь какой-то* ***звезденцовый***» [21]. От табуированной лексики заимствуется форма, элементы которой комментатор заменяет стилистически нейтральными морфемами.

Новые лексические единицы во ВТ ПД могут возникать вследствие преднамеренного искажения сложных терминов, непонятных комментатору. Например, автор следующего ВТ намеренно изменяет термин *асцендент*, поскольку не понимает его значение в ИТ: «*Если я 7 мая рожден, то мне так и смотреть - Телец, верно? А то напридумали асцендент* ***шмецедент****, запутали совсем*» [21].

Во вторую группу (14 % лексем) вошли окказиональные слова, с помощью употребления которых, наоборот, происходило сглаживание описываемых негативных событий, характеристик, эмоциональных состояний и т. п. Окказиональные слова появлялись на основе слов с отрицательной коннотацией путем добавления уменьшительно-ласкательных суффиксов, например, *стремачненько, долбанутушка* и т. п.: «*С приходом урана* ***стремачненько*** *как-то чувствую себя. Голова часто болит*» [23]; *«Свекровка моя* ***долбанутушка*** *опять доставать меня начала. Не перевариваю рыбов, всякую грязь за спиной льют*» [24].

Анализируемая группа включает в себя в семь раз меньше лексем, чем первая, поскольку авторы ВТ гораздо чаще пытаются как можно ярче выразить возникшие у них негативные реакции, привлекая внимание других комментаторов и автора ИТ, а не сгладить их.

Выводы. В результате анализа эмпирического материала выявлено, что во вторичных текстах псевдонаучного дискурса достаточно широко используются такие средства лексической выразительности, как окказиональные слова. В большинстве случаев они возникают как средство выражения сильных негативных эмоций. При их порождении используется суффиксальный способ словообразования, при этом данные морфемы добавляются чаще к основам лексем, уже имеющим отрицательное коннотативное значение. Также в ряде случаев при помощи суффиксов, наоборот, происходит частичная редукция негативного значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев В. А.* Семиотика и функциональная специфика астропрогноза в русской лингвокультуре : дис. … канд. филол. наук : 5.9.5. – Ставрополь, 2025. – 219 с.

2. *Анохина С. П.* Вторичные тексты: типология, семиотика // Педагогический форум. – 2025. – № 1(15). – С. 105–114.

3. *Буданова С. Г.* Лакуны во вторичных учебных текстах ЕГЭ по русскому языку // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2024. – № 4(125). – С. 26–32. – DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.003.

4. *Влавацкая М. В.* Выявление суггестивного речевого воздействия в текстах гороскопа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18, вып. 10. – С. 4557–4566.

5. *Глибина А. А., Мельник Н. В.* Манипулятивный потенциал антонимов в псевдонаучном дискурсе // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – № 6(115). – С. 491–495.

6. *Голев Н. Д., Сайкова Н. В.* К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: сб. ст. / под общей ред. В. А. Пищальниковой. – Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2001. – Вып. 3. – С. 20–27.

7. *Голодная В. Н.* Концептуализация баланса идентичности в астрологическом дискурсе [Электронный ресурс] // Russian Linguistic Bulletin. – 2020. – № 4(24). – С. 118–121. – URL : https://rulb.org/archive/4-24-2020-december/kontseptualizatsiia-balansa-identichnosti-v-astrologicheskom-diskurse (дата обращения: 10.01.2026). – DOI 10.18454/RULB.2020.24.4.27.

8. *Ермакова Е. Н.* Окказиональность как проявление инновационных процессов в сфере слово- и фразообразования современного русского языка // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2015. – № 6. – С. 95–99.

9. *Зубкова Я. В., Калюжная И. А., Кириллова И. К.* Дискурсивные характеристики прогностических текстов (на материаленемецких и русских гороскопов) // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 1. – С. 376–380.

10. *Ионова С. В.* О двух моделях построения вторичных текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2006. – Вып. 5. – С. 69–76.

11. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – 7-е изд.– М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.

12. *Мельник Н. В.* Дериватологическая и лингвоперсонологическая интерпретация вторичного текста // Вестник Кемеровского государственного университета. – № 4(44). – 2010. – С. 148–153.

13. *Моисеева А. В.* Вторичные тексты как носители смысла и содержания: на примере текста-комментария мессенджера Телеграм // // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – 2024. – № 4. – С. 139–150. – DOI 10.31249/ling/2024.04.08.

14. *Мубаракшина А. М.* Дискурсивные особенности гороскопического текста // Филология и культура. – 2021. – № 4(66). – С. 101–105. – DOI 10.26907/2074-0239-2021-66-4-101-105.

15. *Новиков А. И., Сунцова Н.* Концептуальная модель порождения вторичного текста [Электронный ресурс] // Обработка текста и когнитивные технологии. 1999. – № 3. – С. 158–166. – URL : http://psycholinguistik.narod.ru/index/0-77 (дата обращения: 06.09.25).

16. *Первухина С. В.* Когнитивно-семантическая связь вторичных текстов и их текстов-источников // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 1, № 2. – С. 116–124.

17. *Сайкова Н. В.* Лингвоперсонологическое описание вторичных текстов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 10(148), вып. 30. – С. 126–130.

18. *Усольцева С. Ю.* Научная рецензия как вторичный текст: структура, лингвостилистика, прагматика // Поволжский педагогический вестник. – 2022. – Т. 10, № 4(37). – С. 44–52.

19. *Хейзинга Й.* Homo ludens. Человек играющий / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова. – СПб. : Изд-во И. Лимбаха, 2011. – 416 с.

20. *Ши Л.* Заимствование образов традиционного китайского гороскопа современной русской календарной словесностью: логика трансформации // Филология: научные исследования. – 2025. – № 6. – С. 42–54. – DOI 10.7256/2454-0749.2025.6.74986.

21. Школа астрологии Катерины Дятловой [Электронный ресурс]. – URL : https://rutube.ru/channel/38656974 (дата обращения: 12.01.2026).

22. *Шпильная Н. Н.* О диалогической природе производного текста // Филология и человек. – 2018. – № 3. – С. 124–130. – DOI 10.14258/filichel(2018)3-09.

23. Шравана: школа ведической астрологии [Электронный ресурс]. – URL : https://rutube.ru/channel/51364134/videos (дата обращения: 08.09.25).

24. Angela Pearl: Гороскоп и Таро [Электронный ресурс]. – URL : https://rutube.ru/channel/45787587/videos (дата обращения: 25.10.2025).

Статья поступила в редакцию 19.01.2026

REFERENCES

1. Andreev V. A. Semiotika i funkcional'naya specifika astroprognoza v russkoj lingvokul'ture : dis. … kand. filol. nauk : 5.9.5. – Stavropol', 2025. – 219 s.

2. Anohina S. P. Vtorichnye teksty: tipologiya, semiotika // Pedagogicheskij forum. – 2025. – № 1(15). – S. 105–114.

3. Budanova S. G. Lakuny vo vtorichnyh uchebnyh tekstah EGE po russkomu yazyku // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2024. – № 4(125). – S. 26–32. – DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.003.

4. Vlavackaya M. V. Vyyavlenie suggestivnogo rechevogo vozdejstviya v tekstah goroskopa // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2025. – T. 18, vyp. 10. – S. 4557–4566.

5. Glibina A. A., Mel'nik N. V. Manipulyativnyj potencial antonimov v psevdonauchnom diskurse // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2025. – № 6(115). – S. 491–495.

6. Golev N. D., Sajkova N. V. K osnovaniyam derivacionnoj interpretacii vtorichnyh tekstov // Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa: psiholingvisticheskij i kognitivnyj aspekty: sb. st. / pod obshchej red. V. A. Pishchal'nikovoj. – Barnaul : Izd-vo Altajskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001. – Vyp. 3. – S. 20–27.

7. Golodnaya V. N. Konceptualizaciya balansa identichnosti v astrologicheskom diskurse [Elektronnyj resurs] // Russian Linguistic Bulletin. – 2020. – № 4 (24). – S. 118–121. – URL : https://rulb.org/archive/4-24-2020-december/kontseptualizatsiia-balansa-identichnosti-v-astrologicheskom-diskurse (data obrascheniya: 10.01.2026). – DOI 10.18454/RULB.2020.24.4.27.

8. Ermakova E. N. Okkazional'nost' kak proyavlenie innovacionnyh processov v sfere slovo- i frazoobrazovaniya sovremennogo russkogo yazyka // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekraso-va. – 2015. – № 6. – S. 95–99.

9. Zubkova Ya. V., Kalyuzhnaya I. A., Kirillova I. K. Diskursivnye harakteristiki prognosticheskih tekstov (na materialenemeckih i russkih goroskopov) // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. – 2023. – № 1. – S. 376–380.

10. Ionova S. V. O dvuh modelyah postroeniya vtorichnyh tekstov // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. – 2006. – Vyp. 5. – S. 69–76.

11. Karaulov Yu. N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. – 7-e izd.– M. : Izd-vo LKI, 2010. – 264 s.

12. Mel'nik N. V. Derivatologicheskaya i lingvopersonologicheskaya interpretaciya vtorichnogo teksta // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – № 4(44). – 2010. – S. 148–153.

13. Moiseeva A. V. Vtorichnye teksty kak nositeli smysla i soderzhaniya: na primere teksta-kommentariya messendzhera Telegram // // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6. Yazykoznanie. – 2024. – № 4. – S. 139–150. – DOI 10.31249/ling/2024.04.08.

14. Mubarakshina A. M. Diskursivnye osobennosti goroskopicheskogo teksta // Filologiya i kul'tura. – 2021. – № 4(66). – S. 101–105. – DOI 10.26907/2074-0239-2021-66-4-101-105.

15. Novikov A. I., Suncova N. Konceptual'naya model' porozhdeniya vtorichnogo teksta [Elektronnyj resurs] // Obrabotka teksta i kognitivnye tekhnologii. 1999. – № 3. – S. 158–166. – URL : http://psycholinguistik.narod.ru/index/0-77 (data obrashcheniya: 06.09.25).

16. Pervuhina S. V. Kognitivno-semanticheskaya svyaz' vtorichnyh tekstov i ih tekstov-istochnikov // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. – 2012. – T. 1, № 2. – S. 116–124.

17. Sajkova N. V. Lingvopersonologicheskoe opisanie vtorichnyh tekstov // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Iskusstvovedenie. – 2009. – № 10(148), Vyp. 30. – S. 126–130.

18. Usol'ceva S. Yu. Nauchnaya recenziya kak vtorichnyj tekst: struktura, lingvostilistika, pragmatika // Povolzhskij pedagogicheskij vestnik. – 2022. – T. 10, № 4(37). – S. 44–52.

19. Hejzinga J. Homo ludens. Chelovek igrayushchij / Sost., predisl. i per. s niderl. D. V. Sil'vestrova. – SPb. : Izd-vo I. Limbaha, 2011. – 416 s.

20. Shi L. Zaimstvovanie obrazov tradicionnogo kitajskogo gorosko-pa sovremennoj russkoj kalendarnoj slovesnost'yu: logika transformacii // Filologiya: nauchnye issledovaniya. – 2025. – № 6. – S. 42–54. – DOI 10.7256/2454-0749.2025.6.74986.

21. Shkola astrologii Kateriny Dyatlovoj [Elektronnyj resurs]. – URL : https://rutube.ru/channel/38656974 (data obrashcheniya: 12.01.2026).

22. Shpil'naya N. N. O dialogicheskoj prirode proizvodnogo teksta // Filologiya i chelovek. – 2018. – № 3. – S. 124–130. – DOI 10.14258/filichel(2018)3-09.

23. Shravana: shkola vedicheskoj astrologii [Elektronnyj resurs]. – URL : https://rutube.ru/channel/51364134/videos (data obrashcheniya: 08.09.25).

24. Angela Pearl: Goroskop i Taro [Elektronnyj resurs]. – URL : https://rutube.ru/channel/45787587/videos (data obrashcheniya: 25.102025).

The article was contributed on January 19, 2026

Сведения об авторе

Глибина Анна Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой иностранных языков Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия, https://orcid.org/0000-0002-2053-9973, Anna.Glibina@inbox.ru

Author Information

Glibina, Anna Alekseevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Foreign Languages, Novosibirsk Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia, https://orcid.org/0000-0002-2053-9973, Anna.Glibina@inbox.ru

УДК 811.161.1’366.54:395.6 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.006

В. К. Голубева

ГРАММАТИКА РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА: ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ КАК КЛИШЕ

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. Статья посвящена специфике русских речевых формул, представленных предложно-падежными конструкциями со значением отношения и эмоций (*с уважением*, *с благодарностью*, *с воодушевлением*). Актуальность работы определяется тем, что, хотя предложно-падежные формы традиционно изучались в русле грамматики и лексикологии, их системное противопоставление однокоренным наречиям в аспекте грамматической синонимии и прагматического выбора оставалось неисследованным. Ставится цель выявить прагмасемантические основания закрепления в этикетных клише предложно-падежной модели и характер ее корреляции с адвербиальными синонимами. Материалом для исследования послужили примеры из письменной корреспонденции (электронных писем) и корпусные данные, проанализированные с применением методов семантического, прагмасемантического, трансформационного и контекстуального анализов. Результаты показали, что в заключительных блоках писем и ряде официальных стереотипных формул замена предложных групп на наречия приводит к стилистическому диссонансу. Выявлены преимущества использования предложных групп по сравнению с наречиями. Утверждается, что закрепление именно этих грамматических средств является результатом прагматической конвенции, а не строго предопределенной системой языка.

Ключевые слова: *наречие, предложно-падежная форма, грамматическая синонимия, речевой этикет, клише*

V. K. Golubeva

GRAMMAR OF SPEECH ETIQUETTE: PREPOSITIONAL-CASE FORMS AS CLICHÉS

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article focuses on the specifics of Russian speech formulas represented by prepositional-case constructions expressing relations and emotions (*with respect*, *with gratitude*, *with enthusiasm*). The relevance of the study is determined by the fact that, although prepositional-case forms have traditionally been studied in the field of grammar and lexicology, their systemic opposition to cognate adverbs in terms of grammatical synonymy and pragmatic choice has remained unexplored. The aim is to identify the pragma-semantic grounds for the entrenchment of the prepositional-case model in etiquette cliches and the nature of its correlation with adverbial synonyms. The material comprises examples from written correspondence (emails) and corpus data, analyzed using semantic, pragmasemantic, transformational, and contextual analysis methods. The results show that in closing formulas of letters and a number of official stereotypical expressions, the substitution of prepositional phrases with adverbs leads to stylistic dissonance. The advantages of using prepositional phrases over adverbs are identified. It is argued that the entrenchment of these particular grammatical means is a result of pragmatic convention, rather than strictly predetermined by the language system.

Keywords: *adverb, prepositional-case form, grammatical synonymy, speech etiquette, cliché*

Введение. Специфика функционирования предложно-падежных форм *с разбегу*, *с глазу на глаз*, *без памяти*, *по праву* и т. п., в частности механизмы их преобразования

в наречия, предикативы, предлоги, неизменяемые прилагательные и модальные слова, входит в круг традиционных грамматических вопросов, которыми на протяжении десятилетий занимались исследователи – О. П. Ермакова [5], А. Ш. Канукоева [7], Г. И. Панова, П. А. Городнянская [13], А. Г. Сергеева [15], Е. В. Генералова ([1], [2]), А. А. Пасечник [14] и др. В последние годы интерес к этой проблематике не снижается: появление новых устойчивых предложно-падежных оборотов типа *на стиле*, *на чиле*, *(не) в теме*, *по барабану*, *до лампочки*, *в моменте*, *в ресурсе* и их количественная представительность[1] требуют комплексного анализа этого феномена – не только в традиционных лингвистических аспектах (продуктивность / непродуктивность модели образования единиц и их соотнесенность с уже освоенными оборотами; частеречный статус; вовлеченность в процессы фразеологизации и лексикализации; единообразие орфографической фиксации), но и в дискурсивном, социокультурном, прагма- и социолингвистическом ключе (исследования М. В. Дудоровой, О. И. Северской [4], Е. В. Генераловой ([1], [2]), А. Е. Деминой [3] и др. свидетельствуют, что подобные инновации раскрывают современное понимание стандарта, оригинальности и вкуса, преломляют ключевые ориентиры эпохи, отражают модные тематические тренды и тенденцию к копированию англоамериканизмов, выступая ярким маркером языковой самоидентификации говорящих).

К числу явлений, нуждающихся в изучении, относятся и предложно-падежные формы, функционирующие в качестве устойчивых этикетных формул. Речевой этикет в целом рассматривается в лингвистике как система конвенциональных средств, регулирующих коммуникативное поведение и отражающих социально значимые нормы взаимодействия (см. работы В. Г. Костомарова [9], И. А. Стернина [17], Н. И. Формановской [18] и др.). В этой системе клишированные конструкции играют ключевую роль, обеспечивая стандартизацию и предсказуемость коммуникативных актов. С другой стороны, под влиянием экстралингвистических факторов этикетные обороты могут трансформироваться (упрощаться или усложняться), изменяется их количество и востребованность [12, с. 150]. Так, в электронной деловой переписке, в отличие от традиционных (бумажных) форм деловой коммуникации, формируются свои предпочтительные стратегии: задаются специфические пропорции формализованных и эмоционально окрашенных единиц, особым образом маркируется вежливость, иначе выстраивается коммуникативная дистанция между участниками (ср. наблюдения, изложенные в работах [8], [10], [16]).

Одним из аспектов, связанных с культурой общения, является вопрос об условиях и границах грамматического варьирования речевых формул, поскольку выбор одного из конкурирующих средств определяет интерпретацию намерения адресанта, степень нормативности оборота и его соответствие дискурсивным ожиданиям. В данной статье мы ставим целью установить прагмасемантическую специфику предложно-падежных форм адвербиального характера, употребляющихся как этикетные формулы, и характер их корреляции с соответствующими наречиями.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность темы обусловлена тем, что изучение грамматической синонимии в целом позволяет уточнить представление о потенциале языковой системы и прагматических альтернациях, доступных для носителей. Такие коммуникативные компетенции особенно важны в сфере использования речевых этикетных формул, поскольку эта область является зоной повышенной прагматической ответственности. Нарушение устоявшихся речевых конвенций здесь может привести не просто к стилистической шероховатости, но к существенным семантическим и коммуникативно-прагматическим сдвигам, искажающим интенцию говорящего и способным повлечь репутационные потери.

[1] Например, исследовательская база Е. В. Генераловой в работе [1] составляет 176 предложно-именных конструкций такого рода, возникших в последней четверти XX – первой четверти XXI в.

Материал и методы исследования. В статье анализируются высказывания с предложно-падежными формами структуры «*с* + тв. пад.», имеющими однокоренные качественные наречия. Банк примеров формировался в результате наблюдений за письменной корреспонденцией, осуществляемой по электронной почте[2], и с опорой на данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [11], из которого ниже приводятся иллюстрации с указанием источника. В выборку вошло около 100 писем (преимущественно официальных), охватывающих как собственные коммуникативные практики автора (взаимодействие с коллегами, обучающимися, другими участниками профессионального общения), так и тексты, циркулирующие в академической и деловой среде (пересылаемые письма информационного характера, в т. ч. содержащие цепочки предшествующей переписки), а также образцы, представленные в открытом доступе. Дополнительно учитывались единичные примеры разного рода инскрипций. Из НКРЯ отобрано и проанализировано около 150 контекстов, включающих рассматриваемые единицы как в составе клишированных этикетных формул, так и в свободном (нефразеологизированном) употреблении – такие примеры привлекались для сопоставительного анализа. Работа с материалом предполагала использование методов семантического, прагмасемантического, трансформационного и контекстуального анализов.

Результаты исследования и их обсуждение. Сразу следует отметить нерегулярность формально-структурных и / или семантических соответствий предложно-падежных форм типа *с доверием* и наречий на *-о/-е*. В отличие от парных единиц типа *с аккуратностью – аккуратно*, некоррелятивными оказываются, с одной стороны, *с верой*, *с мольбой*, у которых нет соответствующих наречий, а с другой стороны, адвербиальные лексемы *нечаянно*, *зажиточно*, не соотносящиеся с потенциальными формами **с нечаянностью*, **с зажиточностью*. Нас будут интересовать единицы, у которых имеются формальные корреляты.

Предложно-падежные формы *с уважением*, *с признательностью*, *с благодарностью*, *с любовью*, *с верностью*, *с доверием*, *с преданностью* в языковой системе могут вступать в корреляции (ср.: *уважительно*, *признательно*, *благодарно*, *любовно*, *верно*, *доверчиво*, *преданно*) и допускают взаимозамену с наречиями в некоторых (не во всех) контекстах (такую возможность предопределяют разные факторы, прежде всего глагольно-адвербиальная сочетаемость): *Мартин прикидывался им самим, Кустовым, а самого его тянуло к Бузгалину <...>* ***признательно*** *и робко смотрел на него <...>* (А. Азольский. Монахи) = *с признательностью смотрел*; *Сури* ***с благодарностью*** *взял подарок <...>* (И. Станковская. Механик Гаси) = *благодарно взял подарок*.

Таким субституционным потенциалом не обладают перечисленные предложно-падежные формы, употребляющиеся в составе заключительного блока официального, полу- или неофициального письма перед указанием имени адресанта для репрезентации его расположения к адресату, а также в иных видах дарственных, мемориальных, публичных инскрипций (посвящений), где аналогичная формула фиксирует отношение автора / дарителя к адресату либо предмету высказывания. Ср. корректные варианты с предложными оборотами и некорректные с наречиями (отрицательный языковой материал является результатом моделирования автора): ***С благодарностью****, Иван Сергеевич –* ****Благодарно****, Иван Сергеевич*; ***С (глубокой) преданностью****, Ваши ученики –* ****Преданно****, Ваши ученики*; ***С доверием и любовью****, твоя Юля –* ****Доверчиво и любовно****, твоя Юля.* Исключением можно считать употребление наречия в составе конструкции ***Искренне****, Никита*, которая, однако, отличается от предшествующих примеров тем, что составляет редуцированный вариант выражения ***Искренне Ваш****, Никита*, т. е. наречие выступает

[2] Современная деловая переписка ведется также в социальных сетях и мессенджерах. Специфика такого формата общения нами не обсуждается, см., например, [6].

распространителем местоимения-прилагательного. Однако такие свойства данной лексемы не распространяются на другие наречия: ***Верно** Ваш, Никита*.

Анализируя причины закрепления в клишированных формулах только одного из типов грамматических синонимов – предложно-падежных форм (альтернативой могло бы быть лексически обусловленное распределение «полномочий» между грамматически разнооформленными коррелятами), сравним обобщенную – «надлексическую» семантику наречия и субстантивной формы. Эти модификаторы глагола не обладают ярко выраженными различиями: благодаря предлогу *с*, передающему в данном случае значение сопровождения действия некоторым состоянием или свойством, предложная группа сближается с наречием, также выражающим качественную модификацию действия. Освоению наречий в структуре клишированного блока могли препятствовать ограничения сочетаемости этих лексем с опущенным определяемым глаголом (например, нетипичны конструкции *доверчиво / верно обращаюсь*, *благодарно / признательно отношусь*, *преданно / уважительно пишу*). Кроме того, при употреблении предложных групп отчетливее (посредством прямой субстантивной номинации) выражается тип чувства / отношения одного коммуниканта к другому; наречие же опосредованно передает интерперсональные отношения – через определение способа совершения действия.

Наконец, прагматический приоритет предложно-падежных форм обусловлен их большей склонностью к распространению: адресант может усилить «“максиму” уважения» (понятие из [12, с. 151]) посредством введения конкретизирующих и интенсифицирующих прилагательных (*с **глубоким** уважением*, *с **научным** почтением*, *с **неизменной** благодарностью*, *с **искренней** признательностью*), что малодоступно для наречия (*?глубоко уважительно*, *?неизменно благодарно*, *?искренне признательно* и т. д.). В отличие от наречий, предложные группы также свободнее присоединяют словоформы со значением адресата или основания отношения: *С уважением и благодарностью **за проявленное внимание*** (С. Сутулов-Катеринич. Мартовская ида. Виртуальный роман, обернувшийся… черт знает чем); *Уважаемый Владимир Михайлович! <...> Посылаю Вам для знакомства с ситуацией сокращенный вариант письма для Матвиенко <...> С полным **к Вам** доверием – Дмитрий Каралис* (Д. Н. Каралис. Дневник). Использование таких форм может быть факультативно – *с уважением / с любовью* (*к Вашей семье*), а может быть желательно для создания полнооформленной конструкции – *с полным к Вам доверием*. В любом случае введение в клишированный блок таких словоформ дополнительно подчеркивает значимость фигуры получателя письма и предметно конкретизирует причину выраженного отношения, будь то оказанная услуга, проявленное внимание, иной повод для благодарности, уважения или доверия.

Еще одной областью функционирования клишированных предложно-падежных форм является сфера церемониального, или институционального, речевого этикета. Обороты *с озабоченностью*, *со скорбью*, *с горечью*, *с воодушевлением* и под. используются для соблюдения публичного ритуала – официального реагирования на значимые социальные события, демонстрируя позицию института и реализуя максимы такта, симпатии и эмпатии: *«Московский театр п/р Армена Джигарханяна **с прискорбием** сообщает о смерти своего художественного руководителя, народного артиста СССР Армена Борисовича Джигарханяна», – говорится в сообщении* («Ведомости», 14.11.2020); *Министр иностранных дел Германии подчеркнул, что воспринимает происходящую напряженную обстановку <...> **с озабоченностью** и **с беспокойством*** («Московский комсомолец», 15.01.2019). Можно заметить, что данные конструкции функционируют на двух уровнях: 1) как прямое выражение институциональной позиции (коллективный субъект – учреждение, ведомство, официальное лицо – от своего имени декларирует отношение к событию); и 2) как косвенное, в составе метатекстового комментария журналиста или наблюдателя,

который цитирует или резюмирует тон официального заявления, встраивая этикетную формулу в свой нарратив. Эта двойственность подчеркивает универсальность и узнаваемость предложно-падежных клише как маркеров официально-ритуального дискурса.

Выявляя характер взаимодействия таких клишированных предложных оборотов с однокоренными наречиями, отметим неодинаковый характер соотношения потенциальных грамматических синонимов. Одни предложно-падежные формы практически не конкурируют с наречиями по причине иной функциональной специализации адвербиальной лексемы или нетипичной сочетаемости данного наречия с глаголом. Например, лексема *прискорбно* редко употребляется как глагольный модификатор, а в большей степени функционирует как предикатив (*Прискорбно слышать такие известия*) либо интенсификатор при прилагательном и другом наречии (*прискорбно мало*). Или ограниченность комбинаторики наречия *горько* блокирует его употребление в составе конструкций типа *С горечью сообщаем / информируем* (**горько сообщаем / информируем*).

Другие предложно-падежные формы отличаются от наречий яркостью коннотаций и степенью семантического выветривания эмоционального компонента. В этом отношении показательно сравнение коррелятов *с озабоченностью – озабоченно* и *с воодушевлением – воодушевленно*. Так, формулы типа ***с озабоченностью*** *сообщаем* являются узуальными клише официально-делового и публицистического дискурса, где они выполняют функцию сдержанного выражения институциональной позиции. Наречный коррелят в составе аналогичной конструкции (***озабоченно*** *сообщаем*) неприемлем, поскольку он акцентирует не формальную позицию, а непосредственную эмоциональную реакцию говорящего, что нарушает требуемую тональность беспристрастности и протокольности.

Аналогично, формулы типа ***с воодушевлением*** *восприняли решение* маркируют позитивную реакцию института, сохраняя оттенок официальности. Вариант *воодушевленно восприняли* смещает акцент на живой, спонтанный эмоциональный порыв, что противоречит норме сдержанности, ожидаемой от официальных сообщений. Не случайно, по данным газетного корпуса НКРЯ, наречие *воодушевленно* часто определяет предикаты, обозначающие творческую и иную деятельность, которая предполагает эмоциональную вовлеченность субъекта (*воодушевленно запела*, *читал атеистические лекции*, *начали отсчитывать последние секунды перед взлетом*, *принимали каждый его выход*, *служил*, *играют*, *мастерили*, *приветствовали*, *аплодировали* и т. п.). Коннотативно-маркированное наречие оказывается уместным даже тогда, когда речь идет об официальном лице, но при этом в фокус попадает персонально значимое для него событие: *Моя клиентка М., руководитель представительства международной компании, 41 год,* ***воодушевленно*** *сообщила мне о своем решении: она оставляет должность генерального директора* («Ведомости», 15.03.2013).

Выводы. Итак, мы проанализировали ряд предложно-падежных оборотов как формул русского речевого этикета из области преимущественно деловой корреспонденции и официально-публицистического дискурса. Установлено, что субституция этих единиц наречиями оказывается невозможной, поскольку влечет за собой либо образование стилистически / коммуникативно неприемлемых единиц, либо семантико-прагматическое искажение исходной интенции. Яркой иллюстрацией этого служит функционирование клише в институциональной сфере: предложно-падежные формы (например, *с воодушевлением приняли*) служат механизмом деперсонализации и ритуализации эмоции, переводя ее из плана личного переживания в план социально санкционированной оценки. Напротив, соответствующие наречия (*воодушевленно приняли*), сохраняя компонент непосредственной эмоциональности, оказываются здесь неуместными.

Выявленные в ходе анализа системные преимущества предложно-падежной модели – способность к прямой номинации типа отношения и к распространению определениями

и дополнениями, выпукло представляющими значимость адресата и тип «социальных» эмоций, – объясняют ее прагматическую эффективность. Тем не менее окончательная стереотипизация именно этой грамматической формы в ущерб другой, несмотря на ее свойства, остается в значительной степени алогичным и непредсказуемым процессом с точки зрения чистой системности языка. При иной дистрибуции средств подчеркивалась бы, например, компактность наречия как завершающего элемента письма, не связанного при редукции глагола комбинаторными ограничениями. Таким образом, можно заключить, что наблюдаемая специализация средств является в первую очередь результатом их длительного прагматического закрепления в определенных коммуникативных конвенциях, а не жестко заложена в самой природе конкурирующих языковых единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Генералова Е. В.* Новые устойчивые предложно-именные конструкции в современном русском языке: между фразеологизмом и словом // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. – 2025. – № 3. – С. 11–16.

2. *Генералова Е. В. По барабану*: лексико-грамматический статус и лексикографическое представление устойчивых двухкомпонентных предложно-падежных сочетаний // Вопросы лексикографии. – 2021. – № 19. – С. 32–51. – DOI 10.17223/22274200/19/2.

3. *Демина А. Е. В потоке*, *в моменте*, *в ресурсе*: о лексике современного (псевдо)духовного поиска // Неология. Неография. 2022 : сборник научных статей. – СПб. : ИЛИ РАН, 2023. – С. 79–84.

4. *Дудорова М. В., Северская О. И. На стиле*, *на чиле*, *на панике*, *на волне*: семантика и прагматика модной конструкции // Коммуникативные исследования. – 2024. – Т. 11, № 4. – С. 699–714. – DOI 10.24147/2413-6182.2024.11(4).699-714.

5. *Ермакова О. П.* О некоторых общих вопросах словообразования наречий // Развитие словообразования современного русского языка : сборник статей. – М. : Наука, 1966. – С. 45–56.

6. *Ефремов В. А., Лукинова О. В.* Этикет русской электронной деловой переписки: влияние интернет-коммуникации // Русистика. – 2024. – Т. 22, № 3. – С. 333–349. – DOI 10.22363/2618-8163-2024-22-3-333-349.

7. *Канукоева А. Ш.* Предложно-падежные конструкции русского языка с адвербиальным значением : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01. – Краснодар, 1998. – 19 с.

8. *Карабань Н. А.* Особенности функционирования коммуникативной категории вежливости в электронной деловой переписке // Мир русского слова. – 2005. – № 1-2. – С. 75–78.

9. *Костомаров В. Г.* Русский речевой этикет // Русский язык за рубежом. – 1967. – № 1. – С. 56–62.

10. *Михеева Ю. А.* Электронная деловая коммуникация: структурно-композиционная специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2021. – Т. 23, № 2. – С. 512–520. – DOI 10.21603/2078-8975-2021-23-2-512-520.

11. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 10.01.2026).

12. *Павлова Л. Г., Кашаева Е. Ю.* Актуальные проблемы культуры деловой коммуникации // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2012. – № 2. – С. 146–152.

13. *Панова Г. И., Городнянская П. А.* Функционально-семантическая типология лексикализованных предложно-падежных сочетаний наречного характера // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12, № 2. – С. 60–64.

14. *Пасечник А. А.* Лексикализованные предложно-падежные сочетания в русском языке: структура, семантика, прагматика // Язык. Этнос. Сознание : сб. материалов междунар. науч. конф. – Майкоп : АТУ, 2003. – С. 114–117.

15. *Сергеева А. Г.* Слова *в заключение*, *в завершение*, *в довершение* в текстах разных функциональных стилей // Вестник АТАПРЯЛ. – 2011. – № 2-3. – С. 79–81.

16. *Стеблецова А. О.* Электронное письмо в дискурсе оперативного взаимодействия: особенности современной деловой коммуникации // Коммуникативные исследования. – 2022. – Т. 9, № 3. – С. 614–624. – DOI 10.24147/2413-6182.2022.9(3).614-624.

17. *Стернин И. А.* Русский речевой этикет. Воронеж : ВГУ, 1996. 73 с.

18. *Формановская Н. И.* Русский речевой этикет. Лингвистический и методический аспекты. – М. : КомКнига, 2006, – 160 с.

Статья поступила в редакцию 23.01.2026

REFERENCES

1. Generalova E. V. Novye ustoichivye predlozhno-imennye konstruktsii v sovremennom russkom yazyke: mezhdu frazeologizmom i slovom // Vestnik VGU. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika. – 2025. – № 3. – S. 11–16.

2. Generalova E. V. *Po barabanu*: leksiko-grammaticheskii status i leksikograficheskoe predstavlenie ustoichivykh dvukhkomponentnykh predlozhno-padezhnykh sochetanii // Voprosy leksikografii. – 2021. – № 19. – S. 32–51. – DOI 10.17223/22274200/19/2.

3. Demina A. E. *V potoke*, *v momente*, *v resurse*: o leksike sovremennogo (psevdo)dukhovnogo poiska // Neologiya. Neografiya. 2022 : sbornik nauchnykh statei. – SPb. : ILI RAN, 2023. – S. 79–84.

4. Dudorova M. V., Severskaya O. I. *Na stile*, *na chile*, *na panike*, *na volne*: semantika i pragmatika modnoi konstruktsii // Kommunikativnye issledovaniya. – 2024. – T. 11, № 4. – S. 699–714. – DOI 10.24147/2413-6182.2024.11(4).699-714.

5. Ermakova O. P. O nekotorykh obshchikh voprosakh slovoobrazovaniya narechii // Razvitie slovoobrazovaniya sovremennogo russkogo yazyka : sbornik statei. – M. : Nauka, 1966. – S. 45–56.

6. Efremov V. A., Lukinova O. V. Etiket russkoy elektronnoy delovoy perepiski: vliyanie internet-kommunikatsii // Rusistika. – 2024. – T. 22, № 3. – S. 333–349. – DOI 10.22363/2618-8163-2024-22-3-333-349.

7. Kanukoeva A. Sh. Predlozhno-padezhnye konstruktsii russkogo yazyka s adverbial'nym znacheniem : avtoref. dis. … kand. filol. nauk : 10.02.01. – Krasnodar, 1998. – 19 s.

8. Karaban' N. A. Osobennosti funktsionirovaniya kommunikativnoy kategorii vezhlivosti v elektronnoy delovoy perepiske // Mir russkogo slova. – 2005. – № 1-2. – S. 75–78.

9. Kostomarov V. G. Russkiy rechevoy etiket // Russkiy yazyk za rubezhom. – 1967. – № 1. – S. 56–62.

10. Mikheeva Yu. A. Elektronnaya delovaya kommunikatsiya: strukturno-kompozitsionnaya spetsifika // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2021. – T. 23, № 2. – S. 512–520. – DOI 10.21603/2078-8975-2021-23-2-512-520.

11. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. – URL : http://www.ruscorpora.ru (data obrashcheniya: 10.01.2026).

12. Pavlova L. G., Kashaeva E. Yu. Aktual'nye problemy kul'tury delovoi kommunikatsii // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. – 2012. – № 2. – S. 146–152.

13. Panova G. I., Gorodnyanskaya P. A. Funktsional'no-semanticheskaya tipologiya leksikalizovannykh predlozhno-padezhnykh sochetanii narechnogo kharaktera // Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya. – 2013. – T. 12, № 2. – S. 60–64.

14. Pasechnik A. A. Leksikalizovannye predlozhno-padezhnye sochetaniya v russkom yazyke: struktura, semantika, pragmatika // Yazyk. Etnos. Soznanie : sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. – Maykop : ATU, 2003. – S. 114–117.

15. Sergeeva A. G. Slova *v zaklyuchenie*, *v zavershenie*, *v dovershenie* v tekstakh raznykh funktsional'nykh stiley // Vestnik ATAPRYaL. – 2011. – № 2-3. – S. 79–81.

16. Stebletsova A. O. Elektronnoe pis'mo v diskurse operativnogo vzaimodeystviya: osobennosti sovremennoy delovoy kommunikatsii // Kommunikativnye issledovaniya. – 2022. – T. 9, № 3. – S. 614–624. – DOI 10.24147/2413-6182.2022.9(3).614-624.

17. Sternin I. A. Russkiy rechevoy etiket. Voronezh : VGU, 1996. 73 s.

18. Formanovskaya N. I. Russkiy rechevoy etiket. Lingvisticheskiy i metodicheskiy aspekty. – M. : KomKniga, 2006. – 160 s.

The article was contributed on January 23, 2026

Сведения об авторе

Голубева Виктория Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь, https://orcid.org/0000-0002-7597-4956, victdove@gmail.com

Author Information

Golubeva, Viktoria Konstantinovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, https://orcid.org/0000-0002-7597-4956, victdove@gmail.com

УДК 81'373.23:398.6(=512.111) DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.007

О. А. Димитриева, В. Э. Лукьянова

ТЕРМИНЫ РОДСТВА *АСАТТЕ / АСАННЕ* В МОДЕЛИРОВАНИИ КАРТИНЫ МИРА ЧУВАШСКИХ ЗАГАДОК: НЕБЕСНЫЕ СВЕТИЛА И ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. Слова, обозначающие родственные отношения, занимают особое место в культуре народа и обладают высоким аксиологическим потенциалом, используются как способ кодификации объектов и явлений, взаимоотношений в малых фольклорных жанрах (паремиях, фразеологизмах и загадках). В чувашской языковой картине мира различаются термины родства по материнской и отцовской линиям, есть специальные слова для обозначения старших и младших членов семьи (братьев, сестер). Подобная «дробность» получает своеобразную интерпретацию при освоении окружающего мира в загадках. Актуальность предпринятого исследования обусловлена его вписанностью в парадигму изучения культурных кодов, в которой знаки языка рассматриваются как знаки культуры. Материалом для исследования послужили энигматические тексты с компонентами *асатте / асанне,* извлеченные методом сплошной выборки из сборника чувашских загадок «Тупмалли юмахсем» (2015–2016). Исследование посвящено выявлению культурных (архетипических) смыслов в чувашских загадках о небе, небесных светилах и метеорологических явлениях. Основными методами являются описательный, комплексный лингвокультурологический анализ, частично статистический. Авторы приходят к выводу, что если небо ассоциируется только с мужским началом – с дедушкой, то образ светил (солнца и луны) репрезентирован и мужским, и женским вариантами. Кроме того, наблюдается четкое гендерное деление предметов: бытовые инструменты, связанные с земледелием и животноводством – сфера *асатте,* кухонная и другая домашняя утварь – сфера *асанне.*

Ключевые слова: *чувашская загадка, термин родства, код культуры, ментальность, языковая картина мира*

O. A. Dimitrieva, V. E. Lukyanova

KINSHIP TERMS *ACATTE / ACAHHE* IN MODELING THE WORLDVIEW OF CHUVASH RIDDLES: CELESTIAL BODIES AND NATURAL PHENOMENA

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Abstract. Words denoting kinship occupy a special place in the culture of the people and have a high axiological potential, are used as a way of codifying objects and phenomena, relationships in small folklore genres (proverbs, phraseological units and riddles). In the Chuvash linguistic worldview, the terms of maternal and paternal kinship differ, and there are special words for elder and younger family members (brothers, sisters). This “fractionality” gets a peculiar interpretation when exploring the surrounding world in riddles. The relevance of the research undertaken is due to its fit into the paradigm of studying cultural codes, in which language signs are considered as cultural signs. The material for the study was riddle texts with *асатте* / *асанне* components, extracted by continuous sampling from the collection of Chuvash riddles *“Тупмалли юмахсем”* (2015–2016). The research is devoted to the identification of cultural (archetypal) meanings in Chuvash riddles about the sky, celestial bodies and meteorological phenomena. The main methods are descriptive, complex linguistic and cultural analysis, partly statistical.

The authors conclude that if the sky is associated only with the masculine principle – with the grandfather, then the image of the luminaries (sun and moon) is represented by both male and female variants. In addition, there is a clear gender division of objects: household tools related to agriculture and animal husbandry are the sphere of *асатте*, kitchen and other household utensils are the sphere of *асанне*.

Keywords: *Chuvash riddle, kinship term, cultural code, mentality, linguistic worldview*

Введение. Термины родства занимают значимое место в культуре любого народа, на их «высокую аксиологичность» обращают внимание авторы коллективной монографии «Категория родства в языке и культуре» (2009) [4]. «Код родства организован, – пишет Е. Л. Березович, – как прозрачная и четкая сетка отношений» [4, с. 257]. Осмысление родственных отношений в паремиях, фразеологизмах и загадках представляет особый интерес в современной антропоцентрической лингвистике. М. Л. Ковшова также отмечает, что термины родства как «знаки культуры» в своей семантике содержат «ценностно значимые смыслы» [6, с. 132]. По справедливому замечанию Т. А. Агапкиной, «родственность является культурной и языковой метафорой самых разных однородных, однопорядковых элементов микро- и макрокосма» [4, с. 221].

Исследуя термины родства по материалам архангельских говоров, И. Б. Качинская выделяет пересечение «семейного кода» с предметным, животным и растительным мирами [5]. Исследований, посвященных терминам родства в чувашских загадках, довольно мало (см. [7]).

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования связана с его лингвокультурологической направленностью: с выявлением ценностных смыслов и отражением архетипических представлений в национальной загадке при употреблении номинаций родственных отношений. «Семейный код» в загадках помогает определить основные эталоны и символы, зафиксированные с помощью терминов родства. В энигматическом тексте в способе интерпретации окружающей реальности отражаются корни первобытного мышления, сохранившиеся в ментальности чувашского человека. Значимую роль играют загадки, в которых прописывается роль каждого члена семьи.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили энигматические тексты с компонентами *асатте / асанне,* извлеченные методом сплошной выборки из сборника чувашских загадок «Тупмалли юмахсем» [16], [17]. Термины родства активно используются в загадках – всего выявлено 269 загадок: *анне (амашĕ)* – мать (в т. ч. в форме принадлежности 3-ему лицу) (44 ед.); *атте (ашшĕ)* – отец (в т. ч. в форме принадлежности 3-ему лицу) (42 ед.); *атте-анне (ашшĕ-амăшĕ)* – родители (2 ед.); *асатте* – дедушка со стороны отца (44 ед.); *мăн (ват) асатте* – прадедушка со стороны отца (10 ед.); *асанне* – бабушка со стороны отца (24 ед.); *кукамай* – бабушка со стороны матери (2 ед.); *ват асанне* – прабабушка со стороны отца (1 ед.); *аппа (*диал. *акка)* – старшая сестра, тетка (19 ед.); *йăмăк* – младшая сестра (12 ед.); *пичче* – старший брат, дядя со стороны отца (26 ед.); *шăллăм* – младший брат (10 ед.); *ывăл* – сын (45 ед.); *хĕр* – дочь (29 ед.); *хуняма* – свекровь (8 ед.); *кинемей (кинеми)* – тетя (жена старшего брата отца или матери) (6 ед.); *йысна* – зять (муж старшей сестры) (1 ед.); *инке* – невестка, сноха, тетка (17 ед.); *кин (кинĕм)* – сноха, невестка (29 ед.). При количественном подсчете загадки, содержащие разные номинации родственников, могут учитываться несколько раз. Например, в следующем энигматическом тексте содержится два термина родства (*амăшĕ*, *ывăлĕ*), следовательно, загадка учтена дважды: ***Амăшĕ*** *тула тухиччен* ***ывăлĕ*** *Мускава çитет (Кăмакаран тĕтĕм тухни)* [16, с. 82].

Компоненты *асатте / асанне* в загадках участвуют как в репрезентации космогонических представлений чувашей, так и в осмыслении бытовых явлений. В рамках данной

статьи *целью* исследования ставится выявление культурных (архетипических) смыслов в чувашских загадках о небе и небесных светилах, а также о метеорологических явлениях.

В проведенном исследовании используются следующие методы: описательный, статистический и комплексный лингвокультурологический анализ.

Результаты исследования и их обсуждение. Русский термин родства «дедушка» в чувашском языке передается двумя словами: 1) *асатте* (*аслă* + *атте* – букв. «старший отец») – «мой дедушка со стороны отца»; 2) *кукаçи* (*кук//кăк* «корень, основание» + *аçа* «отец», т. е. «отец-корень рода») – «мой дедушка со стороны матери». Подобным же образом русский термин родства «бабушка» в чувашском передается двумя словами: 1) *асанне* (*аслă* + *анне* букв. «старшая мать») – «моя бабушка со стороны отца»; 2) *кукамай* (*кук//кăк* «корень, основание» + ама «мать», т. е. «мать-корень рода») – «моя бабушка со стороны матери»[1].

***Асатте / асанне* в загадках о небосводе и небесных светилах.** Небо, небесные светила и природные явления изучаются на примере разноструктурных языков: русского [10], коми [9], татарского [3], тувинского [18], эвенкийского [13] и др.

В чувашском языке существуют два слова, обозначающих «небесный свод»: *тӳпе* и *пĕлĕт* (*тӳпе / пĕлĕт маччи* – досл. небесный потолок). Первое – связывается с вершиной (*сăрт тӳпи* – вершина холма), зенитом (*хĕвел тӳпере* – солнце в зените), потолком, крышей дома (*пӳрт тӳпи*), соматизмом *темя, макушка* (*пуç тӳпи*). О человеке придурковатом, недотепе говорят *тӳпи шăтăк* (досл. дырявая макушка, темя). Второе – помимо неба, имеет значение «туча, облако»: *хĕвел пĕлĕт хыçне пулчĕ* – солнце за тучей скрылось, *пĕлĕтсер тӳпе* – безоблачное небо, сравнительный оборот *пĕлĕт пек* переводится «тучей» (например, о стае комаров) [2].

При описании местожительства чувашского пантеона богов используются оба слова, *тӳпе* имеет обобщенное значение самой верхней части, *пĕлĕт* называет ярусы, «этажи», из которых состоит небо: *Çӳлти тĕнче çичĕ хутлă.* ***Тӳпе*** *айĕнче кашни хучĕн хăйĕн вырăнĕпе пĕлтерĕшĕ пур – пĕр* ***пĕлĕчĕ*** *çумăр валли, тепри – çил варкăшĕ е тăвăл валли, çиччĕмĕш хутĕнче турăсем пурăнаççĕ – мĕн* [15, с. 51] (Верхний мир – семиярусный. Под небом (*тӳпе*) у каждого яруса свое место и назначение – одно «небо» (*пĕлĕчĕ*) для дождя, другое – для легкого ветерка или бури, на седьмом ярусе живут боги – говорят)[3].

Мифологические представления о небе как о «”доме” мира» [2, с. 207], являющемся мужским началом, подателем дождя, отражаются в чувашских загадках. Н. В. Брагинская отмечает, что в космогонических описаниях содержится представление о небе как *о небесной тверди* («твердая оболочка, крыша мира») и одновременно как *о хляби небесной* («огромная жидкая масса») [2, с. 207]. Т. В. Цивьян, анализируя сферы женского и мужского в архетипической модели мира, их детализацию в правилах-поверьях, отмечает, что первая – обращена «вовнутрь, в пространство *своего*», вторая – «вовне, в пространство *чужого*» [14, с. 112–113]. При кодификации окружающего природного мира, в частности *неба*, на первый план выходит термин родства *асатте* как старший хозяин дома, владелец «мужской» утвари, орудий труда, представитель внешнего пространства:

Асатте маччи *каштасăр (Тӳпе)* [17, с. 66] / досл. Дедушкин потолок без перекладины (Небо); ***Асатте маччи*** *кăн-кăвак (Тӳпе)* [17, с. 66] / досл. Дедушкин потолок ярко-синий (Небо); ***Асатте маччине*** *кăвак сăрпа сăрланă (Тӳпе)* [17, с. 66] / досл. Дедушкин потолок синей краской покрасили (Небо); ***Асатте çурчĕн маччи*** *кăвак, маччи тулли çут*

[1] Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка [Электронный ресурс]. – URL : https://ru.samah.chv.su/dict/16.html (дата обращения: 02.01.2026).

[2] Чувашские словари онлайн [Электронный ресурс]. – URL : https://ru.samah.chv.su/cgi-bin/s.cgi (дата обращения: 02.01.2026).

[3] Здесь и далее перевод наш – *О. Д. и В. Л.*

мамăк (Çăлтăрлă тӳпе) [17, с. 13] / досл. Дедушкин потолок голубой, потолок полон светлого пуха (Звездное небо); ***Асатте шăналăкĕ*** *çинче пин-пин шăрçа (Çăлтăрлă тӳпе)* [17, с. 13] / досл. На дедушкином пологе (для укрытия зерна) тысяча-тысяча бусин (Звездное небо)[4].

Словосочетание *асатте маччи* (досл. дедушкин потолок) содержит подсказку-указание на ответ, коррелируя с выражением *тӳпе маччи* (досл. небесный потолок).

Поле (чув. *ӳй, ой, хир*), согласно чувашской мифологии, – сакральное пространство, «религиозно-обрядовый локус», «граница между чужим и своим», «место вхождения в контакт с божествами и духами» [19, с. 356]. Представляя собой «пространство *чужого*», которое связывается с мужским началом, в загадках поле / луг также попадает во владение старшего члена семьи – дедушки. Смена верха (неба) и низа (луга, поля) (т. н. «идея «зеркальности» неба по отношению к Земле» [10, с. 247]) отражается в следующих загадках:

Асатте хирĕнче *йăлтăр-йăлтăр çут ĕнчи (Çăлтăрлă тӳпе)* [17, с. 13] / досл. На дедушкином поле сверкающий светлый жемчуг (Звездное небо); ***Асатте хирĕнче*** *кĕмĕл çурла (Уйăх)* [17, с. 70] / досл. На дедушкином поле серебряный серп (Месяц); ***Асатте хирĕнче*** *ылттăн кустăрма (Хĕвел)* [17, с. 91] / досл. На дедушкином поле золотое колесо (Солнце); ***Асатте улăхĕ*** *виçесĕр, сурăхĕсем хисепсĕр (Çăлтăрлă тӳпе)* [17, с. 13] / досл. Дедушкин луг бескрайний, его овцы без числа (Звездное небо).

Если небесный «дом» однозначно ассоциируется с дедушкой, то образ светил (солнца и луны) репрезентирован двояко: и мужским (1), и женским (2) вариантами:

(1) *Ав çӳлте* ***пирĕн асатте*** *вут чĕртнĕ (Хĕвел)* [17, с. 91] / досл. Там наверху наш дедушка огонь разжег (Солнце); ***Асатте кĕмĕлĕ*** *пĕтĕм çĕре çутатса тăрĕ (Уйăх)* [17, с. 70] / досл. Дедушкино серебро всю землю освещает (Луна); ***Асатте лаши*** *тӳперен пăхать (Уйăх)* [17, с. 70] / досл. Дедушкина лошадь с неба глядит (Луна); ***Асатте çурли*** *аслăк тăрринче (Уйăх)* [17, с. 70] / досл. Дедушкин серп сверху на сарае (Месяц); *Асатте çурли çап-çутă, алла тăсса илме çук (Уйăх)* [17, с. 70] / досл. Дедушкин серп яркий / светящийся, рукой не достать (Месяц); ***Асатте хунарĕ*** *тӳпере çунать (Уйăх)* [17, с. 70] / досл. Дедушкин фонарь в небе горит (Луна); ***Асатте кăмаки*** *хутмасăрах хĕрӳлле (Хĕвел)* [17, с. 70] / досл. Дедушкина печка без топки горячая (Солнце).

(2) ***Асанне пӳрчĕ*** *умĕнче çур çăкăр çакăнса тăрать: йытăсем вĕреççĕ, хыпса илеймеççĕ (Уйăх)* [17, с. 70] / досл. У бабушкиного дома половинка хлеба висит: собаки лают, откусить не могут (Месяц)[5]; *Аслăк çинче* ***асанне ывăсĕ*** *выртать (Уйăх)* [17, с. 70] / досл. На сарае бабушкина крышка лежит (Луна); ***Асаннен арчинче*** *пин нухрат, пин нухрат хушшинче пĕр тенкĕ (Уйăхпа çăлтăрсем)*[6] [17, с. 73] / досл. В бабушкином сундуке тысяча нухрат[7], среди тысячи нухрат одна монета (рубль) (Луна и звезды).

В группе примеров (1) выделяется особо первая загадка, которая отличается от рассмотренных тем, что солнце кодифицируется не с помощью указания на тот или иной «артефакт» и его владельца (формально через аффикс принадлежности третьему лицу – досл. «чей-то дедушка»), а введением наряду с термином родства *асатте* местоимения *пирĕн* (наш): в таком случае *дедушка* не отождествляется с загадываемым объектом, его действия имеют объяснительную силу, маркируют причину существования солнца –

[4] Ср. с русской загадкой, в которой небо уподобляется рогожке: *Раскину я* ***рогожку****, насыплю горошку, Поставлю квасу кадушку, положу хлеба краюшку* (небо, звезды, месяц, дождь) [8, с. 19]

[5] Данная загадка представляется переводом русской: *За бабиной избушкой висит хлеба краюшка; собаки лают, а достать не могут (Месяц)* [12, с. 284].

[6] Ср. *Кăвак шăналăк çинче пин нухрат. (Çăлтăрсем) /* На синем занавесе тысячи серебряных монет. (Звезды) // Чувашские словари онлайн [Электронный ресурс]. – URL : https://ru.samah.chv.su/article/43282.link (дата обращения: 02.01.2026).

[7] Мелкие серебряные монеты.

вут чĕртнĕ (досл. «огонь разжег») и восходят к мифическим представлениям о существовании мира и появлении светил.

Заслуживают особого «мифологического» пояснения глагольные выражения *çакса хунă* (досл. «повесив, оставили»), *выртать* («лежит»). Согласно космогоническим воззрениям чувашей, небо было очень близко к человеку и человеческому жилью и обладало «твердостью», так что на него можно было положить какие-нибудь вещи:

Пĕлĕт тахçан ĕлĕк ку чухнехи пек питĕ çӳлте пулман тет, пӳрт-çурт, карта-хуралтă çийĕсене сĕртĕнсе иртсе çӳренĕ тет [15, с. 36] / Небо когда-то давно по сравнению с нынешним временем не было очень высоко, говорят; поверхность построек, заборов оно проходило задевая, говорят; *Ĕлĕк пĕлĕт вăрăм çын пуçне перĕннĕ. Хăш-пĕр çын-семшĕн пĕлĕт çӳлĕк пек пулнă. Çынсем час-часах хăйсен япалисене пĕлĕт çине хăпартса хунă* [15, с. 36] / Очень давно небо длинному человеку голову задевало. Для некоторых людей небо было вместо полки. Люди часто свои вещи на небо клали.

В обеих группах (в т. ч. и о небе) наблюдается четкое деление предметов на мужские (бытовые инструменты, связанные с земледелием и животноводством, такие как *çурла* – серп, *хунар* – фонарь, *кустăрма* – колесо, *кăмака* – печь; животные – *сурăхсем* – овцы, *лаша* – лошадь) и женские (такие детали быта, как *ывăс* – крышка, *арча* – сундук и др.).

В загадке чувашский предмет быта *ывăс* (крышка) изначально представлял собой «деревянный кружок для покрывания посуды», «доска, на которой режут мясо»[8] или «дощечки, которыми покрывают чирясы с молоком»; *хуран ывси* «крышка котла»[9]. Светлый цвет дерева крышки делает возможным ее «участие» в загадках о светилах как о луне, так и солнце: ***Асанне ывăсне*** *çӳллĕ çĕре çакса хунă (Хĕвел)* [17, с. 91] / досл. Бабушкину крышку наверху повесили (Солнце); ***Асанне ывăсĕ*** *пĕтĕм çĕре çутатать (Хĕвел)* [17, с. 91] / досл. Бабушкина крышка всю землю освещает (Солнце).

Звезды в загадках ассоциируются с мелкими серебряными монетами – *нухрат,* которые играют особую роль в чувашской культуре: 1) это и деньги, пришиваемые к сурбану («женской головной повязке в форме узкого полотенца с вышитыми концами»), к *тевет* (старинному женскому украшению – «лента, украшенная монетами и надеваемая через левое плечо»)[10] и др.; 2) и название особого узора чувашской вышивки (*нухрат-тĕрри*); 3) и «дань кереметю»: *нухрат хыв* – класть деньги в кереметь и др.

В следующем энигматическом тексте встречаются два термина родства – *асатте и асанне*: ***Асатте хапхи*** *уçăлчĕ,* ***асанне çамки*** *курăнчĕ (Хĕвел)* [17, с. 91] / досл. Дедушкины ворота открылись, бабушкин лоб показался (Солнце). В славянской мифологии существует поверье о «месте смыкания неба и земли», месторасположении «золотых палат Солнца», а также о том, что «небеса отворяются в канун определенных дней и праздников» [1, с. 379]. В чувашской загадке данное поверье находит свое отражение в ежедневном отворении ворот и восходе Солнца: ворота принадлежат дедушке, край солнца, восход метафоризуется через соматизм *çамка* (лоб). Возникновение последнего не случайно: печка (как образ Солнца – с печью) связана со лбом: ср. ***Çамки хура****, чĕлхи хĕрлĕ (Кăмака)* / Лоб черный, язык красный (Печь); ***Кăмака çамкинче*** *кăвак тенкĕ пур (Тĕтĕм)* / На лбу печи есть голубые серебряные монеты (Дым)[11].

---

[8] Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17 т. [Электронный ресурс]. – URL : https://ru.samah.chv.su/article/212078.link (дата обращения: 02.01. 2026).

[9] Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1964 [Электронный ресурс]. – URL : https://ru.samah.chv.su/article/164121.link (дата обращения: 02.01. 2026).

[10] Чувашские словари онлайн [Электронный ресурс]. – URL : https://ru.samah.chv.su/article/43282.link (дата обращения: 02.01.2026).

[11] Чувашские словари онлайн [Электронный ресурс]. – URL : https://ru.samah.chv.su/article/43282.link (дата обращения: 02.01.2026).

Таким образом, в интерпретацию образа неба и светил «подключаются» архетипические оппозиции *верх – низ* (*мачча – хир, улăх*), *много – мало* (*пин-пин, тулли, хисепсер – пĕр*), *мужское – женское* (разделение предметов труда), цвет (*кăн-кăвак, кăвак*).

***Асатте / асанне* как кодификатор метеорологических явлений.** Природные явления могут осмысливаться в терминах родственных отношений. *Асатте* – главный образ такого метеорологического явления, как гроза (*аслатиллĕ çумăр* досл. «громовой дождь», *аслатипе çиçĕм* досл. «гром и молния»), обусловлен внутренней формой слова *аслати.* Согласно этимологическому словарю В. Г. Егорова, выражение «*аслати авăтать* «гром гремит» (букв. «дедушка поет»). Из аслă <…> + ати «отец мой»[12].

В чувашских мифах стихия грозы описывается следующим образом:

...Малалла тĕрлĕ хăватсем каяççĕ, вĕсенчен хăшĕ асли-кĕçĕннине уйăрма йывăр. Чăвашсем вĕсене мĕнле ĕçре тăнине кура хаклаççĕ. Пĕрин ĕçне аслăраха хураççĕ, теприне кĕçĕнрехе лартаççĕ. <...> Аслати – аслă атте. Çумăрпа аслати кăларакан тата ăна тытса тăракан хăват. Вăл вырăссен Илле пророкĕпе танлашать, халăх курăмĕнче вĕсем пĕр пекех тăраççĕ [15, с. 59] / …Далее разные стихии идут [рассматриваются], из них которая старшая или младшая, разделить трудно. Чуваши их оценивают по тому, каким делом они заняты. У некоторых одно дело считается ценнее, у других – менее ценным. <…> Гром – старший (главный) отец. Стихия, которая управляет дождем и громом. Он сравнивается с Ильей-пророком у русских, в народных представлениях они равны друг другу.

Существуют еще несколько версий о происхождении грозы: об Улыпе, заснувшем на облаке [15, с. 82], о человеке Аслать [15, с. 82] и др. Приведем последнюю, антропную, «версию» происхождения грома:

Человек (крестьянский сын) по имени Аслать 30 лет лежал и не мог ходить. Однажды в образе белобородого старца Бог (Турă) ходил по земле и пришел к этому человеку под окно и попросил воды напиться. Аслать предложил ему самому зайти и выпить пива вдоволь. Узнав, что добрый, с хорошей душой Аслать не может ходить, Бог велел ему помолиться и встать. Если вдруг так случится, Аслать пообещал ему быть вечно преданным. Тогда Бог дал ему во владение дождь и уголь и поднял на небо. С тех пор у нас бывает гроза (*Турă вара Аслате çумăрпа кăвар парса пĕлĕт çине илсе улăхать тет. Çавăнтан вара аслати пулса кайнă теççĕ*) [15, с. 81–82].

В загадках вновь возникает тема небесных врат, владельцем которых является дедушка, а также появляется звуковое «оформление» этого движения: употребляются типичные для обозначения громовых раскатов звукоподражательные слова *шарт, шалт,* гл. *шартлаттар* (подражание грохоту, удару грома; греметь, грохотать) и уподобляющиеся сверканию / миганию слова *йăлт-йăлт,* гл. *йăлтăртат.* Раскаты грома сравниваются и с человеческим брюзжанием *мĕкĕреть-вăрçать* (ворчит, ругается):

Асаттенĕн хапхийĕ *шăрт-шарт! туса уçăлать, йăлт-ялт! туса йăванать (Аçа-çиçĕм)* [16, с. 40] / досл. Дедушкины ворота шорт-шарт открываются, йолт-йалт валятся (гром и молния); ***Асаттен хапхи*** *шăлт-шалт туса уçăлчĕ, асаттен ампарĕ йăлт-ялт туса хыпса кайре (Аçа-çиçĕм)* [16, с. 40] / досл. Дедушкины ворота шолт-шалт открылись, дедушкин амбар йолт-ялт вспыхнул (гром и молния); ***Ват асаттен*** *мăн хапхи йăлт-ялт! туса уçăлать, шăрт-шарт! туса хупăнать (Аçа-çиçĕм)* [16, с. 40] / досл. Прадедушкины главные ворота йолт-ялт открываются, шорт-шарт закрываются (гром и молния); ***Мăн асаттен*** *мăн хапхи шарт-шарт туса уçăлать (Аçа-çиçĕм)* [16, с. 40] / досл. Прадедушкины главные ворота шарт-шарт открываются (гром и молния); *Çулла асатте* ***мĕкĕреть-вăрçать****, хĕлле çывăрать (Аслатипе çиçĕм)* [16, с. 40] / досл. Летом дедушка ревет-ругается, зимой спит (Гром с молнией).

[12] Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка [Электронный ресурс]. – URL : https://ru.samah.chv.su/article/161804.link (дата обращения: 02.01.2026).

В некоторых энигматических текстах стихия грома подчиняется еще более старому члену семьи – прадеду (*мăн (ват) асатте* – досл. «главный (старый) дедушка со стороны отца»). Гром осмысливается как процесс открывания ворот, которые в свою очередь приобретают характеристику *мăн* («главные врата»).

В загадках появляется «артефактная» и «анималистическая» причина возникновения грома и молнии: *Асатте çулу шаккать, хĕлхемĕ кунта сирпĕнет (Аслатипе çиçĕм)* [16, с. 39] / досл. Дедушка огнивом постукивает, искры здесь разбрызгиваются (Гром и молния); *Асатте урхамахĕ çĕр кисретсе кĕçенет (Аслатипе çиçĕм)* [16, с. 39] / досл. Дедушкин рысак, землю тряся, ржет (Гром и молния).

Другие природно-климатические явления репрезентируются двумя терминами родства (*асатте / асанне*). Дедушка выступает в роли мороза – интересной представляется ответ на загадку с указанием гидронима *Волга*: ***Асатте*** *савасăр, пуртăсăр кĕпер хывать (Атăл пăрĕ ларни)* [16, с. 42] / досл. Дедушка без рубанка, без топора мост возводит (Лед на Волге появляется). Загадка соотносится с русскими: *Дедушка мост мостил без топора и без ножа*; *Дедушка без топора мост мостит* [12, с. 305]; *Дедушка мост мостил без топора, без долота* [11, с. 156]; *За нашим за амбаром стоит дед с барабаном* [11, с. 242]; *Чудак-дед щипит того, кто не одет* [11, с. 421] и др.

Зооморфный образ туч представлен овцами, которые пасутся на верхнем лугу: здесь также прослеживается традиционная для загадок зеркальность неба и земли: ***Асаттен шур сурăхĕсем*** *ялан çӳлти улăхра (Çумăр пĕлĕчĕ)* [17, с. 40] / досл. Дедушкины белые овцы всегда на верхнем лугу (Дождевые тучи).

Образы вьюги (метели) и ветра также ассоциируются с деятельностью дедушки: ***Асатте асанне тӳшекне*** *тустарать (Тăман)* [17, с. 50] / досл. Дедушка бабушкин матрас ворошит / трясет (Вьюга); ***Асатте шăпăрĕ*** *çул шăлать (Тăман)* [17, с. 50] / досл. Дедушкина метла дорогу подметает (Вьюга); ***Асатте урапи*** *çулсăр та куçать (Çавра çил) (* [17, с. 7] / досл. Дедушкина телега без дороги движется (Вихрь / смерч).

Дождевые и росяные капли связываются с бабушкой, ее действиями: капли дождя уподобляются бусинкам, роса – оброненным ключам: ***Асанне шăрçине*** *никам та пуçтармасть (Çумăр)* [17, с. 39] / досл. Бабушкины бусинки никто не соберет (Дождь); ***Асанне асатте*** *патне кайма тухнă та çăраççисем ӳкерсе хăварнă (Тăм ӳкни)* [17, с. 51] / досл. Бабушка к дедушке пошла и ключи потеряла (Роса).

Таким образом, природно-метеорологические явления в большинстве своем репрезентированы «мужским» обликом самого старшего члена семьи – дедушки (прадедушки) со стороны отца, его деятельностью и принадлежащими ему предметами быта.

Выводы. Итак, родственные отношения, перенесенные на внешний мир, систематизируют знания народа о непознанном, чужом мире. Архетипические оппозиции *верх – низ, мужское – женское, много – мало* и др. упорядочивают окружающее пространство. Использование терминов родства *(мăн, ват) асатте / асанне* в загадках о светилах, стихиях и метеорологических явлениях свидетельствует о древних мифологических воззрениях чувашей: о семислойном небе, крае света и вратах Солнца, градации в пантеоне богов. *Асатте / асанне* подчеркивают «древность» неба и светил, особую роль старшего члена семьи со стороны отца, одновременно свидетельствуют о патриархальном укладе семейных отношений.

Появление бытовых артефактов с четким распределением орудий труда в биноме *мужское – женское*, привычных звуковых и цветовых оценок «отзеркаливает» далекий мир с помощью близких повседневных земных вещей и дел (*сăрпа сăрланă* – краской покрасили, *ӳкерсе хăварнă* – потеряла, *мĕкĕреть-вăрçать – ворчит-ругается* и т. п.).

(Мăн, ват) асатте в силу своей внутренней формы занимает место стихии (*аслати*) или одного из небесных богов. *Асанне* выполняет роль жены, «владелицы» женских

вещей (*арча* – сундук, *нухрат* – монеты, *тӳшек* – перины, матраса и др.). В целом метафорические образы в загадках колеса как солнца; серпа, краюшки хлеба как месяца; жемчуга, бусинок в качестве звезд и т. п. являются традиционными, универсальными для многих народов. Этноспецифическими являются именно родственные отношения чувашского народа, репрезентированные в загадках.

Таким образом, «родственный» статус определяется, с одной стороны, как эталон «близости» дальнего объекта окружающего мира, способ его освоения. С другой стороны, в иерархии членов семьи маркируется положение и роль ее старейшего члена.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белова О. В., Плотникова А. А., Толстая С. М.* Небо // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. – Т. 3. К–П. – М. : Международные отношения, 2004. – С. 376–380.

2. *Брагинская Н. В.* Небо // Мифы народов мира : Энциклопедия в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М. : Российская энциклопедия, 1994. – Т. 2. – С. 206–208.

3. *Замалетдинов Р. Р., Файзуллина Н. И.* Космогонические загадки в лингвокультурологическом аспекте (на материале русских и татарских народных загадок) // Филологические науки в МГИМО. – 2019. – № 2(18). – С. 106–112. – DOI 10.24833/2410-2423-2019-2-18-106-112.

4. *Категория* родства в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2009. – 312 с.

5. *Качинская И. Б.* Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров). – М. : Индрик, 2018. – 288 с.

6. *Ковшова М. Л.* Термины родства в русских пословицах, загадках и фразеологизмах: лингвистический и когнитивно-культурологический анализ // LI Междунар. научн. филол. конф. им. Л. А. Вербицкой : Избр. доклады. – СПб. : СПбГУ, 2025. – С. 110–137.

7. *Лукьянова В. Э.* Термин родства *мать / анне* в русских и чувашских загадках // Молодежный филологический вестник : сборник. – Гомель : Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, 2025. – С. 172–175.

8. *Митрофанова В. В.* Загадки. – Ленинград : Наука, 1968. – 257 с.

9. *Низовцева С. Г.* Небо и небесные светила в загадках народа коми // Небосвод, небесные светила и явления в художественной литературе и языковой картине мира / отв. ред. А. И. Смирнова. – М. : Зерцало-М ; МГПУ, 2024. – С. 251–267.

10. *Райкова И. Н.* Небосвод и небесные светила в русской загадке и диалоге культур // Небосвод, небесные светила и явления в художественной литературе и языковой картине мира / отв. ред. А. И. Смирнова. – М. : Зерцало-М ; МГПУ, 2024. – С. 241–250.

11. *Рыбникова М. А.* Загадки. – М. – Л. : Академия, 1932. – 488 с.

12. *Садовников Д. Н.* Загадки русского народа. – М. : Современный писатель, 1995. – 400 с.

13. *Филиппова С. В.* Культурные коды: метафоры неба и небесных тел в эвенкийских загадках // Эпосоведение. – 2025. – № 2(38). – С. 72–84. – DOI 10.25587/2782-4861-2025-2-72-83.

14. *Цивьян Т. В.* Модель мира и ее лингвистические основы. – 5-е изд., доп. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 328 с.

15. *Чăваш* халăх пултарулăхĕ. Мифсем, легендăсем, халапсем. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004. – 567 с.

16. *Чăваш* халăх пултарулăхĕ. Тупмалли юмахсем. Пĕрремĕш кĕнеке. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 2015. – 446 с.

17. *Чăваш* халăх пултарулăхĕ. Тупмалли юмахсем. Иккĕмĕш кĕнеке. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 2016. – 398 с.

18. *Чеснокова О. С., Усманов Т. Ф.* Образы природы в тувинских, татарских, русских и испанских загадках // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13, № 2. – С. 483–501. – DOI 10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501.

19. *Чувашская* мифология: этнографический справочник. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2018. – 591 с.

Статья поступила в редакцию 07.02.2026

REFERENCES

1. Belova O. V., Plotnikova A. A., Tolstaya S. M. Nebo // Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskij slovar' / pod obshch. red. N. I. Tolstogo. – T. 3. K–P. – M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. – S. 376–380.

2. Braginskaya N. V. Nebo // Mify narodov mira : Enciklopediya v 2-h t. / gl. red. S. A. Tokarev. – 2-e izd. – M. : Rossijskaya encik-lopediya, 1994. – T. 2. – S. 206–208.

3. Zamaletdinov R. R., Fajzullina N. I. Kosmogonicheskie zagadki v lingvokul'turologicheskom aspekte (na materiale russkih i tatarskih narodnyh zagadok) // Filologicheskie nauki v MGIMO. – 2019. – № 2(18). – S. 106–112. – DOI 10.24833/2410-2423-2019-2-18-106-112.

4. Kategoriya rodstva v yazyke i kul'ture / otv. red. S. M. Tolstaya. – M. : Indrik, 2009. – 312 s.

5. Kachinskaya I. B. Terminy rodstva i yazykovaya kartina mira (po materialam arhangel'skih govorov). – M. : Indrik, 2018. – 288 s.

6. Kovshova M. L. Terminy rodstva v russkih poslovicah, zagadkah i frazeologizmah: lingvisticheskij i kognitivno-kul'turologicheskij analiz // LI Mezhdunar. nauchn. filol. konf. im. L. A. Verbickoj : Izbr. doklady. – SPb. : SPbGU, 2025. – S. 110–137.

7. Luk'yanova V. E. Termin rodstva mat' / anne v russkih i chuvashskih zagadkah // Molodezhnyj filologicheskij vestnik : sbornik. – Gomel' : Gomel'skij gosudarstvennyj universitet im. F. Skoriny, 2025. – S. 172–175.

8. Mitrofanova V. V. Zagadki. – Leningrad : Nauka, 1968. – 257 s.

9. Nizovceva S. G. Nebo i nebesnye svetila v zagadkah naroda komi // Nebosvod, nebesnye svetila i yavleniya v hudozhestvennoj literature i yazykovoj kartine mira / otv. red. A. I. Smirnova. – M. : Zercalo-M ; MGPU, 2024. – S. 251–267.

10. Rajkova I. N. Nebosvod i nebesnye svetila v russkoj zagadke i dialoge kul'tur // Nebosvod, nebesnye svetila i yavleniya v hudozhestvennoj literature i yazykovoj kartine mira / otv. red. A. I. Smirnova. – M. : Zercalo-M ; MGPU, 2024. – S. 241–250.

11. Rybnikova M. A. Zagadki. – M. – L. : Akademiya, 1932. – 488 s.

12. Sadovnikov D. N. Zagadki russkogo naroda. – M. : Sovremennyj pisatel', 1995. – 400 s.

13. Filippova S. V. Kul'turnye kody: metafory neba i nebesnyh tel v evenkijskih zagadkah // Eposovedenie. – 2025. – № 2(38). – S. 72–84. – DOI 10.25587/2782-4861-2025-2-72-83.

14. Civ'yan T. V. Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy. – 5-e izd., dop. – M. : LENAND, 2016. – 328 s.

15. Chăvash halăh pultarulăhĕ. Mifsem, legendăsem, halapsem. – Shupashkar : Chăvash kĕneke izd-vi, 2004. – 567 s.

16. Chăvash halăh pultarulăhĕ. Tupmalli yumahsem. Pĕrremĕsh kĕneke. – Shupashkar : Chăvash kĕneke izdatel'stvi, 2015. – 446 s.

17. Chăvash halăh pultarulăhĕ. Tupmalli yumahsem. Ikkĕmĕsh kĕneke. – Shupashkar : Chăvash kĕneke izdatel'stvi, 2016. – 398 s.

18. Chesnokova O. S., Usmanov T. F. Obrazy prirody v tuvinskih, tatarskih, russkih i ispanskih zagadkah // Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. – 2022. – T. 13, № 2. – S. 483–501. – DOI 10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501.

19. Chuvashskaya mifologiya: etnograficheskij spravochnik. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 2018. – 591 s.

The article was contributed on February 7, 2026

Сведения об авторах

Димитриева Ольга Альбертовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, https://orcid.org/0000-0003-2734-640X, olgaal_79@mail.ru

Лукьянова Виктория Эдуардовна – студентка факультета истории, филологии, управления и права Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, vikulya.lukyanova.05@mail.ru

Author Information

Dimitrieva, Olga Albertovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Culturology, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, https://orcid.org/0000-0003-2734-640X, olgaal_79@mail.ru

Lukyanova, Viktoria Eduardovna – Student of the Faculty of History, Philology, Management and Law, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, vikulya.lukyanova.05@mail.ru

УДК 81’04’371”16”:801.73 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.008

А. В. Загуменнов

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С СОЮЗОМ «СИРѢЧЬ» В ТЕКСТАХ ПРОТОПОПА АВВАКУМА В РАКУРСЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Вологодская духовная семинария, г. Вологда, Россия

Аннотация. В статье впервые рассмотрено понятие «интерпретивный потенциал» в ракурсе концепции Г. И. Богина, руководителя Тверской школы теории понимания и истолкования текста. Актуальность заявленной темы обусловлена нерешенной в рамках упомянутого научного объединения вопроса о соотношении типов понимания и способов организации средств построения текста в диахроническом аспекте. В качестве материала для изучения выбраны тексты протопопа Аввакума, одного из выдающих авторов второй половины XVII в. Из его корпуса сочинений извлечены синтаксические конструкции с союзом «сиречь» как предмет нашего исследования. Для их изучения применены методы описания, контекстного анализа, анализа по непосредственным составляющим, сравнения и прием сплошной выборки. Предварительные результаты нашей работы сводятся к следующему. Во-первых, на уровне теории предложены четыре допущения о реализации интерпретативного потенциала. Среди них: связь его в той или иной степени с текстом, разность способов его (потенциала) освоения, регулируемость этих способов и поддержка регулирования и со стороны знаковой формы, и со стороны средств ее содержания. Во-вторых, с опорой на эти теоретические допущения описано проявление интерпретативного потенциала и в плане обозначающего (симметрия и асимметрия поясняемой и поясняющей частей в синтаксической конструкции), и в плане обозначаемого (связь содержания и определенного типа его понимания). В заключении утверждается адекватность предложенного ракурса изучения привлеченного в статье лингвистического материала.

Ключевые слова: *лексика, синтаксис, текст, русский язык XVII в., интерпретативный потенциал, филологическая герменевтика, протопоп Аввакум*

A. V. Zagumennov

INTERPRETATIVE POTENTIAL OF SYNTACTIC CONSTRUCTIONS WITH THE CONJUNCTION “SIRECH” IN THE TEXTS OF PROTOPOP AVVAKUM FROM PHILOLOGICAL HERMENEUTICS’ VIEW

Vologda Theological Seminary, Vologda, Russia

Abstract. In this article for the first time, we examined the concept “interpretive potential” from the view of the concept created by G.I. Bogin, who was the head of the Tver School of Theory of Understanding and Interpretation of Texts. The relevance of the stated topic is determined by the unresolved issue within the framework of the mentioned scientific association about the relationship between types of understanding and ways of organizing the means of constructing a text in a diachronic aspect. The material for studying in this article is the texts written by Archpriest Avvakum, one of the outstanding writers of the second half of the 17th century. From his corpus of texts, we extracted syntactic constructions with the conjunction “sirech” which is the subject of our research. The main methods of studying them are description, contextual analysis, direct component analysis, comparison, and continuous sampling. The results of this work include two points. First, at the level of theory we have proposed four assumptions about the realization of interpretative potential. We assume the connection of the interpretative potential with the text, the difference in the ways of mastering and realizing the interpretative potential, the regularity

of these methods and the support of this regulation both from the content and from the symbolic form itself. Secondly, basing on these theoretical assumptions we found out how the manifestation of interpretative potential is described both in terms of the denotative (symmetry and asymmetry of the explained and explanatory parts in the syntactic structure) and in terms of the denotatum (the relationship between the content and a specific type of understanding). The conclusion asserts the adequacy of the proposed view of studying the linguistic material used in the article.

Keywords: *vocabulary, syntax, text, Russian language of the 17th century, interpretative potential, philological hermeneutics, Protopop Avvakum*

Введение. До последнего времени употребление понятия «интерпретативный потенциал» в исследованиях по соответствующей тематике ([8], [10], [13]) было некатегориальным, более того – внутренне противоречивым. Возможно, речь стоило бы вести об «интерпретационном потенциале», но и этот оборот порой не отличается от «интерпретирующего потенциала» даже в фундаментальных работах по когнитивной лингвистике, как это наблюдается и в одной из статей Н. Н. Болдырева («значительным *интерпретационным потенциалом* обладает структура лексических категорий…» [2, с. 14], но далее об этом же – «на функциональном уровне *интерпретирующий потенциал* лексической категории…» [2, с. 15]), и в его монографии «Язык и система знаний. Когнитивная теория языка» [3].

В четвертой главе названной выше книги, а именно в ее седьмом параграфе «Интерпретирующий потенциал концептуальной метафоры», автором раскрывается *интерпретационный потенциал* («*интерпретирующего потенциала*» [3, с. 313]; «*Интерпретационный потенциал*» [3, с. 314]; «*интерпретационном потенциале*» [3, с. 314]; «*Интерпретационный потенциал*» [3, с. 314]; «*интерпретационный потенциал*» [3, с. 314], «*интерпретационный потенциал*» [3, с. 315]; «*интерпретационный потенциал*» [3, с. 315], «*интерпретационного потенциала*» [3, с. 317], «*интерпретационного потенциала*» [3, с. 317], «*Интерпретационный потенциал*» [3, с. 318], «*Ее интерпретационный потенциал*» [3, с. 319] – это последний пример, далее начинается следующий параграф). Следовательно, три употребления – «интерпретирующий потенциал», «интерпретационный потенциал» и «интерпретативный потенциал» – еще только предстоит развести между собой и категориально определить, с чем конкретно исследователь имеет дело.

По этой причине в текущей ситуации строгие дефиниции могут быть получены только после рамочного (на уровне теории) очерчивания некоторого рабочего поля с соответствующими установками изучения лингвистического материала. Попытку И. А. Даниленко определить понятие «интерпретативный потенциал» («Под интерпретативным потенциалом мы понимаем всю совокупность номинантов номинативных полей когнитивных конструктов, которая аккумулирует и хранит информацию в рамках когнитивной доминанты» [6, с. 224]) мы оцениваем положительно, но сама формулировка не является в строгом смысле определением. Это именно рамочное очерчивание того, что еще только предстоит дать как дефиницию в ракурсе конкретного подхода когнитивной лингвистики.

Мы вынуждены (в силу проведенного выше анализа) сделать то же самое, но для теории понимания и истолкования текста – филологической герменевтики в том ее варианте, который был предложен Г. И. Богиным, руководителем и идейным вдохновителем «Тверской герменевтической школы» [1]. В этих координатах интерпретация есть «высказанная рефлексия»; процесс, затрагивающий определенный тип понимания как способ освоения содержательности текста [1], что позволяет нам в рамочном очерчивании под *интерпретативным потенциалом* подразумевать совокупность всех средств содержания знаковой формы, ограничиваемую способом освоения (или типами понимания) этих средств содержания и этих знаковых форм. Принимая эту формулировку за исходное положение, мы можем вывести четыре теоретических допущения в границах филологической герменевтики.

Первое – «средства содержания» и «знаковые формы» могут образовывать «текст» (в самом широком толковании этого термина), быть частью «текста» или являться «текстом». Этим мы снимаем ограничение на принадлежность интерпретативного потенциала конкретным единицам языкового яруса.

Второе допущение – возможны способы освоения «средств содержания» и «знаковых форм», определяемые одним из трех типов понимания – *семантизирующим* («“декодирование” единиц текста, выступающих в знаковой функции» [1, с. 90]), *когнитивным* (преодоление трудностей при «освоении содержательности познавательной информации, данной в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание» [1, с. 90]) и *феноменологическим* (распредмечивание «идеальных реальностей, презентуемых помимо средств прямой номинации, но опредмеченных все же именно в средствах текста» [1, с. 90]). Снимая ограничение на принадлежность интерпретативного потенциала конкретным единицам языкового яруса, мы диалектически вводим ограничение на возможность доступа ко всей совокупности всех средств содержания знаковой формы. Это не значит, что речь идет о некой непознаваемой «вещи в себе», однако без специальной подготовки, интериоризованной картины мира и установки рефлексирующего сознания по типу ‘что мне это говорит о том?’ понимание текста может идти, метафорически выражаясь, «по пути наименьшего сопротивления», автоматизированно.

Третье допущение – способ освоения «средств содержания» и «знаковых форм» может быть регулируемым. Условия социо- и психолингвистических экспериментов [5], метод исследования лингвистического материала, комментарии к чему-л., стилистические средства в самом тексте могут стать «направляющими» к определенному типу понимания – семантизирующему, когнитивному, феноменологическому.

Четвертое допущение – регулирование способа освоения «средств содержания» и «знаковых форм» может поддерживаться и со стороны обозначающего (составляющих текста и дискурса), и со стороны данного как намек в содержании обозначаемого.

В качестве предмета исследования мы полагаем предложения с пояснительной связью, включающие в свою структуру союз сирѣчь. Целью исследования является описание со стороны формы и содержания интерпретативного потенциала указанных выше синтаксических единиц.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что проблемы интерпретации, касающиеся живого человека ([1], [16]), средств его языка ([8], [13]), текстов ([10], [17], [18]) и даже созданных им языковых моделей [11] в текущий момент привлекают исследователей не только в отечественной (см. список литературы в [7]), но и в зарубежной науке [15]. Также, со времен А. А. Потебни и А. А. Шахматова, сохраняется интерес к творчеству протопопа Аввакума ([4], [14], [9]), хотя именно сейчас можно отметить спад количества работ в области изучения синтаксиса его текстов.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили 53 произведения протопопа Аввакума, опубликованные в 39-м томе «Русской исторической библиотеки» [12]. В это издание вошли три редакции «Жития…», «Книга Бесед», «Книга толкований и нравоучений», «Книга обличений», письма, послания и богословские сочинения. Из этого корпуса сочинений вычленены 143 синтаксические конструкции с союзом сирѣчь, для исследования которых использованы описательный метод, метод контекстуального анализа, анализа по непосредственным составляющим, сравнения, приемы сплошной выборки.

Результаты исследования и их обсуждение. Интерпретативный потенциал с позиций формального выражения может быть проявлен в условно симметричных конструкциях при равности поясняемых и поясняющих элементов (самостоятельных частей речи

в линейном развертывании предложения без учета служебных), а при разности таковых – условно асимметричным.

Первый из описываемых случаев (34 примера) имеет две реализации: определенное слово в предложении поясняется словом («*Иванъ Предтеча подпоясывался по чресламъ, а не по титкамъ, поясомъ* ***усменнымъ, сирѣчь кожаннымъ****: чресла глаголются подъ пупомъ опоясатися крѣпко, да же брюхо-то не толстѣетъ*» [12, с. 280]), и определенное словосочетание поясняется словосочетанием («*...и возлетаетъ* (речь идет об орле – прим. А. З.) *выспрь с великимъ трудомъ, еже есть в высоту,* ***взимается к небесному огню****, сирѣчь* ***близъ солнца подлетитъ****, и обгоритъ вся ветхость на немъ...*» [12, с. 429]). В одном примере из «левого контекста» в «правый контекст» грамматически транслируется творительный падеж (*усменнымъ, сирѣчь кожаннымъ*), в другом – восстанавливается исходный активный залог у глагола. Орел в тексте никем не «взимается», он сам «взимает ся» (слившаяся с предикатом краткая форма возвратного местоимения *себе* в постпозиции), поэтому «взимается» становится «подлетитъ» в поясняющей части предложения.

Второй из описываемых случаев (условно асимметричное проявление интерпретативного потенциала, 109 примеров) также имеет две реализации. Поясняемая часть по формальному признаку может быть больше поясняющей («*Сего ради* ***положилъ ю Богъ и любодѣющія на одрѣ с нею в скорбь велію****, сирѣчь* ***асиріяня разорили Израиля, Иезовель в палатахъ застрѣлили***» [12, с. 530]), и поясняемая часть по формальному признаку может быть меньше поясняющей («*Разсѣяни же пойдутъ по нему и не заблудятъ, сирѣчь,* ***аще еретикъ праведника и изгоняетъ в сылки, в расѣяніе посылаетъ во страны далныя, якоже Никонъ отступникъ дѣлалъ с никоніяны, отецъ и братію мою в Астрахань, и в Новгородъ, и в Сибирь, и в Дауры, и в Пустозерье, вездѣ разсѣяни по лицу всей земли, а онѣ, миленькіе, не заблуждаютъ, единаче ходятъ по пути Господни***» [12, с. 515]). Подчеркнем: речь шла только о теоретическом допущении того, что регуляция способа реализации интерпретативного потенциала и освоения его со стороны воспринимающего поддерживается формальной организацией материала. Насколько это оправдано – покажут последующие исследования, в том числе проведенные в координатах психо- и когнитивных лингвистик.

В свою очередь, интерпретативный потенциал с позиции данного как намек в содержании знаковой формы определяется ведущим типом понимания, необходимым (типом понимания) для его (интерпретативного потенциала) регулирования. С одной стороны, воспринимающему текст необходима лишь часть от всего, что может быть заложено употреблением конкретной единицы, с другой – ограничение на реализацию всех возможностей для истолкования сохраняет смыслоразличительные признаки разных употребляемых единиц, благодаря чему через текст проговаривается разное, а не говорится об одном и том же (видоизмененный вариант идеи С. О. Карцевского об асимметричном дуализме лингвистического знака).

Следовательно, с позиции данного как намек в содержании знаковой формы интерпретативный потенциал имеет три реализации. Первая из них – ограничиваемая семантизирующим типом понимания («*Мнози мнѣша не смысля и душа ненаказанніи, яко по образу нашему человѣкъ: аки Богу носъ имущу, или очи тацы же, или уши тацы же, блазненъ же и нестроенъ* ***помыслъ****, сирѣчь* ***разумъ***» [12, с. 611]). Подобные примеры примечательны тем, что на их основе можно выстроить своеобразный «тезаурус» языковой личности – человека, способного производить и воспринимать текст [1]. В этих предложениях проявляются интересующие пишущего связи между разными (по стилистике, по этимологии и т. п.) единицами.

Второй вариант реализации интерпретативного потенциала ограничивается когнитивным типом понимания («*Отъ насъ же* ***слово гнило*** *да не изыдетъ, сирѣчь* ***клеветаніе;***

кощуны, лжесловесіе, оболганіе, брань и сваръ о суетныхъ, гордыня же и тщеславія внутреньняя и внѣшняя *да не бываетъ в насъ*» [12, с. 538]). В этих случаях слово или словосочетание из поясняемой части идентифицируются как понятие со своим семантическим объемом, раскрываемым в поясняющей части синтаксической конструкции. В данном примере «слово гнило» истолковывается как ряд прегрешений, известных в православной культуре и тогда, в XVII в., и сегодня.

Третий вариант реализации интерпретативного потенциала ограничивается феноменологическим типом понимания, при этом ресурсы самого типа понимания практически безграничны, поскольку речь идет о конституировании смыслового «горизонта» (Э. Гуссерль). Приведем пример: «*Изъ-за утра нанимаетъ на дѣло, сирѣчь* ***отъ чрева матерня хощеть насъ заповѣдямъ дѣлателямъ быти***» [12, с. 551]. Это предложение, вырванное из контекста, примечательно тем, что его «прочтение» по основным значениям употребленных единиц в поясняемой части синтаксической конструкции практически ничего не дает для понимания содержания в ее поясняющей части. Более того, «нанимаетъ на дѣло» и «хощеть насъ заповѣдямъ дѣлателямъ быти» не состоят в отношении целого и части, чтобы усматривать за этим понятийное раскрытие «левого контекста». Внутри сочинения протопопа Аввакума «распредмечивание идеальной реальности» в линейном развертывании текста облегчается для читателя тем, что это – часть толкования на евангельскую притчу о работниках в винограднике и их оплате (Мф 20:1-16). Без учета этого источника и вне смысловой системы христианского учения разбираемый пример остается непонятым.

Выводы. Охарактеризовав интерпретативный потенциал в рамках филологической герменевтики как совокупность всех средств содержания знаковой формы, ограничиваемую способом освоения этих средств содержания и этих знаковых форм, мы ввели четыре теоретических допущения: связь интерпретативного потенциала с текстом в том или ином виде, разность способов его (потенциала) освоения, регулируемость способа освоения и поддержка регуляции со стороны самой знаковой формы и ее содержания. С учетом этих предположений было введено различение условно симметричных и условно асимметричных проявлений обсуждаемого феномена на уровне синтаксиса, а также намечена герменевтическая типология пояснительных конструкций с союзом сирѣчь, включающая:

1. Единицы, ограничиваемые семантизирующим типом понимания («*яко тричастенъ крестъ Христовъ, сирѣчь отъ трехъ древъ сотворенъ*» [12, с. 267]);

2. Единицы, ограничиваемые когнитивным типом понимания («*Почтеніе сѣней, сирѣчь егда ис пустыни внидоша во обѣтованную землю, и устроиша себѣ жилища и хлѣбъ начата орати*» [12, с. 297]);

3. Единицы, ограничиваемые феноменологическим типом понимания («*Изъ-за утра нанимаетъ на дѣло, сирѣчь отъ чрева матерня хощеть насъ заповѣдямъ дѣлателямъ быти*» [12, с. 551]).

Наше исследование позволяет поставить вопрос о способах проявления интерпретативного потенциала в историческом лингвистическом материале, и, как нам видится, сочинения эпохи русского церковного раскола второй половины XVII в. могут оказаться адекватными предложенному нами ракурсу изучения. Сами памятники раннего периода староверия были созданы в ситуации кризиса, когда спорящие стороны эксплицировали свое понимание общего для спорящих сторон корпуса бытовавших ранее текстов. Социальный «запрос на герменевтику» в той или иной степени получил отображение в произведениях каждого из «пустозерских узников» (Аввакум, Епифаний, Лазарь и Федор), подводя каждого из них к необходимости истолкования чего-л. По нашему убеждению, описание интерпретативного потенциала в том (и там), где он действительно был, открывает новые возможности антропоцентрического подхода к историческому синтаксису каждого столетия в отдельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богин Г. И.* Обретение способности понимать : работы разных лет. – Тверь : Тверской государственный университет, 2009. – Т. 2. – 152 с.

2. *Болдырев Н. Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4(49). – С. 10-20.

3. *Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2018. – 480 с.

4. *Виноградов В. В.* О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Русская речь : Сборники статей. – Пг. : Издание фонетич. ин-та практич. изучения языков, 1923. – [Ч.] I. – С. 195–293.

5. *Голев Н. Д., Сергеев А. В.* Вариативность реализации интерпретационного потенциала текста: экспериментальное исследование // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2008. – № 4(36). – С. 126–129.

6. *Даниленко И. А.* Интерпретативный потенциал когнитивных конструктов // Когнитивные исследования языка. – 2025. – № 1-1(62). – С. 221–225.

7. *Загуменнов А. В., Артемов Н. С.* Сквозь текст обретая Бога: опыты филологической герменевтики рассказов Ф. М. Достоевского из «Дневника писателя» 1870-х гг. – Вологда : Родники, 2025. – 156 с.

8. *Зиновьева Л. В., Гезде Д.* Интерпретативный потенциал в структуре социально-ролевых номинативов // СМАЛЬТА. – 2021. – № 2. – С. 46–52.

9. *Колесов В. В.* Основы концептологии. – СПб. : Златоуст, 2019. – 776 с.

10. *Огнева Е. А., Бузина Е. И.* Интерпретативный потенциал текстовых темпоральных когнитивных моделей в диахроническом срезе : монография. – М. : Эдитус, 2025. – 210 с.

11. *Рашевский В. Е.* Когнитивный аспект дискурсивной подсказки в формировании интерпретативного потенциала большой языковой модели // Когнитивные исследования языка. – 2025. – № 1-2(62). – С. 475–478.

12. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. – СПб. : б. и., 1927. – 960 стлб.

13. *Семенова Т. И.* Интерпретативный потенциал английского прогрессива в репрезентации ситуаций эмоционального состояния и поведения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 17(728). – С. 157–169.

14. *Тарланов З. К.* Текстообразующая роль синтаксических конструкций в Житии Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1985. – Т. Т. XXXIX. – С. 410–416.

15. *Kussler L. M., Rohden L.* Apresentação do dossiê hermenêutica // Filosofia Unisinos, São Leopoldo. – 2023. – Vol. 24, No. 2. – P. 1–3. – DOI 10.4013/fsu.2023.242.dh.

16. *Romele A.* Digital Hermeneutics as Hermeneutics of the Self // Discipline filosofiche. – 2020. – Vol. XXX, No. 2 [Il rinnovamento dell'ermeneutica : con e oltre Paul Ricoeur]. – P. 187–203. – DOI 10.1400/280037.

17. *Schmid W.* The Desire for Meaning, or the Hermeneutics of Equivalence // The New Philological Bulletin. – 2022. – No. 2(61). – P. 18-26. – DOI 10.54770/20729316-2022-2-18.

18. *Silva junior A. F. da.* A hermenêutica filosófica e a experiência formativo-educacional: horizontes e desafios contemporâneos // Filosofia Unisinos, São Leopoldo. – 2023. – Vol. 24, No. 2. – P. 1–16. – DOI 10.4013/fsu.2023.242.06.

Статья поступила в редакцию 16.01.2026

REFERENCES

1. Bogin G. I. Obretenie sposobnosti ponimat′ : raboty raznykh let. – Tver′ : Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2009. – T. 2. – 152 s.

2. Boldyrev N. N. Kognitivnye skhemy yazykovoj interpretatsii // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – 2016. – № 4(49). – S. 10–20.

3. Boldyrev N. N. Yazyk i sistema znanij. Kognitivnaya teoriya yazyka. – M. : Izdatel′skij Dom YaSK, 2018. – 480 s.

4. Vinogradov V. V. O zadachakh stilistiki. Nablyudeniya nad stilem Zhitiya protopopa Avvakuma // Russkaya rech′ : Sborniki statej. – Pg. : Izdanie fonetich. in-ta praktich. izucheniya yazykov, 1923. – [Ch.] I. – S. 195–293.

5. Golev N. D., Sergeev A. V. Variativnost′ realizatsii interpretatsionnogo potentsiala teksta: eksperimental′noe issledovanie // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – № 4(36). – S. 126–129.

6. Danilenko I. A. Interpretativnyj potencial kognitivnyh konstruktov // Kognitivnye issledovaniya yazyka. – 2025. – № 1-1(62). – S. 221–225.

7. Zagumennov A. V., Artyomov N. S. Skvoz' tekst obretaya Boga: opyty filologicheskoj germenevtiki rasskazov F. M. Dostoevskogo iz «Dnevnika pisatelya» 1870-h gg. – Vologda : Rodniki, 2025. – 156 s.

8. Zinov'eva L. V., Gezde D. Interpretativnyj potencial v strukture social'no-rolevyh nominativov // SMAL'TA. – 2021. – № 2. – S. 46–52.

9. Kolesov V. V. Osnovy kontseptologii. – SPb. : Zlatoust, 2019. – 776 s.

10. Ogneva E. A., Buzina E. I. Interpretativnyj potencial tekstovyh temporal'nyh kognitivnyh modelej v diahronicheskom sreze : monografiya. – M. : Editus, 2025. – 210 s.

11. Rashevskij V. E. Kognitivnyj aspekt diskursivnoj podskazki v formirovanii interpretativnogo potenciala bol'shoj yazykovoj modeli // Kognitivnye issledovaniya yazyka. – 2025. – № 1-2(62). – S. 475–478.

12. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoyu komissieyu. – SPb. : b. i., 1927. – 960 stlb.

13. Semenova T. I. Interpretativnyj potencial anglijskogo progressiva v reprezentacii situacij emocional'nogo sostoyaniya i povedeniya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2015. – № 17(728). – S. 157–169.

14. Tarlanov Z. K. Tekstoobrazuyushchaya rol′ sintaksicheskikh konstruktsij v Zhitii Avvakuma // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. – 1985. – T. T. XXXIX. – S. 410–416.

15. Kussler L. M., Rohden L. Apresentação do dossiê hermenêutica // Filosofia Unisinos, São Leopoldo. – 2023. – Vol. 24, No. 2. – P. 1–3. – DOI 10.4013/fsu.2023.242.dh.

16. Romele A. Digital Hermeneutics as Hermeneutics of the Self // Discipline filosofiche. – 2020. – Vol. XXX, No. 2 [Il rinnovamento dell'ermeneutica : con e oltre Paul Ricoeur]. – P. 187–203. – DOI 10.1400/280037.

17. Schmid W. The Desire for Meaning, or the Hermeneutics of Equivalence // The New Philological Bulletin. – 2022. – No. 2(61). – P. 18–26. – DOI 10.54770/20729316-2022-2-18.

18. Silva junior A. F. da. A hermenêutica filosófica e a experiência formativo-educacional: horizontes e desafios contemporâneos // Filosofia Unisinos, São Leopoldo. – 2023. – Vol. 24, No. 2. – P. 1–16. – DOI 10.4013/fsu.2023.242.06.

The article was contributed on January 16, 2026

Сведения об авторе

Загуменнов Александр Владимирович – кандидат филологических наук, заведующий заочным сектором обучения, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Вологодской духовной семинарии, г. Вологда, Россия, https://orcid.org/0000-0002-2440-3918, zaw1991@mail.ru

Author Information

Zagumennov, Aleksandr Vladimirovich – Candidate of Philology, Head of the Correspondence Education Sector, Associate Professor of the Department of Humanities and Natural Sciences, Vologda Theological Seminary, Vologda, Russia, https://orcid.org/0000-0002-2440-3918, zaw1991@mail.ru

УДК 004.9:398 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.009

Т. А. Золотова, Е. А. Плотникова, В. И. Токтарова

ОТ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА К ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-02652).

Аннотация. Цифровизация фольклорного наследия становится одним из приоритетных направлений развития гуманитарных исследований и цифровых архивных практик. Региональные фольклорные архивы сталкиваются с проблемами фрагментарности цифровых коллекций, отсутствия унифицированных моделей описания и ограниченной функциональности существующих платформ, что препятствует их полноценной научной и образовательной интеграции.

Материалом для исследования послужили региональные фольклорные коллекции Марийского государственного университета. Использованы методы цифрового моделирования, гипертекстовой организации данных, сводного описания традиции, а также семантической разметки фольклорных текстов и обрядовых сценариев с применением технологий искусственного интеллекта.

В статье обоснован переход от понимания архива как статичного хранилища к модели интерактивной среды интерпретации и репрезентации культурного знания. Показаны возможности тематического тегирования и выявления инвариантных структур, мотивов и функций традиции, а также обозначены методологические риски формализации гуманитарных данных.

Интеграция интеллектуальных технологий при сохранении исследовательского контроля расширяет аналитический и образовательный потенциал цифровых ресурсов и формирует новую модель репрезентации регионального фольклора в контексте гуманитарного знания XXI в.

Ключевые слова: *цифровизация, фольклорный архив, региональный календарно-обрядовый фольклор, Республика Марий Эл, сводное описание, семантическая разметка, технологии искусственного интеллекта*

T. A. Zolotova, E. A. Plotnikova, V. I. Toktarova

FROM A FOLKLORE ARCHIVE TO A DIGITAL ENVIRONMENT OF INTERPRETATION: PROBLEMS AND PRACTICES OF DIGITIZATION OF REGIONAL COLLECTIONS

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

Acknowledgement

The research was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 25-28-02652).

Abstract. The digitization of folklore heritage has become a key priority in contemporary humanities research and digital archival practices. Regional folklore archives face fragmentation of digital collections, lack of unified descriptive models, and limited platform functionality, which restrict their scholarly and educational integration.

The study is based on regional folklore collections of the Mari State University. The research employs digital modeling, hypertext organization of materials, integrated description of folklore tradition, and semantic annotation of folklore texts and ritual scenarios using artificial intelligence technologies.

The article substantiates the shift from viewing the archive as a static repository to conceptualizing it as an interactive environment for representation and interpretation of cultural knowledge. The advantages of thematic tagging and identification of invariant structures, motifs, and functions of tradition are demonstrated, along with methodological risks related to the formalization and algorithmization of humanities data.

The integration of intelligent technologies into digitization practices, while maintaining scholarly control, enhances the analytical and educational potential of digital resources and contributes to the development of a new model of regional folklore representation relevant to the twenty-first-century humanities scholarship.

Keywords: *digitization, folklore archive, regional calendar and ritual folklore, Mari El Republic, integrated description, semantic annotation, artificial intelligence technologies*

Введение. Цифровизация фольклорного наследия в последние десятилетия стала одним из ключевых направлений развития цифровой гуманитаристики. В фокусе исследователей находятся проблемы оцифровки архивов, разработки метаданных и создания цифровых платформ для представления традиционной культуры. В международной практике активно обсуждаются стандарты цифрового описания культурного наследия, принципы открытого доступа (*open access*) и возможности применения технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) для анализа гуманитарных корпусов.

Темой настоящего исследования является трансформация регионального фольклорного архива из модели статичного хранилища в цифровую среду интерпретации и аналитической работы. Несмотря на наличие значительного массива региональных коллекций, остаются нерешенными вопросы унификации описания, многоуровневой репрезентации фольклорных феноменов и интеграции интеллектуальных технологий в процессы систематизации ([6], [13]).

Проблема исследования заключается в противоречии между богатством эмпирического материала региональных архивов и ограниченностью существующих цифровых инструментов его структурирования и анализа.

Цель статьи – разработать модель цифровой репрезентации регионального фольклора, основанную на принципах гипертекстовой организации, сводного описания традиции и семантической разметки с применением технологий ИИ.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования определяется несколькими факторами.

Во-первых, региональные фольклорные архивы в России накопили значительный массив текстовых, аудио- и видеоматериалов, однако их цифровизация часто ограничивается технической оцифровкой без создания полноценной аналитической инфраструктуры. Это снижает научную продуктивность архивов и затрудняет межархивное взаимодействие.

Во-вторых, в фольклористике отсутствует общепринятая модель метаданных, учитывающая специфику устной традиции: вариативность, контекст исполнения, многоуровневую структуру обряда, символические и функциональные параметры ([4], [9], [10]).

В-третьих, развитие цифровой гуманитаристики и технологий ИИ создает принципиально новые возможности для тематической классификации, выявления мотивных и структурных инвариантов, построения связей внутри больших корпусов текстов. Однако методологические основания их применения в фольклористике остаются недостаточно разработанными.

Таким образом, исследование направлено на формирование концептуальной модели цифровой онтологии фольклора, соединяющей этнографическую точность, фольклористическую интерпретацию и инструментарий цифрового анализа.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили фольклорно-этнографические коллекции северо-восточных и центральных районов Республики

Марий Эл, сформированные в ходе многолетних полевых экспедиций и включающие тексты календарной и семейной обрядности, аудио- и видеозаписи, этнографические описания и сопроводительные комментарии информантов. В корпус анализа настоящей статьи вошли, в частности, сводные коллекции календарной обрядности (около 150 страниц машинописного текста), а также цифровые ресурсы, созданные на их основе.

Методологическую основу исследования составляют принципы цифровой гуманитаристики, структурно-семантический анализ фольклорного текста, теория сводного описания традиции и гипертекстовой организации материала.

В работе использованы следующие методы:

– систематизация и типологизация фольклорных данных;

– разработка модели метаданных и тематической системы тегов;

– семантическая разметка обрядовых текстов и сценариев;

– элементы алгоритмического анализа для выявления инвариантных структур и мотивов;

– сравнительно-сопоставительный анализ локальных вариантов традиции.

Техническая реализация разметки осуществлялась в цифровой среде с использованием инструментов баз данных и программной обработки текстовых массивов, что обеспечило возможность дальнейшей масштабируемости и интеграции интеллектуальных модулей.

Результаты исследования и их обсуждение. В Марийском государственном университете начиная с 2000-х гг. осуществляется целенаправленная работа по систематизации фольклорного материала с помощью современных информационно-коммуникативных технологий. Первые проекты в этом направлении осуществлены совместными усилиями специалистов кафедр прикладной математики и русской и зарубежной литературы под руководством профессора В. С. Ижуткина и практически сразу же поддержаны различными научными фондами [8]. Уже первая созданная этим коллективом база данных формировалась по принципу гипертекста и включала в себя этнографические описания обрядовых действий, относящиеся к ним фольклорные тексты с нотными приложениями, а также фото-, аудио- и видео фрагменты [8, с. 74]. Важное место в ее составе занимал также тестирующий комплекс, позволяющий пользователям проверить свои знания в области фольклора и этнографии региона. Была предложена и программа анализа свадебных песен.

На протяжении последующих десятилетий заявленные подходы (гипертекстовое расположение материала в сочетании с научно-исследовательским и образовательным компонентами) реализованы в проекте «Базы данных по региональному фольклору (на материале фольклора РМЭ)». Новацией проекта стала организация цифровой платформы по двухуровневому принципу. Первый уровень представлял собой научно-ориентированную базу данных, включающую строго систематизированные фольклорно-этнографические материалы северо-восточных и центральных районов Республики Марий Эл. Здесь представлены коллекции вербальных текстов, аудио- и видеозаписей, этнографических описаний, карт распространения фольклорных феноменов, сопровождаемые подробным научным аппаратом (паспортами записей, комментариями, объяснительными записками) [12]. Второй уровень реализован в форме виртуальных музеев фольклора Юринского и Горномарийского районов. Он ориентирован на более широкую аудиторию и использует элементы визуализации, интерактивности и игрового моделирования, сохраняя при этом научную основу отбора и систематизации материала ([2], [3]). Ключевым методологическим достижением проекта стало так называемое «сводное описание фольклорной традиции». При этом под сводным описанием в данном контексте понимается интегративная форма представления фольклорного материала, объединяющая разновременные, разножанровые и разнолокальные источники в рамках единой аналитической модели. Сводное описание реализуется через:

- сопоставление текстов различных селенческих групп;
- выявление универсальных структурных и семантических кодов обрядов и жанров;

• «нанизывание» этнографических и фольклорных свидетельств вокруг устойчивых смысловых ядер;

• сочетание вербальных, аудиальных, визуальных и картографических форм представления материала [см. об этом подробно: 7].

При описании обрядов выделяется, в первую очередь, их инвариантная структура, после чего она «расцвечивается» локальными вариантами, индивидуальными исполнительскими версиями и различного рода комментариями. В результате формируется целостный образ функционирования традиции в конкретном культурном ареале.

Использование сводного описания в цифровой среде позволило проекту выполнить сразу несколько функций. С научной точки зрения созданы условия для сравнительно-сопоставительных исследований, анализа региональной специфики фольклора и изучения динамики традиции. В образовательном плане осуществлена адаптация материала, в том числе для молодежной аудитории. Определенного внимания заслуживает и социокультурный аспект проекта. Виртуальные музеи, интерактивные экскурсии и элементы игрового взаимодействия расширяют аудиторию фольклорного наследия, включая туристов и неспециалистов, и тем самым способствуют актуализации традиционной культуры в современном цифровом пространстве.

Созданные в Марийским государственном университете продукты привлекли внимание специалистов. Так, например, исследователями Н. В. Граматчиковой и Т. И. Хоруженко они соотнесены с проектами Эстонского фольклорного архива и New York Folklore, «основной миссией которых является поддержка традиционной культуры и ее популяризация» [5, с. 1877].

В свою очередь, с ориентацией на материалы проекта «Базы данных по региональному фольклору (на материале фольклора РМЭ)» специалистами университета совместно с обучающимися школ и лицеев РМЭ, а также их наставниками в рамках деятельности Сетевой педагогической мастерской (2018–2023) создан ряд оригинальных образовательных проектов. Среди них визуальная новелла, аудиокнига, видеосказка, игра-квест, электронная картотека игр народов РМЭ. Их направление и специфика подробно описаны в ряде статей коллектива ([1], [7], [11]).

Приведенные цифровые продукты демонстрируют определенный сдвиг в понимании сущности фольклорного архива – от статичного хранилища к интерактивной среде репрезентации и трансляции культурного знания. Однако по мере усложнения структуры данных и расширения пользовательских сценариев становится очевидно, что традиционные методы цифровой обработки оказываются недостаточными для выявления скрытых связей, повторяющихся моделей и семантических инвариантов внутри больших фольклорных корпусов.

В этой связи использование технологий ИИ может рассматриваться как методологическое продолжение ранее реализованных принципов сводного описания и гипертекстовой организации материала. Эти технологии позволяют перейти от ручного «нанизывания» текстов и контекстов к полуавтоматическому выявлению структурных, тематических и символических закономерностей, сохраняя при этом исследовательский контроль и фольклористическую интерпретацию.

Отдельного внимания заслуживает потенциал ИИ в развитии принципа сводного описания фольклорной традиции. В частности, технологии ИИ могут быть использованы для полуавтоматической жанровой и мотивной разметки текстов. Алгоритмический анализ позволяет выявлять инвариантные структурные элементы обрядов и жанров, а также отслеживать их локальные и индивидуальные модификации. Таким образом, ИИ может выступать вспомогательным инструментом при построении аналитических моделей, в рамках которых разновременные и разнолокальные источники объединяются вокруг устойчивых смысловых ядер, ранее выделяемых исключительно на основе экспертного анализа.

Однако наряду с очевидными преимуществами использование технологий ИИ в фольклористике сопряжено с рядом рисков, которые требуют осмысления. Одной из ключевых проблем является опасность упрощения фольклорного материала, его редукции до формализуемых признаков, что может привести к утрате контекстуальной и семантической глубины традиции. Алгоритмические модели склонны также выявлять наиболее частотные и типовые элементы, тогда как маргинальные, редкие или «аномальные» варианты, зачастую представляющие особый научный интерес, могут оказываться на периферии анализа.

Обратимся к примерам. Авторами статьи в целом разработана общая схема тегов, необходимых для тематической разметки русских календарных обрядов РМЭ:

1. Календарный цикл и праздник (зимний, весенний, летний, осенний циклы; Рождество, Святки, Масленица, Пасха, Троица, Жатвенный, Покровский и др.).

2. Тип обряда и фаза обряда (обход домов, колядование, гадание; зажжение костра, катание с гор, качели; кумление, хороводы; первый выгон скота, первый сноп и др.; фазы подготовки, канун, основное действие, завершение, застолье).

3. Участники и социальные роли (дети, молодежь, замужние женщины, мужчины, старики; специалисты – священник, знахарка, ведущий обряда; семья, соседи, община).

4. Локация обряда (дом, двор, улица, церковь, поле, перекресток, баня, кладбище и др.).

5. Действия и ритуальные практики (пение, игра, танец, обход, дарение, закликание, заговаривание, пир, очищение, омовение, зажигание и прыжки через огонь и др.).

6. Атрибуты и предметы (огонь, вода, зерно, солома, хлеб, маски, звезда, чучело, «жаворонки», блины, яйца, венки, «березка», праздничная одежда и др.).

7. Тематические мотивы и функции (урожай и плодородие, здоровье, защита, брак и любовь, деторождение, удача, поминание предков, очищение, переход и обновление и др.).

8. Жанры вербальной традиции (колядка, таусень, подблюдная песня, закличка, заговор, обрядовая и игровая песня, легенда или предание об обряде, личный рассказ информанта и др.).

9. Эмоциональный и оценочный фон (радостный, игровой, страшный, сакрально-сдержанный, иронический, ностальгический).

10. Этнографические и социальные маркеры (советский и постсоветский периоды, современные реконструкции, запреты, конфликты с официальной религией, связь с образовательными и клубными практиками).

Результаты исследования и их обсуждение. В ряде случаев предложенная схема действительно работает. В то же время имеющиеся в нашем распоряжении сводные коллекции календаря (приблизительно 150 страниц машинописного текста) включают, кроме собственно обрядовых сценариев, исследовательский нарратив (контекст и фон) и различного рода вербальные тексты, которые также должны быть учтены посредством введения все новых и новых тегов. Ниже предлагаются образцы разметки исследовательского нарратива (контекст и фон), обрядового текста и сценария.

Образец тематической разметки контекста.

Календарный цикл северо-восточной части РМЭ (Мари-Турекский, Новоторъяльский, Сернурский, Куженерский районы), как и в метрополии (Кировская область), открывался обрядами Рождественского комплекса (6-е января – 19-е января). В ряде населенных пунктов (с. Хлебниково, д. Юмочка, Мари-Турекский р-н) Рождество к тому же являлось и престольным праздником. Случаи «поднятия икон», крестного хода не отмечены исполнителями.

fragment_id: ZIM_OOD_01
cycle: зимний
period: святки
region: Республика Марий Эл

district: Мари-Турекский / Новоторъяльский / Сернурский / Куженерский
locality: (Мари-Турекский)
recording_date: 1998 г.
source_type: полевой материал
fragment_type: контекст
content_type: календарная рамка

Образец тематической разметки фона.

Во всех имеющихся описаниях царит атмосфера всеобщего веселья, приподнятости, оживления: «Рождество начинается с разговления. Приезжают гости, гуляют, ночуют обычно по два – три дня» (Е. Е. Симонова, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н); «На Рождество гуляли, играли, собирались на вечерки» (Н. П. Коршунова, д. Юмочка, Мари-Турекский р-н); «На Рождество заходили в дома, желали хозяевам счастья, пели и плясали» (А. В. Комелина, д. Русский Ноледур, Мари-Турекский р-н); «Наша деревня большая была, 120 дворов. На святки собирались все молодые» (Г. В. Селюнина, п. Сернур); «Пляшут, поют» (Т. Г. Глазырина, п. Сернур); «Мальчишки и девчонки по дворам бегали» (Л. Я. Черных, п. Сернур).

fragment_id: ZIM_OOD_02
cycle: зимний
period: святки
region: Республика Марий Эл
district: Мари-Турекский / Новоторъяльский / Сернурский / Куженеркий
locality: (Мари-Турекский, Сернурский)
recording_date: 1997-1998 гг.
source_type: полевой материал
fragment_type: обрядовый фон
action: гуляние
action: собрания
action: посещение домов
emotion: веселье
function: праздничная консолидация

Образец тематической разметки обрядового текста.

В Новоторъяльском районе удалось записать на удивление полный вариант таусеня. Причем его исполнительница, Е. И. Терехина (д. Исюйка), отметила, что исполняли такие песни ряженые:

– Коляда, коляда,
Ты где была?
– Коней пасла.
– А где кони?
– За ворота ушли.
– А где ворота?
– Водой унесло.
– А где вода?
– Быки выпили.
– А где быки?
– За горы ушли,
– А где гора?
– Черви выточили.
– А где черви?
– Гуси выклевывали.
– А гуси где?

– В тростник ушли.
– А где тростник?
– Девки выломали.
– А девки где?
– За мужьям ушли.
– А где мужья?
– Все померли.
– А где гроба?
– Все погнили.
– А где душа?
– На небо ушла.
– Таусень, таусень,
Подай кишку на ужин,
Пышку, лепешку,
Поросячью ножку.
При этом плясали. Просили за это деньги, съестное, выпивку. Их охотно угощали.
(Е. И. Терехина, д. Исюйка, Новоторъяльский р-н)
fragment_id: ZIM_OOD_07
cycle: зимний
period: святки
region: Республика Марий Эл
district: Мари-Турекский / Новоторъяльский / Сернурский / Куженерский
locality: (Новоторъяльский)
recording_date: 1990 г.
source_type: полевой материал
fragment_type: комплексный жанрово-обрядовый
genre: таусень
ritual_block: обход домов
participants.status: ряженые
action: пение
action: пляска
function: получение дара
symbol: еда

Образец описания обрядового сценария.

Е. Е. Симонова (п. Хлебниково, Мари-Турекский р-н) рассказывала: «Славили обязательно. Ходили обычно подростки по два или четыре человека». Н. М. Гордеева (с. Хлебниково, Мари-Туркский р-н) рассказывала: «Отец послал славить всех своих сыновей. Их трое было. Дак они заранее дома муки нагребут, к соседям унесут. Посидят где-нибудь день, а потом придут со своей же мукой домой. Они уж взрослые были, женихи – неудобно ходить!» А К. В. Соловьева (д. Сукма, Мари-Турекский р-н) настаивала на том, что славили и дети, и взрослые, получая «за добрые слова угощение».

К. А. Вершинина (с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н) подчеркивала, что обряд этот совершался утром: «Рано-рано шли по домам с котомками».

Многие из наших исполнительниц (Е. Е. Симонова, М. В. Стрельникова, З. В. Хлебникова, Мари-Турекский р-н и др.) в детстве были активными «славильщиками»: «Насбирывали много» (Е. Е. Симонова, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н); «Пройдешь по домам, мешочек соберешь и отцу же продашь, а он тебе – денег!» (М. В. Стрельникова, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н).

Оделяли в данной местности обычно мукой: «Просто насыпали в мешок ковшичком» (Е. Е. Симонова, с. Хлебниково, Мари-Турекский р-н).

fragment_id: ZIM_OOD_08
cycle: зимний
period: святки
region: Республика Марий Эл
district: Мари-Турекский / Новоторъяльский / Сернурский / Куженерский
locality: (Мари-Турекский)
recording_date: 1998 г.
source_type: полевой материал
fragment_type: обрядовый сценарий
ritual_block: славление
time: утро
participants.age: подростки
action: обход домов
action: пение
function: благопожелание
function: получение дара

Предлагаемая система тегов (для обсуждения):

1. fragment_id: ZIM_OOD_01 (ZIM – зима; OOD – обряды обходов домов; 01 – номер фрагмента)
2. cycle: зимний, весенне-летний, осенний и т. д.
3. period: святки, масленица, встреча весны, пасха и т. д.
4. region: Республика Марий Эл
5. district: Мари-Турекский / Новоторъяльский / Сернурский / Куженерский
6. locality: (конкретный район, населенный пункт)
7. recording_date: (дата записи)
8. informant: ФИО, г. р.
9. source_type: полевой материал
10. fragment_type: контекст / фон / обрядовый сценарий / жанр

Если фрагмент определяется как *контекст,* его разметка завершается п. 10.

Для фрагмента *фон* могут быть введены теги: акции (п. 19), функции (п. 22), эмоции (п. 23).

Фрагменты обрядовый сценарий и жанр требуют введения тегов:

11. ritual_block: обходы домов, ряженье, гадание и др.
12. ritual_subtype: например, покойницкие игры и др.
13. ritual time of day: утро, полдень и т. д.
14. locus: дом, улица и т. д.
15. ritual phase: начало, приближение, взаимодействие с хозяевами, выход / завершение обряда
16. participants: дети, подростки и т. д.
17. participants status: ряженые
18. character: медведь, волк, черт и т. д.
19. action: обход домов, пение, пляска и т. д.
20. genre: колядка, закличка и т. д.
21. symbol: еда, одежда, маски и т. д.
22. function: благопожелание, социализация, примирение, обновление и т. д.
23. emotion: страх, смех и т. д.

В свою очередь, дополнительные теги могут быть введены для характеристики подтипов обрядовых сценариев, дальнейшей дифференциации участников обрядовых действий (возраст, гендер, маска и т. д.), функций обрядовых сценариев.

Что касается образовательных цифровых продуктов, разработанных в рамках сетевой педагогической мастерской, то ИИ может быть задействован в качестве интеллектуального посредника между пользователем и фольклорным контентом. Так, в визуальных новеллах, квестах и интерактивных экскурсиях возможна реализация адаптивных сценариев, в которых подача материала варьируется в зависимости от уровня подготовки и интересов пользователя, сохраняя при этом научную корректность и опору на архивные источники.

Выводы. В целом опыт цифровизации фольклорных архивов и создания совместимых с ними образовательных продуктов демонстрирует переход от модели сохранения культурного наследия к модели его активной интерпретации и трансляции в цифровой среде. При этом применение технологий ИИ в данном контексте следует рассматривать не как технологическую самоцель, а как инструмент углубления научного анализа и расширения коммуникативного потенциала фольклора.

ИИ позволяет по-новому осмыслить принципы систематизации, сводного описания и репрезентации фольклорной традиции, переводя их в плоскость междисциплинарного взаимодействия фольклористики, цифровой гуманитаристики и информационных технологий. При условии методологической рефлексии и этической ответственности интеллектуальные технологии способны превратить цифровые фольклорные ресурсы из статичных архивов в динамичные пространства производства знания и культурного диалога. Тем самым использование ИИ в работе с цифровыми фольклорными продуктами открывает перспективы для формирования новой цифровой онтологии фольклора – как живой, вариативной и многослойной системы, адекватной вызовам гуманитарного мышления XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бурова Т. Л., Иштриков С. В., Логинова А. В.* «Дети детям». Создание обучающимися начальной школы авторских коллективных и индивидуальных электронных образовательных ресурсов (на материале традиционной культуры) // Среда интеллектуального роста : сборник работ / Под общ. ред. Ю. С. Мануйлова. – Нижний Новгород : Центр науч. инвестиций, 2021. – С. 95–105.

2. Виртуальный музей фольклора Горномарийского района РМЭ [Электронный ресурс]. – URL : http://vmuseum.marsu.ru/ (дата обращения: 06.01.2026).

3. Виртуальный музей фольклора Юринского района РМЭ [Электронный ресурс]. – URL : http://vmuseum2.marsu.ru/ (дата обращения: 06.01.2026).

4. *Владыкина Т. Г., Глухова Г. А.* Локальные фольклорные архивы и учебный процесс // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (127). – С. 92–99.

5. *Граматчикова Н. В., Хоруженко Т. И.* Фольклорный архив на бумаге и в Интернете: проблемы цифровизации // Quaestio Rossica. – 2022. – Т. 10, № 5. – С. 1868–1883.

6. *Жиров М. С., Жирова О. Я., Кузнецова Н. С.* Электронный фольклорный архив в современном социокультурном пространстве // Самарский научный вестник. – 2021. – Т. 10, № 1. – С. 283–286. – DOI 10.17816/snv2021101216.

7. *Золотова Т. А., Плотникова Е. А.* Веб-сайт как форма популяризации нематериального культурного достояния народов Республики Марий Эл // Вестник Марийского государственного университета. – 2023. – Т. 17, № 3. – С. 413–419. – DOI https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-3-413-419.

8. *Ижуткин В. С., Золотова Т. А. Борисова Д. А.* Мультимедийная база данных и тестирующий комплекс по обрядовому фольклору русских Волго-Вятского региона // Традиционная культура. – 2003. – Т. 4, № 3(11). – С. 73–77.

9. *Неклюдов С. Ю.* Фольклор и современная культура: от устной традиции к цифровой // Фольклор: структура, типология, семиотика. – 2018. – Т. 1, № 1. – С. 11–25.

10. *Пашина О. А., Дорохова Е. А., Никитина И. А.* Фольклорные архивы в эпоху интернета // Русский фольклор : материалы и исследования. – СПб. : Наука, 2011. – Т. 34. – С. 478–481.

11. *Плотникова Е. А., Пирогова М. Н.* Виртуальная игра-квест как одна из форм популяризации традиционной (фольклорной) культуры в начальной школе // Педагогический журнал. – 2023. – Т. 13, № 4А. – С. 387–396. – DOI 10.34670/AR.2023.17.66.047.

12. Фольклор вятских переселенцев РМЭ: традиции и современное состояние [Электронный ресурс]. – URL : http://folklore.marsu.ru/ (дата обращения: 06.01.2026).

13. *Черных А. В.* Фольклорные собрания и архивы: проблемы сохранения и перспективы развития // Традиционная культура. – 2022. – Т. 23, № 2. – С. 13–24.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026

REFERENCES

1. Burova T. L., Ishtrikov S. V., Loginova A. V. «Deti detyam». Sozdanie obuchayushchimisya nachal'noj shkoly avtorskih kollektivnyh i individual'nyh elektronnyh obrazovatel'nyh resursov (na materiale tradicionnoj kul'tury) // Sreda intellektual'nogo rosta : sbornik rabot / Pod obshch. red. Yu. S. Manujlova. – Nizhnij Novgorod : Centr nauch. investicij, 2021. – S. 95–105.

2. Virtual'nyj muzej fol'klora Gornomarijskogo rajona RME [Elektronnyj resurs]. – URL : http://vmuseum.marsu.ru/ (data obrashcheniya: 06.01.2026).

3. Virtual'nyj muzej fol'klora Yurinskogo rajona RME [Elektronnyj resurs]. – URL : http://vmuseum2.marsu.ru/ (data obrashcheniya: 06.01.2026).

4. Vladykina, T. G., Glukhova, G. A. (2014). Lokal'nye fol'klornye arkhivy i uchebnyi protsess . In Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. No. 2 (127), pp. 92–99.

5. Gramatchikova N. V., Horuzhenko T. I. Fol'klornyj arhiv na bumage i v Internete: problemy cifrovizacii // Quaestio Rossica. – 2022. – T. 10, № 5. – S. 1868–1883.

6. Zhirov M. S., Zhirova O. Ya., Kuznecova N. S. Elektronnyj fol'klornyj arhiv v sovremennom sociokul'turnom prostranstve // Samarskij nauchnyj vestnik. – 2021. – T. 10, № 1. – S. 283–286. – DOI 10.17816/snv2021101216.

7. Zolotova T. A., Plotnikova E. A. Veb-sajt kak forma populyarizacii nematerial'nogo kul'turnogo dostoyaniya narodov Respubliki Marij El // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2023. – T. 17, № 3. – S. 413–419. – DOI https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-3-413-419.

8. Izhutkin V. S., Zolotova T. A. Borisova D. A. Mul'timedijnaya baza dannyh i testiruyushchij kompleks po obryadovomu fol'kloru russkih Volgo-Vyatskogo regiona // Tradicionnaya kul'tura. – 2003. – T. 4, № 3(11). – S. 73–77.

9. Neklyudov S. Yu. Fol'klor i sovremennaya kul'tura: ot ustnoj tradicii k cifrovoj // Fol'klor: struktura, tipologiya, semiotika. – 2018. – T. 1, № 1. – S. 11–25.

10. Pashina O. A., Dorohova E. A., Nikitina I. A. Fol'klornye arhivy v epohu interneta // Russkij fol'klor : materialy i issledovaniya. – SPb. : Nauka, 2011. – T. 34. – S. 478–481.

11. Plotnikova E. A., Pirogova M. N. Virtual'naya igra-kvest kak odna iz form populyarizacii tradicionnoj (fol'klornoj) kul'tury v nachal'noj shkole // Pedagogicheskij zhurnal. – 2023. – T. 13, № 4A. – S. 387–396. – DOI 10.34670/AR.2023.17.66.047.

12. Fol'klor vyatskih pereselencev RME: tradicii i sovremennoe sostoyanie [Elektronnyj resurs]. – URL : http://folklore.marsu.ru/ (data obrashcheniya: 06.01.2026).

13. Chernyh A. V. Fol'klornye sobraniya i arhivy: problemy sohraneniya i perspektivy razvitiya // Tradicionnaya kul'tura. – 2022. – T. 23, № 2. – S. 13–24.

The article was contributed on January 20, 2026

Сведения об авторах

Золотова Татьяна Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия, https://orcid.org/0000-0003-3734-1514, zolotova_tatiana@mail.ru

Токтарова Вера Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, проректор по стратегическому развитию Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия, https://orcid.org/0000-0002-3590-3053, toktarova@yandex.ru

Плотникова Екатерина Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия, https://orcid.org/0000-0002-7798-5237, kati_miracle@mail.ru

Author Information

Zolotova, Tatyana Arkadyevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, https://orcid.org/0000-0003-3734-1514, zolotova_tatiana@mail.ru

Toktarova, Vera Ivanovna – Doctor of Pedagogics, Professor, Vice-Rector for Strategic Development, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, https://orcid.org/0000-0002-3590-3053, toktarova@yandex.ru

Plotnikova, Ekaterina Andreevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, https://orcid.org/0000-0002-7798-5237, kati_miracle@mail.ru

УДК 821.161.1-312.1.08”18/20” DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.010

Е. П. Карташова, Т. В. Рыбакова

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ, ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ЛИРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЕ XIX–XXI ВВ.

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия

Аннотация. В статье исследуются пространственно-временные отношения, формирующие художественный мир лирико-философской прозы XIX–XXI вв. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения категорий *художественное время* и *художественное пространство* на материале лирико-философской прозы XIX–XXI вв. (В. В. Розанова, А. П. Чудакова и А. Алехина). Использован метод структурно-семантического анализа, ориентированный на определение основных категорий пространства и времени текста лирико-философской прозы XIX–XXI вв., позволивший определить языковые средства их репрезентации. До настоящего времени особенности отражения пространственно-временных отношений в лирико-философской прозе XIX–XXI вв. оставались исследованными недостаточно подробно как по содержательным параметрам, так и в аспекте их языковой реализации. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что общим признаком категории времени лирико-философской прозы XIX–XXI вв. является стремление авторов передать жизненный поток событий (бытийность), а особенностью категории пространства является его включенность во временное движение – объективность художественного образа пространства обусловлена тем, что в нем отображаются знания автора об объективной реальности, а субъективность обусловлена намерениями автора, его картиной мира, мировоззрением, ценностными ориентирами.

Ключевые слова: *художественное пространство, художественное время, пространственно-темпоральные категории, лирико-философская проза XIX–XXI вв., индивидуально-авторская картина мира, А. П. Чудаков, В. В. Розанов, Алексей Алехин*

E. P. Kartashova, T. V. Rybakova

ARTISTIC TIME, ARTISTIC SPACE AND LINGUISTIC MEANS OF THEIR REPRESENTATION IN LYRICAL AND PHILOSOPHICAL PROSE OF THE 19th-21st CENTURIES

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

Abstract. The article explores the spatial-temporal relations that form the artistic world of lyrical and philosophical prose of the 19th-21st centuries. The relevance of the work is to study the categories of artistic time and artistic space of lyrical and philosophical prose of the 19th-21st centuries (the works of V.V. Rozanov, A.P. Chudakov, A. Alekhin). The method of structural and semantic analysis was used, focused on determining the main space and time categories of the text of lyrical and philosophical prose of the 19th-21st centuries, which made it possible to determine the linguistic means of their representation as the peculiarities of reflecting spatial-temporal relations in the lyrical and philosophical prose of the 19th-21st centuries have remained insufficiently studied in detail both in terms of content and its linguistic implementation. It was concluded that the common sign of the time category of lyrical and philosophical prose is the desire of the authors to convey the life stream of events, the peculiarity of the space category is its inclusion in the temporal movement – the objectivity of the artistic image of space is due to the fact that that it reflects the author’s knowledge of reality, and subjectivity is determined by the author’s intentions, his worldview, and value orientations.

Keywords: *artistic space, artistic time, spatial-temporal categories, lyrical and philosophical prose of the 19th-21st centuries, individual author's worldview, A.P. Chudakov, V.V. Rozanov, Alexey Alyokhin*

Введение. Антропоцентрический подход к прочтению текста основан на анализе его формирования автором и восприятии читателем. При этом особое внимание уделяется не только структуре текста, но и тем коммуникативным процессам, которые сопровождают его создание и интерпретацию. Свое развитие этот подход получил как реакция на ограниченность классификаций, опирающихся лишь на внутренние структурные параметры произведения [2, с. 14]. В его рамках Л. Г. Бабенко выделяет два направления. Прагматический аспект рассматривает текст как многоуровневое речевое действие, осмысляемое сквозь призму целенаправленного воздействия на аудиторию с помощью тщательно подобранных языковых ресурсов [2, с. 20]. Тогда как в соответствии с когнитивным подходом язык – средство для формализации знаний, имеющихся о мире, где литературное произведение является уникальным семиотическим конструктом, который воплотил в себе авторское представление о действительности, создает специфическую картину мира [2, с. 25–26]. В указанной парадигме важное значение имеет категория континуума, которая обеспечивает связность смыслового пространства с репрезентацией познавательного опыта автора. Несмотря на неразрывность пространства и времени в реальности, лингвистический анализ предполагает возможность их раздельного рассмотрения в тексте, хотя на художественном уровне они всегда присутствуют во взаимосвязи.

Понятие «модель мира» охватывает национальные, универсальные знания человека о действительности, их знаковое воплощение в текстах разных литературных эпох, индивидуальные авторские интерпретации, которые отражены в художественных произведениях. Человеческая личность и сфера ее бытия лежат в основе любой подобной модели и определяют координаты пространственно-временных отношений. Индивидуальные художественные концепции сохраняют единство пространства и времени, даже если литературная хроника нарочито расходится с объективным временным потоком. Ведущая роль в разработке данных категорий в их взаимосвязи принадлежит М. М. Бахтину, который применил термин *хронотоп* и разработал теорию хронотопа, указав на главенство временных примет в осмыслении художественного целого: «причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время» [4, с. 234]. В работах литературоведа подчеркивается, что художественное время становится сгустком смысла, а пространство, будучи втянутым в историко-сюжетное движение, раскрывает свои свойства лишь в сопоставлении с временными характеристиками [3, с. 235]. Ю. А. Степанов выделяет время разом данное, «когда «настоящее», «прошлое» и «будущее» мыслятся как бы разом, одновременно данными сознанию человека и одновременно присутствующими в определенной его действительности» [17, с. 124].

Идеи И. Р. Гальперина свидетельствуют о том, что время, пространство, являясь структурными компонентами текста, выражаются через разные формы развития событий, пространственных отношений. Данный процесс нуждается в анализе по крупным фрагментам текста. Единство пространственных, временных связей становится основой целостности произведения. Они прослеживаются в структуре сюжета, связывают линейность и непрерывность повествования.

Пространственно-временные измерения – это неотделимые элементы любой картины мира. Для индивида время напрямую связано с продолжительностью собственной жизни или жизнью определенного коллектива, становится принадлежностью и продуктом сознания (как отмечает А. Я. Гуревич), обретает значимость как универсальный феномен человеческого опыта и находит отражение на семантическом уровне текста [6, с. 26].

Пространство наполнено вещами и объектами, оно материально репрезентировано. Время же структурируется как цепь событий с определенной последовательностью. Содержание временной категории охватывает как значение ограниченных периодов, определенных моментов и этапов, так и аспект непрерывного движения, переходов между прошлым, настоящим и будущим.

Основные характеристики реального времени (его протяженность, одномерность, необратимость, одновременность, чередование) отражаются в художественном произведении. Писатель предпринимает попытки по передаче жизненного ритма, потока событий, проведения экспериментов с восприятием времени: размытие границ, придание обратимости или многомерности, нарушение традиционной направленности. В результате этого художественное время становится отражением действительности, активным элементом авторской концепции мира, а также текстовой структуры. Лингвистические способы отображения событий в художественном тексте крайне разнообразны. Как подчеркивает И. Р. Гальперин, эффект приближения описываемого явления достигается за счет временной приостановки повествования и выделения определенного эпизода, сосредоточивающего внимание читателя [5, с. 94].

Объект настоящего исследования – лирико-философская проза XIX–XXI вв. (на примере лирико-философской прозы В. В. Розанова, А. П. Чудакова и А. Алехина). Предмет исследования – категории художественного времени и художественного пространства, а также языковые средства их репрезентации в текстах лирико-философской прозы XIX–XXI вв. Цель исследования – выявление и анализ особенностей пространственно-временных отношений (хронотопа) и лингвистических способов их выражения в лирико-философской прозе XIX–XXI вв. для определения роли этих категорий в формировании индивидуально-авторской картины мира.

В русле нашей концепции основная специфика лирико-философской прозы заключается в синтезе лирического (эстетико-эмоционального) и философского (рефлексивно-обобщающего) начал, направленных на исследование универсальных закономерностей жизни. Лирико-философская проза характеризуется строгой дискурсивной обусловленностью и определяется как совокупность текстов определенной жанрово-стилевой принадлежности, рассматриваемых в единстве лингвистических и экстралингвистических факторов текстообразования, за которыми стоит одна языковая личность автора.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена возможностью рассмотреть лингвистические категории художественного времени и художественного пространства как инструмент исследования авторского мировоззрения в текстах лирико-философской прозы XIX–XXI вв. и определить языковые средства их репрезентации, т. к. изыскания, посвященные специфике идиостилей В. В. Розанова, А. П. Чудакова и А. Алехина, характеристике их текстов как лирико-философской прозы, проанализированы ([7], [8], [9], [10], [15], [16]), однако исследования о реализации художественного времени и художественного пространства в лирико-философских текстах XIX–XXI вв., в частности В. В. Розанова, А. П. Чудакова и А. Алехина, мало изучены или отсутствуют. Подобный анализ также важен для развития интегративных методов филологического исследования, где языковые формы рассматриваются в единстве с их художественной функцией. В русле антропоцентрического подхода особый интерес представляет анализ того, как вербализованные авторские средства отражают их ценностные ориентации и организуют систему авторской картины мира. Полученные результаты углубляют понимание взаимосвязи между данными категориями и способами их языковой репрезентации.

Материал и методы исследования. В качестве материала исследования выступает лирико-философская проза XIX–XXI вв., а именно «Уединенное» (1912), «Опавшие листья. Короб первый» (1913), «Опавшие листья. Короб второй» (1915) В. В. Розанова,

«Ложится мгла на старые ступени», «Приложение. Из дневников, записных книжек, писем» (1956–2005 гг.) А. П. Чудакова, «Варенье из падалицы» (2023) Алексея Алехина, т. к. проза данных авторов относится к показательным историко-хронологическим рамкам, позволяющим проследить эволюцию представлений о сущности категории времени и пространства в русской литературе XIX–XXI вв. Анализ творчества В. В. Розанова позволяет выявить параллели с текстами советской и современной эпох, характеризующимися попыткой передать непосредственный опыт и мышление автора в своей неповторимой форме, что проявляется в их «необработанности», неформальности и открытости для диалога. Важно подчеркнуть, что и Розанов, и авторы XX–XXI вв. стремились выйти за рамки традиционного «литературного» жанра. Тексты отличаются фрагментарностью, использующей не линейную структуру повествования, а собирание мыслей в разнообразных формах, т. е. жанровой неопределенностью. Методология исследования включает сплошную выборку речевых контекстов, содержащих категории времени и пространства, с последующим многоаспектным анализом. Применяемый структурно-семантический анализ направлен на выявление основных категорий пространства и времени текста лирико-философской прозы XIX–XXI вв., позволивший определить языковые средства их репрезентации.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведем ***анализ художественного времени и языковых способов его репрезентации*** в лирико-философской прозе XIX–XXI вв. на материале творчества В. В. Розанова, А. П. Чудакова и Алексея Алехина. В текстах лирико-философской прозы («Уединенное» (1912), «Опавшие листья. Короб первый» (1913), «Опавшие листья. Короб второй» (1915) В. В. Розановым применяются переплетения разных темпоральных значений, которые формируют образ многомерного пространства, актуализируют различные свойства сюжетного времени [2, с. 202]:

– «временную фиксированность»: *«Лет шесть назад…»* [14, с. 36]; *«Уже года за три до 1911 г. …»* [14, с. 76]; *«27 ноября скончалась…»* [14, с. 78]; *«26-го августа 1910 г. …»* [14, с. 80]; *«Вечером…»* [13, с. 15]; *«В 1904-5 г. …»* [13, с. 304]; *«В 1895-6 году…»* [13, с. 342] и др.;

– «диалектику времени, движение от прошлого к настоящему и будущему»: *«Как-то стою…»* [8, с. 57]; *«Как-то…»* [8, с. 82]; *«Это когда-то давно-давно…»* [13, с. 13]; *«Еще было давно…»* [13, с. 13]; *«Иногда…»* [13, с. 117]; *«Много лет спустя…»* [13, с. 171]; *«Частенько…»* [13, с. 266]; *«Редко-редко…»* [13, с. 354] и др. примеры.

– «его длительность»: *«В один день…»* [13, с. 117] и др.

В тексте лирико-философской прозы («Ложится мгла на старые ступени», «Приложение. Из дневников, записных книжек, писем» (1956–2005 гг.) А. П. Чудаковым «временная фиксированность» выражена следующим способом: *«Вечер»* [20, с. 576]; *«Понедельник. 12 часов дня»* [20, с. 577]; *«Тогда, 11-го, …»* [20, с. 577]; *«02 часа ночи»* [20, с. 591]; *«Вчера на дне рождения у Л. были…»* [20, с. 592]; *«Сегодня был у Светы…»* [20, с. 598]; *«Сегодня приехал на рафике…»* [20, с. 600] и др.

В прозе А. П. Чудакова времени придается исключительно характеристика «фиксированности». Писатель акцентирует внимание на четко определенных, конкретных временных точках или отрезках. Такая стратегия исключает описание продолжительности или развертывание временной перспективы. У Чудакова отсутствует как осмысление длительности, так и анализ переходов между временными пластами, от прошлого к настоящему и к будущему. В его текстовой картине нет диалектического противопоставления и развития временных характеристик, что формирует статичный, явно локализованный во времени художественный мир.

События излагаются последовательно: каждое событие, которое автор описывает, начинается с года (заголовок), формируется порядок событий внутри года (заголовка). В композиционном отношении датированные записи – это разные «истории», которые

происходили с автором, организованы в соответствии со следующим сюжетным принципом: ***завязка – развитие действия – кульминация – развязка,*** т. е. происходит построение фрагментов в форме рассуждения с посылками в начале и выводами в конце.

В тексте лирико-философской прозы («Варенье из падалицы» (2023)) Алексеем Алехиным темпоральные значения используются широко:

– «временная фиксированность»: *«В 10.30…»* [1, с. 346]; *«Сегодня…»* [1, с. 170]; *«Вечером…»* [1, с. 206] и др.;

– «диалектика времени, движение от прошлого к настоящему и будущему»: *«Однажды…»* [1, с. 206]; *«В те годы…»* [1, с. 15, 26, 148, 192, 196, 207]; *«В какой-то момент жизни…»* [1, с. 210]; *«Когда-то…»* [1, с. 227, 372, 463]; *«Временами…»* [1, с. 381]; *«В советское время…»* [1, с. 496] и др. примеры.

– «его длительность»: *«Который год…»* [1, с. 46]; *«… в конце 80-х …»* [1, с. 197]; *«Каждое утро…»* [1, с. 384]; *«По субботам…»* [1, с. 232]; *«По пятницам…»* [1, с. 348] и др.

Многоуровневая временная организация, характерная для лирико-философской прозы, воплощается через широкий спектр лексико-синтаксических и структурных приемов. Авторы стремятся создать сложный образ художественного времени, объединяя различные его модусы: линейность сменяется цикличностью, присутствует также дискретность, а нарратив включает как ретроспективные, так и проспективные акценты. Помимо объективных аспектов, временная структура часто окрашена индивидуальным субъективным восприятием.

В концепции Е. С. Кубряковой пространство воспринимается в качестве специфического конструкта, который появляется перед внутренним взором человека при широком визуальном охвате всей окружающей действительности. Тогда как к субъективному освоению относятся объекты в данном зрительном поле, способ восприятия человеком протяженности вокруг себя в разных направлениях [11, с. 12].

Исследования М. М. Бахтина [4], Ю. М. Лотмана [12], В. Н. Топорова [18] и Б. А. Успенского [19] подчеркивают, что пространственная организация текста столь же системна и структурирована, как и иные абстракции моделей мира. По их мнению, пространство в литературе оказывается результатом присвоения и освоения, поскольку отражает процесс «обживания» субъектом определенной среды, выступая неотъемлемой частью бытия. Репрезентация пространства в каждом художественном произведении индивидуальна: воображаемые реальности неразрывно связаны с авторским творческим мышлением.

Важное значение в анализе художественного пространства принадлежит характеристикам, объему предметов в окружающей среде, где его границы могут иметь связь с телесностью субъекта, ограниченность ближайшими стенами (микрокосм – дом, комната), или же выходить за указанные пределы, становясь открытыми, расширяющимися пространствами (макросхемами) или являться редуцированным, сжатым.

Л. Г. Бабенко предлагает классификацию художественных моделей пространства, выделяя пространство, целиком погруженное внутрь субъекта и выражающее его психологическое состояние; топос, близкий к реально существующему географическому окружению; пространство точечного типа, ограниченное внутренними рамками; миры, наполненные фантастическими элементами, несущими явную оторванность от эмпирической действительности [2, с. 171–174].

Проведем ***анализ художественного пространства и языковых способов его воплощения*** в лирико-философской прозе XIX–XXI вв.

В лирико-философской прозе В. В. Розанова модели пространства представлены следующими типами:

– «близкое к реальному географическое пространство»: *«В Мюнхене, в Наугейме (в Луге – и на Сиверской… уже не было)… »* [13, с. 287]; *«В России…»* [14, с. 37];

– «точечное, внутренне ограниченное пространство»: *«…в часовенке, при маленьком сквере около Владимирской церкви, на Петербургской стороне»* [14, с. 57];

– «космическое пространство, которое является далеким для человека пространством, наполненным свободными и независимыми от человека телами»: «*Литература как орел взлетела в* ***небеса****. И падает мертвая»* [14, с. 39]; *«Правда выше солнца, выше* ***неба****, выше Бога: ибо если и Бог начинался бы не с правды – он – не Бог, и* ***небо*** *– трясина, и* ***солнце*** *– медная посуда»* [14, с. 52]; *«В «друге» дана мне была путеводная звезда… И я 20 лет (с 1889 г.) шел за нею»* [14, с. 46]; *«Только в «друге» мне мелькнуло «мое». Это что-то «в судьбе»,* ***«в звездах»,*** *т. е. встреча и связанность»* [13, с. 56]; *«Самые* ***планеты*** *движутся, все уклоняясь от прямой, все отступая от вчерашнего пути. «По* ***планете*** *– и человек»* [13, с. 122] и др. примеры.

Л. Г. Бабенко подчеркивает, что различные типы художественного пространства не существуют в изоляции друг от друга. Автор указывает, что они, напротив, зачастую переплетаются, взаимодействуют в одном произведении, формируя многоплановую структуру текста [2, с. 177]. Особое значение пространственная модель приобретает в процессе формирования языковой личности писателя. Ю. М. Лотман считает, что она отражает уникальное авторское восприятие мира, определенные пространственные представления каждого автора [2, с. 170]. Пространственно-временные категории становятся основными и в прозе В. В. Розанова, где их применение способствует формированию целостного, концептуально насыщенного образа авторской картины мира и выявлению основополагающих координат, определяющих понимание реальности и человека писателем. Приведем пример: «*Поэтому мы, маленькой колонийкой и маленьким товариществом,* ***собирались у него однажды в неделю (положим, в праздник)****»* [13, с. 42] и др.

В лирико-философской прозе А. П. Чудакова модели пространства представлены следующими типами:

– «близкое к реальному географическое пространство»: *«Таганрог»* [20, с. 584]; *«Шереметьево-2…»* [20, с. 610] и др.;

– «точечное, внутренне ограниченное пространство»: *«31-го были с Л. у мамы с Наташкой…»* [20, с. 596]; *«СПб, г-ца «Москва». Был у Д. С. Лихачева в Комарово <…>.»* [20, с. 600] и др.

В творчестве А. П. Чудакова не представлен вариант пространственной модели, связанный с так называемым «космическим пространством», трактуемым как удаленная от человеческой деятельности область, населенная объектами, существование которых не зависит от человека. Произведения автора преимущественно сосредоточены на изображении внешних событий и ситуаций, однако этот факт не исключает внимания к внутреннему миру героев: описания психоэмоциональных состояний и переживаний занимают заметное место в структуре повествования.

Эти две сферы бытия выдержаны, соединены прочными логическими связями так, что психологические заметки, творческие замыслы и факты обыденной жизни представляют общий естественный поток: *«2002. 1 января. Новый год – у мамы. Разговаривали в основном о моем романе. <…> Вторая половина года прошла в дописывании романа, его печатании, работе с редактором, интервью, выступлениях и прочей суете. Видимо, это интересно лет в 30…»* [20, с. 638].

Композиция прозы рассматривалась автором как итог литературной эволюции, как овладение мастерством построения записи, так, если в начале прозы (1965) автор указывал: *«…решил возобновить писание дневника. Долго думал над целями его. У меня нет потребности «излить свою душу», «довериться единственному другу» и т. д.»* [20, с. 565], то в конце прозы (2005), он уже пришел к выводу, о том, что *«записей много. Зря не вносил их в дневник. На клочках, неразборчиво, черново. Теперь – только выкинуть. А ведь они – свидетельство эпохи»* [20, с. 672].

В текстах прозы А. П. Чудакова также используются пространственно-темпоральные категории. Приведем примеры: *«21/V-79. Махачкала, г-ца «Ленинград»* [20, с. 569]; *«12.12.96 в Сеуле»* [20, с. 602]; *«12 июля 2000, среда, 19.10, дома»* [20, с. 628] и др.

Взаимосвязь пространственных и временных категорий в художественном тексте достигает наивысшей степени: временная структура зачастую приобретает плотность и начинает функционировать как дополнительное, четвертое измерение пространственного мира. С другой стороны, пространственные характеристики постепенно наполняются качествами, свойственными времени, в результате чего формируется феномен темпорализации пространства, т. е. преобразования его под воздействием динамики и внутренней интенсивности времени.

В лирико-философской прозе А. Алехина модели пространства представлены аналогичными типами, свойственными прозе В. В. Розанова:

– «близкое к реальному географическое пространство»: *«В Париже…»* [1, с. 121]; *«В метро…»* [1, с. 135]; *«В Европе…»* [1, с. 156]; *«В Египте…»* [1, с. 211]; *«В Риме…»* [1, с. 212]; *«В Петербурге…»* [1, с. 219];

– «точечное, внутренне ограниченное пространство»: *«… в Быково, на аэродром»* [1, с. 26]; *«В кафе на Бронной…»* [1, с. 118]; *«В одном из переходов Эрмитажа…»* [1, с. 122]; *«У лифта…»* [1, с. 186]; *«В торце коридора…»* [1, с. 223]; *«В храме…»* [1, с. 365]; *«На даче…»* [1, с. 385];

– «космическое пространство, которое является далеким для человека пространством, наполненным свободными и независимыми от человека телами»: «*По небу каждую ночь вместе с луной болталась какая-то планета»* [1, с. 34]; *«Под гипсовым небом актовых залов»* [1, с. 11]; *«Городское небо, нарезанное на осьмушки»* [1, с. 29]; *«По вечерам, вскоре после захода солнца, на южную сторону неба выползала и подолгу сидела там жирная желтоватая звезда»* [1, с. 57] и др. примеры.

Отметим, что художественные пространственно-темпоральные значения в тексте лирико-философской прозы А. Алехиным не используются.

В лирико-философской прозе структура времени и пространства носит выраженный неоднородный характер, что позволяет автору наиболее тонко передать специфику протекания биографических событий и подчеркнуть эмоциональное восприятие действительности. Представленные отрывки таких текстов отличаются фрагментарностью, благодаря чему формируются отдельные временные и пространственные сегменты. Данное деление обусловлено своеобразием композиционного построения каждого фрагмента. К примеру, в конце «листьев» В. В. Розанов описывает место и время (дату) составления «листа», представляющие пометки как прием, направленный на реализацию эффекта языковой игры. Листы запечатлевают не внешние происходящие обстоятельства, а мгновения быта, поэтому здесь специфика, заключающаяся в отрывистости предложений, краткости предложений. Данные ремарки, содержащие указания на пространственные и временные параметры, размещаются в конце соответствующих фрагментов, приобретая форму вставных конструкций. Благодаря такой структуре в произведении формируется особая внутренняя система, объединяющая разрозненные части текста на основе их пространственно-временной маркировки.

Указания на место и время (записывая свои мысли в «экзотических» условиях и обстоятельствах): *«в вагоне поезда», «на подошве туфли», «за занятием нумизматикой», «на обороте транспаранта», «за арбузом», «выйдя покурить на лестницу», «засыпая», «за шашками с детьми», «в клинике», «ночью на извозчике» и даже «в ватер-клозете», «Луга – Петерб., вагон», «лето 1911», «9 декабря, день», «засыпая»* и др.), оформление в качестве квазивставочных элементов, отличающихся компактной формой, зачастую содержащих аббревиатуры, а их ситуативное использование оформлено обыденно. Подобная

манера создает впечатление неформального, «домашнего» характера записи, что подчеркивает свободу самовыражения, неопределенность читательского адресата и одновременно выражает идею открытого, незавершенного существования, множественности вариантов личной идентичности.

Выводы. Проведенный структурно-семантический анализ лирико-философской прозы В. В. Розанова, А. П. Чудакова и А. Алехина позволил выявить ключевые закономерности в репрезентации категорий художественного времени и художественного пространства, а также определить корпус языковых средств, формирующих индивидуально-авторские картины мира.

Анализ темпоральной организации текстов показал, что авторы стремятся к созданию сложного, многоуровневого образа времени. В исследуемых произведениях линейное развертывание сюжета сочетается с цикличностью (возвращение к ключевым мотивам, сезонные и бытовые циклы) и дискретностью (фрагментарность записей, монтажный принцип композиции). Нарратив характеризуется совмещением различных временных модусов: наряду с фиксацией текущего момента повествователи активно используют ретроспекцию (обращение к прошлому, к пережитым событиям в воспоминаниях) и проспекцию (размышления о будущем, проекция жизненного опыта). Эта многослойность формирует свойственную лирико-философской прозе обратимость времени, позволяя автору и читателю свободно перемещаться по всему хронологическому континууму личного опыта. Временная структура текстов находит выражение в широком спектре лексико-грамматических средств. Для актуализации темпоральной перспективы используются: обстоятельственные наречия и предложно-падежные конструкции, фиксирующие конкретные моменты; лексемы, обозначающие длительность и повторяемость; единицы, создающие эффект неопределенной временной отнесенности или диалектики времени. Если в прозе А. П. Чудакова преобладает «фиксированность» времени как способ документальной фиксации бытия, то у В. В. Розанова и А. Алехина временные пласты переплетаются, создавая многомерный и субъективно окрашенный образ реальности.

Анализ пространственной организации выявил, что модели пространства в лирико-философской прозе варьируются от точечных, внутренне ограниченных локусов (дом, комната, кафе, вагон поезда), связанных с телесностью и повседневностью субъекта, до открытых географических (Россия, Европа, конкретные города) и даже космических топосов. Включение космических образов (*«небеса», «звезда», «планета»*), особенно характерное для В. В. Розанова и А. Алехина, расширяет границы художественного мира до масштабов универсума, подчеркивая связь человеческого бытия с общемировыми законами.

Ключевым результатом исследования становится вывод о динамическом взаимодействии пространства и времени. Подтверждая идею В. Н. Топорова о пространстве как результате «обживания» и мифопоэтического осмысления мира, анализ показывает, что в лирико-философской прозе пространство утрачивает статичность. Под воздействием динамики внутренней жизни субъекта и интенсивности времени формируется феномен темпорализации пространства: пространственные характеристики наполняются временным содержанием. Географические и бытовые локусы перестают быть лишь фоном событий; они становятся хранителями памяти, свидетелями изменений, включенными в поток бытия. Эта «временная нагруженность» пространства реализуется через синтез локативной и темпоральной лексики в микро-контекстах, а также через использование пространственно-временных маркеров, которые организуют фрагментированный нарратив в целостную картину мира. Таким образом, категории художественного времени и художественного пространства в лирико-философской прозе XIX–XXI вв. выступают не просто как формальные компоненты текста, а как фундаментальные, концептуально насыщенные элементы авторской картины мира. Выявленные языковые средства их репрезентации –

от конкретных темпоральных маркеров до метафорических пространственных образов – служат инструментом философского осмысления действительности, отражая уникальное мировоззрение писателя, его ценностные ориентиры и способность передать «жизненный поток» событий во всей его сложности, обратимости и субъективной глубине.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алехин А.* Варенье из падалицы. – М. : Эксмо, 2023. – 512 с.
2. *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста. Основные теории, принципы и аспекты анализа : Учебник для вузов. – М. : Академический Проспект, Екатеринбург : Деловая книга, 2004. – 464 с.
3. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.
4. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. – М. : Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
5. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
6. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. – М. : Искусство, 1972. – 318 с.
7. *Карташова Е. П., Рыбакова Т. В.* Литературный модернизм В. В. Розанова [Электронный ресурс] // Научный журнал «Обществознание и социальная психология». – 2023. – № 1(45). – С. 477–480. – URL : https://drive.google.com/file/d/19CeosnE_CeAsHXOFa4n7llzbU7mC6Hn8/view?usp=sharing (дата обращения: 15.01.2023).
8. *Карташова Е. П., Рыбакова Т. В.* Новаторская проза В. В. Розанова как репрезентация русского литературного модернизма рубежа XX–XXI веков // Вестник Марийского государственного университета. – 2023. – Т. 17, № 1. – С. 61–66. – DOI https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-1-61-66.
9. *Карташова Е. П., Рыбакова Т. В.* Принципы постмодернизма и их воплощение в стилистике новаторской прозы В. В. Розанова // Молодой исследователь: от идеи к проекту : материалы VII студенческой научно-практической конференции. – 2023. – С. 775–778.
10. *Карташова Е. П., Рыбакова Т. В.* Интертекстуальность и языковая игра как текстообразующие факторы в новаторской прозе В. В. Розанова [Электронный ресурс] // Вестник научных конференций. Современное общество, образование и наука. – 2023. – № 10-1(98). – С. 34–38. – URL : https://ukonf.com/doc/cn.2023.10.01.pdf (дата обращения: 08.12.2025).
11. *Кубрякова Е. С.* Категоризация мира: пространство и время // Категоризация мира: пространство и время : материалы научной конференции. – М. : Диалог-МГУ, 1997. – 236 с.
12. *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М. : Просвещение, 1988. – 352 с.
13. *Розанов В. В.* Опавшие листья. – М. : АСТ: Астрель, 2011. – 383 с.
14. *Розанов В. В.* Уединенное. – М. : Политиздат, 1990. – 543 с.
15. *Рыбакова Т. В.* Элитарная языковая личность и проблема интертекстуальности в русской лирико-философской прозе XX в. // Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты : сборник научных статей по материалам XVI Международной научно-практической конференции. – Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2025. – 850 с. – С. 396–405.
16. *Рыбакова Т. В.* Языковые средства экспликации иронии в миниатюрах прозы «Варенье из падалицы» Алексея Алехина [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. – 2025. – № 1(151). – URL : https://research-journal.org/archive/1-151-2025-january/10.60797/IRJ.2025.151.47 (дата обращения: 24.01.2025).
17. *Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
18. *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М. : Наука, 1983. – С. 227–284.
19. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. – М. : Искусство, 1970. – 255 с.
20. *Чудаков А. П.* Ложится мгла на старые ступени: роман-идиллия. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – 704 с.

Статья поступила в редакцию 15.12.2025

REFERENCES

1. Alexin A. Varen`e iz padalicy. – M. : E`ksmo, 2023. – 512 s.
2. Babenko L. G. Filologicheskij analiz teksta. Osnovny`e teorii, principy` i aspekty` analiza : uchebnik dlya vuzov. – M. : Akademicheskij Prospekt, Ekaterinburg : Delovaya kniga, 2004. – 464 s.
3. Baxtin M. M. Voprosy` literatury` i e`stetiki: Issledovaniya razny`x let. – M. : Xudozh. lit., 1975. – 504 s.
4. Baxtin M. M. Formy` vremeni i xronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoj poe`tike // Voprosy` literatury` i e`stetiki. – M. : Xudozhestvennaya literatura, 1975. – S. 234–407.

5. Gal`perin I. R. Tekst kak ob``ekt lingvisticheskogo issledovaniya. – M. : Nauka, 1981. – 139 s.
6. Gurevich A. Ya. Kategorii srednevekovoj kul`tury`. – M. : Iskus-stvo, 1972. – 318 s.
7. Kartashova E. P., Ry`bakova T. V. Literaturny`j modernizm V. V. Rozanova [Elektronnyj resurs] // Nauchny`j zhurnal «Obshhestvoznanie i social`naya psixologiya». – 2023. – № 1(45). – S. 477–480. – URL : https://drive.google.com/file/d/19CeosnE_CeAsHXOFa4n7llzbU7mC6Hn8/view?usp=sharing (data obrashcheniya: 15.01.2023).
8. Kartashova E. P., Ry`bakova T. V. Novatorskaya proza V. V. Rozanova kak reprezentaciya russkogo literaturnogo modernizma rubezha XX–XXI vekov // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2023. – T. 17, № 1. – S. 61–66. – DOI https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-1-61-66.
9. Kartashova E. P., Ry`bakova T. V. Principy` postmodernizma i ix voploshhenie v stilistike novatorskoj prozy` V. V. Rozanova // Molodoj issledovatel`: ot idei k proektu : materialy` VII studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – 2023. – S. 775–778.
10. Kartashova E. P., Ry`bakova T. V. Intertekstual`nost` i yazy`kovaya igra kak tekstoobrazuyushhie faktory` v novatorskoj proze V. V. Rozanova [Elektronnyj resurs] // Vestnik nauchny`x konferencij. Sovremennoe obshhestvo, obrazovanie i nauka. – 2023. – № 10-1 (98). – S. 34-38. – URL : https://ukonf.com/doc/cn.2023.10.01.pdf (data obrashcheniya: 08.12.2025).
11. Kubryakova E. S. Kategorizaciya mira: prostranstvo i vremya // Kategorizaciya mira: prostranstvo i vremya : materialy` nauchnoj konferencii. – M. : Dialog-MGU, 1997. – 236 s.
12. Lotman Yu. M. V shkole poe`ticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol`. – M. : Prosveshhenie, 1988. – 352 s.
13. Rozanov V. V. Opavshie list`ya. – M. : AST: Astrel`, 2011. – 383 s.
14. Rozanov V. V. Uedinennoe. – M. : Politizdat, 1990. – 543 s.
15. Ry`bakova T. V. E`litarnaya yazy`kovaya lichnost` i problema intertekstual`nosti v russkoj liriko-filosofskoj proze XX v. // Yazy`ki, kul`tury`, e`tnosy`. Formirovanie yazy`kovoj kartiny` mira: filologicheskij i metodicheskij aspekty`: sbornik nauchny`x statej po materialam XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Joshkar-Ola : Marijskij gos. un-t, 2025. – 850 s. – S. 396–405.
16. Ry`bakova T. V. Yazy`kovy`e sredstva e`ksplikacii ironii v mini-atyurax prozy` «Varen`e iz padalicy» Alekseya Alyoxina [Elektronnyj resurs] // Mezhdunarod-ny`j nauchno-issledovatel`skij zhurnal. – 2025. – № 1(151). – URL : https://research-journal.org/archive/1-151-2025-january/10.60797/IRJ.2025.151.47 (data obrashcheniya: 24.01.2025).
17. Stepanov Yu. S. Konstanty`: slovar` russkoj kul`tury`. – M. : Yazy`ki russkoj kul`tury`, 1997. – 824 s.
18. Toporov V. N. Prostranstvo i tekst // Tekst: semantika i struktura. – M. : Nauka, 1983. – S. 227–284.
19. Uspenskij B. A. Poe`tika kompozicii. – M. : Iskusstvo, 1970. – 255 s.
20. Chudakov A. P. Lozhitsya mgla na stary`e stupeni: roman-idilliya. – SPb. : Azbuka, Azbuka-Attikus, 2023. – 704 s.

The article was contributed on December 15, 2025

Сведения об авторах

Карташова Елена Павловна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, литературы и журналистики Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия, https://orcid.org/0000-0001-9393-9436, elena.karta77@mail.ru

Рыбакова Татьяна Васильевна – старший преподаватель кафедры русского языка, литературы и журналистики Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия, https://orcid.org/0009-0008-2174-6895, tanyarubakova@mail.ru

Author Information

Kartashova, Elena Pavlovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, https://orcid.org/0000-0001-9393-9436, elena.karta77@mail.ru

Rybakova, Tatyana Vasilyevna – Senior Lecturer at the Department of Russian Language, Literature and Journalism, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, https://orcid.org/0009-0008-2174-6895, tanyarubakova@mail.ru

УДК 81’37’255.2:821.112.2-1 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.011

Ю. В. Кокора[1], Е. Н. Лучинская[2]

СЛОВО КАК СИМВОЛ: МЕТОДОЛОГИЯ ИНТЕРСЕМАНТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

[1]Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, г. Краснодар, Россия

[2]Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Аннотация. В работе рассматриваются способы применения теории интерсемантического перевода на практике. Актуальность исследования заключается в новизне интерсемантического подхода к переводу, применение которого мало изучено на практике. Материал для исследования представлен двумя профессиональными (М. Ю. Лермонтов, В. Я. Брюсов) и одним собственным переводом немецких поэтических произведений. В процессе работы применялся комплекс методов, состоящий из семантического, семиотического, сравнительно-сопоставительного анализа, описательного метода, метода сплошной выборки. Методология интерсемантического перевода позволяет объединить в себе принципы классического и вольного подходов к интерпретации текста. Результаты исследования показывают, что полная идентичность перевода касается, в первую очередь, не формы, а содержания. Релевантность точности перевода заключается в сохранении ключевых символов произведения. Несмотря на значимость сохранения формы произведения, позволяющей воссоздать стиль, в котором изначально работал автор, примат семантики остается основополагающим при определении корректности перевода. Переосмысление, «переложение» или замена семиотических средств ведут к зарождению новых смыслов, тем самым косвенно меняя авторскую картину мира. В заключении работы делается вывод о том, что сохранение семиотических средств произведения ведет к точности его адаптации, замена и опущение некоторых смыслов – влекут к появлению вольности перевода.

Ключевые слова: *перевод, семантика, семиотика, поэтика, компаративистика*

Yu. V. Kokora[1], E. N. Luchinskaya[2]

THE WORD AS A SYMBOL: METHODOLOGY OF INTERSEMANTIC TRANSLATION

[1]North-Caucasus Branch of Lebedev Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

[2]Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract. This article discusses the ways to apply the theory of intersemantic translation into practice. The introduction to the work is devoted to the description of the key aspects on the basis of which the research will take place. It indicates the object, the subject of the study and describes the theoretical and practical significance. The relevance of this study lies in the novelty of the intersemantic approach to the translation, the application of which has been little studied in practice. The research material is presented by two professional and one own translation of German poetic works. In the course of our research, a set of following methods was used: semantic, semiotic, comparative analysis, descriptive method, the method of contextual sampling. The methodology of intersemantic translation allows to combine the principles of classical and free approaches to a text interpretation. The results of the study show that the complete identity of the translation concerns, first of all, not the form, but the content. The relevance

of translation accuracy lies in preserving the key characters of the work. Despite the importance of preserving the form of the work, which makes it possible to recreate the style in which the author originally worked, the primacy of semantic accuracy remains fundamental in determining the correctness of the translation. Their "transposition", reinterpretation or substitution lead to the emergence of new meanings and thus indirectly change the author's original worldview. The conclusion of the work is that the exact preservation of the semiotic means of a work leads to the accuracy of its adaptation, the substitution and omission of some meanings lead, on the contrary, to the liberal translation.

Keywords: *translation, semantics, semiotics, poetics, comparative studies*

Введение. Транслитерация смыслов посредством главенствующего принципа символизации указывает на необходимость правильной метафоризации поэтического перевода. Данная работа посвящена рассмотрению на практике относительно нового подхода к переводу, сочетающего в себе принципы классического стихосложения и вольность художественной адаптации. Цель исследования – описать основные принципы функционирования интерсемантического перевода. Задача – показать их применение на конкретных примерах. Объектом исследования являются способы сохранения ключевых символов стихотворения в другом языке. Предметом – их передача в совокупности с прагматикой общетеоретических приемов перевода. Статья имеет практическую значимость, т. к. на конкретных примерах демонстрирует работу относительно нового подхода к интерпретации поэтического текста. Инновационность подхода заключается в том, что главным условием не только корректного, но и эквивалентного перевода является сохранение его центральных по значимости семиотических средств – символов и образов.

В ходе работы над настоящим исследованием преимущественно использованы основы теории русского стихосложения, описанные В. Е. Холшевниковым. Также особое внимание уделено практическим заметкам В. Я. Брюсова, описанным в «Опытах по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам». Среди теории перевода в широком смысле следует выделить научно-практические учебные пособия В. Н. Комиссарова [6], Л. К. Латышева [7], нацеленные на систематизацию знаний об интерпретации текста.

Теории указанных выше авторов анализируют преимущественно трансформации внутри прозаических текстов. Однако их результаты могут быть использованы в настоящем исследовании, т. к. целью всех трансформаций является сохранение точности текста, что неизбежно ведет к установлению интертекстуальной связи между оригиналом и переводом.

Актуальность исследуемой проблемы заключается в необходимости создать новую теорию поэтического перевода. На сегодняшний день существует мало практических пособий и исследований, посвященных взаимодействию когнитивно-семиотических свойств с прагматикой перевода. Значимость настоящей работы состоит в том, что мы стремимся объединить классический подход к теории перевода, теории стихосложения и накопленный опыт поэтов-практиков. Это позволяет создать новый подход, в котором строгость семантики (с обязательным сохранением стилистических тропов) преобладает над вольностью формы. Релевантным аспектом является сохранение центральных семиотических лексем, составляющих неотъемлемую часть корректного перевода. Под «семиотической лексемой» мы понимаем вербализованный символ, принявший форму структурной единицы языка и составляющий на семантическом уровне один из главных элементов смысловой композиции произведения.

Материал и методы исследования. Материал для исследования представлен двумя профессиональными и одним собственным переводом немецких поэтических произведений (профессиональные переводы М. Ю. Лермонтова и В. Я. Брюсова, стихотворения И. В. Гете "Wanderers Nachtlied"). Профессиональные переводы рассмотрены через призму сравнительно-сопоставительного анализа для выделения внутренних семантических

механизмов их осуществления. Собственный перевод стихотворения изучен посредством семантического анализа. Также в процессе работы применялся комплекс методов исследования, состоящий из семантического, семиотического, сравнительно-сопоставительного анализа, описательного метода, метода сплошной выборки.

Результаты исследования и их обсуждение. Методология перевода в широком смысле нередко становилась предметом исследования, а также дисциплиной многих филологических направлений. Среди теорий перевода следует отметить научно-практические труды В. Н. Комиссарова [6], Л. К. Латышева [7]. В узком смысле теория непосредственно поэтического перевода также становилась предметом филологических исследований, особенно в XX в. Описанием методологии поэтики, теории стихосложения и поэтического перевода занимались такие выдающиеся личности, как В. Я. Брюсов [2], В. Е. Холшевников [9]. Однако все эти работы, внесшие неоценимую значимость в развитие филологии (и поэтики в частности), описывали «механические» принципы и приемы переложения одного текста на другой. Эти исследования лишь косвенно отражали релевантность знака (символа) в построении и формировании перевода. Семантическая идентичность подразумевалась как само собой разумеющееся. Ранее нами предпринимались успешные попытки описать методологию интерсемантического перевода. Данному подходу посвящена заключительная глава монографии [5, с. 71–90]. Главной особенностью интерсемантического перевода является задача сохранения символики, за счет которой формируется смысловая идентичность произведения.

Подробнее рассмотрим этот процесс. В качестве первого примера нами выбрано классическое немецкое поэтическое произведение И. В. Гете “Wanderers Nachtlied” («Ночная песнь странника»). Для наглядности приведем подлинник и два варианта перевода – М. Ю. Лермонтова и В. Я. Брюсова.

“Über allen Gipfeln	*«На всех вершинах*	*«Горные вершины*
Ist Ruh,	*Покой;*	*Спят во тьме ночной;*
In allen Wipfeln	*В листве, в долинах*	*Тихие долины*
Spürest du	*Ни одной*	*Полны свежей мглой;*
Kaum einen Hauch;	*Не дрогнет черты;*	*Не пылит дорога,*
Die Vögelein schweigen im Walde.	*Птицы спят в молчании бора.*	*Не дрожат листы...*
Warte nur, balde	*Подожди только: скоро*	*Подожди немного,*
Ruhest du auch”	*Уснешь и ты»*	*Отдохнешь и ты»*
[10, S. 12]	[1, с. 218]	[8, с. 127]

При семантическом анализе произведения можно выделить следующие ключевые символы: *Gipfel, Weg, Ruhe*. Они неотделимы друг от друга и создают идейную композицию произведения. Образ ночного странника, указанный в названии стихотворения, изображает лирического героя, характерного для эпохи Просвещения: личность, главной целью которой является путь становления, поиск глубин собственного духа. Идею самопознания поэты эпохи Просвещения переняли (и немного трансформировали) у ранних романтиков, среди которых – Новалис. *“Wir träumen von Reisen durch das Weltall: ist denn das Weltall nicht in uns? Die Tiefen unseres Geistes kennen wir nicht”* (Пер.: мы мечтаем о странствиях во Вселенной. Но разве Вселенная не в нас? Глубин собственного духа мы не знаем) [11, S. 30]. Первым произведением, главной сюжетной линией которого стала дорога героя к тайне мировой гармонии, стал роман Новалиса «Генрих фон Офтердинген», где сюжет строится на путешествии героя, его восхождении по духовной лестнице, целью которой является познание смысла жизни [3, с. 151]. Через это путешествие происходит духовное «обновление» героя, после которого ему открывается тайна голубого цветка.

Дорога Ночного странника, изображенная в стихотворении Гете, – это трудный и тернистый путь героя к вершине, по завершении которого наступит долгожданный покой. Автор сравнивает ночную тишь горных вершин с тем покоем, который ждет ночного странника в конце пути. Стихотворение, несмотря на свой небольшой размер, наполнено элегическим настроением: в нем чувствуется светлая грусть Ночного странника о бренности бытия, безмолвии и покое, приход которых неизбежен.

Вольный перевод М. Ю. Лермонтова отражает заложенный в него смысл. Вольность перевода допущена лишь в стихотворном размере. Однако с позиции интерсемантического подхода оригинал и перевод полностью идентичны, в последнем сохранены изначальные ключевые символы: *вершины, дорога (путь), отдохнуть (покой).* Несмотря на то что некоторые символы представлены иными лексемами (а не дословно), сохранена их косвенная семантическая идентичность. Некоторое отступление от точной передачи исходных символов также доказывает, что перевод является вольным. Однако точно передано элегическое настроение, имплицитное сохранение светлой грусти лирического героя, что сделало данный перевод классическим.

Идентичность перевода В. Я. Брюсова можно увидеть, в первую очередь, в форме произведения: он эквилинеарен, практически каждая строка эквивалентна оригиналу. Также нет нарушений в ритме стихотворения, тоника сохранена. Автору удалось наиболее точно воссоздать форму произведения: в строфике, размере, форме рифмовки [4, с. 84]. Смысловая составляющая также идентична оригиналу. Интертекстуальные связи оригинала и перевода находят отражение в прямой передаче ключевых символов *Gipfel, Ruhe.* Символ *Weg*, как и в оригинале, передан имплицитно: не в самой лирике, а в названии (В. Я. Брюсов сохраняет оригинальное название стихотворения).

Следующий этап – применение интерсемантического подхода. Ниже представлен собственный перевод стихотворения Новалиса с подробным комментарием и применением переводческого и семантического анализов.

Wenn nicht mehr Zahlen und Figuren
sind Schlüssel aller Kreaturen
wenn die, so singen oder küssen,
mehr als die Tiefgelehrten wissen,
wenn sich die Welt ins freie Leben
und in die Welt wird zurückbegeben,
wenn dann sich wieder Licht und Schatten
zu echter Klarheit werden gatten
und man in Märchen und Gedichten
erkennt die wahren Weltgeschichten,
dann fliegt von einem geheimen Wort
das ganze verkehrte Wesen fort.
(Novalis, "Heinrich von Ofterdingen")
[12, S. 86]

О, если цифры и фигуры
Не ключ человеческой натуры,
То влюбленный и певец
Знают больше, чем мудрец.
Когда мы Бытие познаем
И тайну мира разгадаем,
Увидим ясную картину,
Как свет и тень наполовину
Сойдясь, представят мир,
В котором будет раскрыта тайна слова –
Поэзия напишет снова
Историю пути земного.
(перевод наш – Ю.К.)
Ранее использовался в монографии.
Все права сохранены [5, с. 84]

Представленный выше перевод является вольным, несмотря на тесную близость оригиналу. Причина, по которой данный перевод следует признать вольным, – генерализация некоторых стихов в строфе и, как следствие, опущение отдельных смысловых элементов в них (или их замена, вызванная семантической модуляцией отдельного смыслового элемента) [5, с. 89]. Говоря о семантическом наполнении перевода, вольность интерпретации поэтического произведения следует трактовать по причине опущения и замен некоторых ключевых для произведения символов.

В нашем переводе ключевые для произведения символы следует разделить на три типа: переведенные дословно, с помощью модуляции и конкретизации.

Полностью эквивалентно сохранены символы: *Zahlen und Figuren (цифры и фигуры), Licht und Schatten (свет и тень), Das geheime Wort (тайное слово, здесь: тайна слова), die wahren Weltgeschichten (история пути земного).*

Посредством модуляции: *die, so singen oder küssen* (дословно: «те, кто поют или целуются»; наш перевод: «влюбленный и певец»); *die Tiefgelehrten* (дословно: «глубоко образованные», наш перевод: «мудрец»); *wenn sich die Welt ins freie Leben* (дословно: «когда мир выйдет за рамки Бытия (жизни)»; наш перевод: «Когда мы Бытие познаем»); *und in die Welt wird zurückbegeben*, (дословно: «и будет возвращена в мир» (о Жизни); наш перевод: «И тайну мира разгадаем»).

Посредством конкретизации: *Schlüssel aller Kreaturen* (дословно: «ключ ко всем живым созданиям»; наш перевод: «ключ человеческой натуры»).

Представленный выше семантический анализ показывает, что перевод выполнен с определенными переводческими заменами (конкретизацией, модуляцией). В результате некоторые символы произведения модифицированы, однако общность семантической основы концептуальных метафор в языке оригинала и перевода была сохранена, что позволяет нам говорить об их валентности [5, с. 84].

Таким образом, использование сравнительно-сопоставительного анализа позволяет увидеть, что многоуровневая идентичность перевода касается, в первую очередь, не формы, а содержания. Точность перевода заключается в сохранении ключевых символов произведения, что способствует достижению эквивалентности перевода с позиций семантики, герменевтики и стилистики. «Переложение», переосмысление или замена символов ведут к зарождению новых смыслов и тем самым косвенно меняют авторскую картину мира.

Выводы. Рассмотрев основные принципы интерсемантического перевода, мы пришли к следующим выводам:

1. Главной задачей корректного поэтического перевода является преобладание содержания над формой.
2. Поэтический перевод следует признать точным, если в нем сохранена символика оригинального произведения.
3. Модуляция или замена изначальных символов, формирующих тропы, ведет к появлению их новых имплицитных свойств, что неизбежно влечет за собой изменение авторской картины мира и является отличительной чертой вольного перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брюсов В. Я.* Торжественный привет // Сост. М. Л. Гаспаров. – М. : Прогресс, 1977. – 279 с.
2. *Брюсов В. Я.* Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам: со вступительной статьей автора. – М. : Директ-Медиа, – 2014. – 150 с.
3. *Вольский А. Л.* Герменевтика символа «голубой цветок» в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» // Известия Российского педагогического университета имени А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – № 12(81). – С. 168–175.
4. *Кокора Ю. В.* Интертекстуальность немецких поэтических текстов в переводах В. Я. Брюсова» // Материалы III Международной научной конференции «Текст – дискурс – культура». – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2025. – 545 с.
5. *Кокора Ю. В.* Лингвокультурные и лингвокультурологические особенности перевода концептов «Мечта» / «Traum» в русской и немецкой поэтических картинах мира. – Краснодар : Краснодарский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2025. – 172 с.
6. *Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков. – М. : Альянс, 2013. – 250 с.
7. *Латышев Л. К., Семенов А. Л.* Перевод: теория, практика и методика преподавания : учеб. пособие. – М. : Академия, 2003. – 190 с.
8. *Лермонтов М. Ю.* Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 2. – М. : Воскресенье, 2000. – 404 с.

9. *Холшевников В. Е.* Основы стиховедения: рус. стихосложение : учеб. пособие для студентов филол. фак. вузов. – 5-е изд. – М. : Academia, 2004. – 202 с.
10. *Goethe, J. W.* Gesammelte Werke Die Gedichte. – Pößneck : Anaconda Verlag, GGP Media GmbH, 2024. – 777 s.
11. *Novalis*. Blütenstaub. Wallstein Verlag GmbH, 2016. – 60 s.
12. *Novalis*. Heinrich von Ofterdingen. Verlag C. H. Beck. – Frankfurt am Main, 1982. – 880 s.

Статья поступила в редакцию 16.01.2026

REFERENCES

1. Bryusov V. Ya. Torzhestvennyj privet // Sost. M. L. Gasparov. – M. : Progress, 1977. – 279 s.
2. Bryusov V. Ya. Opyty po metrike i ritmike, po evfonii i sozvuchiyam, po strofike i formam: so vstupitel'noj stat'ej avtora. – M. : Direkt-Media, 2014. – 150 s.
3. Vol'skij A. L. Germenevtika simvola «goluboj cvetok» v romane Novalisa «Genrih fon Ofterdingen» // Izvestiya Rossijskogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercena. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki. – SPb. : Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2008, – № 12(81). – S. 168–175.
4. Kokora Yu.V. Intertekstual'nost' nemeckih poeticheskih tekstov v perevodah V. Ya. Bryusova» // TEKST – DISKURS – KUL'TURA : materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Krasnodar : Kubanskij gos. un-t, 2025. – 545 s.
5. Kokora Yu. V. Lingvokul'turnye i lingvokul'turologicheskie osobennosti perevoda konceptov «Mechta» / «Traum» v russkoj i nemeckoj poeticheskih kartinah mira. – Krasnodar : Krasnodarskij CNTI – filial FGBU «REA» Minenergo Rossii, 2025. – 172 s.
6. Komissarov V. N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) : uchebnik dlya studentov institutov i fakul'tetov inostrannyh yazykov. – M. : Al'yans, 2013. – 250 s.
7. Latyshev L. K., Semenov A. L. Perevod: teoriya, praktika i metodika prepodavaniya : ucheb. posobie. – M. : Akademiya, 2003. – 190 s.
8. Lermontov M. Yu. Polnoe sobranie sochinenij v 10 tomah. T. 2. – M. : Voskresen'e, 2000. – 404 s.
9. Holshevnikov V. E. Osnovy stihovedeniya: rus. stihoslozhenie : ucheb. posobie dlya studentov filol. fak. vuzov. – 5-e izd. – M. : Academia, 2004. – 202 s.
10. Goethe J. W. Gesammelte Werke Die Gedichte. – Pößneck : Anaconda Verlag, GGP Media GmbH, 2024. – 777 s.
11. Novalis. Blütenstaub. Wallstein Verlag GmbH, 2016. – 60 s.
12. Novalis. Heinrich von Ofterdingen. Verlag C. H. Beck. – Frankfurt am Main, 1982. – 880 s.

The article was contributed on January 16, 2026

Сведения об авторах

Кокора Юлия Васильевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры языкознания и иностранных языков Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, г. Краснодар, Россия, https://orcid.org/0000-0001-7484-4132, kokora98@bk.ru

Лучинская Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия, https://orcid.org/0000-0002-9554-1357, bekketsam@yandex.ru

Author Information

Kokora, Yulia Vasilyevna – Candidate of Philology, Lecturer at the Department of Linguistics and Foreign Languages, North-Caucasus Branch of Lebedev Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia, https://orcid.org/0000-0001-7484-4132, kokora98@bk.ru

Luchinskaya, Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University, Krasnodar, Russia, https://orcid.org/0000-0002-9554-1357, bekketsam@yandex.ru

УДК 811.111'37:82-343Р.Даль DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.012

Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ЛИТЕРАТУРНЫХ СКАЗКАХ РОАЛЬДА ДАЛЯ

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению феномена языковой игры в современной британской литературной сказке. Исследование проведено на материале сказок Роальда Даля, одного из самых известных литераторов Великобритании. В статье дается определение языковой игры, рассматриваются языковые средства и приемы, используемые писателем в его литературных сказках для создания игровой атмосферы и привлечения внимания читателя.

Актуальность исследования связана с тем, что языковая игра способствует установлению контакта автора с читателем, помогает автору направить внимание читателя на важные аспекты текста и вовлечь его в мир сказочного описания, созданного писателем. Современная англоязычная литературная сказка представляет собой уникальный объект лингвостилистического и жанрового исследования, сочетающий традиционные фольклорные элементы с новаторскими приемами.

Материалом для исследования послужили британские литературные сказки Р. Даля. В рамках работы использованы следующие методы: метод сплошной выборки, контекстуальный, лингвостилистический и интерпретационный анализы.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что языковая игра в сказках Р. Даля полифункциональна и реализуется с помощью средств всех уровней языка. «Игра в текст» является одним из наиболее значимых приемов создания сказочного текста, при этом лексические средства выполняют доминирующую роль, что находит свое отражение в специфическом использовании фразеологизмов, многозначных слов, каламбуров, авторских окказионализмов.

Ключевые слова: *жанр, каламбуры, современная литературная сказка, фразеологизмы, языковая игра*

N. V. Kormilina, N. Yu. Shugaeva

LINGUISTIC MEANS OF IMPLEMENTING LANGUAGE GAME IN ROALD DAHL'S LITERARY FAIRY TALES

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Abstract. This article is devoted to the study of the phenomenon of language game in modern British literary fairy tales. The study is based on the fairy tales of Roald Dahl, one of the most famous British writers. The article provides a definition of language game and examines the linguistic means and techniques used by R. Dahl in his literary fairy tales to create a playful atmosphere and engage the reader's attention.

The relevance of the study is due to the fact that language play facilitates the establishment of contact between the author and the reader, helps the author direct the reader's attention to important aspects of the text and involve him in the world of the fairy-tale description created by the writer. Modern English-language literary fairy tales represent a unique object of linguistic, stylistic, and genre research, combining traditional folklore elements with innovative techniques.

The material of the study was British literary fairy tales by R. Dahl. The following methods were used in the study: continuous sampling, contextual analysis, linguostylistic analysis, and interpretative analysis.

The results of the study indicate that the language game is multifunctional in R. Dahl's fairy tales and is implemented using the means of all levels of language. The language game or "text game" is one of the most significant means of creating a fabulous text, while lexical means play a dominant role, which is reflected in the specific use of phraseological units, polysemantic words, puns, and author's occasionalisms.

Keywords: *genre, puns, modern literary fairy tale, idioms, language game*

Введение. Предметом настоящего исследования является феномен языковой игры, реализуемой на уровне текста в современных британских литературных сказках. Цель исследования – определить специфику жанра современных британских литературных сказок и систематизировать языковые средства, используемые автором для достижения воздействия на читателя.

Языковую игру определяют как целенаправленное использование языковых средств для достижения определенного внеязыкового воздействия на читателя. В узком смысле языковая игра представляет собой намеренное нарушение языковой или речевой нормы с целью создания художественного эффекта для воздействия на коммуникацию и создание эстетического, комического или художественного воздействия на читателя. Важно, что игровая ситуация при этом воспринимается как лицом, продуцирующим сообщение, так и его реципиентом, поскольку «нарушение этого понимания ведет к коммуникативному сбою» [8, с. 162].

Научная литература по теме исследования включает в себя как отечественные, так и зарубежные работы. Ученые изучают систему языковых средств, которую Р. Даль использует для создания игрового восприятия текста в своих литературных произведениях и, прежде всего, в сказках. Наиболее известными отечественными исследователями языковой игры в творчестве Р. Даля являются О. С. Подольская [6], С. А. Серебренникова [7], В. Ю. Хартунг ([8], [9]) и др.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом к изучению сказки не только как жанра детской литературы, но и как сложного художественного явления, отражающего культурные, социальные, языковые тенденции современности. В условиях глобализации и переосмысления литературных канонов британская сказка демонстрирует синтез классического представления о сказочном тексте и новых реалий, что делает ее ценным материалом для филологического анализа, который позволяет раскрыть механизмы взаимодействия формы и содержания в художественном тексте.

Языковая игра является средством художественной выразительности и воздействия на читателя, которое широко применяется в юмористических детских произведениях. Этот прием часто строится на нарушении литературной нормы, что создает неожиданный, комический эффект и добавляет высказыванию новые смыслы, привлекающие внимание читателя [7].

Современные британские сказки, созданные такими авторами, как Р. Даль, Дж. Роулинг, Ф. Пулман, приобрели мировую известность и оказали значительное влияние на развитие жанра. Лингвостилистические особенности их произведений отражают эволюцию языка и стиля в контексте постмодернистской эстетики. Авторы современных сказок, сохраняя связь с традицией, активно экспериментируют с жанровыми границами, что требует системного изучения. Анализ языковой игры, характерной для текстов современных сказок, позволяет выявить, как традиционные жанровые каноны трансформируются под влиянием современных культурных и социальных контекстов.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили британские литературные сказки Р. Даля «Чарли и шоколадная фабрика» (англ. Charlie and the Chocolate Factory, 1964 г.), «Матильда» (англ. Matilda, 1988 г.), «Ведьмы» (англ. The Witches, 1983 г.), «Большой и добрый великан» (англ. The BFG, 1982 г.), «Джеймс и Чудо-Персик» (англ. James and the Giant Peach, 1996 г.) на английском языке. В рамках работы для решения поставленных задач использованы следующие методы: метод сплошной выборки, контекстуальный, лингвостилистический и интерпретационный анализы.

Результаты исследования и их обсуждение. «Языковая игра использовалась в литературных произведениях столько, сколько существовала сама литература, но лишь в эпоху постмодернизма она перестает быть вспомогательным приемом, выходит на первый план и часто воспринимается не столько как средство достижения некого стилистического эффекта, сколько как сама цель литературной коммуникации. В эпоху постмодернизма человек получил возможность интерпретировать искусство в многозначном смысловом пространстве» [6].

«Сказки всегда являлись неотъемлемой частью человеческого бытия. На протяжении многих веков различные легенды и мифы передавались из поколения в поколение. Сказка воспринимается как символическое выражение глубочайшей древности, эта мудрость, казалось, была явной и открытой» [2, с. 117]. Британская сказочная традиция содержит богатое наследие фольклорных образов, народного юмора, необыкновенных приключений, волшебных событий. Английские литературные сказки несут в себе социальные проблемы общества, их авторы поставили своей задачей не только развлечь публику и возбудить воображение как детей, так и взрослых, но и преподать читателю урок морали [1, с. 8]. Стремление охватить широкую аудиторию, включая и взрослых, и детей, составляет одну из ключевых особенностей литературной сказки [4, с. 78].

К особенностям современной британской литературной сказки относится игра с жанровыми ожиданиями. Читатели привыкли к простому и традиционному повествованию сказок, где все предсказуемо. Однако современные авторы зачастую ломают канонные рамки произведений, создают неожиданные сюжетные повороты, придают сложные черты характерам героев и злодеев [5].

В сказках Р. Даля языковая игра реализуется на разных уровнях языковой системы: на фонетическом, лексическом, синтаксическом и графическом. Этот прием создает особый, своеобразный образ сказок и становится основным способом взаимодействия автора с читателем. Р. Даль широко использует на страницах своих произведений различные средства, которые создают стилистический и психологический эффект, эмоциональную и эстетическую реакцию у читателя.

На фонетическом уровне автор использует аллитерацию – повторение одинаковых или сходных согласных в начале слога. Например, повторение звука [b] в предложении *“Big Benny Bopped the Balloon with a Big Blue Bat”*, чем создается эффект ударов [13, p. 34]. Читателю слышится, как главная героиня колотит по шарику. Такой ритмичный повтор делает сцену динамичной и смешной. Повторение звука [m] имитирует чавканье и недовольное ворчание вредного человека. Обратимся к примеру из сказки «Чарли и шоколадная фабрика»: *“Mean Mister Mustard munched on moldy muffins”* [10, p. 56]. Р. Даль подбирает такие слова, которые не только описывают действие, но также своим звуковым оформлением передают отвратительную манеру поглощения еды мистером Мастердом.

В сказке «Джеймс и гигантский персик» во фразе *“The ghastly green glowworms glittered grotesquely in the gloom”* аллитерация взрывного согласного [g] в пяти словах подряд создает эффект нарастающего напряжения, визуализирует мерцание светлячков в ночи [11, p. 62]. Этот согласный звук требует значительного мышечного напряжения артикуляционного аппарата, тем самым неосознанно читателю передается ощущение дискомфорта, тревоги, создается пугающая атмосфера, которая подпитывает интерес читателей. Губно-губной согласный звук [w] требует характерное вытягивание губ, которое напоминает артикуляцию шепота. Повторение этого звука в «Ведьмах» имитирует шепот: *“The witches’ warty faces wrinkled wickedly when they whispered”* [14, p. 45]. Тем самым приведенная аллитерация передает манеру таинственного, приглушенного звучания речи, подчеркивает отталкивающую внешность и опасную сущность ведьм.

Ассонанс – прием, в котором повторяются гласные звуки. Так, например, повторяющиеся звуки [oʊ] подражают манере уханья совы. Р. Даль выстраивает мелодику предложения при описании совы: *“The old owl on the oak opened one eye”* [14, p. 78]. В сказке

«Матильда» повторяющиеся звуки [aɪ] создают мелодичную строку: *"The tiny girl with big eyes ate pie in the quiet library"* [12, p. 89]. Ассонанс ритмически передает саму атмосферу тихой библиотеки, в которой маленькая девочка украдкой угощается пирогом. Прием визуализирует широко раскрытые глаза ребенка, полные восторга от пирога и страха быть пойманной.

Ономатопея, или звукоподражание, также представлена в произведениях Р. Даля: *"There was a tremendous noise of whizzing coming from inside, and then suddenly… WHOOSH!.. out shot a streak of brilliant blue"* [10, p. 87]. Звукоподражание с шипящим [ʃ] создает эффект присутствия на удивительной фабрике Вилли Вонки. "WHOOSH!" изображает резкий выброс воздуха, а графическое выделение заглавными буквами и восклицательным знаком усиливает звуковую экспрессию, позволяет юному читателю «услышать» работу фантастических машин на шоколадной фабрике. В сказке «Матильда» Р. Даль демонстрирует контрастную ономатопею: *"CRASH! The glass fell and shattered on the floor. PLOP! The newt dropped from her hair"* [12, p. 112]. Сочетание взрывного [k] и шипящего [ʃ] в слове "crash" предает эффект падения стекла, резкий и разрушительный звук, в то время как глухой [p] имитирует мягкое падение тритона, передает комический эффект. Контраст между этими примерами усиливает драматизм сцены.

В сказке «Джеймс и гигантский персик» Р. Даль использует целый каскад звукоподражательных местоимений: *"Squelch! Splash! Splosh! The slimy snake slid into the swamp"* [11, p. 65]. Сочетание согласных [skw] и резким окончанием [tʃ] в слове "squelch" имитируют что-то вязкое, липкое. Местоимения "splash" и "splosh" создают эффект эха, последовательные всплески воды. Эти примеры ономатопеи передают скользящие движения змеи в болоте. В сказке «Матильда» звукоподражания выстроены по нарастающей громкости: *"Crash! Bang! Wallop! The Trunchbull thumped and thundered down the hall"* [12, p. 87]. Они передают взрывной звук удара, графическое выделение восклицательными знаками превращает слова в визуальные звуковые сигналы, таким образом читатель может ощутить тяжелую поступь героя, нарастающий гул, содрогание пола под ногами.

Игра на фонетическом уровне представляет собой сложный инструмент психологического воздействия на читателя. Аллитерация, ассонанс, ономатопея создают визуально-звуковой образ, раскрытие характеров персонажей.

Лексическая игра в сказках Р. Даля представлена в виде каламбуров, неологизмов, игры с фразеологизмами, обыгрывания в одном контексте разных значений многозначного слова. Каламбуры в сказке «Чарли и шоколадная фабрика» связаны с личностью Вилли Вонки. На дверях его фабрики дети читают: *"Butterscotch and buttergin, it said on the next door they passed"* [10, p. 65]. Слово "butterscotch" означает «ириски», но оно состоит из двух слов: *butter* (масло) и *scotch* (скотч – разновидность алкогольного напитка).

В высказывании хозяина фабрики *"The grass you are standing on, my dear little ones, is made of a new kind of soft, minty sugar that I've just invented! I call it swudge! Try a blade!"* использован окказионализм [10, p. 40]. В основе слова "swudge" находятся два слова: *sward* (трава) и *fudge* (помадка). В результате получается травяная (мятная) помадка. Эти приемы создают образ Вилли Вонки как эксцентричного, необычного человека, склонного к эпатажу, странным, не поддающимся обычной логике действиям. Он играет словами так же легко, как играет человеческими судьбами, что делает обычную экскурсию на фабрику опасным мероприятием. Даже сам процесс отбора посетителей оказывается розыгрышем, лотереей. Главный герой произведения оказывается близок и автору, который играет с читателем, погружая его в мир абсурда и странной логики мира сладкого королевства.

В другом произведении Р. Даля "The BFG" ("The Big Friendly Giant") игра слов также характеризует преимущественно главного героя, что показывает его уникальность. Вместо обычных овощей он питается "snozzcumber". Слово образуется путем слияния

snozz (сопеть, хрюкать) и *cumber* – производное от *cucumber* (огурец). Данная разновидность еды также описывается при помощи неологизмов: *"filthsome, disgusterous, rotsome, foulsome, sickable"* (мерзовкусный, мерзостойный, отравительный, отмутительный, мучительный) [13, p. 35].

Каламбуры в произведениях Р. Даля – это основной инструмент языковой игры, создающий многослойные смыслы, характерный для него «черный юмор». *"We **is** having an interesting bablement about the taste of the human **bean**"* [13, p. 112]. Гигант не владеет языком достаточно хорошо, поэтому он допускает ошибки в грамматике, а также путает слова "being" и "bean". Пример подчеркивает «детскость» речи Большого гиганта через намеренное искажение слов. Каламбур создает комический эффект, характеризует персонажа через его специфическую речь, а тема «поедания» человека представлена в смягченной детской форме: *"I'm a flesh-eating giant, but I'm not a man-eating giant"* [13, p. 89]. В этом примере противопоставлены понятия "flesh-eating" и "man-eating", в которых сходная конструкция подчеркивает их семантическое различие. Каламбур строится на тонкой игре понятий, которая также смягчает потенциально шокирующую тему «поедания» людей гигантами, переводя в шутку про своеобразную «диетическую этику» великанов. Схожесть конструкции создает эффект словесной экономии, которая является характерной чертой детской речи. При этом примеры служат дидактической цели – выработать правильное отношение к здоровому питанию в доступной для ребенка форме.

Гигант путает слова, называет телевизор *telly-telly*, а радио – *radiosqueaker*. Он находит связь между названием населенных пунктов и тем, что едят его жители: *"Human beans from Jersey is tasting cardigans"* [13, p. 137]. Игра слов в данном случае заключается в том, что *jersey* можно перевести как «джемпер» или «тонкий свитер». Вместо "human beings" (человеческие существа) великан говорит "human beans" (человеческие бобы), сравнивая в принятом в его мире духе все с едой. Когда Софи пытается его поправить, он начинает сердиться и раздражаться, хотя девочка предельно вежлива и тактична. Великан оказывается воплощением ребенка, несмотря на его размер и возраст. Он говорит в детской манере, путая слова, нарушая их порядок, находя необычные связи и аналогии. Софи и Большой гигант становятся двумя гранями детской личности – послушная и смирная девочка и добрый, но невоспитанный мальчик.

Языковые эксперименты на лексическом уровне в произведениях Р. Даля представлены через использование авторских неологизмов. Неологизм "Scrumdiddlyumptious" демонстрирует удивительную способность автора трансформировать стандартную лексику "scrumpious" (восхитительный) через введение игрового элемента детской речи "diddly", что создает эффект преувеличенной вкусности [10, p. 32]. Суффикс "-umptious" дополняет общую картину, имитирует реальные словообразовательные модели английского языка, понятные детскому восприятию.

Неологизм "Oompa-Loompas" означает название вымышленного народа, работающего на фабрике Вилли Вонки [10, p. 76]. Звукоподражательное слово "Oompa" имитирует маршевый шаг, барабанный ритм, под который маленькие человечки двигаются. Повторяющаяся часть "Loompa" способствует быстрому запоминанию имени, а сам неологизм в целом визуализирует работу Умпа-Лумпов.

На шоколадной фабрике Вилли Вонки производят различные кондитерские изделия. Одно из них сделано из необычной ягоды "Snozzberry" ([10, p. 117]) – вымышленной ягоды, название которой звучит абсолютно абсурдно и в то же время загадочно. Взрослые читатели увидят здесь тонкий намек на неприличное сленговое слово, а для детей оно остается просто смешным звукосочетанием. Плотоядные инопланетные существа определены, как "Vermicious Knid" [10, p. 89]. "Vermin" с латинского языка означает паразит, а слово "Knid" очень похоже на "squid" – кальмар. Неологизм создает образ отталкивающего инопланетного народа.

Для определения «детскости» речи великанов из произведения “The BFG” Р. Даль использует неологизм “Gobblefunk” [13, p. 12]. “Gobble” означает поглощать, болтать, а “funk” – нечто странное. Таким образом, манера общения великанов характеризуется как смешанная, примитивная и непонятная речь. Р. Даль юмористически обыгрывает тему телесных функций, смягчает ее для детской аудитории: *“Whizzpopper”* [13, p. 67]. Слово образовано от “whizz” – свистеть и “pop” – хлопать. Вместе они формируют понятие «испускать газики», языковая игра превращает неловкое слово в источник безобидного смеха.

В этом же произведении кошмарные сны также получили свое необычное название – “Trogglehumper” [13, p. 102], в котором “troggle” напоминает “trouble” – беду, и “humper” происходит от “thumper” – что-то громкое. Неологизм создает ощущение чего-то ужасающего и гротескного. Неологизм “Frobscottle” означает газированный напиток великанов [13, p. 54]. Составные части слова “frob-” и “-scottle” звучат как нечто волшебное и игривое, подчеркивая необычные свойства газированного напитка. В результате у читателя создается ощущение пузырьков, спускающихся вниз по стакану. Выдуманное слово “Zozimus” определяется автором как мечты [13, p. 45]. Неологизм передает атмосферу волшебства, “zo-” ассоциируется с движением, в то время как “-zimus” напоминает “magicus” – магическое, необычное.

Значимым средством языковой игры, к которому прибегает Р. Даль, является специфическое использование фразеологизмов, которое можно отнести к особенностям авторского стиля писателя. «Возможность трансформации фразеологизмов вытекает из сохранения их внутренней формы, то есть исходного, буквального смысла, и относительной устойчивости. Семантическая трансформация фразеологизмов позволяет понять фразеологический оборот в прямом и переносном смыслах, то есть происходит использование двойной актуализации, которая основывается на двойном восприятии: на обыгрывании значения фразеологического оборота и буквального значения одного, двух или трех его компонентов. Это способствует оживлению образа фразеологической единицы, создает яркость ассоциаций, усиливает эффект воздействия» [3].

В сказке «Матильда» Р. Даль переосмысливает известное выражение: *“Never do anything by halves if you want to get away with it. Be outrageous. Go the whole hog”* [12, p. 67]. Идиома “go the whole hog” означает «сделать что-то основательно, выложиться по полной», однако, поместив ее в неожиданный контекст, писатель превращает совет о добросовестной работе в руководство по хулиганству, наполнив идиому совершено противоположным смыслом. Создается эффект тонкой сатиры на взрослые поучения.

В сказке “The BFG” Р. Даль также трансформирует устойчивое выражение “itching problem”: *“Words is oh such a twitch-tickling problem to me all my life”* [13, p. 23]. Писатель переосмысливает идиому «назойливая проблема», добавляет характерное для великана звукоподражание “twitch-tickling”, тем самым создается эффект физического, практически ощущаемого дискомфорта от пользования языка. Автор не просто заменяет один из элементов идиомы, он пересоздает ее, но при этом сохраняет схожесть исходного выражения.

Классическая английская пословица “A little learning is a dangerous thing” принимает совершенно противоположное значение в произведении «Чарли и шоколадная фабрика»: *“A little nonsense now and then is relished by the wisest men”* [10, p. 98]. Оригинальная пословица предостерегает против поверхностных знаний, в то же время Р. Даль акцентирует внимание на важности спонтанного творческого безумия.

В сказке «Чарли и шоколадная фабрика» автор использует устойчивые выражения военной риторики, такие как “red alert”, “all systems are go”: *“This is an emergency! This is a red alert! All systems are go! Everything is tickety-boo”* [10, p. 92]. Р. Даль заимствует устойчивые выражения из военного и космического лексикона и соединяет их с несоответствующим

контексту британским сленгизмом “tickety-boo”, который означает «все в порядке». Этот сознательный диссонанс создает неповторимую юмористическую ситуацию.

Необычное использование фразеологизмов позволяет писателю говорить с читателями на серьезные темы через призму юмора и абсурда. Автор балансирует между сохранением узнаваемости исходных выражений и их переосмыслением, тем самым создается уникальный авторский стиль письма Роальда Даля.

«На лексико-синтаксическом уровне языковая игра может быть реализована с помощью градации. Повторение схожих по смыслу слов увеличивает эмоциональный эффект, а также реализует выразительную функцию, передавая желаемую мысль более точно, объемно и тонко» [9]. Например, приведем высказывание Вилли Вонки: *“'Impossible!' cried Mr Wonka. 'Unthinkable! Inconceivable! Absurd! He could never be made into marshmallows!”* [10].

Графическая игра автора тоже является немаловажной частью «игры в текст». Р. Даль использует разные шрифты, форматирование, курсив. Такая игра дает читателю понять, когда герой выделяет слово интонацией, на чем сделаны акценты. Это придает речи героев произведения эмоциональность, живость, насыщенность. Написанные заглавными буквами вывески будто кричат на читателя, привлекая его внимание. Главный герой, великан, из произведения “The BFG” говорит с ошибками, нарушая нормы английского языка. Вместо “I am”, представляясь, он использует конструкцию “I is”. При написании его имени Р. Даль меняет размер и разновидность шрифта. В сказке «Чарли и шоколадной фабрика» жирным шрифтом выделяются вывески.

На одной из вывесок гости шоколадной фабрики видят следующую надпись: *“ALL THE CREAMS – DAIRY CREAM, WHIPPEDCREAM, VIOLETCREAM, COFFEECREAM, PINEAPPLE CREAM, VANILLA CREAM, AND HAIR CREAM”* [10, p. 51]. Здесь дается некое развитие темы, когда в разнообразные кремы, используемые для изготовления сладостей, добавляется крем для волос, что можно перевести как «волосатый крем». Данный прием создает очевидный комический эффект.

Слова, выделенные жирным шрифтом и немного смещенные относительно остального текста, часто встречаются в речи гиганта. Использование заглавных букв является универсальным способом передачи эмоций, громкости речи в эмоциональные моменты. Увеличение шрифта имитирует громкий голос великана, создается эффект «крика» на странице: “*STOP! shouted the BFG. DON’T MOVE!”* [13, p. 89]. В следующем примере заглавные буквы имитируют не только громкость, но и продолжительность звука, которая достигается с помощью удлиненного написания: *“WHOOSH! The air came out of his lungs like a hurricane”* [13, p. 78].

В сказке «Матильда» графическое выделение визуально передает громкость звука, создает эффект внезапности, маскирует кульминационный момент из сцены: *“CRASH! The glass fell and shattered on the floor”* [12, p. 112]. В произведении «Чарли и шоколадная фабрика» с помощью использования заглавных букв передается эмоциональное состояние персонажа, панический крик матери: *“STOP! Screamed Mrs. Gloop as her son disappeared into the pipe”* [10, p. 92].

Крупный шрифт вместе с одновременным удлинением слова передает визуально пронзительный детский крик: *“EEEEK! Squeaked the little girl when she saw the witch”* [14, p. 134]. Подобное оформление ассоциируется с резким, высоким, даже визжащим звуком, характерным для испуга. В сказке «Джеймс и гигантский персик» передается и ударная сила звука: *“KABOOM! The peach had landed”* [11, p. 120]. В этом примере читатель может увидеть, как графически изображается комический взрыв.

Нестандартное расположение текста отражает уникальный стиль письма Р. Даля. В сказке «Чарли и шоколадная фабрика» используется описание вкусов волшебной сказки: *“Strawberry / Blueberry / Raspberry / Peach / Watermelon”* [10, p. 87]. Вкусовые начинки оформляются в виде нисходящей диагонали, где каждая новая строка начинается с отступом, с помощью которого создается визуальный образ спускающегося по лестнице

текста. Прием имитирует плавное, постепенное изменение вкуса по мере жевания, отражая нисходящее движение по вкусовым ощущениям.

Графическая игра представлена в виде неожиданных пробелов, которые прерывают речь гиганта: *"Human beans…/ ...is not/... knowing/... what they is doing"* [13, p. 134]. Разрывы строк имитируют прерывистое дыхание и медленный темп мысли гиганта, который сталкивается с трудностями использования английского языка.

Расположение текста по спирали вокруг иллюстрации представлено в произведении «Матильда»: *"Round and round / the mulberry bush / the monkey chased / the weasel"* [12, p. 156]. Страница превращается в визуально-текстуальный лабиринт, который необходимо пройти юным читателям. Такое расположение текста создает эффект «чтения-путешествия», когда глаза читателей следуют за движениями, описанными в произведении. В сказке "The BFG" строки изгибаются наподобие холмов: *"Up and down / the giant go / stomping / crushing / roaring / below"* [13, p. 112]. Нестандартное расположение текста имитирует описываемое действие, великаны идут, словно по кочкам, вверх-вниз, что создает визуальный образ, ритм движения. Восходящие линии означают подъем, а нисходящие – спуск. Графическая игра с текстом представляет собой декоративный прием повествования в сказке, но также является сложной системой визуальной подачи текста, где графическое оформление становится полноценным средством художественной выразительности. Через специфическую организацию текста Р. Даль передает темп, движение, ритм, громкость, эмоциональное состояние персонажей.

На синтаксическом уровне «игра в текст» представлена в виде нарушения порядка слов, парцелляции, повторения синтаксических конструкций, нарушения согласования, эллипсиса. Инверсия, или нарушение порядка слов, встречается в речи великанов из произведения "The BFG": *"Unexpected this is! Very unexpected!"* [13, p. 78]. Данный пример раскрывает спонтанную устную речь гигантов, которая передает удивление, неожиданность, а нарушение стандартного порядка создает ощущение эмоциональности высказывания. Инверсия в сказке «Ведьмы» представлена следующим образом: *"Glorious it was! Glorious and frightening!"* [14, p. 89]. Предикативное прилагательное вынесено в начало предложения перед подлежащим и сказуемым, что передает эмоциональную окраску восклицания. Повтор конструкции с союзом "and" усиливает контраст между восхищением и страхом маленькой героини перед ведьмами. В сказке «Джеймс и гигантский персик» нарушение порядка слов имитирует процесс падения персика: *"Down, down, down dropped the peach"* [11, p. 112]. Наречие повторяется трижды перед глаголом, что визуально и ритмично создает эффект ускорения падения.

Парцелляция – разбиение высказывания на части – используется как один из способов синтаксической игры: *"The witch smiled. A wild smile. A dangerous one"* [14, p. 45]. Намеренное дробление предложения на три части визуально демонстрирует нарастающую угрозу, исходящую от злой ведьмы. Каждая последующая синтагма уточняет и усиливает предыдущую, тем самым формируется градация. Во фрагменте *"The Giant poused. A long pause. A thoughtful pause"* дробление предложения демонстрирует эффект нарастающей значительности паузы [13, p. 134]. Первое предложение указывает на действие, второе подчеркивает его продолжительность, третье – раскрывает внутреннее состояние персонажа. Данное синтаксическое членение демонстрирует процесс постепенного осмысления ситуации. Происходит осознание угрозы в момент, когда глаза широко раскрыты от страха. Р. Даль прибегает к повторам синтаксических конструкций: *"He ran and he jumped and he skipped and he hopped"* [11, p. 34]. Повтор местоимения "he" и союза "and" передает непрерывность движения, синтаксический параллелизм создает ритмический эффект, характерный для детской речи.

Нарушение согласования в предложении подчеркивает уникальность авторского стиля писателя: *"We **is** not believing in human beans!"* [13, p. 112]. Сознательное нарушение согласования подлежащего и сказуемого в английском языке демонстрирует наивную, детскую речь гигантов.

Выводы. Результаты исследования позволяют сделать вывод о функциях языковой игры в сказках Р. Даля и показывают, что автор создал уникальную систему «игры в текст», которая реализуется на лексическом, графическом, фонетическом и синтаксическом уровнях.

За счет языковой игры в произведениях Р. Даля создаются особые сказочные ироничные образы главных героев, единое сказочное пространство, которое помогает удержать внимание читателя. Использование каламбуров, авторских неологизмов, фразеологизмов позволяет изобразить уникальные сказочные миры.

Средства графической игры отражают визуальную природу детского восприятия мира и демонстрируют новаторский подход автора к оформлению текста. Увеличение шрифта, нестандартное расположение текста выражают визуальную природу детского восприятия сказки. Фонетический и синтаксический уровни выполняют вспомогательную функцию, подчеркивая основные смысловые акценты и усиливая комический эффект произведений Р. Даля.

Творчество Р. Даля демонстрирует удивительную жизнеспособность и актуальность жанра современной литературной сказки. Его произведения сохраняют традиционную дидактическую функцию и морально-нравственный посыл, одновременно чутко реагируют на актуальные культурные тренды, что делает их востребованными как среди детской, так и среди взрослой аудитории. Особенно важно отметить способность Р. Даля говорить на сложные темы доступным языком, не упрощая при этом проблематику своих сказок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антонова В. Ф.* Британская народная сказка как составная часть культуры народов британских островов // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – 2010. – № 2. – С. 29–36.

2. *Ковтун Е. Н.* Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи, мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 308 с.

3. *Кормилина Н. В., Шугаева Н. Ю.* Функциональный аспект фразеологического каламбура в заголовках англоязычных мужских журналов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2019. – № 5(105). – С. 56–62.

4. *Неёлов Е. М.* Волшебно-сказочные корни научной фантастики. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 200 с.

5. *Никитина А. А., Шугаева Н. Ю.* О специфике жанра современной британской литературной сказки // Вопросы иноязычной филологии в контексте современных исследований. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2025. – С. 488–493.

6. *Подольская О. С.* Социально-философский анализ феномена языковой игры в философии постмодернизма [Электронный ресурс] // Власть и управление на Востоке России: электронный научный журнал. – 2008. – № 1(42). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskiy-analiz-fenomena-yazykovoy-igry-v-filosofii-postmodernizma/viewer (дата обращения: 25.12.2025).

7. *Серебренникова С. А.* Перевод языковой игры в произведениях Р. Даля // Иностранный язык и межкультурная коммуникация : мат-лы XV Междунар. студ. науч.-практ. конф. – Томск : Вайар, 2021. – С. 161–165.

8. *Хартунг В. Ю.* Языковая игра как способ организации нарративного пространства постмодернистских сказок Н. Геймана (на материале английского языка) [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3-1(69). – С. 162–166. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-igra-kak-sposob-organizatsii-narrativnogo-prostranstva-postmodernistskih-skazok-n-geymana-na-materiale-angliyskogo-yazyka/viewer (дата обращения: 25.12.2025).

9. *Хартунг В. Ю.* Функции языковой игры в современной англоязычной литературной сказке (на материале сказок Р. Даля) [Электронный ресурс] // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – Нижний Новгород : Научно-издательский центр «Открытое знание», 2022. – № 8 (88). – URL : https://scipress.ru/philology/articles/funktsii-yazykovoj-igry-v-sovremennoj-angloyazychnoj-literaturnoj-skazke-na-materiale-skazok-rdalya.html (дата обращения: 25.12.2025).

10. *Dahl R.* Charlie and the Chocolate Factory. – London : Puffin Books, 2005. – 176 p.

11. *Dahl R.* James and the Giant Peach. – London : Puffin Books, 2010. – 160 p.

12. *Dahl R.* Matilda. – London : Puffin Books, 2013. – 240 p.

13. *Dahl R.* The BFG. – London : Puffin Books, 2001. – 224 p.

14. *Dahl R.* The Witches. – London : Puffin Books, 2007. – 208 p.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026

REFERENCES

1. Antonova V. F. Britanskaya narodnaya skazka kak sostavnaya chast` kul`tury` narodov britanskix ostrovov // Mirovaya literatura na perekrest`e kul`tur i civilizacij. – 2010. – № 2. – S. 29–36.
2. Kovtun E. N. Poe`tika neoby`chajnogo: Xudozhestvenny`e miry` fantastiki, volshebnoj skazki, utopii, pritchi, mifa (Na materiale evropejskoj literatury` pervoj poloviny` XX veka). – M. : Izd-vo MGU, 1999. – 308 s.
3. Kormilina N. V., Shugaeva N. Yu. Funkcional`ny`j aspekt frazeologicheskogo kalambura v zagolovkax angloyazy`chny`x muzhskix zhurnalov // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2019. – № 5(105). – S. 56–62.
4. Neyolov E. M. Volshebno-skazochny`e korni nauchnoj fantastiki. – L. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1986. – 200 s.
5. Nikitina A. A., Shugaeva N. Yu. O specifike zhanra sovremennoj britanskoj literaturnoj skazki // Voprosy` inoyazy`chnoj filologii v kontekste sovremenny`x issledovanij. – Cheboksary` : Chuvash. gos. ped. un-t, 2025. – S. 488–493.
6. Podol`skaya O. S. Social`no-filosofskij analiz fenomena yazy`kovoj igry` v filosofii postmodernizma [E`lektronny`j resurs] // Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii: e`lektronny`j nauchny`j zhurnal. – 2008. – № 1(42). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskiy-analiz-fenomena-yazykovoy-igry-v-filosofii-postmodernizma/viewer (data obrashcheniya: 25.12.2025).
7. Serebrennikova S. A. Perevod yazy`kovoj igry` v proizvedeniyax R. Dalya // Inostranny`j yazy`k i mezhkul`turnaya kommunikaciya : mat-ly` XV Mezh-dunar. stud. nauch.-prakt. konf. – Tomsk : Vajar, 2021. – S. 161–165.
8. Xartung V. Yu. Yazy`kovaya igra kak sposob organizacii narrativnogo prostranstva postmodernistskix skazok N. Gejmana (na materiale anglijskogo yazy`ka) [Elektronnyj resurs] // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. – 2017. – № 3-1(69). – S. 162–166. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-igra-kak-sposob-organizatsii-narrativnogo-prostranstva-postmodernistskih-skazok-n-geymana-na-materiale-angliyskogo-yazyka/viewer (data obrashcheniya: 25.12.2025).
9. Xartung V. Yu. Funkcii yazy`kovoj igry` v sovremennoj angloyazy`chnoj literaturnoj skazke (na materiale skazok R. Dalya) [Elektronnyj resurs] // Filologicheskij aspekt: mezhdunarodny`j nauchno-prakticheskij zhurnal. – Nizhnij Novgorod : Nauchno-izdatel`skij centr «Otkry`toe znanie», 2022. – № 8(88). – URL : https://scipress.ru/philology/articles/funktsii-yazykovoj-igry-v-sovremennoj-angloyazychnoj-literaturnoj-skazke-na-materiale-skazok-rdalya.html (data obrashcheniya: 25.12.2025).
10. Dahl R. Charlie and the Chocolate Factory. – London : Puffin Books, 2005. – 176 p.
11. Dahl R. James and the Giant Peach. – London : Puffin Books, 2010. – 160 p.
12. Dahl R. Matilda. – London : Puffin Books, 2013. – 240 p.
13. Dahl R. The BFG. – London : Puffin Books, 2001. – 224 p.
14. Dahl R. The Witches. – London : Puffin Books, 2007. – 208 p.

The article was contributed on January 12, 2026

Сведения об авторах

Кормилина Наталия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, https://orcid.org/0000-0002-7560-7531, kormilina@yandex.ru

Шугаева Наталья Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии и переводоведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, https://orcid.org/0000-0003-4613-9158, nat-shugaeva@yandex.ru

Author Information

Kormilina, Natalia Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, https://orcid.org/0000-0002-7560-7531, kormilina@yandex.ru

Shugaeva, Natalya Yuryevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English Philology and Translation, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, https://orcid.org/0000-0003-4613-9158, nat-shugaeva@yandex.ru

УДК 811.161.1’42’367.32 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.013

И. А. Кузнецов

«НЕКООПЕРАТИВНАЯ ФАТИКА» В НЕФОРМАЛЬНОЙ ВОПРОСНО-ОТВЕТНОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КОРПУСНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые устойчивые речевые модели некооперативных ответных реплик в вопросно-ответных диалогических единствах условно-фатического характера, представленные в неформальной коммуникации на русском языке. Актуальность исследования заключается в научно-гуманитарной и общекультурной значимости применения междисциплинарного когнитивно-дискурсивного подхода к анализу русской неформальной диалогической коммуникации по корпусным данным. Материалом для исследования являются контексты, извлеченные из основного корпуса в составе Национального корпуса русского языка. Объем материала составил 250 минимальных диалогических единиц. Использована методика корпусно-дискурсивного анализа. Непосредственным предметом исследования являются устойчивые речевые формулы «Ты мне не X.» и «Я тебе не X.» в ответных репликах. Концепция исследования исходит из расширенного понимания фатики, согласно которому доминантная цель фатического речевого взаимодействия, состоящая в ориентации на установление контакта между участниками коммуникации, в реальных условиях общения может трансформироваться в установку на «выяснение отношений», что приводит к нарушениям принципа коммуникативного сотрудничества. Показано, что исследуемые устойчивые речевые формулы в ответных репликах имеют значительный вербально-агрессивный потенциал, потому что вместо требуемого в соответствии с прагматическим принципом иллокутивной вынужденности информативного ответа содержат негативную характеристику намерений инициатора диалога, отрицательное отношение к эксплицированному в его реплике содержанию пропозиции или неприятие его личности в целом. Делается вывод о том, что указанные явления выполняют метакоммуникативную функцию «перехода на личности», что, собственно, и делает их действенными коммуникативными механизмами фатического речевого взаимодействия конфликтного типа.

Ключевые слова: *фатический диалог, некооперативная коммуникация, вопросно-ответные диалогические единства, неформальное речевое взаимодействие, метакоммуникативная функция, корпусно-дискурсивный анализ, русская речь*

I. A. Kuznetsov

“NON-COOPERATIVE PHATICS” IN INFORMAL QUESTION-AND-ANSWER DIALOGIC COMMUNICATION IN RUSSIAN: CORPUS-DISCURSIVE ANALYSIS

D. Mendeleev Russian University of Chemical Technology, Moscow, Russia

Abstract. The article examines some set speech patterns of non-cooperative response replicas in question-answer adjacency pairs of a conditional-phatic type, presented in informal communication in the Russian language. The relevance of the study lies in the scientific-humanitarian and general cultural significance of applying an interdisciplinary cognitive-discursive approach to the analysis of Russian informal dialogic communication based on corpus data. The study material is contexts extracted from the main

corpus of the Russian National Corpus. The volume of the material amounted to 250 minimal dialogic units. The methodology of corpus-discursive analysis was used. The immediate subject of the study is the set speech formulas “Ty mne ne X.” and “Ya tebe ne X.” in response replicas. The conception of the study is based on an expanded understanding of phatics, according to which the dominant intention of phatic speech interaction, which consists of orientation toward establishing contact between the participants in communication, in real communication conditions can be transformed into an attitude toward “clarifying relations”, which leads to violations of the principle of communicative cooperation. It is shown that the studied set speech formulas in response remarks have significant verbal-aggressive potential because, instead of an informative response required in accordance with the pragmatic principle of illocutionary compulsion, they contain a negative characterization of the initiato’'s intentions, a negative attitude toward the content of the proposition explicitly stated in their remark, or a rejection of their personality as a whole. It is concluded that, in general, these phenomena perform the meta-communicative function of “transition to personalities”, which, in fact, makes them effective communicative mechanisms of phatic speech interaction of the conflict type.

Keywords: *phatic dialogue, non-cooperative communication, question-answer adjacency pairs, informal speech interaction, meta-communicative function, corpus-discursive analysis, Russian speech*

Введение. В статье представлены новые результаты нашего продолжающегося исследования моделей фатической диалогической коммуникации в русской речи. Мы придерживаемся расширенного понимания фатики (в нашей терминологии – условно-фатическое речевое общение), согласно которому в область исследования включаются и случаи, когда «фатический компонент не отменяет информативный, но присутствует в фоновой, имплицитной зоне в качестве добавочной информации об условиях ведения диалога, об отношениях коммуникантов друг к другу или к ситуации в целом и пр.» [4, с. 108].

Начиная с работ Р. О. Якобсона, фатическую сторону речевого взаимодействия, в противовес информативной, принято рассматривать как установку на «общение ради общения», целью которого является установление контакта между участниками диалогических интеракций [14]. Однако «общение ради общения» отнюдь не обязательно осуществляется в рамках всеобъемлющего принципа кооперации Г. П. Грайса [3] и принципа вежливости Дж. Н. Лича [18], т. е. далеко не всегда обусловлено наличием «добрых чувств» между коммуникантами. Иначе говоря, возможна и «некооперативная фатика», которая, как показали многие исследования, воплощает конфликтогенный потенциал диалогического дискурса ([2], [12]). В реальных условиях общения ориентация на установление межличностных отношений может трансформироваться в установку на «выяснение отношений», зачастую с использованием разнообразных средств вербальной агрессии [13]. В наших предыдущих работах выявлены репрезентативные прагмалингвистические модели порождения конфликтного речевого акта в вопросно-ответном речевом взаимодействии [17]. В настоящей статье на новом языковом материале рассматриваются некоторые устойчивые речевые формулы некооперативных ответных реплик в вопросно-ответных диалогических единствах, представленные в неформальной коммуникации на русском языке.

Целью исследования является анализ прагмалингвистических функций устойчивых речевых формул «Ты мне не X.» и «Я тебе не X.» в вопросно-ответных диалогических единствах как маркеров конфликтного фатического речевого взаимодействия в русском диалогическом дискурсе.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования заключается в научно-гуманитарной и общекультурной значимости применения междисциплинарного когнитивно-дискурсивного подхода к анализу русской неформальной диалогической коммуникации по корпусным данным. Аналитический инструментарий выявления скрытых, имплицитных механизмов некооперативного речевого взаимодействия имеет существенную научно-практическую ценность для дискурс-аналитических исследовательских

практик, в том числе в области медиалингвистических научных штудий, а также в теории и практике производства лингвистических экспертиз ([6], [8]).

Материал и методы исследования. Материалом для исследования являются контексты, извлеченные из основного корпуса в составе Национального корпуса русского языка [5]. Выбранные контексты представляют собой минимальные единицы вопросно-ответного диалога – вопросно-ответные диалогические единства [1]. Объем материала составил 250 минимальных диалогических единиц.

В исследовании использована научная процедура корпусно-дискурсивного анализа [9], которая, в свою очередь, основана на идеях и принципах прагматической стилистики [15], аффективной прагматики [20] и экспериментальной прагматики [19], а также на методах когнитивно-ориентированного дискурс-анализа корпусных данных ([10], [11]). Исследовательская модель выявления имплицитного компонента речевого взаимодействия базируется на теоретических разработках Е. В. Падучевой в области анализа механизмов имплицитной связности диалога [7] и на концепции логико-семантического анализа импликатур Р. Карстона [16].

Результаты исследования и их обсуждение. Непосредственным предметом исследования являются устойчивые речевые формулы «Ты мне не Х.» и «Я тебе не Х.» в ответных репликах вопросно-ответных диалогических единств в русской разговорной речи. Условными образцами непринужденной разговорной речи выступают примеры диалогической речи из художественной литературы или публицистики, представленные в основном корпусе НКРЯ.

Общим свойством для обеих моделей является их использование в метакоммуникативной функции, согласно которой в ответной реплике реализуется речевая стратегия «выход на метауровень» [4], когда вместо требуемого по ситуации конкретного информативного ответа отвечающий обсуждает сам способ ведения диалога со стороны инициатора диалога, его интенции, обстановку речи или даже личностные качества инициатора диалога. При этом часто на повышенных тонах задействуется конфликтогенная речевая стратегия отказа говорить на предложенную тему, возражения, несогласия и под.

Устойчивая речевая формула «Ты мне не Х.». В корпусе примеров мы ограничивались только случаями, где переменная Х заполняется императивом II лица глаголов речи с эксплицитной негативно-оценочной семантикой. Во всех указанных случаях в ответной реплике посредством речевой формулы «Ты мне не Х.» облигаторно имплицируется отрицательная оценка самого факта речевого действия со стороны инициатора диалога, его содержания или формы, его прагматической уместности и т. п.

Чаще всего в ответной реплике содержится претензия к качеству запрашиваемой в вопросительной реплике информации – к ее содержательности, достоверности, полноте или целесообразности в данной ситуации. Это может быть:

– упрек в сознательном искажении информации, т. е. попросту – во лжи, например: *– … А стрельнул кто и в тюрьме крик голосов начался?.. // –* ***Ты мне не <u>ври</u>!*** [А. П. Платонов. Счастливая Москва (1936)].

– упрек в намеренном введении в заблуждение или в сознательном уклонении от сути обсуждаемой ситуации, например: [Расплюев]. *... Я продулся? С чего вы это взяли? //* [Кречинский]. *Уж я слышу.* ***Ты мне не <u>финти</u>****, пустая голова!* [А. В. Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского (1855)].

– упрек в неискренности намерений инициатора диалога, например: *– Вы, што ли, солнце заслоняете? – сказала Паня остановившемуся по пути к своей будке дяде Буле. – А Дмитровка и Пушкинская – то же самое? – вдруг спросила она, как бы подводя разговор к Столешникову, то есть к галантерее. // –* ***Ты мне не <u>хитри</u>!*** *– пресек ее замысел дядя Буля…* [Асар Эппель. Чулки со стрелкой (1993)].

– упрек в притворстве, в том, что инициатор диалога не тот, за кого себя выдает, например: *Перепуганный насмерть Анастас, до этого не имевший никакого понятия ни о судьях, ни о прокурорах, внезапно все забыл и на вопрос следователя: «Расскажите, как было дело?» – ответил вопросом: «Какое еще дело?». // Следователь улыбнулся:* ***Ты мне не строй злоумышленника****. Рассказывай, как спалил ригу* [Виктор Курочкин. Последняя весна (1968)].

– упрек в том, что инициатор нарочито говорит, стараясь показать свой ум (по мнению отвечающего, это является неуместным или не соответствует сути обсуждаемой ситуации), например: – *... Если бы ты просил проверять пациента каждые полчаса, ты должен был написать «проверять жизненные показания каждые полчаса». Какая разница, если запись на полчаса раньше? // Он сверкнул белками больших глаз на черном лице: //* ***Ты мне не умничай****...* [Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке (1984–2001)].

Другая группа примеров отражает неприятие со стороны отвечающего неподобающего, по его мнению, тона, выбранного инициатором диалога, самой манеры речи, которая отличается неуместной грубостью или неоправданной вербальной агрессией, например: – *... Я же не специально. Мне что – нужно было глаза закрывать, когда вижу такое? // – Какое такое? – дерзко спросила Майя. // –* ***Ты мне не груби****! – осадила ее мать* [Аркадий Мацанов. Коротким летом на Лене // «Ковчег», 2014]; – *А зачем она тебя приводила? // – Я-то откуда знаю? Приводила и приводила. Может, хотела познакомиться? // –* ***Ты мне не хами*** [Андрей Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)].

В ряде случаев неприятию со стороны отвечающего подвергается лишь сам выбор инициатором диалога того или иного регистра общения – *на ты* или *на вы*, например: – *... Я поначалу подумала, постарше ты. А щетину сбрил – мальчишка совсем. // – А вы с какого? – задал неудобный вопрос Сашка, но Паша, не смутившись ничуть, ответила: // – С пятнадцатого я.* ***Ты мне не выкай****. Не тетка я тебе* [Вячеслав Кондратьев. Сашка (1979)].

В целом отметим, что при всем различии иллокутивных доминант в проанализированных выше примерах в них посредством модели «Ты мне не X.» так или иначе порождается негативно-оценочная импликатура: ‘Ты не должен говорить мне это / разговаривать со мной таким тоном. → Это неправильно, неискренне, неуместно, нецелесообразно. → Ты вообще плохо, неправильно, недостойно ведешь себя со мной / разговариваешь со мной’. Иначе говоря, в импликатурах подобного типа содержится отрицательное отношение отвечающего к интенциям инициатора диалога, к эксплицированному в его реплике содержанию пропозиции, к избранной им манере речи – или даже неприятие каких-л. свойств его личности в целом, что доказывает наличие у речевой формулы «Ты мне не X.» значительного конфликтогенного потенциала.

Устойчивая речевая формула «Я тебе не X.». В корпусе примеров мы ограничивались только случаями, где переменная X заполняется именем существительным или именной группой в предикатном употреблении, т. е. не в номинативной, а в характеризующей функции. С проанализированной выше моделью эту речевую формулу объединяет наличие негативно-оценочных импликатур в плане содержания или формы реплики со стороны инициатора диалога. Но имеется и существенное отличие в акцентах в коммуникативной ситуации «вопрос–ответ»: в случае с речевой формулой «Я тебе не X.» отвечающий характеризует не речевые действия инициатора диалога, а собственную точку зрения на то, что сказано в инициальной реплике. Он тем самым выражает неприятие позиции инициатора диалога или его мотивации, имплицирует сомнение в его правоте инициатора диалога, невозможность или нежелание следовать его указаниям, при этом в косвенной форме, иногда в экспрессивном регистре, «на повышенных тонах», сжато излагая обоснование данного неприятия, сомнения, невозможности или нежелания.

Это может быть:

– экспрессивный отказ от выполнения просьбы со стороны инициатора диалога, например: *Бобан видел в зеркало заднего вида застывшее лицо Евнуха и, освободившись*

от хватки, предложил: // – Старина, может тряхнем стариной, как бывало?.. // – Нет, Бобан. Если успел что натворить, разбирайся сам. ***Я тебе не <u>помощник</u>*** [Сергей Романов. Парламент (2000)].

– реализация установки на перемену темы в интересах отвечающего, например: – ... *Начальник обидел. Ты ему не понравился? // – А тебе я нравлюсь? – с вызовом отвечает подросток и поднимает к свету худое грязное лицо. // –* ***Я тебе не <u>начальник</u>****, – спокойно говорит парень, – и не девушка, между прочим. Ты давай выкладывай свои обиды, а я рассужу* [Рид Грачев. Зуб болит (1959)].

– невежливое, некооперативное выражение нежелания продолжать коммуникацию в заданном инициатором диалога ключе, например: *Однажды Ксюта спросила у Гриши, как у человека из города: // – Гриша, а чо тако – грех? // Гриша пугливо оглянулся и хмуро процедил, не желая связываться: // –* ***Я тебе не <u>поп</u>****… Это они по этим делам специалисты…* [Евгений Евтушенко. Ягодные места (1982)].

Нежелание продолжать коммуникацию может быть выражено на повышенных тонах, посредством эмоционально-экспрессивных метафор, которые усиливают иллокутивную доминанту коммуникативного конфликта, например: [Вася]*: Берлин слыхать – во! Людмилочка… ну… что ж ты молчишь?.. Не хочешь разговаривать? //* [Людмила]*: Можешь со своим радио разговаривать.* ***Я тебе не <u>громкоговоритель</u>****. Кроме всяких шуток, на девяносто рублей в месяц, кажется, можно было кое-чего приобрести…* [В. П. Катаев. Квадратура круга (1928)]. Как видим, в модусе «языковой игры» обыгрывается прием доведения до абсурда, целью которого является обидный для инициатора диалога отказ от продолжения речевого общения.

При использовании речевой формулы «Я тебе не Х.» отвечающим может эксплуатироваться прагмалингвистический механизм инференции – умозаключения, которое, по замыслу говорящего, адресат сам должен вывести из сказанного, с опорой на энциклопедические знания или на культурный фон ([8], [9]). Часто при этом используются прецедентные имена, например: – ... *Ну, допустим, ты прав. И что нам это дает? – убедить Станислава было не легче, чем разубедить Гурова. // – А хрен его знает! – Гуров остановился и обернулся к другу. –* ***Я тебе не <u>апостол Павел</u>*** *и с душами умерших говорить не сподобился* [Николай Леонов. Лекарство от жизни (2001)]; – ... *Слушай, я могу позвонить жене? Ты не обидишься? // Да звони кому хочешь! Хоть тысячам жен и любовниц!* ***Я тебе не <u>Цербер</u>****! Настя уже обиделась и вышла, хлопнув дверью* [Андрей Житков. Кафедра (2000)]. В этих случаях культурно-символический потенциал прецедентных собственных имен используется коммуникантами достаточно произвольно: отвечающий закладывает нужную ему интерпретацию по модели манипулятивной коммуникативной стратегии *de re* ([6], [10]).

Также посредством речевой формулы «Я тебе не Х.» отвечающий может выражать свое неприятие манеры речи, недопустимой тональности разговора со стороны инициатора диалога, например: *– Ты дашь мне сказать? – багровея, крикнул Давыдов. // – Ты на меня не ори!* ***Я тебе не <u>Лушка Нагульнова</u>****!* [М. А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 2 (1959)]. В этом фрагменте также задействован прагмалингвистический механизм инференции: отвечающий апеллирует к общему фонду знаний героев романа Шолохова об отношениях персонажей, о которых идет речь. Манипулятивно навязывается умозаключение о том, что Давыдову не подобает обращаться к равным себе по социальному положению в том же вербально-агрессивном ключе, в котором, по мнению отвечающего, принято обращаться со своими любовницами.

Достаточно большой блок примеров представляют разнообразные версии неприятия отвечающим самого способа обращения к нему. Прежде всего это случаи, когда инициатор диалога в своем обращении неправильно или неприемлемо именно для данной

коммуникативной ситуации указывает социальный ранг отвечающего, например: – *Слушаю, ваше благородие, чего изволите? – вместо ответа насмешливо огрызнулся Федя. Но обыкновенно податливого и мягкого Шебалова на этот раз всерьез задело Федино замечание. // –* ***Я тебе не ваше благородие****, – серьезно и огорченно сказал он, –* ***я тебе не благородие****, и ты мне не нижний чин. Но я командир отряда и должен требовать, чтобы меня слушались* [А. П. Гайдар. Школа (1929)]; – *Товарищ следователь, ну как же я могу признаться?.. Верьте моей совести, ни в чем, то есть ни в чем не виноват! Ах, Господи Боже Ты мой, ну как мне, ну как же мне убедить вас, дорогой товарищ следователь?! – жалобно плакался фальцет. // –* ***Я тебе не «товарищ»****, сукин ты сын! Вот тебе! Получай за «товарища»! – раздался гулкий звук оплеухи* [Р. В. Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки (1934–1944)]. Как видим, неприятие самого выбранного инициатором диалога формата обращения выражается отвечающим в негативном ключе. При этом возможность дальнейшей эскалации конфликта опускается в зону имплицитных смыслов, подспудного содержания подобных диалогических интеракций.

Неприятие неподобающей, с точки зрения отвечающего, формы обращения, не соответствующей социальной роли, может сопровождаться неприятием формата обращения «на ты» или «на Вы», например: *Только мы свернули на пыльную дорогу, я осторожно спросил: // А как вас зовут? // – Во-первых, ты мне не «выкай».* ***Я тебе не барон и не князь****, – сказал курсант важно. – А зовут меня Коломеец, Никита Федорович Коломеец, честь имею!* [В. П. Беляев. Старая крепость (1937–1940)]. Данный пример интересен тем, что в нем реализована модель, в каком-то смысле обратная общепринятой. В узусе максимумом конфликтогенности, как правило, напротив, характеризуется выбор неформального (а значит, потенциально грубого, невежливого) «ты» вместо вежливого «Вы», хотя в редких случаях, как показано в работе Ю. В. Щербининой, и обратное может приводить к коммуникативному ущербу для адресата [13].

Часто в подобных случаях конфликтогенное использование речевой формулы «Я тебе не Х.» выражается в неправильном или ситуативно неуместном обращении по имени, а не по занимаемой высокой должности или по роду занятий, например: – *Так, – сказал Брюханов, помолчал, словно чего-то еще ожидая. – Значит, говоришь, Советскую власть на… променял? Знаешь, Тихон?.. // –* ***Я тебе не Тихон*** *в подобном разговоре, а секретарь райкома, – жестко и коротко сказал Брюханов, по-прежнему не повышая голоса* [П. Л. Проскурин. Судьба. Книга первая. Адамов корень (1993)]; – *Егорка, подлец! Чтой-то ты вздумал? Как ты смеешь? – крикнет, бывало, Иосиф на своего игумна, когда тот сделает что-нибудь несогласное с желанием своего барина. // –* ***Я тебе не Егорка****, – строго ответит игумен. – Твой Егорка был да сплыл, аз же, многогрешный, – смиренный игумен честнóй обители Покрова пресвятыя богородицы – инок Галактион* [П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая (1871-1874)].

Национально обусловленной чертой русского диалогического дискурса является широкий диапазон варьирования обращения к человеку по имени, включая разные комбинации только имени, только отчества, только фамилии или имени, отчества и фамилии вместе. Неподобающий, с точки зрения адресата, выбор формат обращения имеет значительный конфликтогенный потенциал, что можно видеть и в реакции адресата с использованием интересующей нас речевой формулы «Я тебе не Х.». Это может быть неприятие отвечающим излишне неформального обращения, не соответствующего, по его мнению, его социальному статусу, который у него выше, чем у инициатора диалога, например: *Он встал в дверях, ухмыляясь, и сказал: // – Ты так орешь, Сережа, что я подумал, что ты вдруг любовью решил заняться. Может, договорим сначала? // –* ***Я тебе не Сережа****! – подскочил я к нему. – Это ты для меня – Стасик! А я для тебя – Сергей Валентинович!* [Алексей Слаповский. Висельник (1994)].

Неприятие избранного инициатором диалога формата обращения не обязательно связано со статусными различиями между ним и отвечающим. Оно может быть порождено тем, что отвечающему по тем или иным причинам не нравится один из вариантов уменьшительной неофициальной формы его имени, которые, как известно, в изобилии предоставляет говорящим русский язык, например: – *Знаешь, Анечка?.. – начал Пашка. // –* ***Я тебе не Анечка****, – резко сказала Анка. Она терпеть не могла, когда ее называли не Анка, а как-нибудь еще* [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Трудно быть богом (1963)].

Справедливости ради надо отметить, что иногда использование интересующей нас речевой формулы в вербально-агрессивной тональности основано на недоразумении, когда коммуникативный сбой вызван просто неправильно понятой репликой инициатора диалога, например: – *Простите, – сказал я. – Может быть, здесь какой-нибудь ваш коллега есть, который согласится мне их починить?. // – Я – калека?! – возмутился он, – Ты что думаешь? Ты не смотри, что у меня ноги нет!* ***Я тебе не калека****!..* [митрополит Питирим (Нечаев). Русь уходящая (1993–2003)]. Нетрудно видеть, что неадекватная конфликтная реакция отвечающего в этом примере вызвана тем, что он воспринял слово *коллега* в реплике инициатора диалога как близкое этому слову по звучанию и обидное для него *калека*. Однако при этом имплицитный конфликтогенный потенциал модели «Я тебе не Х.» в этом контексте все равно никуда не девается, потому что, как видим, он не подлежит нейтрализации даже в случае отсутствия реальных причин для возможного речевого конфликта.

В массиве примеров нами обнаружен интересный фрагмент, в котором в одном контексте диалогической интеракции встречаются обе интересующие нас речевые формулы – «Ты мне не Х.» и «Я тебе не Х.», например: – *А ты меня обзываешь черт те покаковски! Понимаешь ты это, дурак, что я сражаюсь за идею?! //* (1) – ***Ты мне голову не морочь!*** *– возражал Чумаков.* – (1) ***Ты мне не наводи тень на плетень****.* (2) ***Я тебе не мальчик!*** *Тоже, нашелся идейный! Самый натуральный разбойник ты, и больше ничего* [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга четвертая (1928–1940)]. В этом примере одномоментно сталкиваются две коммуникативные установки, одна из которых («Ты мне не Х.») направлена на негативную характеристику речевых действий инициатора диалога, а другая («Я тебе не Х.») – на вербально-агрессивное разъяснение отвечающим своей позиции по поводу этих речевых действий. Очевидно, что подобное контекстное сближение усиливает конфликтогенность ответной реплики.

В целом отметим, что, как и для проанализированных выше речевых реализаций модели «Ты мне не Х.», посредством модели «Я тебе не Х.» также порождается негативно-оценочная импликатура: ‘Если бы я был таким или вел себя так, как ты думаешь, я бы согласился с тобой / сделал то, что ты просишь. → Но я не такой. → Ты обо мне думаешь неправильно / ко мне относишься неправильно. → Я не скажу / не сделаю того, что ты от меня ждешь’. В подавляющем большинстве случаев эта импликатура тоже носит конфликтогенный характер и тем самым способна нарушить принципы кооперации и вежливости, потому что в зоне имплицитных смыслов всегда содержит какую-то напряженность в отношениях между коммуникантами, всегда чревата выходом на метауровень по модели «выяснения отношений».

Выводы. Проанализированный материал подтверждает значительный конфликтогенный потенциал устойчивых речевых формул «Ты мне не Х.» и «Я тебе не Х.» в ответных репликах вопросно-ответных диалогических единств в неформальной коммуникации на русском языке. В определенных типовых коммуникативных условиях эти модели являются маркером некооперативного, конфликтного речевого взаимодействия, потому что практически однозначно имплицируют в речевой зоне отвечающего негативную характеристику намерений инициатора диалога, отрицательное отношение к эксплицированному в его реплике содержанию пропозиции или даже неприятие его личности в целом, что нередко сопровождается и вербально-агрессивной тональностью диалогических интеракций. В целом

указанные явления выполняют метакоммуникативную функцию «перехода на личности», что, собственно, и оставляет их в рамках фатики, но фатики некооперативной. Проанализированные речевые формулы, наряду с другими типовыми моделями, маркирующими актуализацию имплицитной вербальной агрессии в неформальном, разговорном диалогическом дискурсе, являются действенными коммуникативными механизмами фатического речевого взаимодействия конфликтного типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е.* Структура диалогического текста : лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. – 1992. – № 3. – С. 8–17.

2. *Белоус Н. А.* Функциональные особенности конфликтного дискурса // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 4. – С. 152–157.

3. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике : Лингвистическая прагматика / Сост. и вст. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой; общ. ред. Е. В. Падучевой. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 217–237.

4. *Кузнецов И. А.* Модели имплицитной связности в современных отечественных медиатекстах : корпусно-дискурсивный анализ фатической диалогической речи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 106–115. – DOI 10.15688/jvolsu2.2025.3.9.

5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 04.11.2025).

6. *Новые* тенденции в русском языке начала XXI века : коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. – М. : Флинта ; Наука, 2016. – 304 с.

7. *Падучева Е. В.* Прагматические аспекты связности диалога // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1982. – Т. 41, № 4. – С. 305–313.

8. *Радбиль Т. Б.* «Псевдоценности» в современном отечественном медийном дискурсе : опыт логического анализа имплицитной оценочности в языке печатных СМИ // Медиалингвистика. – 2021. – Т. 8, № 4. – С. 406–420. – DOI 10.21638/spbu22.2021.407.

9. *Радбиль Т. Б.* Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема *по-хорошему*) // Научный диалог. – 2023. – Т. 12, № 6. – С. 170–189. – DOI 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189.

10. Русский язык в интернет-коммуникации : лингвокогнитивный и прагматический аспекты : Коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. – М. : Флинта, 2021. – 328 с.

11. *Чернявская В. Е., Хохлова М. В.* Дискурсивный анализ текста и корпусные методы : монография. – М. : URSS, 2024. — 224 с.

12. *Шцряев Е. Н.* Структура интенциональных конфликтных диалогов // Проблемы речевой коммуникации : Межвузовский сборнк научных трудов / под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов : Издательство Саратовского государственного университета, 2000. – С. 80–85.

13. *Щербинина Ю. В.* Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления. – 3-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2018. – 224 с.

14. *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» : Сборник статей / Сост. М. Я. Полякова; под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. – М. : Прогресс, 1975. – С. 190–230.

15. *Black E.* Pragmatic Stylistics. – Edinburgh : Edinburgh University Press Ltd., 2006. – 166 p.

16. *Carston R.* Implicature, explicature, and truth-theoretic semantics // Mental Representations : The Interface between Language and Reality : col. art. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – P. 155–181.

17. *Kuznetsov I. A., Kuznetsova T. I.* Language mechanisms of verbal aggression in Russian phatic dialogical communication // Communication Studies (Russia). – 2024. – Vol. 11, No. 3. – P. 435–448. – DOI 10.24147/2413-6182.2024.11(3).435-448.

18. *Leech G. N.* Principles of Pragmatics. – London : New York: Longman, 1983. – 250 p. – DOI 10.1017/S0272263100005210.

19. *Noveck I.* Experimental Pragmatics : The Making of a Cognitive Science. – Cambridge : Cambridge University Press, 2021. – 282 p.

20. *Scarantino A.* How to do things with emotional expressions : the theory of affective pragmatics // Psychological Inquiry. – 2017. – No. 28(2-3). – P. 65–185. – DOI 10.1080/1047840X.2017.1328951.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026

REFERENCES

1. Baranov A. N., Kreydlin G. Ye. Struktura dialogicheskogo teksta : leksicheskiye pokazateli minimal'nykh dialogov // Voprosy yazykoznaniya. – 1992. – № 3. – S. 8–17.

2. Belous N. A. Funktsional'nyye osobennosti konfliktnogo diskur-sa // Znaniye. Ponimaniye. Umeniye. – 2008. – № 4. – S. 152–157.

3. Grays G. P. Logika i rechevoye obshcheniye // Novoye v zarubezhnoy lingvistike : Lingvisticheskaya pragmatika / Sost. i vst. st. N. D. Arutyunovoy i Ye. V. Paduchevoy; obshch. red.. Ye. V. Paduchevoy. – M. : Progress, 1985. – Vyp. 16. – S. 217–237.

4. Kuznetsov I. A. Modeli implitsitnoy svyaznosti v sovremennykh otechestvennykh mediatekstakh : korpusno-diskursivnyy analiz faticheskoy dialogicheskoy rechi // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznaniye. – 2025. – T. 24, № 3. – S. 106–115. – DOI 10.15688/jvolsu2.2025.3.9.

5. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Elektronnyy resurs]. – URL : http://www.ruscorpora.ru (data obrashcheniya : 04.11.2025).

6. Novyye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka : kollektivnaya monografiya / pod red. L. V. Ratsiburskoy. – M. : Flinta; Nauka, 2016. – 304 s.

7. Paducheva Ye. V. Pragmaticheskiye aspekty svyaznosti dialoga // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka. – 1982. – T. 41, № 4. – S. 305–313.

8. Radbil' T. B. «Psevdotsennosti» v sovremennom otechestvennom mediynom diskurse : opyt logicheskogo analiza implitsitnoy otsenochnosti v yazyke pechatnykh SMI // Medialingvistika. – 2021. – T. 8, № 4. – S. 406–420. – DOI 10.21638/spbu22.2021.407.

9. Radbil' T. B. Yazykovoye voploshcheniye tsennostey v mediadiskurse interneta po dannym korpusnogo analiza reprezentativnykh kontekstov (leksema po-khoroshemu) // Nauchnyy dialog. – 2023. – T. 12, № 6. – S. 170–189. – DOI 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189.

10. Russkiy yazyk v internet-kommunikatsii : lingvokognitivnyy i pragmaticheskiy aspekty : Kollektivnaya monografiya / pod red. L. V. Ratsiburskoy. – M. : Flinta, 2021. – 328 s.

11. Chernyavskaya V. Ye., Khokhlova M. V. Diskursivnyy analiz teksta i korpusnyye metody : monografiya. – M. : URSS, 2024. — 224 s.

12. Shiryayev E. H. Struktura intentsional'nykh konfliktnykh dialogov // Problemy rechevoy kommunikatsii : Mezhvuzovskiy sbornk nauch-nykh trudov / pod red. O. B. Sirotininoy. – Saratov : Izdatel'stvo Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2000. – S. 80–85.

13. Shcherbinina Yu. V. Russkiy yazyk. Rechevaya agressiya i puti yeye preodoleniya. – 3-ye izd., ster. – M. : FLINTA, 2018. – 224 s.

14. Yakobson R. O. Lingvistika i poetika // Strukturalizm: «za» i «protiv» : Sbornik statey / Sost. M. Ya. Polyakova; pod red. Ye. Ya. Basina i M. Ya. Polyakova. – M. : Progress, 1975. – S. 190–230.

15. Black E. Pragmatic Stylistics. – Edinburgh : Edinburgh University Press Ltd., 2006. – 316 p.

16. Carston R. Implicature, explicature, and truth-theoretic semantics // Mental Representations : The Interface between Language and Reality : col. art. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – P. 155–181.

17. Kuznetsov I. A., Kuznetsova T. I. Language mechanisms of verbal aggression in Russian phatic dialogical communication // Communication Studies (Russia). – 2024. – Vol. 11, No. 3. – P. 435–448. – DOI 10.24147/2413-6182.2024.11(3).435-448.

18. Leech G. N. Principles of Pragmatics. – London, New York : Longman, 1983. – 250 p. – DOI 10.1017/S0272263100005210.

19. Noveck I. Experimental Pragmatics : The Making of a Cognitive Science. – Cambridge : Cambridge University Press, 2021. – 282 p.

20. Scarantino A. How to Do Things with Emotional Expressions : The Theory of Affective Pragmatics // Psychological Inquiry. – 2017. – № 28(2–3). – P. 65–185. – DOI 10.1080/1047840X.2017.1328951.

The article was contributed on January 13, 2026

Сведения об авторе

Кузнецов Игорь Александрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков гуманитарного факультета Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева, г. Москва, Россия, https://orcid.org/0000-0003-1683-5507, igorkuznetz@gmail.com

Author Information

Kuznetsov, Igor Aleksandrovich – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities, D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia, Moscow, Russia, https://orcid.org/0000-0003-1683-5507, igorkuznetz@gmail.com

УДК 811.163'373.72:641.568 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.014

И. В. Кузнецова

ОСМАНИЗМЫ – НАЗВАНИЯ БЛЮД ИЗ МЯСА И РИСА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ БАЛКАНСКИХ СЛАВЯН

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. Цель работы – рассмотреть разнотипные устойчивые словесные комплексы в корпусах фразеологии балканских славян (в основном болгар, а также жителей Сербии, Македонии, Боснии и Герцеговины), в которых содержатся названия блюд из мяса и риса ориентального происхождения, вошедших в языки этих народов вместе с реалиями национальной восточной кухни в результате продолжительного соседства и многовекового языкового контакта с османскими турками, и выявить фразеологический потенциал этих продуктов питания. В статье описываются устаревшие и активно употребляющиеся в наши дни выражения. Актуальность работы состоит в том, что изучение устойчивых словесных комплексов с османизмами – одна из важных задач балканистики. При анализе основное внимание уделяется генезису и семантике слов-компонентов заявленной тематики. Материал для исследования извлечен из фразеологических словарей и других источников. Методы исследования – культурно-описательный, компонентный, иногда с привлечением методов сопоставления и структурно-семантического моделирования. Анализ показал разный фразеологический потенциал устойчивых словесных комплексов с ориентализмом – названием блюда из мяса и риса, а также значительный количественный перевес их в болгарском языке. В целом рассмотренный материал показывает этноспецифику устойчивых словесных комплексов в языках славянских народов Балканского полуострова.

Ключевые слова: *фразеология, устойчивые словесные комплексы, ориентализм, блюда из мяса и риса, южнославянские языки*

I. V. Kuznetsova

OSMANISMS – NAMES OF MEAT AND RICE DISHES IN THE PHRASEOLOGY OF SOME BALKAN SLAVS

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Abstract. The purpose of this work is to examine various types of set verbal complexes in the phraseological corpora of the Balkan Slavs (mainly the Bulgarians, as well as the inhabitants of Serbia, Macedonia, Bosnia, and Herzegovina), which contain the names of meat and rice dishes of oriental origin that have entered the languages of these peoples along with the realities of their national Eastern cuisine as a result of their long-term proximity and centuries-long linguistic contact with the Ottoman Turks, and to identify the phraseological potential of these food products. The article describes outdated and currently used expressions. The relevance of the work lies in the fact that studying set verbal complexes with Osmanisms is an important task in Balkan studies. The analysis focuses on the genesis and semantics of the component words of the stated topic. The material is extracted from phraseological dictionaries and other sources. The research methods include cultural and descriptive analysis, component analysis, and sometimes comparative analysis and structural-semantic modeling. The analysis showed different phraseological potential of set word complexes with orientalism – the name of a dish made of meat and rice, as well as a significant quantitative advantage of these complexes in the Bulgarian language. In general, the material reviewed shows the ethnographic specificity of set word complexes in the languages of the Slavic peoples of the Balkan Peninsula.

Keywords: *phraseology, set verbal complexes, orientalism, meat and rice dishes, South Slavic languages*

Введение. Роль турецкого языка времен Османской империи в развитии языковой картины мира южных славян тех лет подчеркивают термины *османско-турецкие заимствования* [3] и *османизмы* [32]. Традиционно в словарях используют помету *тур.* (*tur*), а *osm. tur*. появилась недавно [37]. Южнославянские лингвисты ([2], [24] и др.) активно употребляют термины *балканский турцизм* и *турецкий балканизм*, т. к. язык турков «географически и исторически столетиями очень сильно влиял на лексику других индоевропейских языков на Балканах» [13, с. 237].

В результате многовекового прямого контакта с иноэтничным населением в языках-реципиентах на Балканах появились «этноисторические заимствования» [9, с. 134], в том числе гастрономической тематики. «В своей основе <…> балканская кухня имеет ярко выраженный восточный характер» [13, с. 237]; «балканские кулинарные традиции были под сильным влиянием турецкой кухни»; при этом «османская кухня впитала в себя многие традиции покоренных народов – византийцев, арабов, персов, армян и др.» [10, с. 79; 81]. В первую очередь это относится к Болгарии, Македонии, Сербии и Боснии и Герцеговины (БиГ), жители которых практически полвека были под властью Османской империи и в корпусе фразеологии[1] которых немало единиц с названиями пищи ориентального генезиса в своем составе.

Фразеологические единицы (ФЕ) с пищевым компонентом – один из любимых объектов разноплановых штудий: [1], [7] и др. Не осталась без внимания и лексика восточной кухни в составе ФЕ южных славян ([15], [17] и др.). Цель этой статьи – рассмотреть устойчивые словесные комплексы (УСК) с названиями-османизмами пищи из мяса и риса в языках некоторых славян Балкан, выявить фразеопотенциал этих продуктов питания.

Актуальность исследуемой проблемы. Наличие османизмов – «существенная черта словарей всех языков, входящих в балканский языковой союз», и их изучение – одна из важных задач балканистики [29, с. 557]. Это относится и к употреблению османизмов пищевой тематики в составе ФЕ. Наш интерес к проблеме вызван тем, что УСК южных славян некомпаративного типа с наименованием блюд из мяса и риса ориентального генезиса не были объектом описания. Кроме того, материал статьи может быть использован в многоязычных фразеологических словарях.

Материал и методы исследования. Материал для исследования – выборки УСК заявленной тематики из указанных в списке литературы словарей ([4], [11], [19], [20], [21], [23], [26], [27], [28], [30], [31], [37]) и некоторых других источников. Методы исследования – культурно-описательный, компонентный, иногда с привлечением методов сопоставления и структурно-семантического моделирования. Рассматриваются устаревшие и активные в наши дни УСК; это делается, во-первых, с целью охвата бóльшего языкового материала, а во-вторых, по мнению некоторых лингвистов, при изучении фонда балканских УСК надо «снять оппозицию между синхронией и диахронией и считать все устойчивые выражения фрагментами живого языкового процесса» [22].

Результаты исследования и их обсуждение. Названия блюд из мяса и риса изучались в плане сопоставления на материале русской, украинской и китайской идиоматики ([34], [35], [36]), а также южнославянских устойчивых сравнений [16], поэтому в данную работу они не включены.

1. Блюда из рубленого мяса или котлетной массы. 1.1. Южно-балканское кулинарное наследие Османского владычества – традиционное изделие из рубленого мясного

[1] Термин мы понимаем в широком смысле и относим к фразеологизмам разноплановые УСК (пословицы, поговорки, реплики-ответы и пр.).

фарша *кебап* (< осм.-тур. *kebap, kebab* < араб. *kabāb* كباب ‘жареное мясо, жаркое, шашлык’). Блюдо популярно у южных славян, но в составе ФЕ некомпаративного типа встречается редко. Макед. *за еден ќебап се продава* (букв. за один кебаб продаваться) ‘о человеке, которого легко подкупить’ [19, с. 44] имеет в славянских языках смысловые аналоги, восходящие к Библии[2].

В полном собрании болгарских пословиц и поговорок XIX в. зафиксирована ФЕ *леща на кебап* (букв. чечевица на кебаб) [31, с. 297] ‘об абсурдности, нелепости, несообразности чего-л.’, которую Петко Р. Славейков саркастически использовал в своей речи 21 марта 1879 г. перед Учредительным собранием: «Монархия, която да управлява нашия нов и неопитен народ, това разбирам. Но конституция консервативна, не разбирам. То *прилича като* да казва някой *леща на кебап*»[3].

В БиГ зафиксированы две ФЕ с наименованием этого мясного изделия: основанная на рифме *i sevap*[4] *i ćevap* ‘и польза и выгода’ и жарг. *poslati* koga *po ćevape* ‘надуть, обмануть кого-л. (обычно шутливо)’ [37, s. 225; 140].

1.2. Макед. *ќофте (ќуфте)* ‘котлета’ [18, с. 506], болг. *кюфте (*диал. *кьофте, кифте)* ‘рубленая котлета’ [26], серб. *ћуфте* ‘тефтели’ [33, с. 604], босн. *ćufte* ‘блюдо из рубленного / молотого мяса’ (< осм.-тур. *köfte*, *kūfte* < перс. *köfte* هته‌غوک ‘измельченный, раздавленный’; ‘избитый’; ‘изможденный, обессилевший’; ‘тефтели, тефтельки, фрикадельки’, причастие прошедшего времени от глагола *kōftan* ‘бить, колотить; давить; измельчать, крошить’ [37, s. 142]; «индоевр. **kop-* ‘бить, рубить’ […] (ср. греч. *κόφτε* ‘прекрати!’ < др.-греч. *κόπτω* 1) ‘ударять, бить’; 2) ‘толочь, дробить’)» [12, с. 14]. В Болгарии разг. *нервозни кюфтета* с переносным употреблением прилагательного обозначает разновидность этого блюда – сильно перченного, со множеством специй. Слово *кюфте* метафорически характеризует полного малорослого человека, откуда и ФЕ *цяло кюфте е* (букв. настоящая фрикаделька).

Болг. *плувам като кюфте в масло* ‘жить в роскоши, изобилии материальных благ, состоянии полного материального благополучия’ [20, с. 25] имеет вариант диал. *плувам (търкалям се) като сирене*[5] *в масло* [26] и образовано по структурно-семантической подмодели «плавать (кататься) + как + пищевой продукт + в масле / сметане», известной и другим славянам[6].

Название этого мясного изделия зафиксировано в серб. *алал му ћуфте*; *халал ти ћуфте* ‘Удачи тебе, поздравляю, молодец, поздравляю; пусть тебе будет легко’ [25, с. 38, 170], [27, т. 6, с. 372; 708]; босн. *halal* kome *ćufte!* ‘Правильно! Браво! Молодец!’ [37, s. 169]. В этих ФЕ *халал* / *halal* не существительное *халяль* (‘то, что разрешено исламом’; ‘то, что было приобретено честным способом; то, что почетно’; ‘прощение’), а наречие ‘oprošteno,

---

[2] Рус. *продать / продаться за чечевичную похлебку*; бел. *за сачавічную поліўку прадаваць / прадацца*; укр. *продати за сочевичну юшку*, в том числе содержащие в своем составе название посуды, в которой находится блюдо из чечевицы: болг. *продавам / продам за паница леща*; серб. *продати за чинију леће*; чеш. *prodat za mísu čočovice*; слвц. *predať za misu šošovice.*

[3] URL : https://www.168chasa.bg/Article/8922822. Букв. Монархия, которая управляет нашим новым и неопытным народом, – это я понимаю. Но консервативная конституция – не понимаю. Это подходит, как сказал некто, как чечевица на кебап.

[4] *Sevap (sevab)* – 1) в исламе ‘доброе дело, которое заслуживает награды Аллаха’; метон. ‘награда за это доброе, богоугодное дело’; 2) разг. экспр. обобщенно ‘хорошее дело (действие, поступок)’ (< осм.-тур. *sevāb* < араб. *ṯawāb* ‘награда, богоугодное дело, плата’; ‘заслуга’; ‘наказание, кара’; ‘мед’, ‘пчела’; ‘доброе дело’).

[5] Твердый, полутвердый или мягкий пищевой продукт, получаемый в результате свертывания молока с помощью сычужного фермента, вид сыра.

[6] Рус. *как сыр в масле (сметане) кататься*; кубан. *как вареник в масле <купаться>*; бел. *як сыр у масле <купацца>*; *качацца (плаваць) бы (як) сыр у смятане*; *як галушка па масле плаваць*; *жыць як клёцка ў масле*; укр. *жити (плавати) як вареник (сир) у маслі (сметані)*; польск. *żyć jak pączek w maśle* (букв. жить как пончик в масле); кашуб. *žëc jak pǫčk v masle*.

prosto’ (< осм.-тур. *helāl* < ар. *ḥalāl* – ‘позволено, разрешено; дозволенная вещь (в исламе)’; ‘законный, легитимный)’ [37, s. 169]. ФЕ имеет варианты: серб. *халал ти качамак* (< осм.-тур. *kaçamak* ‘мамалыга, кукурузная каша, полента’); *халал ти залогај* (= ‘кусок, кусочек (пищи); пища вообще; хлеб)’; *халал ти мајчино млеко* [27, т. 6, с. 708]; босн. *halal* kome *zalogaj (majčino mlijeko)!* [37, s. 169]. Использование их в качестве возгласа похвалы устарело; одобрение выражается с помощью ФЕ *halal* kome *vjera!* [37, s. 169] = серб. *алал му вера!* [27, т. 1, с. 353]. В современных БиГ и Сербии ФЕ с компонентом *ćufte* ироничны, употребляются в том случае, когда кто-то не выполнил работу дóлжным образом, сделал что-л. не так, как нужно [37, s. 142], т. е. выражают укор, чувство неудовлетворенности, недовольство, отрицательные эмоции и имеют антонимичное эмоционально-оценочное значение ‘Неправильно! Не молодец!’, реализуемое в речи с помощью интонации. Это диахроническая энантиосемия, когда со временем исходная семантика лексемы или устойчивого оборота меняется на антитетическую: «Значения могут изменяться в языке к прямой своей противоположности. В стилистическом аспекте это мы встречаем в широко распространенных явлениях иронии, то есть насмешливого употребления слов или выражений положительного значения – в противоположном понимании» [5, с. 68[7]].

Согласно болгарской пословице *От лайно кюфте не става* (букв. Из дерьма тефтели не сделаешь) [31, с. 378] с семантикой ‘невозможно сделать что-то качественное из плохого сырья; нельзя ожидать ничего хорошего от низкого, недостойного человека’. В синонимичной паремии мы видим названия насекомых и других мясных продуктов: *От комар саздърма (създърма)*[8] *и от муха наденица*[9] *не става* [РБЕ], немецкий аналог которой – *aus Nichts wird Nichts* (букв. из ничего не будет ничего) [21, с. 521]. Румяна Петрова поместила эти три выражения в рубрику «Скупой, скряга, мелочный человек» [23, с. 79].

1.3. Структурно близкая болгарская паремия *От вълк пастърма* (= ‘бастурма’) *не става* семантизируется так: ‘нельзя требовать от людей больше, чем они способны дать, чем позволяют их умственные способности’; приводится немецкий аналог *man kann vom Ochsen nur Rindfleisch verlangen* (букв. можно от быка только говядину ждать) [20, с. 115], соответствующий рус. *Ну что с дурака возьмешь? Чего еще можно от него ожидать?*

Корреляция *волк – бастурма* содержится также в болг. *пазя* нещо *като вълк пастърма* (букв. беречь что-л. как волк бастурму) и *вълк пастърма не прави* (букв. волк бастурму не делает) с семантикой ‘быстро покончить с чем-л., долго не возиться с чем-л.’ [21, с. 674].

Болгары считают, что цыгане предпочитают ничего не делать и получать все готовое, поэтому выражение *Циганин пастърма прави ли?* (букв. Цыган бастурму делает разве?) используется в качестве ответа-реплики на явную ложь, а *Циганин пастърма суши ли?* (букв. Цыган бастурму вялит разве?) употребляется, когда кто-то ждет или хочет получить что-л. там, где это наиболее неуместно, и поэтому просит [23, с. 85; 89]. Их мотивация, как и ФЕ *Циганин пастърма (кисело мляко*[10]*) не прави*, прозрачна: «кочевой образ жизни исключает занятие земледелием, животноводством <…>, требующих оседлости», поэтому многие отражающие эту специфику этноса ФЕ ироничны [14, с. 120].

О тщетности желания получить что-л. без малейших усилий говорят болгарские обороты *Да беше слушал господ кучетата, от небето пастърма щеше да вали* (букв.

[7] На русский язык текст перевел М. П. Кочерган.

[8] От осм.-тур. *sızdırma*; традиционный балканский пищевой продукт из кусков жирного мяса с большим количеством тонких прожилок и сухожилий, субпродуктов с большим количеством жира, помещенный в овечий желудок или кишечник животного для загустения; подается как холодная закуска или бутербродная масса, используется как колбасный продукт в нарезке и как основа для приготовления супов и горячих мясных блюд.

[9] Сырая, вареная, запеченная или копченая колбаса в натуральной тонкой кишке, сформированная в продолговатые небольшие секции.

[10] Кислое молоко, йогурт.

Если бы Бог услышал собак, с неба бастурма посыпалась бы) и *Ако се сбъдне кучешката молитва, ще вали пастърма* (букв. Если сбудется собачья молитва, то с неба посыплется бастурма) [23, с. 97].

Вяление как способ приготовления *бастурмы* (болг. *пастърма* < осм.-тур. *pastırma*, *bastırma* – производные от глагола *bastırmak* ‘давить’ [6, с. 88]) мотивировало болг. разг. *пастърма* ‘стареющая или немолодая высохшая женщина’ (так как при прессовании мясо теряет влагу) и возникновение выражений *ама че пастърма* (букв. ну и бастурма!) [20, с. 804]; *такава пастърма!* (букв. такая бастурма!) [21, с. 674] – ‘о старой, некрасивой, чаще незамужней худой женщине; о старой карге’.

С несоленой бастурмой в Болгарии сравнивается также неграмотный человек: *Неписмен*[11] *човек – несолена пастърма*; при паремии дана параллель: безграмотный человек много не думает, несоленая бастурма долго не хранится [23, с. 53].

2. Блюда с рисом / из риса. 2.1. Процесс приготовления *сармы* (<осм.-тур. *sarma* ‘свернутый’; аффикс *-mA* передает значение результата действия глагола *sar* ‘сворачивать, скручивать’) – блюда из капустных или виноградных листьев с рисово-мясной начинкой – мотивировал появление болг. разг. *свивам / свия сармите* на някого = рус. *обламывать / обломать рога* кому-л., *укоротить руки (хвост)* кому-л., *подвертывать / подвернуть гайки* кому-л., *призывать / призвать к порядку* кого-л.; *сделать* кого-л. *шелковым* [4, с. 514] – ‘резко одергивать / одернуть, осадить кого-л.; резким замечанием или иным действием призвать к порядку; сделать кого-л. кротким, послушным’; ‘заставить кого-л. смириться, вести себя покорно’ [26]. К паремии *Тя ще му свие сармите* приводится аналог *Быть бычку на веревочке* [4, с. 514] – ‘о неизбежном ограничении чьей-л. воли, свободы чьих-л. поступков; о своенравном, упрямом, непокорном человеке, которого рано или поздно обуздают, заставят считаться с окружающими’.

Сарма могла быть и постной, поэтому в Болгарии бытовала основанная на антитезе, эпифоре и синтаксическом параллелизме паремия *Чорбаджие чорба ядат, сиромаси сарма ядат* (букв. Богачи чорбу едят, бедняки сарму едят) [31, с. 609].

2.2. Болг. *гювеч*; серб. *ђувеч* (<осм.-тур. *güveç* ‘глиняная посуда, в которой готовится это блюдо’) – название традиционной пищи из тушеного / запеченного мяса, овощей (в каждом регионе свои варианты – баклажаны, томаты, картофель, фасоль и пр.) и риса. В болгарском жаргоне слово получило значение ‘польза, выгода, достигнутая без усилий и труда или за чужой счет’, откуда ФЕ *пускам / пусна (бутам) гювеч* на някого (букв. отпускать / дать гювеч кому-л.) ‘делать подарки, оказывать услуги кому-л., проявлять щедрость, великодушие по отношению к кому-л., не прося и не требуя ничего взамен’ [РБЕ].

2.3. Болг. *пилаф*; макед. *пилав* (< осм.-тур. *pilâv* < перс. پلو *polov*, *pilaw, polou* ‘вид иранского блюда из риса’ < хинди पुलाव *pulāu*, *palāu* < санскр. पुलाक *pulâka* ‘рисовый шарик’) – кулинарное заимствование из восточной кухни – стало традиционным обрядовым сладким блюдом, но в фразеологии отразилась лишь его связь с похоронами: болг. *Ще ти хапна от пилафа* (букв. я попробую твой пилав) ‘я буду присутствовать на чьих-л. похоронах’ [26] – ср. с сербскими ФЕ с грецизмами в своем составе: *појешћу ја њему панахију* (букв. я съем на его похоронах кутью) ‘я его переживу’ [33, с. 366]; *појести* коме *кољиво*[12] (*панахију*) ‘пережить кого-л.’ [25, с. 162].

Основанная на рифме болгарская паремия *С лаф*[13] *не става пилаф / С лаф пилаф не става* (букв. Из слов не сделаешь плов) [РБЕ] имеет лексические варианты *С лаф пилаф*

[11] Устаревшее диалектное прилагательное; значение – ‘не умеющий читать и писать, не знающий грамоты, безграмотный, необразованный’.
[12] Кутья (из пшеницы).
[13] 1) слово, сказка; 2) легкий непринужденный праздный разговор (< осм.-тур. *lâf* < перс.).

не бива [31, с. 609], *От дума попара*[14] *(пилаф) не става* [30, с. 267], *С думи само сирене не става* (букв. Из слов сыр не делают) и полный эквивалент в македонском языке – *Со лаф (збор, зборови) пилав (пилаф) не се прави* [19, с. 39], что вполне закономерно: Македония в свое время входила в состав Болгарского царства (заметим, что болгарские лингвисты до сих считают македонский язык диалектом болгарского). Выражение со словами *лаф* и *пилаф* заимствовано из старотурецкого, у него есть тождества в некоторых тюркских языках – ср., напр., с кумык. *Къуру сёзден пилав болмас* (букв. Из пустых слов плов не получится) [8, с. 191]. Этим оборотам соответствуют рус. *Разговором каши не сваришь* [28, с. 339]; *Из дум плов не сваришь* (№ 1090); *Из разговора щи не сваришь, нужны капуста и мясо* (№ 1238)[15]; нем. *Schöne Worte geben keine fette Suppe* (букв. Красивые слова не дают жирный суп) [30, с. 267].

Серб. *У варен пилав*[16] *не треба воде сипати* (букв. В сваренный / готовый пилав не нужно воду лить) [11, с. 326] метафорически означает, что не надо усовершенствовать что-л. безупречное, качественное, хорошо себя зарекомендовавшее, уже устоявшееся, сто́ящее, ставшее стандартом (стабильную ситуацию, выполненную добротно работу, идеальный продукт и пр.), вмешиваться во что-л., чтобы не испортить превосходный или достигнутый результат, и используется в качестве иронического предупреждения.

Выводы. После XIV в. кулинарные традиции большинства балканских славян находились под сильным влиянием турецкой кухни. Часть популярных у балканских славян мясных и крупяных блюд ориентального происхождения стала мотивирующей базой для ФЕ, но к Словении и Хорватии, долгое время входивших в состав монархии Габсбургов, это не относится. Можно заметить, что фразеологический и особенно паремиологический потенциал рассмотренных названий изделий из мяса и риса в разных славянских регионах Балкан неодинаков: налицо значительный перевес в плане количества УСК в болгарском литературном языке и разговорно-обиходной речи (в просторечии, жаргоне, диалектах), что исторически объяснимо: 545 лет страна была в составе Османской империи. В отдельных случаях варианты ФЕ и паремий иллюстрируют взаимозаменяемость в некоторых структурно-семантических моделях ориентализмов и славянизмов (макед. *Со лаф (збор) пилав не се прави*; болг. *плувам като кюфте (сирене) в масло*), ориентализмов и грецизмов (болг. *От дума пилаф (попара) не става*). В македонском, сербском и боснийском языках выражений с балканскими турцизмами – названиями блюд из мяса и риса – гораздо меньше. По интернациональным моделям образованы единичные ФЕ и паремии заявленной тематики; лексическое варьирование наблюдается в пределах УСК одного языка. В целом рассмотренный материал показывает этноспецифику в сфере фразеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипова Е. Н.* Сосиска как компонент русских сравнительных конструкций // Молодежный филологический вестник. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2025. – Вып. 5. – С. 23–26.

2. *Асенова П.* Взгляд на общебалканскую лексику извне (идентичность означающих) и изнутри (расхождения означаемых) // Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы извне и изнутри. – М. : Институт славяноведения РАН, 2017. – С. 77–90.

3. *Баскаков А. Н.* Османско-турецкие заимствования в славянских языках Балканского полуострова. Часть 1 // Вопросы филологии. – 2002. – № 2. – С. 35–48 ; Часть 2 // Вопросы филологии. – 2002. – № 3. – С. 28–38.

4. Болгарско-русский фразеологический словарь. – М. : Русский язык, София : Наука и изкуство, 1974. – 635 с.

5. *Булаховський Л. А.* Нариси з загального мовознавства. – Київ : Радянська школа, 1955. – 247 с.

6. Български етимологичен речник. – Т. V (Падеж – Пуска). – София : Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1999. – 860 с.

[14] Блюдо из кусочков хлеба, сыра и масла, залитых горячей водой или чаем; блюдо из покрошенного в молоко, вино, суп хлеба; тюря (< ит. *pappara* ‘суп из хляба’ через греч. *παππάρα*).

[15] URL : https://proza.ru/2015/01/22/1855?ysclid=mk821myzyb943109181.

[16] Кулинар. ‘еда из плотно сваренного риса, булгура или тонких и длинных полосок теста – домашней лапши, вермишели (*jerište*, *jerišće* (< осм.-тур. < перс.)’ [38, с. 370; 518].

7. *Вуковић Г.* Кулинарска лексика у фразеологији // Годишњак филозофског факултета у Новом Саду, 1994. – XXIII. – С. 39–43.

8. *Гаджиахмедов Н. Э.* Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок. – Махачкала : Изд-во ДагГУ, 2015. – 351 с.

9. *Десницкая А. В.* Типы лексических взаимосвязей и вопросы образования балканского языкового союза // Славянское языкознание. X Междунар. съезд славистов. – М. : Наука, 1988. – С. 131–150.

10. *Златанов И.* Турската кулинарна терминология в българския език. Исторически аспект // Чуждоезиково обучение. – 2023. – 50(1). – С. 79–88. – DOI 10.53656/for23.141turs.

11. *Караџић В.* Српске народне пословице и друге различне као оне у обичај узете ријечи. – На Цетињу : У народној Штампарији, 1836. – L, [8], 362, [16] с.

12. *Копущу В.* Названия традиционных мясных блюд в турецком и гагаузском языках. – Комрат : НИЦ Гагаузии им. М. В. Маруневич, 2014. – 48 с.

13. *Кочева А.* Български съответници на лексикални кулинарни балканизми // Сборник в чест на 140 години от рождението на акад. Стефан Младенов. – София : Изд-во Института за български език «Проф. Л. Андрейчин» при БАН, 2020. – С. 237–244.

14. *Кузнецова И. В.* Устойчивые сравнения об образе жизни цыган // Eigenes und Fremdes in der Slavia. – Greifswald, 2007. – S. 119–123.

15. *Кузнецова И. В.* Ориентализмы тематической группы «Сладкие блюда» в фразеологии южных славян (на фоне других языков) // Studia Slavica. – 2023. – Vol. 68, 1-2. – S. 201–221. – DOI 10.1556/060.2022.00065.

16. *Кузнецова И. В.* Названия блюд из мяса и риса ориентального генезиса в устойчивых сравнениях южных славян // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2025. – № 3(128). – С. 49–58. – DOI 10.37972/chgpu.2025.128.3.006.

17. *Кузнецова И. В., Хмелевский М. С.* Арабизм *ракия* в южнославянской фразеологии // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2024. – № 4(125). – С. 71–77. – DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.009.

18. Македонско-русский словарь / сост. Д. Толовски и В. М. Иллич-Свитыч. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 576 с.

19. *Макаријоска Л., Павлеска-Георгиевска Б.* Прилози за македонската фразеологија. – Скопје, 2020. – 309 с.

20. *Николова-Гълъбова Ж.* Немско-български фразеологичен речник. – Т. 2. M – Z. – Пловдив : Летера, 2001. – 855 с.

21. *Николова-Гълъбова Ж., Гълъбов К.* Българско-немски фразеологичен речник. – 2-о изд. – София : Наука и изкуство, 1977. – 1088 с.

22. *Петрова А.* Балканская фразеология – в поисках исследовательского подхода // Balkanismen heute. Balkanologie. Beiträge zur Sprach- und Kulturwissenschaft. – Wien : Münster. LIT Verlag, 2012. – Bd. 3. – P. 171–185.

23. *Петрова Р.* Български паремии за присмех и похвала. Лингвокултурно изследване (скала на културемите). – Русе : Издателски център при Русенския университет «Ангел Кънчев», 2013. – 289 с.

24. *Петровић С.* Турцизми у српском Призренском говору. На материјалу из рукописне збирке речи Димитрија Чемерикића. – Београд : Институт за српски језик САНУ, 2012. – 424 с.

25. *Радоњић Д.* Кулинарска лексика у савременом српском књижевном језику. Докторска дисертација. – Београд, 2017. – 223 с.

26. Речник на българския език. Електронно списание [Электронный ресурс]. – Т. 1–15. – URL : https://ibl.bas.bg/rbe/ (дата обращения: 25.12.2025).

27. Речник српскохрватског књижевног језика. Т. 1–6. – Нови Сад : Матица Српска, Загреб : Матица Хрватска, 1967–1976.

28. Русские народные пословицы и поговорки / сост. А. М. Жигулев. – 3-е изд., испр. и дополн. – Устинов : Удмуртия, 1986. – 512 с.

29. *Седакова И. А.* Балканизмы и турцизмы: новые подходы к проблеме // Славянский альманах. – М. : Индрик, 2014. – С. 553–562.

30. *Симеонова Р.* Речник на немски и български пословици. – София : Просвета, 2005. – 282 с.

31. *Славейков П.* Български притчи или пословици и характерни думи. – София : Български писател, 1954. – 643 с.

32. *Стаменов М.* Съдбата на турцизмите в българския език и в българската култура. – София : Изток-Запад, 2011. – 870 с.

33. *Толстой И. И.* Сербскохорватско-русский словарь. – М. : Русский язык, 2001. – 736 с.

34. *Фань Ю-Чж.* Понятия «рис» и «хлеб» в русской и китайской идиоматике: компаративный аспект // Этнокультурные феномены в образовательном процессе : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2024. – С. 439–446.

35. *Хэ Ц.* Понимание и использование метафорических выражений в России и Китае в сфере мяса и мясных продуктов // Chronos: психология и педагогика. – 2021. – Т. 6, № 2(25). – С. 42–46. – DOI 10.52013/2712-9683-25-2-8.

36. *Fan' Yu-Chzh*, *Loda A*. Концепти «хліб» та «рис» в українськії і китайськії фразеології // Językoznawstwo. – 2023. – № 2(19). – S. 67–73. – DOI 10.25312/j.6357.

37. *Šehović A., Haverić Đ*. Leksika orijentalnog porijekla u frazemama bosanskog jezika. El. knjiga. – Sarajevo : Filozofski fakultet, 2017. – 269 s.

38. *Škaljić A*. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. – Sarajevo : Svjetlost, 1966. – 662 s.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026

REFERENCES

1. Arhipova E. N. Sosiska kak component russkih sravnitel'nyh konstrukcij // Molodezhnyj filologicheskij vestnik. – Vyp. 5. – Gomel' : GGU im. F. Skoriny, 2025. – S. 23–26.

2. Asenova P. Vzglyad na obshchebalkanskuyu leksiku izvne (identichnost' oznachayushchih) i iznutri (rashozhdeniya oznachaemyh) // Balkanskij tezaurus: Vzglyad na Balkany izvne i iznutri. – M. : Institut slavyanovedeniya RAN, 2017. – S. 77–90.

3. Baskakov A. N. Osmansko-tureckie zaimstvovaniya v slavyanskih yazykah Balkanskogo poluostrova. Chast' 1 // Voprosy filologii. – 2002. – № 2. – S. 35–48 ; Chast' 2 // Voprosy filologii. – 2002. – № 3. – S. 28–38.

4. Bolgarsko-russkij frazeologicheskij slovar'. – M. : Russkij yazyk, Sofiya : Nauka i izkustvo, 1974. – 635 s.

5. Bulahovs'kyj L. A. Narysy z zagal'nogo movoznavstva. – Kyïv : Radyans'ka shskola, 1955. – 247 s.

6. B"lgarski etimologichen rechnik. – T. V (Padezh – Puska). – Sofiya : Akademichno izdatelstvo «Prof. Marin Drinov», 1999. – 860 s.

7. Vukoviħ G. Kulinarska leksika u frazeologiji // Godishsњak filozofskog fakulteta u Novom Sadu, 1994. – XXIII. – S. 39–43.

8. Gadzhahmedov N. E. Kumyksko-russkij slovar' poslovic i pogovorok. – Mahachkala : Дagestanskij gos. un-t, 2015. – 351 s.

9. Desnickaya A. V. Tipy leksicheskih vzaimosvyazej i voprosy obrazovaniya balkanskogo yazykovogo soyuza // Slavyanskoe yazykoznanie. X Mezhdunar. sъezd slavistov. – M. : Nauka, 1988. – S. 131–150.

10. Zlatanov I. Turskata kulinarna terminologiya v b"lgarskiya ezik. Istoricheski aspekt // Chuzhdoezikovo obuchenie. – 2023. – 50(1). – S. 79–88. DOI 10.53656/for23.141turs.

11. Karaџiħ V. Narodne srpske poslovice i druge razlichne, kao one u obichaj uzete rijechi. –Na Cetiњu : U narodnoj Shstampariji, 1836. – L, [8], 362, [16] s.

12. Kopushchu V. Nazvaniya tradicionnyh myasnyh blyud v tureckom i gagauzskom yazykah. – Komrat : NIC Gagauzii im. M. V. Marunevich, 2014. – 48 s.

13. Kocheva A. B"lgarski s"otvetnici na leksikalni kulinarni balkanizmi // Sbornik v chest na 140 godini ot rozhdenieto na akad. Stefan Mladenov. – Sofiya : Izd-vo Instituta za b"lgarski ezik «Prof. L. Andrejchin» pri BAN, 2020. – S. 237–244.

14. Kuznecova I. V. Ustojchivite sravneniya ob obraze zhizni cygan // Eigenes und Fremdes in der Slavia. – Greifswald, 2007. – S. 119–123.

15. Kuznecova I. V. Orientalizmy tematicheskoj gruppy «Sladkie blyuda» v frazeologii yuzhnyh slavyan (na fone drugih yazykov) // Studia Slavica. – 2023. – Vol. 68, 1-2. – S. 201–221. – DOI 10.1556/060.2022.00065.

16. Kuznecova I. V. Nazvaniya blyud iz myasa i risa oriental'nogo genezisa v ustojchivyh sravneniyah yuzhnyh slavyan // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2025. – № 3(128). – S. 49–58. – DOI 10.37972/chgpu.2025.128.3.006.

17. Kuznecova I. V., Hmelevskij M. S. Arabizm *rakiya* v yuzhnoslavyanskoj frazeologii // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – № 4(125). – S. 71–77. – DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.009.

18. Makedonsko-russkij slovar' / sost. D. Tolovski i V. M. Illich-Svitych. – M. : Gos. Izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1963. – 576 s.

19. Makarijoska L., Pavlevska-Georgievska B. Prilozi za makedonskata frazeologija. – Skopje, 2020. – 309 s.

20. Nikolova-G"l"bova Zh. Nemsko-b"lgarski frazeologichen rechnik. – T. 2. M – Z. – Plovdiv : Letera, 2001. – 855 s.

21. Nikolova-G"l"bova Zh., G"l"bov K. B"lgarsko-nemski frazeologichen rechnik. – 2-o изд. – Sofiya : Nauka i izkustvo, 1977. – 1088 s.

22. Petrova A. Balkanskaya frazeologiya – v poiskah issledovatel'skogo podhoda// Balkanismen heute. Balkanologie. Beiträge zur Sprach- und Kulturwissenschaft. – Wien : Münster. LIT Verlag, 2012. – Bd. 3. – P. 171–185.

23. Petrova R. B"lgarski paremii za prismeh i pohvala. Lingvokulturno izsledvane (skala na kulturemite). – Ruse : Izdatelski cent"r pri Rusenskiya universitet «Angel K"nchev », 2013. – 289 s.

24. Petroviħ S. Turcizmi u srpskom Prizrenskom govoru. Na materijalu iz rukopisne zbirke rechi Dimitrija Chemerikiħa. – Beograd : Institut za srpski jezik SANU, 2012. – 424 s.

25. Radoњiћ D. Kulinarska leksika u savremenom srpskom kњizhevnom jeziku. Doktorska disertacija. – Beograd, 2017. – 223 s.
26. Rechnik na b"lgarskiya ezik. Elektronno spisanije [Elektronnyj resurs]. – T. 1–15. – URL : https://ibl.bas.bg/rbe/ (data obrashcheniya: 25.12.2025).
27. Rechnik srpskohrvatskog kn'izhevnog jezika. – T. 1–6. – Novi sad : Matica Srpska, Zagreb : Matica Hrvatska, 1967–1976.
28. Russkie narodnye poslovici i pogovorki / sost. A. M. Zhigulev. – 3-e izd., ispr. i dopoln. – Ustinov : Udmurtiya, 1986. – 512 s.
29. Sedakova I. A. Balkanizmy i turcizmy: novye podhody k probleme // Slavyanskij al'manah. – M. : Indrik, 2014. – S. 553–562.
30. Simeonova R. Rechnik na nemski i b"lgarski poslovici. – Sofiya : Prosveta, 2005. – 282 s.
31. Slavejkov P. B"lgarski pritchi ili poslovici i harakterni dumi. – Sofiya : B"lgarski pisatel, 1954. – 643 s.
32. Stamenov M. S"dbata na turcizmite v b"lgarskiya ezik i v b"lgarskata kultura. – Sofiya : Iztok-Zapad, 2011. – 870 s.
33. Tolstoj I. I. Serbskohorvatsko-russkij slovar'. – M. : Russkij jazyk, 2001. – 736 s.
34. Fan' Yu-Chzh. Ponyatiya «ris» i «hleb» v russkoj i kitajskoj idiomatike: komparativnyj aspect // Etnokul'turnye fenomeny v obrazovatel'nom processe. – Cheboksary : Chuvash. gos. ped. un-t, 2024. – S. 439–446.
35. He C. Ponimanie i ispol'zovanie metaforicheskih vyrazhenij v Rossii i Kitae v sfere myasa i myasnyh produktov // Chronos: psihologiya i pedagogika. – 2021. – T. 6, № 2(25). – S. 42–46. – DOI 10.52013/2712-9683-25-2-8.
36. Fan' Yu-Chzh, Loda A. Koncepty «hlib» ta «rys» v ukraïns'kiï i kytajs'kiï frazeologiï // Językoznawstwo. – 2023. – № 2(19). – S. 67–73. – DOI 10.25312/j.6357.
37. Šehović A., Haverić Đ. Leksika orijentalnog porijekla u frazemama bosanskog jezika. El. knjiga. – Sarajevo : Filozofski fakultet, 2017. – 269 s.
38. Škaljić A. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. – Sarajevo : Svjetlost, 1966. – 662 s.

The article was contributed on January 13, 2026

Сведения об авторе

Кузнецова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры профессиональной психологии, социальной педагогики и начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, https://orcid.org/0000-0003-2038-5879, irinak47@yandex.ru

Author Information

Kuznetsova, Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Professional Psychology, Social Pedagogy and Primary Education, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, https://orcid.org/0000-0003-2038-5879, irinak47@yandex.ru

УДК 81'42:004.8 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.015

Т. В. Лановая

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК КВАЗИСУБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия

Аннотация. В статье искусственный интеллект рассматривается как новый объект лингвистического описания и как квазисубъект коммуникации. Массовое использование генеративных моделей меняет парадигму анализа текста, стиля и авторства. Распространение генеративных языковых моделей меняет условия письменной коммуникации и требует уточнения представлений об авторстве, стиле, агентности и речевой ответственности. Материал составили два сопоставимых корпуса: 50 авторских эссе и 50 эссе, созданных языковыми моделями. Для сопоставимости контролировались жанр, объем, тема и единый шаблон запроса. Применялись количественные показатели и качественный анализ композиции, аргументации и прагматических стратегий. Выявлены устойчивые особенности модельного письма на лексическом, синтаксическом, дискурсивном и прагматическом уровнях. Наиболее заметны клиширование, гиперсвязность, композиционная упорядоченность, сниженная содержательная плотность, гиперкорректность и кооперативность. Сопоставление показало, что различия затрагивают не только отдельные словесные элементы, но и способы организации текста, связности, вывода и адресации к читателю. Уточняется шкала прозрачность / скрытность, и показана ее роль в объяснении эффекта квазисубъектности. Генеративные модели формируют устойчивые дискурсивно-прагматические сценарии, создающие впечатление агентности и поддерживающие эффект квазисубъектности. Перспективы работы связаны с проверкой этих признаков при смене жанра, модели, версии и условий постредактирования.

Ключевые слова: *генеративные языковые модели*, *искусственный интеллект*, *модельное письмо*, *квазисубъектность*, *авторство*, *прагматика*

T. V. Lanovaya

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A QUASI-SUBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

Abstract. The article considers artificial intelligence as a new object of linguistic description and as a quasi-subject of communication. The widespread use of generative models is changing the paradigm of text, style, and authorship analysis. The spread of generative language models is transforming written communication and requires a clearer understanding of authorship, style, agency, and discursive responsibility. The material consists of two comparable corpora: 50 human-authored essays and 50 essays produced by language models. To ensure comparability, genre, length, topic, and a unified prompt template were controlled. The study combines quantitative indicators with qualitative analysis of composition, argumentation, and pragmatic strategies. The study identifies stable features of model writing at the lexical, syntactic, discourse, and pragmatic levels. The most noticeable are clichés, hyper-connectedness, compositional orderliness, reduced content density, hyper-correctness, and cooperativeness. The comparison shows that the differences affect not only individual verbal elements but also broader ways of organizing the text, coherence, inference, and reader address. The transparency/hiddenness scale is refined and its role in explaining the quasi-subject effect is demonstrated. Generative models produce stable discourse-pragmatic patterns that create an impression of agency and support the effect of quasi-subjectivity. Further research should test these features across genres, models, versions, and post-editing conditions.

Keywords: *generative language models, artificial intelligence, AI-generated writing, quasi-subjectivity, authorship, pragmatics*

Введение. Стремительное распространение генеративных систем, включая как семейства языковых моделей, так и пользовательские сервисы на их основе (ChatGPT, YandexGPT, DeepSeek, Claude, Gemini, Perplexity и др.), существенно изменило условия существования письменной коммуникации. Значительная часть текстов сегодня создается не как прямое выражение авторского замысла, а как результат взаимодействия с моделью, способной синтезировать связный, жанрово корректный и стилистически нормализованный текст (О. А. Акимова, И. М. Дзялошинский [2], Я. В. Солдаткина, А. С. Чернавский [11]). «В процессе интеграции технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в академическом дискурсе меняется процедура написания академического текста, формируется новый вид коммуникативного взаимодействия – ИИ как автор «сгенерированного текста» и человек как получатель текста от ИИ» [15, с. 2551]. В гуманитарной перспективе это означает появление нового объекта лингвистического описания – генеративного текста – и нового режима речепорождения, который не сводится ни к традиционному авторству, ни к автоматизированному редактированию, например, как одной из функций Microsoft Word.

На первом этапе изучения генеративных моделей доминировала прикладная парадигма описания и оценки: обсуждались задачи обнаружения машинной генерации, оценки качества, рисков и практик использования: [2], [6], [11], [17]. Однако для лингвистики на данном этапе принципиально важен иной ракурс – язык, который создает модель, представляет собой не случайный набор формулировок, а статистически обусловленный способ построения высказывания с воспроизводимыми признаками на разных уровнях – от лексики и синтаксиса до дискурсивной организации и прагматических стратегий [15]. Такой подход позволяет рассматривать генеративный ИИ не только как инструмент, но и как квазисубъект коммуникации в прагматическом смысле. В диалоговом взаимодействии модель занимает позицию говорящего, поддерживает принцип кооперации, демонстрирует модальность уверенности, оформляет аргументацию и выводы, тем самым создавая эффект субъектности, воспринимаемый участниками общения.

Важно подчеркнуть, что квазисубъектность не является онтологическим утверждением о наличии у модели намерений или сознания. «Другими словами, только люди (а не машины) являются конечным источником и определителем ценностей, от которых зависит любой ИИ. Никакой разум (человека или машины) никогда не будет по-настоящему автономным: все, что мы делаем, зависит от социального контекста, созданного другими людьми, которые определяют смысл того, что мы хотим достичь. Это означает, что за все, что делает ИИ, отвечают люди» [2, с. 20]. В исследовании сгенерированных текстов в лингвопрагматическом ключе М. Н. Черкасова, А. В. Тактарова приходят к выводу, что «нейросеть не может трансформировать и передавать какое-либо отношение адресату (получателю), как и не может осознанно воздействовать на него посредством своих текстов, а также иметь прагматичные намерения» [15, с. 2556]. В более широком контексте цифровой гуманитаристики исследование генеративного текста может рассматриваться как частный случай перестройки гуманитарного знания в условиях новых цифровых возможностей. Современные реалии требуют нового формата исследований, сочетающего гуманитарную интерпретацию и анализ цифровых инструментов. «Природа, общество и технологии соединяются в некую гибридную реальность, где мир естественного и мир искусственного практически неразличимы» [9, с. 163]

В нашей статье речь идет о прагматическом эффекте, возникающем в коммуникации и закрепляемом языковыми средствами – модальностью, стратегиями вежливости

и кооперации, способами аргументации, а также механизмами структурирования текста (перечни, метатекстовые рамки, таблицы, композиционная симметрия и др.). В этом контексте набор так называемых маркеров ИИ-текста следует понимать не как перечень признаков для прикладной проверки происхождения текста, а как эмпирические индикаторы специфики модельного письма и модельной прагматики.

Цель статьи – описать генеративный ИИ как объект и квазисубъект лингвистических исследований, выделив устойчивые языковые и дискурсивные проявления генерации.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

1) предложить рамку анализа ИИ в лингвистике, различающую продуктовый, процессуальный и прагматический планы;

2) систематизировать проявления генеративного текста по уровням (лексические, синтаксические, дискурсивные, когнитивные, прагматические);

3) уточнить параметр *прозрачность / скрытность* как способ разграничения наблюдаемых и латентных характеристик.

Чтобы говорить об ИИ как о предмете лингвистики (Е. В. Фигура пишет о генерации текстов как объекте лингвистических исследований [12]), мы предлагаем выделить три плана для анализа: ИИ как производитель текстов (условно – продуктовый план), ИИ как участник диалога (процессуальный план) и ИИ как квазисубъект (прагматический план). Продуктовый план фиксирует статистически воспроизводимые нормы модельного письма; процессуальный – динамику порождения и адаптации высказывания в диалоге; прагматический – механизмы конструирования агентности (кооперативные стратегии, риторические завершения, распределение ответственности за сказанное и др.).

Наше исследование носит пилотный характер. Количественные параметры используются не для вывода о полной статистической репрезентативности, а для фиксации повторяющихся тенденций в сопоставимых корпусах. В рамках анализируемого корпуса корректнее говорить не о статистически доказанных закономерностях модельного письма, а о регулярно наблюдаемых тенденциях, требующих дальнейшей проверки на больших корпусах. (замечание 1)

Прагматическая квазисубъектность генеративной модели поддерживается регулярно воспроизводимыми речевыми действиями: установлением границ ответственности, оформлением отказов, предъявлением правил допустимого и демонстрацией кооперации (множественные уточнения и варианты, переформулирования). Важно, что эти действия реализуются не вне языка (имеем в виду возможности интерфейса, дополнительных режимом или помощью ассистента и др.), а в языке – через типовые модальные конструкции, формулы вежливости ([5], [13]), эвфемизацию, аргументативные связки и композиционную упорядоченность ответа, т. е. стратегии ИИ воспроизводимы и системны. Конечно, в какой-то степени и человек ежедневно в своей языковой практике реализует несколько стратегий [3], определяющих его стиль коммуникации и в целом формирующий его идиостиль, однако стиль ИИ более предсказуем и типизирован. Показателен слой метакоммуникативных реплик, где модель явно маркирует статус говорящего, тем самым усиливая эффект субъектной позиции. Например, в ответ на запрос о генерации заголовков фиксируется формула «как у нейросетевой языковой модели у меня не может быть настроения…» (доклад А. А. Долотцева «Написание заголовков с помощью искусственного интеллекта» [7, с. 1]). Как показано в том же исследовании А. А. Долотцева, аналогично работает отказ с апелляцией к ограничениям: «Я умею придумывать, но не умею намеренно обижать людей» [7, с. 1]. Такие конструкции создают впечатление, что у модели есть не только «голос», но и обязательства (границы допустимого, режимы согласия / несогласия), хотя в онтологическом смысле речь идет о воспроизводимых шаблонах, встроенных в модельную прагматику. Следовательно, набор маркеров ИИ-текста нужно

трактовать не как список для определения происхождения текста, а как эмпирические индикаторы регулярных стратегий модельного письма – тех речевых механизмов, которые и производят эффект коммуникативной агентности.

Под модельным письмом в данной статье мы понимаем не отдельный стиль и не частный набор клише, а совокупность регулярно воспроизводимых элементов, которые создает генеративная модель. Эти элементы могут проявляться в композиционной организации, связности, модальности, выборе формул аргументации и стратегиях ответа. В отличие от канцелярита, который представляет собой признак официально-делового стиля, модельное письмо не сводится к бюрократической лексике и может проявляться в разных жанрах. В отличие от стандартизированного человеческого письма, оно связано не только с жанровой нормой, но и с запрограммированной логикой и следованием шаблону запроса (промту). (замечание 2)

Актуальность исследуемой проблемы. Лингвистическая значимость исследования определяется тем, что генеративные модели меняют привычные основания анализа текста, стиля и автора. В ситуациях текстопроизводства (запрос → генерация → редактирование) требуется уточнять, кто именно является источником формулировок и как в тексте проявляется «голос» создателя высказывания (о прецедентах использования ИИ в образовании [10]; о проблеме утраты авторства (философский контекст) [6]).

Актуальность исследования также связана с тем, что эффект квазисубъектности модели – приписывание ей позиции, компетентности и обязательств – возникает не из технических характеристик системы, а из языковых и дискурсивных решений. Их описание важно для теории текста и дискурса, прагмалингвистики, а также для смежных областей, где требуется интерпретация происхождения и статуса высказываний.

Материал и методы исследования. Эмпирическая часть исследования опирается на сопоставление двух корпусов: корпуса авторских (человеческих) текстов и корпуса текстов, сгенерированных ЯМ. Для повышения сопоставимости контролировались жанр, объем и тематические рамки заданий.

Для практической части выбран жанр короткого эссе-рассуждения как формат чувствительный к дискурсивной организации, модальности и прагматическим стратегиям. Авторский корпус составили тексты объемом до 3000 знаков без пробелов (около 500–600 слов), написанные в учебной аудитории в ограниченное время (60–90 минут) без использования генеративных сервисов и без доступа к книгам или Интернету. Задания формулировались как открытые вопросы, допускающие аргументацию и вывод (например: «Как меняется письменная коммуникация под влиянием генеративных моделей?», «Можно ли говорить об авторстве в условиях распространения и доступности ИИ?», «Почему тексты ИИ часто воспринимаются как объяснительные?»).

Корпус авторских текстов включал 50 текстов. Корпус ИИ-текстов составил 50 текстов сопоставимого объема (ориентировочно 500–600 слов), сгенерированных в нескольких генеративных моделях. Корпус ИИ-текстов формировался по тем же темам и в том же жанре. Для каждой темы получали по одному тексту от выбранной модели. Чтобы снизить эффект «выборки лучшего варианта», фиксировался первый полученный результат, удовлетворяющий формальному требованию по объему. Постредактирование не выполнялось, однако допускалась только техническая нормализация (удаление служебных помет, выравнивание кавычек / тире) без изменения лексики или синтаксиса.

Шаблон нашего запроса (промпта), использованный для генерации ИИ-корпуса: «Напиши эссе-рассуждение на русском языке на тему: «ТЕМА». Объем: до 3000 знаков без пробелов. Стиль: нейтральный научно-публицистический. Структура: тезис → 2–3 аргумента → краткий контраргумент → вывод. Не используй списки и подзаголовки. Не упоминай, что ты ИИ. Не добавляй ссылки и библиографию».

Одинаковый промпт применялся во сервисах ИИ (ChatGPT, DeepSeek, Perplexity). Использование единого промпта выполняло функцию контроля и позволило снизить вариативность, связанную с разными стратегиями запроса. Вместе с тем это сузило область выводов. Часть выявленных признаков может зависеть от самого шаблона запроса. По этой причине в статье мы разделяем признаки, которые чувствительны к промпту, и признаки, предположительно более устойчивые на прагматическом уровне. Можем предположить, что при промптах «пиши живее», «непосредственно», «нестандартизированно» прозрачные поверхностные маркеры будут ослабевать, а латентные признаки (кооперативность, модальность, сглаживание конфликта, вежливость, аргументация) могут сохраняться. (замечание 5)

Единицей анализа выступал фрагмент (абзац) и текст целиком. Количественно фиксировались частотность дискурсивных маркеров (например: «однако», «таким образом», «во-первых»), доля вводных конструкций и оценочно-модальных предикатов («следует / необходимо», «очевидно / вероятно»), лексическая вариативность (доля повторов ключевых лексем), синтаксические параметры (средняя длина предложения, доля сложноподчиненных конструкций, параллельные конструкции). Качественный анализ включал разбор аргументации и прагматических стратегий (кооперативность, сглаживание, модальность уверенности / оговорки).

Отметим, что сравниваемые нами тексты не полностью симметричны. Авторские тексты создавались в условиях временного ограничения и без внешней поддержки, а ИИ-тексты представляли собой генерацию по запросу, поэтому различия в содержательной стороне и композиции частично могут объясняться не только природой генерации, но и различием условий создания текста. В перспективе считаем, что нужно сопоставлять письмо человека в аудитории, домашнее письмо без ИИ и генерацию и редактирование с участием ИИ. (замечание 3)

Результаты исследования и их обсуждение. Устойчивые особенности модельного письма проявляются на нескольких уровнях. Ниже представлен систематизированный перечень (на материале работ [1], [8], [14], [15], [16], [17]) таких проявлений ИИ по уровням языка и дискурса. Данная типология описывает не маркеры для детекции, а воспроизводимые стратегии модельного письма как лингвистического объекта, ключевым параметром их научной значимости выступает проверка устойчивости признаков при смене жанра, модели и при постредактировании.

Лексика генеративных текстов часто характеризуется повышенным количеством вводных формул и клише (например: следует отметить, важно подчеркнуть), что создает эффект нейтрального объяснительного письма. В специализированных темах отмечается тенденция к описательным перифразам вместо точной терминологии, заметна тенденция к снижению экспрессии и избеганию конфликтных формулировок. Перспективным направлением анализа является различение легко устранимых лексических сигналов, исчезающих при переписывании под стиль, и устойчивых характеристик, сохраняющихся при редактировании.

На синтаксическом уровне наблюдается повторяемость конструкций и предсказуемость развертывания: однотипные модели сложноподчиненных предложений, сходные схемы усложнения, симметричные параллельные построения. Текст сохраняет корректность, но может выглядеть сглаженным, синтаксически одинаковым. Для последующего анализа нужно переходить от качественных наблюдений к количественным (распределение длины предложений, доля типов конструкций, размеры синтаксического параллелизма) и сопоставлять эти показатели по жанрам и типу запроса. Одним из наиболее заметных проявлений является избыточная связность предложений за счет вводных слов и конструкций (*в частности*, *однако*, *таким образом*), перечисления (*во-первых*, *во-вторых*),

а также композиционная жесткость (стремление к выделению, называнию разделов и подразделов) с регулярными выводами. Генеративные тексты демонстрируют внешнюю логичность при сниженной содержательной плотности текста – рассуждение развернуто, но не содержит значимых утверждений.

На прагматическом уровне наблюдается избегание конфликта, тенденция к сглаживанию формулировок, гиперкорректность, стремление к формальному завершению темы выводами и избыточное структурирование. В дальнейшем данный уровень целесообразно описывать через типовые речевые действия и сценарии диалога (уточнения, переформулирование, предложение вариантов замен и дополнений, формулы отказа), а также проверять их стабильность при смене модели / версии и условий запроса.

Все перечисленные признаки в той или иной степени проявились и в нашем эксперименте. Фрагмент А (авторский текст, иллюстративный; авторская орфография и пунктуация сохранены) по теме «Можно ли говорить об авторстве в условиях распространения и доступности ИИ»: «Я все чаще ловлю себя на мысли, что текст пишется и мной и не мною одновременно. Вроде не я писал, хотя это именно то, что я хотел бы сказать или написать, но не додумался. Вчера я писал реферат и потом попросил ИИ сделать мой текст более научным, и через минуту получил отличную версию моих формулировок. Они как бы мои и не мои. Смысл сохранился, но слова другие, терминологические. В итоге получается странная смесь: я отвечаю зато что пишу, но слова будто арендую» (автор – студент первого курса гуманитарного профиля).

Фрагмент Б (ИИ-текст, иллюстративный, сгенерировано ChatGPT, та же тема): «В условиях широкого распространения ИИ вопрос авторства требует уточнения. С одной стороны, автором следует считать человека, поскольку именно он задает намерение, тему и критерии результата. С другой стороны, генеративная модель участвует в формировании речевой ткани текста, предлагая готовые формулировки и композиционные решения. Таким образом, корректнее говорить о распределенном авторстве, при котором итоговый продукт является результатом взаимодействия пользователя и алгоритма. Вместе с тем важно учитывать, что ответственность за содержание и последствия публикации сохраняется за человеком».

Сопоставление демонстрирует типичное расхождение между идиостилевым и модельным режимом письма. Во фрагменте А заметна локальная конкретика («вчера», «писал реферат», «сделать научным»), что повышает информативную плотность и маркирует индивидуальный опыт; связность здесь достигается тематическим развитием, а не плотным набором дискурсивных маркеров. Кроме того, этот фрагмент содержит субъективные маркеры оценки и наблюдения («ловлю себя», «странная смесь», «как будто») как важные компоненты идиостиля.

Фрагмент Б, напротив, реализует стандартизированную дискурсивную схему: постановка проблемы → симметричное противопоставление («с одной стороны… / с другой стороны…») → вывод («таким образом») → оговорка («вместе с тем важно учитывать»). Это создает эффект гиперсвязности и композиционной упорядоченности. На прагматическом уровне этот фрагмент демонстрирует гиперкорректность и кооперативность: формулировки сглажены, конфликтные точки (кто *автор*) переводятся в компромисс («корректнее говорить…», «важно учитывать…»), а ответственность распределяется нормативно и безлично.

Интересно, что в Б-тексте квазисубъектность проявляется внутри языка: модель берет на себя роль объясняющего и нормирующего говорящего через типовые конструкции («следует считать», «корректнее говорить», «важно учитывать»), а также через сценарий аргументации. В А-фрагменте эффект субъектности, наоборот, не конструируется как позиция эксперта, а строится из индивидуального опыта и мыслей; поэтому этот текст воспринимается

как голос автора, тогда как Б-фрагмент – как голос компетентного коммуниканта, воспроизводимого разными генерациями.

Для интерпретации проявлений генерации полезно различать явно наблюдаемые и латентные характеристики. К первым относятся клише, гиперсвязность, симметричная композиция, повторяемые синтаксические ходы. Ко вторым – модальность уверенности, предсказуемые сценарии аргументации и прагматическая установка на кооперацию. Именно дискурсивные и прагматические особенности чаще всего производят эффект субъектности. ЯМ организует речь, маркирует выводы и удерживает роль объясняющего или эксперта.

Фрагмент А (авторский текст, иллюстративный; авторская орфография и пунктуация сохранена): «Если честно, я не могу назвать себя автором текста, который отшлифовали за меня. Когда правишь вручную, ты помнишь, где сомневался и зачем заменил слово. А когда получаешь готовый текст от ИИ, он выглядит как окончательная версия – даже если внутри себя ты с ней не до конца согласен. После пары таких правок текст начинает звучать одинаково, будто его писал один и тот же человек. И через время – уже будто и не ты писал его вовсе» (автор – студент второго курса гуманитарного профиля).

Фрагмент Б (ИИ-текст, иллюстративный; сгенерировано DeepSeek): «Следует отметить, что в современной ситуации авторство приобретает смешанный характер. Во-первых, человек задает исходную задачу и определяет цель текста. Во-вторых, модель обеспечивает языковую реализацию, предлагая формулировки и структурные решения. Таким образом, можно говорить о перераспределении функций автора между субъектом запроса и инструментом генерации. Важно подчеркнуть, что при этом ответственность за смысл и достоверность сохраняется за пользователем».

В представленных фрагментах «прозрачность» обеспечивается поверхностными, легко фиксируемыми сигналами. Во фрагменте Б явно маркированы клише («следует отметить», «важно подчеркнуть»), рамки перечисления («во-первых», «во-вторых»), а также связка итогового вывода («таким образом»). Эти элементы создают эффект нормативного объяснения и легко выделяются при чтении и при количественной проверке (частотность вводных формул и соединительных связок). Во фрагменте А аналогичная композиция не навязывается: связность держится на противопоставлении ручной правки и готового текста, а оценочность и колебания («если честно», «не могу назвать», «не до конца») являются частью идиостиля.

Рассмотрим еще одну пару для демонстрации неочевидных, латентных характеристик (прагматический сценарий и модальность).

Фрагмент А (авторский текст, иллюстративный; авторская орфография и пунктуация сохранена): «Мне кажется, спор об авторстве упирается не в то, кто набрал текст, а в то, кто отвечает за идею. Я могу использовать ИИ как черновик, но в какой-то момент должен решить: это действительно моя позиция или просто удобная формулировка. И если я оставляю красивое предложение только потому, что оно убедительно звучит, я уже уступаю свою ответственность, но даже не бездушной машине, а собственному желанию выглядеть умнее и своей лени переделывать» (автор – студент третьего курса, филолог).

Фрагмент Б (ИИ-текст, иллюстративный; сгенерировано Perplexity): «Авторство в ситуации использования ИИ целесообразно рассматривать как градуальную величину. Пользователь сохраняет определяющую роль в постановке задачи и отборе результата, однако языковая организация текста в значительной степени формируется на стороне модели. В результате возникает эффект *голоса*, который воспринимается как позиция говорящего, хотя фактически представляет собой набор устойчивых речевых стратегий. Поэтому при анализе уместно различать ответственность за содержание и участие в речевом оформлении».

В этой паре ключевые признаки уже не так очевидны (почти нет вводных конструкций), поэтому они относятся к слепой зоне. Во фрагменте Б эффект квазисубъектности создается не клише, а прагматическим сценарием объяснения: вводится терминологическая рамка («целесообразно рассматривать», «градуальная величина»), категоризация («постановка задачи / отбор результата», «языковая организация»), формулируется вывод, который производит впечатление позиции говорящего. Это латентно, потому что проявляется на уровне стратегии и модальности – через конструкции рационализации и распределения ролей. Во фрагменте А субъектность выражена иначе: сомнение и самоограничение («мне кажется», «я уступаю») удерживают авторскую ответственность в зоне личного выбора, а не в зоне нормативного рассуждения.

Полученные результаты означают, что необходимо описывать текст как продукт распределенного производства и говорить о модельном стиле как о статистически обусловленном режиме письма, отличимом от идиостиля (подробнее об идиостиле в генеративном тексте в статье Н. И. Клушиной [4]). Ограничения анализа связаны с жанровой зависимостью признаков, влиянием формулировки запроса, обновляемостью и появлением новых ЯМ, что требует регулярной валидации на новых данных. Мы предполагаем, что в художественных жанрах признаки модельного письма будут частично маскироваться под стилизацию, а в официально-деловых жанрах часть этих признаков совпадет с самой жанровой нормой. В обоих случаях возрастает значение скрытых дискурсивных и прагматических сценариев как более устойчивого уровня анализа. (замечание 4)

Выводы. Генеративные ЯМ целесообразно рассматривать как объект и квазисубъект лингвистических исследований. ИИ-тексты демонстрируют воспроизводимые лексические, синтаксические, дискурсивные и прагматические особенности. Совокупность этих особенностей формирует режим модельного письма (композиционная упорядоченность, гиперсвязность, нормализация регистра, кооперативные стратегии), который поддерживает прагматический эффект квазисубъектности.

Параметр прозрачность / скрытность позволяет разграничивать наблюдаемые и латентные характеристики генеративного текста и использовать это различение для интерпретации агентности модели в коммуникации.

Перспективы дальнейших исследований связаны с проверкой устойчивости выявленных характеристик на пересечении параметров «жанр – модель – версия – постредактирование», с описанием промпт-следа и распределенного авторства (соотнесением вклада пользователя, модели и редактора в итоговый текст), а также с углублением дискурсивно-прагматического анализа квазисубъектности через анализ речевых актов, модальности и стратегий кооперации/отказа, формирующих эффект ИИ-коммуниканта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айдагулова А. Р.* Особенности текстов, сгенерированных искусственным интеллектом // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. – 2023. – № 4(72). – С. 154–156.

2. *Дзялошинский И. М.* Искусственный интеллект: гуманитарная перспектива // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 20–29.

3. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Изд. стереотип. – М. : Ленанд, 2022. – 308 с.

4. *Клушина Н. И.* Идиостиль в генеративном тексте // Коммуникативные исследования. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 774–788.

5. *Лукинова О. В.* Категория вежливости в ИИ-генераторах писем // Коммуникативные исследования. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 836–849.

6. *Макулин А. В.* Интеллектуальные системы в гуманитарной сфере и цифровая философия // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 2. – С. 76–86.

7. Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2024» / Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, Е. И. Зимакова. – М. : МОО СИПНН Н. Д. Кондратьева, 2024 [Электронный ресурс]. – URL : https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2024/data/8452/section_3_18864.htm (дата обращения: 10.01.2026).

8. *Осетрова Е. В., Седова А. В.* Характеристики сгенерированного текста: языковой и социально-коммуникативный анализ // Сибирский филологический форум. – 2025. – № 2(31). – С. 45–55.

9. *Распопова С. С.* Цифровая гуманитаристика: опыт, проблемы, перспективы // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2024. – Т. 30, № 3. – С. 160–167.

10. *Сережкина А. Е.* Применение искусственного интеллекта в образовании // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2024) : сб. статей V Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. В. Рубцова, М. Г. Сороковой, Н. П. Радчиковой. – М. : Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. – С. 743–755.

11. *Солдаткина Я. В., Чернавский А. С.* Генеративные языковые модели как актуальный феномен медиакультуры в начале XXI века // Наука и школа. – 2023. – № 4. – С. 44–56.

12. *Фигура Е. В.* Генерация текстов как объект лингвистических исследований // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2025. – № 3. – С. 64–70.

13. *Цвигун Т. В., Черняков А. Н.* Нейросеть как «машина вежливости» // Коммуникативные исследования. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 922–938.

14. *Черкасова М. Н.* Признаки сгенерированного текста в академическом дискурсе: проблема идентификации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 7. – С. 2226–2232.

15. *Черкасова М. Н., Тактарова А. В.* Искусственно сгенерированный академический текст (лингвопрагматический аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 7. – С. 2551–2557.

16. *Altmäe S., Tapanainen J. S., Palomäki O.* et al. Artificial intelligence in scientific writing: A friend or a foe? // Reproductive BioMedicine Online. – 2023. – Vol. 47, No. 1. – P. 3–9.

17. *Gao C. A., Howard F. M., Markov N. S.* et al. Comparing scientific abstracts generated by ChatGPT to original abstracts using an artificial intelligence output detector // npj Digital Medicine. – 2023. – Vol. 6, No. 1. – Article 75. – DOI 10.1038/s41746-023-00819-6.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026

REFERENCES

1. Ajdagulova A. R. Osobennosti tekstov, sgenerirovannykh iskusstvennym intellektom // Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully. – 2023. – № 4(72). – S. 154–156.

2. Dzyaloshinskiy I. M. Iskusstvennyy intellekt: gumanitarnaya perspektiva // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. – 2022. – T. 21, № 6. – S. 20–29. – DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-20-29.

3. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. – Izd. stereotip. – M. : Lenand, 2022. – 308 s.

4. Klushina N.I. Idiostil' v generativnom tekste // Kommunikativnye issledovaniya. – 2025. – T. 12, № 4. – S. 774–788. – DOI 10.24147/24136182.2025.12(4).774-788.

5. Lukinova O. V. Kategoriya vezhlivosti v II-generatorakh pisem // Kommunikativnye issledovaniya. – 2025. – T. 12, № 4. – S. 836–849. – DOI 10.24147/2413-6182.2025.12(4).836-849.

6. Makulin A. V. Intellektual′nye sistemy v gumanitarnoj sfere i tsifrovaya filosofiya // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal′nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial′nye nauki. – 2016. – № 2. – S. 76–86. – DOI 10.17238/issn2227-6564.2016.2.76.

7. Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-2024». Sektsiya «II v sotsial'no-gumanitarnykh naukakh – Tekhnologii II v nauke i obrazovanii» / otv. red. I. A. Aleshkovskiy, A. V. Andriyanov, E. A. Antipov, E. I. Zimakova. – M. : MOO SIPNN N. D. Kondrat'eva, 2024 [Elektronnyj resurs]. – URL : https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2024/data/8452/section_3_18864.htm (data obrashcheniya: 10.01.2026).

8. Osetrova E. V., Sedova A. V. Kharakteristiki sgenerirovannogo teksta: yazykovoj i sotsial′no-kommunikativnyj analiz // Sibirskij filologicheskij forum. – 2025. – № 2(31). – S. 45–55.

9. Raspopova S. S. Tsifrovaya gumanitaristika: opyt, problemy, perspektivy // Izvestiya Ural′skogo federal′nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul′tury. – 2024. – T. 30, № 3. – S. 160–167.

10. Serezhkina A. E. Primenenie iskusstvennogo intellekta v obrazovanii // Tsifrovaya gumanitaristika i tekhnologii v obrazovanii : sb. statej V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod red. V. V. Rubtsova, M. G. Sorokovoj, N. P. Radchikovoj. – M. : Izdatel′stvo FGBOU VO MGPPU, 2024. – S. 743–755.

11. Soldatkina Ya. V., Chernavskij A. S. Generativnye yazykovye modeli kak klyuchevoe yavlenie mediakul'tury v nachale XXI veka. Nauka i shkola. – 2023. – No. 4. – P. 44–56. – DOI 10.31862/1819-463X-2023-4-44-56.

12. Figura E. V. Generatsiya tekstov kak ob″ekt lingvisticheskikh issledovanij // Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire. – 2025. – № 3. – S. 64–70. – DOI 10.18137/RNU.V925X.25.03.P.064.

13. Tsvigun T. V., Chernyakov A. N. Nejroset′ kak «mashina vezhlivosti» // Kommunikativnye issledovaniya. – 2025. – T. 12, № 4. – S. 922–938. – DOI 10.24147/2413-6182.2025.12(4).

14. Cherkasova M. N. Priznaki sgenerirovannogo teksta v akademicheskom diskurse: problema identifikatsii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2024. – T. 17, № 7. – S. 2226–2232. – DOI 10.30853/phil20240307.

15. Cherkasova M. N., Taktarova A. V. Iskusstvenno sgenerirovannyj akademicheskij tekst (lingvopragmaticheskij aspekt) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2024. – T. 17, № 7. – S. 2551–2557. – DOI 10.30853/phil20240363.

16. Altmäe S., Tapanainen J. S., Palomäki O. et al. Artificial intelligence in scientific writing: A friend or a foe? // Reproductive BioMedicine Online. – 2023. – Vol. 47, No. 1. – P. 3–9. – DOI 10.1016/j.rbmo.2023.04.009.

17. Gao C. A., Howard F. M., Markov N. S. et al. Comparing scientific abstracts generated by ChatGPT to original abstracts using an artificial intelligence output detector // npj Digital Medicine. – 2023. – Vol. 6, No. 1. – Article 75. – DOI 10.1038/s41746-023-00819-6.

The article was contributed on January 20, 2026

Сведения об авторе

Лановая Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия, https://orcid.org/0000-0002-6862-5977, lanovaya_t_v@mail.ru

Author Information

Lanovaya, Tatyana Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, https://orcid.org/0000-0002-6862-5977, lanovaya_t_v@mail.ru

УДК 821.161.1-192.09 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.016

Е. В. Локтевич

ДИАЛОГ ОЧЕВИДНЫХ И НЕОЧЕВИДНЫХ НАРРАТИВОВ КРЕАТИВНОГО ОПЫТА В ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА ИЛЬИНА (АЛЬБОМ «ПЛАН ЛОМОНОСОВА VI», 2023)

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. Статья посвящена комплексной теоретико-методологической оценке механизмов смыслопорождения в современной российской песенной поэзии. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления трансформации межсубъектной фигуры *Автора* и кризиса традиционных метанарративов о творчестве в поликодовом «теле» песни. Материалом анализа стал вербальный субтекст песенного творчества А. Ильина, которое рассматривается в фокусе проблемы переосмысления субъектно-объектных нарративов креативного опыта. Методология исследования выстраивается на синтезе системно-субъектного и структурно-семиотического методов, нарратологического подхода, теории визуального нарратива, а также концепций, учитывающих поликодовую природу песенной поэзии. В статье выявлен и описан конфликт между *очевидным нарративом* (совокупность традиционных творческих дискурсов, актуализированных в русле пафоса преодоления) и *неочевидным нарративом* (латентный текст экзистенциального свойства, транслируемый субъектом сознания и речи в контексте экспрессивных модусов художественности и оксюморонных комплексов). В фокусе анализа находятся формы взаимодействия разных нарративов, в точке напряжения которых происходит семантический сдвиг ключевых концептов («горизонт», «ноль», «вечность») и рождается «третий», амбивалентный смысл. Горизонт (со)бытия превращается в символ хронотопического предела экзистенции лирического «я», квадратный ноль маркирует пространственно-временную точку семантической трансформации, от которой возможен новый бытийно-инобытийный отсчет. Установлено, что поэтическая система А. Ильина выступает как поликодовая субъектно-образная платформа для пересмотра «языков» творческого (само)познания. Утверждается, что диалог очевидного и неочевидного в песенных текстах рок-группы «План Ломоносова» определяется философско-эстетическим кризисом современной трактовки креативного акта.

Ключевые слова: *песенная поэзия, рок-поэзия, субъектная организация, вербальный субтекст, лирический герой, автор, нарратив, диалог нарративов, дискурс, креативный опыт, семантический сдвиг*

E. V. Loktevich

DIALOGUE OF OBVIOUS AND NON-OBVIOUS NARRATIVES OF CREATIVE EXPERIENCE IN ALEXANDER ILYIN'S SONG POETRY (ALBUM "PLAN OF LOMONOSOV VI", 2023)

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article is devoted to a comprehensive theoretical and methodological assessment of the mechanisms of meaning generation in modern Russian song poetry. The relevance of the research is determined by the need to comprehend the transformation of the author's intersubjective figure and the crisis of traditional meta-narratives about creativity in the polycode "body" of the song. The material of the analysis is the verbal subtext of A. Ilyin's songwriting, which is considered in the focus of the problem of rethinking the subject-object narratives of creative experience. The methodology of the analysis is based on the synthesis of system-subjective and structural-semiotic methods, a narratological approach,

the theory of visual narrative, as well as concepts that take into account the polycode nature of song poetry. The article identifies and describes the conflict between the obvious narrative (a set of traditional creative discourses actualized in line with the pathos of overcoming) and the non-obvious narrative (a latent text of an existential nature, transmitted by the subject of consciousness and speech in the context of expressive modes of artistry and oxymoronic complexes). The analysis focuses on the forms of interaction between different narratives, at the point of tension of which a semantic shift of key concepts occurs ("horizon", "zero", "eternity") and a "third", ambivalent meaning is born. The horizon of (co)being turns into a symbol of the chronotopic limit of the existence of the lyrical "I", the square zero marks the space-time point of semantic transformation, from which a new beingness-otherworldly countdown is possible. It is established that A. Ilyin's poetic system functions as a polycode subject-image platform for reconsidering the "languages" of creative (self-)knowledge. It is argued that the dialogue between the obvious and the non-obvious in the song lyrics of the rock band Lomonosov's Plan is determined by the philosophical and aesthetic crisis of the modern interpretation of the creative act.

Keywords: *song poetry, rock-poetry, subjective organization, verbal subtext, lyrical hero, author, narrative, dialogue of narratives, discourse, creative experience, semantic shift*

Введение. Современная российская песенная поэзия как полисубтекстуальное образование демонстрирует нарративную трансформацию лирическим субъектом нескольких художественных моделей репрезентации творческого опыта. Эстетические критерии такого одновременно коллективного и индивидуального созидания доступны для других через *нарративизацию* [1, с. 14], которая в условиях обесценивания культурных *метанарративов* [9, с. 92] подвергается последовательному переосмыслению, а в *художественном метанарративе* реализуется посредством «набора базовых симоволических и нарративных конструкций (а также способа говорения о них), который используется при конструировании художественных произведений и нарративов» [3, с. 682–683].

Объектом настоящего исследования выступает вербальный субтекст альбома «План Ломоносова VI» (2023) Александра Ильина, фиксирующий на субъектно-образном уровне интерференцию (пост)модернистских и постпостмодернистских художественных интенций, что реализуется с помощью креативной виртуалистики и интерактивности: «переход от постмодернистской интертекстуальности к постпостмодернистскому стиранию границ между текстом и реальностью происходит как в буквальном (компьютерная квазиреальность), так и в переносном смысле» [7, с. 354].

В рамках исследования под *очевидным нарративом* (далее – ОН) понимается совокупность традиционных творческих дискурсов, актуализированных в русле пафоса преодоления («путь», «горизонт», «действие», «победа»). *Неочевидный нарратив* (далее – НН) определяется как латентный текст экзистенциального свойства, транслируемый субъектом сознания и речи в контексте экспрессивных модусов художественности (усталость, абсурд, меланхолия) и оксюморонных комплексов («квадратный ноль», «режим эконом», «свечка с двух сторон»).

Цель исследования – выявить и описать диалог очевидных и неочевидных нарративных моделей, характеризующих коммуникативное поведение *биографического автора*, *собственно автора* [6, с. 183], *медийного автора* [10, с. 10], *повествователя*, *лирического героя* и *героев ролевой лирики*, а также синтетических субъектно-объектных образований в условиях кризиса традиционных креативных метанарративов.

Ключевой тезис статьи заключается в том, что в драматургически-перформативном дисплее песенная поэзия А. Ильина концептуирует конфликт как процесс непрерывного диалога-столкновения, в ходе которого происходят семантические сдвиги ключевых культурных концептов креативного опыта. Решающим аспектом нарративного дискурса выступает «не столько признак структуры коммуникации, сколько признак структуры

самого повествуемого» [21, с. 12], и в этой связи особенно продуктивным оказывается системно-субъектный метод исследования песенной поэзии, ведь «даже если музыкальное произведение не содержит озвученного словесного текста, в нем всегда обнаружатся семантические образования, которые можно выразить в виде словесного высказывания» [17, с. 45].

В фокусе анализа оказываются конкретные формы взаимодействия разных нарративов, демонстрирующих функционирование *феномена идейно-субъектной пограничности* [10, с. 27]: 1) парадоксальное бытие нескольких субъектов сознания и эмоциональных тонов в рамках одного образа; 2) циклическая подмена и интерференция как композиционный принцип альбома; 3) диалог поколений, эпох, идей и концепций (аллюзивно-реминисцентный уровень текста); 4) трансформация архетипических образов, которые утрачивают героический пафос и становятся носителями ироничного или абсурдного смысла. Основным результатом исследования является фиксация того, как в точке напряжения между обозначенными нарративами рождается «рассеянный» неустойчивый смысл, а поэтическая система А. Ильина предстает поликодовой субъектно-образной зоной пересмотра «языков» творческого (само)познания, выявляющей философско-эстетический кризис современной трактовки креативного акта, который «не развивается перманентно, равномерно и только по восходящей», он «неоднороден и селекционирован по разным видам, формам и уровням» [13, с. 13].

Теоретико-методологические основы многоуровневого анализа субъектной организации поэтического текста оформлены в трудах Б. О. Кормана, разработавшего *системно-субъектный метод* [6, с. 120]. Проблемы нарратива в лирике и современной песенной поэзии рассматривались в работах Е. С. Моштылевой, которая указала на взаимопроникновение нарративного и лирического начал в таких синтетических формах, как *хипхопера* [15, с. 118]. Феномен синтетического текста активно изучается в рамках психологии смыслопорождения [8] и современной семиотики [4]. Однако комплексный анализ диалога нарративных моделей креативного опыта в современной российской рок-поэзии с учетом полисемантики ее музыкальной коммуникации ([17], [20]) до сих пор остается актуальной научной задачей, которая ожидает своего последовательного решения. Мы исходим из положения, что песенная поэзия как синтетическое искусство являет собой коммуникативную систему, в которой вербальный субтекст существует в неразрывной связи с множественными вербально-невербальными субтекстами (контекстами), что влияет на формирование экзистенциальной семантики *нарративных структур* [15, с. 112] креативного опыта и актуализирует *экзистенциально-виртуальный тип субъектной организации* [10, с. 14]. Такой подход позволяет выйти за рамки вербального анализа и учесть влияние аудиального «кода», медийных и цифровых конструктов на формирование исследуемых нарративов при осмыслении музыкального альбома как целостного художественного высказывания, обладающего внутренней перформансивной драматургией.

Актуальность исследуемой проблемы определяется несколькими взаимосвязанными факторами, которые лежат в плоскости теоретической поэтики, искусствоведения и культурологии. Во-первых, необходимостью осмысления трансформации образа *Автора* и *творческого акта* в культуре XXI в., столкнувшейся с дискурсами субъектного «аннулирования», экзистенциальной усталости и художественной креолизации абсурда. Песенная поэзия оказывается (ино-/не-)бытийным инструментом фиксации новой парадигмы художественности (*экзистенциально-виртуальной*), обнажающим коммуникативный кризис «очевидных» моделей творческого поведения субъекта сознания и речи. Во-вторых, актуальность связана с междисциплинарным интересом к феномену нарратива как универсальному способу осмысления и структурирования созидательного опыта личности. Исследование того, как в рамках одного художественного целого (альбома) сталкиваются разные, нередко взаимоисключающие нарративные модели творческого пути,

позволяет вскрыть сущностные культурные противоречия цифровой эпохи. В-третьих, применение к современной песенной поэзии теоретико-методологических наработок разных гуманитарных наук позволяет рассмотреть в культурном дисплее эпохи вербальный субтекст как часть сложного семиотического целого. Работа вносит вклад в теорию креативности и рассматривает песенный текст как особую многосубъектную форму креативного процесса, продуктом которого выступает не просто новое высказывание, но «новая художественная реальность», в которой происходит «становление новой реальности» самосознания субъекта [16, с. 199]. Актуальность также подтверждается тем, что в современном музыкознании [14, с. 4] и литературоведении [2, с. 237] активно разрабатываются вопросы новых форм взаимодействия слова и музыки, а также нарративности в музыке [12], что в совокупности требует выработки актуальных методов анализа синтетических видов искусства.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужил вербальный субтекст тринадцати песен, составляющих концептуальное ядро альбома «План Ломоносова VI» (2023) российской рок-группы «План Ломоносова» [5]: «Вечен и неубиваем», «Взахлеб», «Квадратный ноль», «Мельничный рыцарь», «Нарратив», «Град из звезд», «Пустячок», «Молоко и мед», «Горизонт событий», «Хэппи сонг», «Прямо сейчас!», «Коварное обольщение», «Ночь нежна». Альбом рассматривается как целостное художественное высказывание, «выстроенное в соответствии с авторской волей» [2, с. 143], в котором каждая песня выступает элементом единого субъектно-образного мира.

Методологическая основа исследования носит междисциплинарный характер и строится на синтезе нескольких подходов, необходимых для решения поставленной задачи. Центральное место занимает системно-субъектный метод, который используется для дифференциации и анализа коммуникативного поведения авторских и геройных ипостасей. Б. О. Корман рассматривает *сюжет* как равноправную и / или неравноправную последовательность «однородных единиц (отрывков) текста», выделенных «по объектному признаку (что изображается, воспроизводится) или субъектному признаку (кто воспроизводит, изображает и пр.)» [6, с. 121], что позволяет увидеть рок-альбом в качестве единства множества сюжетов разного субъектно-объектного уровня.

Для анализа форм взаимодействия нарративов применяется предложенная Б. А. Успенским семиотика точки зрения [19] и теория визуального нарратива Н. В. Злыдневой [4], адаптированная для вербального субтекста. Такой подход позволяет выявить наблюдателя, передающего в поэтическом тексте «сенсорное напряжение авторского сознания» [18, с. 294], а также механизмы совмещения пространственно-временных и философско-эстетических точек зрения, что крайне важно для описания со-бытия нескольких субъектов сознания, которые выступают «источником смыслов вещей» [8, с. 18].

Для интерпретации внутренних векторов трансформации, связанной с кризисом лирической идентичности (*рассеянной субъектностью* [11, с. 321]) и поиском новых оснований творчества, привлекается концепция обряда перехода Л. Д. Бугаева, в русле литературоведения применяемая для анализа нарративов экзистенциальной трансформации. Концепция ученого дает методологический «ключ» к пониманию структуры «опыта перехода», проходящего «прелиминарную (обряд отделения), лиминарную (промежуточное состояние) и постлиминарную (обряд включения) фазы» [1, с. 15], что в альбоме прослеживается, например, в образах «квадратного нуля» и «горизонта». Поскольку объект исследования – явление синтетическое, то необходимыми оказываются теории креативности и концепции взаимодействия слова и музыки ([2], [14], [20], [17]), позволяющие учесть специфику песенной поэзии как поликодового искусства. Аналитические находки Е. С. Моштылевой в области взаимодействия нарративного и лирического начал [15] содействовали описанию конкурирующих моделей репрезентации креативного опыта и их коммуникативной динамики.

Результаты исследования и их обсуждение. Песни альбома «План Ломоносова VI» передают рассеянную субъектную напряженность, которая вызвана интерференцией ОН и НН креативного опыта первичного субъекта сознания и речи. Выявленный диалог обыгрывается лирическим героем как процесс организации бытия «по определенному сюжету или сценарию», которые демонстрируют «усвоение культурных образцов смыслов» [8, с. 419]. ОН чаще всего артикулируется сознанием, близким к *собственно автору* или *лирическому герою* в его «ролевой» ипостаси (условно-ролевой герой), оформляя *игровую внесубъектность* [10, с. 38], в дальнейшем реализованную медийным автором на сцене. Креативный лексикон этого субъекта сознания выстраивается вокруг экзистенциальных образов-символов «путь = горизонт событий», «движение = жизнь = взахлеб = парус = свеча», «судьба = игра».

В песне «Горизонт событий» ОН представлен в диалогическом ключе двух пространственно-временных точек зрения (Восток и Запад): «За горизонтом встречал / Настоящих людей и братьев по духу, / Взглядом я огибал / Черных теней жареный контур, / И если в пути уставал – / Бог протягивал руку!» [5]. *Горизонт* в данном контексте несет в себе, с одной стороны, традиционную семантику межкультурной границы, экзистенциального призыва к кросс-диалогу, но с другой, – семантику возвратной точки зрения и личного опыта, необходимых лирическому герою в путешествии для сохранения душевного покоя и сердечной радости: «Все просто – я не готов / К просмотру чужих впечатлений картинок, / Пыль занимательных слов / Меняю на грязь дорожных ботинок, / Полис или аул / Впитаю в себя с одинаковой страстью – / Множеством разных культур / Мне Бог даровал великое счастье!» [5]. Во фразеологической точке зрения Бог как вторичный субъект сознания и речи актуализирует игровую внесубъектность, осмысленную лирическим субъектом как «Я»-субъектность, путь к самопознанию: «Встань! И ты продолжишь путь! / Пусть трепещет свет во мгле! / Ты успеешь отдохнуть, / Когда сам придешь ко мне…» [5].

В вербалике песни «Взахлеб» на первичном плане субъектно-образной структуры декларируется философия ОН динамики бытия, символически выраженного образом *паруса*: «Надо менять, что-то менять надо, / Может в себе, может вокруг, правда, / Смело вперед, движение – суть жизни, / Вплавь или вброд, дальше своих мыслей, / Чтоб не черстветь, не костенеть духом, / Чтобы смотреть смело в глаза внукам, / Чтобы прожить целую жизнь в радость, / Надо не ждать, к ветру поднять парус, / Парус!» [5]. Этот нарратив очевидно «заявлен, сформулирован» [6, с. 122], что может указывать на его дистанцированность от авторского сознания. Элементом НН можно трактовать в этой песне экспрессию скорости бытия, подчеркнутую наречным образом *взахлеб*: «Северными ветрами, / Бурями и снегами, / Стоптанными ногами / Что-то менять снова-опять надо! / Разумом и руками, / Песнями и стихами, / Все, что мы можем сами, / Делать – не ждать!» [5].

Парус=жизнь нередко опровергается оксюморонной позицией принадлежности *я-бытия* героя, которое предстает как изначально чужое, намеренно сокращающее «присутствие» первичного субъекта сознания и речи почти до нуля (песня «Коварное обольщение»): «Ты воспаришь, / Как только срежешь якоря, / И никогда не будет больно, / Жизнь станет больше, чем достойной – / Много денег, много славы / И чуть-чуть меня» [5]. Первоначальный посыл демонического героя-наставника к финалу произведения нисходит до рефренной звукописи, генетически восходящей к образу «заевшей» пластинки: «Здравствуй, восхитительный цветок! / Поиграть с судьбою – / Это не порок, / Я тебя наставлю, дам урок» – «Много денег, много славы / И чуть-чуть меня, / И чуть-чуть меня, / И чуть-чуть меня, / Чуть-чуть» [5]. «Секундность», молниеносность земной жизни представлена оксюморонной позицией лирического субъекта с «ролевой» функцией, актуализированного в речевой сфере песни «Град из звезд»: «Сдавленный вздох... / Боль глушит

шок... / На суровую рожу дурацкий смешок, / Слез ручей, слез поток» [5]. Развивается этот НН в трагической иронии, перформансивно заявленной в вербальном «теле» песни «Пустячок»: «Я как будто бухой / В это спелое утро! / Под мотивчик простой / Улыбаюсь кому-то… / С песней все по плечу, / И вполне вероятно, / Жизнь за жопу схвачу – / Пустячок, а приятно!» [5].

Заявление лирического героя «Я вечен и неубиваем» почти мгновенно опровергается контекстом песни, философия которой организуется в условиях идейно-субъектной пограничности – на границе жизни и смерти, вечности и небытия, веры и безверия: «А жизнь идет / По самой бровке, / По краю бездны, / По кромке льда, / Шаг за шагом куда-то вперед, / Где секунда, там год» [5]. Семантика ОН этой песни поддерживает интенции НН из предыдущего произведения, где жизнь «проигрывалась» взахлеб и вмиг. Так же и в песне «Я вечен и неубиваем» продолжается прямо-оценочная точка зрения первичного субъекта сознания и речи: «Горела жизнь моя, как свечка с двух сторон, / Таким Макаром мне глупому / Не дотянуть до победного, / Но мне так холодно в режиме эконом» [5]. Романтический бытийный топос *жертвенного пламени* («жизнь=свеча») сливается с бытовым «эконом»-режимом, обнажая авторскую иронию трагического типа через «длительность» символического звучания финального рефрена «Но мне так холодно в режиме эконом».

Даже если первоначально креативный опыт лирического героя опосредован ОН, то в последнем бытийном «скачке» эмоционального тона все равно активизируется НН, как, например, в песне «Молоко и мед»: «Сила и нежность, / Я знак «надежность», / Ты символ «верность», / Не теряй меня, / Трава по пояс, / Иди на голос»; «Мы сожгли мирской закон, / Двери, ставни, отчий дом <…> / Вихрем годы пролетят, / Дети учат жить внучат, / Сядем в уголок вдвоем / Вместо вина / Испить до дна / Мед с молоком» [5]. *Жизнь без жизни* как две хронотопические зоны предстает в вербалике песни «Хэппи сонг»: «Мои дурацкие надежды / Лежат скелетами в шкафу, / Жизнь никогда не будет прежней, / А я по-прежнему живу» [5]. Более того, первичный субъект сознания и перформансивно обыгранная им «вторичная» субъектность, восходящая к коллективному «Мы», сливаются в хаосе небытия прошлого: «Кутавшись в одеялах, / Путались в идеалах, / Пили медленно мысли / О прожитой жизни / Из разбитых бокалов» [5].

«Квадратный ноль» – центральный образ НН в альбоме – маркирует пространственно-временную точку субъектного обнуления, где традиционные векторы бытийного движения теряют смысл: «Раскололся мир, / Разошелся шов, / Стены возвели, / Накопали рвов, <…> / Развенчался миф / Про того, кто мертв, / Говорят, что жив, / Запиваем боль, / Заедаем страх, / На квадратный ноль / Белый свет множит черный монах» [5]. Состояние многосубъектного героя (Я=Мы) запечатлевает чистую лиминарность «промежуточного состояния» [1, с. 16], когда старые «я-приметы» мертвы, а новые еще не обретены. Важно, что эти нарративы не просто сосуществуют, но находятся в состоянии напряженного диалога и взаимной деконструкции в рамках одного субъекта сознания и речи, что создает эффект внутреннего раскола, «поэтического многоголосья» [6, с. 156], или, в нашей терминологии, феномена идейно-субъектной пограничности, предстающего в данном песенном тексте парадоксальным бытием нескольких субъектов сознания и эмоциональных тонов в рамках одного образа. Один и тот же лирический субъект несет и пафосную, и самоироничную версии своего «Я», демонстрирует невозможность оставаться в рамках единого, непротиворечивого экзистенциального мира: «Перейдя порог, / Мы не смотрим вдаль, / Подвели итог, / Пропустив мораль, / Приросла к лицу / Черная вуаль, / Женихов несут, / Образуя гробов магистраль» [5]. Образ *границы* как места перехода в параллельное бытие, фиксирует не только идейно-субъектную пограничность, но и НН, сводящие в единое семантическое поле *жизнь* и *смерть*, *прошлое* и *будущее*, *белое* и *черное*, для лирического

субъекта и его реципиента как вторичного субъекта сознания и речи остается только *миг* для жизни, в которой спасительное белое «издержалось»: «Издержался мел, / Не дочерчен круг, / На людской удел / Смело черти прут / И потух огонь / В темноте времен, / Щедрая ладонь / Теперь кормит собак и ворон» [5]. Тем более трагична ирония лирического героя, представленная в прямо-оценочной точке зрения в финале песни: «Слез не надо! / Стой и не падай / Под ударами судьбы!» [5].

Очевидно, что формы взаимодействия ОН и НН разнообразны и поддерживаются поликодовой природой всех песен альбома.

Во-первых, актуализируется циклическая подмена и интерференция как композиционный принцип. Альбом построен не как линейное Я-восхождение, а как нарративный цикл, в котором песни-«состояния» рассеянного субъекта сменяют друг друга, создавая эффект смысловой интерференции. После энергичного манифеста, заявленного в вербалике песни «Взахлеб», призывающего к молниеносному действию и переменам, следует семантическое «обнуление» в песне «Квадратный ноль», которое погружает энергию к «быстрой» жизни в мир такого же внезапного небытия, экзистенциальной утраты («Смерть, да любовь…» [5]). Однако сам *ноль* для лирического героя А. Ильина не есть чистое *ничто*: он, будучи «квадратным», обретает форму, становится хронотопической рамой потенциально нового отсчета, хоть и за гранью земного бытия. Вновь звучит трагическая ирония собственно автора через намек на условную свободу за «квадратным» гробом, ведь умерший для земного бытия уже «ноль» – так посредством НН проявляется формула-символ материализации и умерщвления духа. Выявленная интерференция ОН и НН приводит к семантическому сдвигу креативных концептов. *Горизонт* из символа цели превращается в *хронотопический предел*, границу экзистенции («Горизонт событий»): это не то, к чему идет герой, а то, что обозначает саму невозможность завершения пути в классическом понимании и становится метафорой большого диалога. *Квадратный ноль* как антитеза *горизонта* обретает не только негативные коннотации, т. к. предстает также «точкой сборки», местом пересмотра координат, от которой возможен новый бытийно-инобытийный отсчет. *Вечность* («Вечен и неубиваем») в философии альбома утрачивает возвышенно-метафизический ореол и становится ироническим маркером («”Я вечен и Неубиваем”, / И этой чушью / Я долго жил» [5]), за которым скрывается НН «холодно в режиме эконом». Таким образом, *вечность* оказывается фоном для частного, утомительного существования, а не его трансцендентной целью.

Во-вторых, ключевой формой взаимодействия нарративов креативного опыта является трансформация архетипических образов. Образы, традиционно несущие героический или сакральный смысл, подвергаются в альбоме иронично-абсурдистской переработке и становятся носителями НН. «Мельничный рыцарь» – это пародийный, «застрявший» в вечном повторении поступков Дон Кихот. Во фразеологической точке зрения ролевой герой заявляет: «Вот Меч и копье, / Вот мой щит, мой шлем / И вот оно – сердце мое!» [5]. Его «битва» сведена к существованию в замкнутом пространстве внутреннего бытия «влюбленного героя», чей подвиг заключается в воспевании «писем» возлюбленной, ведь ее «имя» – его «знамя». Ролевой субъект сознания и речи застрял в фазе лиминарности, а его переход в новый статус возможен лишь за границей земного бытия: «Мельничный рыцарь / Воспел твои письма / Ценой своей жизни – / Быстрой и чистой» [5]. «Волхв» и «сатир» в песне «Квадратный ноль» («Загрустил сатир, / Бросил посох волхв» [5]) лишены пророческого дара и дионисийской мощи. Объекты сознания предстают уставшими, бросившими свои атрибуты, что символизирует крах традиционных культурных ролей Творца (пророк, бунтарь) и их заполнение экзистенциальной пустотой. Проступающая субъектно-объектная и бытийно-небытийная трансформация соответствует концепции «вторичного» опыта, когда первичный мифологический или литературный опыт перехода (инициация героя) становится объектом рефлексии и переосмысления в новых условиях [1, с. 17–18].

Третьей важной формой взаимосвязи ОН и НН выступает диалог поколений, эпох, идей и концепций, наиболее явно представленный в песне «Нарратив». Вербальный уровень песни демонстрирует «совмещение точек зрения» [19, с. 116] – отца и сына. Их диалог – это столкновение двух пониманий бытийно-инобытийно-небытийного «нарратива». Отец, представитель уходящего «старого племени», признает сложность и неочевидность своего пути («Сложный нарратив / Детки не поймут»). Сын уважает отца, но отказывается от его пути, замечая, что видит себя в будущем: «Ты мне не врешь, и ты вообще – мужик честный, / Да, и про дни ты говоришь интересно, / Но, только в будущем мое место, / Я буду ждать его, а ты извини» [5]. В прямо-оценочной точке зрения субъект сознания и речи говорит о смене «декораций» и жизненных сценариев, о невозможности прямого наследования ОН. Рефлексия над самим понятием нарратива делает диалог отца и сына предметом художественного исследования, что характерно для метанарративного опыта современного искусства и указывает на кризис передачи культурного кода разными поколениями.

Таким образом, альбом функционирует как *поликодовая субъектно-образная платформа*, в зоне которой осуществляется пересмотр «языков» творческого (само)познания. Креативный акт предстает в вербальном субтексте песен А. Ильина как работа со «сломанными» смыслами, выживание в режиме «эконом», поиск горизонта, который, возможно, является лишь иллюзией, недостижимой мечтой. Данные наблюдения подтверждает мысль Р. М. Шамаевой о том, что креативный продукт (каким является альбом) способен «активизировать, пробуждать творческий потенциал субъектов», предлагая им не готовые ответы, а поле для внутреннего диалога и смыслопорождения [20, с. 60]. Рождающийся в точке сенсорного напряжения «третий» смысл не разрешает конфликт, но поддерживает его как перманентное состояние субъекта сознания, что и маркирует философско-эстетический кризис современной трактовки креативного акта, выявляемый диалогом ОН и НН в песенных текстах А. Ильина.

Выводы. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, в песенной поэзии альбома «План Ломоносова VI» А. Ильина идентифицируется и описывается диалог «очевидных» и «неочевидных» нарративных моделей креативного опыта лирического субъекта. ОН, выраженный в пафосе *преодоления*, *пути* и *горизонта*, находится в состоянии устойчивого конфликта с НН, который представляет собой латентный текст экзистенциального свойства, транслируемый субъектом сознания и речи в контексте экспрессивных модусов художественности и оксюморонных комплексов «квадратного нуля», «режима эконом» и «свечки с двух сторон». Во-вторых, этот диалог характеризует сложное коммуникативное поведение различных авторских и геройных ипостасей, что проявляется в идейно-субъектной пограничности – парадоксальном бытии нескольких субъектов сознания в рамках единого лирического образа. Механизмами инсценировки этого диалога-столкновения выступают циклическая композиционная интерференция семантических «приделов» вербального уровня песен, приводящая к взаимному «обнулению» и «подмене» смыслов, интертекстуальная трансформация архетипических образов (рыцаря, волхва, сатира), утрачивающих героический пафос, а также прямые формы метарефлексии (диалог поколений в песне «Нарратив»). В-третьих, результатом диалога ОН и НН является семантический сдвиг ключевых культурных концептов и рождение в точке сенсорного напряжения «третьего», интерферентного смысла. Концепт *горизонт* превращается из символа цели и жизненного позитива в хронотопический предел экзистенции, *квадратный ноль* маркирует пространственно-временную точку кардинальной трансформации, от которой возможен новый бытийно-инобытийно-небытийный отсчет, а *вечность* низводится до уровня иронической, иллюзорной формулы спасения. Наконец, исследование подтверждает тезис о том, что диалог ОН и НН в песенных текстах рок-группы «План Ломоносова» выявляет философско-эстетический кризис

современной трактовки креативного акта, который более не может пониматься в рамках линейного, сугубо экзистенциального нарратива, а требует новых поликодовых методологических инструментов для своего осмысления. Таким образом, альбом А. Ильина предстает как рефлексивный вербально-невербальный акт, моделирующий и распознающий экзистенциальное состояние творческого сознания в современной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бугаева Л. Д.* Художественный нарратив и структуры опыта: сюжет перехода в русской литературе новейшего времени : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.01.01 ; 10.01.08. – СПб., 2012. – 43 с.

2. *Гавриков В. А.* Песенная поэзия vs печатная поэзия. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2021. – 388 с.

3. *Ермаков Т. К.*, *Дегтяренко К. А.*, *Шпак А. А.* Конструирование художественных метанарративов в современной культуре: формальные и смыслообразующие аспекты // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № 17(4). – С. 681–693. – EDN: LQPLYW.

4. *Злыднева Н. В.* Визуальный нарратив: опыт мифопоэтического прочтения. – М. : Индрик, 2013. – 360 с.

5. *Ильин А.* План Ломоносова VI [Электронный ресурс]. – URL : https://vk.com/@planlomonosova-plan-lomonosova-vi (дата обращения: 02.01.2026).

6. *Корман Б. О.* Избранные труды по теории и истории литературы. – Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1992. – 236 с.

7. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под. ред. В. В. Бычкова. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2021. – 608 с.

8. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М. : Смысл, 2003. – 487 с.

9. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М. : Ин-т эксперимент. Социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 161 с.

10. *Локтевич Е. В.* Современная русская оригинальная рок-поэзия: трансформация субъектной парадигмы. – М. : ИНФРА-М, 2024. – 199 с. – DOI 10.12737/2100004.

11. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. – М. : Искусство, 1970. – 387 с.

12. *Лю Ся* Специфика проявления нарратива в музыке: жанровый аспект // European Journal of Arts. – 2020. – № 3. – С. 107–111. – DOI 10.29013/EJA-20-3-107-111.

13. *Манохина Н. В.*, *Митяева Н. В.* Креативность: мифы и реальность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2025. – Т. 25, Вып. 1. – С. 4–15. – DOI 10.18500/1994-2540-2025-25-1-4-15. EDN: CHPEUT.

14. *Мельникова Е. В.* «Музыка и слово»: новые формы взаимодействия в творчестве композиторов второй половины XX – начала XXI веков : автореф. дис. … канд. искусствоведения : 17.00.02. – Екатеринбург, 2022. – 14 с.

15. *Моштылева Е. С.* Взаимодействие нарративного и лирического начал в текстах современных музыкальных исполнителей // Научный диалог. – 2021. – № 4. – С. 112–128. – DOI 10.24224/2227-1295-2021-4-112-128.

16. *Розин В. М.* Сущность и тайна музыки // PHILHARMONICA. International Music Journal. – 2014. – № 2(2). – С. 194–218. – DOI 10.7256/1339–4002.2014.3.13588.

17. *Рымко Г. А.* Теоретические проблемы тексто-музыкальной формы : дис. … канд. искусствоведения : 17.00.02. – М., 2013. – 375 с.

18. *Темиргазина З. К.*, *Ибраева Ж. Б.* Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – № 72. – С. 290–307. – DOI 10.17223/19986645/72/16.

19. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. – СПб. : Азбука, 2000. – 352 с.

20. *Шамаева Р. М.* Креативность в музыкальной культуре. – Челябинск, 2010. – 171 с.

21. *Шмид В.* Нарратология. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026

REFERENCES

1. Bugaeva L. D. Hudozhestvennyj narrativ i struktury opyta: syuzhet perehoda v russkoj literature novejshego vremeni : avtoref. dis. … d-ra filol. nauk : 10.01.01 ; 10.01.08. – SPb., 2012. – 43 s.

2. Gavrikov V. A. Pesennaya poeziya vs pechatnaya poeziya. – M. ; Berlin : Direkt-Media, 2021. – 388 s.

3. Ermakov T. K., Degtyarenko K. A., Shpak A. A. Konstruirovanie hudozhestvennyh metanarrativov v sovremennoj kul'ture: formal'nye i smysloobrazuyushchie aspekty // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. – 2024. – № 17(4). – S. 681–693. – EDN: LQPLYW.

4. Zlydneva N. V. Vizual'nyj narrativ: opyt mifopoeticheskogo prochteniya. – M. : Indrik, 2013. – 360 s.
5. Il'in A. Plan Lomonosova VI [Elektronnyj resurs]. – URL : https://vk.com/@planlomonosova-plan-lomonosova-vi (data obrashcheniya: 02.01.2026).
6. Korman B. O. Izbrannye trudy po teorii i istorii literatury. – Izhevsk : Izd-vo Udm. un-ta, 1992. – 236 s.
7. Leksikon nonklassiki. Hudozhestvenno-ehsteticheskaya kul'tura XX veka / pod. red. V. V. Bychkova. – M. ; SPb. : Centr gumanitarnyh iniciativ, 2021. – 608 s.
8. Leont'ev D. A. Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti. – M. : Smysl, 2003. – 487 s.
9. Lyotar Zh.-F. Sostoyanie postmoderna. – M. : In-t eksperiment. sociologii ; SPb. : Aletejya, 1998. – 161 s.
10. Loktevich E. V. Sovremennaya russkaya original'naya rok-poeziya: transformaciya sub"ektnoj paradigmy. – M. : INFRA-M, 2024. – 199 s. – DOI 10.12737/2100004.
11. Lotman Yu. M. Struktura hudozhestvennogo teksta. – M. : Iskusstvo, 1970. – 387 s.
12. Lyu Sya Specifika proyavleniya narrativa v muzyke: zhanrovyj aspekt // European Journal of Arts. – 2020. – № 3. – S. 107–111. – DOI 10.29013/EJA-20-3-107-111.
13. Manohina N. V., Mityaeva N. V. Kreativnost': mify i real'nost' // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ehkonomika. Upravlenie. Pravo. – 2025. – T. 25, Vyp. 1. – S. 4–15. – DOI 10.18500/1994-2540-2025-25-1-4-15. EDN: CHPEUT.
14. Mel'nikova E. V. «Muzyka i slovo»: novye formy vzaimodejstviya v tvorchestve kompozitorov vtoroj poloviny XX – nachala XXI vekov : avtoref. dis. … kand. iskusstvovedeniya : 17.00.02. – Ekaterinburg, 2022. – 14 s.
15. Moshtyleva E. S. Vzaimodejstvie narrativnogo i liricheskogo nachal v tekstah sovremennyh muzykal'nyh ispolnitelej // Nauchnyj dialog. – 2021. – № 4. – S. 112–128. – DOI 10.24224/2227-1295-2021-4-112-128.
16. Rozin V. M. Sushchnost' i tajna muzyki // PHILHARMONICA. International Music Journal. – 2014. – № 2(2). – S. 194–218. – DOI 10.7256/1339–4002.2014.3.13588.
17. Rymko G. A. Teoreticheskie problemy teksto-muzykal'noj formy : dis. … kand. iskusstvovedeniya : 17.00.02. – M., 2013. – 375 s.
18. Temirgazina Z. K., Ibaeva Zh. B. Nablyudatel' v poeticheskom narratieve (na primere stihotvorenij P. Vasil'eva) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – 2021. – № 72. – S. 290–307. – DOI 10.17223/19986645/72/16.
19. Uspenskij B. A. Poetika kompozicii. – SPb. : Azbuka, 2000. – 352 s.
20. Shamaeva R. M. Kreativnost' v muzykal'noj kul'ture. – Chelyabinsk, 2010. – 171 s.
21. Shmid V. Narratologiya. – M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. – 312 s.

The article was contributed on January 19, 2026

Сведения об авторе

Локтевич Екатерина Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературно-художественной критики Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь, https://orcid.org/0000-0001-8357-9019, lichorad.kat@mail.ru

Author Information

Loktevich, Ekaterina Vyacheslavovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literary and Artistic Criticism, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, https://orcid.org/0000-0001-8357-9019, lichorad.kat@mail.ru

УДК [821.161.1-312.1.09:81'42]:929Соловьев(470) DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.017

Е. Г. Луговская, *Е. К. Грудина*

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ КАК КРИТИЧЕСКИЙ МЕТОД: ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАТЬИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО «НЕМОЙ ПРОРОК»

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровье

Аннотация. В статье исследуется лингвориторическая модель критического метода Д. С. Мережковского, реализованная в сборнике «В тихом омуте». На материале статьи «Немой пророк» анализируется языковая репрезентация личности В. С. Соловьева. Показано, что критик использует бинарную оппозицию «философ-созерцатель» / «человек-деятель» для конструирования образа В. С. Соловьева как фигуры недостигнутого синтеза между мистической созерцательностью и деятельностным императивом эпохи. Доказывается, что специфика риторического метода Д. С. Мережковского символически обозначена им в названии сборника, а ключевую роль в реализации герменевтической стратегии представления портрета философа играет трансформация фразеологизма «обратная сторона медали», функционирующего как эпистемологическая метафора для репрезентации невидимой стороны личности В. С. Соловьева. Выявлены лексико-семантические поля (методика выявления адаптирована по [24]), реализующие концепты «двойственности» и «скрытости», описан риторический инструментарий критического дискурса (оксюморон, катахреза, апоретические вопросы, символическая деталь, модальность неопределенности), создающий эффект семантического напряжения, блокирующий плоскостную интерпретацию и вовлекающий читателя в активный процесс конструирования смысла. Критический метод Д. С. Мережковского осознается как экзистенциальное портретирование, которое предстает как метод деканонизации официальных образов через симптоматическое чтение биографических деталей и философскую интерпретацию частных фактов как манифестации универсальных экзистенциальных проблем.

Ключевые слова: *экзистенциальное портретирование, топология критического, лексико-семантическое поле, лингвориторический анализ, концептуальная структура, риторическая стратегия, созерцание и деяние, В. С. Соловьев, Д. С. Мережковский*

E. G. Lugovskaya, *E. K. Grudina*

EXISTENTIAL PORTRAITURE AS A CRITICAL METHOD: LINGUORHETORICAL ANALYSIS OF D.S. MEREZHKOVSKY'S ESSAY "THE SILENT PROPHET"

T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Pridnestrovie

Abstract. This article investigates the linguorhetorical model of the critical method employed by D.S. Merezhkovsky as realized in the collection "In Still Waters". Drawing upon the essay "The Silent Prophet", the study analyses the linguistic representation of V.S. Solovyov's personality. The article demonstrates that the critic uses a binary opposition "philosopher-contemplator" / "man-of-action" to construct the image of V.S. Solovyov as a figure representing an unattained synthesis between mystical contemplation and the active imperative of the era. The analysis establishes that the specificity of D.S. Merezhkovsky's rhetorical method is symbolically marked in the title of the collection, whilst the transformation of the phraseological unit "the reverse side of the coin" plays a crucial role in the hermeneutical strategy of Solovyov's portrayal, functioning as an epistemological metaphor for representing the invisible dimension of the philosopher's personality. The article identifies lexical-semantic fields structuring the concepts

of “duality” and “hiddenness”, and describes the rhetorical apparatus of critical discourse (oxymoron, catachresis, aporetic questions, symbolic detail, modality of indefiniteness), which generates an effect of semantic tension, blocking two-dimensional interpretation and engaging the reader in an active process of meaning-construction. D. S. Merezhkovsky’s critical method is perceived as existential portraiture – a method of decanonizing official representations through symptomatic reading of biographical details and philosophical interpretation of particular facts as manifestations of universal existential concerns.

Keywords: *existential portraiture, topology of the critical, lexical-semantic field, linguorhetorical analysis, conceptual structure, rhetorical strategy, contemplation and action, V. S. Solovyov, D. S. Merezhkovsky*

Введение. Исследователи критического творчества Д. С. Мережковского (см. например, [2], [5], [18], [25]), анализируя произведения разных лет, указывают на признаки идейной и творческой эволюции писателя. Так, А. А. Журавлева предлагает выделять следующие периоды: период зарождения и становления критической концепции русской классики Мережковского (1888–1895 гг.); «неохристианский», период прочтения классики как переход от искусства к религии (1896 г. – начало XX в.); новый виток исканий Мережковского, переживающего переход от созерцательности к действию (1900–1930-е гг.) [5].

Статья «Немой пророк» (1908) из сборника «В тихом омуте» (1896–1915 гг.), как и статья «Мистические хулиганы» (1908), в которой упоминается непосредственно *омут*, вынесенный в заголовок сборника, могут быть отнесены к периоду «психологической» критики, которая стремилась не к «отражению «красоты искусства», не к совместному поиску ответов на вечные вопросы, а к доминированию авторского «Я», «поиску своего в чужом», навязыванию собственных взглядов и «спутнику», и читателю [5].

Язык Д. С. Мережковского-критика представляет собой особый интерес в силу его редкой лингвистической плотности и философской насыщенности, когда каждый риторический прием становится не просто украшением, но инструментом герменевтического проникновения не столько в творчество выбранного им для критического осмысления автора, сколько в тайны его души. Как отмечает Н. Г. Коптелова, «в процессе своей критической деятельности русского периода Мережковский использовал многие индивидуально-авторские категории <…> «духовное раздвоение», «юродство», «чувство», «сознание», «ясновидение», «эстетическое созерцание», «пророческое действие», «молчание» и др. [8, с. 184].

Д. С. Мережковский предлагает новый тип критики: «Кроме научной критики, у которой есть пределы ... есть критика субъективная, психологическая, неисчерпаемая, беспредельная по существу своему, как сама жизнь, ибо каждый век, каждое поколение требует объяснения великих писателей прошлого в своем свете, в своем духе, под своим углом зрения» [15, с. 6]. Задачу такого критика автор видит в том, чтобы «найти неожиданное в знакомом, свое в чужом, новое в старом» [15, с. 6].

Образы русских писателей и философов в сборнике «В тихом омуте», в частности образ В. С. Соловьева, предстают не просто портретными зарисовками, но сложными концептуальными структурами, где личность выступает как амбивалентная конфигурация несовместимых экзистенциальных модусов. И если «литературно-критические статьи Мережковского, созданные в 1893–1894 гг., разноплановы в жанровом отношении и демонстрируют его эволюцию как литературного критика, расширение сферы его философских, религиозных и литературоведческих интересов» [18, с. 239], то «символический тезаурус Мережковского в 1900–1910-е гг. пополняется новыми концептами, содержание которых экзистенциально» [7, с. 10–11].

Целью настоящего исследования является реконструкция структуры экзистенциального портрета В. С. Соловьева в статье «Немой пророк» сборника Д. С. Мережковского «В тихом омуте». Для этого изучается топология (топологическое пространство) критического

текста как специфически организованная совокупность ее элементов, порождаемых определенной смысловой базой [11], и рассматриваются языковые механизмы генерации смысловых баз явленности / сокрытости и деятельностности / созерцательности, заданных критическим текстом, на основании анализа концептуально организованных лексических полей концептов «философ-созерцатель» и «человек-деятель».

Под экзистенциальным портретированием в данной работе понимается метод критического анализа, направленный на реконструкцию внутренней конфигурации экзистенциальных противоречий личности через симптоматическое чтение биографических деталей и философскую интерпретацию частных фактов.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования определяется необходимостью переосмысления методологии критического портретирования в модернизме, которая, несмотря на значительное количество работ о Д. С. Мережковском, остается недостаточно изученной с позиций лингвориторического анализа. Текст «Немого пророка» демонстрирует сложную архитектонику критического дискурса, где формальные приемы (риторические фигуры, синтаксические конструкции, фразеологические трансформации) становятся не просто украшением, но основными генераторами смысла. Исследование критического метода Д. С. Мережковского значимо для понимания не только эволюции русской литературной критики рубежа веков и ее отношения к проблеме аутентичности личности творца в контексте духовного кризиса эпохи, но и имманентного состояния вербализуемой критиком действительности.

Владимир Сергеевич Соловьев представляет собой уникальный феномен в системе русской культуры рубежа XIX–XX вв. Метадискурс литературоведения транслирует его образ как образ «*великого учителя*», определившего духовные траектории целого поколения символистов ([2], [4]), и одновременно с этим закрепляет парадоксальную двойственность соловьевского феномена, маркируя ее через лексемы неопределенности и раздвоения: *«еще не разгаданный и двоящийся перед нами»* [4, с. 103], *«сколько было в облике Соловьева неверного и двойственного!»* – Цит. по: [17, с. 261], *«человек небесного и земного происхождения»* [16, с. 522]. Эту незавершенность синтеза фиксирует В. В. Зеньковский: «Словесно Соловьеву удается всюду сводить концы с концами, но реальный синтез ему не удается» [6, с. 505–507]. В этом контексте критическая рецепция образа В. С. Соловьева Д. С. Мережковским вызывает особый интерес. Критик трансформирует разрыв между теорией и практикой в философии Владимира Сергеевича в риторическую стратегию – лингвориторический анализ текста позволяет предложить оригинальную интерпретативную модель образа философа, в основание которой положена бинарная оппозиция «созерцание» / «деяние» как концептуальная пара, актуализированная в общественном дискурсе начала XX в. в контексте идеологических дискуссий о революции и реформации: «Литература первой половины XX в. – отражение и познание новой цивилизации, первого кризиса реальности, когда человек, отрицая бытие, строит другой образ мира» [19, с. 68].

Материал и методы исследования. Исследование выполнено на материале статьи Д. С. Мережковского «Немой пророк» из сборника «В тихом омуте» (1908) [14] с использованием комплекса взаимодополняющих методов: концептуального анализа, анализа концептуально организованных лексических полей (методика выявления адаптирована по [24] для литературно-критического текста), риторического и герменевтического анализов. Актуальные текстологические исследования наследия В. С. Соловьева подтверждают продуктивность герменевтического подхода к публицистике рубежа веков [Ср.: 13], а применение комплексного методологического инструментария позволяет выявить многоуровневую структуру критического текста, где содержательные смыслы неотделимы от их языковой репрезентации.

Результаты исследования и их обсуждение.

Метафора «омута» как герменевтический код: от паремиологической семантики к топологии критического.

Название сборника «В тихом омуте» реализовано и функционирует как редуцированная форма поговорки *«в тихом омуте черти водятся»*, которая в системе народного сознания маркирует несоответствие между внешней спокойной поверхностью и скрытой глубиной, таящей опасность или тайну. Д. С. Мережковский использует эту паремию как структурирующий принцип всей дискурсивной организации сборника, генерируя эффект обманутого ожидания: читатель, настроенный на литературную критику, вместо критического разбора литературного творчества получает экзистенциальное портретирование самих литераторов.

В этом контексте особое внимание необходимо обратить на семантику лексемы «омут». Согласно словарю Д. Н. Ушакова, *омут* имеет два основных значения: (1) «водоворот на реке, образуемый встречным течением»; (2) «глубокая яма на дне реки или озера» [21, с. 405]. В тексте сборника сама эта лексема встречается только один раз в очерке «Мистические хулиганы», непосредственно после которого следует анализируемая статья о В. С. Соловьеве. Вот это упоминание: *«Рано или поздно эти два противоположные течения встретятся и сольются в одном бездонном омуте»* [14, с. 113] – как видим, Д. С. Мережковский синтезирует оба компонента семантической структуры интересующей нас лексемы, интерпретируя *омут* как пространство слияния противоположных течений. И в данном случае не столь важно, какие именно течения, по мнению критика, сольются, важно только то, что они суть антиномичны и что, несмотря на это (или даже благодаря этому), их соединение прогнозируется критиком в *омуте*.

В статье о В. С. Соловьеве критиком обозначены иные, нежели в «Мистических хулиганах», потоки – *«гностицизм и прагматизм, созерцательность и действенность – два вечно сталкивающиеся и борющиеся потока религиозной стихии»,* которые также *«в последнем пределе религиозное созерцание и религиозное действие сливаются в одно…»* [14, с. 123].

По наблюдению О. А. Ханзен-Леве, «в ранней лирике Мережковского раздвоенность или двойственная природа всех феноменов иногда получает положительную оценку – как выражение соединения противоположностей (предвосхищение мистического coincidentia oppositorum), а иногда – отрицательную, – как стирание границ между различными феноменами, функциями и качествами» [23, с. 49]; один и тот же комплекс символов может одновременно или попеременно считаться позитивным и негативным, что создает адинамичную ситуацию нерешительности, неспособности к действию и тотальной изоляции [23, с. 80]; «”мир иной” для Мережковского (и в целом для диаволики) познаваем и выразим лишь в категориях отрицания и инакости», «идентичность и самость диаволиста определяются лишь как отрицание отрицания, как инобытие иного – как недостижимый, или неудавшийся синтез» [23, с. 74]. Современные исследования продолжают фиксировать двойственность соловьевского наследия в литературной рецепции ([1], [9], [20]). Для нас же критически важно, что в такой конструкции ключевой операцией становится не механистическое соединение или нейтрализация различий, но порождение нового качества через динамическое взаимодействие антиномий. Так и глагол *сольются* указывает на преодоление исходной дихотомии и предсказывает синтез противоположностей, причем этот синтез не является синтезом *a priori*, а представляет собой результат во всех смыслах сложного процесса: *«до этого слияния предстоит им исчерпать все мыслимые противоречия»* [14, с. 123].

Семантика глагола *исчерпать* имплицирует полноту проживания раздвоения, тотальность прохождения через внутренний конфликт. В таком понимании *омут* символизирует необходимое условие духовного преображения, тогда *черти* как скрытые (неназванные,

непроявленные словом) демонические силы (в значении греческого *daimon* как внутренней движущей энергии) оказываются отнюдь не негативным, но продуктивным началом, своеобразными двигателями внутреннего развития.

Таким образом, трансформированная Д. С. Мережковским паремиологическая семантика *в тихом омуте черти водятся* может быть рассмотрена как база топологии критического, заданной на пространстве текста сборника «В тихом омуте», а смысловые базы явленности / сокрытости и деятельностности / созерцательности – как предбазы, конечные пересечения элементов которых образуют базу топологии критического.

Предбаза явленности / сокрытости и трансформация фразеологизма «обратная сторона медали»: от конвенциональной семантики к эпистемологической метафоре.

Особого внимания в контексте лингвориторического анализа критической статьи о В. С. Соловьеве заслуживает трансформация Д. С. Мережковским фразеологической единицы *«обратная сторона медали»*. Согласно словарю Д. Н. Ушакова, данный фразеологизм имеет конвенциональную семантику «другая, а именно *плохая*, сторона какого-н. дела» (акцент на оценочности) [21, с. 403]. Однако Мережковский трансформирует семантику идиомы, смещая акцент с оценочного компонента на эпистемологический: *«Чтобы дать выпуклый образ, надо обойти предмет, обнять его взглядом, увидеть обратную сторону медали. Лицевую сторону соловьевской медали видят все, обратную – никто»* [14, с. 116]. Трансформация фразеологизма опирается на предшествующее варьирование однокоренных лексем: «лицо», «безличный», «лицевой». Противопоставление «живого лица» (подлинной личности) «безличному совершенству» (панегирическому образу) подготавливает метафорический переход к «медали» как объекту с двумя сторонами – таким образом семантическое поле «лица» (видимость / сущность) становится основой для эпистемологической метафоры. В результате трансформация фразеологической единицы здесь выполняет функцию генерации имплицитного смысла, при этом Д. С. Мережковский элиминирует негативную коннотацию, сохраняя семантические компоненты «невидимости» и «дополнительности». *Обратная сторона медали* интерпретируется не как «худшая», но как *иная*, требующая перемещения наблюдателя из позиции фронтального восприятия в позицию объемного охвата, когда значима не сама деталь (сторона), но фон, на котором она была выделена.

В такой перспективе медаль предстает *трехмерным* объектом, обладающим двумя плоскими поверхностями и объединяющей их толщиной (ребром) – неустойчивым пограничным пространством, где еще не определено направление выбора между противоположными полюсами. Именно это промежуточное пространство становится локусом артикуляции концепта «двойственности»: В. С. Соловьев в дискурсе Мережковского предстает не как плоскостной портрет, но как объемный, пространственный субъект, в котором обе стороны одновременно присутствуют и взаимно конституируют друг друга.

Такая образная структура в дальнейшем развертывании портрета подтверждается серией оксюморонно-катахресических сопоставлений, выступающих элементами предбаз явленности / сокрытости и деятельностности / созерцательности.

Критик выбирает предельно контрастные фигуры: Иоанн Предтеча (аскетический провозвестник Христа) – Мармеладов (жалкий пьяница из романа Ф. М. Достоевского): *«Предтеча и Мармеладов, пророк и шут. Как соединить или разъединить эти два лица?»* [14, с. 120]. Невозможность ни рационального синтеза, ни аналитического расщепления, выраженная в форме риторического вопроса *«Как соединить или разъединить?»*, фиксирует апорию, указывая на парадоксальную природу описываемого субъекта (рисуемого портрета) В. С. Соловьева.

Парадоксальность актуализируется через систему антитетических пар, создающих семантическое напряжение: *пророк – шут, предтеча – Мармеладов, христианская святость –*

донкихотство, небесное – земное. *«В этом же лице […] черты Франциска Ассизского или Сергия Радонежского, образ рыцаря, который с лица стальной решетки ни перед кем не подымал, писателя, который скрывается за своими произведениями и его христианскую святость, смахивающую на донкихотство»* [14, с. 120]. Конструкция *«святость, смахивающая на донкихотство»* представляет собой катахрезу, т. к. в данном контексте терминологический аппарат религиозного дискурса («святость») замещается секулярным литературным концептом («донкихотство»), но фиксирует не логическое противоречие (как в оксюмороне), а семантическое смещение, сакрализующее литературный образ через соотнесение с религиозной категорией и расширяющее границы понятия «святости». Такая интерпретация отражает специфику восприятия донкихотства в русском культурном контексте рубежа веков – не столько как комического недостатка, сколько как формы юродства – бескорыстного, оторванного от реальности служения идеалу (Ср.: [3], [22]).

Использование этих приемов обеспечивает реализацию ключевой риторической стратегии критического дискурса Мережковского: не последовательное перечисление альтернативных характеристик портрета, но симультанное наложение несовместимых образов, создающее эффект семантической интерференции.

Концепт скрытости (тайности) реализуется через семантическое поле тайны, маски, невидимого: *скрывается за произведениями, стальная решетка на лице, подполье и чертовщина, невидимая сторона медали, то, что не показывают публично*. Критик эксплицирует эту неявленность через антитезу внешней текстовой упорядоченности и внутренней биографической хаотичности. Визуализация первого полюса достигается с помощью катахресического сдвига: *«В произведениях все стройно, ясно, гладко, даже слишком гладко, выглажено, вылощено»* [14, с. 118]. Семантическое накопление синонимичных адъективов с семой *‘гладкость’* (*стройно, ясно, гладко, выглажено, вылощено*) создает эффект избыточности, в результате чего положительная форма слова замещается отрицательной оценкой содержания, в синонимическом ряду возникает эффект катахрезы – семантическое смещение, маркирующее искусственность, неаутентичность публичного образа В. С. Соловьева, когда его подлинная личность словно остается за пределами текстового пространства его философских произведений.

Концептуально организованные лексические поля «философ-созерцатель» и «человек-деятель».

Ключевыми элементами базы (*омута*) топологии критического и узловыми компонентами модели портрета В. С. Соловьева в «Немом пророке» выступают концепты *философ-созерцатель* и *человек-деятель*. Для описания концептуальной архитектоники портрета нами используется понятие концептуально организованного лексического поля. В дальнейшем для краткости мы будем использовать устоявшийся термин *лексико-семантическое поле* концепта (далее – ЛСП), подразумевая указанную модификацию (методика адаптирована по [24] для нехудожественного текста).

ЛСП *«философ-созерцатель»* представлено лексемами и словосочетаниями, актуализирующими концепт «скрытости»: *созерцание* (философское, мистическое), *погруженность в идеальное*, *безумная влюбленность в прошлое* (как уже недоступное), *розовый башмачок* (символ фиксации на невозвратимом), *подполье, тайна, внутренний мир, недоступный внешнему наблюдению*.

Эпизод с розовым башмачком ребенка Софьи Петровны Хитрово, к которой философ питал платоническое чувство: «*Ни на миг не расставаясь с ним, Соловьев проявлял безумную влюбленность в прошлое*» [14, с. 121], представляет этот вполне прозаический предмет как артефакт, который становится символическим медиатором созерцательного отношения к бытию. Происходит замещение действенного участия в настоящем фиксацией на застывшем образе прошлого, замещение реального взаимодействия мистическим переживанием символа, *бесплотный символ вместо реального воплощения*.

Противопоставляя концепту *«философ-созерцатель»* концепт *«человек-деятель»*, Д. С. Мережковский снова использует катахресическую формализацию: *«Стихия революционная чужда ему навеки и безнадежно, если не как человеку-деятелю, то как философу-созерцателю»* [14, с. 122].

Синтаксическая конструкция *«если не… то»* требует трансформационного анализа.

Восстановим логические посылки: Стихия революции чужда Соловьеву – универсальное суждение. ≈ Как человеку-деятелю Соловьеву чужда революционная стихия. ≈ Как философу-созерцателю Соловьеву чужда революционная стихия. ≡ Стихия революции чужда Соловьеву даже как человеку-деятелю – не то что как философу-созерцателю.

Конструкция имплицирует, что созерцательная ипостась является доминантной, определяющей сущностную природу Соловьева, тогда как деятельная – вторичной, навязанной и в каком-то смысле ненастоящей, неестественной (потому что как человеку-деятелю может быть чужда революционная стихия? – это и есть катахресическая формализация).

Неестественность образа В. С. Соловьева возникает на пересечении смыслов внешней роли активного преобразователя и внутренней интенции созерцательного погружения в идеальное. К полю концепта *человек-деятель* отнесем лексемы *реформатор, общественная активность, философская система* (как организационно-воздействующая структура), *гладкость и вылощенность произведений* (как маска), *видимая сторона*. ЛСП *«человека-деятеля»*, таким образом, обнаруживает, что для В. С. Соловьева деятельность оказывается только ролью, маской, за которой скрывается истинное лицо созерцателя.

Но не настолько все просто – именно на этом моменте возникает семантическая амбивалентность, требующая уточнения. *Розовый башмачок* как материальный артефакт, предметно-реальная вещь функционирует не только как символ созерцания, но и как точка возвращения в реальность из созерцания – к живому человеческому чувствованию, от размышления к жизни, к деятельностному модусу существования. Эта двойная функциональность артефакта маркирует сложность экзистенциальной конфигурации образа В. С. Соловьева и указывает на неустойчивое пограничное состояние ребра медали «немой пророк».

Риторический инструментарий критического дискурса Д. С. Мережковского.

На лингвориторическом уровне можно выявить систему приемов, направленных на генерацию семантической неоднозначности и амбивалентности.

Во-первых, использование антитезы как текстообразующего структурного принципа: противопоставление «гладкости» философских текстов и «чертовщины» скрытого подполья, «стройности» системы и «жуткости» смеха – антитеза маркирует разрыв между поверхностью и глубиной, между явленным и латентным. При этом портрет остается объемной структурой, не плоскостным изображением философа и учителя.

Во-вторых, оксюморонные сочетания и катахреза (*Предтеча и Мармеладов, пророк и шут, святость, смахивающая на донкихотство*), проанализированные выше, создают семантическое напряжение, блокируя возможность однозначной категоризации объекта.

В-третьих, апоретические вопросы: *«Как соединить или разъединить эти два лица?»* – риторический вопрос, не предполагающий ответа, но фиксирующий апорию, невозможность рационального разрешения, которые, не предлагая готового решения, приглашают читателя к совместному размышлению и тем самым маркируют эпистемологические границы дискурса.

Катахресическое как сознательно «неправильное» употребление слова, создающее семантическое несоответствие без полного логического противоречия (в отличие от оксюморона), за счет переноса значения из одной концептуальной сферы в другую, в критическом дискурсе Д. С. Мережковского представляет собой гибридную фигуру, где доминирует логос (через аналитическую функцию), но присутствует и этос (через демонстрацию риторического мастерства).

Оксюморон, в свою очередь, – это прежде всего инструмент пафоса (через парадоксальность и эффект обманутого ожидания), как и апоретические построения, используемые для имплицитной аргументации и эмоционального воздействия на читателя. Однако форма апоретического вопроса как псевдовопроса, содержащего скрытый тезис, реализует логос, как и прием антитезы, а оксюморон и катахреза выступают маркерами уникальности авторской позиции (этос). Модальность неопределенности как маркер эпистемической скромности (этос) влияет на содержательную репрезентацию антитетических построений (пафос), рождая еле узнаваемую иронию: риторический пафос усиливается систематическим использованием модальных слов: *кажется, по-видимому, что-то, какое-то* – эта модальность создает атмосферу тайны, маркируя эпистемологическую недостижимость полного знания о В. С. Соловьеве.

И в-четвертых, использование Д. С. Мережковским символической детали: *розовый башмачок, стальная решетка на лице рыцаря, жуткий смех* – эти образы функционируют как полисемантические символы, концентрирующие смыслы, невыразимые дискурсивно. Все эти смыслы генерируют поле ассоциаций, внутри которого формируется этос и пафос критического очерка о В. С. Соловьеве, но сам объект описания и узнавания все равно не поддается целостной концептуализации.

Экзистенциальное портретирование как критический метод: герменевтические операции.

Критический метод Д. С. Мережковского в статье «Немой пророк» можно охарактеризовать как **экзистенциальное портретирование** – своеобразный синтез биографизма, психологической интерпретации и философской герменевтики, когда критика не ограничивается описанием внешних фактов жизни, но и не претендует на систематическую экспликацию философии предмета описания. Объектом портретирования у Д. С. Мережковского выступает экзистенциальная конфигурация личности, эксплицирующая способ, каким человек существует в мире, разрешая или не разрешая фундаментальные противоречия своего бытия.

Обозначим основные герменевтические операции критического метода Д. С. Мережковского

1. Деканонизация – элиминация официального образа, созданного последователями. Отказ принимать «благоговейные панегирики» как адекватную репрезентацию личности.

2. Симптоматическое чтение – выявление в биографических деталях (*смех, башмачок, манера*) симптомов глубинного конфликта. Данный метод, восходящий к практике «симптомального чтения» (lecture symptomale) Л. Альтюссера и П. Машере [Ср.: 10], позволяет обнаружить в тексте то, что автор не говорит явно, но что проявляется через «симптомы» – повторяющиеся образы, риторические сбои, семантические напряжения.

3. Концептуальное структурирование – организация материала вокруг бинарных оппозиций (созерцатель / деятель, скрытое / явное), функционирующих как концептуальные оси.

4. Философская интерпретация – возведение частных фактов к универсальным экзистенциальным проблемам (созерцание / действие, аутентичность существования, трагедия невысказанного).

Как видим, содержательно герменевтические операции коррелируют с выделенными смысловыми базами в топологии критического Д. С. Мережковского – портрет В. С. Соловьева не реконструкция, но *интерпретация*, обусловленная собственными философско-религиозными исканиями критика. Таким образом, категория экзистенциального выбора, актуализированная в литературе рубежа веков, становится ключом к пониманию текстов эпохи различной жанровой природы – герменевтический анализ позволяет выявлять проявления этой категории как в художественной прозе, так и в критической публицистике [Ср.: 12].

Выводы. Анализ статьи Д. С. Мережковского «Немой пророк» демонстрирует, что экзистенциальное портретирование В. С. Соловьева организовано топологией критического как особым образом организованной совокупностью элементов, порождаемых смысловой базой *омута*.

Омут выступает как сложная семантическая система, структурированная через взаимодействие разноуровневых концептов «двойственности» и «скрытости», которые реализуются посредством двух концептуально организованных лексических полей – *«философ-созерцатель»* (связанного с латентной, тайной стороной личности) и *«человек-деятель»* (связанного с публичным, неаутентичным образом).

Д. С. Мережковский в критическом дискурсе «Немого пророка» развивает эту интуицию, конструируя образ философа как воплощение фундаментального противоречия между созерцательной природой и деятельностным императивом эпохи – «немота» пророка возникает не от отсутствия слов, но от невозможности быть услышанным, от расщепления собственного существования между идеальным миром созерцания и историческими требованиями действия.

Ключом к пониманию герменевтической стратегии Д. С. Мережковского и его критического метода служит трансформация фразеологизма *«обратная сторона медали»* и риторический инструментарий критика: оксюморон и катахреза, апоретический вопрос, антитеза, символическая деталь, модальность неопределенности – все это создает эффект семантического напряжения, блокирующий возможность однозначной (плоскостной) интерпретации и вовлекающий читателя в активный процесс конструирования смысла.

Таким образом, экзистенциальное портретирование как критический метод направлено на деканонизацию официальных образов через симптоматическое чтение биографических деталей как знаков глубинного конфликта и философскую интерпретацию частных фактов как манифестаций универсальных экзистенциальных проблем. Такая методология Д. С. Мережковского предвосхищает позднейшие герменевтические и психоаналитические подходы к анализу личности в литературе и становится прообразом критических практик, где язык и риторика рассматриваются как основные генераторы смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдейчик Л. Л.* Образ Владимира Соловьева в русской литературе XX–XXI веков // Соловьевские исследования. – 2019. – № 2. – С. 39–52.

2. *Александрова Т. А.* Н. В. Гоголь в критической прозе Д. С. Мережковского : дис. … канд. филол. наук : 10.01.01. – Харьков, 2005. – 178 с.

3. *Багно В. Е.* «Дон Кихот» в России и русское донкихотство. – СПб. : Наука, 2009. – 228 с.

4. *Блок А. А.* Рыцарь-монах // О Владимире Соловьеве. Сборник первый. – М. : Путь, 1911. – С. 103–115.

5. *Журавлева А. А.* Эволюция литературно-критической концепции русской классики у Д. С. Мережковского : дис. … канд. филол. наук : 10.01.01. – Магнитогорск, 2009. – 176 с.

6. *Зеньковский В. В.* История русской философии. – М. : Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с. – (Summa).

7. *Кабакова Е. Г.* Динамика текстопорождения в критике Д. С. Мережковского : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.01.01. – Екатеринбург, 2001. – 24 с.

8. *Коптелова Н. Г.* Категория «Молчания» в литературной критике Д. С. Мережковского 1900–1910 годов // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – № 1(27). – С. 184–189.

9. *Кошемчук Т. А.* Добро и зло в поэзии А. Фета и этический идеал В. Соловьева // Соловьевские исследования. – 2025. – Вып. 4(88). – С. 108–121.

10. *Кугай А. И.* Влияние психоанализа на формирование концепции «символического капитала» и «габитуса» Пьера Бурдье [Электронный ресурс] // Publishing house «Sreda». – DOI 10.31483/r-105225. – URL : https://phsreda.com/e-articles/10466/Action10466-105225.pdf (дата обращения: 01.12.2025). – Содержит краткое изложение метода «симптомального чтения» Л. Альтюссера и П. Машере в контексте социологической теории П. Бурдье.

11. *Луговская Е. Г.* Топология лирического в синергетике текста Н. Гумилева «Жираф» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2024. – № 4(125). – С. 78–89. – DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.010.

12. *Луговская Е. Г., Грудина Е. К.* Проблема экзистенциального выбора как основание рецепции притчи о блудном сыне в рассказе Л. Андреева «В темную даль» // Вестник Приднестровского университета. – 2023. – № 1(79). – С. 27–35.

13. *Межуев Б. В.* К текстологии «Воскресных писем». Из неизданного и несобранного наследия Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. – 2025. – Вып. 4(88). – С. 6–28.

14. *Мережковский Д. С.* В тихом омуте: статьи и исследования разных лет. – М. : Советский писатель, 1991. – 496 с.

15. *Мережковский Д. С.* Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. – СПб. : Наука, 2007. – 902 с.

16. *Мережковский Д. С.* Собрание сочинений. Юдаизм. Статьи и очерки 1898–1901 гг. / под общ. ред. А. Н. Николюкина; сост. А. Н. Николюкина, П. П. Апрышко, О. В. Быстровой; коммент. О. В. Быстровой. – М. : Республика ; СПб. : Росток, 2009. – 845 с.

17. *Мочульский К. В.* Владимир Соловьев: жизнь и учение. – Париж : YMCA-Press, 1951. – 268 с.

18. *Муртузалиева Е. А.* Литературно-критические работы Д. С. Мережковского 1893–1894 годов: жанр, типология, своеобразие // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 3-2(81). – С. 235–240.

19. *Рыбальченко Т. Л.* История литературы XX века как история литературных течений // Вестник Томского государственного университета. – 1999. – № 268. – С. 68–73. – DOI 10.17223/15617793/268/11.

20. *Титаренко С. Д.* «Духи глаз»: визуальная природа образов-понятий в творчестве В. Соловьева и поэтов-символистов Вяч. Иванова и А. Блока // Соловьевские исследования. – 2025. – Вып. 4(88). – С. 166–183.

21. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. – Т. 2 : Л–Ояловеть. – 1040 стб.

22. *Тургенев И. С.* Гамлет и Дон-Кихот // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. – М. ; Л., 1978–1986. – Т. 4. – С. 330–345.

23. *Ханзен-Леве О. А.* Русский символизм: система поэтических мотивов. Ранний символизм / пер. с нем. М. Ю. Некрасова. – СПб. : Академический проект, 2003. – 512 с.

24. *Чурилина Л. Н.* Лексическая структура текста как ключ к реконструкции индивидуальной картины мира // Изменяющийся языковой мир: материалы междунар. науч. конф. – Пермь, 2001. – С. 103–105.

25. *Шабаршина В. В.* Своеобразие литературной критики Д. С. Мережковского конца XIX начала XX веков : дис. … канд. филол. наук : 10.01.01. – М., 2005. – 171 с.

Статья поступила в редакцию 22.12.2025

REFERENCES

1. Avdejchik L. L. Obraz Vladimira Solov'eva v russkoj literature XX–XXI vekov // Solov'evskie issledovaniya. – 2019. – № 2. – S. 39–52.

2. Aleksandrova T. A. N. V. Gogol' v kriticheskoj proze D. S. Merezhkovskogo : dis. … kand. filol. nauk : 10.01.01. – Har'kov, 2005. – 178 s.

3. Bagno V. E. «Don Kihot» v Rossii i russkoe donkihotstvo. – SPb. : Nauka, 2009. – 228 s.

4. Blok A. A. Rycar'-monah // O Vladimire Solov'eve. Sbornik pervyj. – M. : Put', 1911. – S. 103–115.

5. Zhuravleva A. A. Evolyuciya literaturno-kriticheskoj koncepcii russkoj klassiki u D. S. Merezhkovskogo : dis. … kand. filol. nauk : 10.01.01. – Magnitogorsk, 2009. – 176 s.

6. Zen'kovskij V. V. Istoriya russkoj filosofii. – M. : Akademicheskij Proekt, Raritet, 2001. – 880 s. – (Summa).

7. Kabakova E. G. Dinamika tekstoporozhdeniya v kritike D. S. Merezhkovskogo : avtoref. dis. … kand. filol. nauk : 10.01.01. – Ekaterinburg, 2001. – 24 s.

8. Koptelova N. G. Kategoriya «Molchaniya» v literaturnoj kritike D. S. Merezhkovskogo 1900–1910 godov // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 1(27). – S. 184–189.

9. Koshemchuk T. A. Dobro i zlo v poezii A. Feta i eticheskij ideal V. Solov'eva // Solov'evskie issledovaniya. – 2025. – Vyp. 4(88). – S. 108–121.

10. Kugaj A. I. Vliyanie psihoanaliza na formirovanie koncepcii «simvolicheskogo kapitala» i «gabitusa» P'era Burd'e [Elektronnyj resurs] // Publishing house «Sreda». – DOI 10.31483/r-105225. – URL : https://phsreda.com/e-articles/10466/Action10466-105225.pdf (data obrashcheniya: 01.12.2025). – Soderzhit kratkoe izlozhenie metoda «simptomal'nogo chteniya» L. Al'tyussera i P. Mashere v kontekste sociologicheskoj teorii P. Burd'e.

11. Lugovskaya E. G. Topologiya liricheskogo v sinergetike teksta N. Gumileva «Zhiraf» // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2024. – № 4(125). – S. 78–89. – DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.010.

12. Lugovskaya E. G., Grudina E. K. Problema ekzistencial'nogo vybora kak osnovanie recepcii pritchi o bludnom syne v rasskaze L. Andreeva «V temnuyu dal'» // Vestnik Pridnestrovskogo universiteta. – 2023. – № 1(79). – S. 27–35.

13. Mezhuev B. V. K tekstologii «Voskresnyh pisem». Iz neizdannogo i nesobrannogo naslediya Vl. Solov'eva // Solov'evskie issledovaniya. – 2025. – Vyp. 4(88). – S. 6–28.

14. Merezhkovskij D. S. V tihom omute: stat'i i issledovaniya raznyh let. – M. : Sovetskij pisatel', 1991. – 496 s.

15. Merezhkovskij D. S. Vechnye sputniki. Portrety iz vsemirnoj literatury. – SPb. : Nauka, 2007. – 902 s.

16. Merezhkovskij D. S. Sobranie sochinenij. Yudaizm. Stat'i i ocherki 1898–1901 gg. / pod obshch. red. A. N. Nikolyukina; sost. A. N. Nikolyukina, P. P. Apryshko, O. V. Bystrovoj; komment. O. V. Bystrovoj. – M. : Respublika ; SPb. : Rostok, 2009. – 845 s.

17. Mochul'skij K. V. Vladimir Solov'ev: zhizn' i uchenie. – Parizh : YMCA-Press, 1951. – 268 s.

18. Murtuzalieva E. A. Literaturno-kriticheskie raboty D. S. Merezhkovskogo 1893–1894 godov: zhanr, tipologiya, svoeobrazie // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2018. – № 3-2(81). – S. 235–240.

19. Rybal'chenko T. L. Istoriya literatury XX veka kak istoriya literaturnyh techenij // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 1999. – № 268. – S. 68–73. – DOI 10.17223/15617793/268/11.

20. Titarenko S. D. «Duhi glaz»: vizual'naya priroda obrazov-ponyatij v tvorchestve V. Solov'eva i poetov-simvolistov Vyach. Ivanova i A. Bloka // Solov'evskie issledovaniya. – 2025. – Vyp. 4(88). – S. 166–183.

21. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / gl. red. B. M. Volin, D. N. Ushakov; sost. V. V. Vino-gradov, G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov, B. V. Tomashevskij, D. N. Ushakov; pod red. D. N. Ushakova. – M. : Gos. izd-vo inostr. i nac. slov., 1938. – T. 2 : L–Oyalovet'. – 1040 stb.

22. Turgenev I. S. Gamlet i Don-Kihot // Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. – M. ; L., 1978–1986. – T. 4. – S. 330–345.

23. Hanzen-Leve O. A. Russkij simvolizm: sistema poeticheskih motivov. Rannij simvolizm / per. s nem. M. Yu. Nekrasova. – SPb. : Akademicheskij proekt, 2003. – 512 s.

24. Churilina L. N. Leksicheskaya struktura teksta kak klyuch k rekonstrukcii individual'noj kartiny mira // Izmenyayushchijsya yazykovoj mir: materialy mezhdunar. nauch. konf. – Perm', 2001. – S. 103–105.

25. Shabarshina V. V. Svoeobrazie literaturnoj kritiki D. S. Merezhkovskogo konca XIX nachala XX vekov : dis. … kand. filol. nauk : 10.01.01. – M., 2005. – 171 s.

The article was contributed on December 22, 2025

Сведения об авторах

Луговская Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровье, https://orcid.org/0000-0001-7348-2248, lugowska@spsu.ru

Грудина Екатерина Константиновна – магистрант второго года обучения направления «Филология» Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровье, kateprudina352@mail.ru

Author Information

Lugovskaya, Elena Grigoryevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Philology, T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Pridnestrovie, https://orcid.org/0000-0001-7348-2248, lugowska@spsu.ru

Grudina, Ekaterina Konstantinovna – Second-year Master's Student in Philology, T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Pridnestrovie, kateprudina352@mail.ru

УДК 004.43+81’42 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.018

Т. Ю. Мкртчян, Ж. В. Макарова

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКИХ И ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ЯЗЫКОВ ПРОГРАММИРОВАНИЯ

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу семи языков программирования – Fortran, ALGOL, C, Assembly, Python, Ruby и Brainfuck – с точки зрения их структурных и статистических характеристик. Исследование ориентировано на лексическое разнообразие, энтропию Шеннона и типологические различия формальных языковых систем. В работе рассматриваются синтаксические особенности программного кода, распределение и вариативность токенов, а также уровень формальной сложности, характерный для каждого из анализируемых языков. Такой подход позволяет проследить, каким образом различия в устройстве языков отражаются на способах построения и восприятия программного текста. Особое внимание уделяется сопоставлению уровня абстракции языка с его статистическими показателями, которые могут быть интерпретированы как косвенный индикатор когнитивной нагрузки при чтении и понимании кода. Проведенный анализ показывает, что высокоуровневые языки, как правило, демонстрируют более широкое лексическое разнообразие и повышенные значения энтропии, тогда как минималистичные языковые системы опираются на ограниченный набор элементов при жестко заданной структуре. В целом результаты подтверждают продуктивность методов цифровой лингвистики при изучении искусственных и формальных языков и указывают на возможность их дальнейшего использования в междисциплинарных исследованиях.

Ключевые слова: *языки программирования, искусственные языки, лексическое разнообразие, энтропия Шеннона, типология языков, цифровая лингвистика, формальные языки*

T. Yu. Mkrtchyan, Zh. V. Makarova

COMPARATIVE ANALYSIS OF STATISTICAL AND TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PROGRAMMING LANGUAGES

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article presents a comparative analysis of seven programming languages – *Fortran, ALGOL, C, Assembly, Python, Ruby* and *Brainfuck* – focusing on their structural and statistical characteristics. The study examines lexical diversity, Shannon entropy, and typological differences within formal language systems. Particular attention is paid to the syntactic organisation of program code, the distribution and variability of tokens, and the degree of formal complexity specific to each language under consideration. This approach makes it possible to trace how differences in language design influence the construction and interpretation of program texts. Special emphasis is placed on the relationship between the level of language abstraction and its statistical parameters, which may be interpreted as an indirect indicator of cognitive load during code reading and comprehension. The analysis shows that high-level languages tend to exhibit greater lexical variability and higher entropy values, whereas minimalist languages rely on a limited set of elements combined with a rigid structural framework. Overall, the results confirm the applicability of digital linguistics methods to the analysis of artificial and formal languages and point to prospects for further interdisciplinary research.

Keywords: *programming languages, artificial languages, lexical diversity, Shannon entropy, language typology, digital linguistics, formal languages*

Введение. Современная лингвистика все активнее обращается к формальным языкам, рассматривая их не только как инструмент программирования, но и как полноценный объект филологического анализа. Это вызвано расширением представлений о языке как о системе знаков, которая функционирует в разнообразных условиях и выполняет как когнитивные, так и коммуникативные задачи. Особое внимание уделяется языкам программирования: они строго формализованы, постоянно находятся в развитии, имеют собственные лексические и грамматические правила, а самое главное – имеют широкий спектр решения задач, от лаконичных систем символов до развернутых конструкций, подобных тем, что может создать человек.

Сопоставительные исследования языков программирования позволяют выявлять типологические различия между ними, прослеживать эволюцию языкового формализма и устанавливать взаимосвязи между грамматическими принципами, парадигмами программирования и статистическими характеристиками кода. Применение количественных методов – таких как анализ токенов, оценка лексического разнообразия и вычисление энтропии – обеспечивает объективное сравнение языковых систем, опирающееся на корпусные данные. Подобный подход соответствует общему вектору современной цифровой лингвистики, где традиционные методы исследования дополняются вычислительными и статистическими инструментами.

Цель настоящего исследования – провести сопоставительный анализ семи языков программирования (Fortran, ALGOL, C, Assembly, Python, Ruby и Brainfuck) на основе корпусных данных и набора количественных метрик. Рассматриваемые в работе языки представляют разные исторические периоды, парадигмы и уровни абстракции, что делает их совместное изучение методологически плодотворным. Анализ строится на исследовании трех ключевых параметров: общего количества токенов, числа уникальных токенов и энтропии. Эти метрики отражают степень разнообразия, сложность и структурную плотность текстов программ, что позволяет рассматривать языки программирования в терминах, привычных для исследований естественных языков.

В настоящей работе языки программирования изучаются в хронологической последовательности их появления и охватывают различные этапы развития формальных языковых систем. Ранние языки Fortran (1950-е гг.) и ALGOL (конец 1950-х – 1960-е гг.), сформировавшиеся в период становления вычислительной техники, характеризуются стремлением к формализации и строгой структурированности синтаксиса. Языки C и Assembly, активно используемые с 1970-х гг., отражают этап сближения абстрактных языковых конструкций с архитектурой вычислительных машин и демонстрируют повышенную синтаксическую плотность. Высокоуровневые языки Python и Ruby, появившиеся во второй половине 1990-х гг., ориентированы на читаемость и выразительность, что находит отражение в их лексическом разнообразии. Минималистичный язык Brainfuck, созданный в 1990-е гг. как экспериментальная система, представляет крайний полюс формализации с ограниченным набором лексических элементов. Распределение языков по историческим периодам позволяет соотнести динамику лексического разнообразия и энтропийных характеристик с эволюцией принципов проектирования языков программирования.

Научная новизна работы заключается в интеграции лексико-статистического подхода в сопоставительное исследование языков программирования, причем на материале, включающем как классические, так и современные, а также минималистические и эзотерические языки. Такая комбинация предоставляет возможность выявить общие закономерности и специфические черты их организации, а также продемонстрировать связь между степенью формализации языка и его статистическим профилем.

Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на природу формальных языковых систем и их функциональное разнообразие. Исследование ориентировано

на междисциплинарный диалог между компьютерной лингвистикой, цифровой филологией и теорией языков программирования и может быть использовано как в академической практике, так и в дальнейшем развитии корпусных подходов к формальному языку.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена устойчивым интересом современной лингвистики к искусственным языкам как особому классу знаковых систем, создаваемых в результате целенаправленного конструирования. В отечественной научной традиции искусственные языки рассматриваются как самостоятельный объект лингвистического анализа, позволяющий моделировать языковые структуры и выявлять фундаментальные свойства языка вне рамок естественной языковой эволюции [2, с. 15–22].

Исследователи подчеркивают, что ключевой характеристикой искусственных языков является их проектируемый характер, предполагающий сознательный отбор и комбинирование языковых элементов. Так, А. С. Зернова и Т. С. Маркова указывают, что использование окказиональных и нестандартных языковых средств выступает важным механизмом формирования искусственно придуманных языков, обеспечивая экспериментирование с формой и функцией языковой системы [1, с. 94–95]. Данный тезис применим и к языкам программирования, в которых лексический состав и синтаксические конструкции формируются искусственно и подчинены заранее заданным принципам.

В ряде отечественных работ искусственные языки анализируются с философских, семиотических и типологических позиций, что позволяет рассматривать их как особый вид формализованных коммуникативных систем ([3, с. 113–118], [4, с. 67–69], [11, с. 456–458]). Вместе с тем языки программирования в подобных исследованиях, как правило, остаются на периферии внимания или же изучаются преимущественно в прикладном / техническом аспекте, без обращения к их лингвистическим характеристикам.

Между тем сопоставительный анализ языков программирования на основе количественных показателей открывает дополнительные возможности для выявления их структурных и типологических различий. Применение статистических методов, заимствованных из корпусной лингвистики и теории информации, позволяет анализировать такие параметры, как лексическое разнообразие и распределение элементов кода, соотнося их с уровнем формализации и абстракции языковой системы. Зарубежные исследования демонстрируют продуктивность подобного подхода при анализе искусственных и формальных языков, в том числе в контексте их эволюции и минимализма ([5, с. 1–12], [6, с. 421–425]).

Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется необходимостью комплексного сопоставительного анализа языков программирования как разновидности искусственных языков, основанного на сочетании лингвистической теории и количественных методов. Подобный подход позволяет расширить представления о типологическом разнообразии искусственных языков и интегрировать языки программирования в поле сравнительно-сопоставительной лингвистики.

Материал и методы исследования. Для проведения сопоставительного анализа семи искусственных языков программирования – Fortran, ALGOL, C, Assembly, Python, Ruby и Brainfuck – сформирован корпус из открытых и проверенных примеров кода. Каждый язык представлен пятью типовыми программами, охватывающими базовые конструкции, арифметические функции, циклы и массивы, алгоритмы сортировки и операции с файлами. Такой отбор обеспечивает возможность корректного количественного сравнения языков по уровню синтаксической плотности, лексическому разнообразию и распределению токенов ([10, с. 2–5], [7, с. 47]).

Метаданные о языках и примерах кода собраны из официальной документации, учебных репозиториев, специализированных ресурсов и энциклопедий, включая Rosetta Code, GitHub, официальные сайты языков и страницы Esolang Wiki для Brainfuck. Для каждого

языка фиксировались год создания, автор, парадигма, тип, список ключевых слов, краткое описание и ссылка на источник. Примеры кода также документированы: идентификатор, тип примера, источник и длина текста в символах. Такая организация данных обеспечивает воспроизводимость исследования и прозрачность аналитических процедур [12, с. 12].

Для обработки и анализа корпуса использованы инструменты цифровой лингвистики и вычислительные методы. Основным инструментом был Python 3.13 с библиотеками pandas, Pygments, collections, radon и math, позволяющими токенизировать код, вычислять частоты токенов и оценивать структурное разнообразие через энтропию Шеннона ([6, с. 427–429], [5, с. 5]). Токенизация с помощью Pygments обеспечивала корректное разделение программ на ключевые слова, идентификаторы, литералы, операторы и символы, что позволило сопоставлять различные языки на единой метрической основе. Для языков без готового лексера, например, некоторых вариаций Assembly, применен fallback-режим с использованием базового текстового лексера.

В качестве ключевой метрики при анализе использована энтропия Шеннона, оценивающая структурное и лексическое разнообразие кода. Высокие значения энтропии указывали на богатство синтаксических конструкций, низкие – на минимализм или строгие ограничения языка, что особенно характерно для Brainfuck ([8, с. 135], [13, с. 5]). Результаты анализа сохранялись в формате JSON для последующего экспорта и визуализации, что позволяет строить графовые модели и выполнять сопоставительные исследования языков на уровне токенов и конструкций.

Все данные и скрипты организованы в едином репозитории с каталогами для метаданных, примеров кода и аналитических скриптов. Такая структура позволяет гарантировать воспроизводимость результатов, автоматизировать процедуру анализа и масштабировать исследование на дополнительные языки в будущем [14, с. 73].

Результаты исследования и их обсуждение. Сопоставительный анализ семи языков программирования показал заметные различия в синтаксической плотности и лексическом разнообразии, что отражает их функциональные и когнитивные особенности. Наибольший объем кода и высокую вариативность токенов продемонстрировали языки Fortran, C и Ruby, в то время как минималистичные языки, такие как Brainfuck, характеризуются ограниченным набором токенов и низкой энтропией ([7, с. 47–48], [13, с. 6]).

Наглядное сопоставление исследуемых языков программирования по ключевым количественным параметрам представлено в таблице 1. В ней приведены сводные статистические характеристики корпуса, представлены значения общего числа токенов (N), числа уникальных токенов (V) и энтропии Шеннона (H), рассчитанные для каждого языка на основе единой методики токенизации и анализа.

Таблица 1 – Статистические характеристики корпуса по языкам программирования

	Fortran	**ALGOL**	**C**	**Assembly**	**Python**	**Ruby**	**Brainfuck**
Общее количество токенов (N)	265	263	301	156	138	264	215
Число уникальных токенов (V)	70	56	72	50	53	62	7
Энтропия Шеннона (H)	5,28	5,23	5,46	4,85	5,04	5,18	1,92

Показатели таблицы 1 получены по объединенному корпусу каждого языка, включающему пять типовых программ. Значения N и V отражают объем токенизированного кода и уровень его лексического разнообразия, тогда как энтропия Шеннона (H) характеризует общую структурную вариативность программного текста. Сопоставление данных показывает, что языки с развитым и формально насыщенным синтаксисом (Fortran, ALGOL, C) демонстрируют наиболее высокие значения энтропии. Высокоуровневые языки Python и Ruby достигают сопоставимых показателей вариативности при меньшем

объеме кода. Минималистичные системы, такие как Brainfuck, напротив, характеризуются резким снижением числа уникальных токенов и энтропии, что связано с жесткими ограничениями их формальной структуры.

Детальный анализ различий между языками программирования на уровне элементарных единиц программного текста и десять наиболее частотных токенов каждого языка представлены в таблице 2. Она наглядно демонстрирует, какие синтаксические элементы доминируют в коде и за счет каких компонентов формируются различия, выявленные при анализе агрегированных статистических показателей.

Таблица 2 – Частотный рейтинг токенов (топ-10) в корпусах исследуемых языков программирования

Язык	Топ-10 токенов (токен:частота)
Fortran	(:22,):22, ":20, =:17, end:12, i:12, program:10, n:10, :::9, integer:8
ALGOL	;:20, ::19, =:18, i:17, (:12, 1:12, ":9,):8, n:7, b:6
C	;:24, (:17,):17, ":13, """:12, int:10, =:10, j:10, {:9, }:9
Assembly	":25, mov:18, eax:9, ebx:9, section:7, .text:5, global:5, _start:5, _start::5, 1:5
Python	""":16, (:12,):12, ":9, ::7, =:6, a:5, b:5, x:5, print:4
Ruby	""":8, ":8, x:6, (:6,):6, .:5, puts:4, 1:4, =:4, n:4
Brainfuck	+:126, -:34, >:17, .:17, <:11, [:5,]:5

Частотные списки показывают, что состав наиболее употребительных токенов заметно различается в зависимости от уровня абстракции языка и принципов его проектирования. В языках с более строгой и формализованной структурой (Fortran, ALGOL, C) среди частотных элементов преобладают операторы, служебные слова и символы, связанные с организацией структуры программы. В Python и Ruby, напротив, чаще встречаются токены, отражающие работу с выражениями и вводом-выводом, что соответствует ориентации этих языков на читаемость и компактность кода. Язык Brainfuck резко выделяется на этом фоне: большая доля частот сосредоточена на небольшом наборе символов, что напрямую связано с его минималистичным синтаксисом и экспериментальным характером.

По числу токенов и уникальных токенов можно выделить несколько закономерностей. Например, в Fortran примеры факториала и алгоритма «решето Эратосфена» имеют высокую энтропию (4.42 и 4.49 соответственно), что отражает использование разнообразных синтаксических конструкций и операций. Для языка C картина близка к Fortran: на примере сортировки пузырьком энтропия достигает 4,78. Это ожидаемо для кода, где одновременно работают циклы, условия и операции со структурами данных [10, с. 3]. У Brainfuck результаты иные: энтропия держится в диапазоне 1,96–3,39. Низкие значения здесь связаны не с «бедностью» примеров, а с устройством самого языка – он опирается на крайне ограниченный набор команд и минимальный синтаксис [8, с. 136].

Если перейти к высокоуровневым языкам, Python и Ruby выглядят заметно компактными и менее «жесткими» в синтаксисе. Даже в самом простом случае это видно по объему: «Hello World» укладывается в 9 токенов для Python и в 8 – для Ruby. Такая экономия связана с ориентацией этих языков на читаемость и быстрые наброски решений. При усложнении задач (сортировка, рекурсивные функции) число токенов и значения энтропии растут, однако рост идет без резкого утяжеления конструкции: алгоритм можно записать выразительно, не перегружая текст формальными деталями [6, с. 430–431].

ALGOL и Assembly в этом ряду занимают промежуточную позицию между минималистичными и высокоуровневыми системами. Assembly требует явного управления регистрами и памятью, что приводит к высокой синтаксической нагрузке на примеры среднего объема. ALGOL, в свою очередь, демонстрирует строгую структурированность, но при этом позволяет достаточно лаконично реализовать арифметические и циклические конструкции.

Для визуализации структурных различий между языками по объединенному корпусу каждого исследуемого языка построены графовые модели на уровне токенов (рис. 1 и рис. 2). Узлы графа соответствуют токенам, а ребра отражают переходы между последовательными токенами в коде; вес ребра равен частоте такого перехода в корпусе из пяти типовых программ. В качестве иллюстрации ниже приведены графы для языка C (рис. 1) и для Brainfuck (рис. 2) как двух контрастных систем.

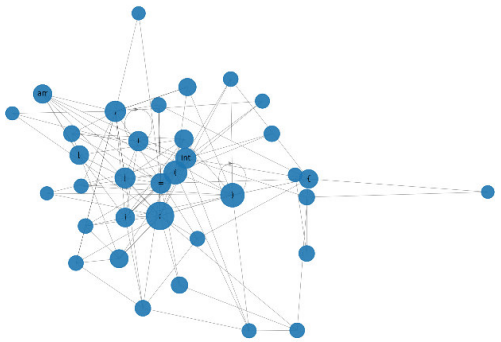

Рисунок 1 – Граф переходов токенов для языка C

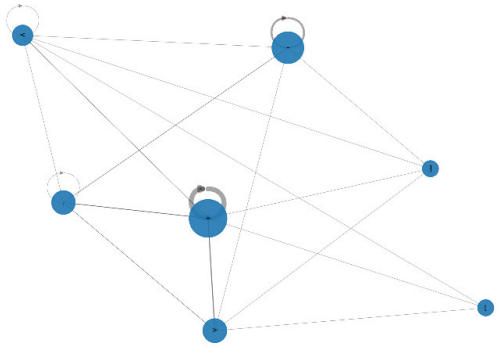

Рисунок 2 – Граф переходов токенов для языка Brainfuck

Сравнение графов наглядно иллюстрирует разницу в организации кода: у языка C сеть переходов более разветвленная, с несколькими «узлами», через которые проходит много связей, что соответствует более разнообразному синтаксису. У языка Brainfuck связи сосредоточены вокруг небольшого набора символов, и сама структура графа получается заметно проще, что напрямую согласуется с низкими значениями энтропии и небольшим числом уникальных токенов.

Энтропийный анализ подтверждает общую зависимость между минимализмом языка и разнообразием синтаксических конструкций. Визуализировать эти результаты можно с помощью диаграмм распределения токенов и графов связей между конструкциями, что позволит выявить скрытые закономерности использования языковых элементов и провести более глубокий сравнительный анализ ([5, с. 6], [12, с. 15]).

Таким образом, сопоставление семи языков программирования на основе корпуса типовых примеров демонстрирует, что различия между языками проявляются не только в уровне абстракции и стиле синтаксиса, но и в структурной вариативности, которую можно количественно оценить через число токенов, уникальные токены и энтропию Шеннона. Эти результаты формируют основу для дальнейшей визуализации и построения интерактивной карты языков, которая станет следующим шагом исследования ([14, с. 73], [9, с. 4–5]).

Полученные результаты показывают, что функциональные и когнитивные особенности языков программирования тесно связаны с их синтаксической структурой и лексической вариативностью. Хотя вариативность таких языков ограничена, именно это делает их удобным материалом для анализа базовых принципов вычислений и восприятия формального синтаксиса. Работа с Assembly и Brainfuck позволяет сосредоточиться на элементарных операциях и проследить, как минимальный набор команд влияет на когнитивную обработку программного текста ([8, с. 138], [13, с. 7]).

Иную картину дают Python и Ruby. Эти языки ориентированы на выразительность и читаемость, при этом не перегружены жесткими синтаксическими ограничениями. По мере усложнения алгоритмов их энтропийные показатели возрастают, что отражает способность языков передавать вычислительные процессы в сжатой, но достаточно гибкой форме [6, с. 431–432]. Именно поэтому Python и Ruby широко используются для быстрого прототипирования, учебных задач и моделирования языковых структур.

Языки Fortran, C и ALGOL занимают промежуточное положение. Они сохраняют формальную строгость, но при этом допускают разнообразие конструкций, особенно при реализации алгоритмов сортировки и рекурсивных вычислений. Высокие значения энтропии в таких примерах указывают на то, что данные языки позволяют эффективно описывать алгоритмы, не теряя предсказуемости и логической прозрачности кода [7, с. 48].

Сопоставление семи языков по числу токенов, уникальным токенам и энтропии выявляет устойчивую закономерность: чем выше уровень абстракции и выразительности языка, тем больше разнообразие токенов при сопоставимом объеме кода. Минималистичные языки демонстрируют узкий синтаксический спектр, что делает их показательными для экспериментов по когнитивному восприятию и формальным ограничениям [8, с. 137].

Интерпретация этих данных имеет практическое значение для цифровой лингвистики и компьютерного образования. Количественные метрики, такие как энтропия Шеннона и частотный анализ токенов, позволяют выявлять структурные закономерности в коде, сравнивать языки по когнитивной нагрузке и предсказуемости, а также оценивать эффективность различных парадигм программирования в обучении ([9, с. 5], [14, с. 73]).

Таким образом, сопоставление языков программирования демонстрирует как различия между минималистичными и высокоуровневыми языками, так и сходства между среднеуровневыми системами, что формирует основу для построения визуальных моделей и интерактивных карт. Предварительные количественные показатели уже позволяют выявить ключевые «узлы» языковых структур, которые станут объектом визуализации на следующем этапе исследования.

Выводы. Проведенное сопоставительное исследование семи языков программирования показало четкую зависимость между уровнем абстракции языка, разнообразием синтаксических конструкций и когнитивной нагрузкой, измеряемой через токенизацию и энтропию Шеннона. Для языков низкого уровня, таких как Assembly и Brainfuck, характерно ограниченное число уникальных токенов и достаточно низкий показатель энтропии. Эти факторы демонстрируют их минималистический характер и строгие формальные ограничения. Для языков высоко уровня (Python и Ruby), наоборот, характерны большая вариативностью токенов и высокая энтропия. Именно это позволяет использовать их для прототипирования, а также образовательных и исследовательских целей. Что касается среднеуровневых языков, включая Fortran, C и ALGOL, они находятся где-то между строгостью синтаксиса и разнообразием конструкций, за счет чего появляются предсказуемость и выразительность кода.

Полученные в результате исследования количественные показатели позволяют сделать вывод, что различия и сходства между языками программирования можно измерять через формализованные метрики. Благодаря этому появляются возможности для системного анализа языковых структур и когнитивных характеристик, которые связаны с их освоением и применением.

Сопоставительный анализ семи языков программирования свидетельствует о том, что искусственные языки как объект исследования позволяют выявлять закономерности формального и когнитивного характера, что имеет прикладное значение в цифровой лингвистике, образовательной практике и изучении взаимодействия человека с языками программирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зернова А. С., Маркова Т. С.* Окказионализмы как основа искусственно придуманных языков // Филологический аспект. – 2024. – № 4(108). – С. 93–97.

2. *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «смысл – текст». – М. : Языки славянской культуры, 1999. – 371 с.

3. *Морозов Д. О.* Априорный искусственный язык: реальность или фикция // Лингвокультурология. – 2010. – № 4. – С. 113–127.

4. *Романов А. В., Домрачева А. И., Гречишников Н. В., Артемьев И. В.* Искусственные языки для общения между людьми // Филологический аспект. – 2023. – № 2(94). – С. 66–72.

5. *Crafa S.* Modelling the evolution of programming languages // arxiv.org. 2015. – URL : https://arxiv.org/pdf/1510.04440 (дата обращения: 08.09.2025).

6. *Goodall G.* Constructed languages // Annual Review of Linguistics. – 2023. – Vol. 9. – P. 419–437.

7. *He Y.* A comparative study of the significance of different programming languages // Academic Journal of Computing and Information Science. – 2025. – Vol. 8, Iss. 2. – P. 45–50.

8. *Kuhn T.* A survey and classification of controlled natural languages // Computational Linguistics. – 2024. – Vol. 40, № 1. – P. 121–170.

9. *Malik-Moraleda S.* Constructed languages are processed by the same brain mechanisms as natural languages // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 2025. – Vol. 122, № 12. – P. 1–11.

10. *Nanz S., Furia C.* Comparative study of programming languages in Rosetta Code // IEEE/ACM 37th International Conference on Software Engineering. – Florence : IEEE, 2015. – P. 1–12.

11. *Novikov P. N.* Constructed languages as semantic and semiotic systems // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2022. – Vol. 13, № 2. – P. 455–467.

12. *Sanders N.* A primer on constructed languages // Language Invention in Linguistics Pedagogy / ed. by J. Punske, N. Sanders, A. V. Fountain. – Oxford : Oxford University Press, 2020. – P. 6–26.

13. *Singer J., Draper S.* Let's take esoteric programming languages seriously // Onward! '25. – Singapore : ACM SIGPLAN, 2025. – P. 1–14.

14. *Weiss D. J.* Introduction: The use of artificial languages in bilingualism research // Bilingualism: Language and Cognition. – 2020. – Vol. 23, Iss. 1. – P. 72–73.

Статья поступила в редакцию 18.01.2026

REFERENCES

1. Zernova A. S., Markova T. S. Okkazionalizmy kak osnova iskusstvenno pridumannyh yazykov // Filologicheskij aspekt. – 2024. – № 4(108). – S. 93–97.

2. Mel'chuk I. A. Opyt teorii lingvisticheskih modelej «smysl – tekst». – M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 1999. – 371 s.

3. Morozov D. O. Apriornyj iskusstvennyj yazyk: real'nost' ili fikciya // Lingvokul'turologiya. – 2010. – № 4. – S. 113–127.

4. Romanov A. V., Domracheva A. I., Grechishnikov N. V., Artem'ev I. V. Iskusstvennye yazyki dlya obshcheniya mezhdu lyud'mi // Filologicheskij aspekt. – 2023. – № 2(94). – S. 66–72.

5. Crafa S. Modelling the evolution of programming languages // arxiv.org. 2015. – URL : https://arxiv.org/pdf/1510.04440 (дата обращения: 08.09.2025).

6. Goodall G. Constructed languages // Annual Review of Linguistics. – 2023. – Vol. 9. – P. 419–437.

7. He Y. A comparative study of the significance of different programming languages // Academic Journal of Computing and Information Science. – 2025. – Vol. 8, Iss. 2. – P. 45–50.

8. Kuhn T. A survey and classification of controlled natural languages // Computational Linguistics. – 2024. – Vol. 40, № 1. – P. 121–170.

9. Malik-Moraleda S. Constructed languages are processed by the same brain mechanisms as natural languages // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 2025. – Vol. 122, № 12. – P. 1–11.

10. Nanz S., Furia C. Comparative study of programming languages in Rosetta Code // IEEE/ACM 37th International Conference on Software Engineering. – Florence : IEEE, 2015. – P. 1–12.

11. Novikov P. N. Constructed languages as semantic and semiotic systems // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2022. – Vol. 13, № 2. – P. 455–467.

12. Sanders N. A primer on constructed languages // Language Invention in Linguistics Pedagogy / ed. by J. Punske, N. Sanders, A. V. Fountain. – Oxford : Oxford University Press, 2020. – P. 6–26.

13. Singer J., Draper S. Let's take esoteric programming languages seriously // Onward! '25. – Singapore : ACM SIGPLAN, 2025. – P. 1–14.

14. Weiss D. J. Introduction: The use of artificial languages in bilingualism research // Bilingualism: Language and Cognition. – 2020. – Vol. 23, Iss. 1. – P. 72–73.

The article was contributed on January 18, 2026

Сведения об авторах

Мкртчян Тамара Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, https://orcid.org/0000-0002-0156-7178, tymkrtchyan@sfedu.ru

Макарова Жанна Валерьевна – бакалавр направления «Интеллектуальные системы в гуманитарной сфере» Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, https://orcid.org/0009-0009-3798-254x, zmakarova@sfedu.ru

Author Information

Mkrtchyan, Tamara Yuryevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, https://orcid.org/0000-0002-0156-7178, tymkrtchyan@sfedu.ru

Makarova, Zhanna Valeryevna – Bachelor's Student in Intellectual Systems in the Humanities, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, https://orcid.org/0009-0009-3798-254x, zmakarova@sfedu.ru

УДК 821.161.1-31.09(470.344) DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.019

В. В. Никифорова

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ РОМАНЕ ЧУВАШИИ

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. Цель исследования заключается в изучении особенностей проявления национальной идентичности в современном русскоязычном романе Чувашии. Автор рассматривает его как часть национальной (чувашской) словесности. Предпринята попытка изучить формы и способы отображения чувашской идентичности в сюжетостроении, системе образов, языке художественных произведений, а также выявить связи между национальной мифологией, фольклорными текстами и романами. Актуальность работы состоит в том, что данная проблема и творчество русскоязычных писателей XXI в. практически не становились объектом внимания в чувашском литературоведении. Материалом для исследования послужили три жанровых разновидности современного русскоязычного романа Чувашии. Использованы структурно-семантический и описательный методы. В результате исследования сделан вывод о том, что в произведениях авторов (чувашей по происхождению), написанных на русском языке, так или иначе проявляется чувашская идентичность. Формы и способы ее выражения при этом могут быть разными. Вкрапление чувашского слова в русский текст выстраивает невидимые связи в художественной ткани произведения, формирует национальный колорит. Включение в русский текст чувашских фольклорных текстов и мифологических персонажей, описаний обрядов знакомят читателя с традициями народа и его менталитетом. В отдельных случаях (историко-философское фэнтези) происходит контаминация русского литературного жанра, чувашского фольклора и зарубежных традиций. В этих вариантах происходит взаимопроникновение моделей мира, диалог между ними.

Ключевые слова: *современная проза, русскоязычная проза чувашских писателей, национальная идентичность, роман*

V. V. Nikiforova

ARTISTIC REPRESENTATION OF NATIONAL IDENTITY IN THE MODERN RUSSIAN-LANGUAGE NOVEL OF CHUVASHIA

Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia

Abstract. The purpose of the study is to study the peculiarities of the manifestation of national identity in the modern Russian-language novel of Chuvashia. The author considers it as a part of national (Chuvash) literature. An attempt has been made to study the forms and ways of displaying Chuvash identity in plot-building, the system of images, and the language of works of art; to identify links between national mythology, folklore texts, and novels. The relevance of this work lies in the fact that this problem and the work of Russian-language writers of the 21st century have practically not become the object of attention in Chuvash literary criticism. The material consists of three genre varieties of the modern Russian-language novel of Chuvashia. Structural-semantic and descriptive methods are used. As a result of the research, it was concluded that the works of writers, Chuvash by origin, written in Russian, somehow manifest the Chuvash identity. The forms and ways of expressing it can be different. The incorporation of the Chuvash word into the Russian text – the national vocabulary builds invisible connections in the artistic fabric of the work, forms the national color. The inclusion of Chuvash folklore texts and mythological characters in the Russian text, as well as descriptions of rituals, introduce the reader to the traditions of the people and their mentality. In some cases (historical and philosophical fantasy), the contamination of

the Russian literary genre, Chuvash folklore and foreign traditions occurs. In any variant, there is an interpenetration of models of the world, a dialogue between them.

Keywords: *modern prose, Russian-language prose of Chuvash writers, national identity, novel*

Введение. В статье изучаются особенности художественного отображения чувашской национальной идентичности в современном русскоязычном романе Чувашии. Обстоятельства, «позволяющие считать литературу релевантным источником информации по проблеме национальной идентичности», начали активно изучаться на рубеже XX–XXI вв. [8, с. 45–48]. Теоретическую базу исследования составляют работы М. К. Поповой [8], Н. Л. Лейдермана [4], К. К. Султанова [10], М. И. Ибрагимова ([2], [3]), В. В. Сорокиной [9].

Национальные литературы вполне обоснованно рассматриваются как фактор формирования идентичности. В частности, исследователь татарской литературы М. Ибрагимов подчеркивает, что «литература не просто выражает национальную идентичность в образах, мотивах, концептах, но и формирует ее» [3, с. 63]. Заявленная тема практически не изучалась в чувашском литературоведении. Есть некоторые подходы в работах А. Ф. Мышкиной и др. ([5], [6]). Цель данной статьи – восполнить существующий пробел, изучить проявление чувашской идентичности на примере современного русскоязычного романа Чувашии.

Актуальность исследуемой проблемы. «Проблематика самоидентификации, столь важная для каждой национальной литературы» [10, с. 154], ее выражение в художественном произведении на сегодняшний день являются весьма актуальными. Проявление чувашского национального мировидения в современной русскоязычной прозе Чувашии также представляет несомненный интерес для специалистов. Тем не менее данная проблема и региональная русскоязычная проза XXI в. в целом практически не изучались литературоведами.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили три жанровые разновидности современного русскоязычного романа Чувашии: роман ужасов, историко-философское фэнтези и исторический роман: произведения Л. Венедиктовой «Заброшенные сады комбината» (2008), С. Щербакова «Грани миров: возвращение Чеменя» (2019) и С. Отрыванова «Черная береза» (2020).

В работе использованы структурно-семантический и описательный методы исследования. Структурно-семантический подход позволяет выделить и проанализировать отдельные семантические поля, мотивно-образную систему, детали и др. С помощью описательного метода выявлены и рассмотрены формальные и содержательные особенности русскоязычного романа Чувашии.

Результаты исследования и их обсуждение. «Проблема национальной идентичности, как и любая другая проблема, отнюдь не всегда присутствует в произведении искусства» [8, с. 48]. Нередки варианты, когда произведение написано на русском или ином национальном языке автором, хорошо владеющим родным языком, но его национальная идентичность в нем практически не проявляется или проявляется очень слабо.

Относительно русскоязычной литературы, созданной авторами, по рождению являющимися не русскими, гораздо больше вопросов. Так или иначе очевидно, что язык, несмотря на его главнейшую роль в создании художественного текста, не является единственным маркером национальной идентичности. Об этом в свое время точно высказался К. Султанов: «Достаточно вспомнить дореволюционный русскоязычный опыт просветителей – от чуваша И. Яковлева, удмурта Г. Верещагина, осетина И. Канукова, ингуша Ч. Ахриева до казаха Ч. Валиханова, – чтобы высказать «крамольную» мысль: при всей неоспоримой важности языка он не является единственным индикатором менталитета

и самоидентификации» [10, с. 157]. Он выделяет два взаимосвязанных положения: «Для национальной литературы нет и не должно быть ничего заведомо чуждого, и свободный выбор языка творчества не отменяет проблематизацию идентичности» [10, с. 158]. Другими словами, в русскоязычной литературе, созданной авторами других национальностей, происходит актуализация их национальной идентичности в различных вариантах как на бессознательном, так и на сознательном уровнях.

В русскоязычной прозе Чувашии данная проблема заметно проявляется в историческом (В. Сорокин, Н. Максимов, С. Отрыванов), социально-психологическом романе (Д. Гаврилова), романе ужасов (Л. Венедиктова), историко-философском фэнтези (С. Щербаков) и т. п. В своей работе мы подробнее остановимся на некоторых из них.

Роман ужасов «Заброшенные сады комбината» (2008) Лады Венедиктовой [1] описывает страшную историю, будто бы происходившую в городе Чебоксары в конце XX в. В целом время в романе не течет по хронологии. Точка пересечения всех сюжетных линий – 1968 год, когда около Чебоксар затонул речной трамвайчик.

Основная сюжетная линия романа связана с поиском некоего Талисмана, который предки чувашей будто бы вывезли из Индии. Мать Полины и Павла, как выясняется позже, была его хранительницей. По воспоминаниям мужчины, это тяжелая, вроде бы золотая старинная вещица, и он даже играл с ней в детстве. Талисман уравновешивал баланс добра и зла в мире. Но он был потерян их матерью, когда затонул трамвайчик, на котором она плыла, и начались несчастья. В конце концов, герои его находят, и все заканчивается более или менее благополучно. Чувашский артефакт в итоге помогает победить монстра (Тварь).

«Как и любая другая молодая девушка, она (Полина – *В.Н.*) не ощущала своей национальности», но бывали моменты, что она жалела, что ни она, ни Павел не знают родного языка... [1, с. 10]. В целом, конечно, Полина не считает себя чувашкой. Но как корни тянутся к земле, так и человек тянется к своим истокам, чувствует их. Писатель Владимир Михайлович хорошо это аргументирует: «Если где-нибудь в Калужской области народится вдруг мулатик, он тоже не будет знать ни единого слова из языка, на котором говорит его отец. Но от этого он не перестанет быть черным» [1, с. 232].

Вкрапления в текст романа чувашских лексем; выдержки из преданий, собранных А. А. Фукс и В. Д. Димитриевым, изданий времен перестройки; описания чувашского национального костюма; легенда о женщине-воине *Вилчун* (Мертвой душе); «чувашские» сюжетные линии книг писателя Владимира Михайловича, проживающего в Финляндии, – эти и другие элементы национальной (чувашской) идентичности и являются, по всей видимости, скрепами настоящего и будущего народа. Надо полагать, что во многих случаях стержень национальной уникальности проявляется в творчестве писателя вне зависимости от того, на каком языке он пишет.

Книга чувашского историка Сергея Щербакова «Грани миров: возвращение Чеменя» [11] создана в формате историко-философского фэнтези. Такая разновидность романа позволяет автору свободно обращаться с разными временными пластами и с разнородным материалом. События в романе происходят параллельно в реальном и астральном измерениях, действуют реальные, мифологические персонажи, исторические личности. Сюжет произведения здесь концентрируется вокруг поисков другого старинного чувашского артефакта – *сурбана* (женское головное покрывало), на котором был вышит некий магический код, открывающий путь к камню Тенгри [11, с. 136], древним знаниям.

В романе немало наблюдений относительно характера, психологии и менталитета чувашей. В «русскоязычной» чувашской прозе применяются разные «способы конструирования симбиозной (синкретической) модели мира» [4, с. 23]. В творчестве С. Щербакова происходит контаминация русского литературного жанра, чувашского фольклора и зарубежных традиций – а значит, взаимопроникновение моделей мира, диалог между ними.

В романе Станислава Отрыванова «Черная береза» [7], в котором переплелись черты исторического и социально-психологического субжанров, описывается судьба нескольких поколений женщин одной семьи. Исторические события XX в. отразились в их судьбах и судьбах жителей деревни Кивкас. Главная героиня, Ирина Лукинична, прожила девяносто шесть лет, дождалась праправнучку. В романе всесторонне раскрывается характер чувашской женщины.

Между мужем, Мироном Тарасовичем, вернувшимся с войны, и Ириной происходит следующий диалог:

– *Тяжко было?*

– *Было время, распрямить спину не могла, спала скрюченной. Сама не пойму, как выдержала.*

– *Железная ты.*

– *Какая уродилась, такая и есть, вряд ли уже переделаешь* [7. с. 91].

В небольшом диалоге прочитывается сильный, терпеливый, сдержанный, немногословный характер чувашки. О том, что она пережила в лагерях во время войны, другие люди, даже близкие, могут только предполагать. Свои чувства чуваши стараются не выставлять напоказ. О первом чувстве между юношей и девушкой Мирон Тарасович, к примеру, точно подметил: «...любовь у чувашей тайная, порою никто о ней и не догадывается, родители узнают только на проводах сына в армию по тому, как благоверная вручает ему носовой платок, вышитый своими руками» [7, с. 426].

При изучении «пограничной» художественной системы, каковой является русскоязычный текст инонационального автора, «совершается взаимопроникновение разных национальных моделей мира» [4, с. 22]. Одной из самых простейших форм «диалогового высказывания» становится вкрапление иноязычного слова в русский текст. Данная особенность весьма характерна для романа С. Отрыванова, в котором содержится большое количество чувашских слов – от бытовой лексики до мифологических персонажей («улпут» / барин, «Шупашкар» / Чебоксары, «пашалу» / лепешка, «сурпан» / женская головная повязка, «Эсрель» / дух смерти, «Арçури» / леший и мн. др.). Национальная лексика выстраивает особые, невидимые связи в художественной ткани произведения, формирует национальный колорит. Описания обрядов, например, при рождении ребенка, знакомят читателя с традиционным укладом народа.

Выводы. Изучение художественного феномена «русскоязычной прозы», а именно творчества писателей чувашского (или татарского, башкирского и др.) происхождения, которые частично или все свои произведения создают на русском языке, вызывает немало трудностей.

Чувашское литературоведение сегодня делает первые шаги в определении художественно-эстетических особенностей таких произведений, созданных в XXI в. Проанализировав творчество отдельных писателей, мы пришли к выводу, что в них актуализируются особенности традиций, менталитета, мифологии и фольклора, языка данного народа и, соответственно, чувашской национальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Венедиктова Л. В.* Заброшенные сады комбината: роман. – Йошкар-Ола : Респект, 2008. – 296 с.
2. *Ибрагимов М. И.* Национальная идентичность татарской литературы: современные методы исследования : очерки. – Казань, 2018. – 104 с.
3. *Ибрагимов М. И.* Национальные литературы как фактор формирования идентичности // Научный Татарстан. – 2017. – № 3. – С. 61–63.
4. *Лейдерман Н. Л.* Русскоязычная литература – перекресток культур // Филологический класс. – 2015. – № 3(41). – С. 19–24.

5. *Мышкина А. Ф., Яковлева Г. Г., Савирова М. П.* Особенности возникновения русскоязычной национальной литературы как результат глобализации культуры// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 8. – С. 2425–2429. – DOI 10.30853/phil20220427. EDN GTMZAY.

6. *Мышкина А. Ф., Зайцева Т. И., Емельянова Т. Н.* Проблемы национальной эстетики и литературного творчества в художественном пространстве начала XXI века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. – Т. 12, № 2. – С. 364–367. – DOI 10.30853/filnauki.2019.2.77. EDN VTRMIX.

7. *Отрыванов С. Г.* Черная береза : роман. – Чебоксары, 2020. – 500 с.

8. *Попова М. К.* Проблема национальной идентичности и литература // Вестник Воронежского государственного университета. Серия 1: Гуманитарные науки. – 2001. – № 2. – С. 45–48.

9. *Сорокина В. В.* К вопросу о понятии «русскоязычной» литературы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2022. – № 3. – С. 83–95.

10. *Султанов К. К.* Русскоязычная литература как культурный феномен и объект исследования // STEPYANOS (СТЕФАНОС). – 2016. – № 3(17). – С. 154–162.

11. *Щербаков С. В.* Грани миров: возвращение Чеменя : роман. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2019. – 199 с.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026

REFERENCES

1. Venediktova L. V. Zabroshennye sady kombinata: roman. – Joshkar-Ola : Respekt, 2008. – 296 s.

2. Ibragimov M. I. Nacional`naya identichnost` tatarskoj literatury: sovremennye metody issledovaniya : ocherki. – Kazan`, 2018. – 104 s.

3. Ibragimov M. I. Nacional`nye literatury kak faktor formirovaniya identichnosti // Nauchnyj Tatarstan. – 2017. – № 3. – S. 61–63.

4. Lejderman N. L. Russkoyazychnaya literatura – perekrestok kul`tur // Filologicheskij klass. – 2015. – № 3(41). – S. 19–24.

5. Myshkina A. F., Yakovleva G. G., Savirova M. P. Osobennosti vozniknoveniya russkoyazychnoj nacional`noj literatury kak rezul`tat globalizacii kul`tury // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2022. – T. 15, № 8. – S. 2425–2429. – DOI 10.30853/phil20220427. EDN GTMZAY.

6. Myshkina A. F., Zajceva T. I., Emel`yanova T. N. Problemy nacional`noj estetiki i literaturnogo tvorchestva v xudozhestvennom prostranstve nachala XXI veka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. – T. 12, № 2. – S. 364–367. – DOI 10.30853/filnauki.2019.2.77. EDN VTRMIX.

7. Otryvanov S. G. Chernaya bereza : roman. – Cheboksary, 2020. – 500 s.

8. Popova M. K. Problema nacional`noj identichnosti i literatura // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Gumanitarnye nauki. – 2001. – № 2. – S. 45–48.

9. Sorokina V. V. K voprosu o ponyatii «russkoyazychnoj» literatury // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. – 2022. – № 3. – S. 83–95.

10. Sultanov K. K. Russkoyazychnaya literatura kak kul`turny j fenomen i ob``ekt issledovaniya // STEPYANOS (STEFANOS). – 2016. – № 3(17). – S. 154–162.

11. Shherbakov S. V. Grani mirov: vozvrashhenie Chemenya : roman. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 2019. – 199 s.

The article was contributed on January 15, 2026

Сведения об авторе

Никифорова Вера Витальевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия, https://orcid.org/0000-0003-0175-5678, vera.nickiforova@yandex.ru

Author Information

Nikiforova, Vera Vitalyevna – Candidate of Philology, Senior Researcher in Philology, Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia, https://orcid.org/0000-0003-0175-5678, vera.nickiforova@yandex.ru

УДК [811.111+811.161.1]’37’255.2 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.020

И. М. Петрова, С. В. Мичугина

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФФУЗИЯ КОНЦЕПТОВ *УДИВЛЕНИЕ* И *ВОСХИЩЕНИЕ* В ПРАКТИКЕ АНГЛО-РУССКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ механизмов вербализации эмоциональных концептов *удивление* и *восхищение* на материале англо-русского сегмента параллельного корпуса НКРЯ. Основное внимание уделяется выявлению семантической диффузии между когнитивным триггером и оценочным результатом. Актуальность исследования обусловлена необходимостью объективации лингвистических данных и перехода от субъективных интерпретаций к верификации гипотез на сверхбольших массивах текстов для выявления скрытых национально-специфических черт эмоционального поведения.

Эмпирическую базу работы составили данные корпусов НКРЯ, BNC и COCA. Методология базируется на комплексном подходе, включающем дефиниционный, контекстуальный и сопоставительный анализ ядерных лексем (*surprise, astonishment, wonder, admiration, delight*). В ходе исследования установлено, что лексема *wonder* функционирует как специфический медиатор, интегрирующий смыслы обеих эмоциональных зон. Статистический анализ выявил, что в ситуациях непрямой эквивалентности английский язык тяготеет к синкретизму и событийной объективации стимула, в то время как русская переводческая традиция демонстрирует тенденцию к дискретизации когнитивного процесса и его глубокой интериоризации.

Результаты исследования подтверждают гипотезу о функционально-семантической диффузии полей *удивление* и *восхищение*. Сделан вывод, что выявленные зоны неполной межъязыковой эквивалентности обусловлены различным вектором концептуализации эмоций: от фиксации внешнего события в английском языке к описанию захваченности человека чувством в русском.

Ключевые слова: *лингвокогнитивный анализ, концепт «удивление», концепт «восхищение», параллельный корпус, интерпретативный потенциал, сопоставительная лингвистика*

I. M. Petrova, S. V. Michugina

SEMANTIC DIFFUSION OF THE CONCEPTS *SURPRISE* AND *ADMIRATION* IN ENGLISH-RUSSIAN LITERARY TRANSLATION

Moscow City University, Moscow, Russia

Abstract. The article provides a contrastive study of the verbalization mechanisms for the emotional concepts of *surprise* and *admiration* based on the English-Russian segment of the Russian National Corpus. The research focuses on identifying the semantic diffusion between a cognitive trigger and an evaluative result. The relevance of the study is driven by the need for objectification of linguistic data and the transition from subjective interpretations to hypothesis verification using large-scale corpora to reveal latent nation-specific features of emotional behavior.

The empirical basis of the work comprises data from the RNC, BNC, and COCA corpora. The methodology follows a comprehensive approach, including definitional, contextual, and contrastive analysis of core lexemes (*surprise, astonishment, wonder, admiration, delight*). The study establishes that the lexeme *wonder* functions as a specific mediator integrating meanings from both emotional fields. Statistical analysis reveals that in cases of indirect equivalence, the English language tends toward syncretism and objective eventfulness of the stimulus, while the Russian translation tradition demonstrates a trend toward the discretization of the cognitive process and its deep interiorization.

The research findings confirm the hypothesis of functional-semantic diffusion between the fields of *surprise* and *admiration*. It is concluded that the identified zones of incomplete interlingual equivalence are determined by different conceptualization vectors: from the objectification of an external stimulus in English to the description of the subject's emotional immersion in Russian.

Keywords: *linguocognitive analysis, concept "surprise", concept "admiration", parallel corpus, interpretative potential, comparative linguistics*

Введение. Эмоции *удивление* и *восхищение* рассматриваются в современной лингвистике как комплементарные феномены, имеющие сложную иерархическую структуру. *Удивление* выступает в качестве универсального когнитивного триггера, первичной реакции на нарушение ожиданий субъекта [8], которая в зависимости от контекстуальной оценки может трансформироваться в положительный оценочный результат – *восхищение*. При выявлении лингвокогнитивного своеобразия полей *удивление* и *восхищение* ключевое значение имеет сопоставление культурных сценариев. Подобный подход, детально разработанный в работе А. Вежбицкой [7], позволяет рассматривать эмоциональные концепты как отражение уникальных черт национальной языковой картины мира.

Теоретическую основу настоящего исследования составили универсальные теории базовых эмоций П. Экмана [23], а также отечественные лингвистические концепции эмотивности В. И. Шаховского [22]. Модель «человека чувствующего» Ю. Д. Апресяна [2] позволила разработать принципы систематизации лексических значений и сценарии возникновения эмоции *удивления*. Современные исследования расширяют анализ данных полей [21], рассматривают вопросы контекстуальной объективации эмоциональных конструктов [20], классифицируют средства выражения положительных эмоций [11] и описывают специфику вербализации *удивления* как амбивалентного феномена [14], а также структуру поля *восхищение* [13].

Исследование *удивления* в современной лингвистике сфокусировано на его когнитивной природе и межуровневой объективации. Как отмечает ряд авторов, *удивление* представляет собой сложный концепт с четкой структурой и динамикой ([1], [12], [15]). В сопоставительном аспекте С. М. Магомедова на базе теории лакун выявляет этноспецифику концепта в английской и аварской лингвокультурах [12]. А. В. Алексеев и М. Ю. Нечепуренко подтверждают наличие универсальных и уникальных компонентов в семантике лексем русского и английского языков [1]. Исследования Т. С. Стариковой и Е. А. Шушмарченко на материале английского языка доказывают динамичность поля *surprise*, уточняя его современную структуру [21].

Изучение концепта *восхищение* в современной лингвистике также отличается глубиной и разнообразием подходов. Исследователи фокусируются на функционально-семантических особенностях языковых единиц, объективирующих это положительное эмоциональное состояние. О. Н. Прохорова и С. Н. Погожая, анализируя прилагательные *amazing* и *awesome*, выявили специфику их употребления и оценочный потенциал в современном английском языке [18]. С. Н. Погожая также систематизировала различные способы выражения эмоциональности, фокусируясь на состоянии *восхищение* как сложном, многоуровневом феномене [17].

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена доминированием антропоцентрической парадигмы, в которой язык выступает инструментом доступа к когнитивным механизмам психики [5]. В современных условиях критически важной становится проблема объективизации лингвистических данных: переход от субъективных интерпретаций к верификации гипотез на сверхбольших массивах текстов обеспечивается применением корпусных инструментов (НКРЯ). Репрезентативность корпусного подхода для выявления скрытых смыслов обоснована в трудах

А. Н. Баранова [4] и В. З. Демьянкова [9], а эффективность сопоставительного анализа эмоциональных концептов на базе корпусов подтверждается актуальными работами, например, Т. В. Куралевой и других исследователей [11]. Таким образом, необходимость использования статистически достоверных методов для экспликации национально-специфических черт эмоционального поведения определяет своевременность данной работы.

Научная новизна исследования заключается в реализации комплексного сопоставительного анализа эмоциональных полей *удивление* и *восхищение*, рассматриваемых как единый континуум «когнитивный стимул – оценочная реакция». Впервые на материале параллельного сегмента НКРЯ эксплицирован интерпретативный потенциал этих лексем в их функционально-семантическом взаимодействии, а не изолированно. Новизна работы также обусловлена выявлением специфических коллокационных профилей для английского и русского языков, что позволило обнаружить скрытые, не зафиксированные в лексикографии различия в концептуализации «положительного шока» в двух лингвокультурах.

Объектом исследования является реализация эмоциональных концептов *удивление* и *восхищение* в англо-русском сегменте параллельного корпуса НКРЯ. В качестве предмета выступают параметры межъязыковой эквивалентности и семантической трансформации лексем, вербализующих данные концепты в ситуации перевода. Особое внимание уделяется анализу семантической структуры ядерных лексем (*удивление, изумление, восхищение / surprise, astonishment, admiration*), их дистрибутивным характеристикам и когнитивным признакам, определяющим национально-специфическую интерпретацию состояний когнитивного диссонанса и эстетического одобрения в сопоставляемых лингвокультурах.

Цель исследования заключается в экспликации механизмов семантической диффузии и выявлении зон неполной эквивалентности концептов *удивление* и *восхищение* на материале англо-русских параллельных текстов. Для достижения поставленной цели необходимо было решить ряд исследовательских задач:

1. Выявить семантическую структуру и зоны пересечения лексико-семантических полей *удивление* и *восхищение* в английском и русском языках на основе словарных дефиниций.
2. На материале параллельного корпуса НКРЯ проанализировать типы межъязыковых соответствий ядерных лексем, фиксируя случаи семантической трансформации и экспрессивной интенсификации при переводе.
3. Эксплицировать механизмы семантической диффузии между когнитивным стимулом (*удивление*) и оценочным финалом (*восхищение*), проявляющиеся в ситуациях непрямой эквивалентности.
4. Реконструировать национально-специфические модели концептуализации этих эмоций, исходя из выявленной вариативности переводческих решений.

Материал и методы исследования. Эмпирическую базу исследования составили данные НКРЯ (включая параллельный сегмент), BNC и COCA, из которых методом сплошной выборки отобраны ядерные лексемы эмоциональных полей: *удивление / surprise*, *изумление / astonishment*, *amazement*, *восхищение / admiration*, *восторг / delight*. Особое внимание уделено полисемантичной единице *wonder*, выступающей синкретичным концептом для прослеживания диффузии эмоциональных границ [25]. Семантический объем лексем верифицирован по словарям под редакцией Ю. Д. Апресяна [3], Merriam-Webster [24] и Oxford English Dictionary [25], что позволило выявить первичные дефиниционные расхождения. Сопоставительный анализ этих единиц в параллельных корпусах направлен на изучение механизмов межъязыковой эквивалентности и градаций интенсивности эмоций – от когнитивного шока до аксиологической оценки.

Выбор англо-русского параллельного сегмента НКРЯ в качестве основного источника материала обусловлен тем, что ситуация перевода выступает своего рода «лингвистическим

экспериментом». Именно в условиях межъязыковой трансформации, когда переводчик сталкивается с необходимостью адаптации синкретичных английских концептов (например, *wonder*), эксплицируются скрытые механизмы принимающей лингвокультуры. Использование параллельного корпуса позволяет верифицировать национально-специфические когнитивные модели не изолированно, а в зоне их прямого столкновения, что позволяет сделать выводы о различиях языковых картин мира статистически более достоверными.

Методология исследования базируется на комплексном подходе, включающем сопоставительный анализ межъязыковых соответствий, контекстуальный анализ трансформации когнитивного сценария «*удивление* → *восхищение*» и корпусный метод изучения стратегий перевода через инструмент параллельного поиска. Итоговая когнитивная интерпретация данных позволяет реконструировать специфику фрагментов национальных картин мира через призму переводческой деятельности.

Исследование проводилось в три этапа: на первом этапе посредством дефиниционного анализа словарных статей установлены концептуальные границы лексем и сформирована выборка ядерных единиц. Второй этап посвящен контекстуальному и дистрибутивному анализу материала из корпусов НКРЯ, BNC и COCA для выявления типичных коллокаций и прагматических функций отобранных единиц. На заключительном этапе с помощью сопоставительного метода и когнитивной интерпретации эксплицированы национально-специфические модели трансформации удивления в восхищение, что позволило верифицировать выдвинутую гипотезу.

Гипотеза исследования опирается на когнитивную парадигму, согласно которой вербализация эмоций неразрывно связана с ментальными процессами. Как отмечает Л. А. Пиотровская, «когнитивная парадигма позволяет понять, что междисциплинарный подход является более плодотворным, чем поиски строго лингвистического инструментария для исследования эмотивной функции языка» [16, с. 102]. В работе предполагается, что *удивление* и *восхищение* образуют функционально-семантический континуум, где *удивление* служит когнитивным триггером, а *восхищение* – оценочным финалом. Использование параллельного корпуса (НКРЯ) позволяет зафиксировать точки диффузии этих концептов и выявить национально-специфические модели их реализации в художественном тексте. Такой подход, синтезирующий психологические и лингвистические положения, направлен на уточнение категориального аппарата эмотиологии и механизмов вербализации эмоций.

Анализ когнитивных сценариев *удивления* и его трансформации в *восхищение* базируется на понимании эмоции как динамического процесса «прерывания» ментальной деятельности. Согласно Ю. Д. Апресяну, сценарий *удивления* инициируется несовпадением картины мира субъекта с реальностью, что создает интеллектуальный дефицит [2]. Аксиологическая интерпретация этого шока, по мнению А. Вежбицкой, приводит к возникновению *восхищения* через наслоение положительной оценки на фактор неожиданности [7]. Современные исследователи подтверждают, что в художественном дискурсе *удивление* выступает когнитивным условием для формирования сложных оценочных конструктов, вербализующих высокую ценность аномалии для субъекта: [15], [19].

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ данных НКРЯ демонстрирует доминирование лексемы *удивление* (средняя частотность 86,3 IPM) над *восхищением* (27,1 IPM), что подтверждает статус первой как базовой когнитивной реакции. Асимметрия частотности (пик в 120–135 IPM против 80–90 IPM в середине XIX в.) и различия в адъективной сочетаемости (*огромное*, *немое* для *удивления* vs *глубокое* для *восхищения*) указывают на переход от физиологического шока к осознанной оценке. Динамика сценария подтверждается примерами из параллельного корпуса, где *surprise* переводится как *удивление* в 82 % случаев: *He looked at her with a mix of surprise and admiration – Он смотрел на нее со смесью удивления и восхищения* (С. Моэм, пер. Г. Островской) [НКРЯ].

Для верификации данных, полученных в ходе анализа переводческих решений, нами проведен выборочный сопоставительный анализ лексем *удивление* и *восхищение* в Основном корпусе НКРЯ (оригинальные тексты на русском языке). Установлено, что типичная для оригинальных русских текстов сочетаемость этих единиц (например, преобладание предикатов состояния: *охвачен удивлением, застыть в восхищении*) полностью коррелирует с выявленными в параллельном корпусе тенденциями к интериоризации эмоций. Таким образом, «призма» переводческих решений не искажает, а подтверждает базовые параметры русской языковой картины мира, подчеркивая ее контраст с событийной объективацией в английском языке.

Анализ корпусов BNC и COCA (*surprise* ~105 IPM, *admiration* ~18 IPM, *wonder* ~48 IPM) выявил событийную природу *surprise* (*to be taken by surprise*), в отличие от русского *удивления*, чаще сочетающегося с дескрипторами готовности субъекта (*polite surprise*). Поле *восхищения* дифференцировано: *delight* реализует сенсорно-соматический компонент (*shriek with delight*), тогда как *admiration* выражает рациональное признание (*grudging admiration*). Роль когнитивного медиатора в английской лингвокультуре выполняет лексема *wonder*, которая в 45 % контекстов выступает эквивалентом *восхищения* или *изумления*. Типичные эпитеты (*childlike wonder*) и глагольные связи (*gaze in wonder*) подтверждают, что *удивление* концептуализируется как динамичный процесс, предваряющий появление *восторга*.

Проведем анализ интерпретативного потенциала ядерных лексем *удивление / surprise*. На начальном этапе исследования данные параллельного корпуса НКРЯ подтвердили, что лексема *surprise* наиболее часто выступает эквивалентом русского *удивления*, однако их контекстуальный потенциал различен. Рассмотрим пример из романа Ф. С. Фицджеральда: *I think he was surprised when we had a bitter quarrel...* [F. S. Fitzgerald] – *Я думаю, он был удивлен, когда мы так горько поссорились...* [пер. Е. Калашниковой]. Здесь *surprise / удивление* фиксирует первичный когнитивный сбой: несоответствие реальности ожиданиям субъекта. При этом анализ НКРЯ показывает, что английское *surprise* тяготеет к событийности (*to take by surprise*), акцентируя внезапность стимула, тогда как русское *удивление* чаще описывает внутреннее состояние (*выразить удивление, впасть в удивление*).

В случаях непрямой эквивалентности интерпретация *surprise* подвергается градуальной трансформации: оно переводится как *изумление* при высокой интенсивности стимула или как *сюрприз*, если акцент смещается на объект. Таким образом, параллельный корпус выявляет национально-специфическую вариативность: английский концепт фокусируется на факте события, а русский – на глубине переживания субъекта.

Для подтверждения тезиса о градуальной трансформации и смещении акцента с эмоции на объект рассмотрим примеры из параллельного корпуса НКРЯ:

– трансформация в *изумление* (интенсификация): *To my great surprise, the door was unlocked* [A. Christie] – *К моему величайшему изумлению, дверь была не заперта* [пер. В. Титова]. Здесь переводчик выбирает лексему *изумление*, чтобы передать высокую степень когнитивного шока, вызванного нарушением логики событий;

– трансформация в *сюрприз* (объективация): *It was a surprise for everyone – Это стало сюрпризом для всех*. В данном случае акцент смещается с внутреннего чувства субъекта на само внешнее событие или подарок, что подтверждает событийную природу английского концепта;

– переход к *изумлению* через событийный глагол: *She was taken by surprise... – Она была охвачена изумлением…* Английская конструкция с событийным глаголом *to take* в русском языке часто трансформируется в предикат состояния, подчеркивая захваченность субъекта эмоцией.

Особое место в системе межуровневых соответствий занимает лексема *wonder*, выступающая уникальным когнитивным медиатором между шоком от новизны и эстетическим преклонением. В отличие от нейтрального *surprise*, *wonder* интегрирует в себе компоненты интеллектуального поиска и благоговения, что иллюстрирует пример из романа Ф. С. Фицджеральда: *...his mouth happened to be open a little, and he looked at the mirror with a sort of wonder* [F. S. Fitzgerald] – *...рот у него был приоткрыт, и он смотрел в зеркало с каким-то изумленным восхищением* [пер. Е. Калашниковой]. Здесь в русском переводе синкретизм английского концепта эксплицируется через двойную номинацию *изумленное восхищение*, где первая часть фиксирует когнитивный триггер, а вторая – аксиологический финал. Статистика НКРЯ подтверждает эту тенденцию: в 45 % случаев *wonder* требует семантического расширения или использования лексем с оценочным компонентом. Таким образом, анализ дистрибуции *wonder* позволяет наиболее наглядно проследить диффузию границ между *удивлением* и *восхищением* в англоязычной картине мира.

Статистическая обработка данных (выборка из 218 контекстуальных пар) выявила значимую вариативность перевода лексемы *wonder*. В ходе анализа установлено, что в 55 % случаев данная единица переводится эквивалентами *удивление* или *недоумение*. В 35 % контекстов переводческая интерпретация смещается в зону положительной оценки (*восторг*, *восхищение*), что подтверждает гипотезу о семантической диффузии. Оставшиеся 10 % выборки приходятся на предметное значение *чудо*. Распределение семантических вариантов перевода лексемы *wonder* в исследуемой выборке художественных текстов представлено в количественных показателях в таблице 1.

Таблица 1 – Семантические зоны перевода лексемы *wonder*

Вариант перевода (на рус. яз.)	Количество контекстов (ед.)	Доля от общей выборки (%)	Семантическая зона
удивление / недоумение	120	55 %	Поле «Удивление»
восторг / восхищение	76	35 %	Зона диффузии
чудо (объект)	22	10 %	Предметный ряд
Итого	218	100 %	Итого

Анализ данных таблицы 1 подтверждает статус лексемы *wonder* как когнитивного медиатора с широким семантическим диапазоном. Доминирующая доля переводов в зоне *удивление / недоумение* (55 %) указывает на сохранение первичного когнитивного компонента – реакции на неизвестное. Однако значительный удельный вес сегмента *восторг / восхищение* (35 %) верифицирует гипотезу о существовании зоны диффузии, в которой когнитивный шок трансформируется в эстетическую оценку. Минимальная доля предметных соответствий (*чудо* – 10 %) подчеркивает преобладание процессуально-эмотивного аспекта над событийным. Суммарный интерпретативный потенциал лексемы в зоне положительной оценки и предметной объективации составляет 45 %. Таким образом, статистическое распределение эквивалентов в НКРЯ доказывает, что *wonder* выступает связующим звеном континуума, обеспечивая в более чем трети случаев (35 %) прямой переход от интеллектуального дефицита к аксиологическому финалу.

Данные параллельного корпуса НКРЯ подтверждают, что при переводе на русский язык *wonder* редко ограничивается эквивалентом *удивление*, требуя более экспрессивных лексем для передачи оценочного компонента. В романе Ч. Диккенса: *I stood looking at the house... with a wonder whether it would ever be lighthouse or a goal* [Ch. Dickens] – *Я стоял и смотрел на дом... с недоумением, не суждено ли ему стать когда-нибудь маяком или тюрьмой* – лексема интерпретируется как *недоумение* [пер. М. Лорие], акцентируя интеллектуальный аспект. Однако в контекстах типа *“The wonder of the sunrise” – «Восторженное*

созерцание рассвета» сценарий трансформируется в аксиологическую оценку. Анализ выборки показывает, что в 45 % случаев (суммарно по зонам диффузии и предметного ряда) *wonder* переводится лексемами *чудо*, *изумление* или *восторг*, что доказывает синкретизм английского сценария *удивление – восхищение* в противовес русской лингвокультуре, требующей дискретизации когнитивного процесса и эмоционального результата. Таким образом, *wonder* выступает связующим звеном, подтверждающим гипотезу о комплементарности данных эмоциональных полей.

Анализ переводческих соответствий позволяет сделать вывод о том, что русскому языковому сознанию ближе интериоризация эмоций как стихийных сил, полностью овладевающих субъектом: *замереть от изумления*, *сердце переполнилось восторгом*. Так, в переводе романа Ш. Бронте *"I stood in a dream of delight"* трансформируется в *«Я замерла в упоении, точно во сне»* [пер. В. Станевич], где акцент смещается со статичного состояния на интенсивное проживание. Материал английских оригиналов демонстрирует преобладание дистанцированной позиции субъекта как рационального аналитика, что подтверждается парой *"She looked at him with wonder" – «Она смотрела на него с благоговением»* [Ф. С. Фицджеральд, пер. Е. Калашниковой]: английский концепт фиксирует процесс наблюдения, а русский – глубокий этический подтекст. При наличии изоморфных черт (интенсивность, внезапность) алломорфные различия проявляются в векторе концептуализации: английский язык тяготеет к объективации внешнего стимула (*to look with wonder*), тогда как русский – к описанию захваченности человека чувством (*охвачен изумлением*).

Для объективации выдвинутых теоретических положений нами проведен анализ контекстуальной реализации исследуемых лексем в параллельном русско-английском сегменте НКРЯ. Особое внимание уделялось выявлению зависимости между типом внешнего стимула (когнитивного триггера) и итоговым вектором интерпретации эмоционального состояния в переводе. В ходе сопоставительного анализа установлено, что семантическая трансформация и переход от фиксации факта (удивление) к его аксиологической оценке (восхищение) напрямую детерминированы характером вызывающего их события. Систематизированные результаты этого этапа исследования, иллюстрирующие специфику межъязыковых соответствий и механизмы семантической диффузии полей, представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Реализация интерпретативного потенциала лексем и типы когнитивных триггеров (по данным НКРЯ)

Лексема (EN)	**Контекст (English / Russian)**	**Когнитивный триггер (стимул)**	**Тип трансформации**
surprise	*I was surprised by his question / Я был удивлен его вопросом*	нарушение ожиданий (нейтральное)	эквивалентный перевод
astonishment	*To my astonishment, he survived / К моему изумлению, он выжил*	экстремальное событие (шок)	интенсификация
wonder	*The wonder of the starry sky / Восторг (чудо) звездного неба*	эстетический объект (красота)	диффузия (удивление → восхищение)
admiration	*Sincere admiration for her talent / Искреннее восхищение ее талантом*	признание совершенства (ценность)	аксиологическая оценка
delight	*He laughed with delight / Он рассмеялся от восторга*	получение удовольствия (радость)	эмоциональный финал

Анализ данных, систематизированных в таблице 2, позволяет эксплицировать механизмы семантической деривации в рамках исследуемых полей. Установлено, что лексемы *surprise* и *astonishment* демонстрируют устойчивую эквивалентность в обоих языках, что подтверждает их статус универсальных когнитивных индикаторов «шоковой»

реакции на внезапный стимул. Однако принципиальное значение для нашего исследования имеют контексты реализации лексемы *wonder*.

Как видно из представленных примеров, при смене когнитивного триггера с нейтрального (необычный факт) на аксиологически значимый (эстетический объект, чудо природы) наблюдается качественный сдвиг в интерпретативном потенциале единицы. В 45 % проанализированных случаев из НКРЯ английское *wonder* транслируется на русский язык через лексемы поля *восхищение* (*восторг, чудо*), что доказывает существование зоны семантической диффузии.

Различия в графе «Когнитивный триггер» демонстрируют, что если в английской лингвокультуре когнитивный компонент (*удивление*) и оценочный (*восхищение*) могут быть синкретично упакованы в одну лексему, то русская переводческая традиция стремится к дискретизации этих смыслов. Таким образом, данные таблицы подтверждают, что переход от когнитивного триггера к оценочному результату в русском языке маркируется более жесткой лексической границей, в то время как в английском языке этот процесс носит более континуальный характер.

Выводы. Проведенный анализ подтверждает, что, несмотря на неизбежный субъективизм переводческих стратегий, совокупность решений, зафиксированная в параллельном корпусе, репрезентирует устойчивые национально-специфические модели. Перевод здесь выступает не как искажающий посредник, а как инструмент контрастивного анализа, позволяющий выявить границы семантической диффузии концептов, которые в рамках одной лингвокультуры остаются неявными. Результаты исследования доказывают, что английская традиция тяготеет к континуальности когнитивного процесса, в то время как русская требует его дискретизации и глубокой психологической интерпретации

Проведенное исследование на материале англо-русских параллельных текстов подтверждает гипотезу о функционально-семантической диффузии полей *удивление* и *восхищение*. Анализ переводческих трансформаций лексемы *wonder* в НКРЯ доказывает проницаемость границ между первичным когнитивным шоком и аксиологической оценкой. Установлено, что в английских оригиналах данная диффузия носит синкретичный характер, допуская совмещение смыслов в рамках одной единицы (*wonder*). В то же время русские переводческие решения демонстрируют устойчивую тенденцию к дискретизации когнитивного процесса и его эмоционального результата, что выражается в использовании уточняющих лексем (*изумленное восхищение*, *восторженное созерцание*).

Таким образом, контрастивный анализ выявил зоны неполной межъязыковой эквивалентности, обусловленные различным вектором концептуализации эмоций: от событийной объективации внешнего стимула в английском языке к описанию глубокой интериоризации чувства в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев А. В., Нечепуренко М. Ю.* Кластер «удивление» в русском и английском языках // Современные наукоемкие технологии. – 2013. – № 7-1. – С. 73–74.
2. *Апресян Ю. Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 766 с.
3. *Апресян Ю. Д.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 1488 с.
4. *Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику. – М. : Эдиториал УРСС, 2013. – 368 с.
5. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. – Тамбов : Издат. дом ТГУ, 2014. – 236 с.
6. *Бочкарев А. Е.* О восхищении в русском языковом сознании // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2019. – Т. 17, № 3. – С. 42–53.
7. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
8. *Вилюнас В. К.* Психология эмоциональных явлений. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 142 с.

9. *Демьянков В. З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.

10. *Дусманова С. У., Петрова Е. Б.* Средства английского языка, используемые для выражения положительных эмоций // Актуальные вопросы английской филологии. – Набережные Челны, 2016. – С. 101–104.

11. *Куралева Т. В.* Лингвистическая репрезентация эмоционального состояния «УДИВЛЕНИЕ» // Litera. – 2023. – № 9. – С. 133–140.

12. *Магомедова С. М.* Психолингвистическое исследование концепта «Удивление» // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 23. – С. 139–147.

13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL : https://ruscorpora.ru (дата обращения: 10.11.2025).

14. *Ожегова С. С.* Вербализация эмоции удивления в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Волгоград, 2011. – 186 с.

15. *Остапенко А. И.* Динамические изменения в системе средств объективации эмоционального концепта «Удивление» // Вестник ЮУрГГПУ. – 2010. – № 2. – С. 263–274.

16. *Пиотровская Л. А.* Теоретические основания разграничения терминов «описание эмоций», «выражение эмоций» и «отражение эмоций» в лингвистическом анализе // Terra Linguistica. – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 101–117.

17. *Погожая С. Н.* Способы выражения эмоциональности в языке (на примере эмоционального состояния «Восхищение») // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2010. – Т. 7, № 18(89). – С. 124–130.

18. *Прохорова О. Н., Погожая С. Н.* Функционально-семантические особенности прилагательных amazing и awesome, вербализирующих эмоциональный концепт «Восхищение» в современном английском языке // Russian Journal of Linguistics. – 2011. – № 3. – С. 58–62.

19. *Родионова М. Ю.* Семантические характеристики английских слов, называющих эмоциональное состояние человека // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2. – С. 283–291.

20. *Ромашина О. Ю.* Особенности объективации эмоциональных конструктов в современном английском языке // Вестник САФУ. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 6. – С. 99–105.

21. *Старикова Т. С., Шушмарченко Е. А.* Семантическое поле концепта SURPRISE в современном английском языке // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – № 7(43). – С. 25–32.

22. *Шаховский В. И.* Лингвистическая теория эмоций : монография. – М. : Гнозис, 2008. – 284 с.

23. *Ekman P.* Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life. – New York : Times Books, 2003. – 240 p.

24. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – URL : https://www.merriam-webster.com (дата обращения: 10.11.2025).

25. Oxford English Dictionary (OED) [Электронный ресурс]. – URL : https://www.oed.com (дата обращения: 10.10.2025).

Статья поступила в редакцию 21.01.2026

REFERENCES

1. Alekseev A. V., Nechepurenko M. Yu. Klaster «udivlenie» v russkom i anglijskom yazykah // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. – 2013. – № 7-1. – S. 73–74.

2. Apresyan Yu. D. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. – M. : Yazyki russkoj kul'tury, 1995. – 766 s.

3. Apresyan Yu. D. Novyj ob"yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka. – M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – 1488 s.

4. Baranov A. N. Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku. – M. : Editorial URSS, 2013. – 368 s.

5. Boldyrev N. N. Kognitivnaya semantika. – Tambov : Izdat. dom TGU, 2014. – 236 s.

6. Bochkarev A. E. O voskhishchenii v russkom yazykovom soznanii // Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya. – 2019. – T. 17, № 3. – S. 42–53.

7. Vezhbickaya A. Semanticheskie universalii i opisanie yazykov / per. s angl. A. D. Shmeleva. – M. : Yazyki russkoj kul'tury, 1999. – 780 s.

8. Vilyunas V. K. Psihologiya emocional'nyh yavlenij. – M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1976. – 142 s.

9. Dem'yankov V. Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podhoda // Voprosy yazykoznaniya. – 1994. – № 4. – S. 17–33.

10. Dusmanova S. U., Petrova E. B. Sredstva anglijskogo yazyka, ispol'zuemye dlya vyrazheniya polozhitel'nyh emocij // Aktual'nye voprosy anglijskoj filologii. – Naberezhnye Chelny, 2016. – S. 101–104.

11. Kuraleva T. V. Lingvisticheskaya reprezentaciya emocional'nogo sostoyaniya «UDIVLENIE» // Litera. – 2023. – № 9. – S. 133–140.

12. Magomedova S. M. Psiholingvisticheskoe issledovanie koncepta «Udivlenie» // Voprosy psiholingvistiki. – 2015. – № 23. – S. 139–147.

13. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [Elektronnyj resurs]. – URL : https://ruscorpora.ru (data obrashcheniya: 10.11.2025).

14. Ozhegova S. S. Verbalizaciya emocii udivleniya v russkom i anglijskom yazykah : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. – Volgograd, 2011. – 186 s.

15. Ostapenko A. I. Dinamicheskie izmeneniya v sisteme sredstv ob"ektivacii emocional'nogo koncepta «Udivlenie» // Vestnik YuUrGGPU. – 2010. – № 2. – S. 263–274.

16. Piotrovskaya L. A. Teoreticheskie osnovaniya razgranicheniya terminov «opisanie emocij», «vyrazhenie emocij» i «otrazhenie emocij» v lingvisticheskom analize // Terra Linguistica. – 2025. – T. 16, № 2. – S. 101–117.

17. Pogozhaya S. N. Sposoby vyrazheniya emocional'nosti v yazyke (na primere emocional'nogo sostoyaniya «Voskhishchenie») // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya. – 2010. – T. 7, № 18(89). – S. 124–130.

18. Prohorova O. N., Pogozhaya S. N. Funkcional'no-semanticheskie osobennosti prilagatel'nyh amazing i awesome, verbaliziruyushchih emocional'nyj koncept «Voskhishchenie» v sovremennom anglijskom yazyke // Russian Journal of Linguistics. – 2011. – № 3. – S. 58–62.

19. Rodionova M. Yu. Semanticheskie harakteristiki anglijskih slov, nazyvayushchih emocional'noe sostoyanie cheloveka // Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki. – 2014. – № 2. – S. 283–291.

20. Romashina O. Yu. Osobennosti ob"ektivacii emocional'nyh konstruktov v sovremennom anglijskom yazyke // Vestnik SAFU. Ser.: Gumanitarnye i social'nye nauki. – 2013. – № 6. – S. 99–105.

21. Starikova T. S., Shushmarchenko E. A. Semanticheskoe pole koncepta SURPRISE v sovremennom anglijskom yazyke // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – № 7(43). – S. 25–32.

22. Shahovskij V. I. Lingvisticheskaya teoriya emocij : monografiya. – M. : Gnozis, 2008. – 284 s.

23. Ekman P. Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life. – New York : Times Books, 2003. – 240 p.

24. Merriam-Webster Dictionary [Elektronnyj resurs]. – URL : https://www.merriam-webster.com (data obrashcheniya: 10.11.2025).

25. Oxford English Dictionary (OED) [Elektronnyj resurs]. – URL : https://www.oed.com (data ob-rashcheniya: 10.10.2025).

The article was contributed on January 21, 2026

Сведения об авторах

Петрова Инна Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и лингводидактики Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия, https://orcid.org/0000-0003-3060-1387, miinna@yandex.ru

Мичугина Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингводидактики Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия, https://orcid.org/0000-0002-3687-3532, michuginasv@mgpu.ru

Author Information

Petrova, Inna Mihaylovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of English Philology and Linguodidactics, Moscow City University, Moscow, Russia, https://orcid.org/0000-0003-3060-1387, miinna@yandex.ru

Michugina, Svetlana Viktorovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English Philology and Linguodidactics, Moscow City University, Moscow, Russia, https://orcid.org/0000-0002-3687-3532, michuginasv@mgpu.ru

УДК 811.161.1’373.612 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.021

Е. И. Селиверстова, Г. Бай

КОМПАРАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С КОМПОНЕНТАМИ *БАРАБАН* И *БУБЕН* В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу компаративных конструкций с компонентами – наименованиями музыкальных инструментов «барабан» и «бубен» в русском языковом сознании. Актуальность исследования обусловлена, во-первых, высокой частотностью подобных словосочетаний в художественных текстах и, во-вторых, разнообразием признаков и представлений, вербализуемых ими и отражающих особенности их восприятия носителями русского языка и культуры. Применение контекстуального и концептуального методов при анализе примеров из Национального корпуса русского языка, охватывающих период с последней трети XX в. по настоящее время, показывает, что *барабан* и *бубен* как образные эталоны в компаративных конструкциях участвуют в реализации в дискурсе разнообразных признаков. Это послужило основанием для построения их классификации.

С одной стороны, это признаки, зафиксированные в словарях (‘круглый’, ‘ударный’, ‘звучащий’ и др.). С другой стороны, в контексте, содержащем сравнения, актуализируются признаки, характеризующие особенности звучания (‘громко’, ‘ритмично’, ‘гулко’), строения (‘гладкость’ и ‘натянутость кожи’ барабана, ‘внутренняя пустота’, ‘открытость поверхности’), формы (‘круглый’, ‘высокий’). Обнаруживается способность характеризовать психическое, физическое и финансовое состояние персонажа, порождать ассоциации со сферой телесного, ритуального, этнического и других культурных кодов. Контекстуальные использования образов барабана и бубна демонстрируют, таким образом, разнообразные окказиональные прочтения, развитие семантики, важной для раскрытия авторского замысла. Некоторые из возникающих коннотаций, связанных, например, с символичностью барабанного боя, становятся понятными лишь с учетом широкого культурного контекста. Компаративные конструкции с компонентами «барабан» и «бубен» служат средством выразительности, выполняют характерологическую и текстообразующую функции.

Ключевые слова: *компаративная конструкция, художественный текст, барабан, бубен, образ, функция*

E. I. Seliverstova, G. Bay

COMPARATIVE CONSTRUCTIONS WITH THE COMPONENTS “DRUM” AND “TAMBOURINE” IN LITERARY TEXTS

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of comparative constructions with components represented by the names of the musical instruments “drum” and “tambourine” in Russian linguistic consciousness. The relevance of the study is due, firstly, to the high frequency of such expressions in literary texts and, secondly, to the variety of signs and ideas verbalized by them and affecting the peculiarities of their perception by native speakers of the Russian language and culture. The usage of contextual and conceptual methods in the analysis of examples drawn from the National Corpus of the Russian Language, covering the period from the last third of the 20th century to the present, shows that the drum and the tambourine as figurative standards in comparative constructions participate in the implementation of various features in discourse. This has provided the basis for their classification.

On the one hand, these are signs recorded in dictionaries (“round”, “percussion”, “sounding”, etc.). On the other hand, in a context containing comparisons, the features characterizing the sound (“loud”, “rhythmic”, “booming”), structure (“smoothness” and “skin tightness” of the drum, “internal emptiness”, “surface openness”), shape (“round”, “high”) become more relevant. These images may also be used to reflect the mental, physical and financial state of the character, to generate associations with the sphere of bodily, ritual, ethnic and other cultural codes. The contextual uses of the drum and tambourine images thus demonstrate a variety of occasional readings, the development of semantics important for revealing the author’s intention. Some of the emerging connotations – related, for example, to the symbolism of drumming – become clear only given the wide cultural context. Comparative constructions with components “drum” and “tambourine” serve as a means of expression, perform characterological and text-forming functions.

Keywords: *comparative construction, literary text, drum, tambourine, image, function*

Введение. Музыка – это важнейший элемент социокультурного пространства и культурный код любого народа, неразрывно связанный с историей страны, ее обычаями и традициями [6, с. 277]. В лингвистических исследованиях особое внимание к музыкальным инструментам как объекту анализа оправданно: эти предметы материальной культуры связаны не только с представлением об извлечении звуков музыки, но и с иными кодами культуры – телесным, ритуальным и др. Не случайно наименования инструментов широко востребованы во фразеологии и участвуют в формировании устойчивых образно-оценочных структур, отражающих стереотипные представления; ср.: *бесструнная балалайка*; *в кармане как в турецком барабане – воздух один*; *голос как труба*; *тощ как флейта*.

Лексемы-наименования музыкальных инструментов привлекают сегодня внимание ученых в двух направлениях. Первое из них – это изучение особенностей фразеологизмов с образными компонентами, связанными с музыкой. В работах В. В. Катерминой [2], Е. Б. Кузьминой [4], Е. К. Николаевой [7], Н. Н. Почуевой [9], Н. О. Самаркиной [11], С. А. Шагаевой [14] и др. рассматриваются особенности оборотов, содержащих компоненты с музыкальной семантикой, механизмы формирования их значения – с привлечением обширных словарных данных, материала русских народных говоров и иных, помимо русского, языков. Некоторые инструменты – в частности, образ *колокола* – отмечены столь глубокой национально-маркированной семантикой, что их изучение вылилось практически в отдельное направление в изучении русских устойчивых единиц – см.: [3], [5], [8] и др.

Актуализация ассоциаций, связанных с привычными, казалось бы, эталонами, в рамках сравнительных конструкций в художественном тексте, – второе важное направление, позволяющее увидеть, как актуальные для автора признаки предметов и действий увязываются в контексте с образной информацией, раскрывая мировидение писателя. Л. В. Разуваева видит в сопоставлении предметов и явлений источник «сведений о личности субъекта, автора или персонажа» и выявляет в своей работе эксплицитно и имплицитно выраженные основания сравнения [10, с. 114]. Выразительный потенциал музыкальной лексики и терминологии, их метафорическое осмысление и экспрессивность делают весьма привлекательным изучение единиц музыкального кода в формировании образности художественного текста. Обратившись к региональной художественной прозе, О. Н. Черноусова выявляет зависимость функций образных сравнений от особенностей идиостиля писателя, проявляющихся в «художественно-эстетической трансформации объекта сравнения» – для конкретизации субъекта сравнения и его оценки [12, с. 4]. «Образная емкость» сравнений и «неожиданная экспрессия», включение их в систему других приемов позволяют автору создать характеристики предметов и придают художественную силу его произведению [13, с. 10].

Данная работа посвящена исследованию сравнений с компонентами «барабан» и «бубен» с целью выявления системы признаков, реализуемых ими в художественных текстах

в соответствии с авторским замыслом. Под сравнительным оборотом нами понимается конструкция, основанная на «совмещенном видении двух картин» (В. Г. Гак), выражающая компаративные отношения между предметом или его признаком и другим предметом, бесспорным выразителем данного признака, качества, свойства, действия.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена высокой частотностью в художественных текстах компаративных конструкций с компонентами-названиями музыкальных инструментов в функции эталона для сравнения, а также разнообразием вербализуемых ими признаков и представлений, отражающих особенности их восприятия носителями русского языка и культуры и, что особенно важно, вербализующих проявления индивидуально-авторской картины мира.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили компаративные конструкции с компонентами «барабан» и «бубен», отобранные из контекстов Национального корпуса русского языка, охватывающих период с последней трети XX в. по настоящее время. К исследованию привлекались данные толковых и этимологических словарей. В рамках работы использовались методы семантического анализа, лингвокультурологического, контекстуального, компонентного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Согласно [БТС], слово *барабан* трактуется как «ударный музыкальный инструмент в виде полого цилиндра с обтянутыми кожей основаниями», по которым ударяют палочками или руками (ср.: *бить в барабан, играть на барабане, пионерский барабан, маршировать под барабан*). Отмечено употребление «Грубо. О большом, круглом, выпирающем вперед животе» и еще два значения, связанные с областью техники (*барабан бетономешалки*) и архитектурой (‘о цилиндрическом основании купола’) [1], что указывает на высокую метафорическую продуктивность данной лексемы. *Бубен* определяется как «ударный музыкальный инструмент в виде обтянутого кожей обода с бубенчиками или металлическими пластинками по краям» (*бить в бубен, звенеть бубном, плясать под бубен*) [1]. Более узкая семантическая специализация лексемы коррелирует с устойчивым восприятием бубна как источника однообразного, ритмически повторяющегося низкого по тембру звучания; ср. глагол *бубнить* как производный от бубна.

Как показывают художественные тексты, образы *барабана* и *бубна* в составе компаративных конструкций актуализируют, во-первых, признаки, входящие в виде компонентов в семантическую структуру слов *барабан* и *бубен* на уровне узуального употребления, что отражается в их дефинициях. Это реализация в основном зрительных ассоциаций. Так, одним из наиболее частотных является признак барабана как ***круглого*** предмета определенной ***высоты***[1]: «Плаха была *круглая и размалеванная, как барабан*» (М. и С. Дяченко. Привратник). Здесь также вербализован редко встречающийся в нашем материале признак – раскраска барабана. Форма барабана служит эталоном для описания разного рода предметов, в том числе человеческого тела – преимущественно живота: «*округлый* живот, *выдававшийся, как барабан*» (А. Волков. «Хоббиты» с острова Флорес); «Он ест до изнеможения, до пота, пока живот у него *не вздувается, как барабан*» (Н. Дубов. Огни на реке); «мужчина *с лысиной как пионерский барабан*» (О. Славникова. 2017).

Образ барабана используется для акцента на ***натяжении, гладкости поверхности***: «Протомилась, с тоской поглядывая на свое пузо, *тугое, как барабан*» (Т. Юрьева. Дневник культурной девушки). В описании кожи лица наблюдается отсылка к реальному устройству инструмента, акустические свойства которого определяются натяжением кожаных

[1] Это вполне соответствует описанию его устройства как состоящего «из полого цилиндрического корпуса и одной или двух кожаных мембран. От соотношения высоты и толщины корпуса, диаметра мембран, материала изготовления зависит относительная высота и тембр звука» [Большая Российская энциклопедия; https://bigenc.ru/c/baraban-575c97].

мембран: «Лицо у нее красное и широкое, а кожа *натянута как на барабане*» (В. Токарева. Ни сыну, ни жене, ни брату); «Кожа на лицевой части была *гладкая, как на барабане*» (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Полдень). Напоминает барабан и необычно сидящая на человеке одежда: «Эта была одета странно: … *ватник на ней натянут барабаном*» (Г. Троепольский. Белый Бим Черное ухо); «*Туго, барабаном натянутая* фуражка водружалась на голову» (Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха).

В сравнениях с образом *бубна* реализуются два признака, оказавшиеся неактуальными для барабана: признак ***открытости, обнаженности поверхности***: «Солнце, хотя и стоит низко, светит вовсю, а степь *голая, как цыганский бубен*, никуда не скроешься» (Н. Дубов. Мальчик у моря). Здесь в самом контексте содержится расшифровка авторской ассоциации: *голый* (о степи) – в соответствии с одним из значений лексемы ‘лишенный растительности’ [ОШ]. Сравнение по ***крепости, плотности*** проводится Ю. Курановым между грибом боровиком и бубном – с его натянутой на лиственничный обод шкурой оленя: «Стоит на опушке боровик. Широкий, рослый. *Плотный, как бубен*» (Ю. Куранов. Дни сентября).

Барабан, имея цилиндрическую форму и определенное внутреннее пространство, пустоту, являющуюся дополнительным резонатором, дает основания для сравнения с ним предметов по признаку «***полый, пустой***»: «Громадный аэропорт был *пуст как барабан*» (В. В. Ершов. Летные дневники); «Холодильник был *пуст, как ритуальный барабан*…» (Улья Нова. Инка). Этот признак связан и с бубном как объектом сравнения: «Магазин был пуст, *пуст, как бубен*» (В. Слипенчук. Зинзивер).

К признаку пустоты нередко добавляется и представление ***о гулком звуке***, издаваемом полым предметом, – эти признаки часто приводятся вместе: «*Пусты и гулки* были мебельные ящики, *гулки, как барабаны*» (О. Славникова. 2017); «В шкафу-баре *пустого, гулкого, как барабан,* холостяцкого дома … не переводилась текила» (И. Бояшов. Кокон); «Обо что-нибудь шандарахнулась палка, *гулко, как в бубен*, – и получался звук – такой же неизбежный, как предыдущий, и такой же неимоверно сильный, даже жуткий» (К. Сурикова. Эти дети смеялись как сумасшедшие). В последнем примере странный звук упавшей палки страшен не сам по себе – он вписывается в ряд других доносящихся звуков, которые были похожи «на все, что угодно, только не на нормальные человеческие, так сильно отличались от других…». В совокупности с другими звуками, похожими на звон разбитого мячом стекла, треск разрываемых тряпок, это создает пугающий эффект от непонимания происходящего.

Ассоциация с пустотой барабана – способ показа состояния персонажей, их ***эмоциональной опустошенности, физического и морального бессилия***: «И когда ты уже окончательно выдохся и *пуст, как барабан…* тебя снимают!» (Л. Вертинская. Синяя птица любви); «*Голова пуста, как барабан, говорить ничего не хочется*…» (В. Спектр. Face Control). Пустота барабана аналогична пустоте карманов, кошелька – это знак финансовой несостоятельности человека: «Я сейчас на мели. *Пустой, как барабан*» (А. Соловьев. Аркан для букмекера); *на мели* – ‘в нужде, без денег’.

Сближение барабана и бубна как объектов сравнения особенно очевидно при ***характеристике звучания*** – это наиболее важная черта музыкальных инструментов. «Пол оказывается неожиданно твердым и *гудким как барабан*, в который ежедневно колотят дикари» (Г. Демидов. Без бирки); «Остальные выбивали ремнями *гудящие, как барабаны*, матрасы» (О. Павлов. Степная книга); «Снова пела степь, и говорили курганы, и *гудела* земля, *как бубен*» (М. Тарковский. Тойота-Креста). Звучание бубна благодаря специальным металлическим пластинам часто характеризуется глаголом *звенеть*: «Земля под его лучами трепещет и *звенит, как бубен*» (А. Балдин. Московские праздные дни).

Образы *барабана* – реже *бубна* – соотносятся ***с ощущением гула***, ***гудения*** в голове, неприятного и непривычного ощущения: «А чего это у тебя голова *как барабан гудит*»

(Н. Абгарян. Все о Манюне); «Отвесил по макушке Джерому щелбан с оттяжкой, так что в голове *загудело, как в барабане*» (Д. Липскеров. Сорок лет Чанчжоэ); «… *Как будто бубен гудел* в ушах» (Ф. Крюков. Ратник).

Образы обоих ударных инструментов, участвующих ***в создании определенного ритма***, активны в передаче состояний человека – страха, волнения и др., отмеченных усиленным сердцебиением. «Только глухими ударами, *как барабан*, *билось* мое сердце» (А. Геласимов. Год обмана); «Сердце его *стучало, как гиря в пустой барабан*» (И. Полянская. Площадь); «Сердце у Петьки *колотилось, как барабан*» (А. Геласимов. Степные боги). Иным предстает образ *бубна* в контексте, акцентирующем не физиологически ощущаемый ритм, а психологический дискомфорт: «И тогда он понял обостренную внутреннюю тишину – ни разум с чувством не устраивали возни под равнодушным оком правоты, ни совесть в душу *не била,* как в набат бунта, *как в бубен табу*» (И. Адамацкий. Утешитель).

Нельзя не заметить и достаточно последовательного появления в художественном тексте образа *бубна* как единицы ***ритуального*** культурного кода. Он является ключевым атрибутом шаманских действий – в него бьют, сопровождая звуком танец, отгоняя злых духов и т. п.: «Бабушка … поймала шустрого внука и стала *бить* в него, *как шаман в бубен,* гоняя его за руку вокруг» (А. Сальников. Петровы в гриппе и вокруг него); «*Стих, как и шаманский бубен, уводит человека в просторы «седьмого неба»*» (Н. Гаген-Торн. Memoria).

Выводы. Проведенный анализ показал, что барабан и бубен в компаративных конструкциях в художественных текстах обладают устойчивым образно-оценочным потенциалом. Актуализируемые ими в составе сравнений признаки свидетельствуют, с одной стороны, о традиционных представлениях об этих инструментах, касающихся внешней стороны – формы, плотной, гладкой и натянутой поверхности. С другой стороны, использование образов *барабана* и *бубна* выходит за пределы стереотипных представлений об этих музыкальных инструментах, отражая особый авторский взгляд. Так, значительной частотностью отмечен признак пустоты, отсутствия содержимого в барабане, перенесенный на другие предметы материального мира и в сферу чувств и состояний человека. Пустота, создающая акустический эффект гулкости, порождает еще одну возможность сравнения.

В целом же можно отметить, что предназначение инструментов – их способность определенным образом звучать (*гудеть, звенеть* и др.), акцентировать ритм – создает целый спектр ярких образных конфигураций, связанных с физическими ощущениями, состояниями и эмоциями человека, осуществлением ритуалов, усиливает экспрессивность и эмоциональную выразительность текста. При этом наш ограниченный временными рамками материал показывает большее разнообразие актуализированных в художественных текстах признаков барабана, нежели бубна.

ЛИТЕРАТУРА

1. БТС – Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. ИЛИ ; сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1534 с.

2. *Катермина В. В.* Музыкальные мотивы в русской фразеологии: музыкальные инструменты // Человек. Культура. Образование. – 2014. – № 2(12). – С. 156–166.

3. *Ковшова М. Л.* Идиомы и паремии с «колокольной» семантикой: образы и смыслы // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. Сер. Лингвокультурологические исследования. – М. : Гнозис, 2019. – С. 387–404.

4. *Кузьмина Е. Б.* Фразеологизмы с компонентом – названием музыкального инструмента в русских народных говорах // Frazeologické študie VI. Hudobné motivy vo frazeologii. – Bratislava : Univerzita Komenského, 2014. – S. 202–211.

5. *Куницына О. М.*, *Первозванский Р. И.* Репрезентация концептов «колокол» и «звон» в русских, немецких и французских фразеологизмах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 9(864). – С. 74–79. – DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_74.

6. *Мед Н. Г.* Семантические характеристики испанских фразеологизмов с музыкальным компонентом // Древняя и Новая Романия. – 2014. – Т. 13, № 1. – С. 275–285.

7. *Николаева Е. К.* Музыкальные инструменты в новой русской фразеологии // Идеографическая картина современной фразеологической неологии : коллективная монография / отв. ред. Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, И. В. Кузнецова. – СПб. : ЛЕМА, 2025. – С. 67–73.

8. *Николаева Е. К.*, *Гэ Бай*. Фразеологизмы с компонентом «колокол» в русской и китайской лингвокультурах // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2024. – № 4(125). – С. 90–96. – DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.011.

9. *Почуева Н. Н.* Семантические особенности фразеологизмов с лексемой-компонентом из сферы музыки (на материале русского и английского языков) // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2(41). – С. 171–179.

10. *Разуваева Л. В.* Лексико-грамматические свойства компаративных конструкций с эксплицитным основанием сравнения в художественном тексте // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 114–117.

11. *Самаркина Н. О.* Метафора в формировании фразеологических единиц с компонентом, относящимся к фразеосемантическому полю «музыка», в английском и турецком языках // Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Казань, 2006. – 28 с.

12. *Черноусова О. Н.* Функционирование образных сравнений в региональной художественной прозе и устной речи диалектоносителей : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01. – Волгоград, 2014. – 23 с.

13. *Чумаков А. Н.* Индивидуально-авторская специфика компаративных конструкций в поэзии С. Минакова // Журнал филологических исследований. – 2022. – Т. 7, № 1. – С. 8–11.

14. *Шагаева С. А.* Концепт музыка в русской языковой картине мира (на материале лексикографических источников) // Исследования по славянским языкам. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 51–74. – DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-2-18-27.

Статья поступила в редакцию 30.01.2026

REFERENCES

1. BTS – Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka: A-Ya / RAN. ILI; sost., gl. red. S. A. Kuznetsov. – SPb. : Norint. 1998. – 1534 s.

2. Katermina V. V. Muzykalnyye motivy v russkoy frazeologii: muzykalnyye instrumenty // Chelovek. Kultura. Obrazovaniye. – 2014. – № 2(12). – S. 156–166.

3. Kovshova M. L. Idiomy i paremii s «kolokolnoy» semantikoy: obrazy i smysly // Logicheskiy analiz yazyka. Ponyatiye very v raznykh yazykakh i kulturakh. Ser. Lingvokulturologicheskiye issledovaniya. – M. : Gnozis. 2019. – S. 387–404.

4. Kuzmina E. B. Frazeologizmy s komponentom – nazvaniyem muzykalnogo instrumenta v russkikh narodnykh govorakh // Frazeologické študie VI. Hudobné motivy vo frazeologii. – Bratislava : Univerzita Komenského, 2014. – S. 202–211.

5. Kunitsyna O. M., Pervozvanskiy R. I. Reprezentatsiya kontseptov «kolokol» i «zvon» v russkikh. nemetskikh i frantsuzskikh frazeologizmakh // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. – 2022. – № 9(864). – S. 74–79. – DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_74.

6. Med N. G. Semanticheskiye kharakteristiki ispanskikh frazeologizmov s muzykalnym komponentom // Drevnyaya i Novaya Romaniya. – 2014. – T. 13, № 1. – S. 275–285.

7. Nikolayeva E. K. Muzykalnyye instrumenty v novoy russkoy frazeologii // Ideograficheskaya kartina sovremennoy frazeologicheskoy neologii : kollektivnaya monografiya / otv. red. Kh. Valter. V. M. Mokiyenko. I. V. Kuznetsova. – SPb. : LEMA, 2025. – S. 67–73.

8. Nikolayeva E. K., Ge Bay. Frazeologizmy s komponentom «kolokol» v russkoy i kitayskoy lingvokulturakh // Vestnik ChGPU im. I. Ya. Yakovleva. – 2024. – № 4(125). – S. 90–96. – DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.011.

9. Pochuyeva N. N. Semanticheskiye osobennosti frazeologizmov s leksemoy-komponentom iz sfery muzyki (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) // Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikatsiya. – 2021. – № 2(41). – S. 171–179.

10. Razuvayeva L. V. Leksiko-grammaticheskiye svoystva komparativnykh konstruktsiy s eksplitsitnym osnovaniyem sravneniya v khudozhestvennom tekste // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya. – 2008. – № 3. – S. 114–117.

11. Samarkina N. O. Metafora v formirovanii frazeologicheskikh edinits s komponentom. otnosyashchimsya k frazeosemanticheskomu polyu «muzyka». v angliyskom i turetskom yazykakh // Tatar. gos. gumanitar.-ped. un-t. – Kazan, 2006. – 28 s.

12. Chernousova O. N. Funktsionirovaniye obraznykh sravneniy v regionalnoy khudozhestvennoy proze i ustnoy rechi dialektonositeley : avtoref. dis. … kand. filol. nauk : 10.02.01. – Volgograd. 2014. – 23 s.

13. Chumakov A. N. Individualno-avtorskaya spetsifika komparativnykh konstruktsiy v poezii S. Minakova // Zhurnal filologicheskikh issledovaniy. – 2022. – T. 7, № 1. – S. 8–11.

14. Shagayeva S. A. Kontsept muzyka v russkoy yazykovoy kartine mira (na materiale leksikograficheskikh istochnikov) // Issledovaniya po slavyanskim yazykam. – 2021. – T. 26, № 1. – S. 51–74. – DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-2-18-27.

The article was contributed on January 30, 2026

Сведения об авторах

Селиверстова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, https://orcid.org/0000-0003-2020-0061, e.seliverstova@spbu.ru

Бай Гэ – аспирант филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, Bg1552991104@163.com

Author Information

Seliverstova, Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language for Faculties of Humanities and Natural Sciences, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, https://orcid.org/0000-0003-2020-0061, e.seliverstova@spbu.ru

Bay Ge – Post-graduate Student, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, Bg1552991104@163.com

УДК 811.133.1-31.09(65):008 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.022

В. Л. Соколова

КОНСТИТУТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРНЫЙ КОД» В АЛЖИРСКОМ ФРАНКОЯЗЫЧНОМ РОМАНЕ

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье предпринимается попытка описать *культурный код* с точки зрения междисциплинарного исследования. Предлагается критический анализ подходов к определению понятия и выявляются его конститутивные составляющие. В работе приводится основанная на лингвокультурологическом подходе классификация культурных кодов. Анализ осуществляется на материале франкоязычных алжирских романов.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью деконструкции комплексного процесса культурной самоидентификации в постколониальном алжирском обществе с целью систематизации и анализа элементов, формирующих совокупность культурных кодов. Франкоязычный алжирский роман второй половины XX в. характеризуется гибридностью, обусловленной культурным и языковым синкретизмом; уникальностью, детерминированной историческими фактами и событиями; поликультурностью, вызванной смешением различных этносоциумов.

Методологический аппарат включает нарратологический и семантический анализы корпуса художественных текстов и элементов, вербализующих культурный код, а также семиотический анализ и культурно-исторический метод. Выявлено, что классификация кодов культуры носит открытый характер и может дополняться, что дает возможность рассматривать ее как типологию. Подобная типология зависит от специфики конкретной лингвокультуры. Последнее определяется языковым, культурным, историческим контекстами региона. Предлагается введение такого типа культурного кода как «культурно-идеологический». Установлено, что код культуры имеет иерархическую или бинарную структуру. Для него характерен тропеический характер, который, главным образом, вербализуется посредством метафоры.

Ключевые слова: *культурный код, алжирский франкоязычный роман, типология культурных кодов, культурный метакод, культурно-идеологический культурный код*

V. L. Sokolova

CONSTITUTIVE CONTENT OF THE CONCEPT “CULTURAL CODE” IN THE ALGERIAN FRENCH-LANGUAGE NOVEL

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. The study aims to examine the concept “cultural code” from the point of view of interdisciplinary research. A critical analysis of approaches to the definition of the cultural code is proposed and its constitutive components are determined. The paper presents a classification of cultural codes based on a linguocultural approach. The analysis is based on Algerian French-language novels.

The relevance of the work is determined by the need to deconstruct the complex process of cultural self-identification in postcolonial Algerian society. To identify the list of elements that form cultural codes in their entirety. The Algerian French-language novel of the second half of the 20th century is characterized by hybridity due to cultural and linguistic syncretism; uniqueness determined by historical facts and events; multiculturalism caused by the mixing of various ethnic communities.

The methodological framework includes a narratological and semantic analysis of the corpus of literary texts and elements that verbalize the cultural code, as well as a semiotic analysis and a cultural-historical method. It is revealed that the classification of cultural codes is open and can be supplemented,

which makes it possible to consider it as a typology. The typology of cultural codes varies depending on the specifics of a particular linguistic culture. The latter is determined by the linguistic, cultural, and historical context of the region. It is proposed to introduce such a type of cultural code as “cultural and ideological”. It has been established that the cultural code has a hierarchical or binary structure. It is characterized by a tropic character, which is mainly verbalized through metaphor.

Keywords: *cultural code, Algerian French-language novel, typology of cultural codes, cultural metacode, cultural and ideological cultural code*

Введение. Рассматриваемое явление привлекает внимание отечественных и зарубежных ученых, в сфере научных интересов которых находятся классификации культурных кодов (М. Л. Ковшова, В. В. Красных, Ю. М. Лотман, В. А. Маслова, С. М. Толстая, К. Рапай, У. Эко), методологические основания существующих типологий (А. Вежбицкая, М. Л. Ковшова, Ю. М. Лотман, Б. Эшкрофт), подходы к определению культурных кодов (Н. С. Найденова, О. А. Сапрыкина, Л. Харчи). В этом свете представляется целесообразным разработать и обосновать авторскую типологию кодов культуры, релевантную для франкоязычной алжирской литературы второй половины XX в.

Цель нашего исследования заключается в выявлении конститутивных характеристик культурного кода, вербализующегося во франкоязычных алжирских романах второй половины XX в. Для достижения поставленной цели выдвинуты следующие научные задачи:

1) выявить и систематизировать подходы к определению феномена «культурный код»;

2) рассмотреть существующие определения понятия в представленных трудах отечественных и зарубежных исследователей;

3) выявить структуру культурного кода;

4) проанализировать классификации кодов культуры с учетом их теоретико-методологических оснований;

5) предложить авторскую типологию, релевантную для алжирской литературы второй половины XX в.

Актуальность исследуемой проблемы. Для реконструкции и описания семиотических механизмов художественного текста, которые составляют его имплицитную основу, необходима экспликация смыслового уровня произведения, т. к. содержательно художественный текст являет собой сложное устройство, хранящее многообразные коды [7, с. 162].

Понятие «код» генетически восходит к терминосистеме технических наук. Вместе с этим его операциональный потенциал получил широкую интерпретацию в гуманитарных науках. В рамках лингвистического, семиотического и культурологического подходов кодовый принцип анализа позволяет рассматривать общество, культуру и язык как элементы единой системно-категориальной модели [12, с. 4352]. Гетерогенность элементов, конституирующих понятие «культурный код», становится источником его семантического «размывания», что представляет собой один из ключевых методологических вызовов для современных исследований [11, с. 101].

Новизна проводимой нами научной работы обусловлена тем, что анализ и типологизация культурных кодов, представленных во франкоязычной алжирской литературе, осуществляется через призму междисциплинарного подхода. Культурный код выполняет специфические функции в художественном тексте, что позволяет рассматривать его как социокультурный, антропоисторический, когнитивный, лингвистический и семиотический феномены. Иными словами, код культуры в пространстве художественного текста носит многомерный характер: его ключевыми характеристиками становятся гибридность, историчность и поликультурность. Остановимся ниже на вышеописанных особенностях алжирского романа второй половины XX в.

Гибридность является одной из ядерных категорий, характеризующих франкоязычный алжирский роман второй половины XX в. В постколониальной теории термин введен Х. Бхабхой и используется для определения так называемого «третьего пространства» (third space), которое является гибридным, т. к. сочетает в себе черты уже усвоенной автохтонной культуры и новой, приобретенной аллохтонной культуры. Относительно корпуса текстов, которые мы изучаем в настоящей работе, гибридным мы называем не только пространство, но и язык и культуру. Так, главным образом, языковая гибридность находит свое отражение на лексическом уровне при использовании языковых единиц арабского или берберского происхождения (*un qalam, un séroual, une kachabia*, *le tam-tam, le souk*). Культурная гибридность вербализуется посредством описания фактуальных событий (*les Bônois* ***font la sieste***) и сосуществования языков ("Elle m'interpelle à nouveau, mais en arabe dialectal". – Она снова обращается ко мне на диалекте арабского; "Écrire en langue étrangère, hors de l'oralité des deux langues de ma région natale – le berbère des montagnes du Dahra et l'arabe de ma ville…" – Писать на иностранном языке, отличном от устного варианта языков моего родного региона – берберском в горах Дахры и арабском диалекте моего города…). Языковая и культурная гибридность указывает на полиэтничность, синкретизм и языковое разнообразие алжирской лингвокультуры.

Поликультурность. Франкоязычная литература Алжира второй половины XX в. представляет собой особый интерес, т. к. она сформирована в условиях культурного и языкового синкретизма, вобрав в себя элементы берберской, османской и европейской культур и берберского, арабского, французского и автохтонных языков. Подобного рода полифония формирует особую лингвокультурную формацию, представленную этноспецифичными текстами, в которых «обнаруживаются признаки традиционной словесной культуры метрополии и черты культуры этноса, воспринявшего язык бывшего колонизатора» [13, с. 44].

Историчность. Алжирская литература второй воловины XX в. носит особый характер, поскольку в ней особенно ярко отображены значимые исторические события региона данного периода: колониальное влияние; борьба за независимость и ее обретение; имплементация французского языка и, как следствие, формирование языковой полифонии и новой идентичности для автохтонного населения. В работах Л. Харчи отмечается, что франкоязычная алжирская литература относится к так называемой «литературе свидетельства» (littérature de témoignage), в которой французский язык не только является языком медиатором, но и позволяет избегать доминирующих дискурсов, тем самым помогая репрезентировать реальный культурно-исторический портрет Алжира второй половины XX в. [16, с. 46].

Материал и методы исследования. Вопросы изучения культурного кода освещены в трудах как отечественных (В. В. Красных, В. А. Маслова, Ю. М. Лотман, М. Л. Ковшова), так и зарубежных (К. Рапай, П. П. Трифонас, Л. Харчи, У. Эко) ученых. Материалом для исследования выступают тексты франкоязычных алжирских романов второй половины XX в. таких авторов, как М. Диб, А. Джебар, К. Ясин. Произведения этих представителей франкоязычной алжирской прозы обеспечивают многомерность анализа, релевантность по тематической составляющей, хронологическому охвату и языковому аспекту. Выбор материала обусловлен тем, что литература, как одна из конститутивных частей культуры этносоциума, манифестирует основы культурного кода и взаимовлияние культур как для членов определенного лингвокультурного пространства, так и вовне его.

Комплексная методика работы над анализом конститутивных черт кодов культуры во франкоязычной литературе Алжира строится на основе следующих методов:

– нарратологический анализ, с помощью которого удается установить, как вербализуется культурно-кодированное содержание. Так, например, установлены средства вербализации исторического нарратива в корпусе изучаемых текстов.

– семиотический анализ, который позволяет рассмотреть текст как пространство знаков культуры или семиосферу [6, с. 252];

– культурно-исторический метод, позволяющий более точно интерпретировать культурный код через конкретную реалию (социальную, историческую, этномаркированную);

– семантический анализ, помогающий выявить, с помощью каких языковых средств лексики объективируется конкретный культурный код.

Результаты исследования и их обсуждение. Рассмотрим подходы к определению кодов культуры, их классификации и принципы, положенные в основу различных типологий, и структуру изучаемого явления.

Основными дистинктивными признаками, позволяющими дифференцировать исследовательские подходы к культурному коду, выступают его символичность, функциональность и искусственный характер формирования [5, с. 231].

Антропологический подход определяет культурный код как конструкт социума, которому присущ антропоцентричный характер. Тезисы о том, что «любая культура имеет ту же значимость для представителей другой культуры» [1, с. 60] и «культура не наследуется биологически, но передается или насаждается социально» [1, с. 35], позволяют сделать выводы о том, что в рамках антропологического подхода изучение культурного кода целесообразно «изнутри» той культуры, где он действует. Значимость символа или ритуала определяется системой конкретной культуры. Так, например, особым символическим значением обладают обряды приготовления к свадьбе и бракосочетания, которые наилучшим образом отображают традиции, иерархию и архетипы общества: *“Chaque vieille pénètre, la première, dans le vestibule coudé… elle précède sa bru, qu'elle appelle «sa mariée», même dix ans après la noce… puis viennent ses filles veuves, divorcées… Et chacune de s'asseoir; les divans du centre sont réservés à chaque dame en tête de la procession” – «Каждая старуха первой входит в угловой вестибюль... она предшествует своей снохе, которую она называет “своей невестой”, даже через десять лет после свадьбы... затем приходят ее овдовевшие и разведенные дочери… Каждая из них должна сесть на кушетки в центре, предусмотренные для каждой, возглавляющей процессию»*; *“le droit musulman interdisant le mariage à toute jeune fille n’ayant pas atteint quinze ans[1]” (Djebar A. L'amour, la fantasia) – «мусульманский закон, запрещающий вступать в брак любой девушке, не достигшей пятнадцати лет»* (пер. здесь и далее Соколова В. Л.).

“Trois visiteuses s’en furent de maison en maison, un crieur public sillonna la ville, pour annoncer les noces” (M. Dib, Un beau mariage) – «Три посетительницы перебрались из дома в дом, по городу разнесся общественный глас, возвещающий о свадьбе».

В рамках *когнитивного подхода* культурный код представляется «сеткой», которую культура набрасывает на окружающую среду, тем самым категоризируя и структурируя знание о ней [4, с. 232]. Социокультурная составляющая, конститутивной частью которой является культурный код, оказывает влияние на организацию знания. Посредством наличия системы кодов культуры осуществляется процедура трансфера и рецепции знания из одной концептуальной системы для реципиентов другой. Мы полагаем, что культурные коды помогают адаптировать и сопоставить те виды знания, которые находят воплощение в различных лингвокультурах [8, с. 326]. Культурный код является неотъемлемой частью ментально-лингвального комплекса конкретной лингвокультуры.

Лингвокультурологический подход подтверждает тезис о гетерогенности природы культурного кода. Так, ряд исследователей отмечает, что конститутивной чертой кода культуры является язык. Например, Л. Р. Велилаева отмечает, что конститутивной чертой

[1] Djebar A. L'amour, la fantasia. Éd. : Albin Michel S. A. 2002. – 159 p.

культурного кода является язык [3, с. 528]. По В. А. Масловой «национальная “культурная” информация заложена в национальном языке, она закодирована» [9, с. 25]. Так, приведенные примеры репрезентируют приверженность местным языкам, выражая чуждость по отношению к привнесенному французскому:

(1) *“Cependant Ameziane garde une expression de mépris résigné, parlant entre ses dents en kabyle” (Yacine K. Nedjma) – «Однако Амезиан сохраняет выражение смиренного презрения, разговаривая сквозь зубы по-кабильски».*

(2) *”Je sais tout cela, eh oui !... C’est que la peur, mes petites, vous fait tout apprendre, le français, et même la langue du démon, si besoin est” (Djebar A. La femme sans sépulture) – «Я все это знаю, да! ... дело в том, что страх заставляет вас выучить все, французский и даже язык демона, если потребуется».*

(3) *”Ce mot «refuge» est prononcé à la française, mot étrange au milieu de ce parler en arabe populaire, gauchi par un accent particulier aux gens de ces montagnes plutôt berbérophones” (Djebar A. La femme sans sépulture) – «Это слово ”убежище” произносится по-французски, что странно для этого варианта разговорного арабского языка, на котором говорят с акцентом, характерным для жителей этого берберoязычного региона в горах».*

В зарубежной литературе мы находим одно из наиболее релевантных определений у К. Рапая, который определяет культурный код как «бессознательный смысл той или иной вещи или явления… даже страна в контексте культуры, в которой мы воспитаны [10, с. 20]. Мультиязычие, характерное для алжирского этносоциума и представленное такими языками, как арабский, французский, берберский и рядом автохтонных языков, позволяет утверждать, что код культуры – это имплицитный конструкт национальной культуры. Приведем следующий пример: *”...tandis que l'homme continue à avoir droit à quatre épouses légitimes, nous disposons de quatre langues pour exprimer notre désir, avant d'ahaner: le français pour l'écriture secrète, l'arabe pour nos soupirs vers Dieu étouffés, le libyco-berbère quand nous imaginons retrouver les plus anciennes de nos idoles mères” (Djebar A. L'amour, la fantasia) – «… в то время как мужчина по-прежнему имеет право на четырех законных жен, у нас есть четыре языка, на которых мы можем выразить свое желание, прежде чем ахать: французский для тайнописи, арабский для наших приглушенных вздохов к Богу, ливийско-берберский, когда мы представляем, что возвращаемся к древнейшим из наших материнских идолов».*

Гетерогенность генезиса культурных кодов и их разнообразие в конкретной лингвокультуре обусловлены явлением изоморфизма, которое подразумевает «наличие широкого спектра кодов, не все элементы которых будут функциональны» [9, с. 123]. Конститутивные особенности конкретного кода культуры будут отличны в каждой лингвокультуре, что позволяет отразить ее особенности.

Гетерогенность культурного кода детерминирована двумя факторами: его содержательной частью и структурой. Мы выделяем два типа структур кодов культуры: бинарную (с ядром и периферией) (рис. 1) и иерархическую (рис. 2), для которого характерны гиперонимические отношения и в состав которого входят субкоды. Рассмотрим бинарную структуру кода на примере духовного культурного кода, иерархическую – на примере гастрономического.

Например, духовный код, который является одним из базовых кодов во франкоязычной алжирской лингвокультуре, имеет бинарную структуру, где ядерная часть представлена номинацией Бога *(Dieu)*, которая является вариативной в зависимости от этносоциума (*Творец – Créateur, Создатель, Всевышний – le Très-Haut, Вседержитель – Dieu Tout-Puissant*). Вторая составляющая – интерпретационная зона, которая представлена наиболее важными понятиями конкретного этносоциума. Так, во франкоязычной алжирской лингвокультуре такими понятиями будут: *muezzin – муэдзин* (служитель мечети, который призывает верующих на молитву); *marabout – марабут* (монах-отшельник или духовный

лидер религиозных братств); *Salat Asr – Acp* (послеполуденная молитва); *la clémence de Dieu – милосердие Божье*; *faire des ablutions de la prière – совершать молитвенные омовения*.

Бинарная структура культурного кода

Рис. 1

Иерархическая структура культурного кода

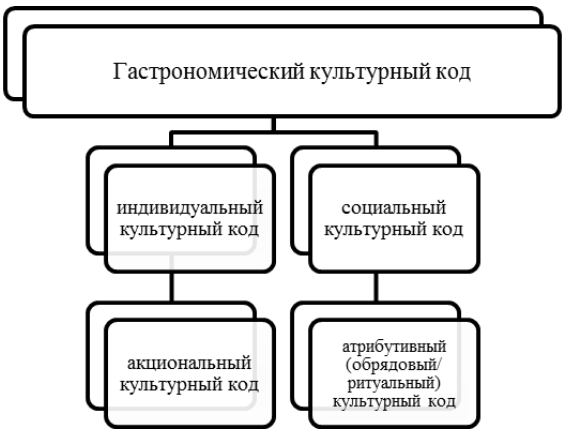

Рис. 2

Список культурных кодов и их классификаций открыт, что обусловлено различной эмпирической базой и генезисом самих текстов: фольклорных, религиозных, художественных. Рассмотрим имеющиеся сегодня классификации, релевантные для проводимого нами исследования.

С. М. Толстая предлагает классифицировать все культурные коды на субстанциональные (предметный код) и концептуальные (гастрономический код) [14, с. 25–27]. В основе приведенной выше классификации лежит семиотическая составляющая, которая демонстрирует символическое значение элементов субкодов.

По У. Эко классификация кодов культуры основана на функциональном подходе, построенном на выделении группы культурных кодов по гиперонимическому принципу. Из этого следует, что коды восприятия или узнавания включают в себя иконические субкоды; коды передачи информации – антропологические субкоды; тональные коды определяют как систему коннотаций [15, с. 198–199].

По этой причине в нашей работе наиболее релевантной представляется классификация культурных кодов по тематической принадлежности ключевых слов, т. к. лингвоспецифичные обозначения реалий конкретного этносоциума есть символическое руководство к пониманию его культуры [2, с. 13]. В качестве содержательной классификации кодов культуры мы выделяем типологию В. В. Красных [4, с. 233] в сопоставлении с культурными кодами, представленными во франкоязычных алжирских романах второй половины XX в.

Таблица 1 – Типология культурных кодов В. В. Красных в сопоставлении с типологией культурных кодов франкоязычного алжирского романа второй половины 20 в. (в данном исследовании)

Типология культурных кодов В. В. Красных	**Типология культурных кодов франкоязычного алжирского романа второй половины 20 в.**
соматический (телесный)	пространственно-временно́й
пространственный	акциональный
временно́й	биоморфный
предметный	духовный
биоморфный	предметный (вещный)
духовный	гастрономический (пищевой)
	культурно-идеологический

Разработанная В. В. Красных классификация, во-первых, носит открытый характер. Для нашего анализа этот момент является принципиальным, т. к. позволяет не столько уточнить саму классификацию, сколько обогатить ее содержательную сторону. Во-вторых, предложенная лингвистом классификация, по сути, является типологической, что также дает возможность для ее дополнения и расширения. Таким образом, в результате наших теоретико-практических изысканий типология культурных кодов В. В. Красных расширена с учетом выявленных эмпирических (языковых) фактов.

Предлагаемая нами классификация репрезентирует специфические коды культуры алжирской франкоязычной лингвокультуры в ее историко-политическом контексте. Например, пространственно-временной культурный код объединен, что отражает особую хронотопическую составляющую алжирского этносоциума. Культурно-идеологический код является ключевой составляющей постколониального текста, репрезентирующий тематическое ядро корпуса франкоязычных алжирских текстов (борьба за независимость, поиск и формирование новой идентичности, слом и одновременно сохранение традиции). Культурно-идеологический код становится культурным метакодом в рамках предложенной типологии, поскольку он эксплицирует взаимодействие остальных кодов культуры.

Выводы. В результате анализа научных достижений отечественных и зарубежных лингвистов, культурологов, антропологов мы приходим к выводу о важности изучения генезиса, структуры и типологии культурных кодов в рамках современного гуманитарного знания через призму антропологического, культурологического и когнитивного подходов.

Структура кода культуры гетерогенна. Мы выделяем два типа: бинарную и иерархическую. Для бинарной структуры характерно ядерное строение – с ядром и периферией. Иерархическая структура характеризуется наличием субкодов и носит гиперонимический характер. Предложенная типология культурных кодов отражает тематическое ядро франкоязычных алжирских романов второй половины XX в. и эксплицирует особенности этносоциума, связанные с коллективной памятью, идентичностью, синкретичностью культуры и языковым разнообразием. Предложенная типология в большей степени носит частный характер, т. к. в ней репрезентированы культурные коды франкоязычной алжирской литературы в ее историко-политическом контексте. В дальнейшем мы полагаем целесообразным введение понятия культурного метакода, представленного культурно-идеологичским кодом, который является системообразующим в рамках модифицированной типологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бенедикт Р.* Модели культуры ; пер. с англ. А. К. Данильченко ; под ред. И. В. Кузнецова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Альма Матер, 2024. – 340 с.

2. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер с англ. А. Д. Шмелева. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

3. *Велилаева Л. Р., Абдулжемилева Ф. И.* Культурный код в художественной литературе // МНКО. – 2021. – № 6(91). – С. 527–529.

4. *Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : Курс лекций. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.

5. *Кузнецова Е. В.* Культурный код: основные подходы к определению в современной гуманитарной мысли // Философия и культура информационного общества : Десятая международная научно-практическая конференция. – СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2022. – С. 230–232. – EDN EJTFBD.

6. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. – СПб. : Искусство–СПБ, 2000. – 704 с.

7. Лотман *Ю. М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб. : Академический проект, 2002. – 544 с.

8. *Манерко Л. А.* Когнитивная теория языка: философские основания и направления исследований. – М. : Гнозис, 2024. – 448 с.

9. *Маслова В. А., Пименова М. В.* Коды лингвокультуры : учеб. пособие. – 5-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2025. – 180 с.

10. *Рапай К.* Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему. – М. : Альпина Паблишер, 2015. – 167 с.

11. *Розенкова Х. Е., Шустова С. В.* Лингвокультурный код: определение, проблема классификации, роль в межкультурной коммуникации // Евразийский гуманитарный журнал. – 2017. – № 2. – С. 101–104.

12. *Савицкий В. М., Черкасова Е. В.* Культурные и лингвокультурные коды: теоретический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – № 12. – С. 4351–4358.
13. *Сапрыкина О. А., Найденова Н. С.* Романские языки в Тропической Африке и постколониальный художественный дискурс : монография. – М. : ИНФРА-М, 2023. – 106 с.
14. *Толстая С. М.* К понятию культурных кодов // Сборник статей к 60-летию Альберта Кашфуловича Байбурина. Studia Ethnologica АБ 60. – СПб., 2007. – С. 23–31.
15. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Перев. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. – СПб. : Симпозиум, 2004. – 544 с.
16. *Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H.* Post-Colonial Studies: The Key Concepts. – London : Routledge, 2013. – 368 p.

Статья поступила в редакцию 19.02.2026

REFERENCES

1. Benedikt R. Modeli kul'tury ; per. s angl. A. K. Danil'chenko ; pod red. I. V. Kuznecova. – 2-e izd., ispr. i dop. – M. : Al'ma Mater, 2024. – 340 s.
2. Vezhbickaya A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevyh slov / Per s angl. A. D. Shmeleva. – M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001. – 288 s.
3. Velilaeva L. R., Abdulzhemileva F. I. Kul'turnyj kod v hudozhestvennoj literature // MNKO. – 2021. – № 6(91). – S. 527–529.
4. Krasnyh V. V. Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya : Kurs lekcij. – M. : Gnozis, 2002. – 284 s.
5. Kuznecova E. V. Kul'turnyj kod: osnovnye podhody k opredeleniyu v sovremennoj gumanitarnoj mysli // Filosofiya i kul'tura informacionnogo obshchestva : Desyataya mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. – SPb. : Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet aerokosmicheskogo priborostroeniya, 2022. – S. 230–232. – EDN EJTFBD.
6. Lotman Yu. M. Semiosfera. – SPb.: Iskusstvo–SPB, 2000. — 704 s.
7. Lotman Yu. M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva. – SPb. : Akademicheskij proekt, 2002. – 544 s.
8. Manerko L. A. Kognitivnaya teoriya yazyka: filosofskie osnovaniya i napravleniya issledovanij. – M. : Gnozis, 2024. – 448 s.
9. Maslova V.A., Pimenova M. V. Kody lingvokul'tury : ucheb. posobie. – 5-e izd., ster. – M. : FLINTA, 2025. – 180 s.
10. Rapaj K. Kul'turnyj kod: kak my zhivem, chto pokupaem i pochemu. – M. : Al'pina Pablisher, 2015. – 167 s.
11. Rozenkova H. E., Shustova S. V. Lingvokul'turnyj kod: opredelenie, problema klassifikacii, rol' v mezhkul'turnoj kommunikacii // Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal. – 2017. – № 2. – S. 101–104.
12. Savickij V. M., Cherkasova E. V. Kul'turnye i lingvokul'turnye kody: teoreticheskij obzor // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2023. – № 12. – S. 4351–4358.
13. Saprykina O. A., Najdenova N. S. Romanskie yazyki v Tropicheskoj Afrike i postkolonial'nyj hudozhestvennyj diskurs : monografiya. – M. : INFRA-M, 2023. – 106 s.
14. Tolstaya S. M. K ponyatiyu kul'turnyh kodov // Sbornik statej k 60-letiyu Al'berta Kashfulovicha Bajburina. Studia Ethnologica AB 60. – SPb., 2007. – S. 23–31.
15. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu / Perev. s ital. V. G. Reznik i A. G. Pogonyajlo. – SPb. : Simpozium, 2004. – 544 s.
16. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. Post-Colonial Studies: The Key Concepts. – London : Routledge, 2013. – 368 p.

The article was contributed on February 19, 2026

Сведения об авторе

Соколова Виктория Леонидовна – аспирант, преподаватель кафедры лексикологии и стилистики французского языка Московского государственного лингвистического университета, г. Москва, Россия, https://orcid.org/0009-0007-3476-7321, viviso.1602@gmail.com

Author Information

Sokolova, *Viktoria Leonidovna* – Post-graduate Student, Lecturer at the Department of Lexicology and Stylistics of French Language, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, https://orcid.org/0009-0007-3476-7321, viviso.1602@gmail.com

УДК 811.111’371’276.6:[37+34](73+410) DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.023

Ю. С. Старостина, О. С. Исаева

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В АМЕРИКАНСКОМ И БРИТАНСКОМ УЧЕБНО-ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты лингвоаксиологического сопоставления номинативных парадигм в американском и британском учебно-юридическом дискурсе. Цель исследования заключалась в выявлении и сравнении правовых ценностных доминант, а также национально-специфичных способов их вербализации в пределах двух номинативных систем. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения языковых механизмов манифестации аксиологических элементов в профессиональном дискурсе, что значимо для лингвистики, дискурс-анализа и сопоставительной лингвокультурологии. Эмпирическую базу составила равнопропорциональная выборка номинативных единиц (заглавий разделов, глав, параграфов) из аутентичных университетских учебников по праву США и Великобритании. Анализ выборки проводился при помощи комплекса методов дискурсивно-аксиологического подхода, а именно лингвоаксиологического и дискурсивного анализов, в совокупности с методами количественных подсчетов и сопоставительной интерпретации. В результате установлено, что аксиосфера, транслируемая посредством номинативной системы американского дискурса, имеет иерархическую структуру и вербализуется через декларативно-гарантийные номинативные конструкции, в то время как британская аксиосфера организована горизонтально и репрезентируется через номинации прецедентов и абстрактные концепты, что отражает оппозицию моделей «право как гарантия» и «право как процесс». Сделан вывод о детерминации специфических номинативных стратегий, а также лексических и синтаксических особенностей различиями правовых традиций, что вносит вклад в теорию языковой актуализации ценностных доминант в институциональном дискурсе.

Ключевые слова: *лингвоаксиология, аксиосфера, учебно-юридический дискурс, номинативные единицы, ценностная доминанта, американское право, британское право*

Yu. S. Starostina, O. N. Isaeva

LINGUO-AXIOLOGICAL POTENTIAL OF NOMINATIVE UNITS IN AMERICAN AND BRITISH LEGAL ACADEMIC DISCOURSE: A COMPARATIVE INTERPRETATION

Samara National Research University, Samara, Russia

Abstract. The article presents the results of a linguistic and axiological comparison of nominative paradigms in American and British academic legal discourse. The purpose of the study was to identify and compare legal value dominants, as well as national-specific ways of their verbalization within two nominative systems. The relevance of the work is determined by the necessity to study the linguistic mechanisms of manifestation of axiological elements in professional discourse, which is significant for linguistics, discourse analysis, and comparative linguoculturology. The empirical base was formed by an equal-proportional sample of nominative units (titles of sections, chapters, paragraphs) from authentic university textbooks on the law of the USA and the UK. The analysis of the sample was carried out by means of a complex of methods within the discourse-axiological approach, namely, linguo-axiological and discourse analysis, in combination with the methods of quantitative calculation and comparative

interpretation. As a result, it has been established that the axiosphere transmitted through the nominative system of American discourse has a hierarchical structure and is verbalized through declarative-guaranteeing nominative constructions, while the British axiosphere is organized horizontally and is represented through the nomination of precedents and abstract concepts, reflecting the opposition between the models of "law as a guarantee" and "law as a process". The article concludes that specific nominative strategies as well as lexical and syntactic features are determined by the differences in legal traditions, which contributes to the theory of linguistic manifestation of value dominants in institutional discourse.

Keywords: *linguistic axiology, axiosphere, academic legal discourse, nominative units, value dominant, American law, English law*

Введение. Аксиологический аспект языка, будучи явным фокусом лингвистических исследований последних десятилетий, обретает особую значимость в институциональных типах дискурса, где ценностные ориентиры могут не только фиксироваться, но и целенаправленно конструироваться. Учебно-юридический дискурс, функционирующий на стыке профессиональной коммуникации и педагогической практики, представляет собой уникальное поле для лингвоаксиологического анализа, поскольку именно в его пределах происходит вербальная трансляция и закрепление правовых принципов, формирующих мировоззрение будущих специалистов. Особый интерес при этом вызывает дискурсивная номинативная парадигма, понимаемая как совокупность заглавий разделов, глав и параграфов учебных пособий. Она обладает уникальным свойством семиотической конденсации ([13, с. 51], [15, с. 54]), выступая первичным и наиболее идеологически нагруженным фильтром, задающим аксиологические координаты восприятия последующего текстового массива.

Поскольку объектом исследования выступают номинативные единицы, необходимо изначально уточнить содержательные границы данного понятия. Вслед за классическими работами по теории номинации Н. Д. Арутюновой [2] и В. Г. Гака [3] мы понимаем номинативную единицу как комплексный языковой знак, выполняющий функцию именования фрагмента действительности и закрепляющий в своей структуре определенный способ концептуализации этого фрагмента. Подчеркнем, что в пределах нашего исследования мы опираемся на разработанный отечественными учеными широкий подход к номинации (Г. В. Колшанский [6], Е. С. Кубрякова [7], В. Н. Телия [12]), согласно которому номинативными единицами признаются не только отдельные слова и устойчивые словосочетания, но и любые языковые образования (включая предикативные конструкции и составные наименования), которые служат для выделения и обозначения определенного элемента опыта в коммуникации. С учетом обозначенной трактовки мы рассматриваем заглавия разделов, глав и параграфов университетских учебников по праву как полноправные номинативные единицы. Выполняя первичную функцию именования тематического блока, они одновременно структурируют дискурсивное пространство учебного текста и задают аксиологические координаты для восприятия последующего содержания.

Интерес же к языку права реализуется в рамках нескольких подходов, среди которых лингвокультурологический (см. исследования Е. О. Опариной [10], Н. А. Хлыбовой и соавторов [14], G. Tieghi [28]), лингвопрагматический, полиаспектно реализованный в трудах В. В. Калиновской [4], Т. Н. Малиновской и Г. А. Менщиковой [9], M. Galdia [22], а также социокоммуникативный, представленный, в частности, работами Л. В. Карнаушенко [5], О. М. Литвишко и В. Д. Безруковой [8], A. M. J. Al Saeed [16]. Непосредственно аксиологической проблематике юридического дискурса посвящены работы Т. В. Анисимовой [1], Н. К. Пригариной [11], М. Н. Федуловой [13]: исследователи рассматривают его как поле множественных оценочных интерпретаций [13], пространство риторической актуализации ценностных суждений [11], сферу ценностно-обусловленной аргументации [1].

Проблема исследуемой предметной области, однако, заключается в отсутствии системного сопоставительного анализа, который позволил бы выйти за пределы изолированных описаний отдельных аксиологических характеристик юридического дискурса и перейти к выявлению глубинных закономерностей формирования лингвоаксиосфер в ведущих англоязычных правовых традициях. Кроме того, очевидна научная лакунарность в интерпретации того, как малые языковые формы (заголовки) становятся точкой кристаллизации не только профессионального знания, но и национальной правовой ментальности в ее аксиологическом аспекте.

Целью настоящего исследования является сопоставительная лингвоаксиологическая интерпретация номинативных парадигм американского и британского учебно-юридического дискурса для выявления сходств и, что не менее существенно, национально-детерминированных различий в составе, структуре и способах вербальной репрезентации правовых ценностных доминант. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) осуществить сравнительный количественный и качественный анализ лингвоаксиологических элементов, присутствующих в номинативных парадигмах американского и британского учебно-юридического дискурса; 2) выявить и сопоставить структурные типы лингвоаксиосфер в пределах рассматриваемых дискурсов; 3) интерпретировать специфику языкового маркирования как сквозных, так и уникальных ценностных конструктов в двух национально-специфичных дискурсах.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования обусловлена комплексом междисциплинарных факторов как теоретического, так и практического плана. В теоретическом смысле актуальность определяется малой степенью изученности сопоставительного лингвоаксиологического аспекта в контексте национально-специфичных учебно-профессиональных дискурсов. В то время как изолированные описания аксиосферы юридического дискурса точечно присутствуют ([1], [11], [13]), системное сопоставление, позволяющее выявить не только набор ценностей, но и типологически различные механизмы их дискурсивного конструирования, представляет собой новое актуальное направление в лингвистических кросс-культурных исследованиях. С практической точки зрения, актуальность связана с запросами современного юридического образования, ориентированного не только на передачу знаний, но и на формирование ценностно-мировоззренческих оснований будущих специалистов. Результаты исследования позволяют эксплицировать те скрытые аксиологические «коды», которые закладываются в сознание студентов через структуру учебных материалов, что имеет дидактическую значимость для разработки учебной литературы, а также для методики преподавания сравнительного правоведения и английского языка для профессиональных целей.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили эмпирические данные, полученные авторами в ходе формирования равнопропорционального корпуса номинативных единиц (заголовки глав, разделов и параграфов) из аутентичных университетских учебников по праву, используемых для подготовки юристов в США и Великобритании. Американская часть выборки (250 единиц) в основном сформирована на базе таких изданий, как, например, «Criminal Law and Its Processes: Cases and Materials» [24], «Criminal Procedure: The Investigation Process» [19], «Introduction to the Study of the Law of the Constitution» [21]. Британская часть выборки (250 единиц) включает, например, номинации из учебников «Cases and Materials on the English Legal System» [29], «Equity, Also the Forms of Action at Common Law» [25], «On the Rule of Law. History, Politics, Theory» [27].

Методологическую основу работы составляет интеграция дискурсивно-аксиологического подхода и сравнительно-сопоставительного метода. Дискурсивно-аксиологический подход дает возможность рассматривать номинативные единицы не как изолированные языковые

факты, а как элементы специализированного дискурсивного пространства, транслирующие систему профессиональных ценностей. В рамках данного подхода главным инструментом выступает метод лингвоаксиологической интерпретации, направленный на выявление, категоризацию и содержательное объяснение ценностных доминант, вербализованных в тексте, что предполагает последовательный анализ значения, контекстуального окружения и культурно-исторических коннотаций номинативных единиц. Для проведения непосредственного сопоставления также применен статистико-частотный анализ, позволивший объективно сравнить удельный вес и иерархию ценностных конструктов в двух национальных блоках выборки. Качественный сопоставительный анализ использовался для выявления сходств и различий в способах вербальной репрезентации схожих ценностей, а также для интерпретации уникальных национально-маркированных доминант.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведенный анализ позволил выявить фундаментальные различия в аксиологическом каркасе американского и британского учебно-юридического дискурса, которые проявляются на структурном, количественном, содержательно-интерпретационном и лингвистическом уровнях. В терминах структурной организации американская аксиосфера, представленная в пределах номинативной системы учебно-юридического дискурса, представляет собой четко выраженную иерархию с ядром, состоящим из ценностей «право» (Right, 23 % в пределах американского блока выборки номинативных единиц) и «свобода» (Freedom, 22 %), в то время как «конфиденциальность», «равенство» и «справедливость» занимают подчиненное, хотя и значимое положение, что отражает вертикальную структуру, где доминирует идея индивидуальных прерогатив. В британской системе наблюдается горизонтальный паритет, где шесть ключевых доминант, а именно «верховенство права» (Rule of Law, 17,5 % в пределах британского блока выборки номинативных единиц), «общее право» (Common Law, 17,3 %), «независимость судебной власти» (Judicial Independence, 17 %), «свобода» (Freedom, 16,2 %), «справедливость» (Equity, 16 %) и «толерантность» (Tolerance, 16 %), обладают относительно равным весом, формируя сбалансированную сеть взаимосвязанных принципов, что указывает на ценность самого институционального равновесия.

Качественная интерпретация сквозных ценностных конструктов, таких как свобода и справедливость, раскрывает глубинные различия в их семантическом наполнении и способах языковой манифестации. Так, ценность свободы в номинациях американского учебно-юридического дискурса репрезентируется преимущественно как набор прав, данных Конституцией и конкретизируемых через связку с Поправками. Ценностная доминанта свободы маркируется через номинативные единицы с декларативно-гарантийной семантикой, например, «The Right to Freedom of Speech» [21, с. 5] (отсылка к первой поправке конституции США), «The Right to Bear Arms» [21, с. 5] (Вторая поправка). Примечательно, что используется устойчивая синтаксическая модель «The Right to + N», актуализирующая идею гарантированного, статичного права-данности. В британском же контексте свобода вербализуется через номинации, отсылающие к судебным прецедентам, которые устанавливают ее границы в процессе спора с властью: «A v Secretary of State» [29, с. 4] (дело о запрете бессрочного задержания), «Campbell v MGN» [29, с. 5] (дело о защите приватности). Лингвистически это проявляется в использовании формата «N v N», который маркирует не декларацию, а процессуальный казус, результат юридической коллизии. Иными словами, в британском учебно-юридическом номинативном контексте свобода предстает как продукт работы институтов, т. е. акцентируется процесс защиты свободы, а не ее декларация.

Аналогичное расхождение наблюдается в трактовке справедливости: лингвоаксиологическая интерпретация выборки показала, что в американской ценностной системе обозначенная доминанта маркируется через номинативные единицы, содержательно отражающие

процессуальную справедливость суда присяжных и равной защиты. В основном вербализация осуществляется через сочетания с прилагательными, обозначающими атрибуты справедливого суда: «Right to a Fair Trial» [19, с. 4], «Right to an Impartial Jury» [19, с. 4]. В британской традиции данная ценностная доминанта выступает скорее как морально-этический конструкт, что находит отражение в абстрактных номинациях, подчеркивающих его корректирующую и гуманизирующую функцию по отношению к общему праву: «The Conscience of Equity» [25, с. 4], «How Equity Tempers Common Law Rigidity» [25, с. 4]. Лингвистически здесь важна лексическая сочетаемость (conscience, tempers, rigidity), создающая смысловое поле моральных основ права.

Не менее показательными являются уникальные, национально-маркированные доминанты. В американском дискурсе таковой выступает «конфиденциальность» (Privacy), занимающая достаточно высокое место в терминах частотности манифестации (20 %), что возможно интерпретировать как акцентуализацию идеи неприкосновенности личного суверенитета в отношениях между личностью и государством. Ценностная доминанта вербализуется через прямую номинативную связь с Четвертой поправкой Конституции США (например, «The Right to Privacy» [17, с. 5]), а также через сложные термины, отражающие современные правовые вызовы (например, «Privacy in a Webbed World» [17, с. 4]). С языковой точки зрения особо показательна компаундизация (webbed world), актуализирующая концепт новой технологической реальности, которую необходимо встраивать в традиционную правовую аксиосферу.

Национально-маркированную специфику британской аксиосферы, зафиксированной при анализе выборки номинативных единиц, определяет триада аксиологически нагруженных институциональных принципов: «верховенство права» как метапринцип, обеспечивающий правовую определенность и запрет произвола; «общее право» как ценность эволюционной традиции и прецедентной мудрости; «независимость судебной власти» как исторически завоеванный статус, гарантирующий автономию суда от исполнительной власти. Каждый из принципов актуализируется в номинациях, отсылающих к фундаментальным законодательным актам и судебным решениям, что на языковом уровне маркируется посредством специфической юридической лексики. «Верховенство права» конкретизируется через абстрактные номинации с высокой степенью концептуализации: «Legal Certainty» [18, с. 5], «Prohibition of Arbitrary Power» [27, с. 5]. «Общее право» вербализуется через латинизмы, маркирующие его историческую преемственность и доктринальность. Например, номинативная единица «Ratio Decidendi vs Obiter Dictum: Distilling Legal Principles from Judgments» [20, с. 5] демонстрирует противопоставительную конструкцию (vs) и отглагольное существительное (distilling), что вербально отражает процесс аналитического вычленения правовых принципов из судебных решений. «Независимость судебной власти» актуализируется через номинации, называющие ключевые законодательные акты («Constitutional Reform Act 2005» [26, с. 5]) и прецеденты в формате «N v N» (например, «R (UNISON) v Lord Chancellor» [23, с. 6]), где языковая модель прямо указывает на спор, в данном случае между короной (публичным интересом) и государственным органом.

Таким образом, лингвоаксиологический потенциал номинативных единиц раскрывает две специфичные правовые аксиосферы, американскую и британскую, закрепленные в реализуемых языковых моделях. Американская ценностная система права представляет собой набор прав-гарантий, где доминируют статичные, декларативные конструкции. Британская правовая модель скорее воплощает идею процессуально-институционального баланса, где ценности вербализуются через номинации прецедентов, абстрактные концепты и лексику терминологического статуса, что отражает длительное историческое развитие и сложное взаимодействие правовых институтов. Таким образом, можно говорить

о том, что заголовки разделов университетских учебных материалов по юриспруденции отвечают на качественно разные вопросы: американские номинации скорее концентрируются на вопросе «что гарантировано гражданину?», в то время как британские манифестируют ответы на вопрос «какими институтами и каким образом гражданин защищен?» с соответствующим языковым оформлением.

Перспективным направлением дальнейших исследований в пределах данного предметного поля видится, по-первых, расширение сопоставительной парадигмы за счет обращения к другим правовым системам (например, канадской или австралийской), а во-вторых, корпусный анализ иных контекстов вербализации ценностных доминант в англоязычном учебно-юридическом дискурсе. Лингвоаксиологический анализ фрагментов учебников потенциально даст возможность проследить, как аксиологические доминанты, заданные в заголовках, разворачиваются и аргументативно поддерживаются в основном тексте.

Выводы. Проведенное исследование позволило осуществить системное сопоставление ценностных доминант как особых конструктов, формируемых в номинативном пространстве учебно-юридического дискурса двух ведущих англоязычных правовых систем. В результате получены выводы, обладающие, на наш взгляд, значимостью как для теоретического языкознания и дискурсологии, так и для юридической педагогики и межкультурной коммуникации. Основным итогом работы стало эмпирическое подтверждение и содержательная детализация тезиса о глубинной национальной детерминации аксиологического каркаса профессионального дискурса. По результатам исследования установлено, что базовые различия между американской и британской правовой традицией, лежащие в плоскости четкого конституционализма и исторического традиционализма, находят свое явное отражение в языке номинаций учебных материалов. Это проявляется не только в наборе приоритетных ценностных категорий, но и в принципах их организации: в одном случае наблюдается стремление к выстраиванию иерархии с абсолютным ядром, в другом фиксируется склонность к установлению паритетного баланса между взаимодополняющими принципами.

Интерпретационный анализ показал, что методологическая ценность сравнительно-сопоставительного лингвоаксиологического подхода заключается в возможности выявить различное концептуальное наполнение внешне схожих ценностных доминант. Такие аксиологические универсалии как «свобода» и «справедливость» актуализируются в двух национально-специфичных дискурсах через принципиально разные номинативные стратегии, соотносящиеся с оппозицией «право как гарантия» и «право как процесс». Это свидетельствует о том, что лингвоаксиологический потенциал номинативной единицы реализуется не изолированно, а в рамках целостной национально-культурной дискурсивной системы. Не менее важны механизмы связи языка, идеологии и профессионального познания. Номинативная парадигма университетского учебника по праву предстает не просто дидактическим инструментом, а мощным аксиогенным ресурсом, который осуществляет первичное структурирование правовой реальности для будущего специалиста, закладывая в его профессиональное сознание культурно-обусловленную аксиологическую систему.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимова Т. В.* Назначение ценностного аргумента в системе судебной аргументации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2008. – № 10. – С. 78–83.

2. *Арутюнова Н. Д.* Номинация и текст // Языковая номинация: Виды наименований. – М. : Наука, 1977. – С. 304–357.

3. *Гак В. Г.* К типологии лингвистической номинации // Языковая номинация (Общие вопросы). – М., 1977. – С. 230–293.

4. *Калиновская В. В.* Речевое воздействие в юридическом дискурсе // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 1(65). – С. 32–36. – DOI 10.17803/2311-5998.2020.65.1.032-036.

5. *Карнаушенко Л. В.* Язык права в современной социокоммуникативной реальности // Общество и право. – 2023. – № 3(85). – С. 94–98.

6. *Колшанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке: Структура языка в гносеологическом аспекте. Номинация и ее объективные источники. – 3-е изд., стереотип. – М. : URSS, 2021. – 232 с.

7. *Кубрякова Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности. – М. : URSS, 2020. – 158 с.

8. *Литвишко О. М., Безрукова В. Д.* Язык финансового права в эпоху цифровизации: лингвокоммуникативные особенности // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2025. – № 18-2. – С. 25–35.

9. *Малиновская Т. Н., Менщикова Г. А.* Особенности англоязычного юридического дискурса в когнитивно-прагматическом аспекте (на материале фильмов “Déjà vu”, “The Judge”) // Филология и человек. – 2020. – № 2. – С. 135–140. – DOI 10.14258/filichel2-11.

10. *Опарина Е. О.* Язык права в свете различия лингвокультур // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2022. – № 2. – С. 175–181. – DOI 10.31249/ling/2022.02.06.

11. *Пригарина Н. К.* Личностные аксемы как основания риторической аргументации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2013. – № 2(18). – С. 48–51.

12. *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М. : Наука, 1986. – 141 с.

13. *Федулова М. Н.* Феномен аксиологической энантиосемии в юридическом дискурсе (по материалам текстов судебной риторики) // Филологические науки в МГИМО. – 2022. – Т. 8, № 1(30). – С. 44–55. – DOI 10.24833/2410-2423-2022-1-30-44-55.

14. *Хлыбова Н. А., Томичева И. В., Гиренко И. В.* Британский судейский дискурс: иллюстративно-лингвистический экскурс // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2022. – Т. 32, № 2. – С. 295–304. – DOI 10.35634/2412-9534-2022-32-2-295-304.

15. *Черкунова М. В.* Типологические параметры малоформатных текстов современного английского языка // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2022. – Т. 26, № 4. – С. 50–64. – DOI 10.18522/1995-0640-2022-4-50-64.

16. *Al Saeed A. M. J.* Legal Discourse, Notion, Types, and Characteristics: A Semantic Study // Dirasat : Human and Social Sciences. – 2025. – Vol. 52, No. 6. – 6996 p. – DOI 10.35516/hum.v52i6.6996.

17. *Bellin J., Gershowitz A.* Criminal Procedure: The Investigation Process. – Vanderbilt : Independently, 2021. – 523 p.

18. *Bingham T.* The Rule of Law. – London : Penguin Books, 2011. – 213 p.

19. *Chemerinsky E., Levenson L. Laurie.* Criminal Procedure: Investigation by Erwin Chemerinsky, Laurie L. Levenson. – El Segundo : Aspen Olco Llc, 2018. – 984 p.

20. *Clements R., Alass A.* Equity and Trusts: Text, Cases and Materials. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – 720 p.

21. *Dicey A. V.* Introduction to the Study of the Law of the Constitution. 8th edition. – Indianapolis : Liberty Fund, 1985. – 530 p.

22. *Galdia M.* Foundations of pragmatic legal linguistics // Comparative Legilinguistics. – 2022. – Vol. 51. – P. 241–278. – DOI 10.14746/cl.51. 2022.11.

23. *Irvine D.* Human Rights, Constitutional Law and the Development of the English Legal System: Selected Essays. – London : Hart Publishing, 2003. – 370 p.

24. *Kadish S. H., Schulhofer S. J., Barkow R. E.* Criminal Law and Its Processes: Cases and Materials. 10th ed. – New York : Wolters Kluwer, 2016. – 1650 p.

25. *Maitland F. W.* Equity, Also the Forms of Action at Common Law. – London : Forgotten Books, 2018. – 430 p.

26. *Newman D.* Supremacy of Law. – London : Forgotten Books, 2012. – 242 p.

27. *Tamanaha B. Z.* On the Rule of Law. History, Politics, Theory. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 190 p.

28. *Tieghi G.* The ‘language of the law’ and the ’sentiment of the language’. A cultural challenge to enrich global English for comparative legal studies with national identities // Comparative Legilinguistics. – 2025. – Vol. 63. – P. 224–266. – DOI 10. 14746/ cl. 2025.63.2.

29. *Zander M.* Cases and Materials on the English Legal System. 10th ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 672 p.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026

REFERENCES

1. Anisimova T. V. Naznachenie tsennostnogo argumenta v sisteme sudebnoi argumentatsii // Aktualnye problemy filologii I pedagogicheskoy lingvistike. – 2008. – № 10. – S. 78–83.

2. Arutyunova N. D. Nominatsiya i tekst // Yazykovaya nominatsiya: Vidy naimenovaniy. – M. : Nauka, 1977. – S. 304–357.

3. Gak V. G. K tipologii lingvisticheskoy nominatsii // Yazykovaya nominatsiya (Obshchiye voprosy). – M., 1977. – S. 230–293.

4. Kalinovskaya V. V. Rechevoe vozdeistvie v yuridicheskom diskurse // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). – 2020. – № 1(65). – S. 32–36. – DOI 10.17803/2311-5998.2020.65.1.032-036.

5. Karnaushenko L. V. Yazyk prava v sovremennoy sotsiokommunikativnoy realnosti // Obshchestvo i pravo. – 2023. – № 3(85). – S. 94–98.

6. Kolshanskiy G. V. Sootnosheniye sub"yektivnykh i ob"yektivnykh faktorov v yazyke: Struktura yazyka v gnoseologicheskom aspekte. Nominatsiya i yeye ob"yektivnyye istochniki. – 3-ye izd., stereotip. – M. : URSS, 2021. – 232 s.

7. Kubryakova Ye. S. Nominativnyy aspekt rechevoy deyatel'nosti. – M. : URSS, 2020. – 158 s.

8. Litvishko O. M., Bezrukova V. D. Yazyk finansovogo prava v epokhu tsifrovizatsii: lingvo-kommunikativnye osobennosti // Professionalnaya kommunikatsiya : aktualnye voprosy lingvistiki I metodiki. – 2025. – № 18-2. – S. 25–35.

9. Malinovskaya T. N., Menshchikova G. A. Osobennosti angloyazychnogo yuridicheskogo diskursa v kognitivno-pragmaticheskom aspekte (na materiale filmov “Déjà vu”, “The Judge”) // Filologia I chelovek. – 2020. – № 2. – S. 135–140. – DOI 10.14258/filichel(2020)2-11.

10. Oparina E. O. Yazyk prava v svete razlichiya lingvokultur // Sotsialnye i gumanitarnye. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6. Yazykoznanie. – 2022. – № 2. – S. 175–181. – DOI 10.31249 /ling/2022.02.06.

11. Prigarina N. K. Lichnostnye aksemy kak osnovaniya ritoricheskoy argumentatsii // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. – 2013. – № 2(18). – S. 48–51.

12. Teliya V. N. Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh yedinits. – M. : Nauka, 1986. – 141 s.

13. Fedulova M. N. Fenomen aksiologicheskoy enantiosemii v yuridicheskom diskurse (po materialam tekstov sudebnoy ritoriki) // Filologicheskie nauki v MGIMO. – 2022. – T. 8, № 1(30). – S. 44–55. – DOI 10.24833/2410-2423-2022-1-30-44.

14. Khlybova N. A., Tomicheva I. V., Girenko I. V. Britanskiy sudeiskiy diskurs: illustrativno-lingvisticheskiy ekskurs // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya. – 2022. – T. 32, № 2. – S. 295–304. – DOI 10.35634/2412-9534-2022-32-2-295-304.

15. Cherkunova M. V. Tipologicheskie parametry maloformatnykh tekstov sovremennogo angliyskogo yazyka // Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki. – 2022. – T. 26, № 4. – S. 50–64. – DOI 10.18522/1995-0640-2022-4-50-64.

16. Al Saeed A. M. J. Legal Discourse, Notion, Types, and Characteristics: A Semantic Study // Dirasat : Human and Social Sciences. – 2025.– Vol. 52, No. 6. – 6996 p. – DOI 10.35516/hum.v52i6.6996.

17. Bellin J., Gershowitz A. Criminal Procedure: The Investigation Process. – Vanderbilt : Independently, 2021. – 523 p.

18. Bingham T. The Rule of Law. – London : Penguin Books, 2011. – 213 p.

19. Chemerinsky E., Levenson L. Laurie. Criminal Procedure: Investigation by Erwin Chemerinsky, Laurie L. Levenson. – El Segundo : Aspen Olco Llc, 2018. – 984 p.

20. Clements R., Alass A. Equity and Trusts: Text, Cases and Materials. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – 688 p.

21. Dicey A. V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. 8th edition. – Indianapolis : Liberty Fund, 1985. – 530 p.

22. Galdia M. Foundations of pragmatic legal linguistics // Comparative Legilinguistics. – 2022. – Vol. 51. – P. 241–278. – DOI 10.14746/cl.51. 2022.11.

23. Irvine D. Human Rights, Constitutional Law and the Development of the English Legal System: Selected Essays. – London : Hart Publishing, 2003. – 370 p.

24. Kadish S. H., Schulhofer S. J., Barkow R. E. Criminal Law and Its Processes: Cases and Materials. 10th ed. – New York : Wolters Kluwer, 2016. – 1650 p.

25. Maitland F. W. Equity, Also the Forms of Action at Common Law. – London : Forgotten Books, 2018. – 430 p.

26. Newman D. Supremacy of Law. – London : Forgotten Books, 2012. – 242 p.

27. Tamanaha B. Z. On the Rule of Law. History, Politics, Theory. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004.– 190 p.

28. Tieghi G. The ‘language of the law’ and the ’sentiment of the language’. A cultural challenge to enrich global English for comparative legal studies with national identities // Comparative Legilinguistics. – 2025. – Vol. 63. P. 224–266. – DOI 10. 14746/ cl. 2025.63.2.

29. Zander M. Cases and Materials on the English Legal System. 10th ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 672 p.

The article was contributed on January 12, 2026

Сведения об авторах

Старостина Юлия Сергеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, г. Самара, Россия, https://orcid.org/0000-0003-1578-7590, juliatim@mail.ru

Исаева Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, г. Самара, Россия, https://orcid.org/0009-0007-6116-6644, Onis.77@mail.ru

Author Information

Starostina, Yulia Sergeevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of English Philology, Samara National Research University, Samara, Russia, https://orcid.org/0000-0003-1578-7590, juliatim@mail.ru

Isaeva, Olga Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English Philology, Samara National Research University, Samara, Russia, https://orcid.org/0009-0007-6116-6644, Onis.77@mail.ru

УДК 821.161.1-31.09 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.024

Д. Ю. Сырысева

ТРАНСТЕМПОРАЛЬНАЯ ЭКЗИСТЕНЦИЯ В РОМАНЕ ИЛЬДАРА АБУЗЯРОВА «КОРАБЛЬ ТЕСЕЯ. ЧЕРНО-БЕЛЫЙ РОМАН»

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению транстемпоральной экзистенции на материале романа «Корабль Тесея. Черно-белый роман» (2023) современного российского писателя Ильдара Абузярова. Актуальность и новизна работы связываются как с выделением особенностей романа через экзистенциальную оптику анализа, так и с его включением в научно-исследовательский контекст. Экзистенциальность, с одной стороны, влияет на макропоэтику произведения, способствуя усложнению композиционной структуры, с другой стороны, выражается на микропоэтическом уровне (комплексы мотивов пустоты, одиночества, душевной потерянности, тоски, двойничества; хроматические полюса черный-белый; дихотомии правда-ложь, вертикаль-горизонталь). Принцип миниатюры (в малом отражается большее / целый мир) способствует выражению субъективного, тяготеющего к мортальности мироощущения. Рекурсивная повествовательная стратегия, исповедальная рефлексия усложняют архитектонику романа. Психологизм романа также проявляется в особом чувстве времени (транстемпоральность), изображении душевной жизни героев (мотив страха, комплекс «мертвой матери», сложности с ментальным здоровьем), проникнут мортальной экзистенцией, при которой герои ощущают тягу к Танатосу либо внутренне (особые психологические комплексы, размышления о смерти, процессе умирания и о самоубийстве), либо внешне (попытки самоубийства). Делаются выводы о том, что экзистенция, проявляющаяся на разных уровнях организации произведения, подчеркивает психологическую тональность, а также становится одной из значимых художественных констант романа.

Ключевые слова: *экзистенция, транстемпоральность, травма, проза, психологизм, Ильдар Абузяров*

D. Yu. Syryseva

TRANSTEMPORAL EXISTENCE IN ILDAR ABUZYAROV'S "THE SHIP OF THESEUS: A BLACK AND WHITE NOVEL"

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. This article examines transtemporal existence through the novel "The Ship of Theseus: A Black and White Novel" (2023) by contemporary Russian writer Ildar Abuzyarov. The relevance and novelty of this work stem from both highlighting the novel's distinctive features through an existential lens of analysis and integrating it into a research context. Existentialism, on the one hand, influences the macropoetics of the work, contributing to the complexity of its compositional structure, while, on the other hand, it is expressed at the micropoetic level (complex motifs of emptiness, loneliness, spiritual loss, melancholy, and duality; the chromatic poles of black and white; the dichotomies of truth and falsehood, vertical and horizontal). The principle of miniature (the small reflects the larger/the entire world) facilitates the expression of a subjective, mortal worldview. A recursive narrative strategy and confessional reflection complicate the novel's architecture. The novel's psychologism is also manifested in the distinctive sense of time (transtemporality), the depiction of the characters' spiritual lives (the motif of fear, the "dead mother" complex, and mental health difficulties), and its permeation with a mortal existence, in which

the characters experience a pull toward Thanatos either internally (specific psychological complexes, reflections on death, the dying process, and suicide) or externally (suicide attempts). It is concluded that existentialism, manifested at various levels of the work's organization, underscores the psychological tone and also becomes one of the novel's significant artistic constants.

Keywords: *existence, transtemporality, trauma, prose, psychologism, Ildar Abuzyarov*

Введение. Предметом нашего научного исследования стала специфика художественного выражения психологизма в романе «Корабль Тесея. Черно-белый роман» современного отечественного писателя Ильдара Абузярова. Цель работы состоит как во включении произведения в научно-исследовательский оборот, так и в рассмотрении реализации транстемпоральной экзистенции, связывающейся с поэтикой психологической прозы в указанном выше романе. Ильдар Абузяров – современный российский писатель, изучению произведений которого уже посвящен ряд работ. Особый интерес представляют исследования, в которых рассматривается творчество писателя в парадигме транскультурной литературы [2], апеллирующей к различным культурным смыслам и константам. В работах более частного характера изучались образы и мотивы, так или иначе отсылающие к мифологическим традициям ([3], [7], [13]), характеризовались хронотоп города [4] и образ «подпольного человека», сопряженный с художественным наследием Ф. М. Достоевского [11], особенности номинации героев произведений [5].

Экзистенциальное начало, с одной стороны, связывается с особым восприятием жизни, также пространственно-временного континуума, в котором существуют герои, с другой стороны, – с психологической тональностью повествования. При этом доминирующим становится исповедальная рефлексия, благодаря которой становится возможным изживание или стремление к изживанию травматического опыта, показывающиеся на страницах произведения. Психолог Л. В. Трубицына показывала, что человек, помня о стрессе травмы, оказывается как будто в двух ситуациях ("там-и-тогда" и "здесь-и-теперь"), что приводит к тому, что в настоящем приходится затрачивать большое количество ресурсов на то, чтобы избавится от доминирующих болезненных воспоминаний [12, с. 108]. Травмирующее прошлое может проявляться во снах, навязчивых образах, галлюцинациях. В работах зарубежных исследователей указывалось, что отражение травматического переживания сложно, поскольку оно «рискует быть образным, вплоть до мифической фантасмагории» [15, с. 537]. Травма – «слишком подавляющий опыт», приводящий к возникновению некой временной пустоты, «в которой координация между собой и миром полностью разрывается» [16, с. 161]. Катя Гарлофф писала о связи теории травмы с особой транскультурной эмпатией. Ее предположение о том, что травма может способствовать транскультурной эмпатии, звучит провокативно, однако опыт, который, как может показаться, разрушителен для психических и ментальных структур личности, способен иметь положительный эффект, состоящий в раскрытии эмоциональной сферы травмированных людей другими людьми. По мнению исследователя, «травма вынуждает людей переноситься в другие времена и места, где их непереработанный опыт преобразуется в сны, истории, свидетельства очевидцев и другие символические образования, требующие особенно внимательного слушания или чтения» [14, с. 211–212].

Актуальность исследуемой проблемы связывается как с включением романа в научно-исследовательский контекст, так и с выделением его особенностей через экзистенциальную оптику анализа.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования стал роман «Корабль Тесея. Черно-белый роман» (2023) современного отечественного писателя Ильдара Абузярова. В работе используется метод интегрирующего анализа, учитывающий психологический, философский, теоретико-литературный аспекты. В основе методологии

лежат труды, посвященные изучению татарской и татарской русскоязычной прозы (например, В. Р. Аминевой, А. Н. Набиуллиной, Р. З. Хайруллина, Р. Х. Шаряфетдинова, И. А. Еникеева), работы, в которых рассматриваются психологизм художественной прозы и экзистенциальное начало (например, Л. Я. Гинзбург [6], В. В. Заманской [8], С. А. Кибальника ([9], [10])). Для характеристики транстемпоральности в романе использованы исследования психологов (например, О. В. Лукьянова, Г. Элленберга, Р. Мэя), работающих в русле экзистенциального анализа, одного из направления в психологии, согласно которому акцент делается на бытии конкретного человека (экзистенции), где различные темпоральные модели могут становиться маркерами тех или иных душевных состояний личности, у которой из-за глубоких стрессовых переживаний восприятие времени может варьироваться.

Результаты исследования и их обсуждение. Роман Ильдара Абузярова «Корабль Тесея. Черно-белый роман» имеет сложную композиционную структуру, в основе которой лежат воспоминания главного героя Рена о взаимоотношениях с девушкой Мелиссой. При этом молодой человек пытается не только описать стадии развития отношений, но и вспомнить свою жизнь, разрушающуюся после расставания (Рен начинает вести асоциальный образ жизни, посещать психотерапевта), от детства в маленьком шахтерском поселке Дыркино до переезда в Санкт-Петербург, в город, в который герой приехал «умирать», «закопать себя, погрузить на дно» [1, с. 307]. Молодой человек мысленно перемещается в пространственно-временном континууме (прошлое, настоящее), что, с одной стороны, способствует расширению пространственных координат романа (детство в поселке на Урале, военная служба в Сахаре, жизнь в Санкт-Петербурге), а с другой стороны, подчеркивает особую экзистенциальную транстемпоральность.

Наложение времен в сознании молодого человека приводит к тому, что на страницах романа актуализируются различные темпоральные модели. С одной стороны, герой признает, что «человек линеен, история линейна, время линейно, его не остановить» [1, с. 44], но ему хочется оставить что-то вроде отметин на этой линии, маркирующих важные вехи жизни. Сама жизнь воспринимается как «переход из одного состояния в другое», как «промежуток между первым, вторым и третьим…» [1, с. 9] или же как «окна возможностей. И если они полностью захлопнулись, то ничего не попишешь» [1, с. 465]. Значимым в жизни становится некий миг, точка, сиюминутность («Миг, который может растянуться на день, или на месяц, или даже на год, а если повезет – на несколько лет до самой смерти» [1, с. 131]). Отсутствие стабильности, бытовая неустроенность приводят героя к мыслям о том, что «все так призрачно в нашей жизни, все сиюминутно» [1, с. 129]. Поиски Мелиссы в пространстве города воспринимаются Реном как «бег по кругу» [1, с. 37]. Линейная модель времени как будто совмещается с циклической моделью времени, преломляясь в памяти главного героя. Ситуация же потери девушки и разрыва отношений (настоящее) накладывается на ситуацию из детства молодого человека, когда умирает после тяжелой болезни мать (прошлое), что приводит к доминированию травмирующих воспоминаний.

Экзистенциальное мировосприятие задает особый ракурс видения пространства, в котором начинают преобладать танатологические мотивы. Вспоминая свое детство, Рен рассказывает психологу Ларисе Штайн о маленьком шахтерском поселке Дыркино, в котором даже профессиональный праздник День шахтера был как «некий аналог поминального дня» [1, с. 314]. Кладбище становилось не только местом свиданий, но и показывало положение в социуме и материальное благополучие семей. Смерть горняков в шахте воспринималась как обыденность. У героя в результате несчастного случая в шахте погибает отец, умирает родной брат, после тяжелой болезни – мать. Он уезжает из поселка, как будто пытаясь выбраться из мертвого пространства, с которым связаны мучительные чувства и ощущения. Лариса Штайн поймет, что у Рена «тяга к танатосу намного сильнее тяги к эросу» [1, с. 368], и предположит, что у него из-за большого количества психологических травм

в детстве и отсутствия поддержки и взаимопонимания появился комплекс мертвой матери, который описал Андре Грин. В глазах маленького мальчика его мать «мертва психически, потому что по той или иной причине впала в депрессию», «не может выполнять свои материнские функции по тем или иным причинам», «не может додать ребенку необходимой любви» [1, с. 435].

Переезд в Санкт-Петербург также связывается в рассуждениях Рена с мортальностью, поскольку он именно в этом городе хочет «покончить с собой медленно и как-то незаметно для других» [1, с. 207]. Из всех возможных способов самоубийства самым приемлемым герою представляется «затеряться в мегаполисе», поскольку «пропал человек, и нет его» [1. с. 308]. Рену удается поговорить с Мелиссой в тот момент, когда она, как кажется ему, хочет совершить самоубийство, прыгнув с моста в Неву. Позднее наличие суицидальных наклонностей у Мелиссы подтвердит Лариса Штайн. Герой же станет не только возлюбленным девушки, но и ее спасителем, отговорив от рокового шага. После расставания с Мелиссой, разговоров с Ларисой Штайн полностью подавленный и разочарованный Рен как будто вновь оказывается в мортальном пространстве, переживая «такое чувство, что ты вроде бы еще живой, но на самом деле уже мертвый, как этот город. Тебя распяли, разрезали по законам анатомии» [1, с. 469]. На него «смотрели пустые глазницы домов абсолютно мертвого пространства. Каждый дом как склеп. Как стена, в которую помещают урны с прахом, такие шкатулки, в которые после кремации ссыпают остатки того, что еще недавно было живым человеком» [1, с. 464].

Экзистенциальность проявляется в использовании принципа миниатюры, при котором в малом может отражаться целый мир, проникнутый субъективизмом и особой тональностью, в данном случае мортальной. Дом Мертенса, магазин дорогой одежды и аксессуаров, куда Рен устраивается на работу охранником, становится отражением Санкт-Петербурга в миниатюре. Это «Дом-корабль, дом-призрак, дом – “Летучий голландец”» [1, с. 272]. Герой мысленно соотносит дом в городе с самим городом (своеобразная метонимия), поскольку «дом движется, качается, что он вот-вот оторвется от пристани и пойдет по руслу Невского, как корабль-призрак» [1, с. 272]. Более того, Дом Мертенса напоминает Рену «дом мертвых» [1, с. 276]. Душевный кризис и внутренний разлад после разрыва отношений приводят к тому, что молодой человек признается, что «все, что мне осталось, – это смотреть на людей в метро» [1, с. 3]. Вырваться из пространства смерти почти невозможно, остается лишь уповать на случайную встречу, проникнутую витальностью.

Пространство в романе описывается благодаря введению дихотомий вертикаль-горизонталь, верх-низ. Образные ряды, связанные в романе с данными дихотомиями, как будто дублируют друг друга, с одной стороны, апеллируя к принципу миниатюры, с другой стороны, к рекурсивной повествовательной стратегии. Рен, не дождавшись Мелиссу, отправляется встретить ее в Эрмитаже, но видит ее поднимающейся по лестнице вверх с незнакомым мужчиной. Пеппи Миллер уходит грациозно вверх по лестнице от Джорджа Валентайна в фильме, который смотрит Рен на ночном сеансе-ретроспективе в одиночестве, не встретившись после сцены в Эрмитаже с Мелиссой. Герою кажется эта лестница «знакомой настолько», что его захлестывает «волна ревности» [1, с. 230]. Он так характеризует черно-белый фильм: «Трагедия неминуемой ненужности и полного одиночества, трагедия неизбежного краха – вот о чем был этот фильм. Короче, невеселое кино обо мне» [1, с. 231]. Образ лестницы появится в романе еще раз, когда Рен будет искать Мелиссу, увидит в метро силуэт девушки, похожей на нее, также поднимающейся вверх по лестнице. В сознании молодого человека образы реальной действительности и мира кинематографа накладываются, усиливая психологическое воздействие тягостных ощущений. Рен противопоставляет бар в подвальном помещении («И танцевальный, весь в красных огнях, зал, и красные пьяные рожи бандитов, и раскрасневшиеся женщины с кричащим макияжем – все напоминало

преисподнюю в ее бессмысленном мельтешении. В развратных телодвижениях. В агонии пресыщения» [1, с. 45]) и светлое уютное кафе этажом выше, «с огромными витражами и приятной музыкой» [1, с. 45]. Подобное противопоставление различных полярных сфер («Из одной материи в другую, от грешной земли к месту отдохновения…» [1, с. 122]) переносится и на город, в котором существует метро («Метро – вампир, оно впитывает энергию своих обитателей и живет за счет этой энергии. Тепловой и психической. Ему важно раскачать сознание и психику» [1, с. 36]) и присутствует некая мерцающая витальность, которую можно почувствовать, находясь на крыше или на колоннаде Исаакиевского собора («В дни звездопада ночной город блефует и бликует, прежде чем распасться на огненные пятна, раствориться в утренней дымке» [1, с. 36]). Образные ряды лестницы, бара / кафе, атмосферы метро / вида с крыши накладываются друг на друга, усиливая психологический эффект воздействия как на героя, который становится наблюдателем и с чьей точки зрения описываются данные места, так и на читателя.

Экзистенциальное начало находит отражение в ряде мотивов, пронизывающих роман. Герои часто находятся в одиночестве, ощущают отчужденность, от которой невозможно избавиться даже в таком мегаполисе, как Санкт-Петербург. Рен признается, что «на самом деле всю жизнь искал одиночества» [1, с. 126]. Он пытается так описать особое, обостренное чувство гордости, доходящей до болезненного исступления деструктивных чувств и эмоций: «У отверженных, изгнанных, обреченных, проклятых своя гордость. Отчуждение творчества от жизни. Экзистенциальная трагедия. Декаданс» [1, с. 12]. Мелисса одна раздумывает о самоубийстве или пытается спрятаться от неизбывной тоски в фантазиях, воображая себя реинкарнацией египетской царицы. Мотив пустоты, душевной потерянности примыкает к мотиву одиночества. После исчезновения Мелиссы Рен ощущает, что вокруг него только «чернота, пустота, забвение, одиночество» [1, с. 24]. Размышляя о себе, герой приходит к неутешительному выводу: «Если докопаться до дна, ты – всего лишь пустая бутылка, пустая посудина» [1, с. 43]. Более того, к концу романа ощущение душевного надлома достигает кульминации. Рен думает о некой фатальности, которую он не в состоянии изменить или переиграть: «А значит, я сама пустота изнутри. Полая пустая шахматная фигурка из шахматного набора, которую двигают по доске, с белой на черную клетку. И наоборот – с черной на белую…» [1, с. 466]. Само бытие проникнуто и чревато пустотой, «и лишь дуновение ветра от прошедшей пустоты побеспокоит прах усопших…» [1, с. 277].

Черный и белый, два хроматический полюса, вынесенные в заглавие романа, формируют особую цветовую палитру произведения, маркируя как определенные детали (черный и белый мобильные телефоны Мелиссы, черный и белый стул в квартире Рена, белый плащ Мелиссы и черная куртка Рена), так и душевные состояния героев. Герой, рассматривая игру светотени в водах Невы, задумывается о быстротечности жизни. Он понимает неоднозначность, амбивалентность тех или иных событий, поскольку «черное и белое не всегда можно по мановению руки поменять местами» [1, с. 180]. Цвета в художественной канве романа несут также определенный историко-культурный смысл, связанный с идеями и образами древнегреческих мифов (миф о Тесее). При этом хроматическое восприятие субъективизируется, а герои как будто творят свою собственную мифологическую вселенную: «А еще я подумал про черное и белое в нас. Черный лебедь и белый лебедь. Белый – символ чистоты, невинности. И черный цвет, черная кожа и перья – символ грязи и саморазрушения, символ мазохизма и садизма» [1, с. 99].

В романе мотив двойничества влияет на развитие сюжета, способствует характеристике героев. Рен признает, что «мы не те, за кого себя выдаем» [1, с. 200]. Он создает аккаунт в социальной сети, конструирует другую яркую личность (капитан яхты, совершающий сложные круизы), но такая биография в пространстве Интернета не спасает от тоски

и неустроенности («В реальной жизни у меня по-прежнему все было уныло» [1, с. 209]). Герой понимает, что «фантазия всегда ярче реальности», а жизнь, о которой кто-то интересно рассказывает, всегда «вымышленная и головокружительная» [1, с. 209]. Реальная жизнь противопоставляется придуманной, кем-то рассказанной истории. Мелисса делится с Реном фактами своего жизненного пути. Если сначала он, замечая некоторые нестыковки в ее рассказе, не обращает на них внимание, то позже, узнавая Мелиссу лучше, он приходит к неутешительному выводу о том, что «ей уже нельзя было верить ни в чем» [1, с. 246]. Рен понимает, что Мелисса живет двойной жизнью: «Одной на публику, другой для себя. Или даже одной в своих фантазиях, другой в реальности» [1, с. 243]. В его сознании с трудом совмещаются два совершенно противоположных образа одной девушки, две совершенно разные модели саморепрезентации у одного человека. Рен пытается объяснить эту поведенческую странность актерскими способностями девушки («Актриса, которая однажды придумала для себя роль идеальной девушки и жены, потому что такой ее видела мать» [1, с. 247]. «Но с равным успехом она могла бы примерить роль распутной гулящей девки, которая больше соответствовала ее темпераменту» [1, с. 247]). Он понимает, что Мелисса «выкрутится» из любой сложной ситуации, даже если ей указать на очевидную ложь [1, с. 247]. Если в начале отношений, отмечая странности в действиях и поступках девушки, Рен характеризует это раздраженно и зло («Двуличная тварь!» [1, с. 243]), то после разговоров с Ларисой Штайн, узнав о проблемах с психикой и ментальным здоровьем у Мелиссы, он пытается понять сложность ее внутреннего мира, не отказываясь от своего чувства («Бедная хрупкая девочка с изломанной психикой» [1, с. 461]). Мелисса выдумывает себе двойника, сестру Милану, в которую перевоплощается, используя цветные линзы, косметику и новую стрижку, в те моменты, когда чувствует наступление душевного кризиса, как будто спасает себя от нервного и эмоционального перенапряжения. Милана делает то, что не может совершить Мелисса. Рен верит в существование сестры-близнеца, которого Мелисса правдоподобно описывает и характеризует, что только усиливает его шок после того, как Лариса Штайн говорит, что Миланы не существует, что «ее никогда и не было. Это фантазия. Только продукт работы больного сознания Мелиссы» [1, с. 448]. Странности поведения Мелиссы объясняются тем, что у нее «диссоциативное расстройство личности», «раздвоение» – «очень тяжелое психическое заболевание, вызывающее полную дезинтеграцию больного, расщепление сознания, утрату идентичности» [1, с. 450]. Лариса Штайн, анализируя фантазии и навязчивые идеи о реинкарнации египетских цариц, звучащие в ее сознании чьи-то голоса, тяжелые сны-кошмары, суицидальные наклонности, предполагает у Мелиссы даже шизофрению. В русской (Марина Степнова «Безбожный переулок») и мировой литературах (Фрэнсис Скотт Фицджеральд «Ночь нежна») встречаются похожие сюжеты: жизнь мужчин начинает разрушаться после того, как они узнают о смерти из-за душевного недуга или о ментальном заболевании возлюбленных, а история их любви заканчивается трагично.

Повествование в романе субъективизировано, что сближает его поэтику с поэтикой психологической прозы. Рен, рассказывая о травмирующих событиях в отношениях, пытается убедить читателя и слушающего в своей искренности: «Поймите меня правильно, в четырех стенах я просто задыхаюсь. Не могу находиться наедине с собой. Постоянно думаю о ней» [1, с. 35]. Он признает, что после сеансов психотерапии осуществился его самый большой страх («Я потерялся» [1, с. 458]), поскольку как привычный мир, так и отношения с девушкой оказались полностью разрушенными. Если в кабинете психолога Рен «легко поверил рассказу» Ларисы Штайн, поскольку «все, что вокруг происходит, слишком безумно и иллюзорно» [1, с. 456], то позже скептично анализирует информацию, предпринимает попытки встретить Мелиссу в метро. Герой признается, что многие слова девушки воспринимал «за бред», а ее саму «как некое наваждение, мираж» [1, с. 19].

Он недоверчиво и скептично слушал рассказы о ее фантазиях, о том, что она – реинкарнация египетской царицы Хатшепсут или Нефертити. Сны, которые пересказывает ему Мелисса, якобы подтверждают некий метемпсихоз, проникнуты мистикой и страхами. Если сначала он не понимает, насколько для девушки важна подобная метафизическая связь с прошлым, то позже принимает эту сторону ее личности. Он осознает, что именно «незнание, непонимание, невозможность прочувствовать ее было началом нашего конца» [1, с. 215]. Мелисса посещает театральную студию, в которой проводятся сеансы психодрамы, особого метода психологической помощи и терапии, во время которого происходит изживание травматического опыта. Как рассказывает Рену девушка, сценки из прошлого помогают «пережить заново кризисный момент, найти правильное решение, выход» [1, с. 252]. Однако героя это пугает, поскольку он понимает, что отношениям придет конец после того, как Мелисса справится с травмирующими воспоминаниями. С одной стороны, он желает помочь девушке выйти из психологического кризиса, а с другой стороны, боится ее потерять. Рен видит, что у Мелиссы странные резкие смены настроения. Она не понимает шуток, очень быстро переходит от игривого к раздраженному или холодному тону в разговоре, часто отрицает очевидные вещи. У нее бывает взгляд, «как у надсмотрщика» [1, с. 117], испытывающий, оценивающий и строгий. Она кажется Рену «даже чужой», «холодной и расчетливой» [1, с. 118]. Однако девушка как будто обладает магией обаяния, поскольку через несколько минут беседы кажется близким человеком, слишком живым и эмоционально открытым для общения. Она заинтересована в карьере, верит в то, что ей удалось сделать какое-то открытие в египтологии (якобы нашла ларец, принадлежащий египетской царице), но, как позже узнает Рен, с трудом получает образование, резко и внезапно меняя факультеты. Профессор Орлов, научный руководитель Мелиссы, говорит о ней Рену, что «она фантазерка» [1, с. 380], что у нее «совсем не научный подход», что она «витала в фантазиях», не имела «для толчка методологии и наработанной системы» [1, с. 384]. Однако герой со скепсисом слушает рассуждения ученого, поскольку чувствует за его словами ложь. Если для Рена разрыв отношений с Мелиссой закончился катастрофой, затяжным психологическим кризисом, то для Мелиссы он кончился еще более трагично, по сути, потерей своей идентичности, поскольку она стала воспринимать себя как Милану, своего придуманного близнеца.

Выводы. Как можно видеть, экзистенциальное начало в романе «Корабль Тесея. Черно-белый роман» Ильдара Абузярова влияет на макропоэтику произведения, способствуя усложнению композиционной структуры. На уровне микропоэтики экзистенциальность находит выражение в ряде мотивов (пустоты, одиночества, двойничества), в усложнении пространственно-временных координат (транстемпоральность; дихотомии верх-низ, вертикаль-горизонталь; принцип миниатюры). Экзистенция, проявляющаяся на разных уровнях организации произведения, подчеркивает психологическую тональность, а также становится одной из значимых художественных констант романа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абузяров И.* Корабль Тесея. Черно-белый роман. – М. : ИД «Городец», 2023. – 480 с.

2. *Аминева В. Р., Набиуллина А. Н.* Транскультурная литература: вопросы теории и методологии изучения // Национальные литературы на современном этапе: научные концепции и гипотезы : сб. ст. / сост.: А. Ф. Ганиева, Ф. Х. Миннуллина, Л. Р. Надыршина. – Казань : ИЯЛИ, 2019. – Вып. 1. – С. 6–16.

3. *Аминева В. Р., Набиуллина А. Н.* Жертвенность и жертвоприношение в прозе И. Абузярова: деконструкция мифологических сюжетов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 8(74) : в 2-х ч., Ч. 2. – С. 10–12.

4. *Аминева В. Р., Набиуллина А. Н.* Хронотоп города в современной русскоязычной прозе татар // Возрождение национальных литератур во второй половине XX века и Чингиз Айтматов : международная научно-практическая конференция : сб. материалов / сост.: Ф. Х. Миннуллина, А. Ф. Ганиева, Л. Р. Надыршина. – Казань : ИЯЛИ, 2018. – С. 47–53.

5. *Аминева В. Р., Набиуллина А. Н.* Номинация как способ идентификации персонажа в прозе И. Абузярова // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2018. – Т. 15, № 1. – С. 98–109. – DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-98-109.

6. *Гинзбург Л.* О психологической прозе. – Л. : Худож. лит., 1976. – 448 с.

7. *Еникеев И. А.* Жанрово-стилевые искания в русскоязычной литературе Татарстана // Жанрово-стилевое развитие национальных литератур в XX–XXI вв. : материалы Международной научно-практической конференции. –/ сост.: А. Ф. Ганиева, Ф. Х. Миннуллина, Л. Р. Надыршина. – Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2020. – Вып. 2. – С. 126–133.

8. *Заманская В. В.* Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий : Учебное пособие. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 304 с.

9. *Кибальник С. А.* Экзистенциализм в русской литературе и мысли // Литературоведческий журнал. – 2005. – № 19. – С. 131–139.

10. *Кибальник С. А.* Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе. – СПб. : ИД «Петрополис», 2011. – 412 с.

11. *Набиуллина А. Н.* «Подпольный» человек в современной русскоязычной прозе (на материале произведений И. Абузярова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, Вып. 9. – С. 123–127. – DOI 10.30853/filnauki.2019.9.26.

12. *Трубицына Л. В.* Процесс травмы. М. : Смысл : ЧеРо, 2005. – 218 с.

13. *Хайруллин Р. З., Шаряфетдинов Р. Х.* Мифологизм астральных образов Солнца и Луны в современной татарской литературе // Вестник Марийского государственного университета. – 2022. – Т 16, № 1. – С. 113–120. – DOI 10.30914/2072-6783-2022-16-1-113-120.

14. *Garloff Katja.* Transcultural empathy // The Routledge Companion to Literature and Trauma. – Routledge, London and New York, 2020. – P. 211–219.

15. *Hartman Geoffrey H.* On Traumatic Knowledge and Literary Studies // New Literary History. – 1995. – Vol. 26, No. 3. – P. 537– 563.

16. *Osman Khan Touseef.* Trauma and Fiction: Representational Crises and Modalities // CROSSINGS. A Journal of English studies. – 2017. – Vol. 8. – P. 160–167. – DOI10.59817/cjes.v8i.140.

Статья поступила в редакцию 26.12.2025

REFERENCES

1. Abuzyarov I. Korabl′ Teseya. Cherno-belyj roman. – M. : ID «Gorodets», 2023. – 480 s.

2. Amineva V. R., Nabiullina A. N. Transkul′turnaya literatura: voprosy teorii i metodologii izucheniya // Natsional′nye literatury na sovremennom etape: nauchnye kontseptsii i gipotezy : sb. st. / sost.: A. F. Ganieva, F. Kh. Minnullina, L. R. Nadyrshina. – Kazan′ : IYaLI, 2019. – Vyp. 1. – S. 6–16.

3. Amineva V. R., Nabiullina A. N. Zhertvennost′ i zhertvoprinoshenie v proze I. Abuzyarova: dekonstruktsiya mifologicheskikh syuzhetov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2017. – № 8(74) : v 2-kh ch., Ch. 2. – C. 10–12.

4. Amineva V. R., Nabiullina A. N. Khronotop goroda v sovremennoj russkoyazychnoj proze tatar // Vozrozhdenie natsional′nykh literatur vo vtoroj polovine XX veka i Chingiz Ajtmatov : mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya : sb. materialov / sost.: F. Kh. Minnullina, A. F. Ganieva, L. R. Nadyrshina. – Kazan′ : IYaLI, 2018. – C. 47–53.

5. Amineva V. R., Nabiullina A. N. Nominatsiya kak sposob identifikatsii personazha v proze I. Abuzyarova // Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial′nost′. – 2018. – T. 15, № 1. – S. 98–109. – DOI10.22363/2312-8011-2018-15-1-98-109.

6. Ginzburg L. O psikhologicheskoj proze. L. : Khudozh. lit., 1976. – 448 s.

7. Enikeev I. A. Zhanrovo-stilevye iskaniya v russkoyazychnoj literature Tatarstana // Zhanrovo-stilevoe razvitie natsional′nykh literatur v XX–XXI vv. : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii / sost.: A. F. Ganieva, F. Kh. Minnullina, L. R. Nadyrshina. – Kazan′ : IYaLI im. G. Ibragimova, 2020. – Vyp. 2. – S. 126–133.

8. Zamanskaya V. V. Ekzistentsial′naya traditsiya v russkoj literature XX veka. Dialogi na granitsakh stoletij : Uchebnoe posobie. – M. : Flinta : Nauka, 2002. – 304 s.

9. Kibal′nik S. A. Ekzistentsializm v russkoj literature i mysli // Literaturovedcheskij zhurnal. – 2005. – № 19. – S. 131–139.

10. Kibal′nik S. A. Gajto Gazdanov i ekzistentsial′naya traditsiya v russkoj literature. – SPb. : ID «Petropolis», 2011. – 412 s.

11. Nabiullina A. N. «Podpol′nyj» chelovek v sovremennoj russkoyazychnoj proze (na materiale proizvedenij I. Abuzyarova) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2019. – T. 12., Vyp. 9. – C. 123–127. – DOI 10.30853/filnauki.2019.9.26.

12. Trubitsyna L. V. Protsess travmy. – M. : Smysl : CheRo, 2005. – 218 s.
13. Khajrullin R. Z., Sharyafetdinov R. Kh. Mifologizm astral′nykh obrazov Solntsa i Luny v sovremennoj tatarskoj literature // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2022. – T 16, № 1. – S. 113–120. – DOI 10.30914/2072-6783-2022-16-1-113-120.
14. Garloff Katja. Transcultural empathy // The Routledge Companion to Literature and Trauma. – Routledge, London and New York, 2020. – P. 211–219.
15. Hartman Geoffrey H. On Traumatic Knowledge and Literary Studies // New Literary History. – 1995. – Vol. 26, No. 3. – P. 537–563.
16. Osman Khan Touseef. Trauma and Fiction: Representational Crises and Modalities // CROSSINGS. A Journal of English studies. – 2017. – Vol. 8. – P. 160–167. – DOI10.59817/cjes.v8i.140.

The article was contributed on December 26, 2025

Сведения об авторе

Сырысева Диана Юрьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литератур народов России и СНГ Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), г. Москва, Россия, https://orcid.org/0000-0001-7956-4738, syryseva97@mail.ru

Author Information

Syryseva, Diana Yuryevna – Candidate of Philology, Senior Research Fellow of the Department of Literatures of the Peoples of Russia and the CIS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, https://orcid.org/0000-0001-7956-4738, syryseva97@mail.ru

УДК 811.111’27’371:395.6 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.025

О. С. Сытник

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТРИАДА ВЕЖЛИВОСТИ КАК МЕХАНИЗМ РЕГУЛЯЦИИ КОНСТРУКТИВНОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II,
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья рассматривает лингвистическую вежливость в англоязычном коммуникативном пространстве как механизм регуляции речевого поведения. Поскольку английский функционирует как язык международного общения, вероятность коммуникативных неудач повышается. Необходима модель, которой можно руководствоваться для выбора конструктивных форм коммуникации. Материалом для исследования послужили ответы англоговорящих респондентов на ситуационный онлайн-опрос (19 закрытых вопросов) и подборка диалогических фрагментов англоязычной художественной прозы. Применены описательная статистика и функционально-прагматическая интерпретация, позволяющая соотнести маркеры вежливости с коммуникативным эффектом. Предложена модель функциональной триады вежливости, включающая прагматическую, аксиологическую и интерактивную функции. Показано, что эти функции совместно ограничивают выбор речевых ходов, повышая предсказуемость реакции адресата и поддерживая кооперативность. Основными коммуникативными средствами выступают этикетные формулы, хеджирование, фатическое общение и косвенные речевые акты. Выявлена контекстная зависимость: в конфликтных эпизодах вежливая форма может сохранять корректность, но не обязательно приводит к сотрудничеству. Вежливость описывается как прагматический регулятор конструктивной англоязычной коммуникации; триадная модель задает основу для дальнейшей параметризации уместности и допустимости коммуникации.

Ключевые слова: *коммуникация, лингвистическая вежливость, лингва франка, хеджирование, косвенные речевые акты, функции вежливости*

O. S. Sytnik

THE FUNCTIONAL TRIAD OF POLITENESS AS A REGULATORY MECHANISM IN CONSTRUCTIVE ENGLISH-MEDIUM COMMUNICATION

Empress Catherine II Saint Petersburg Mining University,
Saint Petersburg, Russia

Abstract. The paper treats linguistic politeness in English-medium interaction as an active regulator of speakers’ communicative behaviour. As English continues to expand as a lingua franca, the likelihood of communicative failures increases, which calls for a model explaining how speakers can select constructive communicative options. The study draws on English-speaking respondents’ answers to a situational online questionnaire (19 closed-ended questions) and a set of dialogic extracts from English-language fiction texts. Descriptive statistics are combined with a functional-pragmatic analysis that relates politeness markers to their communicative effects. The functional triad of politeness is proposed, comprising pragmatic, axiological (value-oriented) and interactional functions. Acting together, these functions constrain the choice of communicative moves, increase the predictability of addressees’ uptake, and help sustain a cooperative mode of interaction. Key resources include conventional politeness formulae, hedging, phatic communion, and indirect speech acts. At the same time, the effects are context-sensitive: in conflictual episodes, polite forms may maintain appropriateness without necessarily securing cooperation. Politeness is therefore construed as a pragmatic regulator of constructive English-medium communication, while the triadic model provides a basis for further parametrising the appropriateness and acceptability of speech moves.

Keywords: *communication, linguistic politeness, lingua franca, hedging, indirect speech acts, functions of politeness*

Введение. Существующие исследования показывают, что вежливость способствует гармоничному общению и является неотъемлемым условием успешной коммуникации, предотвращая конфликты и способствуя взаимопониманию ([1], [15]). В англоязычном речевом взаимодействии она может рассматриваться как регулятивный механизм, который при одной и той же коммуникативной интенции говорящего отбирает и ранжирует способы ее реализации по определенным критериям. В данной статье предпринимается функционально-прагматическое описание данного механизма через триаду функций вежливости на материале онлайн-опроса и художественных диалогов.

Объектом исследования являются коммуникативные средства реализации вежливости в англоязычной коммуникации. Предметом исследования выступает вежливость в аспекте функциональной триады, описывающей регулятивное действие функций вежливости в повышении конструктивного потенциала англоязычного взаимодействия.

Цель работы состоит в получении функционально-прагматического описания регулятивного механизма вежливости в англоязычной коммуникации через выделение и эмпирическое обоснование прагматической, аксиологической и интерактивной функций на материале онлайн-опроса и корпуса художественного дискурса.

Научная новизна исследования заключается в том, что: представлена функционально-прагматическая интерпретация вежливости как механизма отбора / ранжирования способов реализации интенции по критериям уместности, нормативности и кооперативности; предложена модель функциональной триады этого механизма (прагматическая, аксиологическая и интерактивная), описывающая вклад вежливости в конструктивный потенциал речевых действий; модель апробирована на материале ситуационного онлайн-опроса англоговорящих респондентов (N=381), что позволило систематизировать предпочтительные маркеры вежливости (этикетные формулы, хеджирование, small talk / комплименты, косвенные речевые акты) и соотнести их с выделенными функциями; дополнительно классифицированы 21 реплика художественного дискурса по доминирующей функции вежливости.

Наиболее влиятельной является теория П. Браун и С. Левинсона, которые вводят понятия «позитивной» и «негативной» вежливости ([2, с. 68], [7, с. 16], [10]). Позитивная вежливость направлена на выражение солидарности и сближение с собеседником, в то время как негативная вежливость подчеркивает уважение к автономии и дистанции ([4], [5, с. 129]). Эти стратегии являются основой для регулирования человеческих взаимоотношений, где основной механизм общения строится на противоположных действиях: сближении и отдалении ([2, с. 68], [10, с. 42]), Дж. Лич рассматривает вежливость как стратегическое избегание конфликтов и демонстрацию уважения к другим [24]. Таким образом, в классических моделях вежливость описывается как набор стратегий, в котором регулирующий механизм чаще выступает как интуитивно понятный эффект.

Вторая волна исследований вежливости (2000-е гг.) представляет собой переход к дискурсивным и реляционным подходам, которые рассматривают вежливость как динамический феномен, формирующийся в процессе взаимодействия ([26], [28]). Эти подходы оперируют понятием реляционной работы (relational work) ([27], [31]). Значимым является также различение politeness1 (бытовое понимание вежливости) и politeness 2 (теоретическое определение) ([19], [20], [21], [25]). Кроме того, исследования расширились до изучения (не)вежливости и «мнимой вежливости» (mock politeness), с рассмотрением вопроса, как язык используется для создания как гармонии, так и диссонанса в общении ([11], [13], [14]).

Англоязычная вежливость призвана поддерживать социальную гармонию [7]. Она часто проявляется в демонстрации внимания к другим, хороших манерах и частом использовании этикетных формул, таких как “please” и “thank you” ([5], [7]). Отсутствие прагматической компетенции, связанное с различиями в понимании и применении вежливости, может привести к сбоям в коммуникации ([18], [22], [32]). В отечественных исследованиях речевых жанров подчеркивается прагматическая обусловленность жанра предложения и необходимость учитывать уместность формулировок и интерпретацию коммуникативного намерения говорящего [6].

При анализе лингвистической вежливости мы придерживаемся подхода Т. В. Лариной, которая интерпретирует ее как универсальную коммуникативную категорию и систему национально-специфических поведенческих стратегий, обеспечивающих гармоничное, бесконфликтное взаимодействие и соответствие ожиданиям партнера. Она выполняет регулятивную функцию в коммуникации, предопределяя выбор вербальных и невербальных средств. [5, с. 93]. По мнению О. С. Иссерс, говорящий всегда стремится к достижению определенного результата, при этом его речевое поведение соотносится с двумя постоянно действующими параметрами – социальной приемлемостью и эффективностью [3, с. 61]. В соответствии с данной концепцией лингвистическая вежливость трактуется как регулирующий механизм конструктивной коммуникации: при одной и той же коммуникативной интенции говорящего она отбирает и ранжирует возможные способы ее реализации – тип речевого действия, степень прямоты / категоричности, формулировки указаний и распоряжений, а также этикетно-фатическую подачу высказывания. Отбор осуществляется по критериям контекстной уместности, нормативной допустимости и способности поддержать кооперативный режим и предотвратить эскалацию.

Таким образом, вежливость в англоязычном речевом взаимодействии выступает как многогранный регулирующий механизм, эффективность которого зависит от множества факторов, включая культурные нормы, социальный контекст и индивидуальные стратегии. Ее конструктивная роль проявляется в способности обеспечивать гармоничное, успешное и бесконфликтное общение, что особенно актуально в условиях межкультурного взаимодействия. Однако до сих пор остается недостаточно разработанным аспект системного моделирования вежливости как активного регулятора конструктивной коммуникации – по каким правилам и за счет каких ограничений можно отбирать речевые ходы так, чтобы переводить взаимодействие в кооперативный режим и предотвращать эскалацию и коммуникативные неудачи. Конструктивной считается коммуникация, не содержащая деструктивных элементов, соответствующая конкретной ситуации общения и включающая тактики и стратегии, направленные на разрешение ситуации в интересах говорящего, а в идеале – и собеседника, с учетом долгосрочной перспективы [8, с. 133]. В рамках настоящего исследования конструктивность рассматривается как потенциал речевого поведения, который оценивается через следующие индикаторы: 1) максимальное снижение угрозы лицу и конфликтности; 2) поддержание контакта / кооперативности; 3) предсказуемость реакции и способность коммуникации восстанавливаться после потенциальных коммуникативных сбоев (например, посредством извинения и его принятия). Эти индикаторы проявляются в выборе респондентами вариантов реплик в типовых ситуациях анкеты и через реакцию адресата и коммуникативный эффект в художественных диалогах.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования определяется, с одной стороны, устойчивым научным интересом к проблематике вежливости и ее культурно-контекстной обусловленности, а с другой – потребностью в описании механизмов предотвращения коммуникативных сбоев и системного моделирования вежливости как активного регулятора конструктивной коммуникации в англоязычном коммуникативном пространстве, трактуемом как *лингва франка*.

Материал и методы исследования. В данной работе рассмотрены коммуникативные средства, реализующие стратегию вежливости в англоязычном дискурсе. Исследование проведено в формате одномоментного онлайн-опроса с закрытыми вопросами, моделирующими типовые коммуникативные ситуации англоязычного общения и предполагающими выбор одного или нескольких вариантов ответа. Опросник имел ситуационный характер: каждый закрытый вопрос строился по модели «краткое описание типовой коммуникативной ситуации → набор вариантов речевой реакции / реплики», после чего респондент выбирал наиболее предпочтительный для себя способ речевого поведения:

How do you usually respond to compliments (e. g., "I love your hair today!" or "Wow, you're amazing! How did you get everything done so quickly?")?

- *With gratitude, saying something like "Thank you!"*
- *By paying a compliment back.*
- *With modesty, trying to downplay the attention on myself.*
- *I feel awkward or embarrassed.*

При разработке и формулировке коммуникативных ситуаций, включенных в опросник, и вариантов ответов использовались описания норм общения и этикета, представленные в работе К. Фокс [17]. Варианты ответов конструировались по принципу контрастивной операционализации прагматических параметров вежливости: при сохранении коммуникативной задачи (например, просьба, отказ, несогласие, извинение, начало разговора) альтернативы различались степенью прямоты / категоричности, наличием или отсутствием модальных смягчителей (*can / could / would; would you mind…*), хеджирования (*I might be wrong…, I don't quite agree…*), этикетных формул (*please, thank you, excuse me / sorry*), а также косвенных ходов (намек вместо директива; вопросная форма вместо побудительной). Закрытый формат вопросов обеспечивал сопоставимость ответов и возможность количественной фиксации предпочтений по каждому параметру.

Эмпирическую базу результатов опроса составили ответы 381 англоговорящего респондента. Ссылка на анкету была размещена на странице британского блогера и доступна 24 часа. Критерии включения: подписка на указанный аккаунт (как канал доступа к опросу) и заполнение англоязычной анкеты. По самоотчету респондентов: 68 мужчин (17,8 %) и 313 женщин (82,2 %); средний возраст – 35–40 лет. Национально-культурная самоидентификация включала индийцев, британцев, итальянцев, американцев, поляков, французов, греков, немцев, швейцарцев, колумбийцев и др.; род занятий не фиксировался. Опросник был представлен на английском языке и включал 19 закрытых вопросов (множественный выбор) с описаниями коммуникативных ситуаций и вариантами речевого поведения / реплик, а также социодемографический блок (пол, возраст, национальность). Английский язык рассматривается в данном исследовании как *лингва франка* – язык межкультурной коммуникации, объединяющий участников разных культурных традиций. В этом смысле исследование отражает закономерности общения в англоязычном коммуникативном пространстве, где формируются общие нормы вежливости, принятые как условие конструктивного взаимодействия.

Опрос был реализован онлайн, анонимно, без вознаграждения; заполнение анкеты рассматривалось как согласие на обработку обезличенных данных. Статистическая обработка включала подсчет абсолютных и относительных частот (Microsoft Excel). Для интерпретации данных применялся функционально-прагматический анализ: варианты ответов соотносились с прагматической, аксиологической и интерактивной функциями вежливости; при необходимости допускалась полифункциональная маркировка.

В опросе рассматривались отношение респондентов к разговорам с новым собеседником, началу нового диалога, формулировкам просьб и инструкций, комплиментам, просьбам и извинениям.

Для иллюстрации регулятивного механизма вежливости также сформирована подборка реплик прямой речи персонажей англоязычной художественной прозы (21 реплика, 7 художественных текстов). Они отбирались как контекстно-функциональные реализации вежливости и распределялись по функциям. Материалом для исследования коммуникации в художественном дискурсе послужил корпус англоязычных художественных текстов (1 рассказ и 6 романов). Корпус сформирован из произведений реалистической традиции и смежных направлений; критерии отбора – развитая диалогичность, позволяющая наблюдать социально обусловленные нормы речевого поведения персонажей, и степень их историко-критической закрепленности. На основании всесторонней апробации (критической, читательской, академической) данные тексты могут быть представлены как корпус с подтвержденной типологической устойчивостью и исследовательской достоверностью. В корпус вошли: F. S. Fitzgerald “Bernice Bobs Her Hair” [16], M. Mitchell “Gone with the Wind” [30], C. Brontë “Jane Eyre” [9], D. H. Lawrence “Lady Chatterley’s Lover” [23], T. Dreiser “The Financier” [12], W. S. Maugham “Theatre” [29], W. M. Thackeray “Vanity Fair” [33]. Суммарный объем корпуса оценивается в 3 тыс. книжных страниц.

Отбор примеров из художественного дискурса проводился комбинированно: целевым чтением диалогических сцен и поиском по маркерам (например, *please, sorry, thank you, excuse me, pardon, would you, could you, may I, would you mind, good evening, how are you* и др.) с обязательной контекстной проверкой. В результате сформирована выборка из 21 вежливого высказывания (найдено по 3 примера из каждого произведения) и выполнена их классификация по доминирующей функции вежливости. Ограниченное число эксплицитно маркированных вежливых реплик в иллюстративной выборке художественных диалогов (всего реплик 21) уточняет тезис о регулирующем механизме: вежливость фиксируется здесь как контекстно обусловленная оценка приемлемости реплики и как ресурс поддержания отношений в качестве коммуникативной корректности (politeness1).

Коммуникативная конструктивность каждого эпизода оценивалась по наблюдаемому достижению цели говорящего (реакция адресата / последствие) и по коммуникативной выгоде в рамках сцены, соотнесенной с пониманием конструктивной коммуникации как взаимодействия, содержащего позитивную динамику и ориентированного на интересы коммуникантов при отсутствии деструктивных элементов. Учитывались реакция адресата и ближайшее последствие для хода сцены. В результате в 19 из 21 случаев конструктивность квалифицируется как высокая: вежливая форма чаще коррелирует с кооперативной реакцией и переходом коммуникантов в предсказуемый, неконфликтный режим взаимодействия. Корреляция с развитием ситуации показала, что в сценах просьбы / переговоров и ритуального подтверждения корректности вежливость чаще приводила к согласию / снятию напряжения, тогда как в конфликтных семейных эпизодах (например, диалог Джейн Эйр с миссис Рид) она могла не приводить к сотрудничеству и, напротив, подчеркивала дистанцию.

Результаты исследования и их обсуждение. Анкетирование англоязычных респондентов подтвердило, что вежливость в англоязычном коммуникативном пространстве реализуется через следующие коммуникативные средства-маркеры:

1. Средства хеджирования, снижающие определенность и прямолинейность высказывания – конструкции с модальными глаголами и др.
2. Этикетные формулы (приветствия, благодарности, извинения, приглашения).
3. Small talk (этикетный разговор).
4. Комплименты.
5. Косвенные речевые акты (вопрос вместо прямой просьбы и т. п.).

Данные опроса показывают устойчивую ориентацию на: 1) модально-хеджированные конструкции и смягченные директивы (например, в вопросе о повседневной просьбе 78,5 %

респондентов выбирают вариант *"Can you / Would you / Could you close the window?"* вместо императива); 2) этикетные формулы благодарности / извинения / обращения (в сценарии обращения за помощью вариант с *"Excuse me, could you please… / may I…"* выбирают 93,4 %); 3) фатические и нейтральные стратегии установления контакта (при знакомстве 38,8 % предпочитают начать с нейтральной темы); 4) комплиментарные ходы как ресурс поддержания позитивной тональности взаимодействия (в формулировке комплимента 83,5 % выбирают эксплицитно позитивную оценку *"Wow, you are amazing!"*); 5) косвенные речевые акты и стратегию непрямого отказа (86,1 % предпочитают косвенный отказ).

По данным онлайн-анкетирования перечисленные средства способствуют повышению конструктивности коммуникации, снижая возможный дискомфорт собеседника за счет уменьшения категоричности, прямолинейности и деэскалации коммуникативного давления (снижение минимизации угроз позитивному и негативному лицу).

Функционально-прагматический анализ корпуса прямой речи из художественных текстов и предпочтений респондентов при выборе ответов позволил выделить триаду взаимодополняющих функций вежливости, делающих коммуникацию условно более конструктивной: прагматическую, аксиологическую и интерактивную, которые исключают неуместные и недопустимые формы реализации интенции и задают предпочтительный диапазон форм, повышающих конструктивный потенциал взаимодействия [8, с. 134]. Исходя из выбранных информантами ответов можно предположить, что они осознают данные три функции вежливости.

Анализ показал, что прагматическая функция реализуется в выбранных респондентами вариантах ответа анкеты на 11 вопросов. Аксиологическая функция проявляется в выбранных ответах на 10 вопросов, а интерактивная – на 9. Зафиксированы следующие сочетания функций: комбинация прагматической и аксиологической функций выявлена в ответах на 7 вопросов; прагматической и интерактивной – на 6 вопросов. Все три функции одновременно (прагматическая, аксиологическая и интерактивная) представлены в ответах на 4 вопроса. Это подтверждает взаимосвязь прагматических, ценностных и интерактивных аспектов вежливости.

В корпусе примеров прямой речи художественного дискурса по каждой из трех функций – прагматической, аксиологической и интерактивной – выявлено в корпусе и проанализировано по 7 примеров. Отмечено 7 также многофункциональных случаев (доминирующая + вторичная функции).

Чаще встречающиеся средства по функциям (по корпусу выборки):

- Прагматическая: модальные / хеджированные конструкции (*would you mind, I don't suppose, I wonder if*), маркер *please*, ограничители (*"a minute"*), смягченные директивы (*"have the goodness"*). (Ср. указание на косвенные речевые акты и средства хеджирования в списке выше)
- Аксиологическая: формулы извинения (*sorry, apologize, beg your pardon, excuse me*) и благодарности (*much obliged*), а также официально-ритуальные клише (honour / obedient servant).
- Интерактивная: приветствия / прощания (*good evening / good night*), фатические вопросы (*how are you*), предложения войти / сесть, представление (introduce), формулы "respect".
- Высокая конструктивность преобладает в сценах переговоров / приглашений / согласований, где смягчение прямо повышает вероятность согласия и переводит эпизод в кооперативный режим.
- Высокая конструктивность также характерна для ритуальных актов извинения / благодарности, когда адресат явно готов их принять.

• Низкая конструктивность проявляется при вежливой форме с недружественным / манипулятивным эффектом (извинение подрывается репликой о “punishment”) и в конфликтных семейных контактах, где интерактивный ритуал не вызывает кооперации.

1. Прагматическая функция вежливости в англоязычной коммуникации способствует формированию благоприятной коммуникативной обстановки, снижению степени категоричности высказываний и уменьшению коммуникативных рисков (повседневные просьбы, предложения и инструкции). Данная функция проявляется в выборе респондентами косвенных речевых актов, хеджированных форм и вежливых конструкций с модальными глаголами (*could you…, would you mind…*), которые смягчают высказывание. В вопросе о выражении несогласия с собеседником 51,7 % респондентов выбрали хедж “I don’t quite agree with you”, 36,2 % – формулу “I might be wrong as well”, и только 10,6 % использовали прямое высказывание “I think you’re mistaken!”. 86,1 % опрошенных не готовы прямо отказать собеседнику в просьбе, и только 13,9 % сообщили, что могут категорично отказать.

Прагматическая функция особенно наглядна в блоке вопросов, где альтернативы различаются степенью директивности и способами смягчения. Так, в вопросе “How do you typically make everyday requests to those around you?” респондентам предлагались варианты: вежливая просьба “Can / Would / Could you close the window?”, намек “It’s chilly, don’t you think?”, прямой директив “Close the window (please)” и стратегия избегания просьб (“I try to avoid making any requests”). Предпочтение отдается директиве, смягченной модальным глаголом: на ее долю приходится 78,5 %, тогда как прямой императив выбрали лишь 5 %. Аналогично, в вопросе о способе давать инструкции (“direct commands” vs “polite phrases: Would you mind…? / Could you please…?) 79 % выбирают вежливые формулы и 21 % – прямые команды. Тем самым прагматическая функция вежливости проявляется как устойчивое ограничение на категоричность речевого хода при сохранении его целевой направленности.

Примеры реализации данной функции из корпуса художественного дискурса:

C. Brontë “Jane Eyre”: “If you please, sir, I want leave of absence for a week or two” [9].

M. Mitchell “Gone with the Wind”: “Good evening, Mrs. Kennedy. … I should like to speak to Mr. Wilkes and Mr. Kennedy, if you please” [30, c. 746].

2. Аксиологическая функция связана с соответствием ценностно значимым параметрам коммуникации – нормам, традициям и ценностям, принятым в конкретной коммуникативной культуре либо коммуникативном пространстве (реакция на комплименты, извинения и т. п.). В ряде коммуникативных ситуаций респонденты выбирают нормативно-ожидаемую стратегию, что видно, в частности, в вопросе “Do you apologize if someone accidentally bumps into you…?”. Большинство выбрали ответ “I think an apology is a must in any case” (57,7 %), тогда как отказ от извинений (“I don’t think apologizing is necessary at all”) практически не поддерживается (1,3 %). В вопросе о комплиментах “When complimenting somebody… you’re more likely to say: ‘Wow, you are amazing!’ / ‘Well, not bad!’” доминирует эксплицитно позитивная оценка (83,5 %), что согласуется с ориентацией на поддержание социально приемлемой позитивной тональности. Наконец, в вопросе “Have you ever given a compliment without truly meaning it?” большинство выбирает ответ “Sometimes, if the situation calls for it” (63,0 %), что позволяет интерпретировать комплимент также как ритуализованный, социально санкционированный механизм поддержания гармонии и сохранения лица собеседника в ситуациях потенциальной неловкости. Ответы демонстрируют ориентацию на уважительное и корректное взаимодействие и восприятие избыточной прямоты или давления как отклонения от нормативного поведения.

Примеры реализации функции в художественном дискурсе:

W. S. Maugham “Theatre”: “I wonder if we could persuade you to come and eat a chop with us” [29].

W. M. Thackeray “Vanity Fair”: “I have the honour and happiness to acquaint you… / Your most obliged humble servant, Barbara Pinkerton” [33].

3. Интерактивная функция ориентирована на предсказуемость реакции собеседника и поддержание диалога. Она проявляется в соблюдении социальных ролей и коммуникативных норм, что помогает выстраивать коммуникацию и снижает вероятность разногласий (например, способы установления и поддержания контакта). В вопросе о стратегиях знакомства в новой компании респондентам предлагались пять вариантов (самопредставление; начало с нейтральной темы; просьба представить их друг другу; попытка привлечь внимание шуткой / вопросом; вежливая бытовая просьба). Наиболее частотным оказался фатически нейтральный вариант (“I start a casual conversation about something neutral (e. g. the weather)…”) – 38,8 %, прямое самопредставление выбирают 18 %, 22,7 % готовы ждать, пока их представят друг другу, 10,5 % привлекают к себе внимание шуткой / вопросом и 10 % обращаются с незначительной просьбой.

Подобные варианты ответов демонстрируют установку на поддержание диалога. Полученные данные подтверждают, что англоязычная коммуникация предполагает соблюдение формальных рамок и ролевых ожиданий: начало взаимодействия часто оформляется с помощью традиционных речевых жанров (small talk), которые выполняют роль коммуникативного буфера и выступают связующим звеном для создания комфортной коммуникативной среды.

Примером комбинации всех трех функций может служить выбор ответа на вопрос “How do you typically make everyday requests to those around you?” – деликатный вариант “Can you / Would you / Could you close the window?”, снижающий коммуникативные риски, реализующий ценностно значимые свойства коммуникации и предполагающий предсказуемую реакцию собеседника (выбрали 78,5 % опрошенных).

Приведем иллюстрации воплощения данной функции в художественном дискурсе:

T. Dreiser “The Financier”: “How are you, Mr. Steger? … Glad to see you. Won't you sit down?” [12].

W. M. Thackeray “Vanity Fair”: “I wish to pay my respects to you, Ma'am, and my father's and mother's, who hope you are well” [33].

Ограниченное число эксплицитно маркированных вежливых реплик в иллюстративной выборке художественных диалогов (21 реплика) уточняет тезис о вежливости как о регулирующем механизме. В рамках данной работы под ним понимается не только эксплицитная вежливость, но и коммуникативная корректность как отсутствие резких грубых форм выражения коммуникативного намерения.

Выводы. Таким образом, в функциональном плане регулирующий механизм вежливости в англоязычной коммуникации описывается через триаду взаимодополняющих функций: прагматическую (оптимизация достижения цели при снижении давления и рисков), аксиологическую (согласование речевого действия с нормами и ценностями коммуникативного сообщества) и интерактивную (обеспечение управляемости ответа адресата и поддержание диалога). Все три функции взаимосвязаны и действуют совместно, обеспечивая регулирование вежливого и конструктивного общения. Они поддерживают коммуникативный комфорт и баланс, способствуют укреплению взаимного доверия между участниками взаимодействия и формируют установку на продолжение конструктивного диалога. Эмпирические данные позволяют утверждать, что в англоязычной коммуникации вежливость функционирует как механизм, регулирующий речевое поведение через прагматическую, аксиологическую и интерактивную функции в коммуникации, в связи с чем вежливость можно рассматривать как одно из базовых условий конструктивности речевого взаимодействия. При этом она повышает конструктивный потенциал речевых действий при условии контекстной уместности и совпадения норм интерпретации. Если

адресат ни на одном этапе не интерпретирует коммуникативное поведение адресанта как повышенно угрожающее (давление или другое ограничение автономии), коммуникация имеет все шансы стать конструктивной. В конфликтогенных (деструктивных) ситуациях с низкой кооперативностью адресата вежливость может сохранять интерактивную корректность, но не приводить к сотрудничеству.

Эмпирический характер исследования позволяет конкретизировать указанные выводы на материале опроса, выявляя устойчивые паттерны речевого поведения. В директивных речевых актах (просьба) доминируют стратегии негативной вежливости, ориентированные на ненавязчивость: респонденты последовательно выбирают модально смягченные конструкции, минимизирующие презумпцию обязанности адресата выполнить действие. Прямые императивы занимают периферийную позицию, что подтверждает высокую нормативность хеджирования в англоязычном коммуникативном пространстве. В актах отказа, где сталкиваются интересы говорящего и адресата, ведущей становится стратегия косвенного коммуникативного акта – использование формул, позволяющих сохранить лицо собеседника при сохранении коммуникативной интенции. В ритуализованных речевых жанрах и актах (извинение) вежливость приобретает характер абсолютной нормы, не зависящей от ситуативных факторов, что маркирует данный речевой акт как социально-облигаторный. Особого внимания заслуживает функциональная нагрузка вежливости в фатической коммуникации. Преобладание нейтрально-тематических ходов при установлении контакта подтверждает трактовку вежливости как механизма поддержания кооперативного режима общения и обеспечения предсказуемости взаимодействия. Таким образом, эмпирический материал опроса подтверждает, что выбор стратегий вежливости системно коррелирует с типом речевого акта.

Перспективы исследования видятся в разработке модели конструктивной коммуникации, в рамках которой прагматическая, аксиологическая и интерактивная функции вежливости будут соотнесены с измеряемыми параметрами уместности, допустимости, ценностной приемлемости и предсказуемости реакции адресата в зависимости от дискурсивного контекста на расширенном эмпирическом материале.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Власян Г. Р.* Понятие хеджирования в лингвистике // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 1(52). – С. 232–238.

2. *Заводчикова А. А.* Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации // Язык и текст. – 2014. – № 1(4). – С. 67–69.

3. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / науч. ред. Н. А. Купина. – изд. 9, доп. – М. : УРСС, 2024. – 320 с.

4. *Ладонина Н. А.* Реализация стратегии негативной вежливости в современном политическом дискурсе // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – № 1. – С. 123–134. – DOI 10.12731/2077-1770-2020-1-123-134.

5. *Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 260 с.

6. *Мельникова А. Ю.* Обучение иностранных студентов речевому жанру «предложение» // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2024. – № 3(124). – С. 115–123. – DOI 10.37972/chgpu.2024.124.3.014.

7. *Стернин И. А., Грищук Е. И., Лемяскина Н. А. и др.* Коммуникативное поведение. Вежливость как коммуникативная категория. – Воронеж : Истоки, 2003. – Вып. 17. – 211 с.

8. *Сытник О. С.* Вежливость как нормативный фильтр в конструктивной коммуникации // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе : Сборник научных трудов X международной научно-методической конференции. В 2 т. Т. 2. – СПб. : Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, 2025. – С. 132–135. – EDN BUXWJW.

9. *Brontë C.* Jane Eyre (1847) [Электронный ресурс]. – URL : https://etc.usf.edu/lit2go/69/jane-eyre/1224/chapter-xxi/ (дата обращения: 12.01.2026).

10. *Brown P., Levinson S.* Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 352 p.

11. *Culpeper J.* Towards an anatomy of impoliteness // Journal of Pragmatics. – 1996. – № 25(3). – P. 349–367. – DOI 10.1016/0378-2166(95)00014-3.

12. *Dreiser T.* The Financier (1912) [Электронный ресурс]. – URL : https://americanliterature.com/author/theodore-dreiser/book/the-financier/chapter-xlix (дата обращения: 12.01.2026).

13. *Dynel M.* The landscape of impoliteness research // Journal of Politeness Research Language Behaviour Culture. – 2015. – № 11(2). – P. 329–354. – DOI 10.1515/pr-2015-0013.

14. *Dynel M.* Theoretically on Mock Politeness in English and Italian // Journal of Language Aggression and Conflict. – 2018. – № 6(1). – P. 149–165. – DOI 10.1075/jlac.00007.dyn.

15. *Eslami Z. R., Larina T., Pashmforoosh R.* Identity, politeness and discursive practices in a changing world // Russian Journal of Linguistics. – 2023. – № 27(1). – P. 7–38. – DOI 10.22363/2687-0088-34051.

16. *Fitzgerald F. S.* Bernice Bobs Her Hair (1920) [Электронный ресурс]. – URL : https://public.archive.wsu.edu/campbelld/public_html/engl494/bernicebobs.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

17. *Fox K.* Watching the English – The Hidden Rules of English Behaviour. – London : Hodder and Stoughton Ltd, 2004. – 424 p.

18. *Ghosh N., Deep P. D., Gaither C. et al.* Cross-Cultural Courtesy: An Examination of How Bengali Speakers and US English Speakers Differ in Politeness. – 2025. – № 15(2). – 26 p. – DOI 10.5539/ijel.v15n2p26.

19. *Haugh M.* Politeness as object, (im)politeness as perspective // Journal of Politeness Research Language Behaviour Culture. – 2024. – № 20(1) – P. 201–226. – DOI 10.1515/pr-2023-0082.

20. *Hodeib C.* Conceptualizations and evaluations of (im)politeness in Syrian Arabic // Journal of Politeness Research Language Behaviour Culture. – 2023. – № 20(2). – P. 297–318. – DOI 10.1515/pr-2020-0016.

21. *Jucker A. H.* Conduct politeness versus etiquette politeness: a terminological distinction // Journal of Politeness Research Language Behaviour Culture. – 2023. – № 20(1). – P. 87–109. – DOI 10.1515/pr-2023-0071.

22. *Khodi A., Rohani G.* Investigating Politeness and Academic Background: An analytical Approach // Science Journal. – 2015. – Vol. 36, № 3. – P. 1068–1076. – ISSN 1300-1949.

23. *Lawrence D. H.* Lady Chatterley's Lover (1928) [Электронный ресурс]. – URL : https://www.online-literature.com/dh_lawrence/lady_chatterley_lover/3/ (дата обращения: 12.01.2026).

24. *Leech G. N.* Principles of Pragmatics. – New York : Longman, 1983. – URL : https://archive.org/details/principlesofprag0000leec (дата обращения: 12.01.2026).

25. *Leontyev V.* Rudeness Differs: to the 20th Anniversary of Linguistic Impoliteness Research // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. – 2016. – № 15(4). – P. 26–39. – DOI 10.15688/jvolsu2.2016.4.3.

26. *Locher M. A.* Polite behavior within relational work: The discursive approach to politeness // Multilingua – Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication. – 2006. – № 25(3). – P. 249–267. – DOI 10.1515/MULTI.2006.015.

27. *Locher M. A., Bolander B., Höhn N.* Introducing relational work in Facebook and discussion boards // Pragmatics Quarterly Publication of the International Pragmatics Association. – 2015. – № 25(1). – P. 1–21. – DOI 10.1075/prag.25.1.01loc.

28. *Locher M. A., Watts R. J.* Politeness Theory and Relational Work // Journal of Politeness Research Language Behaviour Culture. – 2005. – № 1(1). – P. 9–33. – DOI 10.1515/jplr.2005.1.1.9.

29. *Maugham W. S.* Theatre (1937) [Электронный ресурс]. – URL : https://content.ikon.mn/banners/2015/4/9/1472/william-somerset-maugham-theatre.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

30. *Mitchell M.* Gone with the Wind (1936) [Электронный ресурс]. – URL : http://biblioteka.kijowski.pl/mitchell%20margaret/gone%20with%20the%20wind.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

31. *Mugford G.* Mexican Politeness: an Empirical Study on the Reasons Underlying/Motivating Practices to Construct Local Interpersonal Relationships // Russian Journal of Linguistics. – 2020. – № 24(1). – P. 31–55. – DOI 10.22363/2687-0088-2020-24-1-31-55.

32. *Nkirote A.* The Pragmatics of Politeness in Cross-Cultural Communication // European Journal of Linguistics. – 2024. – № 3(3). – P. 27–39. – DOI 10.47941/ejl.2052.

33. *Thackeray W. M.* Vanity Fair (1848) [Электронный ресурс]. – URL : https://www.gutenberg.org/files/599/599-h/599-h.htm (дата обращения: 12.01.2026).

Статья поступила в редакцию 07.02.2026

REFERENCES

1. Vlasyan G. R. Ponyatie hedzhirovaniya v lingvistike // Kognitivnye issledovaniya yazyka. – 2023. – № 1(52). – S. 232–238.

2. Zavodchikova A. A. Kategoriya vezhlivosti v aspekte mezhkul'turnoj kommunikacii // Yazyk i tekst. – 2014. – № 1(4). – S. 67–69.

3. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi / nauch. red. N. A. Kupina. – izd. 9, dop. – M. : URSS, 2024. – 320 s.

4. Ladonina N. A. Realizaciya strategii negativnoj vezhlivosti v sovremennom politicheskom diskurse // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem. – 2020. – № 1. – S. 123–134. – DOI 10.12731/2077-1770-2020-1-123-134.

5. Larina T. V. Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikacii. Sopostavlenie anglijskih i russkih lingvokul'turnyh tradicij // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. – M. : Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2009. – 260 s.

6. Mel'nikova A. Yu. Obuchenie inostrannyh studentov rechevomu zhanru «predlozhenie» // Vestnik CHGPU im. I. Ya. Yakovleva. – 2024. – № 3(124). – S. 115–123. – DOI 10.37972/chgpu.2024.124.3.014.

7. Sternin I. A., Grishchuk E. I., Lemyaskina N. A. i dr. Kommunikativnoe povedenie. Vezhlivost' kak kommunikativnaya kategoriya. – Voronezh : Istoki, 2003. – Vyp. 17. – 211 s.

8. Sytnik O. S. Vezhlivost' kak normativnyj fil'tr v konstruktivnoj kommunikacii // Aktual'nye problemy gumanitarnogo znaniya v tekhnicheskom vuze : Sbornik nauchnyh trudov X mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii. V 2 t. T. 2. – SPb. : Sankt-Peterburgskij gornyj universitet imperatricy Ekateriny II, 2025. – S. 132–135. – EDN BUXWJW.

9. Brontë C. Jane Eyre (1847) [Elektronnyj resurs]. – URL : https://etc.usf.edu/lit2go/69/jane-eyre/1224/chapter-xxi/ (data obrashcheniya: 12.01.2026).

10. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 352 p.

11. Culpeper J. Towards an anatomy of impoliteness // Journal of Pragmatics. – 1996. – № 25(3). – P. 349–367. – DOI 10.1016/0378-2166(95)00014-3.

12. Dreiser T. The Financier (1912) [Elektronnyj resurs]. – URL : https://americanliterature.com/author/theodore-dreiser/book/the-financier/chapter-xlix (data obrashcheniya: 12.01.2026).

13. Dynel M. The landscape of impoliteness research // Journal of Politeness Research Language Behaviour Culture. – 2015. – № 11(2). – P. 329–354. – DOI 10.1515/pr-2015-0013.

14. Dynel M. Theoretically on Mock Politeness in English and Italian // Journal of Language Aggression and Conflict. – 2018. – № 6(1). – P. 149–165. – DOI 10.1075/jlac.00007.dyn.

15. Eslami Z. R., Larina T., Pashmforoosh R. Identity, politeness and discursive practices in a changing world // Russian Journal of Linguistics. – 2023. – № 27(1). – P. 7–38. – DOI 10.22363/2687-0088-34051.

16. Fitzgerald F. S. Bernice Bobs Her Hair (1920) [Elektronnyj resurs]. – URL : https://public.archive.wsu.edu/campbelld/public_html/engl494/bernicebobs.pdf (data obrashcheniya: 12.01.2026).

17. Fox K. Watching the English – The Hidden Rules of English Behaviour. – London : Hodder and Stoughton Ltd, 2004. – 424 p.

18. Ghosh N., Deep P. D., Gaither C. et al. Cross-Cultural Courtesy: An Examination of How Bengali Speakers and US English Speakers Differ in Politeness. – 2025. – № 15(2). – 26 p. – DOI 10.5539/ijel.v15n2p26.

19. Haugh M. Politeness as object, (im)politeness as perspective // Journal of Politeness Research Language Behaviour Culture. – 2024. – № 20(1) – P. 201–226. – DOI 10.1515/pr-2023-0082.

20. Hodeib C. Conceptualizations and evaluations of (im)politeness in Syrian Arabic // Journal of Politeness Research Language Behaviour Culture. – 2023. – № 20(2). – P. 297–318. – DOI 10.1515/pr-2020-0016.

21. Jucker A. H. Conduct politeness versus etiquette politeness: a terminological distinction // Journal of Politeness Research Language Behaviour Culture. – 2023. – № 20(1). – P. 87–109. – DOI 10.1515/pr-2023-0071.

22. Khodi A., Rohani G. Investigating Politeness and Academic Background: An analytical Approach // Science Journal. – 2015. – Vol. 36, № 3. – P. 1068–1076. – ISSN 1300-1949.

23. Lawrence D. H. Lady Chatterley's Lover (1928) [Elektronnyj resurs]. – URL : https://www.online-literature.com/dh_lawrence/lady_chatterley_lover/3/ (data obrashcheniya: 12.01.2026).

24. Leech G. N. Principles of Pragmatics. – New York : Longman, 1983. – URL : https://archive.org/details/principlesofprag0000leec (data obrashcheniya: 12.01.2026).

25. Leontyev V. Rudeness Differs: to the 20th Anniversary of Linguistic Impoliteness Research // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. – 2016. – № 15(4). – P. 26–39. – DOI 10.15688/jvolsu2.2016.4.3.

26. Locher M. A. Polite behavior within relational work: The discursive approach to politeness // Multilingua – Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication. – 2006. – № 25(3). – P. 249–267. – DOI 10.1515/MULTI.2006.015.

27. Locher M. A., Bolander B., Höhn N. Introducing relational work in Facebook and discussion boards // Pragmatics Quarterly Publication of the International Pragmatics Association. – 2015. – № 25(1). – P. 1–21. – DOI 10.1075/prag.25.1.01loc.

28. Locher M. A., Watts R. J. Politeness Theory and Relational Work // Journal of Politeness Research Language Behaviour Culture. – 2005. – № 1(1). – P. 9–33. – DOI 10.1515/jplr.2005.1.1.9.

29. Maugham W. S. Theatre (1937) [Elektronnyj resurs]. – URL : https://content.ikon.mn/banners/2015/4/9/1472/william-somerset-maugham-theatre.pdf (data obrashcheniya: 12.01.2026).

30. Mitchell M. Gone with the Wind (1936) [Elektronnyj resurs]. – URL : http://biblioteka.kijowski.pl/mitchell%20margaret/gone%20with%20the%20wind.pdf (data obrashcheniya: 12.01.2026).

31. Mugford G. Mexican Politeness: an Empirical Study on the Reasons Underlying/Motivating Practices to Construct Local Interpersonal Relationships // Russian Journal of Linguistics. – 2020. – № 24(1). – P. 31–55. – DOI 10.22363/2687-0088-2020-24-1-31-55.

32. Nkirote A. The Pragmatics of Politeness in Cross-Cultural Communication // European Journal of Linguistics. – 2024. – № 3(3). – P. 27–39. – DOI 10.47941/ejl.2052.

33. Thackeray W. M. Vanity Fair (1848) [Elektronnyj resurs]. – URL : https://www.gutenberg.org/files/599/599-h/599-h.htm (data obrashcheniya: 12.01.2026).

The article was contributed on February 7, 2026

Сведения об авторе

Сытник Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II, г. Санкт-Петербург, Россия, https://orcid.org/0009-0002-9903-5678, bochkova_os@pers.spmi.ru

Author Information

Sytnik, Olga Sergeevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Empress Catherine II Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russia, https://orcid.org/0009-0002-9903-5678, bochkova_os@pers.spmi.ru

УДК 811.161.1’373.611:623.4(470.51) DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.026

Д. А. Халиуллина

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОРУЖЕЙНОГО ДИСКУРСА УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Средняя общеобразовательная школа № 10, г. Ижевск, Россия

Аннотация. Коммуникативная деятельность в сфере общения, связанной с оружейным производством, выделяется нами в отдельную категорию – оружейный дискурс, представляющий собой особый вид институционального дискурса, относящийся к гибридному формату и находящийся на пересечении военного, инженерного, научного, охотничьего типов дискурса. Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом к институциональному дискурсу и гибридным формам коммуникации в современном языкознании. Целью настоящего исследования является выявление словообразовательных способов пополнения лексикосферы оружейного дискурса. Материалом для работы послужили интервью конструкторов оружия Удмуртской Республики в печатных и электронных периодических изданиях, материалы научно-практических конференций, документальные фильмы о М. Т. Калашникове, мемуары, монографии конструкторов оружия М. Т. Калашникова, В. А. Ярыгина, М. Е. Драгунова и др. В ходе исследования профессиональной речи оружейников выявлены такие словообразовательные способы, как аббревиация, словосложение, аффиксация, лексико-семантическое словообразование, универбация. Словообразовательные особенности дискурса создателей оружия обусловлены как языковыми, так и экстралингвистическими факторами.

Ключевые слова: *оружейный дискурс, аббревиация, словосложение, аффиксация, лексико-семантическое словообразование, универбация*

D. A. Khaliullina

WORD-BUILDING ASPECT OF WEAPONS DISCOURSE OF THE UDMURT REPUBLIC

Secondary School of General Education No. 10, Izhevsk, Russia

Abstract. Communicative activity in the sphere of communication related to weapons production is identified by us as a separate category – weapons discourse, a special type of institutional discourse, which overlaps with military, engineering, scientific, hunting types of discourse and, thus, can be attributed to a hybrid format. The relevance of the study is determined by the growing interest to institutional discourse and hybrid forms of communication in modern linguistics. The present research aims at revealing word-building ways of enriching vocabulary of weapons discourse. The research is based upon interviews of gunsmiths of the Udmurt Republic in printed and electronic periodicals, proceedings of scientific-practical conferences, documentaries about M. T. Kalashnikov, memoires, monographs by M. T. Kalashnikov, V. A. Yarygin, M. Ye. Dragunov and other weapons designers. The following word-building ways have been revealed in the professional speech of gunsmiths: abbreviation, composition, affixation, lexico-semantic word creation, univerbation. The peculiarities of word-building in the discourse of weapons designers are conditioned by both linguistic and extralinguistic factors.

Keywords: *weapons discourse, abbreviation, composition, affixation, lexico-semantic word formation, univerbation*

Введение. Коммуникативная деятельность в сфере общения, связанной с производством оружия, выделяется нами в отдельную категорию – оружейный дискурс, представляющий

собой «совокупность устных и письменных речевых практик, отражающих языковую картину мира оружейника» [22, с. 174]. Он является особым видом институционального дискурса, относящимся к гибридному формату и находящимся на пересечении военного, инженерного, научного, охотничьего типов дискурса.

Оружейный дискурс имеет специфику, реализующуюся на языковом, коммуникативном, когнитивном уровнях. Цель данного исследования – выявление словообразовательных способов пополнения лексики оружейно-дискурсивного пространства в периодических изданиях Удмуртской Республики.

На сегодняшний день исследован словообразовательный аспект различных видов дискурса, включая медиадискурс (А. С. Зотова, В. А. Торопкина и др.), научно-технический (Н. Н. Серостанова, К. С. Брылев, И. И. Конькова и др.), философский (С. Н. Бредихин, Н. М. Азарова и др.), политический (К. В. Миронова, А. Ю. Куткина и др.), военный (А. В. Уланов, С. В. Соколов и др.) дискурсы.

Существуют различные подходы к проведению исследований словообразовательных процессов в рамках того или иного вида дискурса. Так, А. В. Уланов рассматривает словообразовательные единицы русского военного дискурса с позиций когнитивной науки. По мнению ученого, когнитивный анализ словообразовательных гнезд позволяет выявить концептуальные признаки ключевых понятий концептосферы исследуемого вида дискурса [20].

Проведены исследования словообразовательного потенциала смежной с оружейной военной терминологии. А. В. Ле выделяет аббревиацию как продуктивный способ словообразования в изучаемой автором области. В русской военной лексикосфере, по мнению ученого, представлены все подтипы аббревиатур и сложносокращенных слов, а также термины, состоящие из целого слова [15].

В современном языкознании актуальны исследования динамических процессов в области словообразования. Например, анализ русской военной авиационной терминологии позволил разработать ее типологию с позиции деривационного подхода [11, с. 61–66]. Наиболее высоким потенциалом обладает аффиксальная деривация (синтаксическая, лексическая); безаффиксные и семантические дериваты тем не менее составляют значительный пласт авиационной терминосферы [11, с. 61–66].

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена рядом причин:

- в связи с «дискурсивным переворотом» возрастает интерес к изучению институционального дискурса, а также его гибридных форматов;
- становление профессиональной группы ижевских оружейников неразрывно связано с историей столицы Удмуртской Республики, что определяет актуальность изучения профессиональной речи субкультуры, на протяжении длительного времени функционирующей в регионе;
- исследование рассматриваемого дискурса позволяет выявить словообразовательные способы, обеспечивающие пополнение лексического состава того или иного вида лексикосферы, а также особенности их реализации.

Материал и методы исследования. Исследование проведено на эмпирическом материале интервью и статьей оружейников, опубликованных в печатных и электронных периодических изданиях Удмуртской Республики («Удмуртская правда», «Машиностроитель», «Центр», «Совершенно конкретно», «Известия Удмуртской Республики», «IZHLIFE», «Удмуртия», «Из истории оружейного дела»), материалов научно-практических конференций («Геннадий Николаевич Никонов – создатель автомата АН–94 (к 55-летию со дня рождения)», «АК–47 на службе Отечеству» и др.), документальных фильмов о М. Т. Калашникове («Просто Калашников», «Калашников», «Калашников. Человек и автомат», «Калашников: Траектория судьбы», «Русский самородок»), мемуаров, монографий конструкторов оружия Удмуртской Республики («Записки конструктора-оружейника», «Пистолеты ижевских оружейников», «Ижевское оружие» и др.). Всего проанализировано 98 источников.

При проведении исследования применены общенаучные (анализ, синтез, описательный метод) и частные лингвистические методы (словообразовательный, контекстуальный, этимологический анализы).

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ профессиональной речи ижевских конструкторов оружия позволил получить следующие результаты.

Важную роль в пополнении терминологической системы оружейного дискурса играет **аббревиация**. Рассмотрим термины, представляющие собой аббревиатуры, и особенности их функционирования в оружейном дискурсе Удмуртской Республики.

Буквенные аббревиатуры, образованные сложением начальных букв производящих слов: *АКМ* (модернизированный автомат Калашникова), *СВД* (7,62-мм снайперская винтовка Драгунова), *МА* (малогабаритный автомат конструкции Е. Ф. Драгунова), *ЛА–4* («легкий автомат» конструкции А. И. Нестерова), *АБ* (автомат безгильзовый), *СВЧ* (снайперская винтовка Чукавина), *ПЯ* (9-мм пистолет Ярыгина), *ПЛ* (пистолет Лебедева), *КБ* (конструкторское бюро), *ТТТ* (тактико-техническое требование), *УСМ* (ударно-спусковой механизм) и др. В образовании многих аббревиатур данного подтипа используются словосочетания, включающие собственные имена – фамилии конструкторов оружия, разработавших данный образец. Некоторые примеры сами выступают в роли производящей основы, например, аббревиатура *АК*. Наименования модификаций автомата Калашникова являются производными от основы *АК*: АКС (С – *складной*), *АКМ* (М – *модернизированный*), *АКС–74У* (У – *укороченный*), *АКМН* (Н – *ночной прицел*): *«При создании первого поколения АК–47,* ***АКС–47*** *была решена задача разработки мощного ручного автоматического оружия под промежуточный патрон 7,62х39. В результате модернизации автоматов в направлении повышения характеристик кучности стрельбы и технологичности изготовления появилось второе поколение –* ***АКМ, АКМС, АКМН*** *и т. д., которое производилось в больших количествах и заменило ранее состоящие на вооружении пистолеты-пулеметы, автоматы и винтовки»* [24, с. 14–15]. Отметим, что в дискурсе ижевских оружейников также функционируют аббревиатуры, представляющие собой наименования оружия, связанные с оружейными заводами других регионов, что объясняется экстралингвистически. Так, в 1941 г. производство Тульского оружейного завода было эвакуировано в Ижевск и развернуто как филиал завода № 74 [6, с. 60]. В связи с этим в дискурсивном фрагменте конструктора И. Е. Дерюшева используются аббревиатуры *ТТ* («Тульский Токарев»), *ПТРД* (противотанковое ружье системы Дегтярева) и *ПТРС* (противотанковое ружье системы Симонова), из которых только последнее непосредственно связано с Ижевским оружейным заводом: *«В тот начальный период конструкторы отд. 5 принимали участие в освоении на заводе производства револьверов “Наган” и пистолетов* ***ТТ****, сразу же переводя их на бесподгоночную технологию. В этом же филиале было организовано производство противотанкового ружья конструкции Дегтярева калибра 14,5 мм –* ***ПТРД****. <…> Конструкция* ***ПТРД*** *не удовлетворяла армию из-за малой скорострельности, поэтому заводу поручили освоить выпуск полуавтоматического противотанкового ружья конструкции Симонова калибра 14,5 мм –* ***ПТРС****»* [6, с. 60].

Звуковые аббревиатуры представлены названиями образцов оружия, учреждений, связанных с разработкой и тестированием оружия, подготовкой будущих конструкторов: *ГАУ* (Главное артиллерийское управление), *НИПСМВО* (Научно-исследовательский полигон стрелкового и минометного вооружения), *ИИТ* (Ижевский индустриальный техникум), *ИМИ* (Ижевский механический институт, ныне – ИжГТУ им. М. Т. Калашникова), *НИИ* (научно-исследовательский институт), *ДОСААФ* (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту), *АН–94* (автомат Никонова), *МР–447 «ПИВО»* (пистолет с идентификацией владельца оружия).

Рассмотрим пример использования **буквенно-звуковой** (**смешанной) аббревиатуры** *КЕДР* в оружейном дискурсе: *«Особенности конструкторского стиля Е. Ф. Драгунова наглядно иллюстрируют три его конструкции: винтовка СВД, пистолет-пулемет **“КЕДР”** и малогабаритный автомат “МА” (опытный образец конца 1970-х гг.)»* [7, с. 35]. Е. А. Земская указывает на новую тенденцию в словообразовании, согласно которой аббревиатуры должны не только обладать благозвучием, но и напоминать существующие в языке слова, стремиться к полной омонимии [8, с. 289]. В соответствии с данной тенденцией, очевидно, возникло наименование *КЕДР* (конструкция Евгения Драгунова), в котором первая часть является звуковой аббревиатурой, а вторая представляет собой редуцированный первый слог фамилии создателя пистолета-пулемета, что позволяет добиться и благозвучия, и омонимии.

В оружейном дискурсе функционируют сложносокращенные слова, образованные при помощи **слоговой** (*военпред*, *Ижмаш*, *БИ–7–2*) и **слого-словной аббревиации** (*охоткарабин*, *Госприемка*).

Слоговые аббревиатуры представлены в отрывке из доклада В. П. Афонина «От ружья для подводной охоты до автомата “Абакан”»: *«Работу над винтовкой продолжил конструктор А. С. Анисимов, затем В. Ф. Суслопаров, и знаменитая винтовка **БИ–7–2** до сих пор в номенклатуре выпускаемых ОАО “Концерн **“Ижмаш”** образцов»* [1, с. 16].

Примером индивидуально-авторского словообразования является псевдоним *Михтим*, который М. Т. Калашников использовал в 1940-е гг. во время конкурса на создание автомата под промежуточный патрон образца 1943 г.: *«Конкурс был объявлен закрытым: без имени автора – только псевдоним, девиз. Надо было его написать в конверте, чтобы комиссия не знала, чей проект. Посоветовался я с друзьями, и решили – **“Михтим”**, от моего имени и отчества – Михаил Тимофеевич»* [12, с. 121]. Данный окказионализм образован путем слоговой аббревиации, чрезвычайно продуктивным в то время словообразовательным способом.

В оружейном дискурсе функционируют термины, образованные при помощи **словосложения**:

1) слова, образованные способом **чистого сложения** (*пистолет-пулемет, штык-нож, затвор-кожух, капсюль-воспламенитель, тормоз-компенсатор, спортивно-охотничий, конструкторско-технологический)*;

2) слова, образованные **сложносуффиксальным способом** (*гладкоствольный, дульнозарядный, казнозарядный, массогабаритный, малоимпульсный, крупнокалиберный, скорострельный, противоракетный*).

В монографии В. А. Ярыгина «Пистолеты ижевских оружейников» сложные прилагательные используются для описания такого вида огнестрельного оружия, как пистолет: *«5,45 мм пистолет **самозарядный малогабаритный** ПСМ»* [25, с. 24]; *«МР–451 “Дерринджер” – **двуствольный малогабаритный** пистолет под патрон 9х17 мм Курц»* [25, с. 48].

Сложные прилагательные чаще всего функционируют в оружейном дискурсе в виде коллокативных сочетаний, типичных для данного вида дискурса: «крупносерийное производство», «учебно-тренировочные стрельбы», «научно-исследовательский полигон», «стрелково-пушечное вооружение», «неотъемно-откидной штык», «самозарядный карабин», «казнозарядное ружье», «ударно-спусковой механизм», «малоимпульсный патрон».

Аффиксальное словообразование является продуктивным словообразовательным способом оружейного дискурса. Важнейшую роль в образовании оружейных терминов играет суффиксальный способ: *оружейник, сердечник, казенник, целик, курковый, патронник, коробчатый, снайперский, баллистический, пистолетный, винтовочный, пулеметный, патронный, пульный, магазинный, дульный, пороховой, спусковой, ложевой, дробовой, ствольный, ствольщик, ложник, меткость, кучность, полигонный, модернизированный,*

флажковый и др. При помощи префиксального и префиксально-суффиксального способов образованы такие единицы, как *охолощенный, безгильзовый, безударный, бескурковый, беспламенный, закраина, подствольный, надствольный* и др.

Хотя префиксальное словообразование не является продуктивным способом создания оружейных терминов, необходимо отметить роль префиксов и префиксоидов в дискурсе оружейников.

В профессиональной речи В. А. Кутергина используется лексема *псевдооружие*, образованная при помощи префиксоида *псевдо-*: *«Фирмы, наладившие производство через третьи руки также никогда не смогут гарантировать соблюдение всего сложнейшего технологического цикла производства АК. Как следствие, резкое снижение эксплуатационных показателей и технических характеристик, прежде всего надежности, этого* ***"псевдооружия"****»* [14, с. 9]. Активно участвующий в современном словообразовании префиксоид *псевдо-*, по мнению Т. А. Гридиной и Н. И. Коноваловой, актуализирует семы «ненастоящий», «мнимый», при этом авторы предлагают рассматривать данные производные в качестве антонимов к производящим словам [5, с. 35]. *Псевдооружием* автор называет копии автомата Калашникова, уступающие оригиналу по надежности и другим техническим характеристикам.

В речи конструктора С. Уржумцева префиксоид *сверх-* и префикс *суб-*, являющиеся антонимичными по значению, участвуют в построении антитезы: *«****Сверх****- или* ***субкомпактный*** *— это пистолет скрытого ношения»* [21].

Рассмотрим примеры образования оружейных терминов и профессионализмов при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов. «Русский язык исключительно богат уменьшительными формами…» [4, с. 50]. К лингвоспецифичным дериватам, функционирующим в русском оружейном дискурсе, относятся **диминутивы**.

Далее приведены фрагменты, иллюстрирующие использование диминутивов в речи знаменитых ижевских конструкторов: *// Да откуда же там хотя бы одна какая-нибудь* ***деталюшка*** */ от паровоза, от вагонов / нет ведь там этих деталей совсем //* [17]; *«Первоначально я разрабатывал пистолет с 15-зарядным магазином и еще одним патроном в патроннике. Это был хороший компактный* ***пистолетик****»* [18]. В данных отрывках интервью М. Т. Калашникова и В. А. Ярыгина диминутивы отличаются коннотативным значением: диминутив *деталюшка* выражает уменьшительно-пренебрежительное значение, в то время как лексема *пистолетик* в словосочетании «хороший компактный пистолетик» является уменьшительно-ласкательной формой слова *пистолет*.

В официальном оружейном дискурсе функционируют термины, образованные при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов: *щечка*, *пулька, дульце*. Термины *пуля* и *пулька*, *дуло* и *дульце* имеют различия в семантике. Например, *дуло* – это выходное отверстие ствола огнестрельного оружия, в то время как *дульце* представляет собой узкую часть гильзы патрона. Термины *пулька* и *дульце* используются в дискурсе баллистиков: *«При одновременной стрельбе, в отличие от действительных условий испытаний, на показаниях прибора за* ***дульцем*** *гильзы сказывается подготовка патрона к стрельбе и наличие прибора над корпусом гильзы и наоборот»* [2, с. 58]; *«****Пулька*** *с казенной части вкладывается в ствол. Затем ударом она вколачивается в пульный вход»* [3, с. 131].

В книге «Ижмаш» приведены примеры лексических единиц, появившихся в подъязыке удмуртских оружейников в результате **лексико-семантического словопроизводства**: *крылышко, яблочко, шейка, лепесток, щечка, слезка* [10, с. 25]. Примечательно, что многие профессионализмы образовались в результате метафорического переосмысления общеупотребительных слов, представляющих собой уменьшительные формы и обозначающих объекты живой природы. В книге «От чужого порога до Спасских ворот» М. Т. Калашников отмечает использование неологизмов *зайчик, рыбка, мужичок* в речи

чертежниц: *«Женщины есть женщины! Они и наименования деталям, на которые выполняли чертежи, давали ласковые, домашние, исходя из конфигурации, – **“ласточка”**, **“зайчик”**, **“рыбка”**. Появилась и еще одна деталь, которую все вдруг стали называть **“мужичок”**»* [13, с. 113]. Лексемы *зайчик*, *рыбка, мужичок* – профессиональные наименования деталей, появившиеся в исследуемом подъязыке в результате метафорического переноса с целью «одушевления» частей оружия.

В результате лексико-семантического словопроизводства на основе метафорического переноса оружейно-дискурсивное пространство пополнилось такими терминами, как *ствол, щека, шахта* (магазина), *канал* (ствола), *пятка* приклада, спусковой *крючок,* ствольная *коробка, мушка* и др. Слово *ствол* предположительно является продолжением праславянского диалектного *стьболъ «стебель» [23, с. 378]. Согласно словарю русского языка XVI–XVII вв., уже в XVII в. данная лексема использовалась в оружейной сфере в значениях «основная часть огнестрельного оружия: ствол; взрыватель в виде металлической трубки, начиненной порохом» [19, с. 38]. Таким образом, в русском языке номинация *ствол* как часть огнестрельного оружия появилась в результате метафорического переноса по модели «природа – артефакт», в основе которого лежит сходство ствола оружия и ствола дерева или кустарника.

Лексико-семантическим способом образованы и некоторые наименования ижевского оружия, например, *«Стрела»*, *«Финвал»*, ЗРК *«Оса»*. Так, снайперская винтовка конструкции Н. С. Лукина под стреловидный боеприпас, отличающийся высокой скоростью полета, получила название «Финвал» в честь одного из самых быстрых представителей китообразных.

Рассмотрим пример **смешанного словообразования**. Номинация *«Оса–АКМ»* состоит из двух компонентов, один из которых образован при помощи лексико-семантического способа (*Оса*), а второй является буквенной аббревиатурой (*АКМ*): *«В 1977 году началась экспортная поставка зенитных ракетных комплексов “Оса” в страны Варшавского договора. В этом же году проведены испытания, и началось серийное производство модернизированного варианта боевой машины **“Оса–АКМ”**»* [9, с. 77].

Профессиональные коллоквиализмы, функционирующие в дискурсе оружейников, образуются при помощи особого способа компрессивного словообразования – **универбации**: *кремневка* (кремневое ружье), *двустволка* (ружье с двумя стволами), *горизонталка* (двуствольное ружье с горизонтальным расположением стволов), *тулка* (курковое охотничье ружье Тульского оружейного завода), *дробовик* (дробовое ружье), *снайперка* (снайперская винтовка), *мосинка / трехлинейка* (3-линейная (7,62-мм) винтовка Мосина образца 1891 г.), *двухсотка* (автомат Калашникова 200-й серии) и др.

Многие профессиональные коллоквиализмы, образованные путем универбации, характерны для дискурса охотников: *кремневка, двустволка, горизонталка, вертикалка, курковка, бескурковка, тулка, дробовик*. Поскольку ижевские оружейники увлекались охотой, разрабатывали в том числе охотничье оружие, занимались его художественным оформлением, данные единицы функционируют в их профессиональной речи. Об увлечении своего отца, создателя СВД Е. Ф. Драгунова, вспоминает конструктор А. Е. Драгунов: *«Пока здоровье позволяло, любил поохотиться. У него была курковая **“тулка”**. Как правило, отец на крупную дичь не ходил, довольствовался обычно утками»* [16, с. 5].

К универбатам, обозначающим военное оружие, относятся такие единицы, как *снайперка, мосинка / трехлинейка, двухсотка*. Легендарная 3-линейная (7,62-мм) винтовка Мосина образца 1891 г. получила два неофициальных наименования, которые используются в разговорной речи: *мосинка* и *трехлинейка*. Первый универбат связан с фамилией создателя винтовки – С. И. Мосина, а второй образован от наименования старинной меры длины – линии, равной 2,54 мм. В следующем фрагменте, посвященном масштабу производства

винтовки Мосина в Ижевске, автор актуализирует как термин, обозначающий данный образец оружия, так и профессионализм, образованный при помощи универбации: *«Своей славой долгие годы Ижевск был обязан в первую очередь магазинной* ***винтовке конструкции Мосина****, освоенной в 1891 году. С разными вариантами она стояла на поточном производстве более полувека, и ижевский завод был единственным, где выпускали все разновидности* ***трехлинейки****: пехотные, драгунские, казачьи, учебные»* [14, с. 5].

Выводы. Исследование словообразовательных явлений оружейно-дискурсивного пространства удмуртских оружейников позволило сделать следующие выводы.

Лексические инновации оружейно-дискурсивного пространства появляются в результате следующих словообразовательных процессов: аббревиации, словосложения, аффиксации, лексико-семантического словообразования, универбации.

Продуктивным способом создания единиц, обозначающих наименования образцов оружия, является аббревиация. Словосложение и аффиксальное словообразование также являются продуктивными способами пополнения оружейной терминосистемы. Лексико-семантический способ участвует в образовании как оружейных терминов, так и профессионализмов. Профессиональные наименования, возникающие в результате метафорических переосмыслений, передают стремление к «одушевлению» оружия и его частей, любовь к природе родного края.

Словообразовательный аспект профессиональной речи удмуртских оружейников обусловлен как языковыми, так и экстралингвистическими факторами. С одной стороны, пополнение терминосистемы оружейно-дискурсивного пространства осуществляется в соответствии с тенденциями словообразовательных процессов. В то же время в оружейном дискурсе региона функционируют профессионализмы, отражающие аксиологическое отношение профессиональной группы к труду, трепетное отношение ижевских оружейников к создаваемым образцам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афонин В. П.* От ружья для подводной охоты до автомата «Абакан» // Геннадий Николаевич Никонов – создатель автомата АН–94 (к 55-летию со дня рождения) : Материалы респ. науч.-практ. конф. – Ижевск, 2006. – С. 11–27.

2. *Белобрагин В. А.* Баллистическое оружие Ижевского машиностроительного завода (часть 3) // Из истории оружейного дела. – Ижевск : МВК СО им. М. Т. Калашникова, 2014. – Вып. 7. – С. 39–104.

3. *Белобрагин В. А.* Баллистическое оружие Ижевского машиностроительного завода (часть 4) // Из истории оружейного дела. – Ижевск : МВК СО им. М. Т. Калашникова, 2014. – Вып. 7. – С. 105–174.

4. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.

5. *Гридина Т. А., Коновалова Н. И.* Ассоциативный потенциал префиксоида: квази-, псевдо-, лже- в современном медиадискурсе // Политическая лингвистика. – 2025. – № 2(110). – С. 32–39.

6. *Дерюшев И.* Центр оружейной мысли: БНК – ОГК – КОЦ // Из истории оружейного дела. – Ижевск : Изд. МВК СО им. М. Т. Калашникова, 2009. – Вып. 2. – С. 51–64.

7. *Драгунов М. Е.* Конструкторский стиль Е. Ф. Драгунова: особенности и генезис // Роль личности в развитии военно-технического потенциала страны. Отражение музейными средствами : материалы межрег. науч.-практич. конф. – Ижевск, 2015. – С. 35–36.

8. *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 328 с.

9. Ижевский электромеханический завод «Купол» – 60 лет. Летопись успеха / под общ. ред. Е. В. Роганова. – Ижевск : Коханова Е. А., 2017. – 255 с.

10. Ижмаш. – Ижевск : Удмуртия, 1982. – 260 с.

11. *Исаева Л. Р., Шестакова Е. В.* Деривационные особенности военной авиационной лексики // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 1(447). – С. 61–66.

12. *Калашникова Е. М.* Разговор с оружейником. – Ижевск : Межрегиональный общественный фонд им. М. Т. Калашникова, 2014. – 322 с.

13. *Калашников М. Т.* От чужого порога до Спасских ворот. – М. : Военный парад, 1997. – 520 с.

14. *Кутергин В. А.* Исторические предпосылки, зарождение и развитие, современное состояние производства и экспорта стрелкового оружия системы Калашникова на Ижевском машиностроительном заводе //

АК–47 на службе Отечеству : материалы науч.-тех. конф., посвященной 200-летию Ижевского оружия и 60-летию автомата АК–47. – Ижевск, 2007. – С. 4–9.

15. *Ле А. В.* Аббревиация как способ словообразования в русской военной терминологии (на материале текстов СМИ) [Электронный ресурс]. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/abbreviatsiya-kak-sposob-slovoobrazovaniya-v-russkoy-voennoy-terminologii-na-materiale-tekstov-smi (дата обращения: 08.01.2026). – DOI https://doi.org/10.7256/2454-0749.2019.3.30193.

16. *Маратканов В.* «Работаем для того, чтобы русские прусских всегда побивали» // Машиностроитель. – 2005. – 25 февраля. – С. 5.

17. *Полоскин Р.* Калашников. Человек и автомат : док. фильм. – М. : БеМис Продакшн, 2013.

18. *Поскребышев А.* Пистолет как дело жизни [Электронный ресурс]. – URL : https://izvestiaur.ru/rubrics/intervyu/366150-pistolet_kak_delo_zhizni/ (дата обращения: 08.01.2026).

19. Словарь русского языка XVI–XVII вв. – М. : Наука, 2008. – Вып. 28. – 303 с.

20. *Уланов А. В.* Деривационная организация русского военного дискурса // Известия АлтГУ. – 2013. – № 2(78). – С. 161–164.

21. *Федюшко Д.* Главный конструктор «Калашникова»: в модульном пистолете Лебедева очень много ноу-хау [Электронный ресурс]. – URL : https://tass.ru/interviews/11883455 (дата обращения: 08.01.2026).

22. *Халиуллина Д. А.* Жанровая организация оружейного дискурса // Стратегии межкультурного взаимодействия в контексте мирового образовательного пространства: опыт и перспективы : материалы IX межд. науч.-практ. конф. – Ижевск, 2022. – С. 173–177.

23. *Шапошников А. К.* Этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 2. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 576 с.

24. *Широбоков Ю. А.* Автомат Калашникова – от АК–47 до «сотой серии» // АК–47 на службе Отечеству : материалы науч.-тех. конф., посвященной 200-летию Ижевского оружия и 60-летию автомата АК–47. – Ижевск, 2007. – С. 10–23.

25. *Ярыгин В. А.* Пистолеты ижевских оружейников. – Ижевск : Удмуртский издательский дом, 2022. – 80 с.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026

REFERENCES

1. Afonin V. P. Ot ruzh'ya dlya podvodnoj ohoty do avtomata «Abakan» // Gennadij Nikolaevich Nikonov – sozdatel' avtomata AN–94 (k 55-letiyu so dnya rozhdeniya) : Materialy resp. nauch.-prakt. konf. – Izhevsk, 2006. – S. 11–27.

2. Belobragin V. A. Ballisticheskoe oruzhie Izhevskogo mashinostro-itel'nogo zavoda (chast' 3) // Iz istorii oruzhejnogo dela. – Izhevsk : MVK SO im. M. T. Kalashnikova, 2014. – Vyp. 7. – C. 39–104.

3. Belobragin V. A. Ballisticheskoe oruzhie Izhevskogo mashinostro-itel'nogo zavoda (chast' 4) // Iz istorii oruzhejnogo dela. – Izhevsk : MVK SO im. M. T. Kalashnikova, 2014. – Vyp. 7. – C. 105–174.

4. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie. – M. : Russkie slovari, 1996. – 416 s.

5. Gridina T. A., Konovalova N. I. Associativnyj potencial prefiksoida: kvazi-, psevdo-, lzhe- v sovremennom mediadiskurse // Politicheskaya lingvistika. – 2025. – № 2(110). – S. 32–39.

6. Deryushev I. Centr oruzhejnoj mysli: BNK – OGK – KOC // Iz istorii oruzhejnogo dela. – Izhevsk : Izd. MVK SO im. M. T. Kalashnikova, 2009. – Vyp. 2. – S. 51–64.

7. Dragunov M. E. Konstruktorskij stil' E. F. Dragunova: osobennosti i genezis // Rol' lichnosti v razvitii voenno-tekhnicheskogo potenciala strany. Otrazhenie muzejnymi sredstvami : materialy mezhreg. nauch.-praktich. konf. – Izhevsk, 2015. – S. 35–36.

8. Zemskaya E. A. Sovremennyj russkij yazyk. Slovoobrazovanie : ucheb. posobie. – M. : Flinta : Nauka, 2011. – 328 s.

9. Izhevskij elektromekhanicheskij zavod «Kupol» – 60 let. Letopis' uspekha / pod obshch. red. E. V. Roganova. – Izhevsk : Kohanova E. A., 2017. – 255 s.

10. Izhmash. – Izhevsk : Udmurtiya, 1982. – 260 s.

11. Isaeva L. R., Shestakova E. V. Derivacionnye osobennosti voennoj aviacionnoj leksiki // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2021. – № 1(447). – S. 61–66.

12. Kalashnikova E. M. Razgovor s oruzhejnikom. – Izhevsk : Mezhregional'nyj obshchestvennyj fond im. M. T. Kalashnikova, 2014. – 322 s.

13. Kalashnikov M. T. Ot chuzhogo poroga do Spasskih vorot. – M. : Voennyj parad, 1997. – 520 s.

14. Kutergin V. A. Istoricheskie predposylki, zarozhdenie i razvitie, sovremennoe sostoyanie proizvodstva i eksporta strelkovogo oruzhiya sistemy Kalashnikova na Izhevskom mashinostroitel'nom zavode // AK–47 na sluzhbe Otechestvu : materialy nauch.-tekh. konf., posvyashchennoj 200-letiyu Izhevskogo oruzhiya i 60-letiyu avtomata AK–47. – Izhevsk, 2007. – S. 4–9.

15. Le A. V. Abbreviaciya kak sposob slovoobrazovaniya v russkoj voennoj terminologii (na materiale tekstov SMI) [Elektronnyj resurs]. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/abbreviatsiya-kak-sposob-slovoobrazovaniya-v-russkoy-voennoy-terminologii-na-materiale-tekstov-smi (data obrashcheniya: 08.01.2026). – DOI https://doi.org/10.7256/2454-0749.2019.3.30193.

16. Maratkanov V. «Rabotaem dlya togo, chtoby russkie prusskih vsegda pobivali» // Mashinostroitel'. – 2005. – 25 fevralya. – S. 5.

17. Poloskin R. Kalashnikov. Chelovek i avtomat : dok. fil'm. – M. : BeMis Prodakshn, 2013.

18. Poskryobyshev A. Pistolet kak delo zhizni [Elektronnyj resurs]. – URL : https://izvestiaur.ru/rubrics/intervyu/366150-pistolet_kak_delo_zhizni/ (data obrashcheniya: 08.01.2026).

19. Slovar' russkogo yazyka XVI–XVII vv. – M. : Nauka, 2008. – Vyp. 28. – 303 s.

20. Ulanov A. V. Derivacionnaya organizaciya russkogo voennogo diskursa // Izvestiya AltGU. – 2013. – № 2(78). – S. 161–164.

21. Fedyushko D. Glavnyj konstruktor «Kalashnikova»: v modul'nom pistolete Lebedeva ochen' mnogo nou-hau [Elektronnyj resurs]. – URL : https://tass.ru/interviews/11883455 (data obrashcheniya: 08.01.2026).

22. Haliullina D. A. Zhanrovaya organizaciya oruzhejnogo diskursa // Strategii mezhkul'turnogo vzaimodejstviya v kontekste mirovogo obrazovatel'nogo prostranstva: opyt i perspektivy : materialy IX mezhd. nauch.-prakt. konf. – Izhevsk, 2022. – S. 173–177.

23. Shaposhnikov A. K. Etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka. V 2 t. T. 2. – M. : Flinta : Nauka, 2010. – 576 s.

24. Shirobokov Yu. A. Avtomat Kalashnikova – ot AK–47 do «sotoj serii» // AK–47 na sluzhbe Otechestvu: materialy nauch.-tekh. konf., posvyashchennoj 200-letiyu Izhevskogo oruzhiya i 60-letiyu avtomata AK–47. – Izhevsk, 2007. – S. 10–23.

25. Yarygin V. A. Pistolety izhevskih oruzhejnikov. – Izhevsk : Udmurtskij izdatel'skij dom, 2022. – 80 s.

The article was contributed on January 19, 2026

Сведения об авторе

Халиуллина Диля Альфредовна – учитель английского языка средней общеобразовательной школы № 10, г. Ижевск, Россия, https://orcid.org/0009-0002-1816-3468, madeleine777@mail.ru

Author Information

Khaliullina, Dilya Alfredovna – English Teacher, Secondary School of General Education No. 10, Izhevsk, Russia, https://orcid.org/0009-0002-1816-3468, madeleine777@mail.ru

УДК 811.172'373.72 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.027

М. С. Хмелевский, О. В. Раина

ОКРУЖАЮЩИЙ ЛИТОВЦЕВ МИР СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕТАФОРИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Целью настоящего исследования является обзор в лексическом и частично лексикографическом свете концептуальных устойчивых единиц литовского языка, в которых содержатся компоненты, отражающие окружающий мир, характерный для картины мира литовского народа. Анализируемые в работе устойчивые единицы помогают дать представление об основных мировоззренческих маркерах основного метафорического и фразеологического фонда литовского языка, что во многом иллюстрирует культурологическую стороны менталитета его носителей. Нас интересует прежде всего те эпитеты и фразеологизмы, в которых выступают исконно концептуальные для литовского народа понятийные единицы, отражающие его культуру и мировоззрение, в которых заложены смыслы, связанные с тем, что окружало литовцев испокон веков и что стало частью их национального мировосприятия, укоренившись в языке и, как янтарь, застыв во фразеологии. Материал для настоящей работы извлечен из фразеологических словарей литовского языка, художественной литературы, фольклора и разговорной речи. Методы исследования – культурно-описательный, компонентный, семантико-сопоставительный и компаративный. Анализ показал факт закрепления мировоззренческого народного восприятия объективной окружающей действительности. Рассмотренный материал представляет собой обзор картины мира литовского народа и его традиционного уклада жизни, имеющего общие черты с восточнославянским, но и при этом во многом отличающегося и уникального. Таким образом, настоящая статья затрагивает вопросы схожести и различий двух соседних народов – литовцев и русских, неразрывно связанных в языковом (древнее балто-славянское языковое единство), историческом и культурологическом аспектах.

Ключевые слова: *литовский язык, фразеология, устойчивые сравнения, культурология, картина мира*

M. S. Khmelevsky, O. V. Raina

THE WORLD AROUND LITHUANIAN NATION THROUGH THE LENS OF METAPHORS AND PHRASEOLOGY

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The aim of this study is to provide a lexical and partially lexicographical overview of Lithuanian phraseological units, which contain lexemes reflecting the surrounding the Lithuanian people world. The review of set units presented in the work helps to illustrate the main concepts contained in the basic phraseological fund of the Lithuanian language, which provide a general idea of the picture of the world and the mentality of its speakers. We are primarily interested in those phraseological units that contain lexemes that are inherently conceptual for the Lithuanian people, their culture and worldview, which contain conceptual meanings associated with what has surrounded Lithuanians and has become part of their national consciousness, reflected in the language and frozen in phraseology. The material for this study was extracted from phraseological dictionaries of the Lithuanian language and other sources. The research methods are descriptive, componential, semantic-comparative, comparative. The analysis revealed the entrenchment of the folk worldview's perception of everyday and natural, completely simple,

mundane, and far from philosophical phenomena surrounding humans. Moreover, the material represents an overview of the Lithuanian people's picture of the world and their original way of life. This article also provides an understanding of the similarities and differences between two neighboring peoples – Lithuanians and Russians – who are inextricably linked linguistically (ancient Balto-Slavic linguistic unity), historically, and culturally.

Keywords: *Lithuanian language, phraseology, idioms, cultural studies, view of the world*

Введение. Самобытность балтийских народов, уходящая корнями в допраславянский период, однако сохраняющаяся до сих пор, являлась и является предметом сравнительно-сопоставительных исследований. Важность рассмотрения данной проблематики заключается в том, что литовский язык в максимальной полноте сохранил языковое состояние индоевропейского языка, а также периода балто-славянского единства (ок. 1500 лет до н. э.) [1]. Привлечение языкового материала литовского языка как живого наиболее архаичного индоевропейского (в отличие от мертвого санскрита) является необходимым аспектом в области сравнительно-сопоставительного анализа индоевропейских языков, а также истории развития и становления славянских языков в этимологических научных изысканиях ([1], [3], [4]).

Застывшие в языке фразеологические единицы (ФЕ) с компонентами, обозначающими реалии окружающего литовский народ мира, ярко иллюстрируют быт человека эпохи некогда существовавшей балто-славянской общности. Не остались без внимания и лексемы, относящиеся к явлениям природы (флоре, фауне и пр.). Цель настоящей статьи – представить картину мира и мировосприятия древних литовцев, сохраняющуюся в сознании и менталитете до сих пор, даже в эпоху современной глобализации.

Актуальность исследуемой проблемы. Обращение к языковому материалу литовского языка зачастую сводится к славяно-балтийским параллелям в области фонетики и этимологии ([1], [4]). Однако аспект сопоставительной лексикологии, фразеологии и культурологии вряд ли можно отнести к приоритетным направлениям как балтистики, так и славистики, за редкими исключениями ([2], [9], [11], [15]).

Материал и методы исследования. Материал для исследования – выборки ФЕ из указанных в списке литературы словарей, а также литовской художественной литературы, фольклора и разговорной речи ([2], [15], [16], [17], [18] и др.). Методами настоящего исследования стали культурно-описательный, компонентный, семантико-сопоставительный и компаративный. Буквализация перевода ФЕ на русский язык дает возможность обращения к нашему исследованию более широкого круга читателей, не владеющих литовским языком, но заинтересованных в проведении языковых и культурологических параллелей с русским. Также одним из актуальных вопросов, поднимаемых в работе, является рассмотрение и анализ наиболее частотных устойчивых единиц, употребляемых в современном литовском языке и извлеченных как в результате сплошной выборки из фразеологических словарей, литературных источников, так и фиксаций из современной разговорной речи.

Результаты исследования и их обсуждение. Устойчивые единицы как отражение литовской картины мира проанализированы и апробированы на многочисленных международных конференциях и опубликованы в сборниках статей по их материалам ([7], [8], [9], [10], [14]), а также в рамках сопутствующих тем, как то: языковая ситуация в странах Балтии, функционирование русского и других славянских языков в Литве и Латвии, равно как и коррелятивные вопросы балто-славянской исторической и языковой общности ([5], [6], [9], [10], [12], [13]).

1. Имена собственные, называющие человека. В отличие от русского языка, где имена людей в основном являются немотивированными заимствованиями или кальками, в литовской культуре довольно частотны имена, соотносимые с природой, которая испокон

веков окружала древних балтов. Приведем лишь ряд наиболее распространенных современных литовских имен для иллюстрации сказанного: **женские**: *Eglė* – ‘ель’, *Aušra* – ‘рассвет, заря’, *Rūta* – ‘рута’ (цветущее растение), *Audra* – ‘буря, шторм’, *Ramutė* (мужской вариант *Ramunas*) – ‘ромашка’, *Rugilė* – ‘рожь’, *Saulė* (мужской вариант *Saulius*) – ‘солнце’, *Ugnė* – ‘огонь’, *Jūratė* (мужской вариант *Jūris*) от лит. *jūra* – ‘море’, *Daina* – ‘песня’; **мужские**: *Gintaras* – ‘янтарь’, или диминутив *Gintarėlis* – букв. ‘янтаренок, *Vilkas* – ‘волк’, *Lokys* – ‘медведь’ и под. ([15, с. 28–30], [17]).

В рамках заявленной тематики мы остановились на литовских именах собственных, называющих человека, во-первых, потому что в них уже вырисовывается картина окружающего литовцев мира и его концептуальные культурологические составляющие для сознания балтов, а также потому, что все они являются усеченными исконными устойчивыми сравнениями. Какой смысл вкладывали балты в понятия, которые они давали в качестве имени, мотивированные окружающей их природой, весьма красочно иллюстрируют ФЕ, компонентом которых они являются [15, с. 29].

2. Литовские ФЕ, отражающие видение окружающего мира и мотивирующие вышеприведенные имена собственные. Рассмотрим представления литовцев о природе сквозь призму ФЕ.

Aušra – ‘заря’ – встречается в устойчивом сочетании *aušros žvaigždė* (букв. утренняя звезда) и ФЕ *Aušros žvaizdė neištikėtų* (букв. одной утренней звезде не доверяй <что пришел рассвет>) – говорится о человеке или объекте, которому не следует полностью доверять.

Audra – ‘буря, шторм’ – отсылает нас к Балтийскому морю, омывающему берега Литвы. Аналогично русскому языку в литовском встречаем такие ФЕ, как *audrą / audras kelti* (букв. поднимать бурю / бури), *audrą užtrukti* (букв. поднять бурю, бушевать), *audras versti* (букв. навлекать, нагонять бурю), а также отсутствующую в русском языке ФЕ *audromis eiti* (букв. идти бурями ‘веселиться, радоваться, жить в свое удовольствие’). В отличие от русского *бушевать* ‘буйствовать’ литовская ФЕ употребляется с положительным оттенком: *jis andromis eina* (букв. он бурями идет) ‘он весело живет’ [17].

Daina – ‘песня’ – составляющая литовской культуры, без которой невозможно представить себе хуторский быт, сельскохозяйственные полевые работы, зимние вечера хуторянина, что также отразилось в литературе и ФЕ, например: *avies daina* (букв. песня овец ‘мелочь, никчемность, слабость’, ср. рус. *блеять* ‘говорить ни о чем, говорить что-л. невнятное’); *Jo sūnus tikras avies daina* (букв. Его сын – настоящая песня овец ‘слабый или ничего из себя не представляющий’); *zuikio daina* (букв. заячья песня ‘о чем-то невозможном, вымышленном, непреодолимом’) [15, с. 90].

Eglė – ‘ель’: ассоциативное представление восходит к фольклорной литовской легенде о том, как мать защитила своих детей, превратив их в дуб, осину и березу, и, чтобы оставаться с ними всегда рядом, обратилась в ель – вечнозеленое дерево, символизирующее долговечность. Издревле считалось, что ель отпугивает злых духов, приносит удачу, здоровье, изгоняет любую нечисть, является символом доблести, мужества, бессмертия, а также гордости и королевской чести [15, с. 183]. Здесь нельзя не упомянуть классическую поэму известной литовской писательницы XX в. С. Нерис «Eglė – žalčių karalienė» (букв. «Эгле – королева ужей»), созданную в 1940 г. по мотивам народных легенд и мифов, которые считаются одними из древнейших в балтийском фольклоре, культуре и сознании. В произведении главная героиня по имени Эгле символизирует любовь, а также силу и самопожертвование. Стойкое перед природными невзгодами вечнозеленое дерево, ассоциируемое с бессмертностью, мотивировало живой образ, реализуемый в качестве компонента ФЕ, например: *tiesus kaip eglė* (букв. прямой, твердый, правдивый как ель) – говорится о человеке, чтобы подчеркнуть либо его стройность, либо настойчивость и упорство, либо прямолинейность и честность в мыслях, словах и делах.

Jūra – ‘море’ – также является концептуальным и культурологическим символом в менталитете литовцев, что вполне естественно: образ Балтийского моря, давшего название балтам, не мог не отразиться в метафорике, эпитетах и ФЕ. Приведем лишь ряд показательных примеров: *jūra be durų* (букв. море без дверей ‘широкое, бескрайнее море’); *jūros marios* (букв. моря морей ‘очень много чего-л.’); *už jūrų marų* (букв. за морями морей, ср. рус. *за морями, за горами* в значении ‘очень далеко, издалека’).

Балтийское море в прибрежной части довольно мелкое, и это подчеркивается в ФЕ: *jūrą perbristi* (букв. море пересечь ‘гордиться’); *Atrodė, jūrą perbristum, ir tai šlaunikailių nesiektų* (букв. Казалось, он бы море мог пересечь, а оно даже ему до бедер не дотянется ‘нечем гордиться’). ФЕ *jūra iki kelių*, совпадающая с рус. *море по колено* – ‘все нипочем, ничто не страшно кому-л.’, в сознании литовцев мотивируется этим реальным и объективным фактом мелководья.

Испокон веков Балтийское море выбрасывает на берег янтарь (лит. *gintaras,* лат. *dzintars* – ‘янтарь’) – окаменевшие куски сосновой смолы. Устойчивое сравнение *šviesus ir skaidrus kaip gintaras* (букв. светлый и прозрачный как янтарь) характеризует не только предметы, но и (в переносном значении) светлый разум, голову и употребляется для характеристики ясно и логично мыслящего человека, а также ясного и логичного ума. Перифрастически янтарь называется литовским золотом (*lietuviškas auksas*), а латвийский производитель парфюмерии *Dzintars* давно стал в культурологическом сознании русских символом Балтии [12, с. 49]. Не случайно название этого камня стало не только прецедентным в балтийской культуре, фольклоре и литературе, но и послужило мотивировкой для распространенного в Литве мужского имени *Гинтарас* (*Gintaras*) (уменьшительно-ласкательные формы *Гинтарелис, Гинтарюкас* (*Gintaras, Gintarēlis*)) [15, с. 280].

Связанная с Балтикой ФЕ *jūros sidabras* (букв. морское серебро ‘хороший улов’) перекликается с русской перефразой *живое серебро* ‘рыба’.

Ramunė – ‘ромашка’ – часто встречается в поэтическом языке и фольклоре как образ спокойствия, тишины, умиротворения в природе, ср. частый эпитет *ramunė-ramunėlė* (букв. ромашка-ромашечка), что мотивировано прилагательным *ramus* ‘тихий, спокойный’. Как видим, образное представление об этом цветке, покрывающем весной бескрайние поля Литвы, весьма отличается от русского эквивалента с затемненной мотивировкой. Вот лишь несколько образных поэтических ассоциаций, связанных в литовском сознании с этим цветком: *gale namo ramunių poudas verda* (букв. за домом кастрюля с ромашками кипит ‘дома все спокойно, тишь и благодать’); *gale lauko Nemunių verda puodas ramunių* (букв. на краю поля (реки) Немана варится горшок с ромашками ‘тихое, безветренное, спокойное поле’).

Rūta – ‘рута’ – считается одним из концептуальных растений в литовской культуре, что обосновано его распространенностью на балтийских территориях. Этот цветок является национальным символом, что также подтверждается метафорикой и фразеологическим языковым материалом, например: *kiškio rūta* (букв. заячья рута ‘узколистный ползучий чертополох’); *laukinėj rūta* (букв. уличная / сорняковая рута ‘зверобой’); *rūtų darželį vesti* (букв. вести в сад, где растет рута ‘обмануть’); *kaip ožys į rūtų daržą* (букв. как козел в сад, где цветет рута), что полностью соответствует русской ФЕ *пустить козла в огород; как козел в капусте*; а также *kaip rūta* (букв. как рута ‘о хорошо высушенном сене’); *Šienelis kaip rūta – juoksis karvytė ėsdama* (букв. Сенушко как рута – коровка будет радоваться / улыбаться, когда будет его есть), *kaip rūtas pasėjęs (eina)* (букв. как руту посеял <идет> ‘очень медленно’). Литовский образ руты как в картине мира, так и во фразеологии часто ассоциируется с замужеством, например: *kaip rūtuose sedėti* (букв. как в руте сидеть – 1) ‘не выходить замуж’ (ср. рус. *сидеть в девках*), 2) ‘никуда не выходить, сидеть дома, на своем хуторе’); *rūtą sėti* (букв. руту сеять ‘быть незамужней’); *rūtą pažadėti* (букв. руту пообещать ‘согласиться вступить в брак’); *rūta žalia* (букв. зеленая рута ‘незамужняя’) – ср. *Kad ir sena, bile rūle rūta žalia* (букв. Хоть и старая, а все зеленой рутой

осталась ‘не вышла замуж’); *su rutelemis gyventi* (букв. с рутой жить ‘быть незамужней’); *rūtų vainiką sumynioti* (букв. венок из руты сплести ‘жениться’). *Rūtų vainikas* (букв. венок из руты) символизирует в литовской культуре целомудрие: *Ir girtina toji mergelė, kuri gražiai nešioja rūtų vainikelį* (букв. Хвала / слава той девушке, которая красиво носит веночек руты) – говорится о живущей целомудренно девушке.

Saulė – ‘солнце’ в литовской картине мира прежде всего ассоциируется с красотой: *kaip saulė* (букв. как солнце ‘красивый’); *kaip saulės duktė* (букв. как дочь солнца – 1) ‘очень красивая’, 2) ‘нарядно одетая женщина’), причем эта ФЕ употребляется не только по отношению к человеку: *O, vaikeli, tu dabar duoną kaip saulė valgot* (букв. О, дитя, ты и сейчас хлеб как солнце ешь – ‘с удовольствием’); *Ant pieno užmaišai, tai duona kaip saulė* (букв. На молоке замесил, теперь хлеб как солнце – ‘прекрасный’; *kaip saulė prišvito* (букв. как солнце взошло, т. е. ‘сильно обрадоваться’).

Ugnis – ‘огонь / костер’ как часть литовской культуры, как, с одной стороны, неотъемлемый символ литовского хуторского быта, а с другой – как символ демонических представлений о мире, оставил свой след и во фразеологии. Во многом образ огня совпадает с русскими устойчивыми единицами и их смысловой наполненностью, например: *ugnį ir vandenį pereiti – пройти огонь и воду*, *su ugnimi žaisti – играть с огнем*, *tar dviejų ugnių – между двумя огнями*, *alyvos piti į ugnį – подливать масло в огонь* и т. п. Однако стоит отметить и отличия от русского, восходящие к языческому мировоззрению, что само собой объясняется поздним принятием христианства литовцами (XIV–XV вв., многим позднее остальных европейских народов), следы чего обнаруживаем в современной фразеологии, образы которой неразрывно связаны с природой: *pelės ugnis* (букв. мышиный огонь ‘фосфорное свечение от гнилой древесины’); *ant pernykštės ugnies* (букв. На прошлогодний огонь ‘о долгом приготовлении пищи’): *Ar ant pernykštės ugnies kepi?* (букв. Ты на прошлогоднем огне / костре пек?); *ugnį kelti* (букв. поднимать огонь / разжигать костер ‘устраивать беспорядок’): *Pareina išgeręs ir ugnį kelia* (букв. Приходит пьяный и костер разжигает); *ugnį maišyti* (букв. разжигать / раздувать костер ‘вносить раздор’): *Motyna maišė ugnį ir nesugyveno* (букв. Мать раздула костер, и они не ужились); *ugnį spirti iš atapenčių* (букв. огонь выбрасывать из затылка ‘злиться, буйствовать’); *ugnies rykštė* (букв. капля огня ‘первые капли домашнего самогона’); *ugnies pridaboti* (букв. разжечь / добавить огонь / костер – ‘остаться холостым, неженатым / незамужней’); *ugnimi svilti* (букв. гореть огнем ‘быть удачливым’) [17] и мн. др.

Литовская ФЕ *ugnies krikštas* (букв. крещение огнем ‘большие испытания, трудности’): *Mes turime ruoštis prie ugnies krišto* (букв. Мы должны готовиться к крещению огнем), а также рус. *крещение огнем* – 1) ‘первое участие в бою’; 2) ‘первое серьезное испытание в каком-л. деле’ имеют библейское происхождение, как и название романа польского писателя Г. Сенкевича «Огнем и мечом».

3. Природные явления как концептуальный символ Литвы. Мировоззрение древнего литовца нельзя представить без климатических явлений, ставших концептуальными в сознании этого народа. Так, если Россия в ментальном и стереотипном представлении ассоциируется со снегом, то в литовской картине мира это, несомненно, будет дождь. По одной из этимологических теорий, которой мы придерживаемся, название страны (лит. *Lietuva*) и ее народа восходит к наименованию реки Летаука (лит. *Lietauka*), протекающей в Каунасском уезде. Название мотивировано литовским существительным *lietus* ‘дождь’, ставшим экстралингвистической неотъемлемой частью литовской картины мира (ср. лит. *lietus lija* (букв. дождь льет) или усеченное *lija* – букв. льет, т. е. ‘идет / падает дождь, льет как из ведра’), это отмечается многими природоведами и географами, что, по всей видимости, отразилось и в самоназвании самого народа – литовцы, Литва. Данную лексему как культурологический символ находим в таких ФЕ, как, например, *laukti kaip gervė lataus* (букв. ждать как журавль / лебедка дождя – ‘очень ждать что-л.’); *kaip lietus*

žvirbiui (букв. как дождь для воробья – ‘о том, кто ничего не замечает; о наплевательском отношении к чему-л.’): *Jam mūsų problemai kaip žvirbliui lietus – pasipurtė ir sausas* (букв. Для него наши проблемы как дождь воробью – отряхнулся и высох, т. е. ‘ему плевать’); *kaip nagatka prieš lietų* (букв. Надулся как прыщ / волдырь / капля перед дождем – ‘нахмурился’ ([1, с. 18], [2, с. 159], [15, с. 84]).

Выводы. Таким образом, в нашем исследовании мы представили картину мира литовской национальной лингвоконцептологии исходя из семантики распространенных и наиболее частотных имен собственных. Приведенный в работе фразеологический материал ярко отображает особенности традиционной литовской культуры, фольклора и исконных народных верований, уходящих в глубь дохристианского быта. В настоящей статье мы не затрагивали тему утвари литовского хутора, домашних и диких животных, мифологии и примет, поскольку рамки настоящей статьи не позволят коснуться этой обширной тематики, однако проанализированный здесь эмпирический материал, с нашей точки зрения, дает довольно иллюстративный обзор части той картины мира литовского народа, которая была целью нашего освещения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 41 с.

2. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Балтийская мифология // Мифы народов мира. – М. : Сов. Энциклопедия, 1991. – Т. 1. – С. 153–169.

3. *Лаучюте Ю. А.* Словарь балтизмов в славянских языках. – Ленинград : Наука, 1982. – 211 с.

4. *Петерсон М. Н.* Очерк литовского языка. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 160 с.

5. *Раина О. В.* Поляки в Латвийской Республике как позитивный пример взаимопроникновения культур // Этническая культура. – 2019. – № 1(1). – С. 52–54. – DOI 10.31483/r-64081.

6. *Турлаева А. С., Хмелевский М. С.* Образ черта в литовской, латышской и русской фразеологии // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2022. – № 2(115). – С. 122–128. – DOI 10.37972/chgpu.2022.115.2.017.

7. *Хмелевский М. С.* Литовская фразеология микрополя неопределенно-большого количества // Слово в словаре и дискурсе. – М. : Элпис, 2006. – С. 494–497.

8. *Хмелевский М. С.* Литовские устойчивые сочетания со значением неопределенно-малого количества // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистические и лингвометодологические аспекты). – М : Кострома : Элпис, 2006. – С. 592–505.

9. *Хмелевский М. С.* К вопросу о фразеологической вариативности как объекте сопоставительного анализа (литовско-славянские фразеологические параллели) // Фразеология в тексте и словаре. Материалы XXXVI Международной филологической конференции. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. – С. 141–145.

10. *Хмелевский М. С.* Современная языковая ситуация в Литве как пример полилингвизма и межнациональной толерантности // Русский язык в условиях би- и полилингвизма. – Чебоксары : Чувашский гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, 2021. – С. 62–66.

11. *Хмелевский М. С., Кузнецова И. В.* Актуальность балто-славянских лексико-фразеологических параллелей для славистики // LI Международная научная филологическая конференция им. Л. А. Вербицкой : Сб. тезисов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2023. – С. 1294–1296.

12. *Хмелевский М. С., Кузнецова И. В.* Русский язык как элемент современной языковой ситуации в странах Балтии // Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала : Дагестанский гос. пед. ун-т им. Р. Гамзатова, 2024. – С. 45–53.

13. *Хмелевский М. С., Кузнецова И. В.* Русский язык в Латвии // Теория и практика коммуникации. Материалы III Международной научно-практической конференции. – Тирасполь : Приднестровский гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко, 2025. – С. 19–23.

14. *Хмелевский М. С., Савченко А. В.* Балто-славянские параллели на материале фразеологизмов с компонентом «черт» // Językoznawstwo. – 2025. – № 4(25). – S. 111–124.

15. *Jakaitienė E.* Lietuviškai apie Lietuvą. – Vilnius : Alma Littera, 1995. – 328 c.

16. Frazeologijos žodynas (red. Paulauskas J.). – Vilnius : Lietuvių kalbos institutas, 2001. – 886 s.

17. Lietuviškos simbolikos žodynas [Электронный ресурс]. – URL : https://www.ltvirtove.lt/zodynai.php?lt=lietuviskas_simbolikos_zodynas (дата обращения: 25.02.2026).

18. *Sasnauskas P., Pikienė I.* Gražiausios lietuvių pasakos. – Vilnius : Veiga, 2013. – 197 s.

Статья поступила в редакцию 07.02.2026

REFERENCES

1. Ivanov V. V., Toporov V. N. K postanovke voprosa o drevnejshih otnosheniyah baltijskih i slavyanskih yazykov. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1958. – 41 s.
2. Ivanov V. V., Toporov V. N. Baltijskaya mifologiya // Mify narodov mira. – M. : Sov. Enciklopediya, 1991. – T. 1. – S. 153–169.
3. Lauchyute Yu. A. Slovar' baltizmov v slavyanskih yazykah. – Leningrad : Nauka, 1982. – 211 s.
4. Peterson M. N. Ocherk litovskogo yazyka. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1955. – 160 s.
5. Raina O. V. Polyaki v Latvijskoj Respublike kak pozitivnyj primer vzaimoproniknoveniya kul'tur // Etnicheskaya kul'tura. – 2019. – № 1(1). – S. 52–54. – DOI 10.31483/r-64081.
6. Turlaeva A. S., Hmelevskij M. S. Obraz cherta v litovskoj, latyshskoj i russkoj frazeologii // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2022. – № 2(115). – S. 122–128. – DOI 10.37972/chgpu.2022.115.2.017.
7. Hmelevskij M. S. Litovskaya frazeologiya mikropolya neopredelenno-bol'shogo kolichestva // Slovo v slovare i diskurse. – M. : Elpis, 2006. – S. 494–497.
8. Hmelevskij M. S. Litovskie ustojchivye sochetaniya so znacheniem neopredelenno-malogo kolichestva // Problemy semantiki yazykovyh edinic v kontekste kul'tury (lingvisticheskie i lingvometodologicheskie aspekty). – M. : Kostroma : Elpis, 2006. – S. 592–505.
9. Hmelevskij M. S. K voprosu o frazeologicheskoj variativnosti kak ob"ekte sopostavitel'nogo analiza (litovsko-slavyanskie frazeologicheskie paralleli) // Frazeologiya v tekste i slovare. Materialy XXXVI Mezhdunarodnoj filologicheskoj konferencii. – SPb. : Izd-vo SPbGU, 2007. – S. 141–145.
10. Hmelevskij M. S. Sovremennaya yazykovaya situaciya v Litve kak primer polilingvizma i mezhnacional'noj tolerantnosti // Russkij yazyk v usloviyah bi- i polilingvizma. – Cheboksary : Chuvashskij gos. ped. un-t im. I. Ya. Yakovleva, 2021. – S. 62–66.
11. Hmelevskij M. S., Kuznecova I. V. Aktual'nost' balto-slavyanskih leksiko-frazeologicheskih parallelej dlya slavistiki // LI Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferenciya im. L. A. Verbickoj. Sb. tezisov. – SPb. : Izd-vo SPbGU, 2023. – S. 1294–1296.
12. Hmelevskij M. S., Kuznecova I. V. Russkij yazyk kak element sovremennoj yazykovoj situacii v stranah Baltii // Dialog yazykov i kul'tur: lingvisticheskie i lingvodidakticheskie aspekty. Materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Mahachkala : Dagestanskij gos. ped. un-t im. R. Gamzatova, 2024. – S. 45–53.
13. Hmelevskij M. S., Kuznecova I. V. Russkij yazyk v Latvii // Teoriya i praktika kommunikacii. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Tiraspol' : Pridnestrovskij gos. un-t im. T. G. Shevchenko, 2025. – S. 19–23.
14. Hmelevskij M. S., Savchenko A. V. Balto-slavyanskie paralleli na materiale frazeologizmov s komponentom «chert» // Językoznawstwo. – 2025. – № 4(25). – S. 111–124.
15. Jakaitienė E. Lietuviškai apie Lietuvą. – Vilnius : Alma Littera, 1995. – 328 c.
16. Frazeologijos žodynas (red. Paulauskas J.). – Vilnius : Lietuvių kalbos institutas, 2001. – 886 s.
17. Lietuviškos simbolikos žodynas [Elektronnyj resurs]. – URL : https://www.ltvirtove.lt/zodynai.php?lt=lietuviskas_simbolikos_zodynas (data obrashcheniya : 25.02.2026).
18. Sasnauskas P., Pikienė I. Gražiausios lietuvių pasakos. – Vilnius : Veiga, 2013. – 197 s.

The article was contributed on February 7, 2026

Сведения об авторах

Хмелевский Михаил Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, https://orcid.org/0000-0002-1980-5453, chmelevskij@mail.ru

Раина Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, https://orcid.org/0000-0001-6281-8148, raolga80@mail.ru

Author Information

Khmelevsky, Mikhail Sergeevich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Slavic Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, https://orcid.org/0000-0002-1980-5453, chmelevskij@mail.ru

Raina, Olga Viktorovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Slavic Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, https://orcid.org/0000-0001-6281-8148, raolga80@mail.ru

УДК 81’255’373.46:791 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.028

М. М. Цатурян, А. Ю. Марк

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ НАЗВАНИЙ ФИЛЬМОВ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Аннотация. В статье отражаются особенности передачи названий фильмов с английского языка на русский, рассматриваются дискуссионные вопросы по раскрытию их прагматического потенциала, а также проводится сравнительный анализ переводов фильмонимов. Актуальность исследования обусловлена тем, что количество выходящих в прокат кинокартин увеличивается с каждым днем, а для показа за границей требуется их локализация. Цель работы заключается в сравнительном анализе переводов названий фильмов в рамках реализации их прагматического потенциала. Материалом для исследования послужили англоязычные фильмы и сериалы кинокомпаний 20th Century Fox, Columbia Pictures, Paramount Pictures и др. Теоретико-методологическая база исследования представляет собой работы таких ученых, как Л. Е. Черкасский, В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер и др. В результате выявлено, что для локализации фильмонимов осуществляется ряд лексических, грамматических и синтаксических адаптаций. Важную роль играет адекватность перевода, которая заключается в сохранении содержания оригинала с точки зрения не только лексики и грамматики, но и его прагматической функции. Сравнительный анализ переводов фильмонимов показал, что далеко не всегда российские локализаторы успешно адаптируют их для русскоязычной аудитории, что связано как со сложностями перевода, так и со стремлением сделать успешный маркетинговый ход.

Ключевые слова: *фильмонимы, прагматический потенциал, лингвокультурология, локализация, адаптация, стратегии перевода*

M. M. Tsaturyan, A. Yu. Mark

PECULIARITIES OF TRANSLATING FILM TITLES AS A LINGUOCULTURAL PROBLEM

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract. The article reveals the peculiarities of translating film titles from English into Russian, discusses the issues on the realization of their pragmatic potential and presents a comparative analysis of translation of filmonyms. The relevance of the study is due to the fact that the number of films is increasing and it is needed to localize them. The aim of the study is a comparative analysis of the film title translations considering the realization of their pragmatic potential. The study materials consist of English-language films and series produced by 20th Century Fox, Columbia Pictures, Paramount Pictures, and others. The theoretical and methodological framework includes the works of L. E. Cherkassky, V. N. Komissarov, Ya. I. Retsker, and others. The result of the study shows that localization of filmonyms makes use of various lexical, grammatical and syntactical adaptation. Translation adequacy plays a crucial role: it requires preserving the original’s content at the lexical and grammatical levels and also in terms of its pragmatic function. The comparative analysis demonstrates that Russian localizers do not always successfully adapt film titles due to translation difficulties or marketing outcome.

Keywords: *filmonyms, pragmatic potential, linguoculturology, localization, adaptation, translation strategies*

Введение. Кинематограф в современном обществе занимает одну из ступеней развития человека, формируя мировоззрение, психологию и социокультурные представления зрителей. Названия фильмов, или фильмонимы, содержат в себе исторические контексты, эмоциональные установки и различные особенности целевой аудитории. Проблема исследования заключается в том, что перевод фильмонимов представляет собой сложный процесс, требующий глубокого понимания языковых особенностей, историко-культурного развития, а также социальной среды, в которой находится зритель [8, с. 28]. К таким факторам относятся менталитет, классовая дифференциация населения (потребителя). В названиях фильмов выражается авторский замысел, передается не только предметная информация, но и эмоциональный фон, в них заложен культурный код той или иной страны [7, с. 226]. Цель работы заключается в сравнительном анализе переводов названий фильмов конца XX – начала XXI вв. различных жанров (драматические, триллеры, ужасы, комедии, боевики и фантастика) в рамках реализации их прагматического потенциала. Суть прагматики – воздействие на зрителя. Задача переводчика как посредника между автором и реципиентом состоит в понятном транслировании этой прагматики.

Актуальность исследуемой проблемы. С точки зрения лингвистической науки, проблема перевода на русский язык названий иностранных фильмов является мало разработанной. Сценарии кинофильмов зачастую основаны на художественных текстах или влекут за собой образование новых произведений. Таким образом, проблема анализа и перевода названий фильмов является не менее важной, чем вопросы, с которыми переводчики сталкиваются при изучении заглавий художественных произведений. Нет единых критериев перевода фильмонимов на русский язык, что требует проведения дополнительных исследований. Задача переводчика – адаптировать названия фильмов так, чтобы сохранилось оригинальное сообщение и, в то же время, не нарушилось восприятие зрителя. Без локализации фильмы и сериалы потеряли бы не только кассовые сборы, но и культурную значимость. Однако на них влияет не просто адаптация, а именно успешный перевод, т. к. фильмоним является некой товарной карточкой всей кинокартины, не просто элементом композиции текста, а его значимой частью.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили англоязычные фильмы и сериалы кинокомпаний 20th Century Fox, Columbia Pictures, Paramount Pictures, Miramax Films, Warner Bros., Walt Disney Company, DreamWorks, Sony Pictures, Universal Pictures и др. Для изучения проблемы изучено около 100 фильмонимов. Теоретико-методологическая база исследования представляет собой работы таких ученых, как В. Н. Комиссаров [5], Я. И. Рецкер [6], Л. Е. Черкасский [7], Ю. В. Бабичева [1] и др. В ходе работы применены: метод сплошной выборки, метод классификации, сравнительный и описательный методы, теоретический анализ научно-методической литературы, а также семантический анализ.

Результаты исследования и их обсуждение. И. Р. Гальперин классифицирует категории заглавия следующим образом: к семантическим он относит информативность, глубину (подтекст), пресуппозицию и прагматику, а к структурным – интеграцию, сцепление, ретроспекцию, проспекцию, партитурность и континуум [4, с. 524].

Прагматика представляет собой «конкретную установку на читателя» [4, с. 526]. В названии данная установка отражается ярче, чем в самом «теле» произведения, поскольку название – это элемент, с которым читатель или зритель сталкивается в первую очередь, и, таким образом, оно играет значительную роль в том, будет ли он знакомиться далее с этим произведением.

Информативность И. Р. Гальперин определяет как ведущую грамматическую категорию текста [4, с. 526]. Также важнейшей задачей любого названия считается сообщение читателю или зрителю в сжатом виде об основной тематике произведения, т. е. выполнение

информативной функции. К примеру, в названии может отражаться информация о жанре кинокартины, а также о ее эмоциональном фоне. Под завершенностью исследователь понимает взаимоотношение между названием и основным корпусом текста, его началом и концовкой [4, с. 528–529]. Таким образом, название играет значительную роль в реализации данной категории.

Достижение адекватности перевода происходит с учетом коммуникативной функции фильмонима как важного элемента кинофильма, т. е. при переводе требуется прагматическая адаптация для достижения адекватности, что является основной сложностью при локализации названий фильмов. Для этого необходимо учитывать целый ряд факторов, таких как вербальные и невербальные средства коммуникации, общее содержание (смысловая нагрузка), средства выразительности и языковое оформление текста оригинала в рамках перевода [9, с. 66]. Для адекватной передачи фильмонимов используются различные переводческие трансформации. Л. С. Бархударов составил следующую классификацию способов перевода: перестановки (изменения порядка слов и словосочетаний в предложении); замены (форм слов, частей речи, членов предложения); добавления (необходимые в конкретном контексте для уточнения какого-либо признака); опущения (избежание определенных слов или выражений в рамках соблюдения норм языка перевода) [2, с. 135].

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что адекватность передачи названий фильмов является прежде всего лингвокультурной проблемой. Переводчик сталкивается с рядом трудносетй, которые необходимо решить. Первая – проблема межкультурной коммуникации, она связана с различиями между культурами стран, с отражением их особенностей в фильме. Переводчик должен владеть обеими культурами коммуникации, обладать определенными знаниями, навыками адаптации к той или иной среде. С первой проблемой тесно связана вторая: невозможно перевести слово или словосочетание без потери смысла высказывания. В этой связи существуют критерии оценки качества переводимого произведения: адекватность переданной информации, соответствие лексическим, грамматическим и стилистическим нормам языка перевода, точная передача позиции авторов кинокартины.

Прямой перевод как один из приемов чаще всего используется, когда фильмоним представляет собой имя собственное и реализуется с помощью заимствований, кальки или буквального перевода [10]. Например, антропонимные фильмонимы “The Nutcracker and the Four Realms” (2018) – «Щелкунчик и четыре королевства», “Martian” (2015) – «Марсианин», “Spider-Man” (2002) – «Человек-паук» или локальные “Oklahoma!” (1999) – «Оклахома!», “Riverdale” (2017) – «Ривердейл» [3]. Однако, если прямое соответствие между языками отсутствует, перевод требует применения лексических, грамматических или синтаксических трансформаций ([2], [6]). В большинстве своем эта стратегия компенсирует жанровую или смысловую недостаточность прямого перевода, играя существенную роль в формировании общей картины в глазах зрителя и рекламе и используется в переводе фильмонимов, содержащих национально-культурный компонент: “Cars” (2006) – «Тачки», “The Runner” (2015) – «Беглец», “The Secret Life of Walter Mitty” (2013) – «Невероятная жизнь Уолтера Митти», “Zero Hour” (2013) – «Последний час».

Не всегда эквивалентный перевод является прагматически адекватным, и тогда переводчику необходимо использовать метод прагматической адаптации [5, с. 60]. Прагматика связана не только с самим фильмом, но и с отношением к нему реципиента в целом: это его личный опыт, физическое или моральное состояние, интересы, вкусы и т. п. Так автор стремится привлечь определенную аудиторию. Например, криминальная драма режиссера М. Манна “Public Enemies” (2009) в российском прокате получила название «Джонни Д.», что является полной заменой фильмонима, которая может быть обусловлена культурными особенностями языка или коммуникативным компонентом содержания.

Иногда прямой перевод фильмонима смотрится неуместно в условиях общественного мышления аудитории, потребляющей продукт: “Eliza Graves” (2014) – «Обитель проклятых», “Hotel Transylvania” (2012) – «Монстры на каникулах», “Tangled” (2010) – «Рапунцель: Запутанная история», “The Bucket List” (2007) – «Пока не сыграл в ящик». Прямой перевод “Public Enemies” – «Враги государства» был бы вполне допустим, однако благодаря отечественным переводчикам произошло совпадение инициалов актера Джонни Деппа с именем главного героя, что явилось своеобразным маркетинговым ходом, способным привлечь внимание русскоговорящей аудитории с ее любовью к широко известному актеру. Что касается прагматического потенциала, адаптация под целевую аудиторию осуществлена, однако оригинальное название картины не сохранено, что говорит о частичной реализации прагматической функции.

В. Н. Комиссаров выделяет три типа прагматической адаптации, которые мы далее рассмотрим [5, с. 61]. Первый тип заключается в отражении эмоциональности, связанной с передачей особого ассоциативного ряда. Такая адаптация подходит в том случае, если заголовок содержит культурный компонент, разговорную или, наоборот, возвышенную лексику: “Dumb & Dumber” (1994) – «Тупой и еще тупее», “Dirty Grandpa” (2016) – «Дедушка легкого поведения», “The Prodigy” (2019) – «Омен: Перерождение». Тем не менее существуют ограничения в использовании ненормативной лексики, поэтому ее не часто можно встретить в фильмонимах.

Второй тип предполагает достижение адекватного восприятия переводимой информации реципиентом. Сложность состоит в том, чтобы корректно передать сообщение, понятное носителю языка, но неизвестное русскоговорящему человеку. Одним из таких способов является прием добавления информации. Например, при переводе топонимов (Idaho, Jacksonville, Arkansas, East Sussex и др.) принято добавлять слова «штат», «провинция», «графство»; при локализации названий организаций происходит следующее: “BBC” – «корпорация Би-би-си», “Sony Pictures” – «кинокомпания Сони Пикчерз».

Третий тип адаптации нужен для воздействия на конкретного, а не на «массового» зрителя. Переводчику необходимо локализовать фильмоним, семантика и структура которого отличаются от языковой системы языка перевода. Как правило, такие названия состоят из словосочетаний или предложений. В результате часто получается сообщение, не имеющее почти ничего общего с оригиналом: “Knives Out” (2019) – «Достать ножи»; “The Pacifier” (2005) – «Лысый нянька: Спецзадание».

Для сравнительного анализа перевода фильмонимов в рамках реализации их прагматического потенциала рассмотрим примеры удачных, неудачных и сложных случаев. Критериями оценки стали: реализация коммуникативной функции фильмонима, изменение / сохранение оригинального названия, а также лингвокультурная сторона вопроса. Для сравнения взяты художественные фильмы различных жанров: драматические, комедийные, триллеры, боевики и фантастика.

“Argo” (2012) – «Операция Арго». В англо-культуре аудитория лучше воспринимает односложные названия, которые часто скрывают в себе философский подтекст или интригу. В русском же языке есть тенденция к созданию длинных заголовков. Нам кажется, что такое название содержит больше информации, а количество сложных оборотов имеет философское начинание. В нашем случае это добавление оправдано, т. к. русскоговорящему зрителю, как правило, для сложных названий требуется пояснение, здесь – «операция». В англоязычной среде слово “Argo”, которое связано с известным мифом о Ясоне, не вызывает путаницы, чего нельзя сказать о русскоязычном реципиенте. В итоге мы получаем достаточно информативный перевод, теряющий, однако, свою метафоричность, загадочность.

“Elysium” (2013) – «Элизиум: Рай не на Земле». Другой пример пояснения фильмонима, так же связанный с культурным различием. В англоговорящей среде слово “Elysium”

вызывает ассоциации с античной мифологией (Элизиум – место для героев после смерти). В русской же культуре античная концепция менее популярна, что ограничивает представление о фильме в целом. Тем не менее добавление «Рай не на Земле» слишком открыто говорит о сюжете. Таким образом, можно говорить о частичной реализации прагматической функции.

“Gone Girl” (2014) – «Исчезнувшая». Драма-триллер повествует о бытовых проблемах и семейных отношениях, об уязвленной женской гордости. Английское слово “gone” означает как физическое исчезновение, так и психологическую трансформацию. Русское слово *исчезнувшая* имеет только один смысл. В результате теряется намек о метаморфозе главной героини, поэтому нельзя считать этот перевод удачным с точки зрения прагматики.

“Fair Game” (2010) – «Игра без правил». В российской локализации триллер получил достаточно неоднозначное название. Дословно “fair game” – «честная игра», ироничный фразеологический оборот. Сюжет повествует нам о довольно неприятных событиях истории, связанных с политическими интригами в правительстве США времен Дж. Буша, манипуляциями разведданными, оружием массового поражения и т. п. Конечно, такая игра не может быть честной, поэтому наши переводчики использовали антонимический перевод. В результате получилось сделать хороший маркетинговый ход, сохранив при этом прагматическую функцию фильмонима.

“Identity Thief” (2013) – «Поймай толстуху, если сможешь». Английское словосочетание “identity thief” буквально означает «похититель личности» (речь идет о мошеннице, ворующей чужие данные). В русском варианте переводчики сделали маркетинговый ход: добавили отсылку к фильму “Catch Me If You Can” (2002) – «Поймай меня, если сможешь». Слово *толстуха* делает акцент на внешность героини, благодаря чему название становится более комичным и в то же время очень близким к стереотипу. Локализаторы полностью заменили оригинальное название, и тем не менее частично суть была сохранена, т. к. фраза «Поймай толстуху, если сможешь» звучит как вызов, призывая остановить умную воровку.

“The Men Who Stare at Goats” (2009) – «Безумный спецназ». Еще один пример сложной работы переводчиков. Фраза “the men who stare at goats” буквально переводится как «люди, которые смотрят на козлов». Вряд ли наш зритель захотел бы посмотреть фильм с таким непривлекательным названием: само по себе оно было бы осложнено придаточным предложением и обобщенным словом «люди», которые зачем-то смотрят на козлов. Во фразе присутствует аллюзия на реальные события США, а именно речь идет о проекте Пентагона по изучению возможности паранормального воздействия на животных. Такая метафора в условиях русской среды потеряла бы свою прагматическую функцию. Русский перевод «Безумный спецназ» делает акцент на военную тематику и юмор, что больше соответствует жанру фильма – мистическая комедия. Таким образом, переводчики сделали замену всех компонентов, использовав жанровую адаптацию фильмонима.

“John Tucker Must Die” (2006) – «Сдохни, Джон Такер!». В переводе драматического боевика переводчики использовали целый ряд трансформаций. Сюжет кинокартины довольно прост: три девушки, одновременно встречающиеся с баскетболистом Джоном Такером, объединяются, чтобы отомстить ему. В данном случае применение трансформаций обусловлено стремлением адаптировать ценностные ориентации молодежи и психологически поддержать их в преодолении «культурного шока». К тому же такой перевод можно считать успешным с точки зрения жанровой соотнесенности (комедия). Также сохранена смысловая нагрузка оригинального фильмонима. В итоге в этом примере можно говорить о реализованном прагматическом потенциале.

“Gravity Falls” (2012–2016) – «Гравити Фолз». Достаточно популярный среди детской аудитории мультфильм. По сюжету город Гравити Фолз славится своими аномалиями:

здесь нарушаются законы физики, оживают неодушевленные предметы. Основатель города, президент США Квентин Трэмбли, упав с лошади с достаточно большой высоты, дал соответствующее название данному месту. В английском языке название играет на двусмысленности: “gravity” – это как «гравитация», так и «серьезность»; в русском же языке слово является однозначным, поэтому переводчики транслитерировали его, создав атмосферу загадочности, которая так нравится юным зрителям. Таким образом, локализаторы полностью сохранили оригинал, однако потерялась игра слов, из-за чего не каждый сможет понять значение такого названия, поэтому прагматический потенциал реализован частично.

“Now You See Me” (2013) – «Иллюзия обмана». Сюжет фильма достаточно увлекателен, а герои – гениальны: банда иллюзионистов совершает ограбление с помощью своих умений. Английская фраза “Now you see me, now you don’t” («Сейчас ты видишь меня, а теперь нет») типична для фокусников, что наводит зрителя, в первую очередь, на мысль о том, что его ждут удивительные трюки и уловки. В русском переводе ее полностью заменили, сделав название более драматичным, с намеком на обман и мистику. Для русскоговорящей аудитории словосочетание «иллюзия обмана» может говорить о нескольких вариантах развития событий: от драмы до психологического триллера или даже паранормального хоррора. В результате получилась удачная адаптация, хотя была потеряна игра слов, что говорит о частичной реализации прагматического потенциала.

“The Expendables” (2010) – «Неудержимые». В фильме рассказывается о группе профессиональных наемников, выполняющих различные задания: от спасения заложников до уничтожения диктаторской власти. Оригинальный фильмоним переводится как «расходные» или «одноразовые» – так называют бойцов, которыми можно пожертвовать в ходе миссии ради ее завершения. В российской локализации он получил перевод «Неудержимые», что придает сюжету героическое значение, противоположное оригинальному посылу жертвенности и самоотверженности. В данном случае переводчики сменили циничный смысл на мужественный, чем сделали хороший маркетинговый ход. Русский фильмоним побуждает потенциального зрителя узнать, каких людей и за что назвали неудержимыми. Таким образом, можно говорить об успешной реализации прагматической функции.

“War Dogs” (2016) – «Парни со стволами». Оригинальное название – американская идиома, означающая торговлю нелегальным оружием или бизнес войны и обладающая иронически-негативной коннотацией (само слово “dogs” – «собаки» относится к разговорному, жаргонному стилю). Русский перевод «Парни со стволами» также можно определить как стилистически сниженное выражение, однако ничего общего с «собаками войны» оно не имеет. Резонность полной замены фильмонима довольно оправдана – русскоязычная аудитория вряд ли восприняла бы адекватно такое название, что связано с историческим наследием страны. В результате получилось сохранить неформальный подтекст, а также адаптировать фильмоним под молодежную аудиторию. В то же время потерялась ироничность и социально-критический подтекст словосочетания “war dogs”. В данном случае можно сказать, что прагматический потенциал реализован частично.

“Limitless” (2011) – «Области тьмы». В фильме проиллюстрирован миф о том, что для стопроцентного использования всех ресурсов головного мозга человека требуется некий «стимулятор», а именно – принимаемые главным героем таблетки. Слово “limitless” переводится как «безграничный» и передает идею неограниченных возможностей человека, который сам по себе умен. Впоследствии герой почти отказывается от препарата, который вызывал у него побочные эффекты и полностью изменил его жизнь, наполнив болью, смертями и сожалениями. «Области тьмы» – метафора, к которой прибегли русские переводчики, чтобы раскрыть суть такого образа жизни, тем самым усилив философскую составляющую. Таким образом, данный перевод лексически неэквивалентен, но прагматически оправдан.

“Only the Brave” (2017) – «Дело храбрых». Фильм повествует об отряде пожарных, пытающихся справиться с огнем в лесах Аризоны. Оригинальный фильмоним “Only the Brave” – довольно героическая и даже пафосная фраза в американской культуре, которая делает акцент на личности, а также на культе героизма. Русский перевод «Дело храбрых» адаптирован под отечественную модель героизма как долга. Оба варианта намекают на исключительность, избранность тех единственных, кому под силу справиться с природной стихией. Российским локализаторам также удалось сохранить высокий стиль названия. В результате данный перевод можно считать и лексически, и прагматически успешным, соответствующим культурным ценностям целевой аудитории.

“Hacksaw Ridge” (2016) – «По соображениям совести». Основанный на реальных событиях фильм повествует о «Битве за Окинаву». Главный герой Десмонд Досс – адвентивист седьмого дня – сознательно отказывается от использования оружия на войне, хотя и хочет в ней участвовать. Вместо этого он спасает людей с поля боя. Оригинальное название “Hacksaw Ridge” означает место его подвига – прозвище горного откоса Маэда. Российские переводчики отказались от прямого перевода фильмонима, т. к. он был бы непрозрачен для русской аудитории, т. е. не раскрыл бы главный конфликт фильма. Вместо этого они дали название «По соображениям совести», которое отсылает к понятию отказника, не желающего участвовать в кровопролитии, но стремящегося сделать благое дело. Таким образом, раскрыта моральная составляющая фильма, но утрачен исторический контекст. Мы считаем, что в данном случае прагматический потенциал перевода реализован максимально эффективно, т. к. он компенсирует культурную составляющую оригинала.

“Edge of Tomorrow” (2014) – «Грань будущего». «Грань будущего» – фантастический фильм о нападении пришельцев на Землю. Главный герой, солдат Кейдж, попадает во временную петлю и просыпается снова и снова в один и тот же день после смерти. Оригинальное название можно перевести как «на пороге завтрашнего дня». Оно намекает, что когда-то герой предпримет правильные меры, чтобы оборвать цикличность и наконец начать новый день. Русский перевод «Грань будущего» сделан методом калькирования с минимальной трансформацией, благодаря чему сохранилась метафоричность названия и удалось избежать потери оригинального смысла. Таким образом, прагматическая функция реализована успешно и эквивалентно.

Выводы. Анализ способов передачи англоязычных названий на русский язык показал, что самым распространенным приемом перевода являются семантические трансформации, а именно расширение, сужение и модификация значения. Лексические изменения довольно часто влекут за собой грамматические преобразования, вследствие этого в практике перевода приходится использовать сразу оба типа трансформаций.

Анализ показал, что лексически неэквивалентный перевод является прагматически оправданным. Прагматический потенциал фильмонима представляет собой результат выбора кинопрокатной компанией содержания названия кинокартины и способа его языкового выражения, что обусловлено намерением произвести определенный коммуникативный эффект на кинозрителя. В результате взаимодействия фильмонима и содержания самого фильма могут возникать следующие прагматические эффекты: эффект усиленного, оправданного или обманутого ожидания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабичева Ю. В.* Поэтика заглавия // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2000. – № 6. – С. 61–64.

2. *Бархударов Л. С.* Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. – 2-е изд. – М. : ЛКИ, 2008. – 235 с.

3. Введение в литературоведение / А. В. Ламзина и др., под ред. И. В. Фоменко. – М. : Высшая школа, 1999. – 560 с.

4. *Гальперин И. Р.* Стилистика английского языка : учебник. – М. : Высшая школа, 2005. – 343 с.

5. *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение. – М. : ЭТС, 2000. – 192 с.
6. *Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика : очерки лингвист. теории перевода. – М. : Международные отношения, 1974. – 216 с.
7. *Черкасский Л. Е.* Начнем с заглавия // Иностранная литература. – М. : Наука, 1986. – С. 225–230.
8. *Kassawat M.* Translation and Localization: Frequent Arguments through Asymmetric Binoculars [Электронный ресурс] // TransLogos Translation Studies Journal. – 2021. – Vol. 4. – No. 2. – P. 27–44. – URL : https://doi.org/10.29228/transLogos.36 (дата обращения: 14.01.2026).
9. *Kyrychuk L.* Translation Strategies, Methods and Techniques: In Pursuit of Translation Adequacy [Электронный ресурс] // RESEARCH TRENDS IN MODERN LINGUISTICS AND LITERATURE. – 2018. – Vol. 1. – P. 64–80. – URL : https://doi.org/10.29038/2617-6696.2018.1.64.80 (дата обращения: 14.01.2026).
10. *Płońska D.* Strategies of Translation [Электронный ресурс] // Psychology of Language and Communication. – 2014. – Vol. 18, No. 1. – P. 67–74. – URL : https://doi.org/10.2478/plc-2014-0005 (дата обращения: 14.01.2026).

Статья поступила в редакцию 17.01.2026

REFERENCES

1. Babicheva Yu. V. Poetika zaglaviya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2000. – №6. – S. 61–64.
2. Barkhudarov L. S. Yazyk i perevod: voprosy obshchey I chastnoy teorii perevoda. – 2-e izd. – M. : LKI, 2008. – 235 s.
3. Vvedenie v literaturovedenie / A. V. Lamzina i dr., pod red. I. V. Fomenko. – M. : Vysshaya shkola, 1999. – 560 s.
4. Gal'perin I. R. Stilistika angliyskogo yazyka : uchebnik. – M. : Vysshaya shkola, 2005. – 343 s.
5. Komissarov V. N. Sovremennoe perevodovedenie. – M. : ETS, 2000. – 192 s.
6. Retsker Ya. I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika : ocherki lingvist. teorii perevoda. – M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1974. – 216 s.
7. Cherkassky L. E. Nachnem s zaglaviya // Inostrannaya literatura. – M. : Nauka, 1986. – S. 225–230.
8. Kassawat M. Translation and Localization: Frequent Arguments through Asymmetric Binoculars [Elektronnyj resurs] // TransLogos Translation Studies Journal. – 2021. – Vol. 4. – No. 2. – P. 27–44. – URL : https://doi.org/10.29228/transLogos.36 (data obrashcheniya: 14.01.2026).
9. Kyrychuk L. Translation Strategies, Methods and Techniques: In Pursuit of Translation Adequacy [Elektronnyj resurs] // RESEARCH TRENDS IN MODERN LINGUISTICS AND LITERATURE. – 2018. – Vol. 1. – P. 64–80. – URL : https://doi.org/10.29038/2617-6696.2018.1.64.80 (data obrashcheniya: 14.01.2026).
10. Płońska D. Strategies of Translation [Elektronnyj resurs] // Psychology of Language and Communication. – 2014. – Vol. 18, No. 1. – P. 67–74. – URL : https://doi.org/10.2478/plc-2014-0005 (data obrashcheniya: 14.01.2026).

The article was contributed on January 17, 2026

Сведения об авторах

Цатурян Марина Мартиросовна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия, https://orcid.org/0000-0003-2738-8765, tsaturyan.mm@mail.ru

Марк Анастасия Юрьевна – студентка факультета романо-германской филологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия, https://orcid.org/0009-0009-8824-4133, markanastasia2004@gmail.com

Author Information

Tsaturyan, Marina Martirosovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia, https://orcid.org/0000-0003-2738-8765, tsaturyan.mm@mail.ru

Mark, Anastasia Yuryevna – Student of the Faculty of Romance and Germanic Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia, https://orcid.org/0009-0009-8824-4133, markanastasia2004@gmail.com

УДК 811.161.1’276.3:004.738.5 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.029

К. А. Щукина

ПРЕЦЕДЕНТНАЯ КОМПОЗИЦИЯ КАК УРОВЕНЬ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕРНЕТ-МЕМА

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается интернет-мем как поликодовый объект цифровой коммуникации, воспроизводимость и узнаваемость которого обеспечиваются не только прецедентными текстами, образами или высказываниями, но и устойчивыми способами их композиционной организации. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в современной лингвистике понятийного аппарата, позволяющего описывать композицию интернет-мема как самостоятельный уровень реализации прецедентности, не сводимый ни к жанровым характеристикам, ни к отдельным прецедентным феноменам. Материалом для исследования послужила целевая выборка шаблонных интернет-мемов, отобранных с сайтов-генераторов визуальных композиций. В работе применяются методы структурно-семантического и дискурсивного анализа, а также элементы интерпретативного подхода. В результате исследования вводится и обосновывается понятие прецедентной композиции как устойчивой, культурно узнаваемой схемы соотнесения вербальных и визуальных компонентов интернет-мема. Предлагается типология прецедентных композиций в зависимости от доминирующего механизма узнавания: интегративная, вербально-опознаваемая и визуально-опознаваемая. Сделан вывод о том, что прецедентность в интернет-мемах реализуется не только на уровне отдельных кодов, но и на уровне композиционной структуры, обеспечивающей вариативность и тиражируемость мемов в цифровой среде.

Ключевые слова: *прецедентная композиция, прецедентные феномены, прецедентность, интернет-мем, поликодовый текст*

K. A. Shchukina

PRECEDENT COMPOSITION AS A LEVEL OF INTERNET MEME ORGANIZATION

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the internet meme as a polycode object of digital communication, the reproducibility and recognizability of which are ensured not only by precedent texts, images, or statements but also by stable methods of their compositional organization. The relevance of the study is due to the lack of a conceptual apparatus in modern linguistics that would allow describing the composition of an internet meme as an independent level of precedent realization, irreducible either to genre characteristics or to individual precedent phenomena. The research material consisted of a targeted selection of templated internet memes from visual composition generator websites. The study employs methods of structural-semantic and discourse analysis, as well as elements of an interpretive approach. As a result, the concept of precedent composition is introduced and substantiated as a stable, culturally recognizable scheme for correlating the verbal and visual components of an internet meme. A typology of precedent compositions is proposed based on the dominant recognition mechanism: integrative, verbally identifiable, and visually identifiable. It is concluded that precedence in internet memes is realized not only at the level of individual codes but also at the level of compositional structure, which ensures the variability and replicability of memes in the digital environment.

Keywords: *precedent composition, precedent phenomena, precedence, internet meme, polycode text*

Введение. Исследование прецедентных феноменов является активной областью изучения в отечественной лингвистике (работы И. В. Захаренко, Д. Б. Гудкова, В. В. Красных [6] Ю. Н. Караулова [9], И. В. Высоцкой [3] и др.). В классической трактовке прецедентность связывается с именами, текстами, высказываниями и ситуациями, обладающими культурной значимостью и воспроизводимостью. Однако в условиях цифровой коммуникации формы актуализации прецедентности претерпевают существенные изменения, что ставит под вопрос достаточность традиционных описательных моделей.

Цифровая среда характеризуется преобладанием поликодовых объектов, в которых смысл формируется на пересечении вербальных и визуальных компонентов. В таких условиях прецедентность все чаще реализуется не в рамках одного кода, а через устойчивые способы их сочетания, что осложняет ее описание в терминах текста, высказывания или ситуации в их классическом понимании.

Показательным объектом, в котором данные процессы проявляются особенно наглядно, является интернет-мем. Мемы широко исследуются как единицы интернет-коммуникации, обладающие прецедентным характером, динамичностью и вариативностью. С. В. Канашина отмечает, что в интернет-мемах встречаются все виды прецедентных феноменов, выделенные в классификации И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, Д. В. Багаевой [8]. Прецедентный характер интернет-мемов как единиц интернет-коммуникации отмечается в работах Ю. В. Щуриной [19] и Л. С. Гуторенко [4]. Как отмечает Л. С. Гуторенко, интернет-мем представляет собой прецедентный феномен, поскольку в его основе «лежит текстовый либо графический образ, многократно воспроизводимый в различных контекстах» [4, с. 83].

Другие исследователи предлагают расширение типологии прецедентных феноменов. Так, относительно рекламного текста Ю. Б. Пикулева [13] и И. В. Высоцкая предлагают выделить прецедентный знак, при этом Ирина Всеволодовна говорит о «графическом элементе, минимальной единице передачи информации (букве, знаке препинания и проч.)» [3, с. 134], а Юлия Борисовна вводит понятие прецедентного культурного знака. Н. П. Пешкова и др. заявляют о «новых формах прецедентного текста в современной интернет-коммуникации», при этом имея в виду эрративы, «вошедшие в состав популярных мемов» [12]. Л. А. Мардиева выделяет прецедентный визуальный феномен [11], к рассмотрению которого мы обращались в нашей статье о трансформациях прецедентных феноменов в интернет-мемах [18]. Е. В. Терентьева и М. В. Милованова, изучая политические мемы, вводят важное для нашей работы понятие «визуального шаблона» как константного ядра мема [15].

Отдельный исследовательский вектор связан с анализом мемов как поликодовых текстов, с точки зрения изучения взаимодействия вербальной и визуальной частей. Ю. Ю. Данилова и Д. Р. Мухаметшина рассматривают мем как поликодовый текст, отмечая особенности композиционной организации поликодовых текстов [5]. А. С. Титлова, опираясь на работы Г. Г. Слышкина и М. А. Ефремовой [14], говорит о прецедентных поликодовых текстах и о прецедентной изобразительной составляющей [19]. Ю. В. Щурина выделяет текстовые мемы, мемы-изображения, медиамемы, гифы и креолизованные мемы [17].

Часть работ посвящена трансформации прецедентных феноменов в интернет-мемах ([2], [16]). Так, О. С. Иссерс рассматривает мем «Наташа и коты», но обращается к нему не с точки зрения функционирования прецедентных феноменов, а с точки зрения трансформации исходного текста [7]. А. А. Левит, анализируя тот же мем, изучает его композиционную модель, однако фокусируется на исследовании единичного случая и его контекстуальной актуализации, не ставя вопрос об обобщении этой модели как самостоятельного, воспроизводимого прецедентного феномена, применимого к широкому кругу интернет-мемов [10]. Это позволяет описывать частные аспекты функционирования мемов,

но не дает инструмента для анализа устойчивых форм их воспроизводимости. Анализ указанных работ показывает, что в центре внимания исследователей оказываются либо трансформации конкретных прецедентных текстов и образов, либо отдельные способы их актуализации в интернет-мемах. При этом воспроизводимость мемов обеспечивается не самим прецедентным источником и не единичным контекстом употребления, а повторяющейся схемой организации вербальных и визуальных компонентов, сохраняющейся при смене конкретного содержания. Данный уровень организации мемов требует самостоятельного теоретического описания.

В связи с этим актуальной представляется задача концептуализации прецедентной композиции интернет-мема как устойчивой формы организации поликодового текста, обеспечивающей его тиражируемость и интерпретируемость при вариативности конкретного наполнения. Введение данного понятия позволяет описывать интернет-мемы на уровне формы воспроизводимости, не сводя анализ ни к жанровым характеристикам, ни к отдельным прецедентным феноменам.

Прецедентную композицию интернет-мема следует отграничивать от ряда смежных понятий. В отличие от жанра, прецедентная композиция не задает совокупность тематических, функциональных и прагматических характеристик текста, а фиксирует устойчивую схему соотнесения вербальных и визуальных компонентов, воспроизводимую в различных коммуникативных контекстах. В отличие от прецедентного феномена в его классическом понимании (прецедентного текста, имени, высказывания или ситуации), прецедентная композиция необязательно связана с конкретным культурным источником и не требует обращения к единому исходному тексту для распознавания; ее узнаваемость обеспечивается не столько отсылкой к прецедентному содержанию как таковому, сколько воспроизводимостью композиционной структуры.

Наконец, прецедентная композиция не сводится к набору инвариантных элементов, поскольку ключевым для нее является не наличие конкретных компонентов, а сохранение схемы их взаимодействия, допускающей значительную вариативность вербального и визуального наполнения. Таким образом, прецедентная композиция понимается в настоящей статье как устойчивая, воспроизводимая и культурно узнаваемая схема организации поликодового текста (в частности, интернет-мема), обеспечивающая его тиражируемость и смысловую интерпретацию при вариативности вербального и / или визуального наполнения.

Целью исследования является описание прецедентной композиции интернет-мема и выявление ее роли в формировании вариативности и воспроизводимости мемов в цифровой среде.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования обусловлена интенсивным развитием цифровых форм коммуникации и возрастанием роли интернет-мемов как значимого элемента современной медиакультуры. Мемы активно участвуют в процессах смыслопорождения, оценки событий и формирования коллективной интерпретации действительности. При этом их устойчивость и воспроизводимость не могут быть объяснены исключительно через призму лексической или интертекстуальной прецедентности.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных интернет-мемам, в современной лингвистике отсутствует понятие, позволяющее описывать композицию мема как самостоятельный прецедентный феномен. Расширение типологии прецедентных феноменов, введение понятий прецедентного знака, визуального прецедентного феномена, анализ визуальных шаблонов и композиционных моделей свидетельствуют о стремлении исследователей зафиксировать устойчивые элементы мемов, однако такие попытки, как правило, остаются локальными и не приводят к формированию обобщающего концептуального аппарата.

Анализ конкретных мемов и их трансформаций показывает, что воспроизводимость интернет-мемов обеспечивается не только наличием прецедентного текста, образа или ситуации,

но и повторяющейся схемой организации вербальных и визуальных компонентов. В исследовании А. А. Левит используется понятие композиционной модели, однако оно применяется преимущественно для описания единичных случаев и не рассматривается как универсальная, культурно узнаваемая и воспроизводимая основа мемов различного типа. Это ограничивает возможности системного анализа интернет-мемов и их сопоставления как устойчивых, но вариативных объектов цифровой коммуникации.

Таким образом, объектом нашего исследования являются поликодовые интернет-мемы как носители прецедентных феноменов и воспроизводимых композиционных моделей, а предметом – собственно прецедентная композиция интернет-мема как устойчивая схема организации вербальных и визуальных компонентов, обеспечивающая его воспроизводимость и вариативность.

Материал и методы исследования. Прецедентная композиция материализована и канонизирована в виде готовых шаблонов на специализированных сайтах. Эти шаблоны, представляя собой зафиксированные визуальные инварианты с предопределенными слотами для вариаций, являются технической основой, которая структурирует творчество пользователей и гарантирует узнаваемость мема.

Материалом исследования послужила целевая выборка интернет-мемов, отобранных с сайта Mem-arsenal (https://www.meme-arsenal.com), предлагающего шаблоны визуальных композиций. Следует отметить, что визуальный блок в рамках использования шаблона на сайте-генераторе является фиксированным, вариативность реализуется только на этапе заполнения предзаданных текстовых полей (что не исключает вариаций визуального блока). Мы выбрали самые популярные шаблоны (данные на 2 января 2026 г.) в разделе «Картинки». Мемы приводятся в порядке следования появления на сайте:

1. «Шепот на ухо»
2. «Наташа, мы все уронили»
3. «Впрочем, это уже совсем другая история» с Леонидом Каневским
4. «Самоуверенный Шариков»
5. «А ты ...» («Ты записался добровольцем?», советский плакат)
6. «Дамы и господа» с Арнольдом Шварцнеггером
7. «Агутин жмет на красную кнопку» / «Отчаянный Агутин»
8. «Нельзя просто так взять и …» (мем с Боромиром)
9. «Без длинных предисловий» с Леонидом Каневским
10. «Многозначительное молчание», мем с Ди Каприо из фильма «Остров проклятых».

Из первоначальной выборки в 10 шаблонов для детального анализа отобраны три: «Самоуверенный Шариков», «Нельзя просто так взять и…» и «Многозначительное молчание». Отбор обусловлен тем, что данные шаблоны наиболее репрезентативно демонстрируют разнообразие композиционных принципов, выявленных в ходе предварительного анализа всей выборки, а именно: 1) сбалансированная композиция в рамках единого изображения; 2) композиция с доминирующей вербальной цитатой; 3) последовательно-нарративная композиция из двух изображений. Выделенные композиционные принципы используются на этапе отбора материала и отражают структурные различия мем-шаблонов; их аналитическое осмысление в терминах механизмов узнавания и воспроизводимости осуществляется в разделе «Результаты и обсуждение».

В работе используются методы структурно-семантического, дискурсивного анализа и элементы интерпретативного подхода. Все перечисленное направлено на выявление инвариантных и вариативных компонентов композиции мема.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ мемов в рамках теории поликодовых текстов ([1], [16]) позволяет рассматривать прецедентную композицию как их инвариантный структурный каркас. Согласно данному подходу, поликодовый текст представляет

собой целостное образование, где вербальные и иконические элементы, находясь в отношениях взаимодополнения или взаимозависимости, совместно обеспечивают комплексное прагматическое воздействие [1].

Прецедентная композиция, будучи устойчивой и воспроизводимой схемой, формализует эти отношения на уровне шаблона. В развитии предварительно выделенных композиционных принципов на материале анализа мемов, созданных с помощью генераторов шаблонов, можно выделить три принципа организации такой композиции, основанных на доминирующем механизме ее узнавания и актуализации:

1. Интегративная композиция (узнавание требует одновременной актуализации обоих кодов): «Самоуверенный Шариков», «Наташа, мы все уронили», «А ты записался добровольцем?», «Дамы и господа», «Отчаянный Агутин».

2. Вербально-опознаваемая композиция (воспроизводимость запускается текстовой формулой): «Нельзя просто так взять и …» (Боромир).

3. Визуально-опознаваемая композиция (узнавание происходит до чтения текста): «Многозначительное молчание», «Шепот на ухо».

Анализ позволяет проследить вариативность текстового / визуального наполнения в рамках устойчивой композиционной модели. В рассматриваемом материале преобладают мемы, в которых вариативность реализуется преимущественно за счет вербального компонента (вариативность визуального наполнения будет являться предметом изучения в дальнейшем. Следует отметить, что она не отменяет самой композиционной структуры, сохраняющейся неизменной).

Анализ интернет-мемов осуществлялся в несколько этапов:

1. Фиксация канонической композиционной модели шаблона;
2. Выделение инвариантных визуальных и / или вербальных элементов;
3. Описание типов допустимой вариативности;
4. Определение способа поликодовой реализации композиции;
5. Интерпретация коммуникативного эффекта воспроизводимости композиционной структуры.

Перейдем к подробному рассмотрению различных типов прецедентной композиции.

1. Интегративная композиция: «Самоуверенный Шариков».

«В сентябре 2023 года в телеграме стал распространяться кадр с самоуверенным Шариковым, который сидит на диване в костюме и смотрит вперед. В его взгляде видно явное превосходство, вот только любой понимает, что превосходство это исключительно вымышленное. (…) ключевым для мема остается отсутствие логики и здравого смысла в рассуждениях персонажа» (см. Неолурк, «Шариков на диване»[1])

1. Каноническая композиционная модель шаблона.

Шариков, который сидит на диване в костюме и смотрит вперед. В его взгляде видно явное превосходство.

2. Инвариантные визуальные и / или вербальные элементы.

Визуальный инвариант: устойчивая композиция, заимствованная из фильма «Собачье сердце» (реж. В. Бортко, 1988). Ключевой элемент – поза Полиграфа Полиграфовича Шарикова, развалившегося на диване с выражением наивной самоуверенности и непоколебимой убежденности в своей правоте.

Вербальный инвариант (двухчастная текстовая схема): текстовая составляющая представляет собой жестко структурированный диалог с самим собой, состоящий из двух семантически и логически связанных блоков:

[1] Неолурк, «Шариков на диване»: https://neolurk.org/wiki/%D0%A8%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%BD%D0%B0_%D0%B4%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B5, дата обращения 04.01.2026

– верхний блок (тезис / наивное намерение): высказывание, формулирующее цель, план или желаемое состояние, часто с оттенком грандиозности или простоты. Выражается, как правило, глаголом в будущем времени.

– нижний блок (мнимый вывод / абсурдное следствие): высказывание, которое формально претендует на роль логического или практического следствия из верхнего блока. Однако при минимальной рациональной проверке это следствие обнаруживает свою ложность, несостоятельность или абсурдность. Оно демонстрирует глубокое непонимание Шариковым причинно-следственных связей, системных ограничений или собственной некомпетентности.

Рисунок 1[2]

Рисунок 2[3]

3. Допустимая вариативность.

Визуальный вариант: замена лица Шарикова на другое лицо, добавление значимых символов (одеяло, шапка Мономаха).

Изменение лексического наполнения вербального блока с сохранением двухчастной текстовой схемы, представляющей собой внутренний диалог с наивным намерением и абсурдным следствием: «На работу с зп 50 тысяч устроюсь – за 4 месяца 200 тысяч накоплю» (рис. 1), «Сейчас поженимся, родим. – И он сразу изменится, перестанет бухать, будет достойным мужчиной» (рис. 2), «Щас лиры напечатаем – проблемы в экономике будем решать».

4. Способ поликодовой реализации композиции.

В данном случае реализуется сбалансированная поликодовая композиция, при которой визуальный и вербальный компоненты являются взаимозависимыми и совместно обеспечивают узнаваемость и интерпретацию мема: визуальный образ задает оценочную рамку персонажа, а вербальная структура – механизм смыслового несоответствия.

5. Интерпретация коммуникативного эффекта воспроизводимости композиционной структуры.

Интерпретационный эффект прецедентной композиции основан на предварительном распознавании визуального образа как знака персонажа, чья самоуверенность не соотносится с реальной компетентностью. Узнавание данной композиции задает интерпретационную рамку, в пределах которой любое вербальное высказывание автоматически считывается как наивное или логически несостоятельное. Воспроизводимость композиционной модели обеспечивает мгновенное соотнесение нового текстового содержания

[2] Материал сайта «Лента.ру»: https://lenta.ru/news/2023/10/08/sharikov_meme/

[3] Материал сайта «Фишки.нет»: https://fishki.net/4536503-kak-pojavilsja-mem-pro-samouverennogo-sharikova.html

с устойчивым оценочным сценарием, что позволяет достигать комического эффекта без необходимости дополнительного контекстуального пояснения.

Именно эта комбинация неизменного визуального знака и неизменной логической структуры высказывания формирует прецедентную композицию, допускающую потенциально неограниченное варьирование поверхностного текстового содержания.

2. Вербально-опознаваемая композиция: «Нельзя просто так взять и ...» (Боромир).

Мем представляет собой кадр из фильма «Властелин колец» с актером Шоном Бином в роли Боромира: персонаж делает характерный жест рукой (большой и указательный пальцы соединены в кольцо), взгляд направлен в сторону, рот приоткрыт, как будто он произносит фразу.

1. Каноническая композиционная модель шаблона.

Кадр с Боромиром сопровождается двухчастной текстовой конструкцией: в верхнем блоке размещается прецедентное высказывание «Нельзя просто так взять и…», в нижнем – текст, называющий сложное, абсурдное или практически невозможное действие.

2. Инвариантные визуальные и / или вербальные элементы.

Визуальный инвариант: кадр с Боромиром с характерным жестом руки и выражением лица. Ключевые элементы: жест + мимика.

Вербальный инвариант (двухчастная текстовая схема), сочетающий два семантически и логически связанных блока:

– верхний блок: прецедентное высказывание, текст блока не изменяется.

– нижний блок: текст, называющий абсурдную, сложную или невозможную задачу (*сделать X*).

Инвариантом для данного мема является комплекс «жест + взгляд + вербальная конструкция».

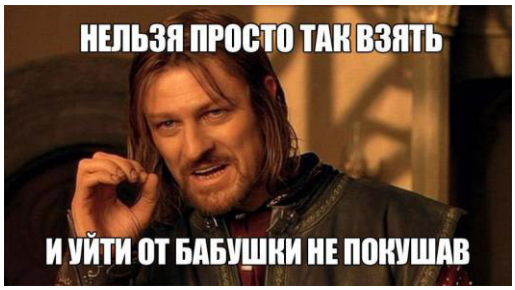

Рисунок 3[4]

3. Описание типов допустимой вариативности.

Визуальный блок чаще всего остается неизменным; возможны варианты замены персонажа с сохранением выражения лица и жеста, однако подобные трансформации являются маргинальными и подтверждают доминирующую роль оригинального образа как основного носителя данной схемы. В рамках нашего исследования мы фокусируемся на анализе канонических, наиболее распространенных воплощений шаблонов.

Текст верхнего блока не изменяется, в нижнем возможны варианты: «… и напечатать статью о мемах», «… и стать интернет-мемом», «… уйти от бабушки не покушав» (рис. 3).

Композиция опознается по устойчивой текстовой схеме, тогда как визуальный образ выполняет функцию интерпретационного якоря.

[4] Материал сайта Словароид, «Нельзя просто так взять и ...»: https://slovaroid.ru/slova/nelzya-prosto-tak-vzyat-i/

4. Способ поликодовой реализации композиции.

Реализуется асимметричная поликодовая композиция с доминированием вербального кода. Жесткая вербальная конструкция-цитата выступает инвариантным сценарным каркасом. Визуальный компонент (жест, мимика Боромира) выполняет подчиненную, маркирующую функцию: он служит семиотическим якорем, идентифицирующим источник.

5. Интерпретация коммуникативного эффекта воспроизводимости композиционной структуры.

Интерпретационный эффект основан на распознавании визуального образа персонажа и фразы «Нельзя просто так взять и ...» и используется в случаях, когда какое-л. действие кажется простым, но таковым не является (ирония и гиперболизация). Воспроизводимость композиционной модели обеспечивает мгновенное соотнесение нового текстового содержания с устойчивым сценарием, что позволяет достигать комического эффекта без необходимости дополнительного контекстуального пояснения.

3. Визуально-опознаваемая композиция: «Многозначительное молчание».

Мем «Многозначительное молчание» представляет собой двухпанельный комикс, основанный на кадрах из фильма «Остров проклятых» (2009).

1. Каноническая композиционная модель шаблона.

Композиция строго фиксирована: на верхней панели – момент диалога, где персонаж А (М. Руффало) обращается к персонажу Б (Л. Ди Каприо), чье лицо скрыто от зрителя; на нижней панели – реакция персонажа Б, демонстрирующая его молчаливую, негативную оценку слов собеседника через выражение лица и отвернутый взгляд.

2. Инвариантные визуальные и / или вербальные элементы.

Визуальный инвариант представляет собой канонический шаблон. Ключевой элемент: реакция персонажа Б (Ди Каприо).

Для вербального инварианта обязательным является первый текстовый блок, семантически соотнесенный с верхней панелью. Он выполняет функцию провокативного высказывания (чаще всего вопроса) персонажа А (Марка Руффало), которое и вызывает реакцию.

Второй текстовый блок является факультативным. Его наличие или отсутствие не нарушает целостности шаблона, а, напротив, реализует два варианта реализации одной композиции:

– вариант А (молчание, рис. 4): Второй блок отсутствует, собственно реакцией является красноречивое отсутствие вербального ответа, что и отражено в названии мема («многозначительное молчание»). Вся смысловая нагрузка ложится на визуал (мимику Ди Каприо).

– вариант Б (саркастическая реплика, рис. 5): Второй блок присутствует в виде одного утверждения. Он вербализует внутреннюю, саркастическую реакцию персонажа Ди Каприо, имплицитно содержащуюся в его мимике. Это делает скрытый подтекст явным.

Таким образом, вербальный инвариант представляет собой диалог между персонажами: «провокация + молчание / саркастический комментарий)».

3. Допустимая вариативность.

Визуальный ряд абсолютно фиксирован. Вербальный ряд вариативен в содержании, но жестко задан по функции: верхний текст представляет собой реплику-провокацию, нижний текст либо отсутствует и дает возможность разглядеть мимику Ди Каприо, либо вербализует саркастическую реакцию его персонажа.

4. Способ поликодовой реализации композиции.

Реализуется асимметричная поликодовая композиция с визуальным доминированием. Визуальный ряд выполняет основную смыслообразующую и сюжетную функцию: он представляет собой законченный сценарий «провокация → невербальная реакция».

Вербальный ряд выполняет факультативно-уточняющую функцию: верхний текст конкретизирует контекст провокации, а нижний (при его наличии) эксплицирует внутреннюю реакцию, уже закодированную в мимике. Таким образом, визуальный компонент является смысловым инвариантом, а вербальный – вариативным инструментом его контекстуальной адаптации.

Рисунок 4[5]

Рисунок 5[6]

5. Интерпретация коммуникативного эффекта воспроизводимости композиционной структуры.

Эффект основан на узнавании сценария «коммуникативного сбоя» или «неловкости». Воспроизводимость композиционной структуры позволяет проецировать сложную эмоциональную динамику киносцены на любой бытовой или абсурдный диалог. Формат двухпанельного комикса обеспечивает мгновенную читаемость истории, где кульминацией становится интенсивность невербальной реакции – взгляд и мимика, наделенные огромной выразительной силой. Комический эффект создается за счет контраста между банальностью провокации, выраженной в тексте, и интенсивностью невербальной реакции в визуальной части.

Анализ материала показывает, что в ряде интернет-мемов воспроизводится не конкретный текст или изображение, а устойчивая композиция, включающая соотнесение визуального и вербального компонентов, что обеспечивает узнаваемость мема даже при полной замене текстового наполнения и частичной трансформации визуального элемента.

Прецедентная композиция интернет-мема может быть описана как инвариантная схема соотнесения кодов, в рамках которой возможна значительная вариативность конкретных реализаций. В большинстве случаев она предполагает наличие визуального элемента, задающего ситуацию или эмоциональный фон, и вербального элемента, осуществляющего интерпретационный сдвиг. Однако ключевым является не наличие конкретных компонентов, а сохранение самой схемы их взаимодействия.

Полученные результаты позволяют утверждать, что прецедентность в интернет-мемах реализуется не только на уровне текста или изображения, но и на уровне композиции. Это объясняет устойчивость мемов при их активной трансформации и тиражировании.

[5] Материал сайта Мем-Арсенал: https://www.meme-arsenal.com/create/meme/9796733
[6] Материал сайта Пикабу: https://pikabu.ru/story/da_yeto_piter_12625249

Ограничением исследования является фокус на мемах, основанных на шаблонах визуальных композиций; случаи совмещения различных прецедентных моделей и намеренного нарушения композиционного инварианта остаются за рамками настоящей работы и требуют отдельного анализа.

Выводы. В статье предложено и обосновано понятие прецедентной композиции как аналитического инструмента для описания интернет-мемов в условиях цифровой коммуникации. Показано, что в современной медиасреде прецедентность все чаще реализуется не через отдельные тексты, образы или высказывания, а через устойчивые схемы организации поликодовых объектов, обеспечивающие их воспроизводимость и узнаваемость.

Анализ существующих подходов к изучению интернет-мемов позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на активное развитие исследований в данной области, описание мемов остается фрагментарным: внимание сосредоточено либо на отдельных кодах (вербальном или визуальном), либо на конкретных прецедентных феноменах и единичных кейсах. В результате воспроизводимая форма мема как целостного объекта оказывается недостаточно концептуализированной.

Введенное в статье понятие прецедентной композиции позволяет описывать интернет-мемы на уровне устойчивой структуры, не сводимой ни к жанровым характеристикам, ни к сценариям интерпретации, ни к совокупности инвариантных элементов. Прецедентная композиция рассматривается как культурно узнаваемая и воспроизводимая схема организации поликодового текста, допускающая вариативность конкретного вербального и визуального наполнения.

Показано, что большинство шаблонных интернет-мемов опирается именно на прецедентную композицию, которая задает границы допустимой вариативности и обеспечивает возможность тиражирования мема в цифровой среде. При этом поликодовый характер мемов носит системный характер: даже в случаях редукции одного из кодов композиционная схема продолжает функционировать как основа узнаваемости.

Предложенный подход позволяет по-новому взглянуть на соотношение прецедентности и формы в цифровой коммуникации и открывает перспективы дальнейших исследований, связанных с описанием редукций прецедентной композиции, механизмов игры прецедентности, а также сценариев интерпретации и воспроизводства мемов. Введение понятия прецедентной композиции создает основу для более последовательного и непротиворечивого анализа интернет-мемов как устойчивых, но динамичных объектов современной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. – М., 2003. – 128 с.

2. *Бакич (Самыличева) Н. А.* Трансформация прецедентных феноменов в медийном тексте как проявление речевой креативности [Электронный ресурс] // Вестник ННГУ. – 2018. – № 5. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-pretsedentnyh-fenomenov-v-mediynom-tekste-kak-proyavlenie-rechevoy-kreativnosti (дата обращения: 03.01.2026).

3. *Высоцкая И. В.* О прецедентном знаке [Электронный ресурс] // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – № 6. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/o-pretsedentnom-znake (дата обращения: 03.01.2026).

4. *Гуторенко Л. С.* Прецедентность в креолизованных текстах комического характера в современной интернет-коммуникации (на материале английского языка) // Филол. науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3-3. – С. 82–85.

5. *Данилова Ю. Ю., Мухаметшина Д. Р.* Интертекстуальность и прецедентные ситуации в мемах об уходе брендов из России // Научный диалог. – 2025. – Т. 14, № 5. – С. 183–204. – DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-5-183-204.

6. *Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В.* Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. – 1997. – № 1. – С. 82–103.

7. *Иссерс О. С.* Потенциал трансформаций поликодового интернет-мема в событийном контексте 2020 года [Электронный ресурс] // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2021. – № 2. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-transformatsiy-polikodovogo-internet-mema-v-sobytiynom-kontekste-2020-goda (дата обращения: 02.01.2026).

8. *Канашина С. В.* Интернет-мем и прецедентный феномен [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. – 2018. – № 4(193). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-i-pretsedentnyy-fenomen (дата обращения: 17.01.2026).

9. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с .

10. *Левит А. А.* Актуализация модели «Наташа и коты» в демотиваторах, посвященных массовой самоизоляции и пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] // МНИЖ. – 2022. – № 10(124). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-modeli-natasha-i-koty-v-demotivatorah-posvyaschennyh-massovoy-samoizolyatsii-i-pandemii-covid-19 (дата обращения: 02.01.2026).

11. *Мардиева Л. А.* Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – № 3. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivnaya-kulturnaya-pamyat-obschestva-pretsedentnye-vizualnye-obrazy-i-fenomeny (дата обращения: 05.07.2023).

12. *Пешкова Н. П., Моисеева А. Г., Титлова А. С.* Новые формы прецедентного текста в современной интернет-коммуникации [Электронный ресурс] // Вопросы психолингвистики. – 2024. – № 2(60). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/novye-formy-pretsedentnogo-teksta-v-sovremennoy-internet-kommunikatsii (дата обращения: 09.01.2026).

13. *Пикулева Ю. Б.* О степени прецедентности советских культурных знаков в современной рекламе // Советское прошлое и культура настоящего : монография в 2 т. Т. 1. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 148–162.

14. *Слышкин Г. Г., Ефремова М. А.* Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). – М. : Водолей Publishers, 2004. – 153 с.

15. *Терентьева Е. В., Милованова М. В.* Политические интернет-мемы в современной российской интернет-коммуникации [Электронный ресурс] // МНКО. – 2022. – № 4(95). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-internet-memy-v-sovremennoy-rossiyskoy-internet-kommunikatsii (дата обращения: 03.01.2026).

16. *Чернявская В. Е.* Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты [Электронный ресурс] // Вестник ИГЛУ. – 2013. – № 2(23). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/medialnyy-povorot-v-lingvistike-polikodovye-i-gibridnye-teksty (дата обращения: 13.01.2026).

17. *Щурина Ю. В.* Интернет-мемы: проблема типологии // Вестн. Череповец. гос. ун-та. – 2014. – № 6. – С. 85–89.

18. *Shchukina K. A., Smirnova T. V.* Transformations of precedent phenomena in the polycode internet meme (based on the cats and fishes meme) // Literature, Language and Computing: Russian Contribution from the LiLaC-2023. – St. Petersburg : Springer, 2025. – С. 231–241.

19. *Titlova A. S.* Memetics as one of the forms of internet text precedence [Электронный ресурс] // Russian Linguistic Bulletin. – 2021. – № 1(25). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/memetics-as-one-of-the-forms-of-internet-text-precedence (дата обращения: 17.01.2026).

Статья поступила в редакцию 18.01.2026

REFERENCES

1. Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaia kommunikatsiia. – M., 2003. – 128 s.

2. Bakich (Samyliceva) N. A. Transformatsiia pretsedentnykh fenomenov v mediynom tekste kak proiavlenie rechevoy kreativnosti [Elektronnyj resurs] // Vestnik NNGU. – 2018. – № 5. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-pretsedentnyh-fenomenov-v-mediynom-tekste-kak-proyavlenie-rechevoy-kreativnosti (data obrashcheniya: 03.01.2026).

3. Vysotskaia I. V. O pretsedentnom znake [Elektronnyj resurs] // Vestnik NGU. Seriia: Istoriia, filologiia. – 2012. – № 6. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/o-pretsedentnom-znake (data obrashcheniya: 03.01.2026).

4. Gutorienko L. S. Pretsedentnost' v kreolizovannykh tekstakh komicheskogo kharaktera v sovremennoy internet-kommunikatsii (na materiale angliyskogo yazyka) // Filol. nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2017. – № 3-3. – S. 82–85.

5. Danilova Iu. Iu., Mukhametshina D. R. Intertekstual'nost' i pretsedentnye situatsii v memakh ob ukhode brendov iz Rossii // Nauchnyi dialog. – 2025. – T. 14, № 5. – S. 183–204. – DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-5-183-204.

6. Zakharenko I. V., Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Bagaeva D. V. Pretsedentnoe imia i pretsedentnoe vyskazyvanie kak simvoly pretsedentnykh fenomenov // Iazyk, soznanie, kommunikatsiia. – 1997. – № 1. – S. 82–103.

7. Issers O. S. Potentsial transformatsiy polikodovogo internet-mema v sobytiynom kontekste 2020 goda [Elektronnyj resurs] // Vestnik VolGU. Seriia 2: Yazykoznanie. – 2021. – № 2. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-transformatsiy-polikodovogo-internet-mema-v-sobytiynom-kontekste-2020-goda (data obrashcheniya: 02.01.2026).

8. Kanashina S. V. Internet-mem i pretsedentnyy fenomen [Elektronnyj resurs] // Vestnik TGPU. – 2018. – № 4(193). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-i-pretsedentnyy-fenomen (data obrashcheniya: 17.01.2026).

9. Karaulov Iu . N . Russkii yazyk i iazykovaia lichnost'. – M. : Izd-vo LKI, 2010. – 264 s .

10. Levit A. A. Aktualizatsiia modeli «Natasha i koty» v demotivatorakh, posviashchennykh massovoi samoizoliatsii i pandemii COVID-19 [Elektronnyj resurs] // MNIZh. – 2022. – № 10(124). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-modeli-natasha-i-koty-v-demotivatorah-posvyaschennyh-massovoy-samoizolyatsii-i-pandemii-covid-19 (data obrashcheniya: 02.01.2026).

11. Mardieva L. A. Kollektivnaia kul'turnaia pamiat' obshchestva (pretsedentnye vizual'nye obrazy i fenomeny) [Elektronnyj resurs] // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiia. – 2011. – № 3. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivnaya-kulturnaya-pamyat-obschestva-pretsedentnye-vizualnye-obrazy-i-fenomeny (data obrashcheniia: 05.07.2023).

12. Peshkova N. P., Moiseeva A. G., Titlova A. S. Novye formy pretsedentnogo teksta v sovremennoy internet-kommunikatsii [Elektronnyj resurs] // Voprosy psikholingvistiki. – 2024. – № 2(60). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/novye-formy-pretsedentnogo-teksta-v-sovremennoy-internet-kommunikatsii (data obrashcheniya: 09.01.2026).

13. Pikuleva Iu. B. O stepeni pretsedentnosti sovetskikh kul'turnykh znakov v sovremennoy reklame // Sovetskoe proshloe i kul'tura nastoiashchego : monografiia v 2 t. T. 1. – Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2009. – S. 148–162.

14. Slyshkin G. G., Efremova M. A. Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza). – M. : Vodolei Publishers, 2004. – 153 s.

15. Terent'eva E. V., Milovanova M. V. Politicheskie internet-memy v sovremennoy rossiyskoy internet-kommunikatsii [Elektronnyj resurs] // MNKO. – 2022. – № 4(95). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-internet-memy-v-sovremennoy-rossiyskoy-internet-kommunikatsii (data obrashcheniya: 03.01.2026).

16. Cherniavskaya V. E. Medial'nyy povorot v lingvistike: polikodovye i gibridnye teksty [Elektronnyj resurs] // Vestnik IGLU. – 2013. – № 2(23). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/medialnyy-povorot-v-lingvistike-polikodovye-i-gibridnye-teksty (data obrashcheniya: 13.01.2026).

17. Shchurina Iu. V. Internet-memy: problema tipologii // Vestn. Cherepovets. gos. un-ta. – 2014b. – № 6. – S. 85–89.

18. Shchukina K. A., Smirnova T. V. Transformations of precedent phenomena in the polycode internet meme (based on the cats and fishes meme) // Literature, Language and Computing: Russian Contribution from the LiLaC-2023. – St. Petersburg : Springer, 2025. – S. 231–241.

19. Titlova A. S. Memetics as one of the forms of internet text precedence [Elektronnyj resurs] // Russian Linguistic Bulletin. – 2021. – № 1(25). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/memetics-as-one-of-the-forms-of-internet-text-precedence (data obrashcheniya: 17.01.2026).

The article was contributed on January 18, 2026

Сведения об авторе

Щукина Кира Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, Россия, https://orcid.org/0000-0002-0573-173X, k.shukina@spbu.ru, kira_a@list.ru

Author Information

Shchukina, Kira Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Teaching, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, https://orcid.org/0000-0002-0573-173X, k.shukina@spbu.ru, kira_a@list.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.147:808.51 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.030

Д. А. Мазилина

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА: КОНТЕКСТНЫЙ ПОДХОД

Медицинский университет им. Б. В. Петровского (ФГБНУ «Российский научный центр хирургии имени академика Б. В. Петровского»), г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены особенности обучения публичной речи студентов медицинского вуза в контексте их будущей профессии. Актуальность исследования обусловлена поиском эффективных подходов к формированию у будущих врачей коммуникативной компетенции, являющейся необходимым условием их успешной самореализации в профессиональной сфере.

Автором уделено внимание вопросу формирования и развития навыков публичного выступления как важной составляющей коммуникативной компетенции. Проанализировано современное состояние проблемы обучения медицинской риторике, обоснована целесообразность применения контекстного подхода в обучении дисциплине «Русский язык и основы деловой коммуникации».

В ходе исследования показан пример реализации контекстного подхода при развитии навыков публичного выступления в процессе обучения информирующей речи студентов 1-го курса медицинского вуза. Разработаны и апробированы практические задания, направленные на анализ образцов информирующей речи и ее создание.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что применение контекстного подхода в преподавании усиливает мотивацию обучающихся к работе за счет их погружения в материал, связанный с будущей профессиональной деятельностью. Предложенные задания побуждают студентов совершать речемыслительные действия, важные для развития качеств клинического мышления и навыков публичного выступления.

Ключевые слова: *навыки публичного выступления, контекстный подход, коммуникативная компетенция будущих врачей, информирующая речь, медицинская риторика, риторика*

D. A. Mazilina

FORMATION OF PUBLIC SPEAKING SKILLS AMONG MEDICAL UNIVERSITY STUDENTS: CONTEXTUAL APPROACH

Petrovsky Medical University (Petrovsky National Research Centre of Surgery), Moscow, Russia

Abstract. The article examines the features of teaching public speech to medical university students in the context of their future profession. The relevance of the study is determined by the search for

effective approaches to the formation of future doctors' communicative competence, which is an indispensable condition for their successful self-realization in the professional field.

The author pays attention to the issue of formation and development of public speaking skills as an important component of communication competence. The current state of the problem of teaching medical rhetoric is analyzed, and the expediency of using a contextual approach in teaching the discipline "Russian Language and Basics of Business Communication" is substantiated.

The study showed an example of the implementation of a contextual approach in the development of public speaking skills in the process of teaching informative speech to first-year medical university students. Practical tasks aimed at analyzing samples of informing speech and its creation were developed and tested.

Based on the conducted research, it can be concluded that the use of a contextual approach in teaching enhances the motivation of students to work by immersing them in the material related to future professional activities. The proposed tasks encourage students to perform speech-thinking actions that are important for developing the qualities of clinical thinking and public speaking skills.

Keywords: *public speaking skills, contextual approach, communicative competence of future doctors, informative speech, medical rhetoric, rhetoric*

Введение. К уровню развития коммуникативной компетенции современного врача предъявляются достаточно высокие требования. Во ФГОС ВО для специалитета направления *31.05.01 Лечебное дело* сказано о такой универсальной компетенции, как «Коммуникация»: будущий врач должен уметь «применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном(ых) языке(ах), для академического и профессионального взаимодействия» [16]. Без умения осуществлять коммуникацию невозможно достижение высоких результатов в различных сферах профессиональной деятельности, в том числе и в медицинской сфере.

По мнению ряда исследователей, коммуникативная компетентность является важнейшей составляющей общей профессиональной компетентности будущего медицинского работника и включает в себя такт, корректность, самообладание, способность проявлять толерантность ([3], [7], [12]). Необходимость эффективного ежедневного взаимодействия с пациентами и коллегами требует от врача коммуникабельности, умений вести переговоры, конструктивно разрешать конфликты и успешно доносить информацию до аудитории. Последнее отсылает к вопросу о формировании и развитии навыков публичного выступления у студентов медицинского вуза как важной составляющей их коммуникативной компетенции, что является предметом рассмотрения в данной статье.

В речевой деятельности врачей не так часто встречаются ситуации, обязывающие их выступать перед аудиторией, но все же, помимо индивидуального приема пациентов, им предстоит информировать население об основах здорового образа жизни, участвовать в конференциях, семинарах и форумах, консилиумах и совещаниях. Владеющий навыками публичного выступления специалист будет более успешно решать задачи в рамках разнообразных коммуникативных ситуаций, увереннее взаимодействовать с разными людьми. Таким образом, проблема исследования заключается в необходимости поиска эффективных подходов к формированию навыков публичного выступления у будущих врачей в процессе изучения дисциплины «Русский язык и основы деловой коммуникации».

Сказанное выше обусловливает цель нашего исследования – выявление и анализ основных подходов к формированию навыков публичного выступления у студентов медицинского вуза в контексте их будущей профессии. В соответствии с указанной целью определены следующие задачи:

1) определение особенностей контекстного подхода в обучении публичному выступлению будущих врачей;

2) разработка и апробирование практических заданий для обучения публичной речи (на примере информирующей речи), способствующих формированию навыков публичного выступления у студентов медицинского вуза.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью поиска эффективных средств обучения студентов-медиков основам публичного выступления, что является важным аспектом формирования коммуникативной компетенции, столь необходимой специалистам медицинской сферы для осуществления эффективного речевого взаимодействия в своей профессиональной деятельности.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили устные тексты публичных выступлений студентов 1 курса медицинского университета. В работе использовались такие методы исследования, как теоретический анализ научной, методической и учебной литературы, систематизация и обобщение фактического материала, полученного в результате педагогического наблюдения и проведения опроса, анкетирования, беседы. Указанные методы позволили определить методологические основы исследования и сформулировать собственную позицию.

Результаты исследования и их обсуждение. В нашей работе мы ориентировались на контекстный подход в обучении, исследованный в трудах А. А. Вербицкого: согласно данному подходу, изучение всех дисциплин должно происходить в контексте содержания будущей профессиональной деятельности обучающихся [4]. Следование контекстному подходу в обучении будущих врачей дисциплине «Русский язык и основы деловой коммуникации» требует от преподавателя ориентироваться на важные для них профессиональные качества и стремиться отбирать учебный материал, связанный с медицинской сферой.

Формируя навыки публичных выступлений, мы обращаем внимание на такую организацию работы, которая способствует развитию у обучающихся клинического мышления, являющегося важной проблемой медицинского образования в целом. О. М. Кузьминов, Л. А. Пшеничных, Л. А. Крупенькина под клиническим мышлением понимают профессиональный навык, который «предполагает на основе теоретических и эмпирических знаний решение нестандартных задач, внесение коррекций в процессе получения новых фактов» [10, с. 419]. Некоторые исследователи выделяют такую особенность клинического мышления, как «критическое отношение к своим решениям, касающимся диагностики и лечения» [13, с. 430]. Очевидно наличие требований к особенностям мышления врача при осуществлении им интеллектуальной деятельности: необходимо уметь работать с полученными сведениями, анализируя и достаточно точно интерпретируя информацию, при необходимости своевременно менять ход решения на более правильный.

К вопросу формирования важных для клинического мышления речемыслительных качеств в процессе обучения медицинской риторике обращалась Е. Н. Гринько при разработке собственной концепции: исследователь предположил, что классический риторический канон может являться базой формирования речемыслительной и коммуникативной культуры врача [6]. Мы соглашаемся с данной позицией. К примеру, составление публичной речи предполагает проработку большого количества источников при отборе материала, что помогает совершенствовать аналитические и синтетические навыки работы с информацией, развивает умение выделять главное и второстепенное. Планирование структуры текста выступления и отбор аргументов с учетом анализа особенностей и ожиданий предполагаемой аудитории в процессе составления речи, а также внимательный самоанализ после ее произнесения перед слушателями способствуют развитию логического и критического мышления, эмпатии. Работа над подготовкой публичного выступления на медицинскую тему побуждает студентов погружаться также и в проблемы, связанные с их будущей профессиональной деятельностью. Получается целесообразным предположение, что изучение речеведческих дисциплин способно внести некоторый вклад в решение

проблемы формирования клинического мышления у студентов, развивая отдельные важные для него качества.

Следует отметить, что особенности медицинской риторики и специфика обучения ей студентов медицинского вуза недостаточно освещены: в настоящее время можно выделить не так много работ, посвященных указанной проблематике. Так, известны элективный учебник «Медицинская риторика» А. Ф. Краснова, И. Н. Денисова, Р. Б. Ахмедзянова (2005 г.) [9] и учебное пособие Е. Н. Гринько с таким же названием (2018 г.) [6].

Е. В. Орловой разработан элективный курс «Практическая риторика» (2003 г.), в котором студенты получают представление об основных понятиях и категориях практической риторики, обучаются правильно строить монологическое и диалогическое высказывание, соблюдая языковые нормы [14].

М. Р. Савова считает необходимым для развития риторической компетенции у студентов медицинского вуза введение общей риторики на младших курсах и медицинской риторики на старших с целью развития специальных компетенций [15]. Также исследователь пишет о важности курса педагогической риторики для преподавателей медицинских вузов, в котором должна быть реализация коммуникативного, прагматического, деятельностного, текстового методических подходов [15].

О. Ф. Кучеренко рассматривает проблему формирования навыков публичного выступления у обучающихся медицинских вузов, планирующих пройти подготовку для руководителей медицинских учреждений и предприятий санитарно-гигиенических организаций; автором изложены требования к профессиональной речи врачей и обозначены методы формирования ораторских умений [11].

В учебном пособии «Медицинская риторика» (2018 г.) Е. Н. Гринько представляет концепцию, основанную на специфике работы врача, опоре на примеры из области медицины и медицинского дискурса, включающую изучение классического риторического канона как базы формирования речемыслительной культуры студентов-медиков [6].

А. С. Крайнова рассматривает риторику в медицинском вузе как самостоятельный модуль в рамках дисциплины «Русский язык и речевая культура», связанный с особенностями профессионального медицинского дискурса [8].

Таким образом, в последние десятилетия наблюдается возрастающее внимание к мало разработанной проблеме обучения будущих врачей основам медицинской риторики, что отражает некоторые особенности реализации контекстного подхода: опора на основы классической риторики в сочетании с речевыми ситуациями из медицинской сферы, медицинского дискурса. Обучение публичной речи приобретает прагматический характер, приближающий студентов к их будущей профессии, но при этом, с нашей точки зрения, остается методическая проблема поиска образцов публичной речи на медицинскую тему для отработки навыков публичных выступлений в различных коммуникативных ситуациях.

В настоящее время в методике преподавания риторики наблюдается огромное разнообразие подходов к обучению публичной речи, что можно наблюдать в научной, методической и учебной литературе. Рассмотрим некоторые позиции, которые, на наш взгляд, заслуживают особого внимания при обучении студентов основам построения и произнесения публичной речи.

А. А. Волков считает выработанные в риторике категории – логос, пафос и этос – значимыми для всех дисциплин филологии, уделяя особое внимание этосу как предмету риторики: «Именно этос определяет логос и пафос высказывания, которые ограничиваются требованием уместности» [5, с. 143]. Он трактуется ученым как «способность создавать целесообразные высказывания, приемлемые для адресата и организующие его сознание и деятельность» [5, с. 139]. Понимание особой роли этоса в создании высказывания призывает отнестись ответственно к этапу планирования публичного выступления,

где рождается замысел будущей речи, определяющий ее содержание. Именно здесь важно задуматься об интересах аудитории, к которой будет обращена публичная речь, постараться понять, какие требования она будет предъявлять к оратору и его высказыванию. Данный аспект особенно важен и для врачей, работающих с большим количеством коллег и пациентов.

В. И. Аннушкин считает необходимым развивать речевые способности обучающихся в трех основных направлениях: «... необходимо, чтобы совершенствовалась собственная изобретательность в создаваемых речах, предлагались образцы речей, тренировался речевой аппарат в технических упражнениях» [2, с. 66]. Среди ключевых проблем современного обучения риторике ученый выделяет не только преподнесение теоретического материала по дисциплине, но и совершенствование речевой культуры, воспитание личности, «представление оптимальных, эстетически совершенных образцов; практическое “зажигательное” обучение хорошей речи через написание и произнесение разнотемных текстов, декламацию образцов и краткие занятия техникой речи» [1, с. 25]. Таким образом, для формирования навыков публичного выступления в процессе преподавания риторики важно делать акцент на анализе образцовых текстов мастеров слова, практике создания и произнесения собственных текстов выступления, что позволит отрабатывать технику речи. Но при этом немаловажным остается вопрос о развитии культуры речи оратора, которая будет проявлять себя не только в наличии или отсутствии ошибок, но и в соблюдении этического (следование нормам морали и этикета) и коммуникативного (умение выстроить и преподнести высказывание в более уместной для данной речевой ситуации форме) аспектов.

В учебных планах медицинских университетов риторика как отдельная дисциплина не предусмотрена, поэтому она обычно включена в качестве отдельного раздела в курс русского языка (в нашем случае подобный курс носит название «Русский язык и основы деловой коммуникации»), который изучается в течение одного семестра. Остановимся подробнее на примере реализации нами контекстного подхода при обучении информирующей публичной речи студентов 1-го курса медицинского вуза.

К информирующей речи как разновидности публичных выступлений врач обращается при просвещении и информировании населения, при передаче знаний коллегам и студентам, при выступлении на совещаниях и т. п. В связи с этим информирующее публичное выступление на профессиональную тему заслуживает особого внимания в нашей практике преподавания.

После рассмотрения теоретических основ риторики мы приступаем к более подробному изучению особенностей информирующей речи и рассматриваем примеры ее жанров, выбирая тексты на медицинскую тему, которые могут служить риторическими образцами. Мы предлагали студентам знакомство с фрагментами вступительной лекции знаменитого советского хирурга С. С. Юдина «Образы прошлого и силуэты некоторых военно-полевых хирургов», посвященными Н. И. Пирогову [17]. Выбор данного текста обусловлен не только его связью с медицинской проблематикой: он содержит актуальные для студентов сведения по истории медицины и представляет собой образец богатой разнообразными риторическими приемами речи. Врач-ученый, демонстрирующий безупречное владение культурой речи и широкий кругозор, является авторитетом для будущих медицинских работников, что должно мотивировать их в дальнейшем к совершенствованию собственной коммуникативной компетенции.

Обучающиеся начинали работу с чтения и анализа представленных фрагментов публичной речи С. С. Юдина. Им требовалось определить жанровую разновидность данного текста и доказать свою позицию. Далее анализировалась структура выступления, система риторических приемов и языковых выразительных средств, которые использовал автор. Для тренировки техники речи студентам предлагалось выбрать небольшой понравившийся

им фрагмент из проанализированной лекции С. С. Юдина и прочитать его выразительно, уделяя при этом особое внимание таким невербальным средствам, как интонация, пауза, темп. Важно подчеркнуть, что выразительное чтение текста возможно только после его осмысления, поэтому мы давали студентам это задание после анализа. Таким образом, благодаря работе с примерами текстов информирующей речи обучающиеся увидели опыт практического применения риторических приемов, осознали важность их воздействия на восприятие информации слушателями.

Следующая задача для студентов – создание собственной информирующей речи. Студенты должны выбрать интересную для них медицинскую тему и подготовить по ней небольшой доклад с мультимедийной презентацией. Обучающимся был установлен временной регламент в 5–10 минут. От студентов также требовалось произносить речь свободно (не разрешалось пользоваться текстом доклада) и при составлении презентации учитывать ее иллюстративную, вспомогательную функцию, позволяющую аудитории визуально воспринимать информацию. По окончании речи выступившие должны были ответить на вопросы публики, что помогало им тренировать навыки взаимодействия со слушателями, которые могут инициировать диалог; далее студентам следовало провести самоанализ.

Опыт работы в формировании у студентов навыков публичного выступления на примере информирующей речи показал, что в целом обучающимся интересно обращаться к поиску материала на важную для них профессиональную тему, что свидетельствует об усилении мотивации к работе. Нами отмечено, что большинство студентов столкнулось с проблемой учета заданного регламента при отборе материала и его структурировании. Не всем удавалось составить краткий и одновременно информативный текст, достаточно освещающий выбранную тему, и даже многие из справившихся с указанной задачей признались, что им было достаточно трудно.

Обучающиеся постарались использовать риторические приемы выразительности и привлечения внимания при подаче материала, пробуя их действие на практике. При этом наблюдение за реакцией аудитории вызывало интерес и у выступающих, и у слушателей. В речи некоторых студентов отсутствовало вступление, обучающиеся вовсе пренебрегали подбором выразительных средств. Многие призналась, что в целом испытывают стеснение во время выступления перед публикой.

Выводы. Полученные результаты нашего исследования позволяют признать применение контекстного подхода целесообразным при формировании навыков публичного выступления у студентов медицинского вуза. Данный подход способствует усилению мотивации обучающихся к работе над своей речевой культурой через погружение в материал, связанный с будущей профессией.

Практические задания для обучения публичной информирующей речи, разработанные с учетом контекстного подхода, обеспечивают активное включение в работу каждого студента, побуждают его совершать действия, важные для развития качеств клинического мышления. Работа с различными источниками информации с целью последующего создания текста публичного выступления требует проведения анализа, синтеза, обобщения, сопоставления. У студентов совершенствуется умение взаимодействия с аудиторией, что способствует обогащению опыта практического применения риторических приемов и способов использования наглядности при подаче материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аннушкин В. И.* Культурно-образовательная миссия риторики в организации жизни общества и формировании личности человека // Риторика в социокультурном пространстве современной России : Материалы XXVII Международной научно-практической конференции. – М. : Языки народов мира, 2024. – С. 22–29.

2. *Аннушкин В. И.* Риторика. Вводный курс: учебное пособие. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 296 с.

3. *Бугаева И. О., Клоктунова Н. А., Ремпель Е. А. и др.* Способы формирования коммуникативных навыков у студентов медицинских вузов: педагогический опыт // Казанский педагогический журнал. – 2021. – № 3. – С. 109–114. – DOI 10.51379/kpj.2021.147.3.015.

4. *Вербицкий А. А.* Компетентностный подход и теория контекстного обучения: материалы к четвертому заседанию методологического семинара 16 ноября 2004 г. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 84 с.

5. *Волков А. А.* Риторика в духовном образовании // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. – 2020. – № 1(2). – С. 138–159. – DOI 10.31802/WI.2020.2.1.008.

6. *Гринько Е. Н.* Медицинская риторика : учебное пособие. – М. : ФЛИНТА, 2018. – 208 с.

7. *Клоктунова Н. А., Барсукова М. И., Ремпель Е. А. и др.* Формирование коммуникативных навыков врача в процессе обучения в медицинском вузе // Гуманитарные науки и образование. – 2018. – Т. 9, № 3(35). – С. 50–56.

8. *Крайнова А. С.* Риторический компонент культуры речи для изучения в медицинском вузе // Русский язык в современном мире : Сборник научных статей по итогам научно-практической конференции. – Смоленск, 2024. – С. 122–127.

9. *Краснов А. Ф., Денисов И. Н., Ахмедзянов Р. Б.* Медицинская риторика : электив. учеб. для высш. и сред. мед. шк. – М. : 2005. – 396 с.

10. *Кузьминов О. М., Пшеничных Л. А., Крупенькина Л. А.* Формирование клинического мышления и современные информационные технологии в образовании : монография. – Белгород, 2012. – 110 с.

11. *Кучеренко О. Ф.* Формирование навыков ораторского мастерства у менеджеров здравоохранения // Медицина и экология. – 2017. – № 2(83). – С. 118–123.

12. *Лунева Л. П., Винокурова Ю. А.* Коммуникативная компетенция врача: проблемные аспекты и возможности их совершенствования // Актуальные проблемы преподавания русского языка в школе и вузе : сб. трудов V Международной научно-практической конференции. – Рязань, 2025. – С. 180–185.

13. *Мелентьев А. С., Мелентьев И. А., Арутюнов Г. П. и др.* Пропедевтические основы формирования клинического и гериатрического мышления врача / под ред. проф. А. С. Мелентьева. – М. : 2021. – 479 с.

14. *Орлова Е. В.* Электив «Практическая риторика» в системе коммуникативных дисциплин медицинского вуза // Записки Горного института. – 2005. – № 2. – С. 58–59.

15. *Савова М. Р.* Пути повышения профессиональной коммуникативно-речевой компетентности преподавателей медицинских вузов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т. 12, № 5(2). – С. 386–389.

16. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – специалитет по специальности 31.05.01 Лечебное дело (утвержден Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 12 августа 2020 г. N 988, с изменениями и дополнениями от 27 февраля 2023 г.) [Электронный ресурс]. – URL : https://base.garant.ru/74566342/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (дата обращения: 12.01.2026).

17. *Юдин С. С.* Размышления хирурга: советский «Николай Пирогов». – М. : Родина, 2022. – 240 с.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026

REFERENCES

1. Annushkin V. I. Kul'turno-obrazovatel'naya missiya ritoriki v organizacii zhizni obshchestva i formirovanii lichnosti cheloveka // Ritorika v sociokul'turnom prostranstve sovremennoj Rossii : Materialy XXVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – M. : Yazyki narodov mira, 2024. – S. 22–29.

2. Annushkin V. I. Ritorika. Vvodnyj kurs : uchebnoe posobie. – M. : Flinta : Nauka, 2006. – 296 s.

3. Bugaeva I. O., Kloktunova N. A., Rempel' E. A. i dr. Sposoby formirovaniya kommunikativnykh navykov u studentov medicinskikh vuzov: pedagogicheskij opyt // Kazanskij pedagogicheskij zhurnal. – 2021. – № 3. – S. 109–114. – DOI 10.51379/kpj.2021.147.3.015.

4. Verbickij A. A. Kompetentnostnyj podhod i teoriya kontekstnogo obucheniya : materialy k chetvertomu zasedaniyu metodologicheskogo seminara. – M. : Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov, 2004. – 84 s.

5. Volkov A. A. Ritorika v dukhovnom obrazovanii // Slovo i obraz. Voprosy izucheniya khristianskogo literaturnogo naslediya. – 2020. – № 1(2). – S. 138–159. – DOI 10.31802/WI.2020.2.1.008.

6. Grin'ko E. N. Medicinskaya ritorika : uchebnoe posobie. – M. : FLINTA, 2018. – 208 s.

7. Kloktunova N. A., Barsukova M. I., Rempel' E. A. i dr. Formirovanie kommunikativnykh navykov vracha v processe obucheniya v medicinskom vuze // Gumanitarnye nauki i obrazovanie. – 2018. – T. 9, № 3(35). – S. 50–56.

8. Krajnova A. S. Ritoricheskij komponent kul'tury rechi dlya izucheniya v medicinskom vuze // Russkij yazyk v sovremennom mire : Sbornik nauchnykh statej po itogam nauchno-prakticheskoj konferencii. – Smolensk, 2024. – S. 122–127.

9. Krasnov A. F., Denisov I. N., Akhmedzyanov R. B. Medicinskaya ritorika : ehlektiv. ucheb. dlya vyssh. I sred. med. shk. – M. : 2005. – 396 s.

10. Kuz'minov O. M., Pshenichnykh L. A., Krupen'kina L. A. Formirovanie klinicheskogo myshleniya i sovremennye informacionnye tekhnologii v obrazovanii : monografiya. – Belgorod, 2012. – 110 s.

11. Kucherenko O. F. Formirovanie navykov oratorskogo masterstva u menedzherov zdravoohraneniya // Medicina i ekologiya. – 2017. – № 2(83). – S. 118–123.

12. Luneva L. P., Vinokurova Yu. A. Kommunikativnaya kompetenciya vracha: problemnye aspekty i vozmozhnosti ikh sovershenstvovaniya // Aktual'nye problemy prepodavaniya russkogo yazyka v shkole i vuze: sb. trudov V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Ryazan', 2025. – S. 180–185.

13. Melent'ev A. S., Melent'ev I. A., Arutyunov G. P. i dr. Propedevticheskie osnovy formirovaniya klinicheskogo i geriatricheskogo myshleniya vracha / pod red. prof. A. S. Melent'eva. – M. : 2021. – 479 s.

14. Orlova E. V. Ehlektiv «Prakticheskaya ritorika» v sisteme kommunikativnykh disciplin medicinskogo vuza // Zapiski Gornogo instituta. – 2005. – № 2. – S. 58–59.

15. Savova M. R. Puti povysheniya professional'noj kommunikativno-rechevoj kompetentnosti prepodavatelej medicinskikh vuzov // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. – 2010. – T. 12, № 5(2). – S. 386–389.

16. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovaniya – specialitet po special'nosti 31.05.01 Lechebnoe delo (utverzhden Prikazom Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii ot 12 avgusta 2020 g. N 988, s izmeneniyami i dopolneniyami ot 27 fevralya 2023 g.) [Elektronnyj resurs]. – URL : https://base.garant.ru/74566342/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (data obrashcheniya: 12.01.2026).

17. Yudin S. S. Razmyshleniya khirurga: sovetskij «Nikolaj Pirogov». – M. : Rodina, 2022. – 240 s.

The article was contributed on January 20, 2026

Сведения об авторе

Мазилина Дарья Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и физического воспитания Медицинского университета им. Б. В. Петровского, г. Москва, Россия, https://orcid.org/0009-0004-8341-3763, Daria.fenix@yandex.ru

Author Information

Mazilina, Daria Andreevna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor of the Department of Humanities and Physical Education, Petrovsky Medical University, Moscow, Russia, https://orcid.org/0009-0004-8341-3763, Daria.fenix@yandex.ru

УДК 811.161.1’243:37.022 DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.031

М. С. Максимычева, И. В. Гаврилова, А. В. Никитина

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу возможностей и ограничений применения лексического подхода (The Lexical Approach) М. Льюиса в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Актуальность темы обусловлена поиском приемов обучения, которые активизируют речемыслительные способности обучающихся, обеспечивают формирование прочных навыков беглой и естественно звучащей речи на русском языке, помогают в решении различных коммуникативных задач в условиях реального общения. Цель исследования заключается в теоретическом обосновании принципов внедрения лексического подхода в преподавание РКИ и выработке конкретных методических приемов для уроков русского языка как иностранного. Авторы рассматривают специфику «лексических блоков» как единиц обучения, анализируют лингвистические трудности внедрения подхода, обусловленные природой русского языка: морфологическую изменчивость, подвижное ударение, свободный порядок слов. В связи с этим подчеркивается необходимость «грамматикализации» лексического подхода. В работе предложены конкретные методические решения для организации обучающего цикла «Наблюдение – Гипотеза – Эксперимент», описаны типы заданий и способы ведения «лексических тетрадей» (матрицы, каскады, сюжетные цепочки). Отмечается, что реализация лексического подхода на различных этапах обучения требует от студента-инофона значительной эвристической активности. Особое внимание уделяется трансформации роли преподавателя РКИ, который, действуя в условиях дефицита специализированных учебных пособий, построенных с учетом лексического подхода, выступает не только как фасилитатор и модератор учебного процесса, но прежде всего как исследователь корпусных данных и создатель специфических обучающих и оценочных материалов, построенных с учетом большей степени грамматикализации «лексических блоков» в русском языке.

Ключевые слова: *РКИ, лексический подход, лексические блоки, коллокации, методика преподавания, беглость речи, коммуникативная компетенция*

M. S. Maksimycheva, I. V. Gavrilova, A. V. Nikitina

LINGUISTIC AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR INTRODUCING A LEXICAL APPROACH TO TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Abstract. This article analyzes the potential and limitations of Michael Lewis’s Lexical Approach in teaching Russian as a Foreign Language (RFL). The topic is relevant due to the need for teaching methods that enhance students’ verbal and cognitive abilities, develop skills in fluent, natural-sounding Russian, and assist in solving communicative tasks in real-life situations. The purpose of this study is to provide a theoretical justification for implementing the Lexical Approach in RFL and to develop specific methodological techniques. The authors examine “lexical chunks” as units of training and analyze the linguistic difficulties of implementing the approach, stemming from the nature of the Russian language: morphological variability, flexible stress, and free word order. This paper proposes specific methodological solutions for organizing the “Observation – Hypothesis – Experiment” learning cycle, describing types of assignments and methods for maintaining “lexical notebooks” using matrices, cascades, and storylines. It is noted that implementing the lexical approach at various stages of learning requires significant heuristic activity from foreign students. Particular attention is paid to the transformation of the role

of the RFL teacher who, facing a shortage of specialized materials, acts as a researcher of corpus data and a creator of teaching and assessment materials designed to accommodate the high degree of grammaticalization of "lexical chunks" in Russian.

Keywords: *RFL, lexical approach, lexical chunks, collocations, teaching methods, fluency of speech, communicative competence*

Введение. Современная методика преподавания иностранных языков, в том числе и русского языка как иностранного (РКИ), характеризуется активным внедрением коммуникативно-деятельностного подхода, направленного на формирование у инофонов способности эффективно осуществлять речевое взаимодействие в разных ситуациях реального общения. Важнейшими условиями спонтанности коммуникации являются овладение в достаточной мере лексикой изучаемого языка и преодоление грамматических барьеров. Значительным потенциалом для решения задач обучения РКИ может обладать лексический подход (The Lexical Approach), концептуализированный лингвистом Майклом Льюисом в 1990-х гг.

Основной постулат данного подхода заключается в том, что «язык состоит из грамматикализированной лексики, а не из лексикализированной грамматики» [17, vi]. М. Льюис отмечает, что «социолингвистическая компетенция как коммуникативная сила предшествует грамматической компетенции и является ее основой, а не продуктом» [17, vii]. Вместо слова (лексемы) в центр внимания ставится понятие «лексические блоки» (в таком виде О. Л. Свирина [8] предлагает использовать понятие «chunks»), т. е. готовые фразы или коллокации, запоминаемые и воспроизводимые автоматически как фонетико-смысловое единство. Осваивая такие аутентичные, естественно звучащие речевые образцы, инофон перестает испытывать когнитивную нагрузку при порождении грамотного высказывания, что способствует развитию уже на элементарном и базовом уровнях (A1–A2) достаточно беглой речи и приводит к успешному решению коммуникативных задач.

Данный подход отличается как от структурного метода, ориентированного на механическую отработку грамматических моделей, так и от когнитивного, апеллирующего к глубокому логическому анализу языковой системы. Лексический подход способствует интеграции формы и содержания, позволяет преодолеть разрыв между теоретическими знаниями и практическим применением студентом «лексических блоков» в спонтанной речи. Совпадая в прагматических целях, подход М. Льюиса отличается и от коммуникативного: здесь «каркасом» обучения выступают не изолированные слова, а синтетические единицы. Овладение инофоном «лексическими блоками» помогает минимизировать возникновение эффекта «ломаной речи», вызванного дискретным конструированием фраз из отдельных лексем, и форсировать переход к спонтанной коммуникации.

Лексический подход первоначально внедрен в обучение английскому языку как иностранному (EFL) и описан в работах Майкла Льюиса "The Lexical Approach: The State of ELT and a Way Forward" (1993) [17] и "Implementing the Lexical Approach" (1997) [16].

На современном этапе подход реализуется в учебниках Хью Деллара и Эндрю Уокли (2016) [14], Лео Селивана (под ред. Скотта Торнбери, 2018) [19], которые адаптируют основные положения трудов М. Льюиса к практике аудиторной работы.

Следует отметить, что, несмотря на устойчивый интерес русскоязычных методистов к лексическому подходу, его теоретическое осмысление недостаточно, а практическая реализация осуществляется в основном на базе английского языка. Так, И. В. Кожухова отмечает, что в период с 2015 по 2020 гг. «крайне мало публикаций, посвященных описанию лексического подхода в практике преподавания русского как иностранного и русского как родного» [3, с. 50]. Среди наиболее заметных исследовательских работ за последние годы можно назвать лишь несколько статей А. М. Аккужиной, Л. А. Расулаева [1], Дж. Римонди [6],

Н. Н. Самчик [7], авторы которых демонстрируют возможности внедрения лексического подхода в аудитории слушателей, изучающих РКИ.

Сложившееся противоречие между подтверждаемой в исследованиях эффективностью лексического подхода в овладении иностранным языком и недостаточностью системных лингводидактических разработок обусловливает значимость осмысления принципов его адаптации к практике преподавания русского языка как иностранного.

Цель данной статьи – теоретико-методологически обосновать возможности и принципы адаптации лексического подхода в преподавании русского языка как иностранного и предложить методические решения (приемы, виды заданий, критерии отбора лексических единиц) для его внедрения в курс РКИ.

Актуальность исследуемой проблемы. В современной методике преподавания РКИ сформировался устойчивый запрос на обогащение уже ставшей классической коммуникативной парадигмы новаторскими стратегиями, обеспечивающими прагматизацию обучения, где приоритет смещается с усвоения языковых средств к формированию у инофона способности оперативно решать коммуникативные задачи в условиях реального общения. Предложенный М. Льюисом лексический подход, опирающийся на достижения психолингвистики и корпусной лингвистики, интегрированный в систему обучения английскому языку как иностранному [5], может стать эффективным и в практике обучения РКИ. В связи с этим актуальным представляется рассмотрение основных принципов лексического подхода, его ограничений, поиск способов внедрения в обучение РКИ.

Материал и методы исследования. Материалом для теоретического осмысления лексического подхода послужили труды и практические рекомендации методистов, прежде всего в области преподавания английского языка; для практических выводов о возможности внедрения подхода в РКИ – данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), аспектных словарей, в том числе частотных словарей, словарей сочетаемости, а также учебников по русскому языку как иностранному.

В работе применялись общенаучные методы (дескриптивный метод, методы анализа и синтеза, сравнения) и частнонаучные методы (контент-анализ и моделирование).

Результаты исследования и их обсуждение. Определяющую роль в развитии лексического подхода сыграли достижения психолингвистики, корпусной лингвистики, дискурс-анализа и лексикографии. Опираясь на лингвистические исследования Стивена Крашена и Трейси Дэвида Тэрелла [15] о «понятном входе», а также на работы Джеймса Р. Наттингера и Джанетт С. Де Каррико [18], обозначивших статус «лексической фразы» как единого целого, хранящегося в памяти в готовом виде, М. Льюис предложил в качестве дидактической единицы обучения использовать «лексические блоки» – сочетания слов (фразы, коллокации, идиомы), которые воспринимаются и запоминаются как целостные структуры, независимо от их грамматической декомпозиции. Немаловажными стали также идеи психолингвиста Джин Эйчисон о «ментальном лексиконе» [12].

В основе лексического подхода лежит представление о том, что «беглость речи основана на приобретении большого запаса фиксированных и полуфиксированных готовых элементов. <…> Грамматические знания позволяют творчески перекомбинировать лексику новыми и оригинальными способами, но они не могут стать полезными в этой роли, пока у обучающегося не будет достаточно широкого ментального лексикона…» (здесь и далее перевод наш) [16, с. 15]. М. Льюис утверждает, что носители языка оперируют в своей речи «лексическими блоками», к которым относятся следующие элементы (для удобства приведем здесь примеры «лексических блоков» в русском языке):

1) слова (единичные лексемы, которые, однако, часто выступают в окружении других слов) и «полислова» (неизменяемые устойчивые сочетания), например, слова *читать* (*читать* книгу, *читать* текст, *читать* письмо), *по-русски* (говорить *по-русски*, писать *по-русски*, читать *по-русски*) и полислова (*да нет, наверное; так сказать*; *в конце концов*);

2) коллокации – наиболее частотные и вероятные комбинации слов: *свежий хлеб, принять решение, играть роль, закадычный друг, отчет о …, спускаться по …, думать о …*);

3) фиксированные выражения (этикетные формулы, идиомы): *Как дела? Добрый день! Хорошего отдыха!*; *бить баклуши, диву даваться, шиворот-навыворот*;

4) полуфиксированные выражения (устойчивые выражения, имеющие минимальные вариации; «рамки», допускающие подстановку различных слов; шаблоны начала высказываний в письменной и устной речи): *Поздравляю вас с* … днем рождения / праздником / Новым годом, *Не могли бы вы* … помочь / повторить / передать?; *с* … (восьми часов) *до* … (двадцати часов); *Я думаю, что …*; *Скажи, что …*).

Отбор изучаемых «лексических блоков» во многом детерминирован коммуникативными потребностями студентов. Так, на элементарном и базовом уровнях целесообразной является концентрация на фиксированных и полуфиксированных выражениях, связанных с речевым этикетом: *Как дела? Спокойной ночи! С праздником!*[1]. На первом сертификационном и втором сертификационном уровнях акцент может смещаться на освоение устойчивых коллокаций, обеспечивающих связность и логичность речи: *играть роль*[2], *принимать решение*[3], *иметь право (права)*[4]. На продвинутом уровне приоритетными становятся сложная идиоматика и стилистически маркированные единицы, позволяющие инофону достигать аутеничности звучания и точно выражать различные интенции. Важно, что такая дифференциация материала отвечает не только принципам лексического подхода, но и содержанию лексических минимумов.

На занятии подход М. Льюиса реализуется в рамках индуктивного цикла «Наблюдение – Гипотеза – Эксперимент» (Observe – Hypothesise – Experiment), в ходе которого учащемуся необходимо:

1) обрабатывать лексику в процессе чтения и аудирования подобранных учителем аутентичных текстов, а именно сегментировать тексты и выделять в них «лексические блоки»;

2) самостоятельно выдвигать гипотезы, выявлять закономерности формирования и употребления «лексических блоков», а также фиксировать результаты наблюдений в «лексических тетрадях» в виде схематических записей. Информация при этом представляется не в традиционной двухколоночной форме, а в формате интеллект-карт, что обеспечивает наглядность связей и облегчает последующее повторение;

3) выполнять специально разработанные задания и упражнения, направленные, с одной стороны, на формирование «ментального лексикона», а с другой – на развитие критического мышления, умений анализировать и прогнозировать.

Существуют значительные трудности в реализации лексического подхода на занятиях РКИ и, соответственно, ориентации учебного процесса исключительно на поиск и повторение «лексических блоков».

Назовем прежде всего существенные лингвистические ограничения. Во-первых, русский язык как флективный (синтетический) язык характеризуется морфологической изменчивостью. Так, приведенный нами в категории возможных «слов» (по М. Льюису) глагол *читать* представлен в инфинитиве, однако в его полной парадигме более 40 форм. Даже если учитывать только приведенные в учебном словаре сочетаемости формы «ЧИТА́ТЬ, чита́ю, чита́ешь, чита́ют, *несов.*» [9, с. 661], инофону недостаточно будет пом-

[1] Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение / Н. П. Андрюшина, Т. В. Козлова (электронное издание). – 5-е изд. – СПб. : Златоуст, 2015. – С. 96.
[2] Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н. П. Андрюшина и др. (электронное издание). – 7-е изд. – СПб. : Златоуст, 2015. – С. 163.
[3] Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / под редакцией Н. П. Андрюшиной (электронное издание). – 5-е изд. – СПб. : Златоуст, 2015. – С. 95.
[4] Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / под редакцией Н. П. Андрюшиной (электронное издание). – 5-е изд. – СПб. : Златоуст, 2015. – С. 92.

нить «лексический блок», а понадобится заметить и освоить как минимум 4 варианта для грамотного использования в речи. Зачастую словоизменение сопровождается значительными морфонологическими изменениями, которые препятствуют отождествлению словоформ с исходной лексемой или затрудняют ее опознавание. Например: *быть – буду*; *мочь – могу*; *писать – пишу*; *взять – возьму*. С учетом этого в преподавании РКИ свободное применение лексического подхода возможно лишь с неизменяемыми словами и фиксированными выражениями. В остальных случаях неизбежно возникает необходимость модификации данного подхода в сторону большей грамматикализации, например, в акцентировании внимания студентов на категории рода, падежа именных частей речи, на аспектуальности глагола. Стоит отметить, что сам М. Льюис также уделял внимание грамматике, не рассматривая ее как отправную точку обучения, а полагая, что грамматические паттерны извлекаются из частотных «лексических блоков» [17].

Второе ограничение – общее – связано с тем, что лексический подход предполагает активное использование родного языка (L1) при обучении иностранному (L2). Семантика русского «лексического блока», как и семантика любого другого языка, может не совпадать и, скорее всего, не будет в полной мере совпадать с семантикой изучаемого фиксированного сочетания. На такую семантическую асимметрию и ее негативные последствия указывает З. И. Трубина: «Основной трудностью в освоении лексических блоков является разница в смысловом объеме слов, что обусловливает различие в сочетаемости. <…> Поскольку небольшое количество лексики на начальном уровне интенсивно изучается и вводится в активный минимум, первое значение прочно усваивается и оказывает доминирующее влияние на формирование новых коллокаций, основанных на сходных семантических связях родного языка» [11]. Например, сочетания *сильный человек*, *сильный ветер* соответствуют английским *strong man*, *strong wind*, но лексический блок *крепкий кофе* выбивается из этой парадигмы, поскольку не соответствует *strong coffee*. Логика сочетаемости в родном языке может привести инофона к ошибке: **сильный кофе* вместо *крепкий кофе*.

В-третьих, свободный порядок слов в русском языке не гарантирует, что заучиваемые «лексические блоки» будут воспроизведены в реальной коммуникации именно в том порядке, в котором они были предъявлены обучающемуся. Сравним: *Не могли бы вы …?* и *Вы не могли бы …?* Более того, дистантное расположение элементов «лексического блока» с учетом их возможной морфологической трансформации может восприниматься обучающимся как новая единица и, соответственно, не распознаваться. Например, коллокация *играть роль* в «чистом виде» представлена инфинитивом без разрыва между словами, однако в реальной речи реализуется как с включением новых элементов, так и с грамматическими изменениями, что может вызвать значительные трудности у инофонов. Сравните: *играть роль – играет важную роль – не играет никакой роли – роли не играет – никакой роли не играет*.

Следовательно, при внедрении лексического подхода следует ориентировать учащихся на более активное наблюдение за изменением порядка слов в «лексических блоках», а также за их морфологической трансформацией.

Наконец, в русском языке существуют фонетические ограничения. Такое качество ударения, как подвижность, часто определяет трансформацию некоторых «лексических блоков». Сравните: *приня́ть решение – приняла́ решение*. Кроме того, следует учитывать явления фразового ударения и проклитики / энклитики. Акцентологические изменения могут стать причиной того, что выученный студентом как единая фонетическая единица «лексический блок» может быть не распознан в ходе реального общения.

Таким образом, при использовании лексического подхода в практике обучения РКИ инофоны с большой долей вероятности вначале будут говорить с неизбежными коммуникативно-значимыми и коммуникативно-незначимыми ошибками. На это указывает и М. Льюис,

предупреждая студентов: «Не беспокойтесь о путанице и ошибках; это положительный признак того, что вы частично понимаете, а не отрицательный, что вы не все поняли. Вы допускаете некоторые грамматические ошибки, потому что у вас недостаточно словарного запаса; если вы хотите избежать грамматических ошибок, расширение словарного запаса поможет вам больше, чем многочисленные упражнения по грамматике» [16, с. 48].

Несмотря на лингвистические ограничения, лексический подход может быть актуален и методически оправдан, в том числе и на начальных этапах изучения РКИ. При таком подходе учащийся в меньшей степени фиксируется на морфологических, лексических, синтаксических и акцентологических нормах, сохраняет динамику общения и не выпадает из пространства монолога или полилога. При этом стоит подчеркнуть, что для предотвращения «застывания» грамматических ошибок и обеспечения на уровнях B1–B2 не только естественного, но и правильного звучания студента необходимо на уровнях A1–A2 (в случае, если преподаватель решился адаптировать лексический подход к РКИ уже на данных уровнях) проводить отложенную грамматическую коррекцию. После говорения студента преподавателю необходимо дать «обратную связь», а именно обсудить зафиксированные в процессе порождения речи ошибки не через негативные комментарии, а через указание на возможные валентности «лексических блоков». Минимизация ошибок будет также постепенно происходить после повторения и закрепления студентом большого количества «лексических блоков», что предполагается М. Льюисом.

Лексический подход требует особых методических условий. Прежде всего – формирования нового типа студента-инофона – человека, обладающего «повышенной осознанностью» [16, с. 53], любознательного, способного наблюдать, выявлять модели, самостоятельно выдвигать гипотезы. Как утверждает М. Льюис, крайне важно поощрять у учащихся способности к наблюдению (noticing) и анализу – «эффективной фиксации закономерностей» [16, с. 47] – а также развивать навыки извлечения максимальной пользы из текста. Это «требует <…> большей вовлеченности в процесс изучения иностранного языка со стороны обучающихся» [11]. Однако, на наш взгляд, нужно учитывать и изменяющуюся функцию преподавателя при таком подходе.

В процессе «Наблюдение – Гипотеза – Эксперимент» учитель выступает как наблюдатель, модератор, фасилитатор [13]. На первый взгляд, его фигура кажется второстепенной. Между тем на этапе подготовки к занятию преподаватель отбирает аутентичные тексты и, соответственно, наблюдает «лексические блоки», прогнозирует, какие из них позже выявят учащиеся. Можно сказать, что в данном случае он действует как ученый-лингвист. В качестве методолога он выступает как при формировании матриц и корректировке записей в «лексической тетради», так и при составлении упражнений. Наконец, на этапе рефлексии учитель снова становится исследователем, анализируя процесс и результаты проделанной работы.

При этом преподаватель РКИ, который вводит лексический подход в свою практику, сталкивается с повышенной нагрузкой в связи с тем, что в настоящее время в России не разработаны принципы его интеграции в преподавание и отсутствуют методические рекомендации. Исключением является, пожалуй, называемый Дж. Римонди мультимедийный учебник русского языка как иностранного для италоговорящих «Краски» [6].

Проведенный нами анализ отечественных учебников элементарного и базового уровней показывает, что при активной ориентации на коммуникативный подход авторы обращаются к возможностям изучения «лексических блоков» (прежде всего этикетных фраз, клише и шаблонов) фрагментарно. Таковы учебники «Поехали!»[5] С. И. Чернышева,

[5] Чернышев С. И. Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс. – 7-е изд. – СПб. : Златоуст, 2009. – 280 с.

«Дорога в Россию»[6] В. Е. Антоновой и др., «Русский язык сегодня»[7] Г. В. Беляевой и др., «Россия – моя любовь»[8] О. Б. Антошкиной.

Среди учебных комплексов можно выделить «Жили-были» Л. В. Миллер, Л. В. Политовой, И. Я. Рыбаковой [4]; «Лестница» М. Н. Аникиной [2]; «Русский язык за 10 дней» С. И. Тресковой, Т. Е. Акишиной [10]. Как показывает практика, сегодня эти учебные пособия редко используются учителями РКИ, между тем они могут быть хорошим примером элементов внедрения лексического подхода. Так, в учебнике «Жили-были» для начинающих грамматика явно подчинена лексике. Стоит отметить, что авторы выделяют для заучивания большое количество разнообразных «лексических блоков», даже – фразеологизмов: *ни рыба ни мясо*, *золотое сердце*, *золотые руки* [4, с. 139], полуфиксированных выражений: *Вам (тебе) идет ... этот костюм! эта куртка! это пальто! Вам (тебе) идут ... эти бусы!* [4, с. 136]. В учебнике «Лестница» также наблюдается направленность на активизацию речевой деятельности студентов, прежде всего устной: «вводятся сложные предложения (изъяснительные при глаголах мысли и причинные), конструкции выражения согласия / несогласия, достоверности / недостоверности полученной информации. Таким образом, уже с начальных ступеней учащийся может построить достаточно сложное, логично обоснованное рассуждение. <…> он уже может принимать участие в дискуссии, высказывая собственное мнение и аргументируя его» [2, с. 4–5]. Тексты в учебнике, хоть и адаптированные, а также предтекстовые списки и упражнения содержат множество фиксированных и полуфиксированных выражений. Например:

1. *Ну что вы говорите!* [2, с. 85].

2. *– А я сейчас в Лондоне.*

– Ну и что, а я сейчас в Париже [2, с. 88].

3. *Раньше он ... Я слышал, что ... Я вижу, что ...* [2, с. 172].

Современному учителю, решившемуся апробировать лексический подход, придется обратиться к знаниям в области корпусной лингвистики и лексикографии, чтобы обеспечить грамотный отбор «лексических блоков». Ключевых ресурсов здесь немного. Среди основных можно назвать такие, как Национальный корпус русского языка (НКРЯ)[9], Новое в русской лексике (НРЛ)[10]; лексические минимумы; аспектные словари, среди них – частотные словари[11], словари сочетаемости[12], идеографические словари[13], фразеологические словари и словари крылатых слов и выражений, словари пословиц и поговорок, толковые словари, областные и диалектные словари. Хотя список типов словарей достаточно большой, представляются важными в работе на начальных уровнях обучения РКИ первые три типа, и их сегодня недостаточно.

---

[6] Дорога в Россию : учебник русского языка : (элементарный уровень) / В. Е. Антонова, М. М. Нахабина, М. В. Сафронова, А. А. Толстых. – 6-е изд. – СПб. : Златоуст ; М. : ЦМО МГУ, 2010. – 342 с.

[7] Русский язык сегодня: Элементарный уровень + (А1+) : Учебник для иностранных учащихся / Г. В. Беляева, О. О. Шувалова, Н. В. Иванова и др. – М. : Русский язык. Курсы, 2021. – 312 с.

[8] Антошкина О. Б. Россия – моя любовь. Учебник русского языка для иностранных учащихся (элементарный уровень): в 2 ч. – 1-е изд. – М. : Учебный центр русского языка Московского государственного университета, 2020.

[9] Национальный корпус русского языка, 2003–2026 : информационно-справочная система [Электронный ресурс]. – URL : https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 20.01.2026).

[10] Новое в русской лексике. – СПб. : ИЛИ РАН, 2021–2026 [Электронный ресурс]. – URL : https://neolex.iling.spb.ru/ (дата обращения: 20.01.2026).

[11] Напр.: Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2009. – 1090 с.

[12] Напр.: Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1983. – 688 с.

[13] Напр.: Щетинина А. В. Идеографический словарь русской социальной лексики: государство, власть, внутренняя политика. – Екатеринбург : Ажур, 2018. – 768 с.

Преподаватель как исследователь отбирает аутентичные тексты для чтения и аудирования. Это крайне трудная задача: произведения художественной литературы или материалы аналоговых медиа (газетные статьи, теле- и радиопрограммы) могут быть сложными для начинающих студентов. Сегодня данный процесс значительно облегчается при обращении к многочисленным материалам социальных медиа (социальных сетей, мессенджеров, аудио- и видеоблогов), которые отличаются относительной краткостью и большей актуальностью для инофона, стремящегося освоить естественное современное звучание речи. Незаменимыми помощниками в отборе аутентичных текстов являются искусственный интеллект и системы текстометрии, оценивающие уровень сложности и верифицирующие частотность «лексических блоков».

Особая функция преподавателя как методиста, организатора заключается в создании эффективных моделей «лексической тетради», которая воспринимается как «персонализированное лексическое пособие» [16, с. 76]. На уроке в нее рекомендуется включать относительно небольшое количество фиксированных сочетаний, которые учащийся записывает (как на изучаемом языке, так и на родном) и запоминает и к которым сможет позже вернуться, чтобы повторить, дополнить, расширить возможности сочетаний.

Как замечает М. Льюис, организация записи возможна в формате «сеток» (матриц) с двух-, трех- или пятиколоночной структурой [16, с. 78], например: 5 – 1 (5 глаг. + 1 сущ.); 1 – 5 (таблица 1), 5 – 5 – 1 (5 глаг. + 5 прил. + 1 сущ.), 1 – 5 (1 сущ + 5 сущ.) и т. д. Приведем здесь варианты для адаптации подхода в РКИ.

Таблица 1 – Пример оформления «сетки»

Глагол	**Наречие**
говорить	громко
	тихо
	быстро
	медленно
	вежливо

Разновидность такой таблицы – с контекстуальными противоположностями (что соотносится с традиционным коммуникативным подходом) – приведена в таблице 2.

Таблица 2 – Пример оформления «сетки» с контекстуальными противоположностями

Глагол	**Наречие**	**Противоположность (антоним)**
говорить	громко	тихо
	быстро	медленно
	вежливо	грубо
	хорошо	плохо
	правду	неправду / ложь

Возможно выстраивание в сюжетные цепочки (story boxes), которые визуализируют истории, показывают алгоритмы действий. Например, ситуация «В магазине» (рис. 1).

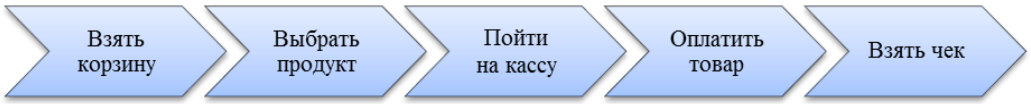

Рисунок 1 – Пример оформления сюжетной цепочки

Вариант «Каскады» – запись не отдельных речевых клише, а каскадных блоков диалогических моделей «инициатор (стимул) – реакция – подтверждение», причем реплики сопровождаются прагматическими пометками (–) отказ, критика / (+) сочувствие / (++) помощь, радость, восторженность и др. Такая схема позволяет запомнить «лексические блоки» и выйти за пределы двухчастных вопросно-ответных диалогов.

В несколько трансформированном виде это может выглядеть следующим образом (таблица 3).

Таблица 3 – Пример оформления «каскадов»

Стимул *– Давай пойдем в воскресенье в кино!*	Реакция	Подтверждение
– (вежливый отказ)	*– К сожалению, я работаю.*	*– Жаль. Тогда давай в другой раз.*
+ (согласие)	*– Конечно, с удовольствием!*	*– Договорились. Встретимся в центре в 11 часов.*
++ (радость)	*– Отличная идея! Я с огромным удовольствием.*	*– Супер! Тогда я покупаю билеты.*

«Каскады коллокаций» позволяют увидеть связь между предметами, явлениями и действиями. Задавая последовательные вопросы, студент может создавать цепочки естественно звучащей русской речи:

[ЗАВТРАК] > готовить / есть / заказывать > [ЗАКАЗЫВАТЬ] > такси / еду / номер > [НОМЕР] > бронировать / заказывать / ждать …

Заполнение матриц – достаточно распространенный (в том числе и в учебниках РКИ) прием оформления полуфиксированных выражений, например, «рамок». В таблице 4 приведен пример М. Льюиса [16, с. 85].

Таблица 4 – Пример записи полуфиксированных выражений

Я должен	подчеркнуть указать обратить внимание на тот факт напомнить вам объяснить	что … .

Упомянутые нами лингвистические ограничения обусловливают необходимость адаптации «лексических тетрадей» для преподавания РКИ. Учителю важно владеть базовыми основами нейропедагогики, психолингвистики и информационного дизайна, чтобы разработать указания на грамматические ограничения в применении «лексических блоков», например, систему цветовой кодировки (для указания морфологических особенностей), стрелок (для обозначения порядка слов), матриц, интеллект-карт и т. п.

Особую трудность в работе преподавателя может представлять проектирование заданий и упражнений. Как отмечает М. Льюис, грамотным будет подход, при котором отбираются сильные и частотные «лексические блоки», демонстрирующие систему, а не частные случаи; задания выполняются после наблюдения и гипотезы, а также в качестве домашней работы; служат автоматизации речи. М. Льюис предлагает 30 вариантов упражнений, многие из которых применимы и в преподавании РКИ. Среди них – составление коллокаций из предложенных глаголов и существительных, определение сильных сочетаний, исключение коллокаций, начала высказываний, составление возможных выражений с пропущенными слотами, расширение звуковой оболочки, грамматикализация (во многом отвечает природе русского языка) и др. [16].

Покажем здесь три варианта этих упражнений, адаптированных для преподавания РКИ.

1. Исключение коллокаций

Задание: подчеркните слово, которое не сочетается с данным прилагательным.

СВЕЖИЙ/АЯ/ЕЕ/ИЕ хлеб, друг, воздух, газета, овощи.

ГОРЯЧИЙ/АЯ/ЕЕ/ИЕ чай, суп, кофе, погода, вода.

СИЛЬНЫЙ/АЯ/ОЕ/ЫЕ дождь, ветер, шум, кофе, человек.

2. Начала высказываний

Задание: соотнесите начало высказывания с подходящим предложением.

1. Я хочу … 2. Я боюсь … 3. Я рад(а) … 4. Я согласен / согласна …

а) с автором; поехать в Москву; на эту работу;

б) гулять; стать инженером; конфеты;

в) что он не будет это делать; пауков; опоздать;

г) вам; быть здесь; этой встрече.

Ответы: 1 – б, 2 – в; 3 – г; 4 – а.

3. *Грамматикализация*

Задание: составьте правильное предложение из данных слов.

1. Куда / вы / ехать? (Куда вы едете?)

2. Сколько / стоить / этот / джинсы? (Сколько стоят эти джинсы?)

3. Мы / идти / кино (Мы идем в кино).

4. Кристин / завтракать / кухня (Кристин завтракает на кухне).

После этапа отбора, дидактизации и апробирования материала необходимо провести контроль. В данном случае желательна индивидуально разработанная система, поскольку привычные системы тестирования по русскому языку как иностранному (ТРКИ) (прежде всего А1–В1) проверяют преимущественно грамматические знания (особенно в субтесте «Лексика. Граммактика»), а лексический подход поощряет «правильную беглость» даже при наличии грамматических погрешностей, что может стать серьезным барьером для внедрения подхода. Решением проблемы в РКИ, с нашей точки зрения, может быть внедрение учителем двойной системы оценивания, учитывающей, с одной стороны, коммуникативную эффективность (продуктивность и уместность использования «лексических блоков», разнообразие «лексических блоков», способность поддерживать коммуникацию), с другой – формальную правильность (грамматическую чистоту).

Таким образом, лексический подход в преподавании РКИ требует большой эвристической активности и от ученика, и от учителя, который выступает не только как модератор или фасилитатор, но и как исследователь-лингвист и проектировщик уникальных обучающих и оценочных материалов.

Выводы. Подводя итоги, можно констатировать, что лексический подход обладает значительным лингводидактическим потенциалом в системе преподавания русского языка как иностранного, в том числе и на начальных этапах (А1–А2). Фокусировка на «лексических блоках» (chunks) позволяет инофону быстрее преодолеть коммуникативный барьер, обеспечивая беглость речи и естественность звучания.

Однако специфика русского языка накладывает ряд ограничений: морфологическая изменчивость, свободный порядок слов и подвижное ударение требуют существенной модификации классической модели М. Льюиса. Интеграция подхода в практику РКИ невозможна без значительной «грамматикализации» лексических единиц; использования специальных визуальных методов фиксации материала (цветовое кодирование, матрицы); повышения роли преподавателя как «дизайнера» учебного и оценочного контента и исследователя корпусных данных.

Перспективы дальнейших исследований видятся в эмпирической проверке эффективности предложенных методических решений, в разработке полноценного учебно-методического комплекса по РКИ, построенного на принципах лексического подхода, а также в создании специализированных словарей сочетаемости для уровней А1–В2.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аккужина А. М., Расулаев Л. А.* Волшебная таблетка: лексический подход и РКИ // Языковое взаимодействие и интеркультура в коммуникативном пространстве преподавателя : Материалы научно-практической конференции с международным участием. – Уфа : Башкирский государственный медицинский университет, 2024. – С. 10–14.

2. *Аникина М. Н.* Лестница. Учебник-книга по русскому языку. Начинаем изучать русский. – 5-е изд., стереотип. – М. : Русский язык – Медиа, 2007. – 341 с.

3. *Кожухова И. В.* Лексический подход в обучении: аналитический обзор // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 48–60. – DOI 10.14529/ped200405.

4. *Миллер Л. В., Политова Л. В., Рыбакова И. Я.* Жили-были... 28 уроков русского языка для начинающих. Учебник. – СПб. : Златоуст, 2003. – 152 с.

5. *Прокофьева О. Г.* О применении лексического подхода при обучении английскому языку // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 11(39). – С. 112–116. – DOI 10.17803/2311-5998.2017.39.11.112-116.

6. *Римонди Д.* Работа над словом на уроках русского как иностранного в вузе. Особенности лексического подхода // Наука и школа. – 2018. – № 1. – С. 95–99.

7. *Самчик Н. Н.* Использование лексического подхода в обучении русскому языку иностранцев // Балтийский гуманитарный журнал. – 2022. – Т. 11, № 4(41). – С. 23–26. – DOI 10.57145/27129780_2022_11_04_05.

8. *Свирина О. Л.* Об обучении лексическим блокам // Филология и культура. – 2012. – № 3. – С. 282–285.

9. Словарь сочетаемости слов русского языка Ок. 2500 слов. ст. / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М. : Русский язык, 1983. – 688 с.

10. *Трескова С. И., Акишина Т. Е.* Русский язык за 10 дней (для говорящих на английском языке). – 5-е изд., стереотип. – М. : Русский язык. Курсы, 2006. – 208 с.

11. *Трубина З. И.* Обучение грамматическому аспекту речи на основе лексического подхода [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8, № 5. – URL : https://mir-nauki.com/PDF/03PDMN520.pdf (дата обращения: 20.01.2026).

12. *Aitchison J.* Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon. 4th ed. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2012. – 352 p.

13. *Dahigo G. H. A.* The Lexical Approach to language teaching: Evolution or revolution? // Langues et litteratures. – 2011. – № 15. – P. 194–201.

14. *Dellar H., Walkley A.* Teaching Lexically. – Surrey, England : Delta Publishing, 2016. – 152 p.

15. *Krashen S. D., Terrell T. D.* The Natural Approach: Language Acquisition in the Classroom – Oxford : Pergamon Press, 1983. – 191 p.

16. *Lewis M.* Implementing the Lexical Approach: Putting Theory into Practice. – Hove : Language Teaching Publications, 1997. – 223 p.

17. *Lewis M.* The Lexical Approach: The State of ELT and a Way Forward. – Hove : Language Teaching Publications, 1993. – 200 p.

18. *Nattinger J. R., DeCarrico J. S.* Lexical Phrases and Language Teaching – Oxford : Oxford University Press, 1992. – 218 p.

19. *Selivan L.* Lexical Grammar: Activities for Teaching Chunks and Exploring Patterns ; ed. S. Thornbury. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018. – 231 p.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026

REFERENCES

1. Akkuzhina A. M., Rasulaev L. A. Volshebnaya tabletka: leksicheskij podkhod i RKI // Yazykovoe vzaimodejstvie i interkul'tura v kommunikativnom prostranstve prepodavatelya : Materialy nauchno-prakticheskoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. – Ufa : Bashkirskij gosudarstvennyj meditsinskij universitet, 2024. – S. 10–14.

2. Anikina M. N. Lestnitsa. Uchebnik-kniga po russkomu yazyku. Nachinaem izuchat' russkij. – 5-e izd., stereotip. – M. : Russkij yazyk – Media, 2007. – 341 s.

3. Kozhukhova I. V. Leksicheskij podkhod v obuchenii: analiticheskij obzor // Vestnik YuUrGU. Seriya «Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki». – 2020. – T. 12, № 4. – S. 48–60. – DOI 10.14529/ped200405.

4. Miller L. V., Politova L. V., Rybakova I. Ya. Zhili-byli... 28 urokov russkogo yazyka dlya nachinayushchikh. Uchebnik. – SPb. : Zlatoust, 2003. – 152 s.

5. Prokof'eva O. G. O primenenii leksicheskogo podkhoda pri obuchenii anglijskomu yazyku // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). – 2017. – № 11(39). – S. 112–116. – DOI 10.17803/2311-5998.2017.39.11.112-116.

6. Rimondi D. Rabota nad slovom na urokakh russkogo kak inostrannogo v vuze. Osobennosti leksicheskogo podkhoda // Nauka i shkola. – 2018. – № 1. – S. 95–99.

7. Samchik N. N. Ispol′zovanie leksicheskogo podkhoda v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. – 2022. – T. 11, № 4(41). – S. 23–26. – DOI 10.57145/27129780_2022_11_04_05.

8. Svirina O. L. Ob obuchenii leksicheskim blokam // Filologiya i kul'tura. – 2012. – № 3. – S. 282–285.

9. Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka Ok. 2500 slov. st. / Gos. in-t rus. yaz. im. A. S. Pushkina; pod red. P. N. Denisova, V. V. Morkovkina. – 2-e izd., ispr. – M. : Russkij yazyk, 1983. – 688 s.

10. Treskova S. I., Akishina T. E. Russkij yazyk za 10 dnej (dlya govoryashchikh na anglijskom yazyke). – 5-e izd., stereotip. – M. : Russkij yazyk. Kursy, 2006. – 208 s.

11. Trubina Z. I. Obuchenie grammaticheskomu aspektu rechi na osnove leksicheskogo podkhoda [Elektronnyj resurs] // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. – 2020. – T. 8, № 5. – URL : https://mir-nauki.com/PDF/03PDMN520.pdf (data obrashcheniya: 20.01.2026).

12. Aitchison J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon. 4th ed. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2012. – 352 p.

13. Dahigo G. H. A. The Lexical Approach to language teaching: Evolution or revolution? // Langues et litteratures. – 2011. – № 15. – P. 194–201.

14. Dellar H., Walkley A. Teaching Lexically. – Surrey, England : Delta Publishing, 2016. – 152 p.

15. Krashen S. D., Terrell T. D. The Natural Approach: Language Acquisition in the Classroom – Oxford : Pergamon Press, 1983. – 191 p.

16. Lewis M. Implementing the Lexical Approach: Putting Theory into Practice. – Hove : Language Teaching Publications, 1997. – 223 p.

17. Lewis M. The Lexical Approach: The State of ELT and a Way Forward. – Hove : Language Teaching Publications, 1993. – 200 p.

18. Nattinger J. R., DeCarrico J. S. Lexical Phrases and Language Teaching – Oxford : Oxford University Press, 1992. – 218 p.

19. Selivan L. Lexical Grammar: Activities for Teaching Chunks and Exploring Patterns ; ed. S. Thornbury. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018. – 231 p.

The article was contributed on February 12, 2026

Сведения об авторах

Максимычева Марина Сергеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, https://orcid.org/0009-0007-9159-8376, max-marina01@yandex.ru

Гаврилова Ирина Вячеславовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, https://orcid.org/0009-0006-1753-9063, fevral06@rambler.ru

Никитина Александра Валерьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, https://orcid.org/0000-0001-5447-0735, ddddasa@mail.ru

Author Information

Maksimycheva, Marina Sergeevna – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Culturology, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, https://orcid.org/0009-0007-9159-8376, max-marina01@yandex.ru

Gavrilova, Irina Vyacheslavovna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Culturology, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, https://orcid.org/0009-0006-1753-9063, fevral06@rambler.ru

Nikitina, Aleksandra Valeryevna – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Culturology, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, https://orcid.org/0000-0001-5447-0735, ddddasa@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В издании предусматривается размещение оригинальных научных статей по актуальным проблемам филологических и педагогических наук. Публикуются статьи по следующим специальностям:

5. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ	
5.8. Педагогические науки	
5.8.1.	Общая педагогика, история педагогики и образования
5.8.2.	Теория и методика обучения и воспитания
5.8.7.	Методология и технология профессионального образования
5.9. Филологические науки	
5.9.1.	Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.2.	Литературы народов мира
5.9.3.	Теория литературы
5.9.4.	Фольклористика
5.9.5.	Русский язык. Языки народов России
5.9.6.	Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)
5.9.7.	Классическая, византийская и новогреческая филология
5.9.8.	Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9.	Медиакоммуникации и журналистика

Статья должна быть написана научным стилем, которому соответствуют точность передаваемой информации, убедительность аргументации, логическая последовательность изложения, лаконичность, авторитетность; представлять ценность для научного сообщества и отвечать нормам научной этики. Уникальность исследования (процент оригинальности) не может быть менее 85 %.

Не принимаются к рассмотрению крупные статьи, механически разделенные на ряд отдельных сообщений; статьи с описанием результатов незаконченных исследований без определенных выводов; работы описательного характера.

Статья должна иметь:

1) индекс универсальной десятичной классификации (УДК);

2) метаданные:

а) инициалы и фамилию(и) автора(ов) на русском и английском языках (строчными буквами курсивом) – количество соавторов в статье может быть не более 3;

б) заглавие на русском и английском языках (жирным шрифтом строчными буквами);

в) полное название учреждения, города и страны (курсивом), где выполнена работа, на русском и английском языках;

г) благодарность;

д) аннотацию на русском и английском языках;

е) ключевые слова на русском и английском языках;

3) основной текст, включающий следующие подразделы:
а) введение;
б) актуальность исследуемой проблемы;
в) материал и методы исследования;
г) результаты исследования и их обсуждение;
д) выводы;
4) список цитируемой литературы.

В конце статьи должны быть указаны сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность с указанием места работы; домашний адрес с почтовым индексом (для отправки экземпляра журнала), контактный телефон, e-mail; шифр специальности, по которой выполнена работа (согласно номенклатуре специальностей научных работников).

Метаданные статьи

Краткие сведения об авторе(ах). Должны быть указаны инициалы и фамилия автора(ов). При наличии двух и более авторов последовательность их упоминания зависит от вклада в выполненную работу. Состав авторов статьи гарантирует, что все лица, соответствующие критериям авторства, попали в список авторов и что заслуживающие авторства исследователи не исчезли из этого списка. В некоторых случаях необходимо указать в тексте тех, кто дополнительно принимал участие в работе над исследованием. Все авторы должны дать согласие на внесение в список авторов. Любые изменения в списке авторов должны быть одобрены всеми авторами, включая тех, кто исключен из списка.

Заглавие. Название статьи должно быть информативным, лаконичным, отвечать научному стилю текста, содержать основные ключевые слова.

Сведения об организации (аффилиация) включают название организации, где выполнена работа (в четком соответствии с лицензионными документами), указание на город и страну нахождения организации.

Благодарность (Acknowledgement). Выражаются признательность автора(ов) коллегам за помощь и благодарность спонсорам за финансовую поддержку исследования (также необходимо указать грантовые проекты). Уместно упомянуть все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую и техническую поддержку (например, предоставление оборудования/материалов). Согласие на упоминание в благодарности этих лиц является обязательным.

Аннотация (Abstract). Должна быть содержательной, информативной, четко структурированной, т. е. следовать логике изложения материала и результатов исследования в статье, и включать следующие аспекты ее содержания:
– введение (Introduction);
– актуальность исследуемой проблемы (Relevance);
– материал и методы исследования (Materials and Methods);
– результаты исследования и их обсуждение (Results *and Discussion*);
– выводы (Conclusions).

Оптимальный объем аннотации должен составлять 160 слов (не более 260 слов на русском языке или 210 на английском языке). Аннотация является источником основной информации о статье в международных и российских БД (базах данных), а также других реферативных ресурсах. Она должна содержать необходимые термины, позволяющие обнаружить данную статью, используя поисковые элементы.

Ключевые слова (Keywords) включают 5–10 слов и/или устойчивых словосочетаний, по которым в дальнейшем будет выполняться поиск статьи. Ключевые слова должны отражать специфику темы, объект и результаты исследования.

Перевод метаданных. Все метаданные должны быть полностью переведены на английский язык. При переводе заглавия недопустимо использовать транслитерацию с русского языка на латиницу, кроме непереводимых названий собственных имен, также нельзя использовать жаргон, известный только русскоговорящим специалистам.

При транслитерации Ф.И.О. авторов необходимо придерживаться единообразного написания фамилий во всех статьях. Ф.И.О. авторов на английском языке приводятся по международным (англоязычным) правилам с указанием инициала отчества. Перевод места работы дается полностью без использования сокращенного названия.

«Англоязычная» аннотация должна быть написана без использования онлайн-переводчиков. Она не является калькой русскоязычного варианта, а представляет собой стилистически грамотный перевод, следовательно, «русскоязычная» и «англоязычная» аннотации могут различаться по объему.

При переводе автору(ам) необходимо следовать одному из стилей английского языка – американскому или британскому и не допускать их смешивания. Необходимо дробить длинные предложения на несколько коротких, содержащих ясно выраженную мысль, следить за четкостью и понятностью формулирования мыслей при переводе на английский язык.

Оформление статьи

При оформлении статьи необходимо руководствоваться следующими правилами:

1. Статья должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc (*.docx) или *.rtf шрифтом Times New Roman с выравниванием по ширине и автоматическим переносом слов. При использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке. Размер шрифта – 14. Абзацный отступ – 1 см (5 знаков). Интервал – полуторный. Формат бумаги – А4. Поля: слева – 3 см, справа, сверху и снизу – 2 см.

2. Таблицы должны содержать экспериментальные данные и представлять собой обобщенные и статистически обработанные материалы исследований. Каждая таблица должна иметь заголовок, быть обязательно пронумерована и упомянута в тексте.

3. Количество иллюстраций не должно превышать 5, данные рисунков не должны повторять материалы таблиц. Рисунки должны быть четкими, легко воспроизводимыми, обязательно пронумерованы, упомянуты в тексте и иметь подрисуночные подписи и объяснение значений всех условных обозначений. Все надписи, загромождающие иллюстрации, выносятся в подрисуночные подписи. В электронном виде каждый из иллюстративных материалов (рисунки, графики и т. п.) следует представлять отдельным файлом, имя файла должно быть в следующем формате: фамилия автора латиницей и номер материала, например: Ivanov_image-1.jpg. Полноцветные иллюстрации не допускаются. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах tiff, eps, jpg. Для сканированных изображений разрешение должно быть: для тоновых – не менее 300 dpi, для штриховых – не менее 600 dpi.

4. Предполагается, что все таблицы и рисунки созданы автором, если не указано иное. За точность воспроизведения имен, цитат, формул, данных, а также ссылок на использованные в статье другие работы ответственность несет автор статьи.

5. Формулы и буквенные обозначения по тексту должны быть набраны в среде редактора формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman. В формулах следует избегать громоздких обозначений. Формулы располагаются по центру страницы, в случае необходимости нумеруются.

6. Сокращение слов, имен, названий, кроме общепринятых сокращений мер, физических и математических величин и терминов, допускается только с первоначальным указанием полного названия.

Разделы статьи

Объем публикации. В зависимости от типа статьи объем материала может существенно различаться:

– *оригинальная научная статья* (Full Article) – не менее 10 и не более 20 страниц;

– *обзорная статья* (Review paper/perspectives) – критическое обобщение какой-либо исследовательской темы – 10–15 страниц.

Структура. Статья должна содержать 5 основных блоков: 1) введение; 2) актуальность исследуемой проблемы; 3) материал и методы исследования; 4) результаты исследования и их обсуждение; 5) выводы.

Блок «Введение» должен содержать формулировку темы исследования; обзор литературы по обозначенной теме; постановку проблемы, указание на цель исследования.

Блок «Актуальность исследуемой проблемы» содержит информацию об актуальности и значимости предлагаемого исследования.

Блок «Материал и методы исследования» включает описание материала исследования, используемой методологии, указание на методы и условия проведения экспериментов и/или наблюдений и необходимое оборудование.

Блок «Результаты исследования и их обсуждение» содержит фактические и теоретические результаты исследования, интерпретацию полученных результатов, включая соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложения по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований.

Блок «Выводы» содержит краткие итоги разделов статьи *без повторения формулировок, приведенных в предыдущих разделах статьи*.

Списки литературы и цитирование

Авторы обязаны предоставить два списка литературы: один (Список литературы) – оформленный с учетом требований российских БД, второй (References) – с учетом требований иностранных БД на латинице.

Список литературы предполагает наличие не менее 10 позиций и приводится в виде алфавитного списка. При оформлении «русскоязычного» списка литературы следует руководствоваться требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008. Процент ссылок на статьи из отечественных источников должен соответствовать наличию/размеру исследований в российском научном сегменте по данной тематике. В список литературы не включаются источники, наличие и научную ценность которых невозможно проверить (учебные пособия, методические рекомендации, тезисы материалы локальных конференций и др., не представленные в сети интернет в свободном доступе).

Цифровой идентификатор объекта (DOI) (при наличии) цитируемой статьи указывается обязательно.

В журнале практикуется Ванкуверский стиль цитирования: ссылки в тексте даются в квадратных скобках с указанием номера из списка литературы и страницы (при необходимости), откуда приводится цитата, например: [1, с. 377]. В статье должны быть представлены ссылки на все приводимые в списке литературы источники. Ипользование автоматических постраничных ссылок не допускается.

Самоцитирование демонстрирует вклад автора работы в исследуемую научную область. Процент самоцитирования не должен превышать 10 %, доля ссылок на другие статьи, раннее опубликованные в нашем журнале, не может быть выше 10–12 %.

Предпочтение при цитировании следует отдавать авторитетным российским журналам, индексируемым или имеющим перспективы индексирования в международных научных базах данных.

Доля ссылок на публикации из иностранных источников должна показывать международный интерес к тематике статьи. В обязательном порядке должны быть представлены зарубежные публикации, изданные в течение последних 5 лет, а также статьи, опубликованные в изданиях, индексируемых в Scopus и Web of Science.

Опубликование научной статьи

Публикация статьи в журнале осуществляется в соответствии с **договором публичной оферты**, **условиями публикации**, **прейскурантом на публикацию статей**.

Действие договора возникает с момента отправки:

а) статьи;

б) заявления;

в) заполненной анкеты автора.

В отдельных случаях уместно направить в журнал краткий запрос с описанием темы и основных положений статьи, чтобы убедиться в возможности рассмотрения предлагаемой статьи.

Аспиранты и магистранты дополнительно отправляют отзыв научного руководителя и справку с места учебы, подтверждающую обучение в аспирантуре (магистратуре), с указанием сроков обучения, подписанную руководителем организации.

В редакцию Вестника статья направляется в электронных вариантах (в одном из форматов Word (*.doc, *.docx или *.rtf) и дублируется файлом в PDF), при наличии возможности печатный экземпляр работы и подписанные документы отправляются на почтовый адрес редакции.

Название файла должно быть представлено в следующем виде: фамилия и инициалы (имя и отчество) автора, написанные кириллицей, например: *Иванов И. И.docx*. Если авторов несколько, в названии файла указываются в порядке значимости все авторы: *Иванов И. И., Петров И. И, Сидоров И. И.docx*. Все страницы статьи, включая иллюстрации, должны быть пронумерованы. Материалы в архивированном виде не принимаются.

Поступление статьи в редакцию означает полное согласие автора(ов) с правилами Вестника. Автор(ы) гарантирует(ют), что конфликт интересов отсутствует и было получено согласие на публикацию статьи организации, в которой проводилось исследование. Редакция вправе отказаться от исполнения услуг в одностороннем порядке или приостановить выполнение обязательств по договору в случаях невыполнения обязательств со стороны автора(ов) статьи.

От даты принятия статьи в портфель журнала до ее публикации может пройти от 1 до 2 кварталов. Все материалы по присланным статьям (в том числе рецензии и переписка с авторами) хранятся в редакции в течение 5 лет. Рукописи авторам не возвращаются.

В журнале принято ограничение на возможное количество статей одного автора в одном выпуске Вестника – одна статья, выполненная индивидуально, или не более двух статей, выполненных в соавторстве.

Рецензирование

Принятые редакцией рукописи подлежат обязательному рецензированию. Порядок и формы рецензирования, требования к составу рецензентов, сроки и условия рецензирования определены «Положением о рецензировании научных статей, представленных для публикации в “Вестнике Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева”».

Рецензентами Вестника являются авторитетные ученые, проводящие исследования по проблемам в рамках тематических областей журнала. Рецензент оценивает научный

уровень, достоверность результатов исследования, теоретическую и практическую значимость, соответствие статьи направлениям журнала, принятым этическим нормам и принципам научно-публикационного процесса и др.

Рецензирование в журнале осуществляется на основе принципа двойного слепого (анонимного) рецензирования (double-blind). По итогам рецензирования автору(ам) может быть предложено внести правки, доработать материал или продолжить исследования далее. Необходимые правки следует вносить строго в обозначенный редакцией срок; в случае возникновения вопросов редакция берет на себя разъяснительную функцию.

Критические замечания рецензентов и указания на недостатки помогают доработать представленный материал. На основании рекомендаций рецензентов редколлегия Вестника принимает решение о возможности публикации статьи.

Журнал может привлекать внешних рецензентов (т. е. экспертиза рукописи может проводиться независимыми от журнала учеными, не входящими в его редколлегию).

Не принимаются в работу рецензии, пришедшие от авторов вместе со статьей, так как это является нарушением политики и этики научного издания. Редакция не имеет обязательств по рецензированию всех поступающих материалов и не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора 3

Людмила Николаевна Оркина 4

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Афян К. А., Сергиенко Н. А. — Классификации лексических единиц в исследовании образа *Севера* в английском языке 5

Ахвандерова А. Д., Денисова Т. В. — Современное состояние диалектов чувашского языка: проблемы классификации и перспективы изучения 15

Белова А. П. — Вещное поле Евграфа Миронова в контексте христианской идеи смирения (на материале трилогии В. И. Белова «Час шестый») 23

Вихрова К. А. — Внутритекстовая роль эпиграфа в романе Хьюберта Селби-мл. «Бес» 31

Глибина А. А. — Функционирование окказиональных слов с отрицательной коннотацией во вторичных текстах российского псевдонаучного дискурса 39

Голубева В. К. — Грамматика речевого этикета: предложно-падежные формы как клише 46

Димитриева О. А., Лукьянова В. Э. — Термины родства *асатте / асанне* в моделировании картины мира чувашских загадок: небесные светила и природные явления 53

Загуменнов А. В. — Интерпретативный потенциал синтаксических конструкций с союзом «сирĕчь» в текстах протопопа Аввакума в ракурсе филологической герменевтики 62

Золотова Т. А., Плотникова Е. А., Токтарова В. И. — От фольклорного архива к цифровой среде интерпретации: проблемы и практики цифровизации региональных коллекций 69

Карташова Е. П., Рыбакова Т. В. — Художественное время, художественное пространство и языковые средства их репрезентации в лирико-философской прозе XIX–XXI вв. 79

Кокора Ю. В., Лучинская Е. Н. — Слово как символ: методология интерсемантического перевода 89

Кормилина Н. В., Шугаева Н. Ю. — Лингвистические средства реализации языковой игры в литературных сказках Роальда Даля 95

Кузнецов И. А. — «Некооперативная фатика» в неформальной вопросно-ответной диалогической коммуникации на русском языке: корпусно-дискурсивный анализ 105

Кузнецова И. В. Османизмы – названия блюд из мяса и риса во фразеологии некоторых балканских славян 114

Лановая Т. В. Искусственный интеллект как квазисубъект лингвистических исследований 123

Локтевич Е. В. Диалог очевидных и неочевидных нарративов креативного опыта в песенной поэзии Александра Ильина (альбом «План Ломоносова VI», 2023) 133

Луговская Е. Г., *Грудина Е. К.* Экзистенциальное портретирование как критический метод: лингвориторический анализ статьи Д. С. Мережковского «Немой пророк» 143

Мкртчян Т. Ю., *Макарова Ж. В.* Сопоставительный анализ статистических и типологических характеристик языков программирования 154

Никифорова В. В. Художественное отображение национальной идентичности в современном русскоязычном романе Чувашии 163

Петрова И. М., *Мичугина С. В.* Семантическая диффузия концептов *удивление* и *восхищение* в практике англо-русского художественного перевода 168

Селиверстова Е. И., *Бай Г.* Компаративные конструкции с компонентами *барабан* и *бубен* в художественном тексте 178

Соколова В. Л. Конститутивное содержание понятия «культурный код» в алжирском франкоязычном романе 185

Старостина Ю. С., *Исаева О. С.* Лингвоаксиологический потенциал номинативных единиц в американском и британском учебно-юридическом дискурсе: сопоставительная интерпретация 193

Сырысева Д. Ю. Транстемпоральная экзистенция в романе Ильдара Абузярова «Корабль Тесея. Черно-белый роман» 202

Сытник О. С. Функциональная триада вежливости как механизм регуляции конструктивной англоязычной коммуникации 211

Халиуллина Д. А. Словообразовательный аспект оружейного дискурса Удмуртской Республики 223

Хмелевский М. С., *Раина О. В.* Окружающий литовцев мир сквозь призму метафорики и фразеологии 232

Цатурян М. М., *Марк А. Ю.* Особенности передачи названий фильмов как лингвокультурная проблема 239

Щукина К. А. Прецедентная композиция как уровень организации интернет-мема 247

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мазилина Д. А. Формирование навыков публичного выступления у студентов медицинского вуза: контекстный подход 259

Максимычева М. С., *Гаврилова И. В.*, *Никитина А. В.* Лингвометодические основы внедрения лексического подхода в преподавание русского языка как иностранного 267

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 279

CONTENT

From Editor-in-Chief 3

Lyudmila Nikolaevna Orkina..... 4

PHILOLOGY

Afyan K. A., Sergienko N. A. — Classifications of lexical units in the study of the image of the North in English..... 5

Akhvanderova A. D., Denisova T. V. — Current state of the Chuvash language dialects: classification issues and prospects for research 15

Belova A. P. — Evgraf Mironov's material field in the context of the Christian idea of humility (based on V. I. Belov's trilogy "The Sixth Hour")..... 23

Vikhrova K. A. — Intertextual role of the epigraph in Hubert Selby Jr.'s novel "The Demon"..... 31

Glibina A. A. — Peculiarities of negative nonce words functioning in secondary texts of Russian pseudoscientific discourse..... 39

Golubeva V. K. — Grammar of speech etiquette: prepositional-case forms as clichés ... 46

Dimitrieva O. A., Lukyanova V. E. — Kinship terms *асатте / асанне* in modeling the worldview of Chuvash riddles: celestial bodies and natural phenomena..... 53

Zagumennov A. V. — Interpretative potential of syntactic constructions with the conjunction "sirech" in the texts of Protopop Avvakum from philological hermeneutics' view..... 62

Zolotova T. A., Plotnikova E. A., Toktarova V. I. — From a folklore archive to a digital environment of interpretation: problems and practices of digitization of regional collections 69

Kartashova E. P., Rybakova T. V. — Artistic time, artistic space and linguistic means of their representation in lyrical and philosophical prose of the 19th-21st centuries..... 79

Kokora Yu. V., Luchinskaya E. N. — The word as a symbol: methodology of intersemantic translation 89

Kormilina N. V., Shugaeva N. Yu. — Linguistic means of implementing language game in Roald Dahl's literary fairy tales..... 95

Kuznetsov I. A. — "Non-cooperative phatics" in informal question-and-answer dialogic communication in Russian: corpus-discursive analysis..... 105

Kuznetsova I. V. Osmanisms – names of meat and rice dishes in the phraseology of some Balkan Slavs 114

Lanovaya T. V. Artificial intelligence as a quasi-subject of linguistic research..... 123

Loktevich E. V. Dialogue of obvious and non-obvious narratives of creative experience in Alexander Ilyin's song poetry (album "Plan of Lomonosov VI", 2023) 133

Lugovskaya E. G., Grudina E. K. Existential portraiture as a critical method: linguorhetorical analysis of D.S. Merezhkovsky's essay "The Silent Prophet" 143

Mkrtchyan T. Yu., Makarova Zh. V. Comparative analysis of statistical and typological characteristics of programming languages 154

Nikiforova V. V. Artistic representation of national identity in the modern Russian-language novel of Chuvashia 163

Petrova I. M., Michugina S. V. Semantic diffusion of the concepts *surprise* and *admiration* in English-Russian literary translation..... 168

Seliverstova E. I., Bay G. Comparative constructions with the components "drum" and "tambourine" in literary texts 178

Sokolova V. L. Constitutive content of the concept "cultural code" in the Algerian French-language novel..... 185

Starostina Yu. S., Isaeva O. N. Linguo-axiological potential of nominative units in American and British legal academic discourse: a comparative interpretation 193

Syryseva D. Yu. Transtemporal existence in Ildar Abuzyarov's "The Ship of Theseus: A Black and White Novel"..... 202

Sytnik O. S. The functional triad of politeness as a regulatory mechanism in constructive English-medium communication..... 211

Khaliullina D. A. Word-building aspect of weapons discourse of the Udmurt Republic 223

Khmelevsky M. S., Raina O. V. The world around Lithuanian nation through the lens of metaphors and phraseology 232

Tsaturyan M. M., Mark A. Yu. Peculiarities of translating film titles as a linguocultural problem 239

Shchukina K. A. Precedent composition as a level of internet meme organization..... 247

PEDAGOGICS

Mazilina D. A. Formation of public speaking skills among medical university students: contextual approach..... 259

Maksimycheva M. S., Gavrilova I. V., Nikitina A. V. Linguistic and methodological foundations for introducing a lexical approach to teaching Russian as a Foreign Language 267

INFORMATION FOR THE AUTHORS 279

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА

2026. № 1(130)

Редакторы Д. В. Андреева,
Е. Н. Засецкова

Корректор З. Н. Якушкина

Компьютерная верстка, макет А. В. Савинкина

Подписано в печать 21.04.2026. Выход в свет 28.04.2026.
Формат 70x100/8. Бумага писчая.
Печать оперативная. Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 36,1.
Тираж 500 экз. Заказ № 600. Цена свободная.

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева
428000, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 38

Отпечатано в редакционно-издательском центре
Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева
428000, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 38